

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Scopus[®]

Clarivate
Web of Science[™]

OPEN
ACCESS

We are
Crossref
Member

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU
РИНЦ

DOAJ

NSD ERIH PLUS
EUROPEAN REFERENCE INDEX FOR THE
HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

Dimensions

Google
scholar

CYBERLENINKA

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 13, выпуск 4, 2024

NAUCHNYI DIALOG
Volume 13, Issue 4, 2024

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 13, выпуск 4, 2024

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	snior@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

География авторов выпуска	Баку (Азербайджан)	Пенза
	Владикавказ	Псков
	Екатеринбург	Санкт-Петербург
	Кемерово	Тамбов
	Москва	Тюмень
	Нижний Новгород	Ульяновск
	Новокузнецк	Уфа
	Новосибирск	Элиста
Авторы, имеющие ученую степень	89 %	

© Центр научных и образовательных проектов, 2024

Дата выхода в свет 22.05.2024

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 13, Issue 4, 2024

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-86214 of 27.10.2023
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publisher	Centr naučnyh i obrazovatel’nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal’s web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vostochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed
© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2024	

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакommunikации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**Языкознание. Медиакommunikации. Журналистика**

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)

Андреана Борисова Ефимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)

Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)

Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)

Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)

Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)

Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)

Александр Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)

Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)

Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)

Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)

Татьяна Алексеевна Савоскина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)

Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)

Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)

Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)

Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)

Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)

Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)

Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)

Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)

Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))

Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)

Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)

Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)

Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)

Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

Содержание

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Бускупбаева Л. А., Рахматуллина З. Я.</i> Кодовые переключения в текстах башкирских такмаков-частушек (прагматические аспекты)	9
<i>Васильева К. В., Никитина Т. Г., Розалёва Е. И.</i> Дизайн городской среды в молодежной сленговой интерпретации : лингвоаксиологический и лексикографический аспекты	32
<i>Кожемякина В. А.</i> Социолингвистическая характеристика метисов Канады.....	51
<i>Рабенко Т. Г., Денисова Э. С.</i> Жанр «обещание» как отражение интенциональной и лингвистической организации виртуального педагогического дискурса	71
<i>Цопанова Р. Г., Царикаева Ф. А., Качмазова Е. С.</i> Метафора в литературно-критическом тексте (на материале осетинского языка)	93

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Ким Л. Г., Устинова М. В.</i> Интенциональный автор как субъект виртуальной коммуникации (на материале новостного контента корпоративных сайтов).....	112
<i>Морина Л. А.</i> Зоны риторических рисков в медиатекстах турбулентного времени	132

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Абдикалык К., Балтабаева Н., Кожекеева Б.</i> Трагическое в стихотворении М. Дулатова «Кайда едің?» (Где были вы?).....	153
<i>Анохина Ю. Ю.</i> Женские образы романов Ф. М. Достоевского в истолковании Вяч. Иванова.....	172
<i>Богданова О. В., Баранова Т. Н.</i> Религиозные мотивы в советской прозе М. Шолохова (рассказ «Семейный человек»)	189
<i>Захарова В. Т., Кудрявцева И. С.</i> Символика природной образности в прозе русского Зарубежья (Е. Ю. Скобцова, Н. Д. Городецкая, В. А. Никифоров-Волгин).....	207
<i>Лобин А. М.</i> Мифологизация образа Марата Кирова в романе А. Тургенева «Спать и верить. Блокадный роман»	230
<i>Потапова К. А.</i> Образ тверди небесной в поэтической космологии «Вечеров на хуторе близ Диканьки»	249
<i>Тарвердиева С. Е.</i> Темы любви и одиночества в современной женской прозе Азербайджана.....	269
<i>Тимакова А. А.</i> Шекспировский театр в критике и публицистике П. Д. Боборыкина.....	285

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Антошкин А. В. Снабжение населения Башкирии в годы Великой Отечественной войны : сбои и нарушения	307
Бадмаева Е. Н. Советское государство и кочевые народы Юга России : социально-политические процессы и природно-климатические факторы (1920–1930-е годы)	324
Белоусов С. С. Переселенческая политика в Астраханской области в 1944—1945 годах	346
Бодрова Е. В., Калинов В. В., Красивская В. Н. Эволюция государственной научно-технической политики в СССР во второй половине 1960-х годов	363
Бугров К. Д. Дворцы культуры Урала в контексте архитектурной политики СССР (1920—1980-е годы)	383
Красильникова Е. И. Историческое прошлое и историко-культурное наследие бурят в отражении журнала «Сибирские огни» (1920—1980-е годы) : аспект политики памяти	408
Ловцов В. А., Лямин С. К. Провинциальная административная элита и Государственная Дума : карьерные и родственные связи (1907—1912 годы)	430
Мамяченков В. Н., Мотревич В. П. Рабочие и служащие Башкирии и Удмуртии в 1940—1955 годах : численность и заработная плата	446
Муслимова Е. О., Нестеров А. Г. Территориальные сообщества Франции в системе международного сотрудничества со странами и регионами Востока (XX—XXI вв.)	464
Новиков М. Д. Отношение советских граждан к государственным займам 1946—1957 годов после их отмены (на материалах источников личного происхождения)	483
Старикова Н. В., Шуришкова А. В., Суровегина Е. С. Городское население Нижнего Новгорода в первой половине 1920-х годов : досуговые практики	506
Файзуллина Г. Ч., Ермакова Е. Н., Фаизова Л. Х. Мусульмане Tobольской губернии во второй половине XIX века : динамика брачности	529
АВТОРАМ	550
CONTENTS	556

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

Валентина Алексеевна Кожемякина, канд. филол. наук (Москва)
Езетхан Сергеевна Качмазова, канд. филол. наук (Владикавказ)
Елена Ивановна Рогалёва, д-р филол. наук (Псков)
Зугура Ягануровна Рахматуллина, д-р филос. наук (Уфа)
Кристина Вячеславовна Васильева, старший педагог (Санкт-Петербург)
Лилия Айсовна Бускунбаева, канд. филол. наук (Уфа)
Рита Георгиевна Цопанова, д-р филол. наук (Владикавказ)
Татьяна Геннадьевна Никитина, д-р филол. наук (Псков)
Татьяна Геннадьевна Рабенко, д-р филол. наук (Кемерово)
Фатима Ахсарбековна Царикаева, канд. пед. наук (Владикавказ)
Эльвира Степановна Денисова, канд. филол. наук (Кемерово)

Информация для цитирования:

Бускунбаева Л. А. Кодовые переключения в текстах башкирских такмаков-частушек (прагматические аспекты) / Л. А. Бускунбаева, З. Я. Рахматуллина // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 9—31. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-9-31.

Buskunbaeva, L. A., Rakhmatullina, Z. Ya. (2024). Code-Switching in Bashkir Takhmaks-Chastushkas (Pragmatic Aspects). *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 9-31. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-9-31. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Кодовые переключения в текстах башкирских такмаков-частушек (прагматические аспекты)

Бускунбаева Лилия Айсовна
orcid.org/0000-0003-3495-3742
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
отдела прикладной лингвистики
и диалектологии Института
истории, языка и литературы
корреспондирующий автор
buskl@yandex.ru

Рахматуллина Зугура Ягануровна
orcid.org/0000-0001-9778-5243
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела
фольклористики Института истории,
языка и литературы
faia7@yandex.ru

Уфимский федеральный
исследовательский центр
Российской академии наук
(Уфа, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-28-01343,
<https://rscf.ru/project/23-28-01343>

Code-Switching in Bashkir Takhmaks-Chastushkas (Pragmatic Aspects)

Liliya A. Buskunbaeva
orcid.org/0000-0003-3495-3742
PhD in Philology, Senior Researcher,
Department of Applied Linguistics
and Dialectology, Institute of History,
Language and Literature,
Corresponding author
buskl@yandex.ru

Zugura Ya. Rakhmatullina
orcid.org/0000-0001-9778-5243
Doctor of Philosophy, Professor,
Chief Researcher, Department
of Folkloristics, Institute of History,
Language and Literature
faia7@yandex.ru

Ufa State Research Center
of the Russian Academy of Sciences
(Ufa, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-01343,
<https://rscf.ru/project/23-28-01343>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлен прагмалингвистический анализ языковых переключений, зафиксированных в образцах такмаков-частушек, являющихся жанровой разновидностью башкирской народной песни с широким тематическим диапазоном и исполняемых в речитативном и напевно-речитативном мелодическом стиле. Материалом для анализа выступили экспедиционные записи авторов, образцы такмаков-частушек, включенные в отдельный том многотомного систематизированного научного издания «Башкирское народное творчество». Показано, что в башкирском песенном фольклоре функционирует большое количество билингвальных такмаков, возникновение которых обусловлено многовековыми языковыми контактами и длительным проживанием на одной территории представителей башкирского и русского народов. Выявлены ключевые прагматические функции кодовых переключений (юмористическая, рифмообразующая и референтная), которые могут быть совмещены в рамках одной реализации кодовых переключений. Несмотря на различия двух языковых систем, сочинитель такмаков, смешивая лексемы башкирского и русского языков, добивается смысловой, композиционной и структурной целостности текста. Подчеркивается, что переключение кодов производится с целью создания юмористического эффекта, привлечения внимания аудитории, сохранения рифмы и ритма такмака, компенсации речевых лакунов. Если заменить иноязычный материал исконным и привести его в соответствие с нормами родного языка, то такмаки утратят юмористический оттенок.

Ключевые слова:

башкирский язык; билингвизм; русский язык; фольклор; такмак; кодовые переключения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper presents a pragma-linguistic analysis of language switches observed in samples of Takhmaks-Chastushkas, a genre of Bashkir folk songs with a wide thematic range performed in a recitative and melodic-recitative style. The material for analysis comes from expedition records of the authors, samples of Takhmaks-Chastushkas included in a separate volume of the multi-volume systematic scientific publication "Bashkir Folk Creativity". It is demonstrated that a large number of bilingual Takhmaks function in Bashkir song folklore, their emergence influenced by centuries-old language contacts and the prolonged cohabitation of representatives of the Bashkir and Russian peoples on the same territory. Key pragmatic functions of code-switching (humorous, rhyme-forming, and referential) are identified, which can be combined within one realization of code-switching. Despite differences between the two language systems, the composer of Takhmaks achieves semantic, compositional, and structural integrity of the text by mixing lexemes from the Bashkir and Russian languages. It is emphasized that code-switching is done to create a humorous effect, attract the audience's attention, maintain rhyme and rhythm of the Takhmak, and compensate for speech gaps. If foreign material is replaced with native language content and brought into line with the norms of the native language, Takhmaks lose their humorous nuance.

Key words:

Bashkir language; bilingualism; Russian language; folklore; Takhmak; code-switching.

УДК 81'246.2+811.512.141+811.161.1

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-9-31

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.4. Фольклористика

Кодовые переключения в текстах башкирских такмаков-частушек (прагматические аспекты)

© Бускунбаева Л. А., Рахматуллина З. Я., 2024

1. Введение = Introduction

Особое место в башкирском устном народном творчестве занимает песенная лирика, которая включает в себя следующие жанры: бытовые, любовные, застольные, шуточные песни и частушки. Популярны среди современников «такмаки-частушки, представляющие собой короткие скорые песенки (кыска күй) плясового характера, злободневного, задорно-шутливого либо сатирического содержания. Такмаки вобрали в себя жизненный оптимизм народа, умение критически и с юмором оценивать свои недостатки и пороки, огромный творческий потенциал его неунывающей души» [Рахматуллина, 2000, с. 271].

Такмак, являясь одним из древних жанров башкирского музыкально-поэтического фольклора, бытующим сегодня повсеместно, представляет собой четырехстрочную (реже трехстрочную) ритмическую припевку, реализующую различные функции: развлекательные, обрядовые, агитационные и другие.

Исследователи башкирских такмаков отмечают их тематическую широту [Баимов, 2001, с. 10; Хакимьянова, 2019, с. 499]. В них ярко и точно раскрывается внутренний мир героя, сквозь призму его чувств дается оценка окружающей действительности [Баимов, 2001, с. 4].

Такмаксы (частушечник) в шуточной форме ненавязчиво и просто высказывает свое мнение по отношению к той или иной ситуации: «Даже тогда, когда поднимают остросоциальные проблемы, в них наличествует элемент юмора» [Там же, с. 35].

Например, в следующем образце поднимается актуальная проблема для современного башкирского общества — незнание детьми родного языка (здесь и далее осуществляется построчный перевод частушек; иноязычные слова в текстах такмаков выделены жирным шрифтом):

*Баба, тиен, деда, тиен,
Ейәнем килеп етә.
Һау булығыз, тугандар, тин
Калаға кайтып китә.*

*Здравствуй, баба, здравствуй, деда —
Приезжает к нам внучок.
До свидания, родные, —
Уезжает в городок.*

В башкирском народном творчестве такмак как один из самых пространственных жанров песенного фольклора изучен достаточно полно. Исследования ведутся преимущественно в культурологическом и искусствоведческом аспектах. Учеными рассмотрена проблема генезиса такмака, определены этапы развития жанра, разработана внутрижанровая классификация, исследованы их тематика, поэтика и мелодика [Баимов, 2001; Киреев, 1950; Башкорт халык ижады ..., 1977; Башкорт халык ижады ..., 1981; Хакимьянова, 2019 и др.]. В то же время тексты башкирских такмаков практически не подвергались лингвистическому анализу.

В рамках данной статьи предпринимается попытка исследования кодовых переключений, зафиксированных в текстах башкирских такмаков.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Переключение языкового кода — это сложный и многомерный процесс, который может зависеть от разных факторов, включая мультиязыковую среду, социальные нормы и прагматические составляющие речевой коммуникации. Кодовые переключения, являясь предметом контактной лингвистики, представляют собой включение языковых единиц гостевого языка (либо языков) в матричный язык в рамках одного коммуникативного акта [Myers-Scotton, 1993; Тихомирова, 2021, с. 3; Эбзеева и др., 2012, с. 138]. Основной сферой реализации кодовых переключений является разговорная речь, которой присущи неподготовленность, спонтанность, отсутствие времени на обдумывание структуры предложения либо уместности употребления того или иного слова. Низкая языковая компетенция, сильное влияние контактирующего языка на родной язык являются главными причинами возникновения кодовых переключений в речи билингва. Именно такие иноязычные вкрапления стали объектом многих лингвистических исследований [Чиршева, 2004; Гаврилова, 2014; Зурабова, 2021; Курилова, 2023 и др.]. Кодовые переключения в художественных и публицистических текстах, выступая в качестве выразительного средства речи, представляют собой стилистический прием, позволяющий автору воссоздать конкретную историческую действительность, определенный колорит и атмосферу происходящих событий либо показать специфику речевого портрета литературного персонажа [Мишинцева, 2011; Немонечная, 2006].

В условиях массового башкирско-русского двуязычия переключение языковых кодов нашло широкое распространение и в башкирском языке [Бускунбаева, 2022]. Примеры кодовых переключений находят отражение не только в устной речи, но и в произведениях устного народного творчества. Как показывают анализируемые фольклорные тексты, больше всего иноязычный материал зафиксирован в текстах башкирских такмаков, характеризующихся юмористическим либо сатирическим содержанием. Переключение языковых кодов не только придает тот или иной оттенок и шутливую форму тексту, но и позволяет привлечь внимание публики. В тексты такмаков могут быть включены не только отдельные неассимилированные слова русского языка, но и словосочетания, целые предложения, занимающие всю частушечную строку.

Функционирование в башкирском фольклоре билингвальных такмаков, то есть созданных при помощи использования лексических ресурсов как родного башкирского, так и русского языков, отмечаются многими учеными.

Б. С. Баимов появление первых билингвальных такмаков в башкирском языке связывает с «зимагорами», то есть сельскими жителями, уходившими в пореформенный период на прииски и рудники в поисках сезонной работы. В процессе общения с русским населением они перенимали не только обычаи и привычки, но и мотивы русской частушки. Вследствие этого «такмак приобретает некоторые черты частушек, использует отдельные их образы, мелодические обороты, некоторые интонации, слова» [Баимов, 2001, с. 54].

А. М. Хакимьянова также отмечает бытование билингвальных такмаков, создающихся путем включения русских слов в тексты данного жанра. В качестве основной причины широкого распространения таких такмаков исследователь указывает на полиэтничность среды в Республике Башкортостан, способствующую взаимодействию разных культур [Хакимьянова, 2023, с. 98].

По мнению И. Е. Карпухина, широкое распространение двуязычия в республике обуславливает возникновение билингвальных частушек-такмаков в фольклоре всех местных нерусских народов, «сохранивших свое этническое лицо» [Карпухин, 2018], в том числе и башкир. Данная «разновидность художественного творчества не затухает в Башкортостане и является живым свидетельством межатнического сотворчества разных народов, осуществляемого по зову сердца безымянными авторами» [Карпухин, 2018]. Автор в своей работе выделяет следующие способы их создания: частичный перевод частушек на родной язык; творческая переработка русских частушек; внесение в частушки отдельных нерусских слов или, наоборот, внесение отдельных русских слов в нерусские такмаки; созда-

ние новых текстов по аналогии с существующими частушками-такмаками [Там же].

Действительно, активный билингвизм (в некоторых случаях и полилингвизм) в Республике Башкортостан, функционирующий в результате длительного проживания на одной территории представителей различных национальностей, способствует появлению билингвальных (и даже полилингвальных) такмаков. Свободно владея двумя и более языками, частушечники часто прибегают к включению русского языкового материала в текст такмаков для создания языковой игры, выполнения ритмо- и рифмообразующей функции и заполнения речевой лакуны при возникновении затруднений в выборе нужной лексической или структурной единицы на родном языке.

В качестве материала анализа выступили образцы такмаков, включенные в отдельный том многотомных систематизированных научных изданий «Башкирское народное творчество» [Башкорт халык ижады ..., 1981; Башкорт халык ижады ..., 1977], и экспедиционные записи авторов. Такмак по праву является одним из наиболее распространенных жанров современного устного народного творчества башкир, что подтверждается и экспедиционными материалами. Во время экспедиционных выездов на просьбу рассказать какой-либо фольклорный материал информанты в первую очередь *такмак әйтәләр* ‘поют частушки’ (букв. «говорят частушки»).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Мотивированное переключение кодов в башкирских такмаках

Активное включение в текст такмаков ресурсов русского языка преимущественно является мотивированным, когда их употребление реализуется намеренно, сознательно и с определенными целями. Такой же точки зрения придерживается и Е. В. Головкин, утверждающий, что «подобные примеры в фольклоре, несомненно, свидетельствуют о сознательном языковом творчестве носителей» [Головкин, 2001, с. 308].

Мотивированное переключение кодов с башкирского языка на русский в такмаках выполняет следующие основные прагматические функции: юмористическую (языковую игру), ритмо-и рифмообразующую.

3.1.1. Языковая игра

Жанровая специфика башкирских такмаков позволяет в полной мере реализовать творческую функцию языка. Эпитеты, сравнения, метафоры, прием метонимии, каламбуры, повторы, оксюморон, окказионализмы и т. д., широко используемые при создании такмаков, позволяют усилить юмористический эффект, привлечь внимание аудитории, создать атмосферу и др.

Все вышеперечисленные средства выразительности порождают языковую игру, которая определяется как «...определённый тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном нарушении системных отношений языка, то есть на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя или читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [Стилистический энциклопедический словарь..., 2006, с. 58]. Однако языковая игра строится не на тотальном и бессистемном нарушении языковых норм, а на балансировании на грани. Такие нарушения «происходят по определенным правилам, подчиняются некоторым закономерностям» [Норман, 2006, с. 10].

Наряду с языкотворческой, экспрессивной и др. функциями языковой игры многими учеными в качестве основной отмечается именно юмористическая (либо комическая) функция [Норман, 2006, с. 8; Гридина, 1996, с. 3; Мусийчук и др., 2016]. В. Б. Меркурьева и Н. Л. Каскевич, исследуя смешанные колониальные песни российских немцев, приходят к выводу, что смешение двух языковых регистра в одном тексте приводит к осознанному комическому эффекту [Меркурьева и др., 2017, с. 65].

Функционирование в башкирских такмаках большого количества кодовых переключений (либо игрового билингвизма) может быть обусловлено и языковой игрой, то есть «намеренным столкновением разных коммуникативных кодов» [Карасик, 2021, с. 22].

Переключение языковых кодов в такмаках часто сопровождается различными приемами, с помощью которых достигается юмористический эффект. Одним из самых действенных средств достижения такого результата является намеренное искажение иноязычного слова, употребление неправильных аффиксов у неассимилированных слов, несвойственных для башкирского языка словообразований и синтаксических конструкций.

3.1.1.1. Гибридное словообразование

В текстах такмаков часто встречаются окказиональные новообразования, созданные нетипичными для башкирского языка способами и имеющие сильную эмоционально-экспрессивную окраску. Они возникают в процессе сочинения спонтанно, являются оригинальным творческим продуктом такмаксы-чашушечника и носят преимущественно единовременный характер.

Наиболее продуктивным способом окказионального словообразования, выступающего средством реализации языковой игры, является морфологический, когда к исконному либо заимствованному слову, давно адаптированному к башкирской системе, присоединяется суффикс русского языка.

Для башкирского языка изначально нехарактерен суффиксальный способ словообразования. Слова, образованные данным способом, являются заимствованиями из арабского (*мәғлүм-эт* ‘информация’, *донъя-уи* ‘земной’), персидского (*хезмәт-кәр* ‘сотрудник’, *сауза-гәр* ‘торговец, купец’) и русского (*Ишморат-ов* ‘Ишмуратов’) языков.

В башкирском языке относительные прилагательные передаются именами существительными с нулевым аффиксом в изафетной конструкции, например: *гинуар һыуығы* ‘январский мороз’, *Өфө районы* ‘Уфимский район’. В такмаках часто встречаются относительные прилагательные русского языка, образованные путем присоединения словообразовательного суффикса *-ск-* преимущественно к географическим названиям:

Мәскәүский кишерзән
Әбей бутка бешергән.
Уйнайбыз за, *көләбез* за
Һорамайбыз кешән.

Из московской моркови
Бабка кашу сварила.
И играем, и смеемся,
Не спрашивая разрешения.

В текстах такмаков зафиксированы гибридные прилагательные, обычно используемые в рамках игры слов, когда к исконному слову присоединяется суффикс русского языка *-ск-*.

Данный вид окказионального словообразования прилагательных в башкирском языке свойственен только живой речи, в большинстве случаев он служит для придания речи юмористического оттенка:

Аяғыңдагы итегең
Американский икән.
Һикереп төшөп бейеүзәрең
Һайысканский икән.

На ногах у тебя сапоги,
Оказывается, американские.
Танцуешь, прыгая,
Как обыкновенная сорока.

В вышеприведенном тексте суффикс *-ск-*, присоединяясь к исконному слову *һайыскан* ‘сорока’, одновременно придает такмаку юмористический оттенок и выполняет рифмообразующую функцию. Указанный суффикс в данном контексте также замещает исконный аффикс уподобления *-дай/-дәй*.

Иноязычный суффикс, не несущий никакой смысловой и грамматической нагрузки, присоединяется прежде всего к имени существительному либо причастию прошедшего времени (*һимергәнский* — причастие прошедшего времени *һимергән*, образованное от основы глагола башкирского языка *һимереү* ‘поправляться, полнеть, тучнеть’ посредством аффикса *-ган/-гән* + суффикс *-ск-* + окончание *-ий* русского языка):

*Сербиянка, сербиянка,
Сербияночка моя.
Каты-кото икмэк ашап,
Һимергәнский моя.*

*Сербиянка, сербиянка,
Сербияночка моя.
От черствого хлебушка
Сильно ты поправилась.*

В анализируемом материале зафиксировано гибридное существительное *тамәжник* ‘курильщик’, образованное при помощи словообразовательного суффикса русского языка *-ник*, присоединенного к башкирскому слову *тамәке* ‘табак; сигарета’:

*Тәмәкесе, тамәжник
Тәмәке тарткан була...
Тештәре һарғайып бөткән,
Ыржайып көлгән була...*

*Курильщик, курильщик
Курит сигарету...
Показывая пожелтевшие зубы,
Оскалившись, смеется...*

Такмаксы-частушечник, используя абсолютную синонимию, состоящую из исконного и гибридного слов, усиливает негативное отношение к курению и курящим через призму иронии. В качестве литературного в башкирском языке принято слово *тамәкесе* ‘курильщик’. В то же время данное гибридное существительное довольно редко, но встречается и в разговорной речи.

3.1.1.2. Нарушение грамматических норм

Одним из основных приемов языковой игры в башкирских такмаках является намеренное использование неассимилированных русизмов с нарушением грамматических норм, что является характерной особенностью и устной речи. И. Е. Карпухин, исследуя билингвальные частушки, распространенные в многонациональном Башкортостане, называет такие вкрапления типичными ошибками, сознательно или неосознанно допускаемыми частушечниками: «Первоначально ошибки возникали в речи нерусских исполнителей из-за неглубокого знания ими русского языка и неумения разобраться в его сложной грамматической структуре, отличной от грамматического строя родных языков... Исполнители частушек-такмаков, хорошо говорящие по-русски, не пытаются исправить текст, привести его в соответствие с нормами русского языка и тем самым добиваются комического эффекта» [Карпухин, 2018].

Действительно, структурные различия башкирского и русского языков, низкий или недостаточный уровень владения тем или иным языком ведут, в свою очередь, к языковой интерференции либо смешению языковых кодов. Если речь пожилых в основном подвержена интерференции, то речи более молодого поколения свойственно явление переключения

языковых кодов. Интегрирование иноязычных вкраплений в родную устную речь имеет и ряд особенностей, касающихся существенных морфологических различий в башкирском и русском языках. Часто игнорируются родовые характеристики русских слов (допускается смешение мужского, женского, среднего рода), не учитываются правила согласования в числе, правила управления глаголами. Например, в башкирском языке имена прилагательные относятся к неизменяемым частям речи, в то время как имена прилагательные русского языка изменяются по родам, падежам, числам, имеют несколько типов склонения. Данные различия находят отражение и при включении прилагательных-вкраплений русского языка в устную речь башкир. Прилагательные преимущественно употребляются в начальной (нулевой) форме, то есть в мужском роде, единственном числе и именительном падеже, и связаны с существительными по нормам башкирского языка — по способу примыкания: *дүхэтажный здание* (вместо *дүхэтажное здание*), *музыкальный училище* (вместо *музыкальное училище*). Следовательно, целесообразнее говорить не о нарушениях либо языковых ошибках, а закономерностях включения вкраплений русского языка в башкирскую устную речь и возможностях приспособления языкового механизма.

Зафиксированные нарушения фонетических или грамматических форм русских вкраплений, находящие отражение в башкирских такмаках, не всегда подразумевают низкую языковую компетенцию сочинителя, а представляют собой обоснованное отступление от нормы, позволяющее, с одной стороны, усилить юмористическую составляющую, с другой — привлечь внимание аудитории.

*Ботинкаһы, ботинкаһы
Һап-һарынан лакауай.
Ике кейеп бер сисеүгә,
Өс-дүрт тишек ғатауай.*

*Его ботинки, его ботинки
Желтые, лакированные.
Успел надеть два раза,
Три-четыре дырки готовые.*

В данном такмаке прилагательные русского языка *лаковый* (лакированный) и *готовый* согласно контексту должны быть употреблены во множественном числе, а употребляются в начальной (нулевой) форме, то есть в мужском роде, единственном числе.

*Мояныкы кавалер
Кофта, юбка подарил.
Через күпер үткән сакта
Балта менән ударил.*

*Мой кавалер
Кофту, юбку подарил.
Когда проходили через мост,
Топором он ударил.*

Сочинитель в данном примере намеренно прибегает к нарушению норм отнесенности к родовой принадлежности, где перед русским существительным *кавалер* в мужском роде стоит притяжательное местоимение в женском роде, к которому присоединяется аффикс абстрактной принадлежности башкирского языка *-ныкы*.

Нужно отметить, что предлоги в башкирском языке полностью отсутствуют, их функцию выполняют послелоги и падежные аффиксы. В башкирском языке данный предлог передается послелогом *аша* (*күпер аша*), который и по числу слогов совпадает с предлогом русского языка *через*. Употребление же в данном образце такмака предлога *через* обусловлено прежде всего стремлением такмаксы-частушечника усилить юмористическую составляющую и привлечь внимание публики путем сочетания несочетаемого.

3.1.1.3. Макаронические такмаки-частушки

В башкирском фольклоре функционируют не только такмаки, в текст которых проникают единичные слова-вкрапления, но и такмаки, в составе которых сочинителем сознательно, нарочито и в большом количестве употребляется иноязычный материал, чаще всего представленный словосочетаниями либо предложениями. В тексте такмака они преимущественно занимают целую стихотворную строку. Поэтические произведения, созданные с использованием ресурсов двух или более языков, принято рассматривать как макаронические [Словарь..., 1974, с. 199].

В следующем примере третья строка полностью представлена русскими словами:

*Бейек таузың баштарында
Лизавета үләне.
Люблю тебя, не забуду,
Яңһын дошман йөрәге.*

*На вершине высокой горы
Цветок Елизаветы.
Люблю тебя, не забуду,
Пусть страдает вражье сердце.*

Еще одним видом макаронических такмаков является чередование строк на башкирском и русском языках:

*Ходил, ходил, ултырып садил
Аяктарым талганга.
Плакал, плакал, письмо писал
Йөрәктәрәм янганга.*

*Ходил, ходил и садился,
Поскольку ноги устали.
Плакал, плакал, письмо писал,
Поскольку сердце болело.*

В данном такмаке использован перекрестный способ рифмовки, где рифмуются 1 и 3 (строки на русском языке), 2 и 4 (строки на башкирском

языке) строки. Здесь представлены сложноподчиненные предложения, в которых русскоязычные строки выступают в качестве главного, башкирскоязычные — в качестве придаточного предложения причины, функцию сказуемого в которых выполняют причастия в форме дательного падежа (*талған-ға, янған-ға*).

В некоторых такмаках для создания языковой игры русская лексика намеренно вводится намного чаще по сравнению с башкирской:

Любишь — яныма ултыр,

Любишь — яныма ултыр.

Не любишь, так, дальше уйди,

Найдем другой матур.

Любишь — садись рядом,

Любишь — садись рядом.

Не любишь, так, дальше уйди,

Найдем другого красавца.

Надо отметить, такие двуязычные такмаки могут бытовать одновременно как в русской среде, так и в башкирской. В частности, достаточно сложно определить, в каком именно языке, башкирском или русском, был сочинен этот такмак:

Мин һине яратам —

Приходи к воротам.

Не придешь к воротам,

Все равно яратам.

Я тебя люблю —

Приходи к воротам.

Не придешь к воротам,

Все равно люблю.

Как показывает анализируемый материал, русские словосочетания и предложения встраиваются в текст такмаков без нарушения синтаксической конструкции всего предложения.

Одним из распространенных механизмов языковой игры в башкирских такмаках является также употребление русских слов путем полного либо частичного их перевода на башкирский язык:

Черный море — Кара диңгез,

Гуси-каззар йөзәләр.

Красивый-матур кыззар

Үзәгемде өзәләр.

На Черном море

Плавают гуси.

Красивые девушки

Сердце мое тревожат.

Һыу астында — под водой

Гуси-каззар йөзәләр,

Йәш егеттәр кыззарһыз

Умирают — үләләр.

Под водой

Гуси плавают.

Молодые люди без девушек

Жить не могут — умирают.

3.1.2. Ритмо- и рифмообразующая функция кодовых переключений в текстах такмаков

Такмаки — это особый вид словесного творчества башкирского народа, в котором звучание и ритм слов играют ключевую роль. Важно не только смешное содержание, но и умение играть с звучанием слов, создавая забавные и запоминающиеся тексты.

Рифма в башкирских такмаках выполняет важные ритмико-композиционные функции, являясь одним из главных художественно-поэтических средств, придающих данному жанру «гармоническое звучание, эмоциональность и изящество» [Баимов, 1993, с. 19]. Она подчеркивает ритм и мелодичность шуточного четырехстишия, делая его легко запоминающимся и позволяя исполнителю высказать свои чувства и мысли с большей выразительностью.

Самой распространенной разновидностью рифм в башкирских такмаках является конечная перекрестная рифма, при которой рифмуются вторая и четвертая строки.

Для поэтической организации такмаков активно используется ритмо- и рифмообразующая функция кодовых переключений. Такмаксы-частушечник часто рифмует исконные слова с русскими вкраплениями, тем самым стимулируя интерес адресата к тексту такмака. Он прибегает к механизмам языковой игры, манипулируя нормами языка, чередуя ресурсы обоих языков.

В такмаках рифмоваться могут слова, относящиеся к различным частям речи:

*Кеҫәһендә авторучка,
Билендә һары кайыш.
Үзен үзе алла кемгә
Куя бит, **панимайыш**.*

*У него в кармане — авторучка,
На талии желтый ремень.
Возмнил слишком много
О себе, **понимаешь**.*

Здесь наблюдается рифмовка исконного слова *кайыш* ‘ремень’ с частицей русского языка *понимаешь*, используемой для выражения возмущения, отрицательного отношения по поводу сообщаемого.

Как показывает исследуемый материал, чаще всего рифмуются слова, принадлежащие к одной и той же части речи:

*Яңы сыккан машинага
Тейәгәндәр **кадушка**.
Кеше йәренә теймәй тор,
Кальһрың **вдовушка**.*

*На выехавшую машину
Загрузили кадушки.
Не заглядывайся на чужого возлюбленного,
Останешься **вдовушкой**.*

В данном образце такмаксы-чадушечник вместо исконных существительных *мискэ* ‘кадка / кадушка’, *һәм тол катын* ‘вдова’ использует русские эквиваленты, которые рифмуются между собой. В нем также наблюдается нарушение привычного порядка слов в предложении, поскольку в башкирском языке сказуемое, выраженное глаголом, занимает постпозицию в предложении.

В башкирских такмаках рифмообразующую функцию выполняют преимущественно иноязычные глаголы, что прежде всего обусловлено, как было выше отмечено, традиционным порядком слов в предложении.

Самой распространенной формой кодовых переключений является смешанная аналитическая конструкция, образованная путем соединения инфинитивной формы русского глагола и исконного вспомогательного глагола *итергә*. Такие глаголы строятся по аналогии с одной из продуктивных моделей глаголообразования в башкирском языке, где первым компонентом, как правило, выступают существительные, прилагательные либо звукоподражательные слова, а вторым компонентом — вспомогательные глаголы *итергә* и *булырга* (например, *байрам итергә* ‘праздновать’, *сабыр итергә* ‘проявить терпимость’, *ялт итергә* ‘сверкать’, *гашик булырга* ‘влюбляться’). Сложные глаголы, где первым компонентом является русский инфинитив, характерны только для разговорной речи. Н. К. Дмитриев, изучая разговорный язык башкир, еще в 1928 году отмечал, что «громадное количество таких русско-башкирских глагольных образований аналитического типа ... ввиду гибкости этой формулы, можно увеличить до бесконечности» [Дмитриев, 1930, с. 76]. В контексте инфинитивная форма русского глагола остается неизменной, а второй компонент, представленный спрягаемой формой исконного глагола, присоединяет формообразующие аффиксы [Бускунбаева, 2022, с. 22].

В такмаках глаголы играют и главную рифмообразующую роль. Они могут рифмоваться с такой же глагольной конструкцией с русским инфинитивом:

Бейек таузың баштарында
Трактор буксовать итә.
Тишек-тошок ыштан кейеп
Берәү танцевать итә.

На высокой горе
Трактор прибуксовывает.
Надев дырявые штаны,
Один пританцовывает.

Поскольку глагольная конструкция с русским инфинитивом и вспомогательным глаголом *итергә* построена по продуктивной модели глаголообразования башкирского языка, то в такмаках она часто рифмуется с такими глаголами:

*Иртән тороп тышка сыкһам,
Үгез **танцевать** итә.
Өлкән һарык гармун тарта,
Кәзә сәпәкәй итә.*

*Поутру увидела:
Бык пританцовывает.
Овца играет на гармошке,
Коза аплодирует.*

В такмаках не так многочисленны примеры употребления финитных форм русских глаголов в качестве рифмовки строк. Глагол-вкрапление, включаемый в текст, может сохранять форманты времени, залога, вида, наклонения, числа, рода и лица, которые участвуют в предикативном согласовании данного глагола с субъектом действия, представленным исконным словом:

*Ике тауык, бер **курица**
Конькиза **катаются**.
Минең кем менән йөрөүем
Һиңә **не касается**.*

*Две курицы, одна курица
На коньках катаются.
А кого я полюбила,
Тебя не касается.*

Вкрапления из русского языка, представленные именами прилагательных, также активно участвуют при подборе рифмы в такмаках.

Прилагательные в башкирском языке, в отличие от русского языка, не имеют формальных показателей, что находит отражение и при включении прилагательных-вкраплений в текст такмаков. В анализируемом материале такие прилагательные употребляются преимущественно в начальной (нулевой) форме, то есть в мужском роде, единственном числе, поскольку в башкирском языке нет формального показателя рода:

*Йәнейеңдең күлдәге
Көрән икән **пардауай**.
Йәнейеңде күрәп калдым,
Бигерәк икән **фартауай**.*

*Платье твоей возлюбленной,
Оказывается, коричнево-бордовое.
Увидал я твою возлюбленную,
Оказывается, слишком фатовая.*

Одной из немаловажных художественно-поэтических особенностей такмаков является и их ритмическая структура, основанная в подавляющем большинстве на семисложной ритмике (8-7-8-7). Встречаются и довольно редкие формы такмаков, сложенные по схеме 4-7-8-7, 5-7-8-7, 7-7-8-7 [Баимов, 1993, с. 19].

Интегрирование русских вкраплений позволяет такмаксы-частушечнику соблюдать ритмико-слоговую структуру строки. Включение же исконных слов, содержащих большее или меньшее количество слогов, необходимых для строгой ритмической организации, может привести к нарушению ритмики всего текста такмака.

*Кара костюм, ак яка.
Кара костюм, ак яка.
Кара костюм, ак якага
Ис китмэй эле пока.*

*Черный костюм, белый ворот.
Черный костюм, белый ворот.
К черному костюму, белому вороту
Пока я равнодушная.*

В данном примере такмаксы-частушечник намеренно использует на-
речие русского языка *пока* для рифмовки с исконным словом *яка* 'ворот'.
Замена данного вкрапления на исконное слово *хәзергә* не только нарушит
рифму, но и ритмико-слоговую структуру строки.

Кодовые переключения, представленные единичными вкраплениями,
обычно включаются в морфосинтаксическую структуру башкирского язы-
ка, не нарушая привычного порядка слов, при этом они могут присоеди-
нить формообразующие и словоизменительные аффиксы. В следующем
примере русское существительное *хозяин* принимает аффиксы множе-
ственного числа и категории принадлежности башкирского языка:

*Ак кәзә йөндәре,
Күк кәзә йөндәре.
Кунактары бейеп йөрөй,
Кайза **хозяин**дары?!*

*Шерсть белой козы,
Шерсть серой козы.
Гости танцуют,
А где же **хозяева**?*

Замена трехсложного слова *хозяин* на персидское заимствование *хужа*,
приведет к изменению структуры текста такмака.

3.2. Немотивированное переключение кодов

Переключение языковых кодов в такмаках может быть и немотивиро-
ванным.

Лингвистический анализ исследуемого материала показал, что язык
такмаков, несмотря на поэтическую форму, максимально приближен к жи-
вой разговорной речи башкир и характеризуется лаконичностью, просто-
той, выразительностью и экспрессивностью. Такого же мнения придержи-
вается и Б. С. Баимов, отмечающий, что такмак по праву можно считать
жанром, простым по содержанию и наиболее близким к народу [Баимов,
2001, с. 21]. В анализируемых текстах фиксируется большое количество
кодовых переключений, характерных и для разговорной речи. Лексика так-
маков отражает межнациональные контакты с соседними народами, пре-
жде всего с русским населением.

Такмаки преимущественно основаны на импровизации, когда часту-
шечник-такмаксы сочиняет их экспромтом. Спонтанность и отсутствие
времени на обдумывание ведут к употреблению тех же языковых единиц,
которые чаще всего используются сочинителем и в повседневной речи.

Материалы Всероссийской переписи населения 2020 года по Республике Башкортостан показали высокий процент свободного владения башкирами русским языком — 97,7 % [Краткие итоги ..., 2023, с. 34—36]. Эти данные свидетельствуют о широком распространении среди башкирского населения продуктивного билингвизма, при котором наблюдается одновременное и параллельное функционирование двух языковых кодов — родного башкирского и гостевого русского — в сознании башкира-билингва. В то же время башкирский язык все больше становится бытовым языком, используемым в основном в семейном кругу. Часто при общении на одном из вышеуказанных языков возникает взаимопроникновение двух языковых систем, относящихся к различным языковым группам (башкирского — к агглютинативной, русского — к флективной). Данное явление вызывает постоянное смешение и переключение языковых кодов, несмотря на то, что в каждом из этих языков есть лексический эквивалент исконного происхождения того или иного иноязычного слова. Чаще всего активному проникновению неассимилированного иноязычного материала подвергается именно башкирский язык, что свидетельствует о постепенном языковом сдвиге. При отсутствии необходимого слова в сознании говорящего в нужный момент он может прибегнуть к лексическому фонду русского языка, слова которого первыми приходят на ум. Некоторые слова и выражения, чаще всего зафиксированные в лексическом фонде арабо-персидские заимствования и калькированные единицы, свойственны только письменному языку, а в устной речи чаще заменяются русскими эквивалентами.

При устном сочинении частушечник-такмаксы также часто обращается к лексическому фонду русского языка при полном либо временном отсутствии в его сознании необходимого слова, несмотря на наличие соответствующей реалии и обозначающего непосредственно данную реалию слова на родном языке, то есть реализуется референтная функция.

Чаще всего немотивированными вкраплениями в такмаках выступают имена существительные. Они в определенной степени напоминают заимствования, поскольку могут быть оформлены словоизменительными и формообразующими аффиксами башкирского языка в соответствии с правилами родного языка:

*Беззең лавка, матур лавка,
Ҡатыусыһы Миңғата.
Авторитеттә төшкән бит —
Беззең урамда ята.*

*В нашей лавке продавцом
Мингата является.
Авторитет потерял —
Во дворе валяется.*

В данном образце слово *абруй*, заимствованное из персидского языка и характерное прежде всего для письменной речи, заменяется русским вкраплением *авторитет*, которое имеет большую частотность употребления в устной речи. Существительное русского языка *авторитет* принимает аффикс винительного (төшөм килеш) падежа башкирского языка (*авторитет-ы*) подобно исконным словам (вместо лит. *абруй-ы*).

В настоящее время одним из распространенных способов словообразования в башкирском языке наряду с заимствованием является калькирование. Большинство из них вливается в язык без особых изменений (заимствования), другие образуются по иноязычному образцу путем дословного воспроизведения смысла слов за счет собственных языковых средств (кальки). В то же время многие калькированные образования носят книжно-письменный характер и присущи прежде всего письменному языку.

В текст следующего такмака проникает сокращенное слово, имеющее разговорный характер *завферма* > *завфермой* и образованное сложением от *заведующий фермой*. Литературной нормой данного слова в башкирском языке выступает калькированное словосочетание *ферма мәдире*. В устной речи отдается предпочтение именно иноязычному варианту, что находит отражение и в тексте данного такмака:

*Әллә мин дә керәймем
Завферманың эшенә?
Акмаһа ла тама, тизәр,
Шунда йөрөгән кешегә.*

*Может, и мне устроиться
На должность завфермой?
Говорят, хоть и не течёт, но капает
Человеку в этой должности.*

4. Заключение = Conclusions

В башкирском песенном фольклоре функционирует большое количество билингвальных такмаков, возникновение которых обусловлено прежде всего многовековыми языковыми контактами и длительным проживанием на одной территории представителей башкирского и русского народов.

Такмаки с их содержательным многообразием и лингвистическими особенностями — одно из ярких проявлений самобытного национального духа, глубинной сути и жизненной философии башкир [Рахматуллина, 2002, с. 30], которые на протяжении веков живут в мире и согласии с народами многонационального края. Этот уникальный фольклорный жанр является отражением их жизнелюбия, житейского опыта, творческой фантазии, остроумия, умения уместно и образно использовать возможности не только родного, но и русского языка для создания колоритных образов предметов и явлений, оценки человеческих характеров, выражения чувств

и эмоций, юмористической реакции на явления и события окружающей жизни.

В результате анализа билингвальных такмаков выявлены ключевые прагматические функции кодовых переключений (юмористическая, рифмообразующая и референтная), которые могут быть совмещены в рамках одной реализации кодовых переключений.

Лингвистический анализ башкирских такмаков показал, что язык данного жанра максимально приближен к живой речи башкир. В них употребляется большое количество кодовых переключений, характерных и для разговорной речи. В текстах такмаков они обычно представлены единичными вкраплениями, частеречная принадлежность которых отличается разнообразием. Интегрирование русских вкраплений в некоторых случаях ведет и к изменению морфосинтаксической структуры предложения. Широко распространены в башкирском фольклоре также макаронические такмаки, созданные языковыми ресурсами как башкирского, так и русского языков.

Несмотря на различия двух языковых систем, сочинитель такмаков, смешивая лексемы башкирского и русского языков, добивается смысловой, композиционной и структурной целостности текста. Если заменить иноязычный материал исконным и привести его в соответствие с нормами родного языка, то такмаки растеряют свойственный им юмористический, порой и иронический оттенок, свой колорит и экспрессию, более того, нарушится ритмический строй четверостишия.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Башкорт халык ижады*. Йырзар. Икенсе китап / Төзөүсе, инеш мәкәлә языусы, аңлатмалар биреүсене С. Ә. Галин; яуаплы редактор К. Ә. Әхмәтйәнов. — Өфө : Башкортостан китап нәшриәте, 1977. — 296 б. (*Башкирское народное творчество*. Песни. Книга вторая / сост., авт. вступ. ст. и коммент.: С. А. Галин ; отв. ред. К. А. Ахмедьянов. — Уфа : Башкнигоиздат, 1977. — 296 с.)

2. *Башкорт халык ижады*. Совет осоро. Беренсе китап. Бәйеттәр. Йырзар/Төзөүсе, инеш мәкәлә языусы, аңлатмалар биреүселәре М. М. Сәғитов, М. Ә. Мәмбәтов. — Өфө : Башкортостан китап нәшриәте, 1981. — 392 б. (*Башкирское народное творчество*. Советский период. Книга первая. Байты. Песни. Такмаки / сост., авторы вступ. ст. и коммент.: М. М. Сагитов, М. А. Мамбетов. — Уфа : Башкнигоиздат, 1981. — 392 с.)

3. *Словарь* литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. — Москва : Просвещение, 1974. — 513 с.

4. *Стилистический* энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 694 с.

Литература

1. *Баимов Б. С.* Башкирские народные такмаки / Б. С. Баимов. — Уфа : Аэрокосмос и ноосфера, 2001. — 222 с.

2. *Баимов Б. С.* Башкирский такмак : природа жанра, идейно-эстетические особенности : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.09 / Б. С. Баимов. — Уфа, 1993. — 20 с.

3. *Бускунбаева Л. А.* Закономерности речевой экономии и их отражение в башкирском языке / Л. А. Бускунбаева. — Уфа : Гилем, 2008. — 140 с. — ISBN 978-5-7501-0910-4.

4. *Бускунбаева Л. А.* Структурные типы кодовых переключений в устной речи башкир (на материале монологических текстов восточного диалекта) / Л. А. Бускунбаева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2022. — № 7 (465). — С. 17—26. — DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10702.

5. *Гаврилова В. Г.* Марийско-русский билингвизм : переключение и смешение кодов / В. Г. Гаврилова. — Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 2014. — 212 с. — ISBN 978-5-94808-794-8.

6. *Головкин Е. В.* Переключение кодов или новый код? / Е. В. Головкин // Труды факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. — Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета, 2001. — Выпуск 1. — С. 298—316.

7. *Грамматика* современного башкирского литературного языка / отв. ред. А. А. Юлдашев. — Москва : Наука, 1981. — 495 с.

8. *Гридина Т. А.* Языковая игра : стереотип и творчество / Т. А. Гридина. — Екатеринбург : Урал. ГПИ, 1996. — 215 с. — ISBN 5-7186-0102-X.

9. *Дмитриев Н. К.* Варваризмы в башкирской речи / Н. К. Дмитриев // Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. — 1930. — Т. 4. — С. 73—105.

10. *Зурабова Л. Р.* Переключение кодов в условиях языкового контакта в провинции Нью-Брансуик, Канада (на материале субдиалекта шиак) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Л. Р. Зурабова. — Москва, 2021. — 245 с.

11. *Карасик В. И.* Игровой билингвизм : типы и характеристики В. И. Карасик / В. И. Карасик // Российский журнал исследований билингвизма. — 2021. — № 1. — С. 21—30.

12. *Карпухин И. Е.* Двухязычные частушки-токмаки [Электронный ресурс] / И. Е. Карпухин // Бельские просторы. — 2018. — № 6. — Режим доступа : <https://belprost.ru/articles/publitsistika/2018-07-18/6-2018-karpuhin-ivan-dvuyazychnye-chastushki-tokmaki-106299> (дата обращения 20.01.2024).

13. *Киреев, 1950 — Кирэй Мэргэн.* Такмак жанрының үсеше / Мэргэн Кирэй // Өзәби Башкортостан. — 1950. — № 4. — Бб. 49—62. (*Кирей Мэргэн.* Развитие жанра такмак / Мэргэн Кирей // Литературный Башкортостан. — 1950. — № 4. — С. 49—62.)

14. *Краткие итоги* Всероссийской переписи населения 2020 года по Республике Башкортостан : статистический бюллетень. — Уфа : Башкортостанстат, 2023. — Ч. 1. — 48 с.

15. Курилова С. Н. Неадаптированные иноязычные вкрапления в живой речи тундровых юкагиров / С. Н. Курилова // Научный диалог. — 2023. — № 12 (9). — С. 60—76. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-60-76.

16. Меркурьева В. Б. Языковые особенности макаронической песни российских немцев / В. Б. Меркурьева, Н. Л. Каскевич // Crede Experto : транспорт, общество, образование, язык. — 2017. — № 1. — С. 65—77.

17. Мишинцева И. Ю. Переключения кодов в художественных произведениях : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / И. Ю. Мишинцева. — Череповец, 2011. — 211 с.

18. Мусийчук М. В. Функции юмора в языковой игре как основа развития интеллектуальной активности личности / М. В. Мусийчук, А. П. Павлов // Интернет-журнал «Мир науки». — 2016. — Т. 4. — № 2. — Режим доступа : <http://mir-nauki.com/PDF/06PDMN216.pdf> (дата обращения 25.02.2024).

19. Немонезная В. Ю. Иноязычные вкрапления в художественном тексте как переводческая проблема (на материале русских переводов произведений А. Конан Дойла на историческую тематику) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / В. Ю. Немонезная. — Москва, 2006. — 155 с.

20. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 344 с. — ISBN 5-89349-790-2.

21. Панов М. В. Соотношение собственно языковых и социально обусловленных процессов в развитии языка / М. В. Панов // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. — Москва : Наука, 1988. — С. 41—47.

22. Рахматуллина З. Я. Башкирская традиция (социально-философский анализ) / З. Я. Рахматуллина. — Уфа : Изд-е Башкирск. ун-та, 2000. — 304 с. — ISBN 5-7477-0471-0.

23. Рахматуллина З. Я. Башкирский национальный дух (социально-философский очерк) / З. Я. Рахматуллина. — Уфа : Изд-е Башкирск. ун-та, 2002. — 154 с. — ISBN 5-7477-0660-8.

24. Тихомирова М. С. Кодовые переключения в интернет-мемах : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / М. С. Тихомирова. — Ярославль, 2021. — 23 с.

25. Хакимьянова А. М. Башкирские народные такмаки / А. М. Хакимьянова // Oriental Studies. — 2019. — № 3. — С. 492—501. — DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-492-501.

26. Хакимьянова А. М. Башкирские народные такмаки в современном бытовании / А. М. Хакимьянова // Башкирский фольклор : исследования и материалы : сборник статей. — Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023. — Выпуск VIII. — С. 89—100.

27. Чиршева Г. Н. Двужызычная коммуникация / Г. Н. Чиршева. — Череповец : ГОУ ВПО ЧГУ, 2004. — 189 с. — ISBN 5-85-341-155-1.

28. Эбзеева Ю. Н. Проблема переключения кодов и языковые контакты / Ю. Н. Эбзеева, Е. В. Тутова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Лингвистика. — 2012. — № 3. — С. 138—143.

29. Myers-Scotton C. Duelling languages : Grammatical structure in code-switching / C. Myers-Scotton. — Oxford : Clarendon Press, 1993. — 265 p.

Статья поступила в редакцию 01.03.2024,
одобрена после рецензирования 12.05.2024,
подготовлена к публикации 18.05.2024.

Material resources

- Bashkir folk art. Songs. The second book.* (2017). Ufa: Bashkir Publishing House. 296 p. (In Bash.).
- Bashkir folk art. The Soviet period. The first book. Bytes. Songs. Takmaki.* (1981). Ufa: Bashkir Publishing House. 392 p. (In Bash.).
- Dictionary of literary terms.* (1974). Moscow: Prosveshchenie. 513 p. (In Russ.).
- Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language. 2nd ed., ispr. and add.* (2006). Moscow: Flint: Nauka. 694 p. (In Russ.).

References

- Baimov, B. S. (2001). *Bashkir folk takmaks*. Ufa: Aerospace and Noosphere. 222 p. (In Russ.).
- Baimov, B. S. (1993). *Bashkir takmak: the nature of the genre, ideological and aesthetic features*. Author's abstract of PhD Diss. Ufa. 20 p. (In Russ.).
- Buskunbayeva, L. A. (2008). *Patterns of speech economy and their reflection in the Bashkir language*. Ufa: Gilem. 140 p. ISBN 978-5-7501-0910-4. (In Russ.).
- Buskunbayeva, L. A. (2022). Structural types of code switches in Bashkir oral speech (based on the material of monological texts of the Eastern dialect). *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 7 (465): 17—26. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10702. (In Russ.).
- Chirsheva, G. N. (2004). *Bilingual communication*. Cherepovets: GOU VPO ChSU. 189 p. ISBN 5-85-341-155-1. (In Russ.).
- Dmitriev, N. K. (1930). Barbarisms in Bashkir speech. *Zap. Collegium of Orientalists at the Asian Museum of the USSR Academy of Sciences*, 4: 73—105. (In Russ.).
- Ebzeeva, Yu. N., Tutova, E. V. (2012). The problem of code switching and language contacts. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Linguistics*, 3: 138—143. (In Russ.).
- Gavrilova, V. G. (2014). *Mari-Russian bilingualism: switching and mixing codes*. Yoshkar-Ola: Mari State University. 212 p. ISBN 978-5-94808-794-8. (In Russ.).
- Golovko, E. V. (2001). Code switching or a new code? In: *Proceedings of the Faculty of Ethnology of the European University in St. Petersburg, I*. St. Petersburg: Publishing House of the European University. 298—316. (In Russ.).
- Grammar of the modern Bashkir literary language.* (1981). Moscow: Nauka. 495 p. (In Russ.).
- Gridina, T. A. (1996). *Language game: stereotype and creativity*. Yekaterinburg: Ural. GPI. 215 p. ISBN 5-7186-0102-X. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2021). Gaming bilingualism: types and characteristics V. I. Karasik. *Russian journal of bilingualism studies*, 1: 21—30. (In Russ.).
- Karpukhin, I. E. (2018). Bilingual chastushki-tokmaks. *Belsky open spaces*, 6. Available at: <https://belprost.ru/articles/publitsistika/2018-07-18/6-2018-karpuhin-ivan-dvuyazychnye-chastushki-tokmaki-106299> (accessed 20.01.2024). (In Russ.).
- Khakimyanova, A. M. (2019). Bashkir folk takmaks. *Oriental Studies*, 3: 492—501. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-492-501. (In Russ.).
- Khakimyanova, A. M. (2023). Bashkir folk takmaks in modern life. In: *Bashkir folklore: research and materials: collection of articles, VIII*. Ufa: IIAL UFIC RAS. 89—100. (In Russ.).
- Kireev, 1950 — Kirei Mergen. (1950). The development of the takmak genre. *Literary Bashkortostan*, 4: 49—62. (In Bash.).

- Kurilova, S. N. (2023). Unadapted Foreign Language Insertions in Spoken Language of Tundra Yukaghir. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 60—76. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-60-76. (In Russ.).
- Merkuryeva, V. B., Kaskevich, N. L. (2017). Linguistic features of the macaronic song of the Russian Germans. *Crede Experto: transport, society, education, language*, 1: 65—77. (In Russ.).
- Mishintseva, I. Yu. (2011). *Switching codes in works of art*. PhD Diss. Cherepovets. 211 p. (In Russ.).
- Musiychuk, M. V., Pavlov, A. P. (2016). The functions of humor in the language game as the basis for the development of intellectual activity of a person. *The online magazine "World of Science"*, 4 (2). Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/06PDMN216.pdf> (accessed 25.02.2024). (In Russ.).
- Myers-Scotton, C. (1993). *Duelling languages: Grammatical structure in code-switching*. Oxford: Clarendon Press. 265 p.
- Nemonezhnaya, V. Yu. (2006). *Foreign language inclusions in a literary text as a translation problem (based on the material of Russian translations of works by A. Conan Doyle on historical subjects)*. PhD Diss. Moscow. 155 p. (In Russ.).
- Norman, B. Y. (2006). *The game on the edges of language*. Moscow: Flint: Nauka. 344 p. ISBN 5-89349-790-2. (In Russ.).
- Panov, M. V. (1988). Correlation of proper linguistic and socially conditioned processes in language development. In: *Influence of social factors on the functioning and development of language*. Moscow: Nauka. 41—47. (In Russ.).
- Rakhmatullina, Z. Ya. (2002). *Bashkir national spirit (socio-philosophical essay)*. Ufa: Publishing house Bashkir State University. 154p. ISBN 5-7477-0660-8. (In Russ.).
- Rakhmatullina, Z. Ya. (2000). *Bashkir tradition (socio-philosophical analysis)*. Ufa: Publishing house Bashkir State University. 304 p. ISBN 5-7477-0471-0. (In Russ.).
- Summary of the All-Russian population census of 2020 in the Republic of Bashkortostan: statistical bulletin, 1*. (2023). Ufa: Bashkortostan State Statistical Office. 48 p. (In Russ.).
- Tikhomirova, M. S. (2021). *Code switching in Internet memes*. Author's abstract of PhD Diss. Yaroslavl. 23 p. (In Russ.).
- Zurabova, L. R. (2021). *Code switching in the context of language contact in the province of New Brunswick, Canada (based on the material of the Shiak subdialect)*. PhD Diss. Moscow. 245 p. (In Russ.).

*The article was submitted 01.03.2024;
approved after reviewing 12.05.2024;
accepted for publication 18.05.2024.*

Информация для цитирования:

Васильева К. В. Дизайн городской среды в молодежной сленговой интерпретации : лингвоаксиологический и лексикографический аспекты / К. В. Васильева, Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 32—50. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-32-50.

Vasilyeva, K. V., Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I. (2024). Urban Environment Design in Youth Slang Interpretation: Linguo-Axiological and Lexicographical Aspects. *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 32-50. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-32-50. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Дизайн городской среды в молодежной сленговой интерпретации: лингвоаксиологический и лексикографический аспекты

Васильева Кристина Вячеславовна¹

orcid.org/0009-0000-4747-3401

старший педагог
дополнительного образования,
Высшая школа международных
образовательных программ
11_22_07@list.ru

Никитина Татьяна Геннадьевна²

orcid.org/0000-0001-9006-9738

доктор филологических наук, профессор,
кафедра образовательных технологий,
корреспондирующий автор
cambala2007@yandex.ru

Роголёва Елена Ивановна²

orcid.org/0000-0001-9963-4203

доктор филологических наук, профессор,
кафедра образовательных технологий
k-o-t-2021@yandex.ru

¹ Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия)

² Псковский государственный университет
(Псков, Россия)

Urban Environment Design in Youth Slang Interpretation: Linguo-Axiological and Lexicographical Aspects

Kristina V. Vasilyeva¹

orcid.org/0009-0000-4747-3401

senior lecturer additional education,
Higher School of International
Educational Programs
11_22_07@list.ru

Tatyana G. Nikitina²

orcid.org/0000-0001-9006-9738

Doctor of Philology, Professor,
Professor, Department
of Educational Technologies,
Corresponding author
cambala2007@yandex.ru

Elena I. Rogaleva²

orcid.org/0000-0001-9963-4203

Doctor of Philology, Professor,
Department of Educational Technologies
k-o-t-2021@yandex.ru

¹ Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
(St. Petersburg, Russia)

² Pskov State University
(Pskov, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Оценивается лингвоаксиологический потенциал неофициальных убранимов, отражающих реалии городской среды как дизайн-пространства. Задачи исследования — выявление типовых и нестандартных объектов и мотивов оценочной урбанонимической номинации, разработка оптимальных приемов описания межрегиональных номинативных параллелей и уникальных сленгизмов в словаре неофициальных урбанонимов. Источниками материала послужили словари молодежного сленга, авторские архивы разговорной речи и интернет-коммуникации (2010—2024). Методами компонентного и контекстуального анализа уточнялась семантика сленгизмов-урбанонимов. Параметры их словарного описания разрабатывались с использованием метода лексикографического конструирования. На сленговом материале Пскова и Санкт-Петербурга с привлечением неофициальных урбанонимов Уфы, Волгограда, Новосибирска и других городов показано оценочное отношение номинаторов к дизайнерским проектам, воплощенным в архитектурных сооружениях, мемориальных объектах, уличной скульптуре, монументальной живописи. Толкования, комментарии и контекстуальные иллюстрации в представленных фрагментах проектируемого словаря раскрывают специфику образных ассоциаций номинатора при реализации различных способов образования сленгизмов: шутливых трансформаций официальных наименований, обращений к прецедентным феноменам, метонимических и метафорических переносов и их комбинаций.

Ключевые слова:

лингвоаксиология; лексикография; городская ономастика; молодежный сленг; неофициальный урбаноним; словарь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The linguistic and axiological potential of unofficial urbanonyms reflecting the realities of the urban environment as a design space is evaluated. The research tasks include identifying typical and non-standard objects and motifs of evaluative urbanonymic nomination, developing optimal methods for describing interregional nominative parallels and unique slang terms in the dictionary of unofficial urbanonyms. The material sources consist of dictionaries of youth slang, author's archives of spoken language, and internet communications (2010—2024). The semantics of slang terms-urbanonyms were clarified using componential and contextual analysis methods. Parameters of their lexical description were developed using the method of lexicographical construction. Based on slang material from Pskov and St. Petersburg involving unofficial urbanonyms from Ufa, Volgograd, Novosibirsk, and other cities, the evaluative attitude of nominators towards design projects embodied in architectural structures, memorial objects, street sculpture, and monumental painting is demonstrated. Interpretations, comments, and contextual illustrations in the presented fragments of the projected dictionary reveal the specificity of the nominator's imagery associations when implementing various ways of slang formation: playful transformations of official names, references to precedent phenomena, metonymic and metaphorical transfers and their combinations.

Key words:

linguo-axiology; lexicography; urban onomastics; youth slang; unofficial urbanonym; dictionary.

УДК 811.161.1'373.21+81'374

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-32-50

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Дизайн городской среды в молодежной сленговой интерпретации: лингвоаксиологический и лексикографический аспекты

© Васильева К. В., Никитина Т. Г., Роголёва Е. И., 2024

1. Введение = Introduction

Молодежный сленговый лексикон, отражающий реалии городской среды, составляет значительную часть неофициальных убанонимов, словарные разработки которых, выполненные в Москве, Санкт-Петербурге, Уфе, Екатеринбурге, Смоленске, Пскове, анализируются лексикографами и становятся источниками материала для многочисленных лингвистических исследований [Попов, 2013; Никитина, 2018]. В лингвокультурологическом и лингвоаксиологическом аспектах исследованы сленговые убанонимы отдельных регионов и населенных пунктов России [Королева, 2022; Михайлюкова, 2022], определены типы неофициальных убанонимов по их денотативной соотнесенности [Попов, 2013; Клименко и др., 2018; Ахметова, 2022], выявлены продуктивные способы образования сленговых внутригородских названий и их уникальные мотивировки [Никитина, 2018; Гороховская, 2023]. Исследователи сленгового материала опираются на отечественный опыт, накопленный в сфере официальной убанонимики [Разумов и др., 2020; Ильин и др., 2021; Голомидова, 2022; Голомидова и др., 2023; Крюкова, 2023], анализируют сленгизмы-убанонимы на фоне их нормативных коррелятов [Никитина, 2018; Питина и др., 2023]. При таком подходе прослеживается прагматическая установка носителей сленга: выразить в новом наименовании объекта свое отношение к его официальному названию. Приведем в пример трансформации псковских убанонимов: жилой комплекс «Альфа — Бета — Гамма» → «АБВГДейка»; жилой комплекс «Привилегия» → «Привели гея»; гастробар «Моjo» («Моджо»), расположенный в здании бывшего общественного туалета → «ЭмЖо» («М. Ж.») и т. п. Результаты исследования такой лингвокреативной реакции молодежи на убанонимическую деятельность официальных инстанций могут быть полезны как при выборе наименований для городских объектов, так и при реализации общей

концепции региональной топонимической политики, необходимость совершенствования которой подчеркивается в работах известных ономастологов [Голомидова, 2020, 2022; Ильин и др., 2020].

Помимо «урбанонимического дизайна», лингвоаксиологическую реакцию носителей сленга вызывает и дизайн городской среды в его прямом, экстралингвистическом смысле. Мотивировочным признаком для сленгового наименования в таких случаях становится форма, размер, цветовые характеристики городского объекта (иногда такие наименования называют визуальными урбанонимами [Стрельцова, 2011]). На наш взгляд, их вполне можно назвать *экстерьерно ориентированными* или *экстерьерными* (термин *экстерьер* активно используется дизайнерами для обозначения внешнего вида проектируемого объекта). Носитель сленга либо поддерживает и развивает дизайнерскую идею в шутивно-одобрительном наименовании (*Дом-Пряник* — жилой дом, расписанный в старорусском стиле по ул. Колокольной, 11, в Санкт-Петербурге), либо негативно реагирует на неудачное экстерьерное решение дизайнера: *Стоило* — торговый комплекс «Магеллан» в Пскове (по внешнему сходству с конюшней).

Такие сленгизмы обычно включаются в объект лингвистического исследования в комплексе с другими типами неофициальных урбанонимов, но заслуживают и отдельного рассмотрения, результаты которого и будут представлены в данной статье. Актуальность исследования экстерьерно ориентированных неофициальных урбанонимов определяется все той же необходимостью повышения комфортности городского пространства и формирования благоприятного, привлекательного имиджа города. В этом процессе оценочные сленговые номинации обеспечат дизайнерам обратную связь с реципиентами их авторских идей, воплощенных в городской архитектуре и скульптуре, колористике, проектах озеленения города и других элементах и уровнях городского дизайна, выделяемых культурологами и искусствоведами [Тихов и др., 2019; Барсукова, 2022]. В лингвоаксиологическом плане интересным будет не только выбор объекта сленговой номинации, но и способ номинации, социокультурная обусловленность мотива наименования, его контекстуальная реализация носителями сленга. Новизна исследования будет заключаться и в разработке модели лексикографического описания сленговых межрегиональных урбанонимических параллелей и уникальных сленгизмов-урбанонимов, характеризующих объекты дизайна городской среды.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования стали сленговые урбанонимы Пскова и Санкт-Петербурга, отражающие внешний облик городских объектов.

Для выявления межрегиональных номинативных параллелей привлекался сленговый материал других городов России. Источниками материала послужили региональные словари сленга [Вах.; Ник.; НР-2011; НР-2016; Синд.], а также авторские архивы: [АА РР] — записи живой разговорной речи молодежи 2010—2024 годов, сделанные в Пскове, Санкт-Петербурге, Волгограде, Новосибирске, и [АА ИК] — материалы интернет-коммуникации — фиксации неофициальных урбанонимов в блогосфере, постах пользователей социальных сетей, в материалах интернет-форумов, чатов, мессенджеров (2010—2024 годы). Методами компонентного и контекстуального анализа уточнялась семантика сленгизмов, их эмотивно-оценочные коннотации. Словообразовательный и фразеологический анализ позволил уточнить механизмы лексической и фразеологической сленговой номинации городских объектов по их экстерьеру. Эти характеристики неофициальных урбанонимов раскрываются на материале наиболее объемных их групп — наименований архитектурных сооружений и мемориальных объектов. Метод лексикографического конструирования использовался при разработке отдельных параметров словарного описания неофициальных урбанонимов и при моделировании структуры словарных статей. Лексикографический аспект темы раскрывается в статье с привлечением сленгового материала, соотносимого и с такими объектами дизайна городской среды, как городская скульптура, монументальная живопись, проекты озеленения города.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Объекты городского дизайн-пространства в их оценочной сленговой номинации: мотивы и образы

3.1.1. Архитектурные сооружения

Апеллятивные сленговые наименования близких жилых строений в «спальных» районах различных городов России свидетельствуют не только об общности типового характера застройки, но и о типовых моделях метафоры, используемых номинаторами. *Коробки, футляры, этажерки, пеналы* — целые кварталы таких зданий, сходных по форме с соответствующими предметами мебели и емкостями для хранения, не радуют глаз, как и некоторые попытки архитекторов оживить городской пейзаж отдельными резко выделяющимися на общем фоне высотками (*свечка, каланча, зуб*) или чрезмерно длинными, нередко — образующими ломаную линию постройками (*колбаса, кишка, китайская стена*): *Эти три свечки в Овсах /микрорайон Овсище, Псков/ нелепо выглядывают из-за кремля!* [АА РР, 2020]; *Что за дела! Концерт на Каланче, последний этаж. А курить — пожалуйста на улицу!* [АА РР, 2021]; *У Китайской стены шлагба-*

ум поставили, мне теперь ее не объехать по дворам [АА РР, 2023]. О том, что такие наименования еще не полностью перешли в разряд апеллятивов, свидетельствуют их фиксации в словарях сленга с указанием конкретных адресов именуемых объектов в разных городах: *Свеча (Свечка)* — 12-этажный жилой дом № 11 на ул. Западной в Пскове [НР-2011, с. 134]; первый экспериментальный дом у Володарского моста в Санкт-Петербурге [Синд., с. 90]; *Китайская стена* — жилой комплекс в Пскове на ул. Коммунальной, 42-44 [НР-2011, с. 142]; двухкорпусное здание по ул. Революционной, 55—57, в Уфе [Вах., с. 246]. Из уникальных высотных объектов отметим здание Лахта-центра в Санкт-Петербурге, метафорические наименования которого в отличие от архитектурного сооружения не являются уникальными: *Кукуруза, Кукурузина, Огурец, Макаронина*, — эти названия высотных зданий зафиксированы в Москве, Сочи, Новороссийске, Екатеринбурге [АА ИК, 2023—2024].

Не вызывает сомнений ономастический статус сленговых метафорических урбанонимов, используемых молодежью в разных городах страны для обозначения зданий, имеющих форму пятиугольника или многоугольника (*Пентагон* — по сходству формы со зданием штаб-квартиры Министерства обороны США), или строений круглой формы (*Шайба, Бублик, Ватрушка*) [Синд., с. 31, 35, 137, 204; Вах., с. 250; НР-11, с. 108, 165; АА ИК, 2023].

Псковским материалом проиллюстрируем факт межсистемной трансформации, когда сленговый ойкодомоним, не несущий отрицательного аксиологического заряда, становится неофициальным эргоурбонимом, а затем и официальным названием городского объекта: *Шайба* — круглая пристройка к универсальному магазину на ул. Я. Фабрициуса в Пскове, 70-е годы XX века → *Шайба* — ресторан «Псков», расположенный в этой пристройке, 80—90-е годы XX века → *Шайба* — ночной клуб «Викинг», расположенный там же, 2005—2017 годы → ТЦ «Шайба», расположенный в здании магазина и круглой пристройки, с 2018 года. Исследуя лингвопрагматические факторы полиноминативности городских объектов, М. В. Боброва пишет о трансляции такими онимами в современном официальном их функционировании «ностальгической привязанности к ушедшей советской эпохе и неприятия происходящих в обществе изменений» [Боброва, 2024, с. 99]. На наш взгляд, обращаясь к такому маркетинговому ходу, как использование неофициальных эргоурбонимов прошлых лет, современные владельцы торговых предприятий ориентируются не только на ностальгирующее старшее поколение, но и на номинативные традиции молодежного социума, ср., например, шуточный контекст в словаре псковского сленга: ШАЙБА <...> в этом здании сначала был ресто-

ран «Псков» — Шайба. Теперь «Викинг» — Шайба. Это передается, как фамилия [НР-2011, с. 165].

Мотивирующим признаком сленгового наименования здания становятся не только его высота, длина или геометрическая форма, но и экстерьер в целом как источник ассоциаций с реалиями бытовой и природной сфер. На базе таких ассоциаций созданы немногочисленные шуточные урбанонимы типа *Торт* (здание станции метро «Площадь восстания» в Санкт-Петербурге), *Юбка* (здание цирка на Фонтанке в Санкт-Петербурге) [Синд., с. 181, 210] и большое количество негативно-оценочных сленговых ойкодомонимов: *Огрызок* (двухэтажная пристройка к 9-этажному дому по ул. Юбилейной, 34, Псков), *Утюг* (дом № 10/18 по наб. Макарова, Санкт-Петербург), *Краб* (здание Российской национальной библиотеки на Московском пр., Санкт-Петербург) и др. Воплощенные в сленгизмах метафорические ассоциации с сооружениями, далекими по функции от именуемого объекта, также позволяют носителям сленга выразить свое отношение к задумке архитектура: *Крематорий* (кинотеатр «Фестиваль» на пр. Просвещения, Санкт-Петербург), *Мавзолей* (универсам на пр. Энтузиастов, Псков) и строения аналогичной конфигурации с такими же наименованиями в Йошкар-Оле, Нижнем Новгороде, Уфе, Ярославле [Вах., НР-2011; НР-2016; Синд.; АА ИК, 2023—2024]. В особо впечатляющих случаях такие эргоурбонимы, в высшей степени негативно коннотированные, образуют обширные синонимические ряды, ср., например, наименования торгового комплекса «Магеллан» на Рижском проспекте в Пскове (длинное одноэтажное здание с небольшими окнами и входом с торца): *Кожушья*, *Сарай*, *Свинарник*, *Скотник*, *Стойло*; он же — *Крокодил*, *Огурец*.

Эргоурбонимы, построенные на метонимическом переносе по модели с имплицитным промежуточным компонентом (*конструктивный элемент здания, в котором расположена организация* → [*здание, в котором расположена организация*] → *организация, расположенная в этом здании*), как правило, не обладают ярко выраженной аксиологической направленностью: *Жёлтая крыша* — универмаг «Западный» на ул. Рокоссовского в Пскове, *Ступеньки* — торговый центр на ул. Купчинской в Санкт-Петербурге, *Стекло* — универсальный магазин № 53 на ул. Советской в Пскове (здание с большими стеклянными витринами) и многочисленные *Стеклашки* в разных городах страны [НР-2016, с. 144; Синд., 175; Вах., 254; АА ИК, 2022]. А вот сочетание метафорических и метонимических механизмов номинации позволяет креативным носителям сленга создавать оригинальные шутивно-иронические наименования городских строений. Интересно, что в Пскове внимание номинаторов в таких случаях привлекают крыши зданий: *Шляпа* — здание службы МЧС на берегу реки Великой,

Сомbrero — главное здание кампуса ПсковГУ с конусом в центре крыши, *Черепаха* — двухэтажное здание на ул. Рокоссовского, 10-а, крыша которого напоминает панцирь. А жители других городов иронически оценили установку жилых домов на сваях, например, в Санкт-Петербурге — *Дом (дома) на костылях (на курьих ножках)* (ул. Бассейная, 53; Новосмоленская наб., 12, 14, 16, 18), в Москве — *Дом-осьминог* (ул. Беговая, 34), в Твери — *Сороконожка* (Комсомольский пр., 11) [Синд., с. 43; АА ИК, 2024].

Цветовое оформление зданий также находит отражение в аксиологически маркированной сленговой номинации. *Попугаями* и *попугайниками* неодобрительно называют отдельные строения с яркой, негармоничной цветовой палитрой экстерьера (например, в Пскове — Октябрьский пр., 56; в Санкт-Петербурге — наб. Мойки, 102) и целые микрорайоны с такой колористикой (в Санкт-Петербурге — микрорайон Ленинского проспекта за корпусами Кораблестроительного института; в Ярославле — микрорайон девятиэтажек по ул. Серго Орджоникидзе) [Синд., с. 147—148; АА ИК, 2023]. Яркая расцветка в совокупности с формой здания образно интерпретируется в насмешливых наименованиях: *Мухоморы* — три точечных 9-этажных дома, окрашенных в красный цвет, на Рижском проспекте в Пскове; *Жираф* — 10-этажный дом с яркими оранжевыми декоративными вставками на ул. Рокоссовского в Пскове.

Лингвокреативное сознание позволяет носителям сленга находить скрытые смыслы в колористических дизайнерских решениях и эксплицировать их в неофициальных урбанонимах, например, *Голубые береты* — микрорайон Пскова, в котором расположены общежития 76-й воздушно-десантной дивизии (балконы и крыши зданий окрашены в голубой цвет). А иллюстративные контексты, включенные в словари молодежного сленга, представляют читателю своеобразные этимологические комментарии от создателей неофициальных урбанонимов и их оценочные суждения относительно роли объектов номинации в имиджировании городских территорий: БОБТЕЙЛ, -а, м. *Шутл.* Дом № 16/18 по Октябрьскому проспекту в Пскове, верхние этажи которого окрашены в светлые тона, нижние — в темные. *Нет там никакого зоомагазина. Название чисто по окрасу: бобтейл — староанглийская овчарка* (Запись 2015 года). < По названию породы собак соответствующего окраса [НР-2016, с. 21]. ТРИ СВЕТОФОРА. *Шутл.* Магазины на улице Рокоссовского в Пскове, крыши которых окрашены в красный, желтый и зеленый цвета. *Три светофора явно оживляют пейзаж — деревьев нет, так хоть крыши разноцветные* (Запись 2011 года) [НР-2011, с. 133].

3.1.2. Мемориальные объекты

Как известно, неофициальные наименования городских мемориальных объектов (в нашем материале — памятников-статуй и обелисков) занима-

ют промежуточное положение между урбанонимами и идеонимами в силу наличия в их содержании художественного компонента. Они разнообразны по структуре — от однословных наименований до полных предложений, осложненных причастными оборотами [Ахметова, 2022, с. 195—197].

Мемориальные сооружения в городах России повсеместно представлены памятниками В. И. Ленину, а сленговые наименования этих объектов советского монументального наследия образуют объемные межрегиональные параллели. Многие другие исторические личности также получили скульптурное воплощение в крупных городах, а в регионах увековечены по месту их рождения или деятельности. Здесь же имеют место уникальные примеры скульптурной мемориализации местных знаменитостей. Все эти объекты и оценивают носители сленга с разных точек зрения, в том числе — с эстетической. Здесь важны размеры скульптуры, соотношение фигуры и постамента. Так, в Пскове шуточные монументонимы, отражающие высоту мемориальных объектов, образуют пары составных наименований с антонимичными компонентами: *Вован Большой* и *Вован (Вова) малый* (*маленький, малой*); *Большой брат* и *Брат меньший* — памятники В. И. Ленину у здания университета и перед зданием Областной администрации. Кроме того, зафиксированы и негативно-оценочные обозначения «Меньшого брата», фигура которого несоразмерна высокому постаменту (*Больной (мелкий) Ленин, Красный карапуз*), ср. комментарии носителей сленга: *Мне даже как-то жалко было всегда Больного Ленина. Такой маленький* (Запись 2004 года). *Маленький Вова — он же Больной Ленин, он же — Красный карапуз* (Запись 2005 года). *Мелкий Ленин в три раза меньше своего пьедестала. Потому и мелкий* (Запись 2003 года) [НР-2011, с. 78; НР-2016, 28]. В Санкт-Петербургском материале обнаруживается та же модель номинации: *Маленький Пушкин* — памятник А. С. Пушкину на Пушкинской улице. <Фигура поэта выглядит непропорционально маленькой по сравнению с пьедесталом [Синд., с. 113].

Инициировать процесс сленговой номинации памятника может наличие какой-то бросающейся в глаза детали скульптуры, как правило, несоразмерно крупной, например, в Пскове: *Конь с копытом* — памятник Александру Невскому на горе Соколикх (конная статуя; при взгляде на памятник снизу копыто согнутой передней ноги коня кажется чрезмерно большим); *У нас длинные руки* — памятник княгине Ольге, основательнице Пскова, у гостиницы «Рижской» (скульптор Зураб Церетели): длина рук заметно нарушает привычные для женской фигуры пропорции, а использование номинаторами прецедентного высказывания усиливает комический эффект наименования, отсылающего реципиента к произведению И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»; *Савва-палкоход* (—сканди-

ход) — памятник реставратору Савве Ямшикову (в руке персонажа высокий посох, напоминающий палку для скандинавской ходьбы).

Тем не менее именно какая-то заметная деталь памятника может стать мотивировочным признаком при создании шутливой метонимического наименования — городского ориентира, например, в Санкт-Петербурге: *Под кепочкой* — место встречи у памятника В. И. Ленину на Московской площади (в руке персонажа — кепка); *Между ног Маяковского* — место встречи в верхнем вестибюле станции метро «Маяковская», у барельефа поэта (фигура в полный рост с широко расставленными ногами) [Синд., с. 116, 144—145].

Примером оценочной сленговой реакции на цвет скульптуры может служить *Ольга в камуфляже* — наименование памятника княгине Ольге на Октябрьской площади в Пскове (металлическая скульптура покрылась серо-зелеными пятнами). *Может, Ольга в камуфляже так и задумана, чтобы подревнее казалась?* [НР-2016, с. 103], — размышляют горожане. Выбор скульптором позы персонажа также не всегда представляется номинаторам удачным, например, в Санкт-Петербурге: *Дементор, Падающий (пизанский) Блок, Падающая глыба* — памятник А. Блоку на ул. Декабристов (высокая фигура сильно наклонена вперед); *Регулировщик* — конный памятник Александру Невскому на площади Александра Невского (положение рук сходно с жестами регулировщика). Поза персонажа интерпретируется и в сопоставлении с уже имеющимся монументальным объектом: *Медный сидень* — памятник Петру I в Петропавловской крепости (скульптор В. Шемякин) [Синд., с. 116], ср.: *Медный всадник* (памятник на Сенатской площади в Санкт-Петербурге, проект Э. Фальконе).

Положение между ономастикой и городским фольклором, по определению М. В. Ахметовой, занимают более пространные пародийные описательные наименования памятников (онимы-предложения и номинации с причастными конструкциями) [Ахметова, 2021, с. 15—16]. Чаще всего они также строятся на обыгрывании позы героев мемориальной скульптуры: *Ленин, танцующий лезгинку* — памятник В. И. Ленину на Московском проспекте в Санкт-Петербурге (поза вождя напоминает движения танцора); *Ленин, торгующий пиджачком* — памятник В. И. Ленину у Финляндского вокзала в Санкт-Петербурге (Ленин держится рукой за борт пиджака, как бы предлагая его) [Синд., с. 104].

Граница между такими описательными формулировками и собственными именами может быть трудноуловимой, как отмечает М. В. Ахметова [Ахметова, 2022, с. 209], анализируя словарные статьи, репрезентирующие наименования памятника В. И. Ленину у здания Псковского университета:

Вова, прячущий зарплату от Надежды Крупской; Володя, сдающий курсовик, и Ленин, достающий шпаргалку (правая рука персонажа — в заднем кармане брюк, в левой — свернутые в трубочку бумаги) [НР-2006, с. 58, 148]. Заметим, что в лексикографической практике вопрос о «трудноуловимой границе» между онимидами и их текстовыми интерпретациями легко снимается данными анкетирования носителей сленга. Ономастический статус псковских пародийных монументонимов подтверждается десятками и сотнями ответов информантов на вопрос: как в молодежной среде называется тот или иной памятник? Полученная таким образом устойчивая неоднословная языковая единица и становится заголовком словарной статьи, который и ни в коем случае не является результатом «неоправданной исследовательской реконструкции», как могло показаться читателю словаря, не увидевшему в иллюстративных контекстах использования монументонима в исходной форме [Ахметова, 2022, с. 210]. Во-первых, как известно, устойчивые словосочетания и фразы в современной карнавализованной речи активно подвергаются всевозможным трансформациям, как и в случае со сленговыми монументонимами в словарных статьях «Ленин, достающий шпаргалку» и «Володя, сдающий курсовик»: *Господа студенты, равняйтесь на Володю, пора курсовики сдавать и Вон Ильич как откровенно достает шпаргалку — и ничего* [НР-2006, с. 58, 148], а во-вторых, как отмечает и сама М. В. Ахметова, «приводить высказывания, в которых информант просто сообщает о том, что памятник называется определенным образом, лексикографы считают избыточным» [Ахметова, 2022, с. 200]. Тем не менее приведем один из контекстов, отобранных для нового издания регионального словаря сленга, с «каноническим» употреблением монументонима и его текстовым развитием: *Да, у нас он по-прежнему Ленин, достающий шпаргалку, но в современных условиях скоро, наверное, появится что-то типа Ленин, выкладывающий мобильник на стол экзаметатора* [АА РР, 2024].

3.2. Экстерьерные урбанонимы в словаре неофициальной городской ономастики: к обоснованию концепции

Продолжая тему лексикографического описания нашего материала, рассмотрим проблему формирования словника сводного словаря неофициальной городской ономастики, концепция которого разрабатывается в Экспериментальной лексикографической лаборатории Псковского государственного университета. В словаре будут описаны как единицы разговорной речи (*Петровка* — ул. Петровская), так и сленгизмы (*Петруха* — наименование этой же улицы). Экстерьерные урбанонимы, как правило, не образуют таких межсистемных пар и представлены исключительно сленговым материалом. Модель лексикографической репрезентации урбанони-

мов-сленгизмов была апробирована еще в 2003 году на материале отонимических наименований, реализующих в речи молодежи разных городов России функции эргонимов, астионимов, хоронимов. Первый компонент толкования сленгизма раскрывает его предметную соотнесенность (например, ниже: *заведение, учреждение*) и мотив наименования (*им. Крупской*), далее в скобках или под буквенными индексами указывается конкретная референция: *КРУПА, -ы, ж., шутил.-ирон. 1. Какое-л. заведение, учреждение им. Н. К. Крупской: а) Институт культуры в Санкт-Петербурге. <...>. б) ДК в Санкт-Петербурге. <...>. 2. Площадь им. Н. К. Крупской (в Москве, Рязани, Рыбинске) <...>. 3. Улица Н. К. Крупской (в Москве, Санкт-Петербурге, Сочи, Пскове) <...>. [Ник., с. 324].*

При лексикографической разработке экстерьерно ориентированных убранимов мотив номинации будет детализироваться в указании на конкретный именуемый городской объект с выделением особенностей его внешнего вида, позволяющих читателю осмыслить креативную идею номинатора (ее эксплицирует и комментарий под знаком <), а также оценить дизайнерский замысел:

Каменный гвоздь. 1. *Шутл.* Памятник гвоздю в Новосибирске на ул. Геодезической у станции метро «Студенческая» — уличная скульптура: трехметровый гвоздь, вбитый в землю, с надписями «Будь сильным!» и «Забей на всё!» (Языковая игра построена на многозначности глагола: *забить (гвоздь)* — сленг. *забить на что-л.* — ‘перестать волноваться, обращать внимание на что-л., прекратить заниматься чем-л.’). *Этот Каменный гвоздь хотели выдернуть, но оставили, а Колбасу (был у нас и памятник колбасе) убрали по просьбам каких-то пенсов /пенсионеров/ [АА РР, 2019].* 2. Высокий обелиск: а) Монумент «Городу-герою Ленинграду» — гранитный монолит высотой 36 метров на площади Восстания в Санкт-Петербурге [Синд., с. 83]. б) Обелиск «Европа — Азия» на горе Березовой в Первоуральске — гранитная колонна высотой 30 метров. *Вот вам еще один Каменный гвоздь в коллекцию — «Европа — Азия», наверху двуглавый орел: одна голова в Европу, другая — в Азию. Вот так и разрываемся [АА РР, 2021].* < По внешней форме. 3. *Шутл.-ирон.* Высокий памятник, изображающий человеческую фигуру в полный рост: а) *устар.* Памятник В. И. Ленину в г. Венспилс (Латвия), общая высота 20 метров, постамент в виде колонны — 13 метров, демонтирован в 1991 г., хранится на территории городского комбината благоустройства. *Собираем сленг СССР. Вот из Латвии прислали: Каменный гвоздь в Венспилсе — памятник Ленину, даже фото оцифровано [АА РР, 2024].* б) Памятник В. И. Ленину у первого шлюза Волго-Донского канала в Волгограде — железобетонная статуя высотой 57 метров. *Говорят, тут до него Сталин стоял. Про него — не*

знаю, а этот товарищ — Каменный гвоздь. Каменный гость? Да, раньше так называли. А теперь — кто Пушкина читает? Вот и стал гвоздь. Но гость подразумевается [АА РР, 2024]. < По ассоциации со статуей командора из поэмы А. С. Пушкина «Каменный гость» и звуковому сходству *гвоздь* — *гость*.

Примеры сленговой интерпретации других элементов городского дизайна представлены ниже в лексикографической разработке уникальных экстерьерных урбанонимов. Толкования, комментарии и иллюстративные контексты раскрывают специфику образных ассоциаций номинатора при реализации различных способов образования сленгизмов (шутливые трансформации официальных наименований, обращение к прецедентным феноменам, метонимические и метафорические переносы и их комбинации).

3.2.1. Городская скульптура

Полтора капитана. *Шутл.* Скульптурная композиция «Два капитана» у Псковской областной библиотеки для детей и юношества им. В. А. Каверина (композиция включает фигуру главного героя романа «Два капитана» и бюст писателя В. А. Каверина). *Был ремонт Каверинки /библиотеки им. В. А. Каверина/. Могли бы и Полтора капитана до двух капитанов достроить* [АА РР, 2023]. <Трансформация официального названия композиции в соответствии с ее внешним видом.

Памятник Льву Яшину. *Шутл.* Каждая из городских скульптур львов с шарами в Санкт-Петербурге [Синд., 134]. <Лев Иванович Яшин (1929—1990) — знаменитый вратарь футбольного клуба «Динамо» (Москва) и сборной страны. По ассоциации: лев → Лев Иванович; шар → футбольный мяч; лапа льва на мяче как рука вратаря.

3.2.2. Озеленение города

Могилки, -лок, мн. *Шутл.* Комплекс небольших квадратных клумб в Детском парке Пскова; территория в центральной части парка, на которой расположены клумбы. *На Могилках тюльпаны высадили. Давай сфоткаемся /сфотографируемся/ на Могилках* [АА РР, 2023]. < По внешнему сходству.

Каменные джунгли. *Ирон. или неодобр.* Территория перед главным корпусом Псковского университета, на которой вырубili кусты сирени и уложили каменные плиты. *Теперь и в окно не хочется смотреть на лекции — Каменные джунгли. Зато вот название появилось, а раньше никак не называли* [АА РР, 2023]. < Ироническое использование фразеологизма в новой функции; изначально: о кварталах больших городов с высотными домами, отсутствием зелени; по названию романа Д. Х. Чейза «Каменные джунгли».

3.2.3. Монументальная живопись

Дед Пихто. *Шутл.-ирон.* Мурал с портретом Уолта Уитмена на торце дома № 11 по ул. Киселева в Пскове. *Вы гадали — как его назовут. А вот и назвали. Никто ж не знает, кто это, что за дед. А это Дед Пихто* [АА РР, 2024]. <Использован образ шутливого диалогического фразеологизма: — Кто? — Дед Пихто (при нежелании отвечать на вопрос).

Рога «Зенита». *Шутл.* Мурал «Облачные олени» на трансформаторной будке в Образском сквере Пскова. *Питерцы фоткаются /фотографируются/ у Рогов «Зенита»* [Запись 2023]. <Мурал с изображением летящих в облаках оленей выполнен в сине-бело-голубой гамме — клубных цветах Футбольного клуба «Зенит».

Рассмотрение фонда сленговых урбанонимов в его динамике позволяет уточнить и такой важный для лексикографии параметр, как форма заголовочной единицы. Так, в словаре 2011 года в заголовке одной из статей вынесена описательная формулировка *Где Пушкин с нянечкой тусуется* с толкованием «*О памятнике А. С. Пушкину с няней на Октябрьском проспекте в Пскове*» [НР-2011, с. 123]. Справедливое указание на некорректность заголовка [Ахметова, 2022, с. 200—201] стимулировало поиски более точного сленгового наименования памятника. В проектируемом словаре неофициальных урбанонимов заголовком статьи станет монументоним *Пушкин с нянечкой тусуется*. А конструкция «где + пропозитивное наименование памятника», устойчивость которой была подтверждена материалом последних лет, как модель «встраивания сленгового монументонима в широкий микроурбанонимический контекст» будет представлена в словарных статьях под специальной пометой («в конструкции») с указанием функции:

Мужики будку охраняют. *Шутл.* Памятник «Стражам границы» на ул. Труда в Пскове (фигуры пограничников окружают невысокую башенку) [АА РР, 2023]. // *В констр. Где мужики будку охраняют. Шутл.* При обозначении территории, прилегающей к данному памятнику. *Она с коляской гуляет, где мужики будку охраняют* [АА РР, 2024].

Ленин смотрит телевизор. *Шутл.* Памятник В. И. Ленину на пл. Ленина в Пскове, где установлен экран с видеорекламой [НР-2016, с. 148]. // *В констр. Где Ленин смотрит телевизор. Шутл.* При обозначении территории, прилегающей к данному памятнику. *Подожди меня у перехода, где Ленин смотрит телевизор* [АА РР, 2024].

Барсик масками торгует. *Шутл.* Объект уличной скульптуры у драматического театра в Пскове (бронзовая фигура небольшого барса — символа Пскова, у передних лап животного — две театральные маски) [АА РР, 2024]. // *В констр. Где барсик масками торгует. Шутл.* При обозначении

территории, прилегающей к данному арт-объекту. *Я его видела, где барсик масками торгует* [АА РР, 2024].

4. Заключение = Conclusions

Итак, в ходе исследования были выявлены типовые и уникальные городские объекты, внешний облик (экстерьер) которых, по мнению носителей молодежного сленга, нарушает гармонию городского дизайн-пространства. Стимулами образных ассоциаций при создании экстерьерно ориентированных сленговых урбанонимов с ярко выраженной негативной оценочностью становится чрезмерная высота, неудачное цветовое оформление объектов, несоразмерность их конструктивных элементов или внешний вид в целом, позволяющий номинатору увидеть сходство объекта с бытовыми предметами, представителями животного мира, овощами и т. п. На таких метафорических образах построена большая часть сленговых ойкодомонимов и монументонимов — наименований обелисков. Скульптурные мемориальные сооружения и малые формы уличной скульптуры чаще получают шутивно-иронические или шутивные наименования пропозитивного характера с привлечением прецедентных имен и фраз. Доказана и целесообразность лексикографической фиксации устойчивых синтаксических конструкций, в которых шутивные монументонимы реализуются в живой речи. Лингвоаксиологический потенциал сленговых урбанонимов в проектируемом словаре раскрывается комплексно в таких параметрах словарной статьи, как толкование, эмотивно-оценочные пометы, иллюстративные контексты и этимологические комментарии. Словарь неофициальных урбанонимов может быть полезен лингвокультурологам и социолингвистам как источник сведений об эстетических взглядах молодежи и способах выражения эстетической оценки применительно к сфере городского дизайна. Этими сведениями могут воспользоваться и дизайнеры, решающие проблемы имиджирования города.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АА ИК — *Архив* авторов (Материалы интернет-коммуникации).
2. АА РР — *Архив* авторов (Записи разговорной речи).
3. Вах. — *Вахитов В. С.* Словарь уфимского сленга / В. С. Вахитов. — Уфа : Изд-во БГПУ, 2003. — 236 с. — ISBN 5-87978-134-8.

4. Ник. — *Никитина Т. Г.* Молодежный сленг. Толковый словарь / Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург : Норинт, 2003. — 910 с. — ISBN 5-17-015420-8.
5. НР-2006 — *Никитина Т. Г.* Региональный словарь сленгов. Псков и Псковская область / Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва. — Москва : ЭЛПИС, 2006. — 384 с. — ISBN 5-902872-05-7.
6. НР-2011 — *Никитина Т. Г.* Молодежный лексикон г. Пскова. Толковый словарь / Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва. — Псков : Логос, 2011. — 204 с. — ISBN 978-5-93066-058-9.
7. НР-2016 — *Никитина Т. Г.* Актуальный молодежный лексикон : Псков — 2015 — 2016 / Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва. — Псков : Логос, 2016. — 180 с. — ISBN 978-5-9908436-2-2.
8. Синд. — *Синдаловский Н. А.* Словарь петербуржца / Н. А. Синдаловский. — Санкт-Петербург : Норинт, 2002. — 320 с. — ISBN 978-5-227-05162-2.

Литература

1. *Ахметова М. В.* Неофициальные монументонимы : к определению ономастического статуса / М. В. Ахметова // Вопросы ономастики. — 2022. — Т. 19. — № 3. — С. 195—220. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.3.037.
2. *Ахметова М. В.* Пародийные монументонимы : к определению границ / М. В. Ахметова // Ономастика Поволжья. Мат-лы XIX Междунар. науч. конфер. — Оренбург : Оренбургская книга, 2021. — С. 13—18. — ISBN 978-5-94529-104-1.
3. *Барсукова Н. И.* Семиотические функции образно-ассоциативных форм дизайна в городской среде / Н. И. Барсукова // Вестник славянских культур. — 2022. — Т. 65. — С. 359—371. — DOI: 10.37816/2073-9567-2022-65-359-371.
4. *Боброва М. В.* Полиноминативность географических объектов в лингвокультурном контексте / М. В. Боброва // Слово.ру : балтийский акцент. — 2024. — Т. 15. — № 1. — С. 89—112. — DOI: 10.5922/2225-5346-2024-1-5.
5. *Голомидова М. В.* Городские топонимы в аспекте трансляции региональной идентичности : кейс города Уфы / М. В. Голомидова // Вопросы ономастики. — 2022. — Т. 19. — № 1. — С. 160—179. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008.
6. *Голомидова М. В.* Отражение территориальной идентичности в топонимическом ландшафте малых городов Урала / М. В. Голомидова, А. В. Дмитриева // Вопросы ономастики. — 2023. — Т. 20. — № 2. — С. 144—173. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.2.019.
7. *Голомидова М. В.* Топонимическое имиджирование городских пространственных объектов / М. В. Голомидова // Вопросы ономастики. — 2020. — Т. 17. — № 3. — С. 263—278. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.043.
8. *Гороховская Л. Г.* Дискурс путеводителя «Глобус Владивостока» : широта крымская, долгота колымская / Л. Г. Гороховская // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2023. — № 49. — С. 44—54. — DOI: 10.17223/22220836/49/4.
9. *Ильин Д. Ю.* Лингвистические коды волгоградских топонимов как отражение региональной топонимической политики / Д. Ю. Ильин, Е. Г. Сидорова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2020. — Т. 19. — № 6. — С. 69—80. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.6>.
10. *Ильин Д. Ю.* Особенности лингвистического кодирования элементов топонимического пространства / Д. Ю. Ильин, Е. Г. Сидорова // Вестник Волгоградского государ-

ственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2021. — Т. 20. — № 5. — С. 20—31. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.5.2.

11. Клименко Е. Н. Неофициальные урбанонимы Екатеринбурга в социолингвистическом аспекте / Е. Н. Клименко, М. Э. Рут // Вопросы ономастики. — 2018. — Т. 15. — № 2. — С. 210—222. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.022.

12. Королёва И. А. Неофициальные топонимы в языке современного города и их изучение / И. А. Королёва // Социолингвистика. — 2022. — № 3. — С. 86—94. — DOI: 10.37892/2713-2951-3-11-86-94.

13. Крюкова И. В. Русская урбанонимия в пространственно-временном измерении / И. В. Крюкова // Вопросы ономастики. — 2023. — Т. 20. — № 2. — С. 313—321. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.2.026.

14. Никитина Т. Г. Топонимическое пространство города : «культурные слои» в лексикографическом отображении / Т. Г. Никитина // Вопросы ономастики. — 2018. — Т. 15. — № 2. — С. 180—193. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.020.

15. Питина С. А. Региональные особенности героизации и дегероизации южноуральских коммеморативов / С. А. Питина, А. В. Таскаева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2023. — Т. 22. — № 5. — С. 125—134. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.5.9.

16. Питина С. А. Креативность регионализмов на уровне словообразования / С. А. Питина, Е. В. Харченко // Филологический класс. — 2022. — Т. 27. — № 4. — С. 67—75. — DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-06.

17. Попов Р. В. Коннотативная микротопонимия русских городов : к проблеме генезиса и лексического значения / Р. В. Попов // Человек и язык в коммуникативном пространстве : Сб. научных статей / Ред. Б. Я. Шарифуллин. — Красноярск : Изд-во Сибирского федерального ун-та, 2013. — Выпуск 4. — С. 68—73. — ISBN 978-5-7638-2800-9

18. Разумов Р. В. Трансляция региональной идентичности в урбанонимии российских городов : современное состояние / Р. В. Разумов, С. О. Горяев // Вопросы ономастики. — 2020. — Т. 17. — № 2. — С. 201—219. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.024.

19. Стрельцова М. Ю. Неофициальные названия внутригородских объектов в аспекте соотношения языка и культуры / М. Ю. Стрельцова // Вестник ЦМО МГУ. — 2011. — № 3. — С. 26—29. — ISBN 978-5-9793-1149-4.

20. Тихов В. Г. Дизайнерский аспект формирования микропространств в городской среде / В. Г. Тихов, А. В. Шифман // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. — 2019. — № 2 (20). — С. 152—159. — DOI: 10.23951/2312-7899-2019-2-152-159.

Статья поступила в редакцию 04.03.2024,
одобрена после рецензирования 03.05.2024,
подготовлена к публикации 15.05.2024.

Material resources

AA IR — *Archive of authors (Materials of Internet communication)*. (In Russ.).

AA PP — *Archive of authors (Recordings of spoken language)*. (In Russ.).

HP-2006 — Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I. (2006). *Regional dictionary of Slang. Pskov and the Pskov region*. Moscow: ELPIS. 384 p. ISBN 5-902872-05-7. (In Russ.).

HP-2011 — Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I. (2011). *The youth lexicon of Pskov. Explanatory dictionary*. Pskov: Logos. 204 p. ISBN 978-5-93066-058-9. (In Russ.).

- HP-2016 — Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I. (2016). *Actual youth lexicon: Pskov — 2015—2016*. Pskov: Logos. 180 p. ISBN 978-5-9908436-2-2. (In Russ.).
- Nickname — Nikitina, T. G. (2003). *Youth slang. Explanatory dictionary*. St. Petersburg: Norint. 910 p. ISBN 5-17-015420-8. (In Russ.).
- Synd. — Sindalovsky, N. A. (2002). *Dictionary of St. Petersburg*. St. Petersburg: Norint. 320 p. ISBN 978-5-227-05162-2. (In Russ.).
- Wah. — Vakhitov, V. S. (2003). *Dictionary of Ufa slang*. Ufa: Publishing House of BSPU. 236 p. ISBN 5-87978-134-8. (In Russ.).

References

- Akhmetova, M. V. (2021). Parody monumentonyms: towards the definition of boundaries. In: *Onomastics of the Volga region. Materials of the XIX International Scientific Conference*. Orenburg: Orenburg Book. 13—18. ISBN 978-5-94529-104-1. (In Russ.).
- Akhmetova, M. V. (2022). Unofficial monumentonyms: towards the definition of onomastic status. *Questions of onomastics*, 19 (3): 195—220. DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.3.037. (In Russ.).
- Barsukova, N. I. (2022). Semiotic functions of figurative and associative forms of design in an urban environment. *Bulletin of Slavic Cultures*, 65: 359—371. DOI: 10.37816/2073-9567-2022-65-359-371. (In Russ.).
- Bobrova, M. V. (2024). The polynominativity of geographical objects in a linguistic and cultural context. *Word.<url>: Baltic accent*, 15 (1): 89—112. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-1-5. (In Russ.).
- Golomidova, M. V., Dmitrieva, A. V. (2023). Reflection of territorial identity in the toponymic landscape of small towns in the Urals. *Questions of onomastics*, 20 (2): 144—173. DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.2.019. (In Russ.).
- Golomidova, M. V. (2020). Toponymic imaging of urban spatial objects. *Questions of onomastics*, 17 (3): 263—278. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.043. (In Russ.).
- Golomidova, M. V. (2022). Urban toponyms in the aspect of regional identity translation: the case of the city of Ufa. *Questions of onomastics*, 19 (1): 160—179. DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008. (In Russ.).
- Gorokhovskaya, L. G. (2023). The discourse of the Vladivostok Globe travel guide: Crimean latitude, Kolyma longitude. *Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art history*, 49: 44—54. DOI: 10.17223/22220836/49/4. (In Russ.).
- Ilyin, D. Y., Sidorova, E. G. (2020). Linguistic codes of Volgograd place names as a reflection of regional toponymic policy. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 19 (6): 69—80. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.6>. (In Russ.).
- Ilyin, D. Yu., Sidorova, E. G. (2021). Features of linguistic coding of elements of the toponymic space. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 20 (5): 20—31. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.5.2. (In Russ.).
- Klimenko, E. N., Ruth, M. E. (2018). Unofficial urbanonyms of Yekaterinburg in a sociolinguistic aspect. *Questions of onomastics*, 15 (2): 210—222. DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.022. (In Russ.).
- Koroleva, I. A. (2022). Unofficial toponyms in the language of a modern city and their study. *Sociolinguistics*, 3: 86—94. DOI: 10.37892/2713-2951-3-11-86-94. (In Russ.).
- Kryukova, I. V. (2023). Russian urbanonymy in the space-time dimension. *Questions of onomastics*, 20 (2): 313—321. DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.2.026. (In Russ.).

- Nikitina, T. G. (2018). Toponymic space of the city: “cultural layers” in lexicographic representation. *Questions of onomastics*, 15 (2): 180—193. DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.020. (In Russ.).
- Pitina, S. A. (2022). Creativity of regionalisms at the level of word formation. *Philological class*, 27 (4): 67—75. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-06. (In Russ.).
- Pitina, S. A. (2023). Regional features of the heroization and deheroization of South Ural memoratives. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 22 (5): 125—134. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.5.9. (In Russ.).
- Popov, R. V. (2013). Connotative microtoponymy of Russian cities: on the problem of genesis and lexical meaning. In: *Man and language in the communicative space: Collection of scientific articles*, 4. Krasnoyarsk: Publishing House of the Siberian Federal University. 68—73. ISBN 978-5-7638-2800-9. (In Russ.).
- Razumov, R. V., Goryaev, S. O. (2020). Translation of regional identity in urbanonymy of Russian cities: the current state. *Questions of onomastics*, 17 (2): 201—219. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.024. (In Russ.).
- Streletsova, M. Yu. (2011). Unofficial names of inner-city objects in the aspect of the relationship between language and culture. *Bulletin of the Central Research Institute of Moscow State University*, 3: 26—29. ISBN 978-5-9793-1149-4. (In Russ.).
- Tikhov, V. G. (2019). The design aspect of the formation of microspaces in the urban environment. *Praxema. Problems of visual semiotics*, 2 (20): 152—159. DOI: 10.23951/2312-7899-2019-2-152-159. (In Russ.).

*The article was submitted 04.03.2024;
approved after reviewing 03.05.2024;
accepted for publication 15.05.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(4), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Кожемякина В. А. Социолингвистическая характеристика метисов Канады / В. А. Кожемякина // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 51—70. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-51-70.

Kozhemyakina, V. A. (2024). Sociolinguistic Characterization of Métis People in Canada. *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 51-70. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-51-70. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Социолингвистическая характеристика метисов Канады

Кожемякина Валентина Алексеевна
orcid.org/0000-0003-0588-985X
кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Научно-исследовательского центра
по национально-языковым отношениям
kojemiakina@gmail.com

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Sociolinguistic Characterization of Métis People in Canada

Valentina A. Kozhemyakina
orcid.org/0000-0003-0588-985X
PhD in Philology, Associate Professor,
Senior Researcher, Research Center
for National-Linguistic Relations
kojemiakina@gmail.com

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлена социолингвистическая характеристика коренного народа метисов в Канаде. Была поставлена задача на основе имеющихся научных работ и научных исследований описать состояние народа метисов, недавно признанного коренным народом страны, и его языка. Рассматривается история формирования нации метисов и ее современное состояние. Составлена демолингвистическая характеристика метисов в настоящее время. Приведены статистические данные последних переписей населения. Новизна исследования состоит в том, что в ходе оценки современного состояния народа метисов уделяется специальное внимание существующим законам и принятым судебным решениям, имеющим влияние на все аспекты жизни метисов. Предлагается обзор результатов антропологических и социолингвистических исследований метисов, проведенных учеными в последние десятилетия. Автор останавливается на функциональной характеристике языка метисов — митчиф. Определены функции этого языка: этническая и социальная. Рассмотрена политика применительно к метисам в области социальных, экономических и политических прав этого коренного народа Канады. Актуальность статьи обусловлена особым вниманием российской и мировой общественности к языковой ситуации и решению языковых проблем в полиэтнических государствах, а также к сохранению языков коренных народов.

Ключевые слова:

социолингвистическое исследование; метисы; этнический язык; языки коренных народов Канады; языковая дискриминация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents a sociolinguistic characterization of the indigenous Métis people in Canada. Drawing on existing scholarly works and research, the study aims to describe the status of the Métis people, recently recognized as an indigenous nation of the country, and their language. It delves into the historical formation of the Métis nation and its current state, providing a demolingvistic profile of the Métis population today. Statistical data from recent censuses is included. The novelty of this research lies in its examination of the contemporary situation of the Métis people with a focus on existing laws and judicial decisions impacting all aspects of their lives. An overview of anthropological and sociolinguistic studies on Métis people conducted by scholars over the past decades is offered. The author emphasizes the functional characteristics of the Métis language, Michif, outlining its ethnic and social functions. The article also discusses policies concerning Métis people in the realms of social, economic, and political rights. The relevance of this study is underscored by the heightened attention from Russian and global societies towards language situations and solutions to linguistic issues in polyethnic states, as well as the preservation of indigenous languages.

Key words:

sociolinguistic study; Métis people; ethnic language; languages of indigenous peoples in Canada; language discrimination.

Социолингвистическая характеристика метисов Канады

© Кожемякина В. А., 2024

1. Введение = Introduction

Метисы — это потомки от смешанных браков европейцев (французов, англичан, шотландцев) с индейскими и инуитскими женщинами. Они являются одним из трех официально признанных коренных народов Канады. Термин *метисы* характеризуется неоднозначностью трактовки, имеет разные исторические и современные значения. Этот термин используется для описания сообществ смешанного европейского и коренного происхождения по всей Канаде, а также для обозначения конкретного сообщества, определяемого как нация метисов.

Конституция Канады¹ в 1982 году признала метисов коренным народом [LC, р. 63]. В стране признаны три группы коренных народов: 1) индейцы (здесь их называют *Первыми Нациями*, так как считают это название более политкорректным, или по самоназванию отдельных народов и племен); 2) метисы (потомки от браков европейцев с индейскими и инуитскими женщинами в период первоначального освоения Канады); 3) эскимосы-инуиты, заселяющие побережье и острова Ледовитого океана.

Но в действительности коренные народы Канады насчитывают четыре группы, так как индейцы подразделяются на статусных и нестатусных. Статусные индейцы (проживающие в основном в общинах, большая часть которых находится в резервациях) попадают под юрисдикцию Закона об индейцах и пользуются большим количеством льгот и субсидий. Статусные индейцы составляют около 75 % всех представителей Первых Наций.

1 Конституция Канады не представляет собой один юридический документ в общепринятом понимании этого слова, а является сводом конституционных актов и конституционных соглашений, определяющих права граждан страны [LC, р. 1—69]. При этом в канадскую конституцию включены также и неписанные принципы, такие как конституционализм, демократия, федерализм, ответственное правительство, независимость судебного ведомства, примат права, парламентская привилегия, уважение меньшинств. Поскольку эти принципы не указаны в конституции, Верховный суд Канады разъясняет их в ходе своих решений.

Нестатусными считаются индейцы, которые не могут подтвердить своё происхождение документально, это уже ассимилировавшаяся часть коренного населения, они не принадлежат ни к какому конкретному племени и живут преимущественно в городах. Именно к нестатусным индейцам до недавнего времени относились метисы.

Последние десятилетия, после официального признания метисов коренным народом, хотя при этом им не предоставлялись те права, которыми пользуются Первые Нации, многие потомки смешанных браков по всей территории страны стали подавать судебные иски о предоставлении им прав как представителям коренного народа, и в связи с этим появилось много исследований ключевого вопроса: можно ли признать всех потомков смешанных браков представителями нации метисов или следует различать нацию метисов и потомков смешанных браков. Существуют разные теории на эту тему, которой посвящены многочисленные работы антропологов, историков, лингвистов. Этой проблемой занимались Д. Ганьон [Gagnon, 2006; 2019], Ганьон, 2022], К. Андерсен [Andersen, 2014], Е. Ривар [Rivard, 2007; 2015], А. С. Люсье и др. [Lussier et al., 1975], Д. Р. Ж. Леру [Leroux, 2019], Д. Энн [Энн, 2022], Р. Бушар [Bouchard, 2006] и мн. др.

Отдельные метисы и ассоциации метисов подавали и продолжают подавать иски в суды о признании их прав как коренного народа на рыболовство и охоту в целях самообеспечения. Многое в их ситуации изменилось после судебного решения Верховного суда по искам метисов отца и сына Паули в 2003 году, в котором были разработаны критерии, позволяющие признание метисов как представителей коренного народа. Эти критерии относятся не к отдельным представителям метисного сообщества, а ко всему сообществу в целом. Основные требования к метисным сообществам были следующие: помимо смешанного происхождения членов сообщества, они должны быть потомками метисов, проживавших на определенной территории; устройство сообщества должно предшествовать институциональному господству европейцев на этой территории; метисы должны иметь идентичность, образ жизни, культуру, традиции, язык, отличающиеся от европейцев и индейцев [Cour Suprême].

В настоящее время только потомки метисов, проживавших на западе страны в районе Красной реки в период заселения этой территории, смогли доказать, что они отвечают всем критериям, и только они признаны федеральными властями нацией метисов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В начале колонизации Нового Света политика Франции включала в себя попытку франшизации коренных народов. Французские колонисты

и коренные народы находили социальное объединение через смешанные браки. В результате этих браков возникло коренное население метисов, которые считают себя не обществами, объединенными смешанными браками, а скорее обществами коренных народов, возникшими в результате социально-исторического процесса на определенной территории, со своим укладом жизни, своей культурой, своим языком, образуя этнос. Поскольку «...этнос может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании» [Бромлей, 1983, с. 57—58].

Целью работы является социалингвистическая характеристика коренного народа Канады — метисов, основанная на работах историков, антропологов и лингвистов, исследовавших как сообщества метисов, так и их языки. Для обзора были привлечены работы таких ученых, как Д. Ганьон и Е. Жигэр [Gagnon, 2006; Gagnon, 2008; Gagnon et al., 2014; Gagnon, 2019; Ганьон, 2022]; Ж. Мартель [Martel, 1979]; Д. Р. Ж. Леру [Leroux, 2019]; Н. Гане, К. Ларше и С. Граммон [Gagné et al., 2014]; Д. О'Тулл [O'Toole, 2006]; Г. Отис [Otis, 2006]; Ж. Леклэр, М. Папийон, Ю. Форже [Leclair et al., 2019]; Р. А. Папен [Papen, 2017]; М. Б. Башкиров [Башкиров, 2015; Башкиров, 2022] и др. В России тема метисов также привлекает внимание этнологов и историков, в 2022 году номер научного журнала «Сибирские исторические исследования» был посвящен метисам Канады [Сибирские исторические исследования ..., 2022].

В данной работе будет рассматриваться история только официально признанного сообщества потомков метисов колонии Красной реки, которая в настоящее время активно исследуется учеными.

Для более объективной характеристики языковой ситуации, в которой находятся метисы Канады, были кратко определены основные этапы формирования этой нации и особенности развития языка нации метисов — митчи́фа.

Обращение к принятым законодательным актам позволило определить более точно ситуацию, в которой находятся метисы и их язык.

Статистические данные приводятся в исследовании по переписям, проведенным Статистической службой Канады [RC2006; RC2016; RC2021].

В работе были использованы библиометрический анализ, метод классификации, а также методы социалингвистических исследований: метод сбора и анализа данных и документальных источников.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Исторические вехи образования нации метисов

Первыми европейцами, отправившимися на запад североамериканского континента в XVIII веке, были носители французского языка, поэтому данная территория отмечена французскими названиями и именами: Форт Руж, Форт Морепа, Форт Дофин и многие другие. Эти пункты торговли мехом были местом притяжения охотников, «лесных бродяг» и франкофонов с востока, которые основали первую франкоязычную нацию на территории, ставшей впоследствии провинцией Манитоба.

В результате постоянного расселения франкофонов в общинах коренных индейцев заключались браки между индейскими женщинами и колонистами, охотниками, трапперами или наемными работниками компаний по торговле мехом с самого начала колонизации.

В 1670 году король Англии Карл II подарил принцу Руперту Рейнскому весь водораздел Гудзонова залива. Принц Руперт был первым губернатором Компании Гудзонова залива, которой были предоставлены исключительные коммерческие права на огромную территорию, известную как Земля Руперта¹, окружающую Гудзонов залив и простирающуюся далеко на запад.

Долговременные занятия торговлей мехом, охотой на бизонов и развитием торговых путей с Соединенными Штатами позволили метисам стать нацией Прерий.

В это время метисы не подвергались никаким формам порабощения. Они составляли большинство в прериях, и их идентичность не вызывала сомнений. Они были экономически независимы, и их работа имела решающее значение для функционирования компаний, торгующих мехом. Метисы также охотились на бизонов, что позволяло снабжать компании вяленным мясом. С тех пор нация метисов оставалась изолированной от других групп населения региона и далекой от своего французского происхождения.

Поселение, расположенное в месте слияния рек Красной и Ассинибойн, ныне город Виннипег, считается местом рождения и родной землей нации метисов. История метисов является неотъемлемой частью истории провинции Манитоба, поскольку именно здесь в 1869—1870-е годы было создано Временное правительство метисов, велись переговоры о вступле-

¹ Территория Земли Руперта, принадлежавшей Компании Гудзонова Залива, занимала центральную часть современной Канады и включала в себя территории провинции Манитоба, Саскачевана, Альберты, севера Онтарио и Квебека и южную часть Нунавута.

нии Манитобы в Доминион Канада¹. Манитоба стала пятой провинцией Канады в 1870 году. Закон о Манитобе, принятый в этом же году, должен был обеспечить защиту прав и культуры метисов [LM, 1870]. Однако этот закон не был соблюден, канадское правительство не предоставило метисам земель, обещанных им после присоединения Манитобы к Конфедерации (а было обещано 1,4 миллиона акров). Метисы очень пострадали от вступления Манитобы в Конфедерацию. Их население по переписи 1870 года составляло около 11 963 человек, в том числе 5757 франкоязычных метисов, 4083 англоязычных метиса, 1565 канадцев европейского происхождения (торговцы мехом и спекулянты землей) и 558 индейцев [O'Toole, 2006, p. 548]. Метисы жили на этих землях в течение двухсот лет; они охотились на бизонов, владели фермами и вели торговлю. В 1870 году на Красную реку был отправлен экспедиционный военный отряд. Чтобы занять территорию метисов и изгнать их, использовались все методы: насилие, запугивание, убийства и поджоги. Расистская политика стала причиной резкого сокращения числа метисов в Манитобе в конце XIX века. С 1870 по 1886 годы доля метисов уменьшилась с 83 процентов до 7 процентов населения Манитобы, а сегодня их осталось всего 5 процентов. Пренебрегая правами метисов, правительство Канады прислало геодезистов, которые перераспределили земли в пользу будущих англоязычных поселенцев.

Политика маргинализации метисов, проводимая правительством значительно сократила их количество, а окружающий расизм заставлял многие метисские семьи скрывать свое происхождение.

Историю метисов можно разделить на три основные эпохи. Первая — это этногенез метисов, с 1600 по 1870 годы. За это время метисы сформировали нацию. Вторая эпоха, период сопротивления и лишения собственности с 1870 по 1960 годы, была мрачным периодом для нации метисов. Расистская политика и миграция англоканадцев на запад страны стали причинами резкого сокращения числа метисов в конце XIX века. Они были вынуждены скрывать свою идентичность, ассимилироваться с индейцами или франкоканадцами или отправиться в изгнание на другие территории. Наконец, третья эпоха — это эпоха признания идентичности, с 1960 года по настоящее время. Как уже отмечалось, в 1982 году в Конституцию Канады было включено признание метисов коренным народом страны. Метисы создают ассоциации, которые представляют их на провинциальном и

1 Доминион Канада, куда входили Онтарио, Новая Шотландия, Новый Брансуик и Квебек, был основан в 1867 году принятием Акта о Британской Северной Америке (который является основной частью Конституции Канады) [LC, p. 1—51], закрепившего нахождение трёх этноязыковых общностей: англофонов, франкофонов и представителей коренного населения на территории федеративного государства, подчиняющегося юрисдикции Великобритании.

федеральном уровнях, и активно борются за признание их самобытности и прав коренного народа страны.

Эти ассоциации представлены на национальном и международном уровнях Национальным объединением метисов, основные задачи которого — отстаивать права нации метисов и содействовать политическому вмешательству для их защиты; представлять нацию метисов на национальном и международном уровнях; представлять интересы метисов на уровне программ развития национальной политики; разрабатывать социальную, культурную и экономическую политику; обеспечивать канал связи между учреждениями, правительствами (включая правительства коренных народов) и общественностью в целом [Ralliement national des Métis].

Таким образом, только после длительного периода пренебрежения правительства западных провинций, вынужденные вести переговоры с метисами как коренным народом, признали права метисов. С другой стороны, федеральное министерство по делам индейцев и Севера (Ministère fédéral des Affaires indiennes et du Nord) по-прежнему отказывается предоставить им те же права, что и другим коренным народам. Таким образом, власти страны занимают двойственную позицию, которая вынуждает метисов подавать иски в суд.

3.2. Демолингвистическая характеристика метисов в настоящее время

По последней переписи 2021 года в стране насчитывается 1,8 миллиона коренных жителей, что составляет 5 % от общей численности населения Канады.

По состоянию на 2021 год в Канаде проживало 624 220 метисов, что на 6,3 % больше, чем в 2016 году [RC2016; RC2021].

Рост численности коренного населения также можно наблюдать в течение более длительного периода. Например, с 2006 по 2021 годы численность коренного населения увеличилась на 56,8 %, что почти в четыре раза больше, чем увеличение численности некоренного населения за тот же период. Численность метисов увеличилась на 60,7 %, Первых Наций — на 54,3 %, а инуитов — на 40,1 % [RC2021; RC2006].

Различные факторы вызвали такое увеличение числа канадцев, считающих себя представителями коренных народов. Но, несомненно, это свидетельствует о росте самосознания и престижности причисления себя к автохтонному населению. А также это объясняется повышением рождаемости у данных народов и, безусловно, значительным увеличением объема льгот и помощи аборигенам.

Население метисов Канады довольно молодое. Дети в возрасте до 14 лет составляют 22,3 % метисов, в то время как группа представителей пожилого поколения (от 65 лет) — 8,7 %.

По состоянию на 2021 год более 4 из 5 представителей метисов (83,2 %) проживали в Онтарио или Западной Канаде. В Онтарио в настоящее время проживает самое большое население метисов (134 615 человек), за ним следует провинция Альберта (127 470 человек).

Предыдущие циклы переписи позволили выявить различные особенности семейной организации у коренных народов: многие из их представителей проживают в семьях, состоящих из людей нескольких поколений, вместе со своими родителями, бабушками и дедушками и другими родственниками.

В семьях Первых Наций, метисов и инуитов бабушки и дедушки часто играют важную роль в воспитании детей и передаче ценностей, традиций и культурных знаний молодым поколениям.

В результате обсуждений с организациями, правительствами и заинтересованными сторонами, занимающимися проблемами метисов, в вопроснике переписи населения 2021 года впервые были собраны данные о членстве в организации или учреждении метисов. В ходе переписи было выявлено, что 224 655 человек являются членами организации или учреждения метисов, из которых четыре пятых (79,8 %) заявили, что принадлежат к одной из пяти организаций, подписавших в 2017 году соглашение между Канадой и Нацией метисов. Основной целью этого соглашения было «продвижение перемирия в отношении прав, интересов и чаяний нации метисов» [Accord Canada-Nation métisse, 2017] (здесь и далее перевод наш. — *В. К.*).

Метисы Канады образуют особый народ, имеющий свою культуру, традиции и образ жизни. Эта этническая группа имеет свой исторически сложившийся и официально признанный язык — митчиф, который основан на элементах языков кри и французского, а также имеет заимствования из английского языка, официального языка мест их проживания и других индейских языков. Ранее метисы говорили или на митчиф, или на одном из языков Первых Наций. В настоящее время они в основном перешли на общение на английском языке, так как проживают чаще всего в городах и посёлках.

Манитоба является местом зарождения нации метисов, и, хотя в настоящее время там проживает только 89 360 метисов, именно в Манитобе наиболее распространён язык митчиф.

3.4. Федеральное и региональное языковое законодательство по правам метисов

Основным важным документом по проблемам коренных народов, несомненно, является Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, принятая Международной организацией труда в 1989 году, в которой подчеркивается необходимость принятия новых меж-

дународных норм в целях ликвидации ориентации на ассимиляцию коренных народов, содержащейся в ранее действовавших нормах [Конвенция].

В 2019 году, который был объявлен ООН «Международным годом языков коренных народов», правительство Канады приняло Закон о языках коренных народов с целью «поддержки и поощрения использования языков коренных народов»:

«...правительство Канады разделяет положения Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов, предусматривающих права, касающиеся языков коренных народов....

Правительство Канады признает,

что в течение очень длительного времени и до настоящего момента Первые нации, инуиты и метисы живут на территории Канады, обживают свои земли, образуя общины, имеющие отличительные особенности в культуре и образе жизни;

что автохтонные языки были первыми языками, на которых говорили на этих территориях;

...что автохтонные народы играли важную роль в создании и развитии Канады и что их языки внесли свой вклад в многообразие и богатство языкового и культурного наследия страны;

что на протяжении всей истории определенные дискриминационные политики и решения правительства, в том числе направленные на ассимиляцию, насильственное переселение аборигенов или принудительное помещение их детей в школы-интернаты, нанесли большой урон развитию языков коренных народов и внесли значительный вклад в их языковую аттрицию;

что ситуация, в которой находится каждый аборигенный язык, в частности уровень его витальности, может значительно отличаться от ситуации других автохтонных языков, и поэтому существует настоятельная необходимость в содействии коренным народам в их усилиях по изучению и использованию родных языков, их поддержке и возрождению» [LLA 2019].

В последние годы были реализованы другие федеральные инициативы, в том числе Закон о детях, молодежи и семьях Первых Наций, метисов и инуитов [LC 2019].

В 2019 году было создано Управление уполномоченного по языкам коренных народов (Bureau du commissaire aux langues autochtones), основной задачей которого является поддержка коренных народов в их усилиях по восстановлению, возрождению и сохранению языков коренных народов.

Принимается во внимание и тот факт, что многие языки, которые когда-то процветали, теперь находятся в опасности. Ряд языков коренных народов насчитывает менее 1000 носителей. Ученые-лингвисты в рамках

программ по сохранению языков коренных народов занимаются исследованиями и описаниями этих языков.

Наиболее распространенными языками метисов являются языки кри (4650 носителей), митчиф (1845 носителей) и дене (1035 носителей) [RC2021].

3.5. Особенности функционирования языка метисов — митчиф

Уже во второй половине XVII века в результате торговли мехом на территории Руперта возникли две отдельные общины, сложившиеся в результате союзов женщин из числа коренного населения и европейских колонизаторов: франкоязычные метисы и англоязычные метисы. Со временем французский или английский язык, который дети смешанной расы выучили у своих отцов, развился особым образом и породил две местные разновидности: *митчиф* на базе французского языка и *банджи* (Bungee) на базе английского языка. Если на митчиф еще говорят 1845 человек, то банджи является мертвым языком, также не имеется никакого описания этого языка.

На всей территории Канады существует несколько языков метисов, на которых говорят в разных сообществах, и эти языки чаще всего называют *митчиф*, по этнониму народа, говорящего на нем¹. На протяжении времени в метисных сообществах сложились языки на базе разных индейских языков: кри, солто, чипевьян, оджибве и др.

В данной работе будет рассматриваться функционирование только языка митчиф², который сложился у метисов Красной реки и который признан языком нации метисов. Исследователи митчиф называют его уникальным, он представляет собой удивительный сплав элементов французского языка с элементами языка кри. И это языковое наследие сегодня находится на грани исчезновения. На митчиф до сих пор говорят в основном пожилые метисы, проживающие в Западной Канаде. Единственное сообщество, где на нем все еще говорят, по крайней мере взрослое население, — это две деревни Сен-Лоран и Сен-Амбруаз на берегу озера Манитоба. Язык вымирает, поскольку на протяжении более ста лет проводилась резкая критика «плохого» французского языка, на котором говорили метисы, со стороны миссионеров, педагогов и евроканадцев, носителей французского языка.

- 1 Этноним *митчиф* (*mitchif*) является вариантом, передающим местное произношение названия метисов — *метиш* (*métif*), древним канадо-французским названием народа, преобразовавшимся впоследствии в *метис* (*métis*). Последнее время метисы канадского запада все чаще называют себя *митчиф* с целью самоидентификации, полагая, что термин *метис* (*métis*) имеет евро-канадское происхождение и используется по отношению ко всем метисам страны [Papen, 2009; Papen, 2014].
- 2 Краткая характеристика языка митчиф составлена по работам: [Gagnon et al., 2007; Papen, 1984; Papen, 1993; Papen, 2004; Papen, 2009; Papen, 2014; Marchand et al., 2002].

Это привело к тому, что многие из метисов отказались от него в пользу английского, официального языка провинций, где они проживают.

Несмотря на значительные усилия различных социокультурных и политических организаций метисов, которые ежегодно организуют симпозиумы, на которых предлагаются уроки митчифа, публикуют книги по языку митчиф, издают учебные материалы для детей и двуязычные словари, специалисты считают, что, поскольку нет носителей языка митчиф моложе 60 лет, языку суждено исчезнуть в течение одного поколения. Тогда мир лишится еще одного бесценного языкового сокровища.

Французский, который дети метисы выучили от своих отцов, безусловно, не был литературным вариантом языка, так как большинство этих людей были неграмотными. Поскольку молодые метисы не получали никакого образования и также были неграмотны, местный язык, на котором они говорили, свободный от каких-либо регулирующих и нормализующих ограничений, рано начал развиваться независимо. Кроме того, эти молодые люди изучали язык своей матери. Таким образом, большинство из них были двуязычными, с явным преобладанием в пользу языка коренных народов. Влияние этого языка привело к тому, что их французский язык постепенно приобрел многие грамматические черты и лексические элементы, типичные для алгонкинских языков.

Хотя нет никаких исторических документов, позволяющих определить и датировать происхождение митчифа, высказывается предположение, что этот язык был создан молодыми охотниками метисами еще в первой трети XIX века. Они вместо того, чтобы возвращаться в свой приход в поселении Красной реки в конце каждой охоты, привыкли зимовать на охотничьих территориях. Общины, в которых до сих пор говорят на митчифе, — это именно те места, где собирались зимовщики метисы: в месте слияния рек Ассинибойн и К'-Аппель (Манитоба), в долине реки К'-Аппель (Саскачеван) или в долине реки Миссури (Северная Дакота, США).

Во всех исторических документах по этому вопросу упоминается, что охотники были совершенно двуязычными, даже часто полиглотами, и говорили на индейских и французском языках. В настоящее время подавляющее большинство носителей языка митчиф лишь частично владеют французским и кри, но все они говорят по-английски.

Митчиф всегда был «общинным» языком, используемым только членами ограниченного сообщества; это объясняет, почему о его существовании долго не было известно (первое упоминание о существовании этого языка датируется XX веком). Даже в настоящее время Статистическое управление Канады не всегда учитывает митчиф в своем списке языков коренных народов страны, а среди специалистов по языкам коренных жи-

телей Северной Америки упоминания о существовании митчифа встречаются крайне редко.

Исследователи указывают на определенное количество диалектных различий языка митчиф на разных территориях и в разных поселениях, что объясняется устной передачей языка при отсутствии письменных источников.

В последние годы митчиф вызывает все больший интерес со стороны самих метисов. Признание нации метисов в Конституции Канады вызвало растущий интерес к языкам, которые используют метисы, особенно к митчифу. Программа по сохранению языков коренных народов Канады, созданная в конце прошлого века с целью защиты и возрождения этих языков, включала среди прочих и язык митчиф. Эта программа была направлена на содействие увеличению числа носителей языков коренных народов, а также передаче этих языков из поколения в поколение и их использованию в семейном и общинном контексте.

В 2000 году Национальное объединение метисов, претендующее на то, что оно представляет всех метисов страны, на своем ежегодном собрании проголосовало за то, чтобы сделать митчиф «историческим» и официальным языком всех метисов Канады.

Невозможно определить количество говорящих на языке митчиф в Канаде. Исследователи приводят приблизительные данные, но всегда подчеркивают, что на этом языке говорят люди пожилого возраста. Также подвергаются сомнению данные переписей, поскольку люди, говорящие на разных вариантах смешанных языков, называют их одним термином — *митчиф*. По данным переписи 2021 года, языком митчиф владеют 1845 человек, в то время как согласно известному справочнику по языкам мира (Ethnologue) количество владеющих языком митчиф в Канаде — 700 человек [Ethnologue].

Митчиф представляет собой смешанный язык, не имеющий ничего общего с пиджином или креолом. Смешанные языки встречаются редко, их в мире примерно тридцать и каждый из них имеет ограниченное число носителей [Rapen, 2014, p. 328].

Митчиф — это язык, именные синтагмы и предлоги которого происходят из французского языка; глаголы произошли от языка кри; в то время как другие грамматические категории разделены между этими двумя языками. Порядок слов в митчиф свободный, как в языке кри.

Несмотря на то, что небольшие сообщества метисов, говорящие на митчиф, не имеющем никакой установившейся нормы, проживают дисперсно на большой территории канадских Прерий, исследователи языка отмечают незначительную вариативность их языка. Всегда используются

именные синтагмы французского языка и глаголы из языка кри. И только пропорция других грамматических категорий может варьироваться.

Как большинство языков с устной традицией, митчиф не имеет никакой нормы орфографии и грамматики, и до начала этого века в записях на этом языке представлено большое варьирование: орфография была фонетической. Исследователь этого языка — лингвист Р. Папен предложил систематизированное описание этого языка и предложил унифицированную орфографическую систему, подчеркнув в своих работах, что еще многое необходимо сделать для фиксации норм этого уникального языка.

В 1998 году митчиф был включен Министерством канадского наследия в программу по ревитализации языков коренных народов страны, которая предполагала введение этого языка в систему образования, и в результате совместных усилий был издан учебник по этому языку и записаны видеоролики.

В настоящее время митчиф в основном используется в качестве церемониального языка. Все мероприятия с участием представителей метисов, как культурные, так и юридические или политические, начинаются с молитвы на митчиф. У языка митчиф имеется символическая ценность как маркера идентичности нации, несмотря на низкий уровень его использования в сообществах.

4. Заключение = Conclusions

В 1876 году канадское правительство, приняв Закон об индейцах, полностью игнорировало права метисов, проживавших по всей стране. В дальнейшем этот закон часто уточнялся, последняя модификация закона была принята в 1985 году, хотя в него вносятся время от времени отдельные изменения и дополнения. Новые возможности для метисов предоставило внесение их нации в Конституционный закон в 1982 году. Решение суда по делу Паули в 2003 году позволило членам сообществ метисов надеяться на признание их прав как коренного народа страны. И хотя права потомков метисов, проживавших в районе Красной реки (если их происхождение подтверждается документально), уже признаны официально, но все другие метисы и нестатусные индейцы не обладают никакими правами, как коренные народы страны. Им предоставлено право обращаться с исками в суды в надежде добиться признания их прав как представителей коренного народа.

С середины XIX века отношения между нацией метисов и колониальным, а затем и федеральным правительством были отмечены несправедливостью, злоупотреблениями и мошенничеством.

Канада не выполнила своих обязательств по отношению к метисам после вступления Манитобы в Доминион Канада, уступив лучшие земли им-

мигрантам, а не коренным жителям метисам. Эти события привели к расселению, маргинализации и ассимиляции метисов, которым пришлось скрывать свою идентичность, чтобы избежать расизма.

Хотя метисы получили статус коренного народа, но ряд проблем возник из-за того, что термин *метисы* не определен в Конституции Канады. Другая проблема заключается в том, что метисы не пользуются многими правами, предоставляемыми другим коренным народам. Поэтому любые попытки самоопределения должны решаться в судах, что является длительным, дорогостоящим и неэффективным процессом. Единственное, чего они могут добиться в случае успеха, — это признание их права на охоту и рыбную ловлю в целях самообеспечения.

В настоящее время вопрос об идентичности метисов в Канаде является спорным вопросом. В то время как некоторые сообщества метисов запада страны сумели добиться своего признания как нации, метисы восточной части Канады получают отказы на предъявляемые ими права на признание их коренным народом.

Самобытность и территориальность коренных народов в Канаде сегодня более, чем когда-либо, претерпевают изменения и находятся в процессе реконфигурации. Эволюция глобальных территориальных переговоров, достижение взаимопонимания между коренными народами и правительствами провинций и федеральным правительством, а также внедрение моделей совместного управления природными ресурсами позволяют предположить, что Канада находится на пути примирения со своими коренными народами и формирования уважительного отношения к культурным, экономическим и политическим чаяниям Первых Наций, инуитов и метисов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Конвенция — *Конвенция* о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (Конвенция № 169 МОТ), 1989 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (дата обращения 03.02.2024).
2. *Accord Canada* — Nation métisse, 2017. [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.pm.gc.ca/fr/accord-canada-nation-metisse> (accessed 16.02.2024).
3. Cour Suprême — *Cour Suprême du Canada*. Jugement rendu le 19 septembre 2003 dans la cause de Sa Majesté la Reine contre Steve Powley et Roddy Charles Powley. [Electronic resource]. — Access mode : <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/fr/item/2076/index.do> (accessed 20.01.2024).
4. Ethnologue — *Ethnologue* : Languages of the World [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.ethnologue.com/> (accessed 20.03.2024).

5. LC — *Lois constitutionnelles de 1867 à 1982*. Ministère de Justice. Canada. — Ottawa : Éditions et Services de dépôt. Travaux publics et Services gouvernementaux. Canada, 2012. — 85 p.

6. LC 2019 — *Loi concernant les enfants, les jeunes et les familles des Premières Nations, des Inuits et des Métis* [Electronic resource]. — Access mode : <https://laws.justice.gc.ca/fra/lois/f-11.73/index.html> (accessed 16.03.2024).

7. LM 1870 — *Loi de 1870 sur le Manitoba*. [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.justice.gc.ca/fra/pr-rp/sjc-csj/constitution/loireg-lawreg/pl1t21.html> (accessed 16.03.2024).

8. LLA 2019 — *Loi sur les langues autochtones*. [Electronic resource]. — Access mode : <https://laws-lois.justice.gc.ca/fra/lois/i-7.85/TexteComple.html> (accessed 20.03.2024).

9. Ralliement national des Métis. [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.metisnation.ca/> (accessed 20.02.2024).

10. RC2006 — *Recensement de la population du Canada de 2006* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2006/index-fra.cfm> (accessed 21.01.2024).

11. RC2016 — *Recensement de la population du Canada de 2016* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2016/dp-pd/index-fra.cfm> (accessed 23.01.2024).

12. RC2021 — *Recensement de la population du Canada de 2021* [Electronic resource]. — Access mode : <https://ouvert.canada.ca/data/fr/dataset/750e6035-adf8-4426-966f-4c25b12a999e> (accessed 23.01.2024).

Литература

1. Башкиров М. Б. Фигура Луи Риэля и проблема формирования метисной идентичности в Манитобе в XX в. / М. Б. Башкиров // Канадский ежегодник. — 2015. — Выпуск 19. — С. 64—76.

2. Башкиров М. Б. Метисы в культурном ландшафте Канады во второй половине XIX в. / М. Б. Башкиров // Сибирские исторические исследования. Научный журнал. — 2022. — № 1. — С. 79—97. — DOI: 10.17223/2312461X/35/5.

3. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. — Москва : Наука, 1983. — 412 с.

4. Ганьон Д. Идентичность с точки зрения юриспруденции: канадские метисы в судах / Д. Ганьон // Сибирские исторические исследования / Siberian Historical Research. Научный журнал. — 2022. — № 1. — С. 60—78. — DOI: 10.17223/2312461X/35/4.

5. Энн Д. Претензии на статус метиса в Канаде : критический анализ исследований исторических метисных сообществ, инициированных Министерством юстиции / Д. Энн // Сибирские исторические исследования. Научный журнал. — 2022. — № 1. — С. 36—59. — DOI: 10.17223/2312461X/35/3.

6. Сибирские исторические исследования // Научный журнал. — 2022. — № 1. — 263 с.

7. Andersen C. «Métis» : Race, Recognition, and the Struggle for Indigenous Peoplehood / C. Andersen. — Vancouver : UBC Press, 2014. — 284 p.

8. Bouchard R. La longue marche du peuple oublié : ethnogenèse et spectre culturel du peuple Métis de la Boréale / R. Bouchard. — Chik8timitch, Saguenay : R. Bouchard, 2006. — 213 p. — ISBN 2921101998.

9. Gagné N. La communauté comme sujet et objet du droit. Implications pour les Métis du Canada / N. Gagné, Cl. Larcher, S. Grammond // Anthropologie et Sociétés. — 2014. — Vol. 38. — № 2. — Pp. 151—174. — DOI: https://doi.org/10.7202/1026169ar_

10. *Gagnon D.* La Nation métisse, les autres Métis et le métissage. Les paradoxes de la contingence identitaire / D. Gagnon // *Anthropologie et Sociétés*. — 2006. — Vol. 30. — № 1. — Pp. 180—186. — DOI: <https://doi.org/10.7202/013836ar>.

11. *Gagnon D.* L'étude des langues métisses et le programme de revitalisation du mitchif : un état de la situation / D. Gagnon, S. Gagné // *Recherches amérindiennes au Québec*. — 2007. — Vol. 37. — № 2—3. — Pp. 77—87.

12. *Gagnon D.* La création des «vrais Métis» : définition identitaire, assujettissement et résistances / D. Gagnon // *Port Acadie*. — 2008. — № 13, 14, 15. — Pp. 295—306. — DOI: <https://doi.org/10.7202/038434ar>.

13. *Gagnon D.* Le statut de Métis au Canada. Histoire, identité et enjeux sociaux / D. Gagnon. — Québec : Les Presses de l'Université Laval, 2019. — 289 p. — ISBN 9782763742106.

14. *Gagnon D.* Le Métis comme catégorie sociale : Agencéité et enjeux sociaux / D. Gagnon, H. Giguère // *Anthropologie et Sociétés*. — 2014. — Vol. 38. — № 2. — Pp. 13—26. — DOI: <https://doi.org/10.7202/1026162ar>.

15. *Leclair J.* Les protocoles de consultation autochtones au Canada. Un modèle de convergence des systèmes juridiques autochtones et étatique? / J. Leclair, M. Papillon, H. Forget // *Recherches amérindiennes au Québec*. — 2019. — Vol. 49. — № 2. — Pp. 25—36. — DOI: <https://doi.org/10.7202/1070756ar>.

16. *Leroux D. R. J.* Le révisionnisme historique et la création des métis de l'est. La mythologie du métissage au Québec et en Nouvelle-Écosse / D. R. J. Leroux // *Politique et Sociétés*. — 2019. — Vol. 38. — № 3. — Pp. 3—25. — DOI: <https://doi.org/10.7202/1064728ar>.

17. *Lussier A. S.* The Métis, Canada's Forgotten People / A. S. Lussier, D. B. Sealey. — Winnipeg : Manitoba Métis Federation Press, 1981. — 200 p. — ISBN 978-0919213395.

18. *Marchand A.* Les conséquences sociolinguistiques de la diaspora et de la diglossie chez les métis francophones de l'Ouest canadien / A. Marchand, R. A. Papen // *Cahiers de sociolinguistique*. — 2002. — № 7. — Pp. 29—63. — DOI: [10.3917/csl.0201.0029](https://doi.org/10.3917/csl.0201.0029).

19. *Martel G.* Quand une majorité devient une minorité : les Métis francophones de l'Ouest canadien / G. Martel // *Cahiers de géographie du Québec*. — 1979. — Vol. 23. — № 58. — Pp. 73—98. — DOI: <https://doi.org/10.7202/021424ar>.

20. *Otis G.* Territorialité, personnalité et gouvernance autochtone / G. Otis // *Les Cahiers de droit*. — 2006. — Vol. 47. — № 4. — Pp. 781—814. — DOI: <https://doi.org/10.7202/043911ar>.

21. *Papen R. A.* Quelques remarques sur un parler français méconnu de l'Ouest canadien : le métis / R. A. Papen // *Revue québécoise de linguistique*. — 1984. — Vol. 14. — № 1. — Pp. 113—139. — DOI: <https://doi.org/10.7202/602530ar>.

22. *Papen R. A.* La Variation dialectale dans le parler français des Métis de l'Ouest canadien / R. A. Papen // *Francophonies d'Amérique*. — 1993. — № 3. — Pp. 25—38. — DOI: <https://doi.org/10.7202/1004439ar>.

23. *Papen R. A.* Sur quelques aspects structuraux du français des Métis de l'Ouest canadien / R. A. Papen // *Variation et francophonie*. — Paris : Harmattan, 2004. — Pp. 105—129.

24. *Papen R. A.* La question des langues des Mitchifs : un dédale sans issue? / R. A. Papen // *Histoires et identités métisses : hommage à Gabriel Dumon / Métis Histories and Identities : A Tribute to Gabriel Dumont*. — Saint-Boniface : Presses universitaires de Saint-Boniface, 2009. — Pp. 253—276. — ISBN 1895407397, 9781895407396.

25. *Papen R. A.* Le mitchif: langue franco-cri des Plaines / R. A. Papen // *Le français en Amérique du Nord. Etat présent*. — Québec : Les Presses de l'Université Laval, 2014. — Pp. 327—347. — ISBN 2-7637-8242-6.

26. Papen R. A. Une communauté métisse francophone en Ontario : lubie ou réalité? / R. A. Papen // *Revue du Nouvel-Ontario*. — 2017. — № 42. — Pp. 53—106. — DOI: <https://doi.org/10.7202/1042828ar>.

27. O'Toole D. La revendication du titre «indien» par les Métis / D. O'Toole // *Canadian Journal of Political Science / Revue canadienne de science politique*. — 2006. — Vol. 39. — № 3. — Pp. 529—551. — DOI: <https://doi.org/10.1017/S0008423906060197>.

28. Rivard E. Au-delà de Powley : l'horizon territorial et identitaire des Métis / E. Rivard // *Recherches amérindiennes au Québec*. — 2007. — Vol. 37. — № 2—3. — Pp. 97—105. — DOI: <https://doi.org/10.7202/1081643ar>.

29. Rivard E. Les sentiers battus de l'ethnogenèse métisse au Québec / E. Rivard // *Francophonies d'Amérique*. — 2015. — № 40—41. — Pp. 185—211. — DOI: <https://doi.org/10.7202/1043703ar>.

Статья поступила в редакцию 02.04.2024,
одобрена после рецензирования 15.05.2024,
подготовлена к публикации 20.05.2024.

Material resources

Accord Canada — *Nation métisse*. (2017). Available at: <https://www.pm.gc.ca/fr/accord-canada-nation-metisse> (accessed 16.02.2024). (In Franc.).

Convention — *Convention on Indigenous and Tribal Peoples in Independent Countries (ILO Convention № 169)*. (1989). Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (accessed 03.02.2024). (In Russ.).

Cour Suprême — *Cour Suprême du Canada. Jugement rendu le 19 septembre 2003 dans la cause de Sa Majesté la Reine contre Steve Powley et Roddy Charles Powley*. Available at: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/fr/item/2076/index.do> (accessed 20.01.2024). (In Franc.).

Ethnologue — *Ethnologue: Languages of the World*. Available at: <https://www.ethnologue.com/> (accessed 20.03.2024). (In Franc.).

LC — *Lois constitutionnelles de 1867 à 1982. Ministère de Justice. Canada*. (2012). Ottawa: Éditions et Services de dépôt. Travaux publics et Services gouvernementaux. Canada. 85 p. (In Franc.).

LC 2019 — *Loi concernant les enfants, les jeunes et les familles des Premières Nations, des Inuits et des Métis*. Available at: <https://laws.justice.gc.ca/fra/lois/f-11.73/index.html> (accessed 16.03.2024). (In Franc.).

LLA 2019 — *Loi sur les langues autochtones*. Available at: <https://laws-lois.justice.gc.ca/fra/lois/i-7.85/TexteComple.html> (accessed 20.03.2024). (In Franc.).

LM 1870 — *Loi de 1870 sur le Manitoba*. Available at: <https://www.justice.gc.ca/fra/pr-rp/sjc-csj/constitution/loireg-lawreg/p1t21.html> (accessed 16.03.2024). (In Franc.).

Ralliement national des Métis. Available at: <https://www.metisnation.ca/> (accessed 20.02.2024). (In Franc.).

RC2006 — *Recensement de la population du Canada de 2006*. Available at: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2006/index-fra.cfm> (accessed 21.01.2024). (In Franc.).

RC2016 — *Recensement de la population du Canada de 2016*. Available at: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2016/dp-pd/index-fra.cfm> (accessed 23.01.2024). (In Franc.).

RC2021 — *Recensement de la population du Canada de 2021*. Available at: <https://ouvert.canada.ca/data/fr/dataset/750e6035-adf8-4426-966f-4c25b12a999e> (accessed 23.01.2024). (In Franc.).

References

- Andersen, C. (2014). *“Métis”: Race, Recognition, and the Struggle for Indigenous Peoplehood*. Vancouver: UBC Press. 284 p.
- Ann, D. (2022). Claims to the status of mestizo in Canada: a critical analysis of studies of historical mestizo communities initiated by the Ministry of Justice. *Siberian historical research. Scientific journal*, 1: 36—59. DOI: 10.17223/2312461X/35/3. (In Russ.).
- Bashkirov, M. B. (2022). Mestizos in the cultural landscape of Canada in the second half of the XIX century. *Siberian historical research. Scientific journal*, 1: 79—97. DOI: 10.17223/2312461X/35/5. (In Russ.).
- Bashkirov, M. B. (2015). The figure of Louis Riel and the problem of the formation of mestizo identity in Manitoba in the XX century. *Canadian Yearbook*, 19: 64—76. (In Russ.).
- Bouchard, R. (2006). *La longue marche du peuple oublié: ethnogenèse et spectre culturel du peuple Métis de la Boréalie*. Chik8timitch, Saguenay: R. Bouchard. 213 p. ISBN 2921101998. (In Franc.).
- Bromley, Yu. V. (1983). *Essays on the theory of ethnos*. Moscow: Nauka. 412 p. (In Russ.).
- Gagné, N., Larcher, Cl., Grammond, S. (2014). La communauté comme sujet et objet du droit. Implications pour les Métis du Canada. *Anthropologie et Sociétés*, 38 (2): 151—174. DOI: <https://doi.org/10.7202/1026169ar>. (In Franc.).
- Gagnon, D. (2022). Identity from the point of view of jurisprudence: Canadian mestizos in the courts. *Siberian Historical Research. Scientific Journal*, 1: 60—78. DOI: 10.17223/2312461X/35/4. (In Russ.).
- Gagnon, D. (2008). La création des “vrais Métis»: définition identitaire, assujettissement et résistances. *Port Acadie*, 13, 14, 15: 295—306. DOI: <https://doi.org/10.7202/038434ar>. (In Franc.).
- Gagnon, D. (2006). La Nation métisse, les autres Métis et le métissage. Les paradoxes de la contingence identitaire. *Anthropologie et Sociétés*, 30 (1): 180—186. DOI: <https://doi.org/10.7202/013836ar>. (In Franc.).
- Gagnon, D. (2014). Le Métis comme catégorie sociale: Agencéité et enjeux sociaux. *Anthropologie et Sociétés*, 38 (2): 13—26. DOI: <https://doi.org/10.7202/1026162ar>. (In Franc.).
- Gagnon, D. (2019). *Le statut de Métis au Canada. Histoire, identité et enjeux sociaux*. Québec: Les Presses de l’Université Laval. 289 p. ISBN 9782763742106. (In Franc.).
- Gagnon, D. (2007). L’étude des langues métises et le programme de revitalisation du mitchif: un état de la situation. *Recherches amérindiennes au Québec*, 37 / 2—3: 77—87. (In Franc.).
- Leclair, J., Papillon, M., Forget, H. (2019). Les protocoles de consultation autochtones au Canada. Un modèle de convergence des systèmes juridiques autochtones et étatique? *Recherches amérindiennes au Québec*, 49 (2): 25—36. DOI: <https://doi.org/10.7202/1070756ar>. (In Franc.).
- Leroux, D. R. J. (2019). Le révisionnisme historique et la création des métis de l’est. La mythologie du métissage au Québec et en Nouvelle-Écosse. *Politique et Sociétés*, 38 (3): 3—25. DOI: <https://doi.org/10.7202/1064728ar>. (In Franc.).
- Lussier, A. S., Sealey, D. B. (1981). *The Métis, Canada’s Forgotten People*. Winnipeg: Manitoba Métis Federation Press. 200 p. ISBN 978-0919213395. (In Franc.).

- Marchand, A. (2002). Les conséquences sociolinguistiques de la diaspora et de la diglossie chez les métis francophones de l'Ouest canadien. *Cahiers de sociolinguistique*, 7: 29—63. DOI: 10.3917/csl.0201.0029. (In Franc.).
- Martel, G. (1979). Quand une majorité devient une minorité: les Métis francophones de l'Ouest canadien. *Cahiers de géographie du Québec*, 23 (58): 73—98. DOI: <https://doi.org/10.7202/021424ar>. (In Franc.).
- Otis, G. (2006). Territorialité, personnalité et gouvernance autochtone. *Les Cahiers de droit*, 47 (4): 781—814. DOI: <https://doi.org/10.7202/043911ar>. (In Franc.).
- O'Toole, D. (2006). La revendication du titre "indien" par les Métis. *Canadian Journal of Political Science / Revue canadienne de science politique*, 39 (3): 529—551. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0008423906060197>. (In Franc.).
- Papen, R. A. (2009). La question des langues des Mitchifs: un dédale sans issue? In: *Histoires et identités métisses: hommage à Gabriel Dumon*. Saint-Boniface: Presses universitaires de Saint-Boniface. 253—276. ISBN 1895407397, 9781895407396. (In Franc.).
- Papen, R. A. (1993). La Variation dialectale dans le parler français des Métis de l'Ouest canadien. *Francophonies d'Amérique*, 3: 25—38. DOI: <https://doi.org/10.7202/1004439ar>. (In Franc.).
- Papen, R. A. (2014). Le mitchif: langue franco-cri des Plaines. In: *Le français en Amérique du Nord. Etat présent*. Québec: Les Presses de l'Université Laval. 327—347. ISBN 2-7637-8242-6. (In Franc.).
- Papen, R. A. (1984). Quelques remarques sur un parler français méconnu de l'Ouest canadien: le métis. *Revue québécoise de linguistique*, 14 (1): 113—139. DOI: <https://doi.org/10.7202/602530ar>. (In Franc.).
- Papen, R. A. (2004). Sur quelques aspects structuraux du français des Métis de l'Ouest canadien. In: *Variation et francophonie*. Paris: Harmattan. 105—129. (In Franc.).
- Papen, R. A. (2017). Une communauté métisse francophone en Ontario: lubie ou réalité? *Revue du Nouvel-Ontario*, 42: 53—106. DOI: <https://doi.org/10.7202/1042828ar>. (In Franc.).
- Rivard, E. (2007). Au-delà de Powley: l'horizon territorial et identitaire des Métis. *Recherches amérindiennes au Québec*, 37 (2—3): 97—105. DOI: <https://doi.org/10.7202/1081643ar>. (In Franc.).
- Rivard, E. (2015). Les sentiers battus de l'ethnogenèse métisse au Québec. *Francophonies d'Amérique*, 40—41: 185—211. DOI: <https://doi.org/10.7202/1043703ar>. (In Franc.).
- Siberian historical Research. (2022). *Scientific journal*, 1: 263 S. (In Russ.).

*The article was submitted 02.04.2024;
approved after reviewing 15.05.2024;
accepted for publication 20.05.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(4), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Рабенко Т. Г. Жанр «обещание» как отражение интенциональной и лингвистической организации виртуального педагогического дискурса / Т. Г. Рабенко, Э. С. Денисова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 71—92. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-71-92.

Rabenko, T. G., Denisova, E. S. (2024). Genre of “Promise” as a Reflection of Intentional and Linguistic Organization in Virtual Pedagogical Discourse. *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 71-92. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-71-92. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Жанр «обещание» как отражение интенциональной и лингвистической организации виртуального педагогического дискурса

Рабенко Татьяна Геннадьевна

orcid.org/0000-0003-3434-8542

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры стилистики
и риторики
tat.rabenko@yandex.ru

Денисова Эльвира Степановна

orcid.org/0000-0003-4591-6576

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры стилистики и риторики,
корреспондирующий автор
elvdenisova@yandex.ru

Кемеровский государственный
университет
(Кемерово, Россия)

Genre of “Promise” as a Reflection of Intentional and Linguistic Organization in Virtual Pedagogical Discourse

Tatyana G. Rabenko

orcid.org/0000-0003-3434-8542

Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor, Department
of Stylistics and Rhetoric
tat.rabenko@yandex.ru

Elvira S. Denisova

orcid.org/0000-0003-4591-6576

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Stylistics and Rhetoric,
Corresponding Author
elvdenisova@yandex.ru

Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование включается в контекст современной дискурсологии. Изучается жанр «обещание», функционирующий в рамках виртуального педагогического дискурса. Рассматриваются жанровые признаки речевого произведения с учетом их возможной детерминации прагматическими свойствами дискурса. С опорой на существующие в современном жанроведении модели речевого жанра (модели Т. В. Шмелевой, Н. Б. Лебедевой) выявляются два типа жанровых признаков обещания. К первому типу относятся инвариантные характеристики жанра «обещание»: а) коммуникативная цель высказывания, связанная с добровольным обязательством субъекта выполнить что-либо; б) языковые маркеры жанра — синтаксические конструкции, включающие перформатив *обещаю*, предикаты *клянусь / обязуюсь / даю* (<честное> слово) с прямыми дополнениями или придаточными изъяснительными как указанием на объект обещания. Вторую группу признаков составляют жанровые характеристики текста, обусловленные его дискурсивной природой: а) диктумное содержание жанра (тема «Обучение»), б) статусные роли участников институционально-педагогического дискурса; в) свойства речевого произведения, детерминируемые структурно-функциональными особенностями мессенджера (интерактивность, медиафайлы). В итоге обещание предстает как жанровая реализация общей и в то же время адаптированной к дискурсу речемыслительной интенции и дискурсивных средств.

Ключевые слова:

речевой жанр; обещание; дискурсивная лингвистика; виртуальный дискурс; педагогический дискурс; мессенджер.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This research is situated within the context of contemporary discourse studies. It examines the genre of “promise” functioning within virtual pedagogical discourse. The study explores the genre features of a speech act, considering their potential determination by the pragmatic properties of discourse. Drawing on existing models of speech genres in contemporary genre theory (models by T. V. Shmeleva, N. B. Lebedeva), two types of genre features of promises are identified. The first type includes invariant characteristics of the genre “promise”: a) the communicative goal of the utterance, linked to a voluntary commitment by the subject to fulfill something; b) linguistic markers of the genre — syntactic constructions containing performative “I promise,” predicates “I swear” / “commit” / “give (<my word>)” with direct objects or explanatory clauses indicating the object of the promise. The second group of features comprises genre characteristics of the text, determined by its discursive nature: a) the dictum content of the genre (theme of “Education”), b) the status roles of participants in institutional-pedagogical discourse; c) properties of the speech act determined by the structural-functional features of the messenger (interactivity, media files). Ultimately, a promise emerges as a genre realization of shared and simultaneously adapted speech-thinking intention and discursive means.

Key words:

speech genre; promise; discursive linguistics; virtual discourse; pedagogical discourse; messenger.

УДК 811.161.1'42

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-71-92

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Жанр «обещание» как отражение интенциональной и лингвистической организации виртуального педагогического дискурса

© Рабенко Т. Г., Денисова Э. С., 2024

1. Введение = Introduction

В данной статье продолжается обсуждение идеи дискурсивной обусловленности речевого жанра (далее РЖ), начатое в предыдущей публикации авторов [Рабенко и др., 2023]. Настоящая работа представляет результаты описания РЖ «обещание» с учетом дискурсивной специфики его реализации. **Актуальность** разрешаемой в работе проблематики определяется ее включенностью в исследовательский контекст дискурсивной лингвистики, которая нацелена на описание РЖ как «продукта дискурсивной деятельности» [Алефиренко, 2009, с. 57], и в связи с этим — определением прямой зависимости РЖ от генеральной речемыслительной стратегии воплощаемого дискурса.

Полученные результаты определяют **научную новизну** настоящего исследования. Впервые РЖ «обещание» рассматривается в рамках виртуальной педагогической коммуникации, описываются жанровые признаки обещания с учетом детерминации жанра дискурсивным пространством его существования.

Рассматривая РЖ в контексте научной проблемы соотношения РЖ и дискурса, мы исходим из теоретико-методологического положения о детерминации РЖ дискурсивными условиями его воплощения. Общение не представляется абсолютно независимым от речемыслительной стратегии некоего дискурса, в пределах которого оно реализуется [Алиференко, 2009, с. 53], поскольку, как отмечает М. М. Бахтин, «каждая сфера функционирования языка формирует свойственные ей РЖ, воплощаемые как сравнительно устойчивые типы речевых высказываний» [Бахтин, 1979, с. 272]. В. А. Салимовский, творчески переосмысливая бахтинскую теорию РЖ, определяет последние «как относительно устойчивые формы (модели) духовной социокультурной деятельности (осуществляющейся в бытовых

ситуациях, художественной, научной, правовой и других сферах)» [Салимовский, 2002, с. 31].

Цель настоящего исследования сводится к созданию модели РЖ «обещание», реализованного в виртуальном педагогическом дискурсе, и выявлению в рамках данной модели трансформации жанровых признаков, связанной с дискурсивным пространством функционирования РЖ.

Формулировка **научной гипотезы** исследования связывается с возможностью экстраполяции инвариантно-вариантных отношений как фундаментального свойства языковой системы, методологически обоснованного в свое время Н. С. Трубецким [Трубецкой, 1987], на область речевого жанроведения. Гипотеза базируется на следующем предположении: РЖ, традиционно оцениваемый как устойчивая модель речевого высказывания, которая формируется в определенной коммуникативной сфере под влиянием ряда характеристик коммуникативной ситуации, обнаруживает типизированные (иначе — инвариантные) признаки, на основании которых осуществляется жанровая идентификация речевого произведения, и вариативные признаки, обусловленные спецификой дискурсивного пространства, где реализуется РЖ, и особенностями электронного субстрата — материального носителя письменного знака.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Эмпирическую базу исследования составила переписка в школьных и личных чатах, размещенная в мессенджерах «Telegram», «WhatsApp», «ВКонтакте» (с 01.09.2021 года по 30.04.2024 год). Среди участников электронной переписки — учителя и ученики преимущественно 10—11-х классов ряда образовательных учреждений г. Кемерово. В качестве дополнительного источника использовалась групповая и личная переписка учителей и родителей.

В настоящей работе за единицу научного описания принято диалогическое единство (далее — ДЕ). Под ДЕ, вслед за Н. Ю. Шведовой, «понимается сложное синтаксическое единство, которое сходно по своим функциям со сложным предложением» [Шведова, 2003, с. 310]. ДЕ минимально включает две реплики: RS — реплику-стимул и RR — реплику-реакцию. Для проведения исследования собрано 39 ДЕ: 21 ДЕ представлено в речи ученика, 14 ДЕ — в речи учителя, 4 ДЕ — в речи родителя.

Принцип отбора эмпирического материала определяется наличием в интернет-диалоге языковых маркеров обещания: среди них предикаты *обещаю* (преимущественно) / *клянусь* / *обязуюсь* / *даю* (<честное> слово) + форма инфинитива или придаточное изъяснительное предложение с союзом *что*.

В предпринимаемом исследовании задействована методика жанровой квалификации текста Т. В. Шмелевой [Шмелева, 1990] и коммуникативно-семиотическая модель РЖ Н. Б. Лебедевой [Лебедева и др., 2022]. Обозначенная методика апробирована авторами данной статьи ранее, при описании дискурсивных признаков РЖ «напоминание», представленного в интерактивном педагогическом дискурсе [Рабенко и др., 2023]. Полагаем, что проблема дискурсивной обусловленности РЖ является одной из важнейших теоретико-методологических проблем, связанных с пониманием природы РЖ, его взаимосвязи с категорией дискурса, а потому ее решение нуждается в неоднократной проработке на разнообразном эмпирическом материале.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. РЖ «обещание» с позиции его коммуникативной цели

Большинство исследователей (М. М. Бахтин, В. В. Дементьев, Т. В. Шмелева и др.) исходят из признания параметра коммуникативной цели как главного жанровоидентифицирующего признака речевого высказывания.

Для понимания коммуникативной цели исследуемого РЖ важна его словарная дефиниция: «Обещание — добровольное обязательство выполнить что-либо» [БТСРЯ, с. 667]. С учетом предложенной дефиниции «обещание» может быть квалифицировано как императивный РЖ, «коммуникативная цель которого устремлена в мир реальных действий, а его существо сводится к указанию на характер осуществления неосуществленных действий автором, адресатом или третьими лицами» [Шмелева, 1990, с. 25]. Вместе с тем «обещание» идентифицируется как «речевое действие, предрасположенное к ритуализации» [Карасик, 2002, с. 412].

Основу РЖ создает наиболее общий коммуникативный замысел. В нашем случае это «добровольное обязательство выполнить что-л.» [БТСРЯ, с. 667]. Этот общий коммуникативный замысел определяет частные речевые интенции. При обзоре возможных частных интенций РЖ обратимся к ряду ранее проведенных исследований обозначенного РЖ, функционирующего в разных видах дискурса.

В фидеистическом (в целом ритуальном) дискурсе обещание, устойчиво ассоциируемое в этом виде дискурса с понятиями «клятва», «обет», «присяга», как и другие жанровые формы магического («мольба», «исповедь» и пр.), носит ритуальный характер и связывается с торжественным уверением в чем-либо, «данном из религиозных побуждений» [БТСРЯ, с. 667]. Фидеистическое отношение к слову основывается «на вере в его волшебные силы и издревле прочно связывается с сакральной сферой общественного сознания» [Рабенко, 2010, с. 126].

По наблюдению А. В. Сидоренко, в детском ритуальном дискурсе клятва более ритуальна, чем в дискурсе взрослых. Она «соотносится как с торжественным обещанием, так и с присягой, посредством которой осуществляется переход субъекта, дающего присягу, в некий новый статус: глубинным психологическим мотивом клятвы является потребность говорящего в доверии со стороны адресата(ов)» [Сидоренко, 2016, с. 73].

В политическом дискурсе, представленном, в частности, в форме предвыборной политической агитации, РЖ «обещание» согласуется с основной речемыслительной стратегией данной дискурсивной практики — стратегией убеждения: «Для достижения цели предвыборного дискурса коммуниканту необходимо убедить адресную аудиторию в истинности постулируемых положений и ценности именно его профессионального и личного опыта для решения важных политических, экономических и социальных задач» [Халатян, 2011, с. 14—15].

В юридическом дискурсе, сопряженном, в частности, с установлением и поддержанием институциональных отношений между сотрудником и организацией, обещание соотносится с необходимостью соблюдения ряда действий, взятых на себя участниками деловой коммуникации; при невыполнении принятых обязательств следуют определенные санкции [Карасик, 2016, с. 61—62].

С учетом вышесказанного полагаем, что в политическом и юридическом дискурсах РЖ «обещание» превалирует императивная интенция РЖ, связанная с основной задачей этой коммуникативной сферы — выполнение взятых субъектом на себя обязательств. В фидеистическом (в целом в ритуальном) дискурсе РЖ «обещание», наряду с генеральной линией императива, четко прослеживается сакрально-ритуальная интенция РЖ, поскольку слова обещания устремляются «через свою цель к миру ритуализованных отношений» [Шмелева, 1990, с. 25], что способствует языковому воплощению ритуализованного акта в выработанном обычае установленном порядке.

По нашим наблюдениям, в педагогическом дискурсе РЖ «обещание» совмещает речевые интенции императивного и ритуального РЖ, что подтверждает семантика имени РЖ: «Адресат хочет, чтобы субъект нечто сделал, а субъект хочет, чтобы адресат ему поверил» [НОСС, с. 688]. РЖ «обещание», с одной стороны, включаясь в контекст педагогического дискурса, направлен на осуществление неосуществленных действий субъекта. С другой стороны, для РЖ «обещание» как для ритуального РЖ характерна связь с определенной коммуникативной ситуацией, четкая зависимость избираемых языковых средств от этикетной ситуации. РЖ «обещание», по мнению В. Б. Черник, осуществляется в дидактическом дискурсе с риту-

ализованной целью — «создать нужную эмоциональную атмосферу для совместной работы учителя и ученика» [Черник, 2002, с. 138]. Императивно-этикетная природа РЖ «обещание» сближает его с РЖ «напоминание» [Рабенко и др., 2023].

3.2. РЖ «обещание» в аспекте параметров «Образы автора и адресата»

«Статусная, представительская функция человека» [Карасик, 2002, с. 295] является онтологическим признаком педагогического дискурса как разновидности дискурса институционального. Исходя из обозначенной функции участников такого общения наметим ряд типов коммуникативного взаимодействия: ядро дискурсивного поля составляют институциональные роли «учитель — ученик», в зоне ближайшей периферии находятся такие институциональные роли, как «ученик — ученик», «учитель — учитель»; наконец, в области дальнейшей периферии размещаются «учитель — родитель», «родитель — родитель» и т. д. [Карасик, 2002, с. 295].

Изначально заложенная в образовательном процессе иерархия между участниками общения закрепляет инициативную роль обещания прежде всего за обучающимся: как правило, это «обещание исправиться, обещание вести себя лучше» [Карасик, 2002, с. 77].

Учитель как институционально наделенный статусом вышестоящего выступает в роли «держателя» обещания в строго ограниченных (не столь частотных) ситуациях фатического общения. В. Б. Черник выделяет две подобные ситуации, когда учитель прибегает к форме обещания:

1) «в границах отрицательной конструкции с целью создать нужную эмоциональную атмосферу для совместной работы: *Я не обещаю вам легкого изучения русского языка и в шестом классе / поэтому готовьтесь к тому что будет и там трудно и много / в значении “Я (ваш наставник) / здесь / сейчас / выражаю надежду / на возможность совместного преодоления трудностей в будущем”*» [Черник, 2002, с. 138];

2) «при выражении обещания в конце урока, создающего интригу, подготавливающего драматургию следующего урока: *Завтра у нас будет такой интересный урок / я вам кое-что приготовила и очень хочу удивить вас // До завтра! />*» [Черник, 2002, с. 139].

Исследуемый материал обнаруживает 21 ДЕ «обещание», представленных в речи ученика, его личной (рис. 1) и групповой (рис. 2) переписке. Адресатом таких сообщений выступает учитель.

В ряде ситуаций (14 ДЕ) инициатором обещания выступает учитель, а адресатом — ученик. Ниже представлены примеры обещания как реплики на напоминание (рис. 3) и обещание как сопровождение просьбы (рис. 4).

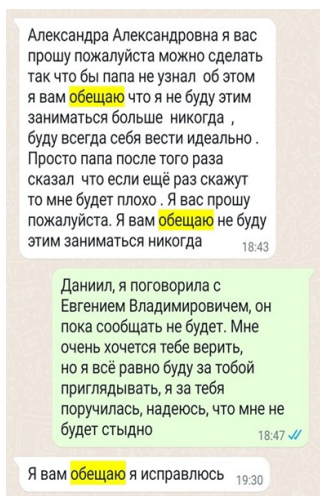

Рис. 1. Пример интернет-переписки
«ученик → учитель»

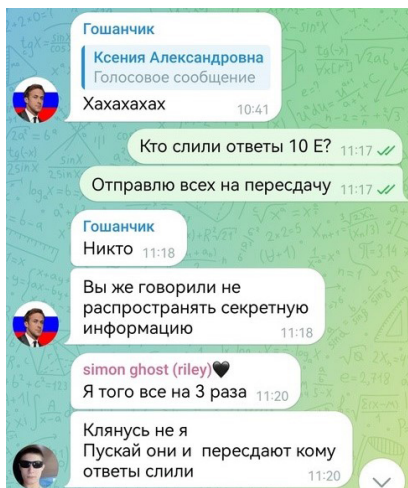

Рис. 2. Пример интернет-переписки
«ученик → ученик»

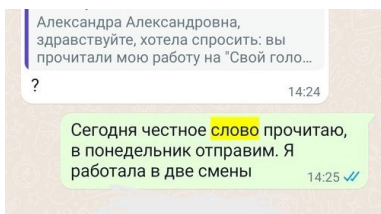

Рис. 3. Пример интернет-переписки
«учитель → ученик»

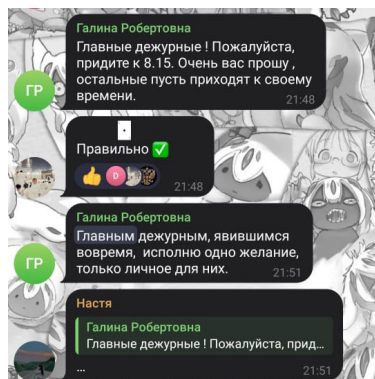

Рис. 4. Пример интернет-переписки
«учитель → ученики»

В ряде ситуаций (4 ДЕ) в личной интернет-переписке инициатором обещания выступает родитель ученика, выполняя роль посредника между учеником и учителем (рис. 5).

В педагогическом виртуальном дискурсе поддерживается заданный образовательной парадигмой генеральный учебный тип взаимодействия «ученик → учитель», согласно которому адресатом обещания выступает тот, кто выше по статусу адресанта. Однако интерактивность онлайн-общения суще-

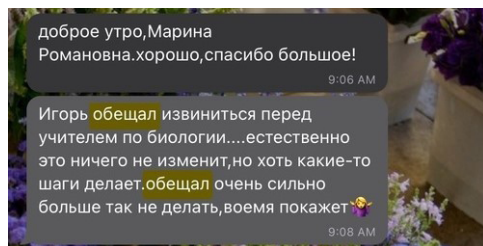

Рис. 5. Пример интернет-переписки «родитель → учитель»

ственно расширяет возможности «держателя речи» РЖ «обещания»: в этом качестве могут выступать учитель и родитель. Представляется, что реализация учебных интеракций «учитель → ученик», «родитель → учитель» в определенной мере нейтрализует статусные роли участников педагогического дискурса, приводя к относительному равноправию адресанта и адресата.

3.3. РЖ «обещание» в аспекте его диктумного содержания

Среди жанровых характеристик речевого произведения, наиболее подверженных дискурсивному воздействию, выделяется диктумное содержание РЖ, с опорой на которое РЖ дифференцируются на «событийные / бессобытийные (по коммуникативному событию) и на проспективные / ретроспективные (по временной перспективе)» [Шмелева, 1990, с. 28].

Событийная основа РЖ «обещание» определяется посредством «выделения значимых фрагментов действительности, определяющих специфическое поведение человека» [Карасик, 2002, с. 417] в исследуемой дискурсивной практике. В педагогическом дискурсе выделяется ряд подтем общения, связанных с категорией «Обучение»: «образовательная, общественная, проектная, учебно-исследовательская, спортивно-оздоровительная и творческая» [ФГОС, с. 20]. Эти тематические сферы обуславливают предметно-смысловое своеобразие исследуемого РЖ в виртуальном педагогическом дискурсе:

1. В образовательной сфере (обещания, касающиеся выставления отметок, проведения уроков с использованием электронной платформы, выполнения домашнего задания):

ДЕ-1.

Учитель: *Всё, переезжаем в сферу, полностью, Ростислав срочно добавься ты обещал.*

2. В общественной сфере (обещания, касающиеся организации линеек, субботника, дежурства в столовой):

ДЕ-2.

Учитель: *Я придумала вам развлечение, приходите завтра убираться в кабинете обе!*

Ученик: *Ооо, веселье какое*

Учитель: *к 10 буду ждать тебя завтра)*

Ученик: *Да я приду, если к 11 можно будет*

Я же вам обещала. Ну или к 10 постараюсь

3. В учебно-исследовательской сфере (обещания, касающиеся участия в школьных олимпиадах, творческих конкурсах, создания научных проектов):

ДЕ-3.

Учитель: *17 февраля. Заявка на участие в Конкурсе.*

Ученик: *17, хорошо, извините пожалуйста, что так поздно поменяла решение (*

Но до 17 февраля я вас не подведу, обещаю

4. В спортивно-оздоровительной сфере (обещания, касающиеся посещения катка, бассейна, лыжной эстафеты, туристического слета):

ДЕ-4.

Учитель: *И ещё, я не обещаю, что прям каждого желающего возьмут. Следует понимать, что нас на параллели = 120 человек, каждый не сможет выступить чисто физически.*

5. В творческой сфере (обещания, касающиеся необходимости посещения театров, музеев, а также организации мастер-классов, фан-встреч):

ДЕ-5.

Ученик 1: *Тем, кто сегодня идет на фанвстречу, во-первых, напоминаю, что сегодня в 18:00! Во-вторых, нас получилось больше, чем планировалось изначально, поэтому если что пусть подставят нам еще стулья и не возникают....*

Ученик 2: *Я, наверное, не успею подойти, постараюсь, но не обещаю, так что возможно одно место освободится и все будет в порядке со стульями!!*

С точки зрения временной перспективы «обещание» идентифицируется как проспективный РЖ [Черник, 2002, с. 138], «где события, относящиеся к сфере человеческих поступков, действий, отнесены в будущее» [Шмелева, 1990, с. 28]. РЖ «обещание» ориентирован в будущее и относительно момента речевого высказывания: адресант (ученик) гарантирует адресату (учителю) выполнить определенное действие в будущем или не выполнять его (ДЕ-6):

ДЕ-6

Ученик (застигнутый в школьном туалете за курением сигареты): *Александра Александровна я вас прошу пожалуйста можно сделать так что бы папа не узнал об этом я вам обещаю что я не буду этим заниматься больше никогда, буду всегда себя вести идеально. Просто папа после того*

раза сказал что если ещё раз скажут то мне будут плохо. Я вас прошу пожалуйте. Я вам обещаю не буду этим заниматься никогда

Однако событие может помещаться и в прошлом — адресант (ученик) заверяет адресата (учитель) в истинности сообщаемой информации (ДЕ-7):

ДЕ-7

Ученик 1: ++++

Я за себя и Никиту отвечаю, что мы ничего не говорили

Ученик 2: *я за себя отвечаю, слово даю Я даже не говорил ни с кем*

После зачета

Событие может происходить и в так называемом «настоящем вневременном», то есть характеризует событие как происходящее всегда, безотносительно к моменту речи (ДЕ-8):

ДЕ-8

Ученик: *Школа обещает что мы в полной безопасности тем временем школа: <фото>*

Представляется, что параметры «событие» и «временная перспектива» РЖ «обещание» совпадают в реальном и виртуальном дискурсах.

3.4. РЖ «обещание» в аспекте параметра «Факторы прошлого и будущего»

Обозначенный параметр РЖ соотносится с речевой интенцией РЖ, его событийным содержанием и языковым (формальным) воплощением. РЖ «обещание» является реактивным РЖ (по образному выражению Т. В. Шмелевой, реактивный РЖ — это РЖ «без прошлого» [Шмелева, 1990, с. 29]). Как типовой компонент речевого высказывания, данный РЖ, по наблюдению В. И. Карасика, входит в жанровую структуру таких РЖ, как «извинение» (1), «просьба» (2), «угроза» (3), ср.: «(1) *Простите, я пропустил занятия вчера. Впредь обещаю, что подобное не повторится*; (2) *Я пропустил занятия вчера, нельзя ли мне взять у Вас до завтра текст лекции? Я завтра же верну разработку*; (3) *Я завтра же верну разработку. Иначе мне придется обратиться к другому преподавателю*» [Карасик, 2002, с. 79].

В виртуальном педагогическом дискурсе РЖ «обещание» также инициируют РЖ «извинение» (ДЕ-9), «просьба» (ДЕ-10), «угроза» (ДЕ-11):

ДЕ-9.

Ученик 1: *Господин Арсений Сергеевич я не буду извиняться, потому что человек начал меня об***ать даже если по рофлу, я решила накидать панчей или как это называется, потому что мне показалось это смешным, я не перед кем ничем не обязана, так что Арсений Сергеевич если вам что-то не понравилось я извинюсь за это перед вами*

Ученик 2: *мы все перед вами извинемся, простите нас пожалуйста, обещаем, что такого не повторится*

ДЕ-10.

Учитель: *Главные дежурные! Пожалуйста, придите к 8.15. Очень вас прошу, остальные пусть приходят к своему времени.*

Ученик: *Правильно*

Учитель: *Главным дежурным, явившимся вовремя, исполню одно желание, только личное для них.*

ДЕ-11.

Учитель: *Кто слил ответы 10Е?*

Отправлю всех на пересдачу

Ученик: *Я того все на 3 раза*

Клянусь не я

Пускай они и пересдают кому ответы слили

Я и так, с божьими молитвами на 4 написал

В качестве инициальных речевых жанров для РЖ «обещание» в виртуальном педагогическом дискурсе могут выступать «благодарность» (ДЕ-12) и «напоминание» (ДЕ-13):

ДЕ-12.

Учитель: *Я исправила*

Ученик: *Спасибо огромное) больше такого не будет. Обещаю*

ДЕ-13.

Ученик: **ДАРЬЯ ИВАНОВНА НЕ ЗАБУДЬТЕ ПРО КАЧЕСТВА**

Учитель: *Хорошо, обещаю, что не забуду!*

Анализ собранного материала подтверждает тезис о том, что РЖ «обещание» относится к реактивным РЖ. При этом ответная реакция на реплику-стимул «обещание» носит вспомогательный характер и переходит в статус «запрограммированной» только в ситуации напоминания или угрозы. Просьба, благодарность и извинение ученика, сопровождаемые РЖ «обещание», остаются без ответа учителя в виртуальной коммуникативной среде, как правило, переходя в реальную коммуникацию.

3.5. РЖ «обещание» с позиции параметра «Языковое воплощение»

Полагаем, что языковое воплощение РЖ — это один из тех параметров речевого произведения РЖ, где явственно прослеживается его дискурсивная обусловленность, вместе с тем при наличии некоторой типизированности языковых средств. «Выбор языковых средств выражения обещания (прежде всего, выбор перформатива «обещать» как идентификатора иллюкутивной силы речевого высказывания) определяют такие параметры, как свойства социолингвистического характера субъектов коммуникации (распределение между ними социальных и коммуникативных ролей; характер их отношений — неофициальные / официальные; сама ситуация общения)» [Галлямова, 2010, с. 22].

Н. Ш. Галлямова описывает «интенционально-семантическую группу (ИСГ) «обещание, клятва», куда включаются синонимические единицы междуровневой принадлежности, объединенные общностью иллокутивной цели и функционирующие в языке как номинации определенной речевой интенции (всего 61 единица)» [Галлямова, 2010, с. 18]. В исследуемом нами материале реализуются ядерные единицы данной ИСГ. Языковыми маркерами РЖ «обещание» выступают, прежде всего, перформатив *обещаю*, а также предикаты *клянусь* / *обязуюсь* / *даю* (<честное> слово) с прямыми дополнениями или придаточными изъяснительными предложениями, где содержится указание на объект обещания. Зачастую обещание сопровождается интенсификаторами *очень*, *сильно*, *больше*, *такое (такого)*, троекратным повтором (см. рис. 1).

Обнаруживаются следующие типы грамматических конструкций, воплощающие РЖ «обещание».

1. Синтаксическая формула (я) <вам> *обещаю*, (что) + (не) буду + инфинитив (6 примеров):

ДЕ-14

Ученик: в четверг ждите работу по алкоголю 😊

Больше не буду так говорить, обещаю! 😊

Учитель: Очень надеюсь!

В виртуальной коммуникации встречаются усеченные формы обещания (*буду*, *обещаю*), характерные для устной формы бытования данного РЖ (см. также ДЕ-12):

ДЕ-15

Учитель: Надеюсь, в четвёртой четверти будешь хорошо учиться и слушаться меня

Ученик: Буду

2. Синтаксическая формула *клянусь* <вам> / *клянусь*, (что) + инфинитив с отрицательной частицей **не** (5 примеров):

ДЕ-16

Ученик 1: *софья дмитриевна, дайте нам право на кружки, молчу уже про стикеры*

Ученик 2: *А я клянусь фигню не творить*

3. Синтаксическая формула (вы) *обещали* + инфинитив (4 примера):

ДЕ-17

Ученик: *добрый день! вы обещали 2 на 4 исправить по литературе за стих, у меня до сих пор стоит*

Учитель: *Вика, у меня не сто рук. Сейчас на занятии, некогда. Вечером все исправлю*

4. Синтаксическая формула (я) <даю> *честное слово* / *слово даю* (3 примера):

ДЕ-19

Ученик: *Это какой-то бред, честное слово обещаю так больше не делать*

5. Синтаксическая формула (главное предложение), <но> не обещаю, что ... / обещать не могу (2 примера):

ДЕ-18

Учитель: *Может глубже раскройешь внутренний мир главного героя? Его эмоции и душевное состояние. Мысли...*

Ученик: *Попробую*

Учитель: *Но без вина и глупой юношеской смерти*

Ученик: *Постараюсь, но обещать ничего не могу*

6. Синтаксическая формула (я) отвечаю <за свои слова> (1 пример):

ДЕ-20

Ученик (заподозренный в том, что дал другим ученикам готовые ответы зачетной работы): *я за себя отвечаю, слово даю Я даже не говорил ни с кем После зачета*

7. Синтаксическая формула (как) я (же /и) обещал(а) (1 пример):

ДЕ-20

Учитель: *к 10 буду ждать тебя завтра)*

Ученик: *Да я приду, если к 11 можно будет. Я же вам обещала*

Выше представленные грамматические маркеры РЖ «обещание» характерны для всех дискурсивных воплощений данного жанра.

3.6. Признаки РЖ, детерминированные материальным носителем письменного знака (субстратом)

При описании материала с учетом обозначенного параметра мы исходим из положения о том, что субстрат может оказывать влияние на дискурсивное воплощение РЖ. Так, электронно-письменная форма реализации РЖ «обещание» позволяет использовать различные способы передачи информации, с одной стороны, «отражая особенности контекста коммуникации в сети Интернет (диалогичность, устно-письменный характер, снижение речи, экспрессивность)» [Горошко и др., 2017, с. 94]), с другой стороны, сохраняя особенности общения в ситуации институционального дискурса (статусно-ориентированное взаимодействие, директивно-ритуальную установку РЖ «обещание»).

Обозначим виды сообщений-обещаний, выделяемые с учетом их возможного поликодового воплощения.

1. К первой группе сообщений-обещаний относятся речевые произведения, включающие особые графические формы обращения (средства гипертекстуальности) (рис. 6). Последние реализуют адресную функцию, связанную с маркированием адресата сообщения. Апелляция в чате к кон-

кретному адресату (*Вадим, Маша*) используется учителем затем, чтобы напомнить обучающемуся о данном им обещании.

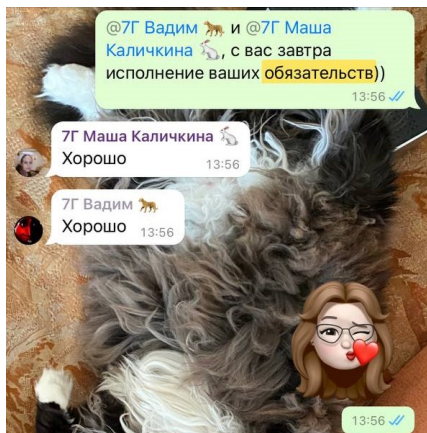

Рис. 6. Пример ДЕ с отметкой участников чата

2. Вторую группу сообщений-обещаний образуют речевые произведения, оформленные посредством супраграфематики. В рамках супраграфемных средств, используемых в оформлении речевого произведения, частотна вариативность размера кегля текста (рис. 7), которая нацелена на привлечение внимания адресата (зачастую учителя) к некой значимой информации. Подобный «прием используется для маркирования слова / ряда слов, на котором(ых) в устной речи говорящий сделал бы интонационное выделение» [Горошко и др., 2017, с. 98].

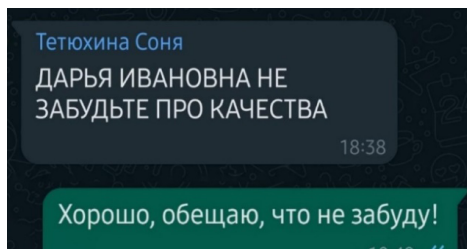

Рис. 7. Пример ДЕ с супраграфемными средствами

3. Третья группа сообщений-обещаний представлена речевыми высказываниями, где, помимо вербалики, используются иконические мар-

керы: эмодзи, пунктуационные знаки для условного обозначения эмоций (рис. 8) и стикеры (рис. 9). Такое оформление сообщений учителя и ученика связано с желанием коммуникантов «показать свою доброжелательность и снизить степень официальности общения» [Кожеко, 2020, с. 125].

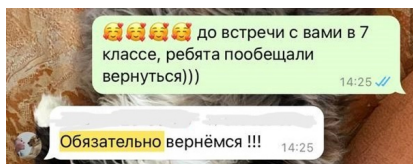

Рис. 8. Пример ДЕ с иконическими маркерами (эмодзи, скобки)

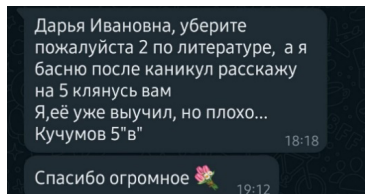

Рис. 9. Пример ДЕ с иконическими маркерами (стикер)

4. Четвертую группу сообщений-обещаний составляют речевые высказывания, сопровождаемые медиафайлом (рис. 10, 11, 12). Прилагаемые медиафайлы имеют самостоятельную информативную нагрузку: они призваны дополнить информацию, реализуемую в вербальной форме.

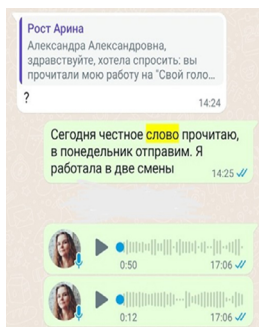

Рис. 10. Пример ДЕ с аудиофайлом

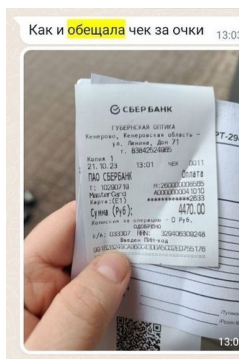

Рис. 11. Пример ДЕ с фотографией

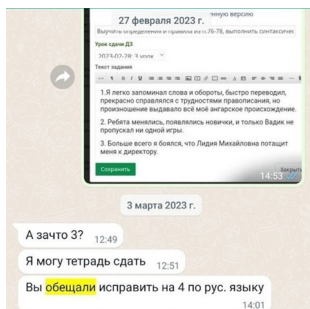

Рис. 12. Пример ДЕ с графическим файлом

Совмещение в структуре ДЕ элементов вербальной и невербальной знаковых систем позволяет рассматривать текст интернет-переписки как креолизованный, где каждая из частей сообщения решает задачи не только передачи информации, но и организации общения. Единицы неязыковых знаковых систем, используемые в РЖ «обещание», «подстраиваясь» под коммуникативные потребности РЖ, выступают в качестве дополнитель-

ных средств воплощения императивно-ритуальной цели РЖ — напомнить участнику педагогического дискурса (через никнейм) о его обещании что-либо сделать или не сделать посредством указания на медиафайлы. Аудиальные сообщения выступают в РЖ «обещание» как реплики-реакции: ДЕ-напоминание-вопрос ученика > ДЕ-ответ-обещание учителя. Включение эмодзи в вербальное сообщение служит средством выражения преимущественно положительных эмоций.

Результаты исследования РЖ «обещание» с учетом условий его дискурсивного воплощения в педагогическом виртуальном диалоге можно представить в виде нижеследующей таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Признаки речевого жанра «обещание»
с учетом их дискурсивной (не)зависимости
= Signs of the «promise» speech genre,
taking into account their discursive (non-)dependence

Инвариантные признаки РЖ (независимые от вида дискурса)	Вариативные признаки РЖ	
	Признаки, детерминируемые дискурсивной интенцией как смыслообразующим фактором	Признаки РЖ, детерминируемые электронным субстратом (структурно-функциональные особенности мессенджера)
1. Коммуникативная цель РЖ «добровольное обязательство выполнить что-л.»	1. Диктумно-модусное наполнение РЖ Темы общения, интегрируемые семантическим полем «Обучение»: учебно-социально-образовательная, общественная, учебно-исследовательская, творческая.	1. Формальное воплощение РЖ. Поликодовость сообщения-обещания (вербальные средства + знаки иных семиотических систем — эмодзи, скобки для условного обозначения эмоций, стикеры). Использование различных каналов восприятия (визуальный, аудиальный).
2. Типизированные языковые средства: перформатив обещаю, предикаты клянусь / обязуюсь / даю (<честное> слово) с прямыми дополнениями или придаточными изъяснительными как указанием на объект обещания.	2. Статусная роль субъектов педагогического дискурса как разновидности дискурса институционального (учитель, ученик).	2. Интерактивность (активное взаимодействие субъектов педагогического дискурса). Гипертекстуальность.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование позволило диагностировать жанровые признаки сообщения-обещания с учетом коммуникативно-прагматических условий виртуального педагогического дискурса. Оценка жанровых свойств речевого произведения, представляющего РЖ «обещание», дает возможность выявить инвариантные (относительно независимые от типа дискурса) признаки РЖ и вариативные его свойства, адаптированные к дискурсивной сфере реализации РЖ исходя из генеральной речемыслительной стратегии дискурса.

В группу инвариантных признаков РЖ включается коммуникативная цель, которая связывается с добровольным обязательством субъекта выполнить что-либо. Осознание субъектом необходимости выполнить что-либо составляет общий коммуникативный замысел сообщения-обещания. Детерминированные им частные речевые интенции реализуются с учетом дискурсивных обстоятельств бытования РЖ. Так, в условиях ритуального дискурса обещание мотивировано религиозными (клятва, обет, зарок) побуждениями субъекта, его принадлежностью к определенной общественно-политической организации (пионерская клятва), определенному профессиональному сообществу (клятва Гиппократата). В политическом дискурсе, к примеру, в рамках предвыборной агитационной кампании обещание связывается с уверением кандидата выполнить некоторые обязательства в случае победы на выборах. В педагогическом и официально-деловом дискурсах обещание обусловливается императивно-этикетной целью высказывания — стремлением выполнить что-либо исходя из условий (норм) учебно-образовательного среды (не опаздывать на занятия, хорошо учиться и пр.) или обязательств деловой и юридической практики (выполнение договорных обязательств).

Кроме коммуникативной цели, в число инвариантных признаков РЖ «обещание» входит его формально-языковое воплощение. Среди маркеров РЖ синтаксические конструкции с перформативом *обещаю*, предикатами *клянусь* / *обязуюсь* / *даю* (<честное> слово) с прямыми дополнениями или придаточными изъяснительными как указанием на объект обещания.

Дискурсивная специфика обещания прослеживается на различных уровнях организации речевого произведения. Среди них диктумное содержание РЖ. РЖ «обещание» в исследуемом типе дискурса охватывает определенные сферы педагогического общения, интегрируемые семантическим полем «Обучение».

Дискурсивное своеобразие исследуемого РЖ обнаруживается на уровне параметра «автор — адресат». Статусная роль субъектов педагогическо-

го дискурса как разновидности дискурса институционального (учитель, ученик), субординация участников дискурса определяют необходимость следования ими установленным правилам. Двучленная иерархия «учитель — ученик», традиционная роль учителя как организатора учебно-образовательного процесса определяют особенности речежанрового (и в целом социального) поведения ученика (и самого учителя). Необходимость выполнения обязательств, диктуемых педагогической реальностью, определяет бóльшую частотность исследуемого РЖ в речежанровой деятельности ученика.

Дискурсивные особенности РЖ «обещание» проявляются в свойствах речевого произведения, детерминированных электронной природой субстрата. В арсенале участников виртуального педагогического дискурса находятся структурно-функциональные инструменты мессенджера. Среди них: а) возможность диалогического общения посредством обмена медиафайлами, б) выбор адресата сообщения через указание его никнейма, в) использование в речевом высказывании, помимо вербальных средств, элементов других семиотических систем (стикеров, смайлов и пр.). Интегрирование в пределах сообщения-обещания возможностей различных каналов восприятия и передачи информации, единиц разных знаковых систем формируют поликодовость текстового сообщения, составляют его особую субстанциональную аудиографемику.

Таким образом, РЖ, будучи элементом дискурса, реализует некую общую и в то же время адаптированную к дискурсу речемыслительную интенцию и соответствующие этой интенции дискурсивные средства.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БТСРЯ — *Большой толковый словарь русского языка* / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. — Санкт-Петербург : Норинт, 2004. — 1534 с. — ISBN 978-5-7711-0015-9.
2. НОСС — *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Второй выпуск / Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, Т. В. Крылова и др. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — 488 с. — ISBN 5-94457-131-4.
3. ФГОС — *Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования* // Приказ Минпросвещения России от 31.05.2021 № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования». — 2021. — С. 3—89.

Литература

1. *Алефиренко Н. Ф.* Проблема соотношения речевого жанра и дискурса / Н. Ф. Алефиренко // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». — 2009. — № 2. — С. 53—61.
2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества: сборник / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1979. — 423 с.
3. *Галлямова Н. Ш.* Речевой акт «обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально-прагматический аспекты / Н. Ш. Галлямова // Язык и культура. — 2010. — № 3 (11). — С. 16—32.
4. *Горошко Е. И.* Полиформатный мессенджер как жанр 2.0 (на примере мессенджера мгновенных сообщений telegram) / Е. И. Горошко, Е. А. Землякова // Жанры речи. — 2017. — № 1 (15). — С. 92—100. — DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-92-100.
5. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2.
6. *Карасик В. И.* Комиссив как поступок : лингвокультурные характеристики / В. И. Карасик // Жанры речи. — 2016. — № 2 (14). — С. 56—67. — DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-56-66.
7. *Кожееко А. В.* Эпистолярные жанры интернет-коммуникации : лингвопрагматический и лингвостилистический аспекты (на материале русскоязычных текстов) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. В. Кожееко. — Красноярск, 2020. — 328 с.
8. *Лебедева Н. Б.* Субстрат текстов естественной письменной речи в аспекте жанровой релевантности / Н. Б. Лебедева, Т. Г. Рабенко // Сибирский филологический журнал. — 2022. — № 4. — С. 300—311. — DOI: 10.17223/18137083/81/23.
9. *Рабенко Т. Г.* Клятва как фидеистический речевой жанр / Т. Г. Рабенко // Вестник Челябинского государственного университета. — 2010. — № 13 (194). — С. 122—126.
10. *Рабенко Т. Г.* Речевой жанр «напоминание» в аспекте дискурсивной обусловленности его признаков (на материале виртуального педагогического дискурса) / Т. Г. Рабенко, Э. С. Денисова, А. Д. Чардынцева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 114—134. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-114-134.
11. *Салимовский В. А.* Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст) / В. А. Салимовский. — Пермь : Пермский ун-т, 2002. — 234 с.
12. *Сидоренко А. В.* Детская клятва в советскую эпоху : речеганровые характеристики / А. В. Сидоренко // Жанры речи. — 2016. — № 2 (14). — С. 73—79. — DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-72-78.
13. *Трубецкой Н. С.* Избранные труды по филологии / Н. С. Трубецкой ; Сост. В. А. Виноградова, В. П. Нерознак. — Москва : Прогресс, 1987. — 559 с.
14. *Черник В. Б.* Фатические речевые жанры в педагогическом дискурсе и тексте урока : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / В. Б. Черник. — Екатеринбург, 2002. — 197 с.
15. *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 2003. — 377 с. — ISBN 5937860489.
16. *Шмелева Т. В.* Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка / Т. В. Шмелева // Русистика. — 1990. — № 2. — С. 20—32.
17. *Халатян А. Б.* Предвыборный дискурс: жанровое своеобразие и специфика языкового воплощения (на материале текстов предвыборных кампаний 2008 года в Рос-

сии и США) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. Б. Халатян. — Ставрополь, 2011. — 22 с.

Статья поступила в редакцию 19.03.2024,
одобрена после рецензирования 15.05.2024,
подготовлена к публикации 20.05.2024.

Material resources

- BTSRYA — *A large explanatory dictionary of the Russian language*. (2004). St. Petersburg: Norint. 1534 p. ISBN 978-5-7711-0015-9. (In Russ.).
- FSSES — Federal State Educational Standard of basic general education. (2021). *Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated 05/31/2021 № 287 "On Approval of the Federal State educational standard of basic general education"*. 3—89. (In Russ.).
- NOSS — *A new explanatory dictionary of synonyms of the Russian language. The second issue*. (2000). Moscow: Languages of Russian Culture. 488 p. ISBN 5-94457-131-4. (In Russ.).

References

- Alefirenko, N. F. (2009). The problem of correlation of speech genre and discourse. *Bulletin of the RUDN. The series "Russian and foreign languages and methods of teaching them"*, 2: 53—61. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1979). *Aesthetics of verbal creativity: collection*. Moscow: Iskusstvo. 423 p. (In Russ.).
- Chernik, V. B. (2002). *Phatic speech genres in pedagogical discourse and lesson text*. PhD Diss. Yekaterinburg. 197 p. (In Russ.).
- Gallyamova, N. S. (2010). The speech act "promise, oath" in the Russian language picture of the world: linguocultural, functional and pragmatic aspects. *Language and culture*, 3 (11): 16—32. (In Russ.).
- Goroshko, E. I., Zemlyakova, E. A. (2017). A multiformat messenger as a genre 2.0 (using the example of the instant messenger telegram). *Genres of speech*, 1 (15): 92—100. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-92-100. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2016). Komisiv as an act: linguistic and cultural characteristics. *Genres of speech*, 2 (14): 56—67. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-56-66. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremenna. 477 p. ISBN 5-88234-552-2. (In Russ.).
- Khalatyan, A. B. (2011). *Electoral discourse: genre originality and specificity of linguistic embodiment (based on the texts of the 2008 election campaigns in Russia and the USA)*. Author's abstract of PhD Diss. Stavropol. 22 p. (In Russ.).
- Kozheko, A. V. (2020). *Epistolary genres of Internet communication: linguopragmatic and linguostylistic aspects (based on Russian-language texts)*. PhD Diss. Krasnoyarsk. 328 p. (In Russ.).
- Lebedeva, N. B., Rabenko, T. G. (2022). Substratum of texts of natural written speech in the aspect of genre relevance. *Siberian Philological Journal*, 4: 300—311. DOI: 10.17223/18137083/81/23. (In Russ.).
- Rabenko, T. G. (2010). The oath as a fideistic speech genre. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 13 (194): 122—126. (In Russ.).

- Rabenko, T. G., Denisova, E. S., Chardyntseva, A. D. (2023). Speech Genre of Reminder and Discursive Conditioning of its Features in Virtual Pedagogical Discourse. *Nauchnyi dialog*, 12 (5): 114—134. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-114-134. (In Russ.).
- Salimovsky, V. A. (2002). *Genres of speech in functional and stylistic illumination (scientific academic text)*. Perm: Perm University. 234 p. (In Russ.).
- Shmeleva, T. V. (1990). Speech genre. Possibilities of description and use in language teaching. *Russian Studies*, 2: 20—32. (In Russ.).
- Shvedova, N. Y. (2003). *Essays on the syntax of Russian colloquial speech*. Moscow: Azbukovnik. 377 p. ISBN 5937860489. (In Russ.).
- Sidorenko, A. V. (2016). The children's oath in the Soviet era: speech genre characteristics. *Genres of speech*, 2 (14): 73—79. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-72-78. (In Russ.).
- Trubetskoy, N. S. (1987). *Selected works on philology*. Moscow: Progress. 559 p. (In Russ.).

*The article was submitted 19.03.2024;
approved after reviewing 15.05.2024;
accepted for publication 20.05.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(4), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Цопанова Р. Г. Метафора в литературно-критическом тексте (на материале осетинского языка) / Р. Г. Цопанова, Ф. А. Царикаева, Е. С. Качмазова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 93—110. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-93-110.

Tsopanova, R. G., Tsarikaeva, F. A., Kachmazova, E. S. (2024). Metaphor in Ossetian Literary-Critical Text. *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 93-110. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-93-110. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Метафора в литературно-критическом тексте (на материале осетинского языка)

Цопанова Рита Георгиевна
orcid.org/0000-0002-2223-0435
доктор филологических наук,
профессор
кафедры осетинского языка
tsopanowarita@yandex.ru

Царикаева Фатима Ахсарбековна
orcid.org/0009-0003-9738-2948
кандидат педагогических наук,
доцент, заведующий кафедрой
осетинского языка,
корреспондирующий автор
fcarikaeva@mail.ru

Качмазова Езетхан Сергеевна
orcid.org/0000-0002-5025-6894
кандидат филологических наук, доцент
кафедры осетинского языка
darya.kachmazova@mail.ru

Северо-Осетинский
государственный университет
имени Коста Левановича Хетагурова
(Владикавказ, Россия)

Metaphor in Ossetian Literary-Critical Text

Rita G. Tsopanova
orcid.org/0000-0002-2223-0435
Doctor of Philology, Professor,
Department of Ossetian Language
tsopanowarita@yandex.ru

Fatima A. Tsarikaeva
orcid.org/0009-0003-9738-2948
PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Head of the Department
of Ossetian Language,
Corresponding author
fcarikaeva@mail.ru

Ezetkhan S. Kachmazova
orcid.org/0000-0002-5025-6894
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Ossetian Language
darya.kachmazova@mail.ru

North Ossetian State University
named after Kosta Levanovich Khetagurov
(Vladikavkaz, Russia)

© Цопанова Р. Г., Царикаева Ф. А., Качмазова Е. С., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию метафоры как средства образования научных понятий и создания выразительно-изобразительного контекста. Цель исследования — определить типы и источники метафорических переносов в осетинских литературно-критических текстах и особенности их функционирования как важной части языка этих текстов. Новизна данного исследования заключается в том, что впервые проведен анализ типов метафор в осетинских литературно-критических текстах, вербализующих научные понятия и создающих изобразительно-выразительное поле специфического научного дискурса. Выявлены источники метафоризации и функции метафор. В результате исследования выявлено, что основными типами метафор в языке исследуемых текстов являются номинативные, образные, поэтические (индивидуальные) и когнитивные. Среди источников метафор оказались природоморфные и антропоцентрические, акустические, зрительные и пространственные группы, артефакты и символы и др. Метафоры включены в содержание текстов как необходимый языковой материал, способный создать научный контекст и отобразить научную картину мира народа. Многие научные понятия и ряд художественно-изобразительных средств в исследуемых текстах можно считать заимствованиями из русского языка, что указывает на связь двух языков в научной сфере общения.

Ключевые слова:

литературоведческий текст, метафорический перенос, классификация метафор, научный дискурс, национально-культурный компонент.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is dedicated to the study of metaphor as a means of forming scientific concepts and creating expressive-illustrative context. The research aims to identify types and sources of metaphorical transfers in Ossetian literary-critical texts and analyze their functioning as an important part of the language of these texts. The novelty of this study lies in the first-ever analysis of metaphor types in Ossetian literary-critical texts, verbalizing scientific concepts and creating an expressive field specific to scientific discourse. Sources of metaphors and their functions are identified. The study reveals that the main types of metaphors in the language of the texts under investigation are nominative, figurative, poetic (individual), and cognitive. Sources of metaphors include nature-mimetic and anthropocentric, acoustic, visual, and spatial groups, artifacts, symbols, etc. Metaphors are integrated into the content of the texts as essential linguistic material capable of creating a scientific context and reflecting the scientific worldview of the people. Many scientific concepts and a range of artistic-illustrative means in the analyzed texts can be considered borrowings from the Russian language, indicating a connection between the two languages in the scientific sphere of communication.

Key words:

literary-critical text, metaphorical transfer, classification of metaphors, scientific discourse, national-cultural component.

Метафора в литературно-критическом тексте (на материале осетинского языка)

© Цопанова Р. Г., Царикаева Ф. А., Качмазова Е. С., 2024

1. Введение = Introduction

Научный текст характеризуется системой нейтральных и стилистически маркированных языковых средств, набор которых зависит от вида науки, жанра произведения, способа изложения научного материала, проявления авторской индивидуальности и других экстралингвистических факторов [Кожина, 1972, с. 52—122].

В научном дискурсе в использовании лексических средств на первом месте стоят термины, образующие его концептуальное поле. Кроме того, в научной сфере общения может использоваться и другая лексика с функционально-стилистическим значением, в том числе литературно-разговорная. В язык литературоведческих научных текстов как обязательный стилиевой элемент включаются эмоционально-оценочные лексико-фразеологические средства, что отражает современное языковое содержание литературоведческого текста и идиостиль автора научного дискурса.

В современном осетинском языке закреплён опыт многих поколений носителей языка в создании образной картины мира, что нашло отражение в устном народном творчестве осетин, в большей степени — в художественном, публицистическом и научном дискурсах.

Исследуемые литературно-критические тексты в высшей степени метафоричны, что связано с их многофункциональностью. В них дается идейно-тематический анализ осетинских художественных текстов, выражается эмоциональное состояние авторов текстов, связанное с отношением к описываемым социальным, культурным и литературным событиям, с оценкой национальных морально-нравственных норм, характеристикой героев произведений. Идиостили писателей характеризуются в свете существующих художественных и эстетических идеалов, исследуется проблематика литературных процессов в разрезе определенного периода развития осетинской литературы. В этих текстах актуализируются свойства публицистического дискурса. Тенденция к экспрессивизации современной научной речи выразилась в активном использовании в ней метафор.

Насыщенность современных литературно-критических текстов на осетинском языке изобразительно-выразительными средствами, в том числе и метафорами, связана с профессиональной деятельностью их авторов, известных современных осетинских писателей и поэтов.

Необходимость подробного изучения типов метафорических переносов в языке литературно-критических текстов, выявления источников метафоризации и особенностей функционирования метафор в качестве средства создания научных понятий и формирования эмоционально-оценочного контекста, возможность понять образное мировидение авторов научных текстов и поделиться им с читателем определяют актуальность данного исследования.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи: выявить типологию метафор в осетинских литературно-критических дискурсах; рассмотреть роль метафоры в образовании литературоведческих понятий и в качестве средства создания эмоционально-оценочного контекста научного дискурса; определить источники и основные функции метафоры; выявить связь метафоры с национально-культурными художественными и морально-нравственными ценностями народа.

Теоретическая значимость работы состоит в выявлении метафорических выражений в осетинских литературно-критических работах и стратегии их создания и использования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В статье определяются источники метафоризации, типы метафор и некоторые их функции. Материалом для исследования послужили осетинские литературно-критические тексты разных авторов, в язык которых органично входят художественно-изобразительные средства и элементы публицистической риторики. Тексты стали языковой основой формирования литературоведческого дискурса, что повышает их прагматические свойства.

В работе применяются следующие методы: метод сплошной выборки языкового материала, описательный метод, семантический анализ, метод идентификации метафорически употребленных слов и словосочетаний, метод контекстуального анализа.

Классификации метафор в структурно-семантическом плане и определению особенностей их функционирования, происхождения в лексической системе языка и различных функциональных текстах посвящено множество работ. Исследованием вопросов онтологии метафоры, ее функций и специфики в различных типах дискурсов в свое время занимались известные отечественные и зарубежные ученые: Н. Д. Арутюнова [1990; 1999],

Г. Н. Скляревская [1993], В. Н. Телия [1988], В. Г. Гак [1998], С. С. Гусев [1984], Е. С. Кубрякова [2004], Н. А. Мишанкина [2010], И. А. Арсеньева [2022], А. П. Чудинов [2012], Ш. Балли [1961], Дж. Лакофф и М. Джонсон [1990], А. Вежицкая [1996], М. Блэк [1990] и др.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Основные теории и подходы изучения метафоры в отечественной и зарубежной лингвистике

Метафора не всегда признавалась необходимым элементом языка науки [Weinrich, 2001, с. 232—235]. Однако о метафоре как о форме научной мысли, как о когнитивном ресурсе писали многие исследователи. Так, испанский философ Х. Ортега-и-Гассет утверждал, что метафора «не только средство выражения, метафора еще и важное орудие мышления» [Ортега-и-Гассет, 1990, с. 71]. Эту точку зрения поддерживал и американский философ М. Блэк: «Мы нуждаемся в метафорах как раз в таких случаях, когда не может быть и речи о какой-либо точности, тем более точности научных утверждений» [Блэк, 1990, с. 162]; «...запретить их использование — значит намеренно ограничить способности нашего разума к поиску и открытию» [Там же, с. 169]. Метафора, без сомнения, «...перестала быть лишь “фигурой приукрашивания” и стала пригодной для любого научного текста» [Лосева, 2015, с. 118].

По мнению Н. В. Халиковой и О. В. Никитина, использование метафоры предполагает образность текста, которая неодинакова в языке науки и в художественной речи. Экспликация образности «зависит от особенностей индивидуальной речевой культуры и времени осмысления проблемы» [Халикова и др., 2021, с. 147]. Образность же «строгого» текста постепенно стала неотъемлемой частью формирующейся новой стилистики филологической науки» [Там же, с. 157].

Метафора считается одним из продуктивных средств создания научной языковой картины мира и «органически связана с поэтическим видением мира» [Арутюнова и др., 1990, с. 3], поэтому она остается предметом исследования современных лингвистов, философов, психологов и др. В научной литературе существует разный подход к онтологии, типам, источникам и функциям метафоры как особому языковому явлению и к необходимости ее использования. Противопоставляются языковая и художественная метафоры, хотя все метафоры, на наш взгляд, являются языковыми с их различными классификациями.

Ш. Балли говорит о всеобщей метафоричности языка [Балли, 1961]. Дж. Лакофф и М. Джонсон, без сомнения, правы, когда постулируют, что «метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не

только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» [Лакофф и др., 1990, с. 387].

Для Н. А. Арутюновой метафора — «колыбель семантики всех полноточных и служебных слов: Жан Поль имел основания называть язык “словарем потускневших метафор”» [Арутюнова, 1999, с. 348].

Существуют разные научные точки зрения относительно появления метафор в языке. Одни считают, что к метафоре прибегают от бедности языка, по причине отсутствия в нем нужной для общения и создания текстов лексики.

В. В. Налимов писал: «Недостаточность логики в обыденном языке восполняется использованием метафор. Логичность и метафоричность текста — это два дополняющих друг друга его восполнения» [Арутюнова и др., 1990, с. 5].

Важный вклад в изучение метафоры внесли авторы книги «Теория метафоры» [Арутюнова и др., 1990]. Они считают, что ценности, существующие в культуре, проявляются в метафорической системе языка, «метафорический процесс представляется как познание, воображение и ощущение» [Рикар, 1990, с. 416].

С. С. Гусев обращение к метафоре связывает «не с интеллектуальным бессилием человека, а с тем, что она способна служить средством получения нового знания, создавая мощное ассоциативное поле с помощью ограниченного диапазона средств выразительности, в частности, образов» [Гусев, 1984, с. 34]. Образность в языке зарождается согласно изначальному тяготению языкового мышления к метафоричности и образованию тропов.

Большинство современных исследователей метафоризацию считают универсальным средством пополнения словарного запаса национального языка и способом «выражения творческой индивидуальности исследователя» [Имашева, 2023, с. 1]. Метафоры образуют языковые единицы, характеризующиеся различными коннотациями, появляется возможность «образно выражать свою мысль, подвергать ее когнитивной и чувственной оценке» [Занина, 2012, с. 73].

Остальные точки зрения также являются концептуально важными: «Метафора как носитель стереотипа и проявление творчества — бесценный источник и инструмент представления и структурирования информации, источник понимания ментальных процессов в языке и способ формирования нового знания, основанного на накопленном опыте» [Молчанова, 2023, с. 13].

Функционирование метафор в научном дискурсе рассматривается в монографии Н. А. Мишанкиной. Метафора представлена как гносеоло-

гический механизм, одна из базовых моделей научного мышления, активно участвующая в процессе когнитивно-дискурсивного моделирования научной деятельности [Мишанкина, 2010].

В статье И. Ю. Лавриненко анализируется структура афоризмов в философском дискурсе с применением семантико-когнитивного подхода, определяются явления, объективирующиеся при помощи метафор и обозначающие ключевые области концептуализации в языковой картине мира Ф. Бэкона [Лавриненко 1923, с. 65—87].

В метафорологии для выбора способов идентификации и дешифровки метафорических образов появляются междисциплинарные подходы. Так, П. М. Шитиков говорит о новейших методиках изучения метафор в различных языках и дискурсах с привлечением искусственного интеллекта [Шитиков, 2021, с. 19—31].

Благодаря метафоре раскрываются «потенциальные семы слова» [Арсеньева, 2022, с. 39]. Например, потенциальная сема слова *сауахсид* (заря) раскрывается в синтагме с лексемой *сагрибар* (свобода): *сагрибары сауахсид* (заря свободы). *Сауахсид* (заря) получает метафорическое значение — ‘начало, освобождение’: *Разей уыныц дзаенат нæ, фæлæ сагрибары сауахсид* (Дж. Ш., с. 327) (*Впереди видят не рай, а зарю свободы*) (здесь и далее перевод наш. — Р. Ц., Ф. Ц., Е. К.).

Важно помнить, что «выражение метафор средствами языка становится возможным именно потому, что они существуют в понятийной системе человека: как автора текста, так и, соответственно, читателя» [Лавриненко, 2023, с. 70].

Многие метафоры в осетинском языке, как, например, и в русском языке, являются общеупотребительными. К ним относятся глагольные метафоры (*гуырдысты уацмысты* (рождались произведения), *архайд раэзы* (действие растёт), *равзаерын* (зародиться), *проблемæтæ лыг кæнын* (решать <букв.: резать> проблемы), отглагольные существительные (*культурон раэст* (культурное развитие), существительные (*аивадон бынтæ* (художественное наследие), *аивады бæрзæндтæ* (высоты искусства), прилагательные в функции эпитета (*тыхджын характер* (сильный характер) и др. [Дж. Ш., с. 219].

Материалом для анализа метафоры в осетинском языке послужили научные монографии Н. Г. Джусойты и М. Р. Казиева, учебник для студентов по истории осетинского языка Ш. Ф. Джикаева. Названные авторы — известные ученые, публицисты, а также писатели и поэты.

Обращение к образным средствам, в том числе и к метафоре, при создании научных текстов связано с антропоцентрическим пониманием языка: человек становится мерой всех вещей.

Ростки литературной критики в Северной и Южной Осетии появились в 20—30-х годах XX века и были представлены газетными и журнальными статьями на осетинском и русском языках. В языке этих небольших исследований используются метафора, сравнение, эпитет, гипербола, олицетворение, отразившие осетинскую картину мира той эпохи и художественное мышление народа, например: *ирон литературайы маэсэг (баиня осетинской литературы)* [Тиболов, 1988, с. 154]. Для литературного критика И. В. Джанаева А. С. Пушкин — *фандырдагъдаг (невец, букв.: играющий на лире)* [Нигер, 1988, с. 372], а об особенностях слога А. С. Пушкина он писал: «... *зелдаг уадзагау райдайы йа ныхас (... начинает свое повествование, подобно вытягиванию шелка)* [Там же, с. 378]; *Пушкин — дуне дзыллæты поэзийы астæуккаг цæджындзтæй иу (Пушкин — один из главных столпов всемирной поэзии)* [Там же, с. 379] и др.

С развитием осетинской литературы появлялись и значительные научные монографии, особенно в 50—60-е и последующие годы и в начале XXI века. В них также используются образные средства, но нового содержания, потому что новые научные знания рождали новый научный язык. По современным научным текстам на русском языке, не только на осетинском, видим, что ограничения на употребление образных средств в научных текстах снимаются не только в языке гуманитарных текстов, но и в технических и точных науках.

3.2. Типы метафор

В научной литературе много классификаций типов метафор, так как они имеют разное происхождение, разные семантические и коннотативные особенности. Так, Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют онтологические и ориентационные метафоры [Лакофф и др., 1990, с. 396]. Ориентационная у А. П. Чудинова представлена как *пространственная* метафора и основана на аналогии с каким-либо измерением пространства, также с пространством может сравниваться время [Чудинов, 2012, с. 214].

В классификациях типов метафор у В. Н. Телия и Н. Д. Арутюновой много общего. Они выделяют: идентифицирующую [Телия, 1988, с. 41] и сходную с ней номинативную [Арутюнова, 1999, с. 136], образную и оценочную метафоры. Предикатную метафору, как у В. Н. Телия, можно не выделять в особый тип, потому что в этой функции могут выступать оценочная и образная метафоры. В дополнение к указанным типам у Н. А. Арутюновой еще указаны когнитивная (отражающая реальную или приписываемую общность предметов) и генерализующая (стирающая границы логического порядка в лексическом значении слова) [Арутюнова, 1999, с. 366].

В исследуемых осетинских литературно-критических текстах встречаются следующие типы метафор: номинативные (общеупотребительные

или конвенциональные, вошедшие в национальный словарный запас), пространственные, образные, «создающие зрительное впечатление об обозначаемом предмете, имеющие оценочное значение» [Арутюнова, 1999, с. 366]; поэтические (индивидуальные) (по типологии Ю. И. Левина) [Левин, 1998, с. 457—460] или «художественные» [Скляревская, 1993, с. 31—38], когнитивные, которые служат цели категоризации предметов и явлений окружающего мира, эмотивно-оценочные, предполагающие переключаемость из «когнитивного плана сознания в прагматический» [Никитин, 2001, с. 37].

Объектами метафоризации в исследуемых текстах стали следующие понятия: художественная литература, писатель, идиостиль писателя, стиль произведения, литературный герой, оценка произведения, культурные события, человек как личность и социальный тип, литературное направление, литературный герой, абстрактные понятия.

3.3. Источники метафоризации

Источники метафоризации описываются во многих научных изысканиях. Для характеристики источников метафоризации в исследуемых текстах мы опираемся на классификации А. П. Чудинова [Чудинов, 2006] и И. Ю. Лавриненко [Лавриненко, 2023].

Источниками метафор в представленных научных текстах являются: природные явления («природоморфные» у А. П. Чудинова), физические свойства бытовых предметов, зрительные, акустические и пространственные явления, антропоцентрические образы, артефакты, интеллектуальные явления, физиологические величины и ощущения [Лавриненко, с. 75], символы и др.

ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ — понятийная сфера «Мир растений». Объекты метафоризации постигаются «в концептах мира окружающей человека живой природы» [Чудинов, 2006, с. 136]. В работе И. Ю. Лавриненко это — «Натуралистические образы» [Лавриненко, 2023, с. 75]. Например, о качестве художественных текстов говорится: *аерттивгае хоры гагатае* (блестящие зерна пшеницы), *цъаемалтае* (шелуха) (Цы *рттивгае хоры гагатае-цу* дзы фæзынд, уыдон дæр, хъыгагаен, сæфтысты литературон хæрх æмæ тутт *цъаемалты* 'хсæн [К. М., с. 25] (*Те блестящие зерна пшеницы, которые появлялись, к сожалению, пропадали в обилии литературной шелухи*).

Оценка качественной литературы представлена в исследуемых текстах развернутой метафорой (источник — растение), расширенной полным сравнением: *Фæла ирон литературæйы ахæм период нæй, æмæ цахæмфæнды аивадон цъаемалты æхсæнæй дæр мæнауы сырх гагатае сызгъæрины къæрттытау ма аерттивой* [К. М., с. 26] (*Но в осетинской*

литературе нет такого периода, чтобы из художественной шелухи, как куски золота, не сверкали **красные зерна пшеницы**).

АКУСТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ. Начало осетинской художественной литературы представлено природным явлением, акустическим образом (громким звуком), выраженным гиперболической метафорой: *Нæ ирон нывæфтыд литературæ тыхджын, сæрибарæй, зæгъæн ис, æрвон нæрдæй кæй райдыдта, уымæн тынг стыр нысануæг ис* [К. М., с. 23]. (То, что начало нашей художественной литературы было сильным, свободным, можно сказать, **началось небесным громом**, имеет большое значение).

ЗРИТЕЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ. Для характеристики творческой манеры писателя критик прибегает одновременно к зрительной метафоре, связанной со светом, к акустической метафоре и образу бытового предмета: *Созырыхъойы кадджытæн ис эпикон нывæст, тохы нывтæ æрттивынц романтикон рухсæй, йæ стих у хуымæтæг, фæлæ хъандзал, ис ын фидар зæлынад* [Дж. Ш., с. 321] (*У поэм Созырыко — эпическое повествование, картины схватки сверкают романтическим светом, его стих простой, но напряженный, имеет четкое звучание; ... сæ фæлгонцтæ сын рухс кæны йæ уды æууæлтæй* [Дж. Ш., с. 317] (... образы своих героев **освещает** свойствами своей души).

Литературные образы также связываются со светом и пламенем (абстрактное понятие → физический процесс (огонь): *сæ фæлгонцтæ — ирд æмæ монументалон (их образы яркие и монументальные)* [Дж. Ш., с. 321]. При характеристике внешних обстоятельств действительности, оказавших влияние на формирование писателей и их художественных миров, эксплуатируется известная во многих языках метафора внешнего деструктивного воздействия — сжигания или обгорания: *Фыддуджы фыдазар сæ куы нæ басыгътаид, уæд* [К. М., с. 24] (*Если бы проклятое лихолетье не опалило их (про писателей)*).

Возникновение метафоры может быть связано со скрытыми смыслами слова. Так, понятие «стихотворение», обозначенное словом *æмдзæвгæ*, получает метафорическое осмысление благодаря глаголу-сказуемому, отсылающему к горению, образу пламени, и оценочным словам, в семантике которых актуализировано представление о свете: *Прозæйæ фыст æмдзæвгæ «Хорзæй баззай, Ир» ниллон калы лирикон æнкъарæнтæй, рухс тынтæ уадзы уарзты хурæй, фæлæ уыимæ уацмыс у ныфс æмæ уæлахизы зарæг* [Дж. Ш., с. 341] (*Стихотворение в прозе «Будь в добром здравии, Осетия!» полыхает* (букв.: «бросает пламя») лирическими эмоциями, **пускает светлые лучи от солнца** любви, но вместе с тем произведение является песней надежды и победы).

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МЕТАФОРЫ. Метафорические переносы с пространственным значением бывают представлены разными типами: предмет → качество предмета: *фæлвых уацмыстæ цыдысты лæссæнтæй* (незрелые произведения **появлялись, как грязевые потоки**); *Ирон литература ныллæг æрхаудта* [К. М., с. 24] (*Осетинская литература упала низко*); *Æрхæндæг лиризм ын бæрзонд кæны йæ удыхъæд* [Дж. Ш., с. 327] (*Грустный лиризм **возвышает** его душу* (букв.: состояние его души).

Для характеристики деятельности сообщества осетинских писателей представлена метафора-концепт *фæндаг* (дорога, путь), но не как образ созидания, движения вперед, а как образ потери всего того положительно-го в творческом процессе, в духовной жизни нарда, что было достигнуто многими поколениями писателей: *Ирон фысджыты къорд «Зиу» цыдис Æппæтцæдисон пролетарон фысджыты ассоциацийы фæндагыл — уыцы фæндаг уыд рæдыд сфæлдыстадон фæндаг; ... хъоды кодтой æнусон эстетикон æнтыстытыл* [Дж. Ш., с. 318] (*Кружок осетинских писателей «Зиу» шел по пути Всероссийской Ассоциации пролетарских писателей, но эта дорога была неверной творческой дорогой; ...объявляли бойкот непреходящим эстетическим достижениям*).

Абстрактное понятие в метафорическом наименовании приобретает новые свойства и наделяется экспрессивно-оценочным значением. Такая метафора «обычно основана на некотором стереотипном (или эталонном) для данного национально-культурного коллектива образно-ассоциативном комплексе» [Телия, 1988, с. 51]. Например: *Йæ хъуыдыты йæхи æргæм кæны авторы гуманизм* [Дж. Ш., с. 324] (*В его мыслях **раскрывается** гуманизм автора*); о литературной критике сказано: *Нæ критикæ эстетикон æгъдауæй фæг цæттæ кæй нæу, йæ аргъæнæн **критеритæ бæлвырд æмæ бæрзонд** кæй не сты, уымæ гæсгæ хаттæй-хатт **рахæу-бахæу кæны** (То, что наша литература недостаточно зрелая в эстетическом отношении, ее оценочные **критерии недостаточно определены и высоки**, в силу этого порой **бросается из крайности в крайность**); *Йæ уавæр, йæ сæнттæ, йæ фынтæ — æппæт дæр **ныгæнд цæуыны** романтизмы ахорæнтæй* [Дж. Ш., с. 323] (*Его условие, мечты, сны — все **рисует**ся романтическими красками*).*

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ. В развернутой метафоре предмет наделяется свойствами человека в комплексе с указанием свойства других отвлеченных понятий: «Мы мыслим о “невидимых мирах”, об абстрактных понятиях метафорически, тем самым создавая себе определенную метафорическую реальность. Иначе говоря, тот набор метафор, который мы выбираем для того, чтобы думать о мире, фактически создает нашу реальность, в которой мы и живем» [Арсеньева, 2022, с. 38]. Так, объект «ли-

тература» представлен как одушевленный предмет: *Литература арфдар нывналдта ахсаены царды ама адеймаджы зардаейы рæстдзинадмæ; нæ литература афтæмæй цыд размæ, аивады бæрзæндтæм* [Дж. Н., с. 42] (*Литература глубже окунулась в правду общественной жизни и человеческого сердца; наша литература таким образом шла вперед, к высотам искусства*). Про эпизоды в художественном тексте говорится: *Уыцы нытæсты колоритон ама улафынц поэзийы сатæгæй* [Дж. Ш., с. 328] (*Эти картины колоритны и дышат прохладой поэзии*).

В исследуемых текстах осетинские писатели характеризуются в метафорических образах по вкладу, внесенному ими в развитие литературы, и по их личностным качествам. Так, писатель С. Кулаев представлен в таких метафорах: *литература цырынгæнæг (движущий литературу), ирон новеллистикæйы сфæлдисджытæй (из создателей осетинской новеллистики), сгухт ама намысы зарæггæнæг (певец подвига и славы)* [Дж. Н., с. 316], *сæрибарыл тохгæнæг (борец за свободу)* [Дж. Ш., с. 319], *фæндагсгарæг (разведывающий дорогу)* [Дж. Ш., с. 334] и др. Перед нами — образ писателя-созидателя нового в осетинской литературе, певца свободы и чести.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕЛИЧИНЫ И ОЩУЩЕНИЯ (по И. Ю. Лавриненко). Творческий дар писателя определяется как физическое свойство *тых (сила): Йæ сфæлдыстадон тых ирддарæй зыны йæ прозæйы* [Дж. Ш., с. 321] (*Его творческая сила ярче проявилась в его прозе*).

Метафорические образы для тех или иных социальных и духовных абстрактных понятий могут быть связаны с различными предметами: «Абстрактные сущности обладают физическим бытованием, формой, размером» [Мишанкина, 2010, с. 138]. В следующем примере свойство абстрактного понятия «любовь» (*уарзт*) характеризуется через предмет: *Поэт ныхас кæны уарзты æлхынцъытыл (К. М., с. 265) (Поэт говорит об узлах любви)*.

СИМВОЛЫ. Источником метафоры могут быть символы. В осетинском языке почти каждое число имеет символическое значение. В этом качестве числом *авд (семь)* можно выразить: «...степень трудности, преодоления невзгод и страданий» [Тамерьян и др., 2011, с. 66]. Символ «семь» («авд») использован для характеристики творческой активности работника культуры: *... авд авд дуары йыл авд авд гуыдыримæ куы сæвæрай, уæддæр царды фæфæлдæхтытæ, рæстæджы знæт гуыр-гуыр йæ зардаейы хъустæй ма ахса, йæ зонды цæстæй йæ ма уына, уый гæнæн нæй* [К. М., с. 30] (*Если даже посадишь его за семь семью дверями с семь семью замками, не может быть такого, чтобы он не ловил ушами сердца бешеный гул времени, не видел этого глазами ума*).

АРТЕФАКТЫ В КАЧЕСТВЕ МЕТАФОРЫ. Работники искусства — *измеряющие жизнь весы (цардбарæн тæрæз)* [К. М., с. 30]; ...æцæг аивады цыфæнды *гæргæнтæ* дæр нæ бауромдзысты [К. М., с. 40] (*Настоящее искусство не удержат никакие барьеры* (букв.: заборы)).

АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ. Признанные писатели — *звезды надежды (ныфсы стæлытæ)* [Дж. Ш., 41]. *Уыдон ныфсы стæлытæ уыдысты иннæ фысджытæн дæр (Они для других писателей были звездами надежды).*

Следует подчеркнуть, что в использовании в литературно-критических текстах метафор и других художественно-изобразительных средств для экспрессивизации речи обнаруживается влияние индивидуальных особенностей стилей тех авторов, которые исследуют литературные тексты, поскольку они сами являются мастерами художественного слова.

При оценке осетинских литературных текстов используются традиционные метафорические образы разной семантики, заимствованные из русского языка. Например: *бæрзонд æнтыстытæ* (высокие достижения), *уæлмонц поэтикон ныхас* (возвышенное поэтическое слово), *поэтикон зæлынад* (поэтическое звучание), *лирикон фæзилæнтæ* (лирические приемы), *сюжетон хæххытæ* (сюжетные линии) и др. Их использование в осетинской литературной критике является традиционным.

4. Заключение = Conclusions

В результате проведенного исследования можно заключить, что языковые и индивидуальные метафоры входят составной частью в осетинские литературно-критические тексты. Они способствуют формированию и передаче научной информации, создают эмоционально-оценочное поле научного изложения, образуют новые семантико-стилистические связи языковых единиц.

Авторы, исследующие литературоведческие тексты, создают близкие языковые научные картины мира. В то же время стиль каждого автора отличается набором метафорических образов, в текстах присутствуют индивидуальные метафоры, актуальные для анализа разных по тематике литературных текстов, стилей писателей, литературных направлений и методологий исследования. В их работах использованы и образы, заимствованные из русской метафорической традиции.

Основными типами метафор в исследованных текстах являются номинативные (или идентифицирующие) метафоры, когнитивные, образные и эмоционально-оценочные, указывающие на высокую степень художественности осетинских литературно-критических текстов.

Источниками метафоризации выступают природные, зрительные и пространственные, акустические, астрономические явления, абстрактные понятия, артефакты, физические свойства, антропоцентрические понятия, символы.

Функции метафоры в осетинских литературно-критических работах многообразны. Существуют метафоры, выполняющие номинативную функцию. Образность в этом случае используется с целью наименования реалии с указанием ее отличительных свойств. Для воздействия на адресата и формирования у него заданного адресантом эмоционального состояния привлекаются метафоры с изобразительными, прагматическими (или эмоционально-оценочными) и эстетическими функциями. Когнитивная функция заключается в способности метафоры содействовать пониманию абстрактного через конкретное. Познавательная функция метафоры реализуется в ее поясняющей деятельности и способствует лаконичному выражению мысли, идеи.

Исследование метафор в осетинском литературно-критическом дискурсе дает представление о современных тенденциях развития языка филологической науки и о способах формирования нового знания.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Дж. Н. — *Джусойты Н. Г.* История осетинской литературы / Н. Г. Джусойты. — Тбилиси : Мецниереба, 1980. — Книга 1. — 332 с.
2. Дж. Ш. — *Джыккайты Ш.* Ирон литературæйы истори (1917-1956 азтæ) : ахуыргæнæн чынг / Ш. Джыккайты. — Дзæуджыхæу : Ир, 2001. — 463 ф. (*Джикаев Ш. Ф.* История осетинской литературы (1917—1956 гг.) : учебное пособие / Ш. Ф. Джикаева. — Владикавказ : Ир, 2001. — 463 с. — ISBN 5-8336-0121-5.)
3. К. М. — *Хъазиты М.* Ирон литературæйы истори (1956—2010) / М. Хъазиты. — Цхинвал : Цыкура — Дзæуджыхæу : Орион, 2013. — 484 ф. (*Казиев М. Р.* История осетинской литературы (1956—2010 гг.) [Текст] / М. Р. Казиев. — Цхинвал : Цыкура ; Владикавказ : Орион, 2013. — 484 с. — ISBN 978-5-00081-078-1.)
4. *Нигер.* Пушкины поэтикайы тыххæй цалдæр дзырды / Нигер. — В книге : Нигер. Уацмыстæ / Нигер. — Цхинвал : Ирыстон, 1988. — Ф. 372—379. (*Нигер.* Несколько слов о поэтике Пушкина / Нигер. — В книге : Нигер. Произведения / Нигер. — Цхинвал : Ирыстон, 1988. — С. 372—379.)
5. Тибилов, 1988 — *Тыбылты А.* Хетагкаты Къостайы тыххæй / А. Тыбылты. — В книге : Тыбылты А. Уацмысты æмбырдгонд / А. Тыбылты. — Цхинвал : Ирыстон, 1988. — Ф. 154—156. (*Тибилов А.* О Коста Хетагурове / А. Тибилов. — В книге : Тибилов А. Сборник статей / А. Тибилов. — Цхинвал : Ирыстон, 1988. — С. 154—156.)

Литература

1. *Арсеньева И. А.* Реконструкция метафорической концептуализации существительных с абстрактной семантикой / И. А. Арсеньева // *Филологические науки.* — 2022. — № 6. — С. 31—41. — DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6-22.031>.
2. *Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // *Теория метафоры* : Сборник. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 5—32. — ISBN 5-01-001599-4.
3. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека, 2-е изд., испр. / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 896 с. — ISBN 5-7859-0027-0.
4. *Балли Ш.* Французская стилистика / Ш. Балли ; Перевод с фр. К. А. Долинина ; Под ред. Е. Г. Эткинда. — Москва : Изд-во иностр. лит., 1961. — 394 с.
5. *Блэк М.* Метафора «Models and Metaphors» (1962) / М. Блэк // *Теория метафоры.* — Москва : [б. и.], 1990. — С. 153—172.
6. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание : [пер. с англ.] / А. Вежбицкая ; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. — Москва : Рус. слов., 1996. — 411 с.
7. *Гак В. Г.* Языковые преобразования / В. Г. Гак. — Москва : Шк. «Яз. рус. культуры», 1998. — 763 с. — ISBN 5-7859-0063-7.
8. *Гусев С. С.* Наука и метафора / С. С. Гусев. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1984. — 152 с.
9. *Занина М. А.* Метафоризация в научно-популярном дискурсе / М. А. Занина // *Вестник Санкт-Петербургского госуд. ун-та. Серия 9.* — 2012. — Выпуск 3. — С. 72—77.
10. *Имашева О. А.* Метафора и ее интерпретация в научном дискурсе / О. А. Имашева // *Russian Linguistic Bulletin.* — 2023. — № 6 (42). — С. 1—8. — DOI: [10.18454/RULB.2023.42.34](https://doi.org/10.18454/RULB.2023.42.34). — DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.42.34>.
11. *Кожина М. Н.* О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими : учеб. Пособие / М. Н. Кожина. — Пермь : [б. и.], 1972. — 395 с.
12. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание : На пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — Москва : Яз. славян. культуры, 2004. — 555 с. — ISBN 5-94457-174-8.
13. *Лавриненко И. Ю.* Структурные особенности метафор в английских афоризмах (на примере философского дискурса) / И. А. Лавриненко // *Научный диалог.* — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 65—87. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-6-65-87>.
14. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // *Теория метафоры* : Сборник. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 387—415.
15. *Левин Ю. И.* Избранные труды. Поэтика. Семиотика / Ю. И. Левин. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1998. — 824 с.
16. *Лосева О. М.* Метафора в научно-техническом тексте / О. М. Лосева // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* — 2015. — № 8 (50). — Ч. III. — С. 118—121.
17. *Мишанкина Н. А.* Метафора в науке : парадокс или норма? / Н. А. Мишанкина. — Томск : Издательство Томского университета, 2010. — 282 с.
18. *Молчанова Г. Г.* Смыслопреобразующая роль метафоры в контексте радиально-го расширения / Г. Г. Молчанова // *Вестник Московского ун-та.* — Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2023. — Т. 26. — № 2. — С. 9—23.
19. *Никитин М. В.* Метафорический потенциал слова и его реализация / М. В. Никитин // *Проблема теории европейских языков.* — Санкт-Петербург : Тригон, 2001. — С. 37—38. — ISBN 5-8100-0079-7.
20. *Ортега-и-Гассет Х.* Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // *Теория метафоры* : сборник. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 68—81.

21. Попова Т. Г. Метафора как языковой и ментальный механизм / Т. Г. Попова, Е. В. Курочкина // Язык и культура. — 2015. — № 1. — С. 45—53.
22. Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение / П. Рикёр // Теория метафоры : сборник. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 416—34.
23. Склярёвская Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Склярёвская ; Отв. ред. Д. Н. Шмелев. — Санкт-Петербург : Наука, Санкт-Петербург. изд. фирма., 1993. — 150 с.
24. Тамерьян Т. Ю. Числовой код осетинской лингвокультуры : монография / Т. Ю. Тамерьян, М. С. Дзедзаева ; Под ред. Р. Г. Цопановой. — Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2011. — 172 с. — ISBN 978-5-8336-0678-0.
25. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. — Москва : Наука, 1988. — С. 26—52.
26. Теория метафоры : Сборник / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — Москва : Прогресс, 1990. — 512 с.
27. Халикова Н. В. Образ предмета исследования в дискуссиях о русском языке советского периода (к вопросу об образности как лингвостилистической категории научного текста) / Н. В. Халикова, О. В. Никитин // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 147—161. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-147-161.
28. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учебное пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с. — ISBN 978-5-89349-897-4.
29. Шитиков П. М. Новые методы идентификации метафоры в различных типах дискурса (обзор публикаций) / П. М. Шитиков // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2021. — № 6 (1). — С. 19—31. — DOI: 10.20339/PhS.6-21.019.
30. Weinrich H. Formen der Wissenschaftssprache / H. Weinrich // Sprache, das heißt Sprachen. Mit einem vollständigen Schriftenverzeichnis des Autors 1956—2001. — Tübingen : Narr, 2001. — S. 221—252.

Статья поступила в редакцию 06.02.2024,
одобрена после рецензирования 10.05.2024,
подготовлена к публикации 18.05.2024.

Material resources

- J. N. — Dzhusoity, N. G. (1980). *History of Ossetian literature, I*. Tbilisi: Metsniereba. 332 p. (In Russ.).
- J. S. — Dzhikaev, S. F. (2001). *The history of Ossetian literature (1917—1956): textbook. The manual*. Vladikavkaz: Ir. 463 p. ISBN 5-8336-0121-5. (In Osset.).
- K. M. — Kaziev, M. R. (2013). *The history of Ossetian literature (1956—2010)*. Tskhinval: Tsykura; Vladikavkaz: Orion. 484 p. ISBN 978-5-00081-078-1. (In Osset.).
- Niger. (1988). A few words about Pushkin's poetics. In: Niger. *Works*. Tskhinval: Iriston. Pp. 372-379. (In Osset.).
- Tibilov, A. (1988). About Kosta Khetagurov. In: Tibilov, A. *Collection of articles*. Tskhinval: Iriston. Pp. 154-156. (In Osset.).

References

- Arsenyeva, I. A. (2022). Reconstruction of metaphorical conceptualization of nouns with abstract semantics. *Philological sciences*, 6: 31—41. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6-22.031>. (In Russ.).

- Arutyunova, N. D. (1999). *Language and the human world, 2nd ed., ispr.* Moscow: Languages of Russian Culture. 896 p. ISBN 5-7859-0027-0. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1990). Metaphor and discourse. In: *The Theory of metaphor: A collection.* Moscow: Progress. 5—32. ISBN 5-01-001599-4. (In Russ.).
- Bally, Sh. (1961). *French stylistics.* Moscow: Publishing House of Foreign Literature. 394 p. (In Russ.).
- Black, M. (1990). Metaphor “Models and Metaphors” (1962). In: *The theory of metaphor.* Moscow: [b. i.]. 153—172. (In Russ.).
- Chudinov, A. P. (2006). *Political linguistics: a textbook.* Moscow: Flint: Nauka. 256 p. ISBN 978-5-89349-897-4. (In Russ.).
- Gak, V. G. (1998). *Linguistic transformations.* Moscow: Shk. “Yaz. rus. kul'tury”. 763 p. ISBN 5-7859-0063-7. (In Russ.).
- Gusev, S. S. (1984). Science and metaphor. Leningrad: LSU Publishing House. 152 p. (In Russ.).
- Imasheva, O. A. (2023). Metaphor and its interpretation in scientific discourse. *Russian Linguistic Bulletin*, 6 (42): 1—8. DOI: 10.18454/RULB.2023.42.34. — DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.42.34>. (In Russ.).
- Khalikova, N. V., Nikitin, O. V. (2021). Image of Subject of Research in Discussions on the Russian of Soviet Period (Imagery as a Linguistic and Stylistic Category of a Scientific Text). *Nauchnyi dialog*, 2: 147-161. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-147-161. (In Russ.).
- Kozhina, M. N. (1972). *On the speech consistency of scientific style in comparison with some others: studies. The manual.* Perm: [B. I.]. 395 p. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (2004). *Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in cognition of the world.* Moscow: Yaz. Slavyan. Culture. 555 p. ISBN 5-94457-174-8. (In Russ.).
- Lakoff, J., Johnson, M. (1990). Metaphors that we live by. In: *The Theory of metaphor: A collection.* Moscow: Progress. 387—415. (In Russ.).
- Lavrinenko, I. Yu. (2023). Structural Features of Metaphors in English Aphorisms with in Philosophical Discourse. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 65—87. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-6-65-87> (In Russ.).
- Levin, Yu. I. (1998). *Selected works. Poetics. Semiotics.* Moscow: School of “Languages of Russian culture”. 824 p. (In Russ.).
- Loseva, O. M. (2015). Metaphor in scientific and technical text. *Philological sciences: Questions of theory and practice*, 8 (50), Part. III, pp. 118-121. (In Russ.).
- Mishankina, N. A. (2010). *Metaphor in science: paradox or norm?* Tomsk: Tomsk University Press. 282 p. (In Russ.).
- Molchanova, G. G. (2023). The meaning-transforming role of metaphor in the context of radial expansion. *Bulletin of the Moscow University. Series 19. Linguistics and inter-cultural communication*, 26 (2): 9—23. (In Russ.).
- Nikitin, M. V. (2001). The metaphorical potential of the word and its realization. In: *The problem of the theory of European languages.* St. Petersburg: Trigon. 37—38. ISBN 5-8100-0079-7. (In Russ.).
- Ortega y Gasset, J. (1990). Two great metaphors. In: *Theory of metaphor.* Moscow: Progress. Pp. 68-81. (In Russ.).
- Popova, T. G., Kurochkina, E. V. (2015). Metaphor as a linguistic and mental mechanism. *Language and culture*, 1: 45—53. (In Russ.).

- Riker, P. (1990). Metaphorical process as cognition, imagination and sensation. In: *Theory of metaphor: Collection*. Moscow: Progress. 416—34. (In Russ.).
- Shitikov, P. M. (2021). New methods of identifying metaphors in various types of discourse (review of publications). *Philological Sciences. Scientific reports of the higher school*, 6 (1): 19—31. DOI: 10.20339/PhS.6-21.019. (In Russ.).
- Sklyarevskaya, G. N. (1993). *Metaphor in the language system*. St. Petersburg: Nauka, St. Petersburg publishing house. Firm. 150 p. (In Russ.).
- Tamerian, T. Y. (2011). *Numerical code of Ossetian linguoculture: monograph*. Vladikavkaz: Publishing House of SOGU. 172 p. ISBN 978-5-8336-0678-0. (In Russ.).
- Telia, V. N. (1988). Metaphor as a model of semantic production and its expressive and evaluative function. In: *Metaphor in language and text*. Moscow: Nauka. 26—52. (In Russ.).
- Theory of metaphor: Collection*. (1990). Moscow: Progress. 512 p. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. (1996). *Language. Culture. Cognition*. Moscow: Rus. words. 411 p. (In Russ.).
- Weinrich, H. (2001). Formen der Wissenschaftssprache. In: *Sprache, das heißt Sprachen. Mit einem vollständigen Schriftenverzeichnis des Autors 1956—2001*. Tübingen: Narr. S. 221—252. (In Germ.).
- Zanina, M. A. (2012). Metaphorization in popular science discourse. *Bulletin of the St. Petersburg State University. un-ta. Series 9, 3*: 72—77. (In Russ.).

*The article was submitted 06.02.2024;
approved after reviewing 10.05.2024;
accepted for publication 18.05.2024.*

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Лидия Густовна Ким, д-р филол. наук (Кемерово)

Людмила Александровна Морина, канд. филол. наук (Новосибирск)

Мария Владимировна Устинова, начальник пресс-службы (Новокузнецк)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(4), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Ким Л. Г. Интенциональный автор как субъект виртуальной коммуникации (на материале новостного контента корпоративных сайтов) / Л. Г. Ким, М. В. Устинова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 112—131. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-112-131.

Kim, L. G., Ustinova, M. V. (2024). Intentional Author as a Subject of Virtual Communication (Content of Corporate Websites News). *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 112-131. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-112-131. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Интенциональный автор как субъект виртуальной коммуникации (на материале новостного контента корпоративных сайтов)

Ким Лидия Густовна¹

orcid.org/0000-0003-1712-9663

Scopus Author ID: 56895620200

доктор филологических наук, доцент,
кафедра русского языка и литературы
kimli09@mail.ru

Устинова Мария Владимировна²

orcid.org/0009-0004-8300-5444

начальник пресс-службы,

корреспондирующий автор

pressa@kifsin.ru

¹ Кемеровский
государственный университет
(Кемерово, Россия)

² Кузбасский институт ФСИН России
(Новокузнецк, Россия)

Intentional Author as a Subject of Virtual Communication (Content of Corporate Websites News)

Lidia G. Kim¹

orcid.org/0000-0003-1712-9663

Scopus Author ID: 56895620200

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Russian Language
and Literature
kimli09@mail.ru

Maria V. Ustinova²

orcid.org/0009-0004-8300-5444

Head of the Press Service,

Corresponding author
pressa@kifsin.ru

¹ Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia)

² Kuzbass Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia
(Novokuznetsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется «образ виртуального интенционального автора» в новостном дискурсе корпоративных сайтов. Выполнен сравнительный анализ материалов корпоративных сайтов: Кемеровского государственного университета и Сибирской угольно-энергетической компании. Выявлены субъектные, предикатно-актантные и локативно-темпоральные компоненты. Названы типовые и специфические семантические компоненты. Типовыми общими компонентами являются следующие смыслы: «Я — значимый субъект российского пространства»; «Я — представляю коллектив профессионалов»; «Я — осуществляю волонтерскую и благотворительную деятельность». При этом образ интенционального автора каждой из рассматриваемых организаций характеризуется специфическими чертами. Интенциональный автор новостного контента университета реализует следующие модусные смыслы: «Я — не только опорный вуз области, но и вхожу в мировые рейтинги, являюсь центром научно-исследовательской, социальной, волонтерской и т. д. деятельности региона», то есть виртуальный автор реализует коммуникативную интенцию представить образ вуза как значимого субъекта российского образовательного пространства. Интенциональный автор новостного контента энергетической компании реализует смыслы: «Я — лучшая производственная организация»; «Я — конкурентноспособна», «Я — социально ориентирована», «Я взаимодействую с властью и общественными организациями».

Ключевые слова:

виртуальная коммуникация; новостной дискурс; интенциональный автор; корпоративный сайт.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the “image of the virtual intentional author” in the news discourse of corporate websites. A comparative analysis of materials from corporate websites of Kemerovo State University and Siberian Coal and Energy Company is conducted. Subjective, predicate-actant, and locative-temporal components are identified. Typical and specific semantic components are named. The typical shared components include the following meanings: “I am a significant subject of the Russian space”; “I represent a collective of professionals”; “I engage in volunteer and charitable activities”. Each of the considered organizations’ intentional author image is characterized by specific features. The intentional author of the university’s news content realizes the following modal meanings: “I am not only a leading university in the region but also part of global rankings, serving as a center for scientific, social, volunteer activities, etc. in the region”, thus, the virtual author communicates the intention to present the university as a significant subject of the Russian educational space. The intentional author of the energy company’s news content conveys meanings such as: “I am the best production organization”; “I am competitive”; “I am socially oriented”; “I interact with authorities and public organizations”.

Key words :

virtual communication; news discourse; intentional author; corporate website.

Интенциональный автор как субъект виртуальной коммуникации (на материале новостного контента корпоративных сайтов)

© Ким Л. Г., Устинова М. В., 2024

1. Введение = Introduction

Статья, выполненная в русле лингвоперсонологии, коммуникативной и интернет-лингвистики, включена в контекст исследований, обсуждающих проблему **образа автора** как фациенса коммуникативной цепочки «Автор — Текст — Адресат». Разработка проблемы образа автора, которая опирается на традиции, сложившиеся в филологических исследованиях, сегодня, в условиях современной интернет-коммуникации, приобретает особую значимость. Это обусловлено спецификой виртуальной коммуникативной среды, ее влиянием на формирование политического и правового сознания, идеологических и культурных ценностей, коммуникативного поведения, культуры и мировоззрения россиян всех поколений.

В теоретическом плане проблема образа автора впервые обсуждалась в работах В. В. Виноградова [Виноградов, 1971] и М. М. Бахтина [Бахтин, 2012] и решалась преимущественно на материале **текстов художественной литературы**. Исследователями были выявлены способы репрезентации автора, установлена корреляция понятий автора и персонажа, разработана типология автора. Установлено, что категория автора в литературоведении обусловлена художественным миром произведения.

В лингвистике исследования категории автора актуализировались в конце XX века в связи с развитием **нарратологии** [Падучева, 1996] и **лингвистической теории текста** [Валгина, 2003; Сидорова и др., 2012]. Так, Н. С. Валгина раскрывает **образ автора** посредством дифференциации таких смежных понятий, как **производитель речи** и **субъект повествования**. Исследователь отмечает двунаправленность образа автора: он есть результат сотворчества, так как, с одной стороны, он творится, создается автором, а с другой — воспринимается, воссоздается читателем [Валгина, 2003].

Обращение к **политической коммуникации и политическому дискурсу** определило развитие лингвополитической персонологии, объектом которой является языковая личность политика [Мадалиева, 2011; Нехорошева, 2012 и др.]. Как установлено авторами, специфика этой языковой личности определяется сочетанием индивидуальных и институциональных коммуникативно-речевых проявлений, обеспечивающих ее синкретичный, многомерный характер [Чудинов и др., 2018]. Заслуживают внимания разработки образа автора, выполненные на материале инаугурационного дискурса и реализующие адресатоцентрическую модель [Ким и др., 2019]. В исследованиях этого направления постулируется идея дифференциации, с одной стороны, образа автора, воплощенного в политическом дискурсе, и, с другой стороны, реконструируемого адресатом, «подразумеваемого» образа автора; отмечаются типовые и вариативные характеристики образа политического лидера.

Расширение сферы лингвистических разработок и вовлечение в нее разных типов коммуникации (медийной, политической, деловой, судебной, обыденной) позволяют исследователям представить типологию автора в аспекте реализации его интенций [Моштылева, 2023; Распопова и др., 2021]. Так, И. И. Бакланова различает с точки зрения коммуникативных намерений отправителя две разновидности выводимого образа автора нехудожественного текста: **интенциональный образ автора**, то есть отвечающий коммуникативным намерениям отправителя текста, и **перцептивный образ автора**, то есть образ автора в том виде, как его воспринимает читатель [Бакланова, 2014]. Данная концепция представляется нам достаточно перспективной.

Пристального внимания исследователей в аспекте разрабатываемой проблемы заслуживает **интернет-коммуникация**, определяемая законами виртуальной реальности [Dafonte-Gomez et al., 2015]. Как справедливо подчеркивают специалисты, за последние десятилетия виртуальный мир все более гуманизируется, превращаясь из технологии, доступной узкому кругу инженеров-программистов, в информационно-коммуникативную среду для широкого круга людей различного рода занятий, пола и возраста [Гуманитарные исследования в интернете ..., 2000]. «Виртуальность для современного человека становится не столько технологией, сколько особым способом бытия» [Королева, 2004, с. 170]. Исследование коммуникации в виртуальной электронной среде позволяет лингвистам выявить такие ее свойства, как «дистантность, опосредованность, мультимедийность (и как следствие — поликодовость сообщений), гипертекстуальность, разнообразие дискурсивных и жанровых воплощений, а также возможность широкого варьирования по параметрам персональность / институциональность» [Колокольцева, 2016, с. 97].

Виртуальная коммуникация предполагает особый статус ее участников — **виртуального автора и виртуального адресата**, которые привлекают внимание современных исследователей [Бурнаева, 2012; Маринова, 2023]. Предметом нашего рассмотрения является образ виртуального автора, который репрезентирован в новостном дискурсе сайтов различных организаций.

Сайт сегодня является объектом разноаспектных лингвистических исследований: лексикологических [Ефремова, 2009], жанроведческих [Беляшова, 2018; Вакку, 2012], лингокультурологических [Цветкова, 2014], коммуникативных [Загидуллина, 2017; Потеряхина, 2019; Ortega, 2015] и других, так как в современном обществе виртуальная коммуникация составляет неотъемлемую часть повседневной жизни [Николаенко и др., 2020; Пастухова и др., 2023]. **Актуальность** предлагаемого исследования определяется востребованностью использования сайта как инструмента современного коммуникативного процесса и необходимостью его разноаспектного изучения, предполагающего в том числе изучение образа виртуального автора, реализующего посредством сайта свои коммуникативные намерения. **Цель** настоящей статьи заключается в раскрытии понятия «образ виртуального автора» и моделировании образа интенционального автора как его вида, репрезентированного в новостном дискурсе корпоративных сайтов. **Новизна** исследования обусловлена развитием идеи о том, что новостной контент корпоративного сайта репрезентирует образ виртуального автора, реализует его коммуникативные намерения и позволяет воссоздать образ интенционального автора.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование выполнено на материале новостного контента корпоративных сайтов Кемеровского государственного университета [КемГУ] и Сибирской угольно-энергетической компании [СУЭК]. Непосредственным материалом исследования являются новостные статьи, размещенные на сайтах указанных организаций в 2023 году (по 10 новостных публикаций). В процессе исследования использовались *метод дискурса-анализа*, позволяющий осуществить репрезентацию образа виртуального автора; *интент-анализа*, предпринятый с целью выявления интенциональной (целевой) направленности контента сайта и моделирования образа интенционального автора, *метод пропозиционального анализа*, применяемый с целью моделирования субъектно-предикатной рамки, репрезентирующей коммуникативные интенции автора, и *сопоставительный метод* с целью сравнения образов интенционального автора, репрезентированного в новостном контенте сайтов двух рассматриваемых организаций.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Согласно развиваемой нами гипотезе, виртуальный автор, репрезентированный в новостном контенте сайта, представлен двумя его видами: **интенциональный автор** и **подразумеваемый автор**. Основанием для такой дифференциации является позиция фациенса коммуникативного процесса. **Интенциональный автор** — это воплощенный в дискурсе образ автора в аспекте реализации его коммуникативных намерений («Я хочу представить себя таким...»), в то время как **подразумеваемый автор** — это образ, воссоздаваемый, реконструируемый адресатом исходя из его пресуппозиций и дотекстовых ожиданий («Я представляю себе автора таким...»). Настоящая статья посвящена исследованию **образа интенционального автора**.

Анализ новостного контента корпоративных сайтов позволяет выявить единицы, обозначающие: а) участников событий (субъектов); б) предикаты, характеризующие участников и указывающие на тип события, и объектно-результативные актанты; в) сирконстанты, определяющие место и время события. Все эти единицы образуют так называемую пропозициональную рамку.

3.1. Анализ новостного контента корпоративного сайта Кемеровского государственного университета

Исследование новостных публикаций, размещенных на сайте КемГУ, позволяет выявить основные освещаемые в них темы (табл. 1)

Рассмотрим далее компоненты пропозициональной рамки, моделируемой в указанных публикациях.

3.1.1. Субъект как участник события

Для номинации субъектов — участников событий — используются лексические единицы, обозначающие как обобщенного неперсонализированного субъекта, так и конкретного персонализированного: а) профессорско-преподавательского и студенческого сообщества вуза (*университет, ученые КемГУ, университетское сообщество, специалисты, студенты КемГУ*); б) конкретных лиц — преподавателей и студентов вуза (*член-корреспондент РАН, ректор КемГУ А. Ю. Просеков; к.т.н., доцент, заместитель директора ИИТ по научной работе А. В. Шафрай; магистрант Института истории и международных отношений Ангелина Жучкова*); в) партнеров и стейкхолдеров вуза (*Совет муниципальных образований Кузбасса; сотрудники Национальной академии наук Беларуси*); г) конкретных лиц — представителей партнерских организаций и стейкхолдеров (*губернатор Кузбасса С. Е. Цивилев; сопредседатель Всероссийской ассоциации развития местного самоуправления И. М. Гусев; заместитель председателя Правительства Кузбасса А. А. Пятовский; региональный*

Таблица 1

Новостные публикации на сайте КемГУ

Тема	Название публикации
Актуальные научные разработки вуза	<i>Ученые КемГУ выиграли грант в размере 4 млн рублей на разработку интеллектуальной системы диагностирования саркопении по данным компьютерной томографии; Ученые КемГУ и Института истории и археологии Уральского отделения РАН обсудили перспективы возобновления крупного проекта по изучению Урало-Кузнецкого комбината</i>
Просветительские и социально значимые проекты вуза	<i>2023—2024 учебный год объявлен в КемГУ Годом сохранения исторической памяти; КемГУ стал площадкой для проведения регионального форума органов местного самоуправления в рамках Всероссийского проекта «Знание. Государство»; В Кемеровском государственном университете стартовала профильная смена для школьников из ДНР; Стратегические подходы к развитию экономики Кузбасса в долгосрочной перспективе обсудили в КемГУ; Вопросы донорства костного мозга, демографии и женского здоровья обсудили в КемГУ на встрече с депутатом Государственной Думы В. В. Власовой</i>
Медийные проекты вуза	<i>На базе Кемеровского государственного университета открылся региональный медиацентр Минобрнауки России</i>
Международные проекты вуза	<i>В республике Беларусь Кемеровский госуниверситет презентовал проект «Связаны одной судьбой»</i>
Развитие инфраструктуры вуза	<i>Губернатор Кузбасса Сергей Евгеньевич Цивилев проверил ход строительства университетского кампуса КемГУ</i>

представитель Российского общества «Знание» А. А. Курасов; известный российский исследователь аграрной истории XX века, заслуженный деятель науки России, доктор исторических наук Г. Е. Корнилов; авторитетный уральский историк; ректор Полоцкого университета имени Ефросинии Полоцкой Ю. Я. Романовский).

Для обозначения субъектов употребляется стилистически нейтральная, типовая, в определенном смысле шаблонная лексика, что, с одной стороны, обусловлено официальным статусом сайта как лица образовательной организации, а с другой — жанром новостной публикации. Следовательно, наименования субъектов выражают нейтральные модусные смыслы. При этом указанные лексические единицы используются в составе словосочетаний, обозначающих официальное / полуофициальное наименование образовательной или партнерской организации (*КемГУ, Институт истории*

и международных отношений, Совет муниципальных образований Кузбасса, Правительство Кузбасса, Российского общества «Знание»). Имена собственные — обозначения персонализированных участников — используются в сочетании с указанием их ученой степени, звания и должности (к.т.н., доцент, заместитель директора ИИТ), а также в сочетании с прилагательными, подчеркивающими научные достижения лиц, их авторитетность, значимость (*известный российский исследователь, заслуженный деятель*).

Подобная частотная синтагматика актуализирует имплицитные маркированные модусные смыслы: «КемГУ — вуз, имеющий хорошую репутацию и поддержку стейкхолдеров», «КемГУ имеет партнеров — представителей государственных и общественных организаций», «Каждый субъект — уважаемый член коллектива вуза», «Преподаватели вуза — высокопрофессиональные представители научного сообщества». В целом это позволяет виртуальному автору реализовать образ интенционального автора как субъекта, имеющего высокий статус в образовательной, научной и социальной сфере не только на уровне региона, но и в стране в целом, а также в зарубежном научно-образовательном пространстве.

3.1.2. Предикатно-актантная группа как номинация действия и характеристика участника события

Для номинации предикатов, реализующих валентные связи актантов с объектно-результативным значением, употребляются лексические единицы, указывающие на действие субъекта или характеризующие его как участника события.

Анализ предикатно-актантных групп позволяет выделить следующие типы :

1) разработка актуальных научных проектов (*выиграли грант в размере 4 млн рублей на разработку интеллектуальной системы диагностирования саркопении; станет определение количественных характеристик мышечной ткани; позволит повысить эффективность; возобновили крупный проект по изучению Урало-Кузнецкого комбината*);

2) проведение социально-просветительских и воспитательно-патриотических мероприятий (*проведение просветительских региональных форумов; повышение профессиональных компетенций муниципальных служащих; было организовано обсуждение актуальных вопросов, посвященных проблемам низкой рождаемости и бесплодия; открытие профильной смены «Кузбасс открыт для открытий; привлечь внимание университетского сообщества к важным направлениям актуальной повестки развития вуза, региона, страны; посвятят учебное время разработке общественных проектов; развитие у обучающихся патриотизма, лидерства,*

гражданской солидарности и традиционных ценностей; будет посвящен сохранению исторической памяти; запустят обучение в рамках Школы исторического ликбеза);

3) укрепление международного сотрудничества КемГУ (*состоялось подписание договора о международном сотрудничестве; состоялась встреча делегации КемГУ с представителями Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка; принять участие в тематическом занятии, посвященном общенациональным героям З. М. Тусноловой-Марченко, А. Ф. Лебедеву, М. С. Прудникову, С. В. Беляеву и Ю. М. Двужильному*);

4) развитие инфраструктуры вуза (*проверил ход строительства университетского кампуса*).

Указанные предикаты, с одной стороны, выполняют информативную функцию, то есть используются для сообщения о событиях, мероприятиях, участником или организатором которых является образовательная организация. С другой стороны, реализация валентных связей предикатов с актантами, обозначающими объект, с которым связаны деятельность вуза и / или достигнутый вузом высокий результат в научной, социально значимой сфере, выражает коммуникативную интенцию автора : «КемГУ — вуз, достигший высоких научных результатов», «КемГУ — участник значимых социально-просветительских и воспитательно-патриотических мероприятий»; «КемГУ развивает международное сотрудничество», «КемГУ развивает инфраструктуру».

Использование подобных предикатов в сочетании с наименованиями научных, спортивных и других общественно значимых мероприятий, конкурсов позволяет реализовать коммуникативную интенцию «Мы — вуз, имеющий крупные достижения в научной, воспитательно-патриотической и социальной сфере».

Лексико-семантический и лингвопрагматический анализ используемых в новостном дискурсе предикатов позволяет выявить противоречие между требуемой официальностью контента, размещаемого на сайте образовательной организации, а следовательно, должного выражать объективный модус, и стремлением позиционировать вуз как успешную организацию, а значит — выражать субъективный модус. Глаголы-сказуемые используются, с одной стороны, для передачи безоценочной, объективной информации, констатации факта, а с другой — для демонстрации успеха вуза.

Таким образом, в новостном контенте автор, соблюдая стилистику публицистического жанра и требования официального сайта, использует предикаты, направленные на выражение двойственной коммуникативной интенции — не только информировать адресата о текущих событиях, но

и сформировать образ вуза как значимого субъекта российского образовательного пространства.

3.1.3. Локативный и темпоральный сирконстанты

Для номинации места и времени событий применяются лексические единицы, имеющие темпорально-локативное значение: (а) *на площадке Кемеровского государственного университета; на территории площадью 15 тысяч кв. метров; музей археологии, этнографии и экологии Сибири; в Республике Беларусь; в Минске; на площадке Полоцкого государственного университета имени Ефросинии Полоцкой; (б) 14 сентября; 19 октября; 21 ноября; в год 50-летия Кемеровского государственного университета; до конца 2024 года.*

Используемые в пропозициональной структуре новостных публикаций локативно-темпоральные сирконстанты реализуют центробежные и центростремительные тенденции. С одной стороны, в новостном контенте подчеркивается, что все значимые научно-образовательные, социально-просветительские, воспитательно-патриотические мероприятия проходят именно в КемГУ, актуализируя «субъектоцентричность» вуза и реализацию центростремительных тенденций (*Кемеровский государственный университет посетил известный российский исследователь аграрной истории XX века...; авторитетный уральский историк посетил планетарий им. К. П. Мацукова, геологический выставочный центр, музей археологии, этнографии и экологии Сибири; на площадке Кемеровского государственного университета состоялось открытие регионального Медиацентра Минобрнауки России; Губернатор Кузбасса Сергей Евгеньевич Цивилев проинспектировал строительство кампуса КемГУ; для школьников Кузбасса в университете запускают обучение в рамках Школы исторического ликбеза; в КемГУ запланирован старт серии подкастов, направленных на сохранение исторической памяти; в Кемеровском государственном университете стартует образовательный модуль «Обучение служением»; в рамках направления «Женское здоровье» федерального партийного проекта «Женское движение Единой России» в Кемеровском государственном университете состоялась лекция-встреча; в Кемеровском государственном университете стартовала профильная смена для школьников из ДНР*). Регулярно используемые локативные сирконстанты актуализируют выражаемый в новостном контенте имплицитный смысл: «КемГУ — центр притяжения известных научных, социально значимых организаций и руководителей разных уровней», «КемГУ — место проведения важных социально значимых мероприятий», «В КемГУ зарождаются и реализуются важные социально значимые инициативы» — «Все — в КемГУ». С другой стороны, новостной контент включает «внешние» локатив-

ные компоненты, указывающие на участие студентов и преподавателей вуза в значимых научно-образовательных и культурно-просветительских мероприятиях, которые проходят в стране и за рубежом (*В Республике Беларусь Кемеровский госуниверситет презентовал проект «Связаны одной судьбой»; На площадке Полоцкого государственного университета; презентация прошла в Новополоцке; в Минске состоялась встреча делегации КемГУ с представителями Белорусского государственного педагогического университета*). Использование указанных и аналогичных локативных сирконстантов выражает коммуникативное намерение интенционального автора актуализировать имплицитный смысл «КемГУ — везде» и реализует центростремительные тенденции.

Темпоральные компоненты пропозициональной рамки (*14 сентября; 19 октября; 21 ноября; в год 50-летия Кемеровского государственного университета; до конца 2024 года* и др.) призваны реализовать коммуникативное намерение автора сформировать образ субъекта, который хочет представить себя следующим образом: «Мы — каждый день в новостной повестке», «В КемГУ ежедневно происходят значимые события».

Таким образом, интенциональный автор КемГУ реализует следующие модусные смыслы: «Я — не только опорный вуз области, но и вхожу в мировые рейтинги, являюсь центром научно-исследовательской, социальной, волонтерской и т. д. деятельности региона», то есть виртуальный автор реализует коммуникативную интенцию представить образ вуза как значимого субъекта российского образовательного пространства.

3.2. Анализ новостного контента корпоративного сайта Сибирской угольно-энергетической компании

Обратимся к новостным публикациям, размещенным на сайте СУЭК, и выявим основные освещаемые в них темы (табл. 2)

Характеризуя новостной контент сайта СУЭК, следует подчеркнуть, что в текстах активно используются профессионализмы: *годовой план по добыче, угледобывающих предприятий, провозных мощностей, открытой добычи СУЭК, ковш экскаватора по заданному коридору, машинист бульдозера Liebherr PR-764* и т. д., — в то время как новостной контент сайта КемГУ в меньшей степени содержит узкоспециальную лексику.

Опишем компоненты пропозициональной рамки, моделируемой в указанных публикациях.

3.2.1. Субъект как участник события

Для номинации субъектов — участников событий — используются лексические единицы, обозначающие как обобщенного неперсонализированного субъекта, так и конкретного персонализированного:

Таблица 2

Новостные публикации на сайте СУЭК

Тема	Название публикации
Производственные достижения организации	<i>Горняки приморских предприятий СУЭК взяли призовые места на общероссийских соревнованиях по профмастерству (23 августа); Березовский разрез досрочно «встречает новый год» (22 сентября); Годовой план по добыче выполнен на Тугнуйском разрезе (24 декабря)</i>
Участие в общественно-политических и социально значимых мероприятиях	<i>Шахтерские города продолжают преобразоваться при участии СУЭК (5 октября); СУЭК — лидер в области противодействия коррупции (25 октября); СУЭК совместно с КузГТУ реализует проект по получению студентами первых рабочих профессий (2 ноября); В СУЭК-Кузбасс прошли мероприятия, посвященные Дню народного единства (9 ноября); Красноярские угольщики СУЭК приняли участие в экологической акции «БумБатл» (15 ноября); Дети сотрудников СУЭК успешно выступили на молодежном форуме «Научно-технический потенциал Сибири» (5 декабря).</i>
Благотворительная и спонсорская деятельность организации	<i>СУЭК предоставила бесплатно уголь жителям Солнечно-го сельсовета в Хакасии (7 сентября); СУЭК поддержала социальную акцию (15 сентября); СУЭК — лидер корпоративной благотворительности в России (31 октября); АО «Разрез Тугнуйский» обеспечивает углем религиозные организации Бурятии (16 ноября); Волонтеров СУЭК поблагодарили за содействие реализации ФП «Формирование комфортной городской среды» (25 июля)</i>

а) представители производственного коллектива (*горняки приморских предприятий СУЭК; Красноярские угольщики СУЭК; угольщики Тугнуя; АО «Разрез Тугнуйский»; Назаровский разрез СУЭК; компании «СУЭК-Кузбасс» и т. д.*);

б) члены общественных объединений компании и инициативные группы, связанные с СУЭК (*Фонд «СУЭК-РЕГИОНАМ», дети сотрудников СУЭК, волонтеры СУЭК и т. д.*);

в) персонализированные субъекты (*генеральный директор АО «Ургалуголь» Валентин Калашиников; инженер по подготовке производства*

филиала АО «СУЭК-Красноярск» «Разрез Назаровский» Юлия Пименова; специалист группы оперативного учета в филиале «АО «СУЭК-Красноярск» «Разрез Березовский» Екатерина Алтабасова).

Для обозначения субъектов употребляется стилистически нейтральная, типовая лексика, отражающая производственную специализацию героев публикации: *горняки, угольщики, разрез, инженер по производству* и т. д. Наименования субъектов выражают нейтральные модусные смыслы. Указанные лексические единицы используются в составе словосочетаний, обозначающих официальное / полуофициальное наименование организации, что актуализирует имплицитные смыслы, выражаемые интенциональным автором: «СУЭК — команда специалистов — угледобытчиков».

3.2.2. Предикатно-актантная группа как номинация действия и характеристика участника события

Для номинации предикатов, реализующих валентные связи актантов с объектно-результативным значением, употребляются лексические единицы, указывающие на действие субъекта или характеризующие его как участника события.

Анализ предикатно-актантных групп позволяет выделить следующие типы:

а) производственные достижения организации (*Березовский разрез досрочно «встречает новый год»; годовой план по добыче выполнен на Тугнуйском разрезе; горняки приморских предприятий СУЭК взяли призовые места на общероссийских соревнованиях по профмастерству*);

б) участие в общественно-политических и социально значимых мероприятиях (*Шахтерские города продолжают преобразаться при участии СУЭК; «СУЭК — лидер в области противодействия коррупции»; «СУЭК совместно с КузГТУ реализует проект по получению студентами первых рабочих профессий»; «В СУЭК-Кузбасс прошли мероприятия, посвященные Дню народного единства»; «Красноярские угольщики СУЭК приняли участие в экологической акции «БумБатл»»; «Дети сотрудников СУЭК успешно выступили на молодежном форуме «Научно-технический потенциал Сибири»*);

в) благотворительная и спонсорская деятельность организации (*СУЭК предоставила бесплатно уголь жителям Солнечного сельсовета в Хакасии»; «СУЭК поддержала социальную акцию»; «СУЭК — лидер корпоративной благотворительности в России»; «АО «Разрез Тугнуйский» обеспечивает углем религиозные организации Бурятии»; «Волонтеров СУЭК поблагодарили за содействие реализации ФП «Формирование комфортной городской среды»*).

Таким образом, использование подобных предикатов в сочетании с наименованиями производственных и других общественно значимых ме-

роприятий, конкурсов позволяет реализовать коммуникативную интенцию автора сформировать образ успешного, конкурентноспособного, социально ориентированного субъекта, то есть реализовать коммуникативную интенцию: «Я хочу сообщить, что СУЭК — лучшая производственная организация, позиционирует на рынке конкурентоспособность, социальную ориентированность, взаимодействие с властью и общественными объединениями».

3.2.3. Локативный и темпоральный сирконстанты

Для номинации места и времени событий привлекаются лексические единицы, имеющие темпорально-локативное значение: *Красноярские угольщики СУЭК, жителям Солнечного сельсовета в Хакасии, религиозные организации Бурятии, в г. Киселевске, в Ленинске-Кузнецком, Бородино Красноярского края, в Кузбассе* и др.

Следует подчеркнуть, что локативные сирконстанты в новостном дискурсе сайта СУЭК минимизированы; лексические единицы, содержащие локативный компонент, выражаются не существительным, как это показано при характеристике сайта КемГУ, а относительным прилагательным при номинации субъектов: например, *красноярские угольщики; Березовский разрез; приморские предприятия*.

Лексические единицы с локативным значением актуализируют смысловой компонент — масштаб деятельности компании — общероссийский, охватывающий точечные зоны территории страны, где ведется угледобыча, а также добыча других полезных ископаемых, используемых в топливно-энергетическом комплексе.

Темпоральные сирконстанты (*2 октября, 30 октября, более чем за три месяца до завершения календарного года, до 31 декабря, с 10 октября по 15 ноября* и др.) актуализируют значимые для производственной организации календарные даты, связанные с деятельностью предприятия.

Таким образом, локативно-темпоральные компоненты пропозиции, представленные в новостном контенте сайта СУЭК, реализуют центростремительные тенденции («Мы — везде»), в отличие от актуализированных в новостях сайта КемГУ — центростремительные и центробежные тенденции. При этом локативные компоненты в новостных дискурсах сайта КемГУ имеют ситуативно / спонтанно обусловленный характер, в то время как лексические единицы с локативным значением в новостях СУЭК являются достаточно повторяющимися, а следовательно, предсказуемыми. Следовательно, локативное пространство новостного контента сайта КемГУ имеет континуальный характер, а сайта СУЭК — дискретный.

Таким образом, интенциональный автор новостного контента на сайте СУЭК выражает свои коммуникативные интенции: «Я — лучшая произ-

водственная организация»; «Я — конкурентноспособна», «Я — социально ориентирована», «Я взаимодействую с властью и общественными организациями». Виртуальный автор реализует коммуникативную интенцию представить образ производственной организации как успешно развивающейся в соответствии с современными трендами компании.

4. Заключение = Conclusions

Интернет-коммуникация, определяемая законами виртуальной реальности, вновь актуализирует обращение к проблеме образа автора, традиция разработки которого связана с именами М. М. Бахтина и В. В. Виноградова. Исследование образа автора на материале текстов художественной литературы, а позднее — политического и иных видов нехудожественного дискурса позволяет утверждать, что тип коммуникации и тип дискурса определяют специфику образа автора.

Новостной дискурс сайтов образовательной и производственной организаций позволяет выявить образ виртуального автора, реализующего коммуникативные интенции, и осуществить моделирование образа интенционального автора.

Использование метода пропозиционального анализа позволило выявить субъектные, предикатно-актантные и локативно-темпоральные компоненты в новостном контенте сайтов образовательной и производственной организаций и установить типовые и специфические семантические компоненты. Типовыми компонентами, определяющими образ интенционального автора новостного контента сайта, являются следующие смыслы: «Я — значимый субъект российского пространства»; «Я — представляю коллектив профессионалов»; «Я — осуществляю волонтерскую и благотворительную деятельность». При этом образ интенционального автора каждой из рассматриваемых организаций характеризуется специфическими особенностями, обусловленными ее типом.

Интенциональный автор новостного контента КемГУ реализует следующие модусные смыслы: «Я — не только опорный вуз области, но и вхожу в мировые рейтинги, являюсь центром научно-исследовательской, социальной, волонтерской и т. д. деятельности региона», то есть виртуальный автор реализует коммуникативную интенцию представить образ вуза как значимого субъекта российского образовательного пространства. Локативно-темпоральные единицы новостного контента репрезентируют центробежные и центростремительные тенденции континуального характера.

Интенциональный автор новостного контента на сайте СУЭК реализует коммуникативные интенции имиджевой самопрезентации: «Я — лучшая производственная организация»; «Я — конкурентноспособна», «Я —

социально ориентирована», «Я взаимодействую с властью и общественными организациями». Виртуальный автор реализует коммуникативную интенцию представить образ производственной организации как компании, успешно развивающейся в соответствии с современными трендами. Локативно-темпоральные единицы новостного контента репрезентируют центробежные тенденции дискретного характера.

Заявленный вклад авторов : все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors : the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. КемГУ — Кемеровский государственный университет : официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://kemsu.ru> (дата обращения 22.02.2024).
2. СУЭК — Сибирская угольно-энергетическая компания : официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://suek.ru> (дата обращения 22.02.2024).

Литература

1. Бакланова И. И. Образ автора и образ адресата нехудожественного текста : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / И. И. Бакланова. — Москва, 2014. — 272 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 3-е издание / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 2012. — 444 с. — ISBN 978-5-458-23202-9.
3. Беляшова М. Л. Сайт вуза как инструмент позиционирования в образовательном пространстве : жанровый анализ [Электронный ресурс] / М. Л. Беляшова // Гуманитарные научные исследования. — 2018. — № 5 (81). — Режим доступа : <https://human.snauka.ru/2018/05/24980> (дата обращения 25.02.2024).
4. Бурнаева Е. М. «Человек виртуальный» в пространстве информационной культуры : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 24.00.01 / Е. М. Бурнаева. — Комсомольск-на Амуре, 2012, — 22 с.
5. Валгина Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. — Москва : Логос, 2003. — 191 с. — ISBN 5-94010-187-9.
6. Вакку Г. В. Жанры интернет-коммуникации : веб-сайт (на примере сайта ГТРК «Чувашия») / Г. В. Вакку // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. — 2012. — № 2 (74). — Ч. 2. — С. 12—15.
7. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1963. — 255 с.
8. Гуманитарные исследования в Интернете / под ред. А. Е. Войскунского. — Москва : Можайск-Терра, 2000. — 432 с. — ISBN 5-7542-0074-9.
9. Ефремова Е. Е. Терминология и аббревиация лексических единиц языка финансовых корпоративных сайтов (на материале русскоязычных и англоязычных интернет сайтов) / Е. Е. Ефремова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 30 (168). — С. 71—74.

10. Загидуллина М. В. Развлекательный сайт как индикатор публичной сферы : тез «политика» на «pikabu.ru» / М. В. Загидуллина // Политическая лингвистика. — 2017. — № 5 (65). — С. 189—193.
11. Ким Л. Г. Образ автора и адресата в инаугурационном дискурсе / Л. Г. Ким, Е. С. Беляева // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 72—80.
12. Колокольцева Т. Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) / Т. Н. Колокольцева // Жанры речи. — 2016. — № 2 (14). — С. 96—104. — DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-96-104.
13. Королева Н. Н. Влияние коммуникации в сети интернет на личностные особенности пользователей / Н. Н. Королева // Известия РПГУ им. А. И. Герцена. — 2004. — № 4 (9). — С. 168—179.
14. Мадалиева Е. В. Лингвокогнитивный уровень языковой личности в дискурсе политической исповеди / Е. В. Мадалиева // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2011. — № 2 (27). — С. 150—154.
15. Маринова Е. В. Эволюция понятия «виртуальная личность» в цифровую эпоху (социолингвистическое исследование на материале русских текстов) / Е. В. Маринова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 151—169. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169.
16. Моштылева Е. С. Повествователь в интернет-коммуникации : особенности экспликации в рамках нарративного моделирования / Е. С. Моштылева // Современный медиатекст и судебная экспертиза : междисциплинарные связи и экспертная оценка : сборник научных работ по итогам Международной научно-практической конференции «Современный медиатекст и судебная экспертиза : междисциплинарные связи и экспертная оценка» (Москва, 12—13 октября 2023 г.). — Москва : СОЮЗКНИГА, 2023. — С. 224—228. — ISBN 978-5-6049239-4-8.
17. Нехорошева А. М. Особенности языковой личности политического лидера Германии Ангелы Меркель / А. М. Нехорошева // Политическая лингвистика. — 2012. — Выпуск 1 (39). — С. 147—150.
18. Николаенко Г. В. Глобальное распределение цифровой научной коммуникации : кейс ASNS ResearchGate / Г. В. Николаенко, Р. В. Малюшкин, А. В. Самокиш // Социология науки и технологий. — 2020. — Т. 11. — № 3 (11). — С. 158—178. — DOI: 10.24411/2079-0910-2020-13011.
19. Падучева Е. В. Семантические исследования : Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. — Москва : Школа «Языки рус. культуры», 1996. — 464 с. — ISBN 5-88766-046-5.
20. Пастухова О. Д. Особенности новостного интернет-дискурса сайта Челябинского государственного университета / О. Д. Пастухова, Е. А. Моисеева // Виртуальная коммуникация и социальные сети. — 2023. — Т. 2. — № 2 (6). — С. 56—59 — DOI: 10.21603/2782-4799-2023-2-2-56-59_.
21. Потеряхина И. Н. Стратегии самопрезентации на корпоративных сайтах (на материале сайтов американских фармацевтических компаний) / И. Н. Потеряхина // Профессиональная коммуникация : актуальные вопросы лингвистики и методики. — 2019. — № 12. — С. 112—117.
22. Распопова С. С. Самоидентификация автора в современном медиатексте / С. С. Распопова, А. А. Александрова // Челябинский гуманитарий. — 2021. — № 4 (57). — С. 38—46. — DOI: 10.47475/1999-5407-2021-10405_.

23. Сидорова М. Ю. Субъектная перспектива в лирической поэзии / М. Ю. Сидорова, О. Чжонхюн // Вестник Московского университета. — Серия 9. — Филология. — 2012. — № 2. — С. 81—89.

24. Цветкова К. А. Мультимодальность в институциональном дискурсе (на примере сайтов Интернета) / К. А. Цветкова // Вестник МГЛУ. — 2014. — № 24 (710). — С. 713—719.

25. Чудинов А. П. Российская лингвополитическая персонология : исследование дискурса политических лидеров / А. П. Чудинов, Е. А. Нахимова, М. В. Никифорова // Вестник РУДН. Серия : теория языка. Семиотика. Семантика. — 2018. — Т. 9. — № 1. — С. 14—31. — DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-14-31.

26. Dafonte-Gomez A. Academic Social Networks : Presence and Activity in Academia. edu and ResearchGate of Communication Researchers of the Galician Universities / A. Dafonte-Gomez, M. I. Miguez-Gonzalez, I. Puentes-Rivera // Proceedings of 2015 10th Iberian Conference on Information Systems and Technologies (CISTI). — 2015. — Pp. 1—6. — DOI: <https://doi.org/10.1109/CISTI.2015.7170594>.

27. Ortega J. L. Disciplinary Differences in the Use of Academic Social Networking Sites / J. L. Ortega // Online Information Review. — 2015. — Vol. 39. — № 4. — Pp. 520—536. — DOI: <https://doi.org/10.1108/OIR-03-2015-0093>.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024,
одобрена после рецензирования 04.05.2024,
подготовлена к публикации 15.05.2024.

Material resources

KemGU — *Kemerovo State University: official website*. Available at: <https://kemsu.ru> (accessed 22.02.2024). (In Russ.).

SUEK — *Siberian Coal and Energy Company: official website*. Available at: <https://suek.ru> (accessed 22.02.2024). (In Russ.).

References

KemGU — *Kemerovo State University: official website*. Available at: <https://kemsu.ru> (accessed 22.02.2024). (In Russ.).

SUEK — *Siberian Coal and Energy Company: official website*. Available at: <https://suek.ru> (accessed 22.02.2024). (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (2012). *Aesthetics of verbal creativity. 3rd edition*. Moscow: Iskustvo. 444 p. ISBN 978-5-458-23202-9. (In Russ.).

Baklanova, I. I. (2014). *The image of the author and the image of the addressee of a non-fiction text*. PhD Diss. Moscow. 272 p. (In Russ.).

Belyashova, M. L. (2018). The university website as a positioning tool in the educational space: genre analysis. *Humanitarian scientific research*, 5 (81). Available at: <https://human.snauka.ru/2018/05/24980> (accessed 02/25/2024). (In Russ.).

Burnaeva, E. M. (2012). *"Virtual man" in the space of information culture*. Author's abstract of PhD Diss. Komsomolsk-on-Amur. 22 p. (In Russ.).

Chudinov, A. P., Nakhimova, E. A., Nikiforova, M. V. (2018). Russian linguopolitical personology: a study of the discourse of political leaders. *Bulletin of the RUDN. Series:*

- theory of language. Semiotics. Semantics*, 9 (1): 14—31. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-14-31. (In Russ.).
- Dafonte-Gomez, A., Miguez-Gonzalez, M. I. (2015). Academic Social Networks: Presence and Activity in Academia. edu and ResearchGate of Communication Researchers of the Galician Universities. *Proceedings of 2015 10th Iberian Conference on Information Systems and Technologies (CISTI)*. 1—6. DOI: <https://doi.org/10.1109/CISTI.2015.7170594>.
- Efremova, E. E. (2009). Terminology and abbreviation of lexical units of the language of financial corporate websites (based on the material of Russian-language and English-language Internet sites). *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 30 (168): 71—74. (In Russ.).
- Kim, L. G., Belyaeva, E. S. (2019). The image of the author and addressee in the inaugural discourse. *Political linguistics*, 1 (73): 72—80. (In Russ.).
- Kolokoltseva, T. N. (2016). Dialogicality in the genres of Internet communication (chat, forum, blog). *Genres of speech*, 2 (14): 96—104. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-96-104. (In Russ.).
- Koroleva, N. N. (2004). The influence of communication on the Internet on the personal characteristics of users. *Izvestiya RPGU named after A. I. Herzen*, 4 (9): 168—179. (In Russ.).
- Kukhareenko, V. A. (1988). *Interpretation of the text: Textbook*. Moscow: Prosveshchenie. 192 p. ISBN 5-09-000675-X. (In Russ.).
- Madalieva, E. V. (2011). Linguocognitive level of a linguistic personality in the discourse of political confession. *Questions of cognitive linguistics*, 2 (27): 150—154. (In Russ.).
- Marinova, E. V. (2023). Evolution of Concept VIRTUAL PERSONALITY in Digital Age (a Sociolinguistic Study based on Russian Texts). *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 151—169. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169. (In Russ.).
- Moshtyleva, E. S. (2023). *Narrator in Internet communication: features of explication in the framework of narrative modeling*. Moscow: SOYUZKNIGA LLC. 224—228. ISBN 978-5-6049239-4-8. (In Russ.).
- Nekhorosheva, A. M. (2012). Features of the linguistic personality of the German political leader Angela Merkel. *Political linguistics*, 1 (39): 147—150. (In Russ.).
- Nikolaenko, G. V., Malyushkin, R. V. (2020). Global distribution of digital scientific communication: the case of ASNS ResearchGate. *Sociology of Science and Technology*, 11 / 3 (11): 158—178. DOI: 10.24411/2079-0910-2020-13011. (In Russ.).
- Nikolina, N. A. (2003). *Philological analysis of the text: Textbook for students. higher education. Institutions*. Moscow: Publishing Center “Academy”. 256 p. ISBN 5-76950954-6. (In Russ.).
- Ortega, J. L. (2015). Disciplinary Differences in the Use of Academic Social Networking Sites. *Online Information Review*, 39 (4): 520—536. DOI: <https://doi.org/10.1108/OIR-03-2015-0093>.
- Paducheva, E. V. (1996). *Semantic research: Semantics of time and type in the Russian language. Semantics of narrative*. Moscow: School “Languages of Russian Culture”. 464 p. ISBN 5-88766-046-5. (In Russ.).
- Pastukhova, O. D., Moiseeva, E. A. (2023). Features of the Internet news discourse of the Chelyabinsk State University website. *Virtual communication and social networks*, 2 / 2 (6): 56—59. DOI: 10.21603/2782-4799-2023-2-2-56-59. (In Russ.).

- Poteryakhina, I. N. (2019). Strategies of self-presentation on corporate websites (based on the material of the websites of American pharmaceutical companies). *Professional communication: topical issues of linguistics and methodology*, 12: 112—117. (In Russ.).
- Raspopova, S. S. (2021). Self-identification of the author in the modern media text. *Che-lyabinsk Humanities*, 4 (57): 38—46. DOI: 10.47475/1999-5407-2021-10405. (In Russ.).
- Sidorova, M. Y., Jeonghyun, O. (2012). Subjective perspective in lyric poetry. *Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology*, 2: 81—89. (In Russ.).
- Solganik, G. Ya. (2001). *Stylistics of the text*. Moscow: Flint, Nauka. 253 p. ISBN 5-89349-008-8. (In Russ.).
- Tsvetkova, K. A. (2014). Multimodality in institutional discourse (on the example of Internet sites). *Herald of the MGLU*, 24 (710): 713—719. (In Russ.).
- Vakku, G. V. (2012). Genres of Internet communication: a website (using the example of the website of GTRK “Chuvashia”). *Bulletin of the I. Ya. Yakovlev ChSPU*, 2 (74) / 2: 12—15. (In Russ.).
- Valgina, N. S. (2003). *Theory of text*. Moscow: Logos. 191 p. ISBN 5-94010-187-9. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1963). *Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 255 p. (In Russ.).
- Voyskunskiy, A. E. (ed.). *Humanitarian research on the Internet*. (2000). Moscow: Mozhaysk-Terra. 432 p. ISBN 5-7542-0074-9. (In Russ.).
- Zagidullina, M. V. (2017). Entertainment website as an indicator of the public sphere: the “pol-icy” tag on “pikabu.ru”. *Political linguistics*, 5 (65): 189—193. (In Russ.).

*The article was submitted 01.04.2024;
approved after reviewing 04.05.2024;
accepted for publication 15.05.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(4), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Морина Л. А. Зоны риторических рисков в медиатекстах турбулентного времени / Л. А. Морина // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 132—151. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-132-151.

Morina, L. A. (2024). Rhetorical Risk Zones in Mediatexts of Turbulent Times. *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 132-151. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-132-151. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Зоны риторических рисков в медиатекстах турбулентного времени

Морина Людмила Александровна
orcid.org/0000-0003-1016-6103
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра филологии факультета
гуманитарного образования
ludmila200273@mail.ru

Новосибирский государственный
технический университет
(Новосибирск, Россия)

Rhetorical Risk Zones in Mediatexts of Turbulent Times

Lyudmila A. Morina
orcid.org/0000-0003-1016-6103
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Philology,
Faculty of Humanities Education
ludmila200273@mail.ru

Novosibirsk State Technical University
(Novosibirsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Понятие риторического риска вводится и актуализируется в русле концепции риторического декодирования текста, направленной на изучение механизмов эффективного текстообразования. Особую значимость феномен текстовой эффективности приобретает в турбулентные периоды человеческого существования. Материалом исследования выступает корпус медиатекстов, созданных в период пандемии COVID-19 и в апреле 2024 года во время разрушительного наводнения на Южном Урале и в Западной Сибири. Цель статьи — определение зон риторических рисков текста и выявление их индикаторов. В соответствии с методологическими принципами лингвориторической реконструкции выделены зоны риторических рисков текста: инвентивная, диспозитивная и элокутивная. Индикаторами инвентивной зоны выступают имплицитность практического целеполагания субъекта речи, а также ортодоксальность выдвинутого тезиса. Индикаторы диспозитивной зоны рисков: одноплановость аргументации; избыточность статистических данных, используемых в качестве аргументов; частотность связанных рассуждений. Элокутивная зона риторических рисков складывается вследствие игнорирования говорящим такого значимого для турбулентного времени коммуникативного критерия, как диалогичность. Результаты исследования могут найти широкое профессиональное применение — от образовательной деятельности до массовой и лингвоэкспертной практик.

Ключевые слова:

медиатекст; риторические риски; риторическое декодирование текста; эффективный текст.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The concept of rhetorical risk is introduced and actualized within the framework of the rhetorical decoding of the text concept aimed at studying the mechanisms of effective text formation. The phenomenon of textual effectiveness gains particular significance in turbulent periods of human existence. The research material consists of a corpus of mediatexts created during the COVID-19 pandemic and in April 2024 during the devastating flooding in the Southern Urals and Western Siberia. The aim of the article is to identify the zones of rhetorical risks in the text and to identify their indicators. In accordance with the methodological principles of linguorhetorical reconstruction, the zones of rhetorical risks in the text were identified as inventive, dispositive, and elocutive. Indicators of the inventive zone include the implicitness of the speaker's practical goal-setting and the orthodoxy of the thesis put forward. Indicators of dispositive risk zones include one-dimensionality of argumentation, excessive use of statistical data as arguments, and frequency of related reasoning. The elocutive zone of rhetorical risks arises due to the speakers' neglect of such a significant communicative criterion for turbulent times as dialogism. The research results can have broad professional applications — from educational activities to mass media and linguo-expert practices.

Key words:

mediatext; rhetorical risks; rhetorical decoding of text; effective text.

УДК 811.161.1'42+808.51

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-132-151

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и

сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Зоны риторических рисков в медиатекстах турбулентного времени

© Морина Л. А., 2024

1. Введение = Introduction

Турбулентность, понимаемая сегодня как характеристика миропорядка, создается совокупностью факторов, куда обычно включают технологические революции (в частности, информационно-коммуникационные), транснациональные проблемы, глобальные финансовые рынки, а также естественные источники, связанные с действием природных катаклизмов, ведущих к дестабилизации человеческого существования [Полулях, 2017].

К последним относится недавно пережитая человечеством пандемия COVID-19, по прошествии четырех лет по-прежнему связываемая с онлайн-революцией, которая «изменила нашу коммуникацию так, что возвращение на предыдущий уровень стало невозможным» [Кронгауз, 2020, с. 742]. К актуальным турбулентным ситуациям, безусловно, отнесем масштабный паводок и разрушительное наводнение в апреле 2024 года на Южном Урале и в Западной Сибири.

Осмысление турбулентности в фокусе лингвориторической исследовательской практики есть поиск ответа на вопрос об онтологическом статусе, функционале и качестве текстов массовой информации, участвующих в урегулировании социальной напряженности и преодолении конфликтогенности, неизбежно сопровождающих катаклизмические и кризисные процессы. Именно в турбулентный период как никогда наглядно проявляются связи медиатекста как осознанного продукта мыслеречевой деятельности с внетекстовой реальностью, что направляет фокус лингвориторических изысканий на оценку и диагностирование его эффективности, понимаемой как достижение баланса между целью субъекта речи и полученным результатом.

Очевидно, что эффективная коммуникация турбулентного времени должна быть направлена на реализацию принципа «сближения сознаний» (Х. Перельман), на поддержание устойчивого диалога как способа пре-

одоления кризисного состояния как общества, так и индивидуума. Такая целеустановка требует риторического подхода к текстовой деятельности, постулирующего осознанность как макропараметр текстообразования.

Актуальность настоящего исследования определяется коммуникативной потребностью турбулентного времени в осмыслении такого феномена, как **риторический риск текста**, под которым мы понимаем возможную опасность снижения текстовой эффективности, возникающую вследствие несоблюдения технологий риторического текстообразования и создающую угрозу реализации авторского коммуникативно-речевого замысла. Отметим, что понятие риторического риска вводится нами в область филологических исследований по аналогии с различными сферами человеческой практики, измеряемыми по шкале «эффективность / неэффективность»: политические риски, военные риски, финансовые риски, правовые риски и т. п.

Новизна настоящего исследования связана с апробацией процедур лингвориторической реконструкции текстообразования, описывающей зоны риторических рисков в медиатекстах турбулентного времени.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материал исследования составляют: 1) тексты выступлений, в том числе и интервью, политических деятелей, задействованных в организации мероприятий по борьбе с коронавирусной инфекцией в 2020—2022 годах; 2) текст интервью губернатора Оренбургской области Д. Паслера, данного им Российской газете в связи с апрельским наводнением 2024 года в подведомственном ему регионе.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении текстоформирующих индикаторов, сигнализирующих о зонах риторических рисков в медиатекстах вышеотмеченных турбулентных периодов, в русле концепции риторического декодирования.

Риторическое декодирование текста (далее РДТ) — разработанная нами концепция, направленная на анализ механизмов текстообразования с позиции оценки эффективности текста как продукта мыслеречевой деятельности, см. подробнее: [Гольшшина, 2020]. РДТ формируется в контексте риторико-лингвистических исследований, гносеологической доминантой которых выступает категория эффективности. Так, эффективность речи — традиционный объект риторических и культуроречевых исследований [Катышев, 2002, с. 129—136; Рождественский, 1997, с. 115; Сиротинина, 2007, с. 16—28; и др.]. Онтологическая сущность эффективности корреспондирует с признанным риторическим взглядом на речевую коммуникацию как «коммуникацию действенную, эффективную, оптимальную, целенаправленную, с осознанием говорящим собственной или партнера речекоммуника-

тивной деятельности и ее продукта / объекта (текста)» [Земская и др., 2000, с. 11]. Проблему параметризации эффективности речевого общения решает лингвистическая прагматика, предлагая системы принципов и постулатов, определяющих условия успешности коммуникации [Grice, 1975; Leech, 1983; Гордон и др., 1985]. Опыт осмысления эффективности демонстрируют медиалингвистика [Дускаева, 2019]; судебная лингвистическая экспертиза [Осадчий, 2020]; экспертиза рекламного текста [Ухова, 2013] и др.

Изучение феномена риторического риска базируется на учете следующих *теоретических положений РДТ*.

Эффективный текст — результат осознанного подхода к текстовой деятельности, достижение которого обеспечивается следованием риторическому канону как технологии, воспроизводящей универсальный идеоречевой цикл, состоящий из инвентивного, диспозитивного и элокутивного этапов [Безменова, 1991, с. 43].

«Порождение текстовой базы представляет собой стратегический процесс, совершаемый в оперативном режиме (on-line)» [Дейк ван, 2015, с. 171]. Соответственно, технология риторического канона трактуется как операциональная процедура, состоящая из инвентивной, диспозитивной и элокутивной стратегий текстообразования, которые в свою очередь выступают и векторами практики РДТ.

Ведущий метод РДТ — лингвориторическая реконструкция текстообразования (далее ЛРТ). Цель ЛРТ состоит в обнаружении представлений продуцента о риторическом текстотипе-образце, получающем свое воплощение в конкретном тексте. Риторический текстотип — когнитивная структура, объективирующая идею текстовой эффективности в системе задаваемых структурой коммуникативного акта параметров риторичности, таких как публичность, диалогичность, аргументированность, персуазивность, актуальность, акциональность, технологическая осознанность [Морина (Гольшкина), 2022, с. 306].

Технологическая осознанность есть следование риторическому канону в совокупности составляющих его текстоформирующих этапов-стратегий. В рамках ЛРТ инвентивная стратегия текстообразования обуславливает актуальность текста, а также его акциональность как потенциальную способность к изменению фрагмента действительности. Диспозитивная стратегия отвечает за аргументированность и шире — за персуазивность. Элокутивная стратегия определяет диалогичность и публичность текста.

Таким образом, ЛРТ осуществляет поэтапное выявление механизмов вербализации стратегий текстообразования, как обеспечивающих персуазивный эффект, так и снижающих его. ЛРТ обнаруживает несоответствия между критериями риторичности и их вербальным воплощением, диагно-

стируя тем самым сильные и слабые стороны текста. Исследовательский потенциал ЛРТ позволяет считать ее продуктивной процедурой для определения результативности медиатекстов, в том числе и турбулентного времени.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В соответствии с указанными стратегиями текстообразования выделим зоны риторических рисков: инвентивную, диспозитивную, элокутивную.

3.1. Инвентивная зона риторических рисков

Инвентивная стратегия текстообразования призвана сформировать концептуальный сценарий будущего текста: она связана с предметной областью речи, с ее общим семантическим планом. В рамках действия данной стратегии субъект речи в первую очередь объективирует свою практическую цель — тот результат, на который направлен текст как инструмент моделирования действительности. Далее авторское целеполагание реализуется в выдвижении темы и проблемы, а также в предъявлении аудитории тезиса — основного смыслообразующего элемента, ключевого высказывания с субъектом и предикатом, обеспечивающего содержательно-смысловое единство текста.

В ходе реконструкции инвентивной стратегии текстообразования определены такие индикаторы риторического риска, как 1) имплицитность практического целеполагания субъекта речи; 2) ортодоксальность тезиса как следствие консервативного подхода к его выдвижению.

Декодирование практической цели говорящего нередко осуществляется контекстно-жанровым способом: мы реконструируем «глобальное намерение» (Т. А. ван Дейк), исходя из актуальной социально-политической или исторической повестки и наших представлений о жанровой организации тех или иных коммуникативных ситуаций. Однако такой подход к тексту требует достаточно эрудированной и коммуникативно грамотной аудитории. Гораздо большим потенциалом в области воздействия на массовое сознание обладают высказывания-перформативы, представляющие собой индивидуализированные речевые действия, участвующие в изменении объективной реальности путем прямой экспликации намерения говорящего: *Я поручаю...; Я призываю...; Я предлагаю...; Мы гарантируем...; Мы обещаем...* и т. п. Использование перформативных высказываний делает субъекта речи непосредственным участником событий, налагает на него ответственность за сказанное. Кроме того, перформативные высказывания позволяют слушающему фокусировать внимание на интенциональности говорящего и вступать в intersubjective отношения.

В практике ЛРТ выявление целеполагания говорящего осуществляется путем речеактовой идентификации: в русле классической теории речевых

актов мы констатируем наличие директивных, комиссивных, экспрессивных и т. п. высказываний. По сути, декодирование иллокутивной силы задает систему координат для реконструкции семантически ориентированных составляющих инвентивной стратегии текстообразования: темы, проблемы, тезиса. При этом в контексте РДТ мы, следуя за Ю. Хабермасом, связываем первое лицо единственного числа с экспликацией автономии и индивидуальности субъекта коммуникативного действия [Хабермас, 1989], переносим идею перформативности с высказывания на текст, что закрепляет за риторическим текстом такой критерий, как акциональность.

Так, в интервью министра здравоохранения РФ М. Мурашко, данном им Н. Аскер-Заде в программе «Вести» на телеканале «Россия 1» [Мурашко, 13.12.2021], мы сталкиваемся с имплицитностью практической цели интервьюируемого. Здесь речеактовая идентификация оказывается нерелевантной в силу отсутствия в тексте перформативных высказываний. И только контекстуальный способ, связанный со знанием о текущей эпидемиологической ситуации и появившихся новых способах борьбы с ковидом, позволяет реконструировать целеполагание говорящего — убедить россиян в действенности отечественных вакцин в условиях появления омикрона как нового штамма коронавируса.

Речеактовая идентификация практической цели говорящего затруднительна и в тексте интервью губернатора Оренбургской области Д. Паслера, данного им корреспонденту Российской газеты В. Зотиковой [Паслер, 21.04.2024]. Только контекстуальный способ декодирования позволяет связать акциональность текста с демонстрацией системы мероприятий, направленных на преодоление последствий разрушительного наводнения и реализацию социально-экономической поддержки населения.

Риторические риски наблюдаем и в области формулирования и выдвижения тезиса текста, закладывающего содержательно-смысловую программу текста. Часто в текстах массового политического дискурса тезирование идет по т. н. консервативному пути, когда выдвигается и подтверждается то суждение, которое ожидает услышать аудитория. В таком случае принято говорить об ортодоксальном тезисе в противовес парадоксальному, возникающему вследствие творческого переосмысления информации [Анисимова и др., 2004, с. 49].

Например, в тексте стенограммы заседания президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории РФ от 11.01.2022, участниками которого стали М. Мишустин, С. Собянин, М. Мурашко, А. Попова, Р. Минниханов, С. Ситников, тезис задает, естественно, председатель Правительства РФ: *Идет борьба с коронавирусом* [Мишустин,

11.01.2022]. Данный тезис есть бытийное, или экзистенциальное, высказывание, констатирующее существование актуального процесса. На фоне устойчивого тиражирования в СМИ образа мировой войны с коронавирусом стертая метафоричность высказывания создает эффект восприятия борьбы с ковидом как обыденного явления. Данное высказывание, превратившееся в речевой штамп турбулентного времени, мы квалифицируем как ортодоксальный тезис, который снижает злободневность проблематики и тем самым актуальность текста. В размещенных на сайте Правительства РФ для массового ознакомления текстах стенограмм многочисленных заседаний Координационного совета, регулярно проводимых в течение 2020—2022 годов, выдвижение ортодоксального тезиса — устойчивая текстообразующая черта: *Во многих регионах ситуация с распространением коронавирусной инфекции остаётся достаточно напряжённой* [Мишустин, 01.12.2020]; *Ситуация с коронавирусом остаётся напряжённой* [Мишустин, 23.07.2021]; *Ситуация с коронавирусом остаётся сложной* [Мишустин, 08.02.2022].

Отметим, что высокая степень официализации заседаний правительственных структур не располагает к креативности. Соответственно, наличие ортодоксального тезиса оценивается как следование требованиям официально-делового стиля речи. Однако тиражирование ортодоксального тезиса, его воспроизведение от текста к тексту в рамках типизированной коммуникативной ситуации рутинизирует положение дел, снижает актуальность проблематики, формируя зону инвентивных рисков.

3.2. Диспозитивная зона риторических рисков

Диспозитивная стратегия текстообразования призвана упорядочить содержательно-смысловую структуру текста и обеспечить его композиционно-аргументационную организацию. Диспозитивность в семиотическом плане связывается в первую очередь с синтаксическим измерением, изучающим «морфологию текста» (Ю. С. Степанов).

Реконструкция диспозитивной стратегии сигнализирует о риторических рисках в области аргументации, ведущих к снижению текстовой персуазивности. В ходе ЛРТ выделены такие индикаторы риска, как 1) одноплановость аргументации; 2) избыточность статистических данных, используемых в качестве аргументов; 3) частотность эксплуатации связанного рассуждения, или доминирование сочинительной аргументации.

Одноплановость аргументации возникает в результате увлеченности говорящего универсальной системной аргументацией, под которой понимают «обоснование утверждения путем включения его в качестве составного элемента в кажущуюся хорошо обоснованной систему утверждений» [Ивин, 2003, с. 79]:

Набор мер противодействия инфекции остаётся прежним (Подтезис). Значимую роль играет своевременное тестирование (Аргумент 1). Ранняя диагностика позволяет быстрее начать лечение и оградить от риска заражения других людей (Аргумент 2). <...> в стране идёт масштабная кампания по вакцинации от коронавируса (Аргумент 3) [Мишустин, 11.01.2022];

Все известные варианты коронавируса, так же как и другие респираторные инфекции, передаются воздушно-капельным путём (Аргумент 1). Это важное знание (Инверсированный усеченный подтезис). Мы знаем сегодня, что он так же устойчив или неустойчив в окружающей среде (Аргумент 2), так же чувствителен ко всем дезинфекционным средствам, ко всем средствам обеззараживания (Аргумент 3), он так же не передаётся при соблюдении санитарных требований, при изоляции органов дыхания, при защите органов дыхания, при сокращении контактов между людьми (Аргумент 4) [Попова, 11.01.2022];

...среди заболевших — люди, у которых уже есть иммунитет к штамму коронавируса (Подтезис). У многих (Аргумент 1). И течение на этом фоне идет либо бессимптомно, либо с незначительными клиническими проявлениями (Аргумент 2). На сегодняшний день никакой угрозы ни жизни, ни утяжеления состояния мы не видим. Ситуация стабильная, ровная (Аргумент 3), люди на сегодняшний день получают минимальную терапию (Аргумент 4) [Мурашко, 13.12.2021].

В рассмотренных примерах наблюдается семантико-грамматическая трансформация информативного регистра речи, презентующего систему аргументов, в генеритивный, коммуникативная функция которого есть обобщение, осмысление информации, соотнесение ее с накопленным фондом знаний, с универсальными законами мироустройства. Этот тип речи демонстрирует высокую степень абстрагирования от конкретной ситуации, вневременной характер действия [Золотова и др., 2004, с. 30, 404]. Такая регистровая амбивалентность, формирующая генерализованную семантику, переводит аргументы в разряд универсалий, которые воспринимаются как прописные истины. Мы наблюдаем тенденцию к десемантизации текста, которая формирует ритуальность коммуникации и снижает персуазивный эффект.

Медиадискурс турбулентного времени активно эксплуатирует статистику: количественная информация о динамике распространения заболевания или о масштабах стихийного бедствия, о росте смертности или о стабилизации и т. п. необходима переживающим тяжелые потрясения людям для правильной ориентации в текущей ситуации, для принятия необходимых решений и следования тем или иным мерам. Статистические данные, выступая в функции рациональных аргументов, традиционно признаются

т. н. «сильными» доводами, вызывающими доверие аудитории. Однако эффективность риторической аргументации обеспечивает не приоритет рационального над эмоциональным, универсального над контекстуальным, а их синтез. Обилие статистики препятствует адекватному восприятию фактуальной информации, ее критической оценке и аналитическому сравнению. Очевидно, что осознанное восприятие массива количественных данных требует подготовленного слушателя. Указанные факторы позволяют нам включить злоупотребление статистикой в диспозитивную зону риска:

На 11 января 2022 года в республике выявлено 43 749 заболевших. За весь период пандемии выздоровело 36 800 человек, мы потеряли 1497 человек. Показатель заболеваемости в республике составляет 1123 человека на 100 тысяч населения. <...> [Минниханов, 11.01.2022];

По состоянию на субботу к нам поступило уже 372 798 заявлений на получение выплат. Выплаты назначены 42 942 оренбуржцам, а 38 016 человек уже получили деньги. Замечу, мы направили 10 миллиардов рублей на поддержку пострадавших от наводка. Но это не основная часть средств. Значительную помощь область получит из федеральной казны [Паслер, 21.04.2024].

При этом ответ губернатора Оренбургской области, переживающей разрушительное наводнение, сопровождает вопрос-реплика журналиста В. Зотиковой: «Как бы за общими цифрами не потерять конкретного человека?» [Там же, 21.04.2024]. Именно этот вопрос и выступает метапоказателем риторической уязвимости губернаторской речи.

Угрозу текстовой эффективности может создать и частотность эксплуатации связанного рассуждения — сочинительной аргументации, в рамках которой «каждый из приводимых доводов непосредственно соотносится с исходной точкой зрения, все доводы взаимозависимы и только вместе эффективно поддерживают эту точку зрения» [Снук Хенкеманс, 2006, с. 123]. Связанное рассуждение — неперенный атрибут политической речи:

...ситуация в республике стабильная и находится на постоянном контроле (Подтезис). В резерве имеется 50 % коек, при необходимости мы можем в течение недели в два-три раза нарастить их объём (Аргумент 1). Лекарства есть. Все вопросы решены (Аргумент 2). Кроме того, мы ввели более жёсткие меры на транспорте: действует система QR-кодов (Аргумент 3). Все места общественного пребывания работают строго в режиме, который определён Роспотребнадзором (Аргумент 4) [Минниханов, 11.01.2022];

В целях снижения заболеваемости нами с 22 октября прошлого года были приняты дополнительные ограничительные меры (Подтезис). На территории области было приостановлено проведение публичных мас-

совых мероприятий (Аргумент 1), введён режим обязательной самоизоляции для невакцинированных граждан старше 60 лет (Аргумент 2). Для посещения ресторанов, торговых центров, организаций культуры и фитнес-центров, бассейнов, салонов красоты, гостиниц и других организаций массового пребывания людей установлено требование о наличии QR-кода, сертификата о пройденной вакцинации от коронавируса или перенесённой COVID-инфекции в течение последних шести месяцев (Аргумент 3). За соблюдением ограничительных мероприятий был установлен жёсткий контроль, количество проверок, рейдов увеличилось кратно (Аргумент 4) [Ситников, 11.01.2022].

Потребность субъекта политического медиадискурса в связанном рассуждении возникает, когда ему необходимо наглядно продемонстрировать результаты своей деятельности, детализированно обозначить объем реализованного. Связанное рассуждение обеспечивает эффект повышенной доказательности: говорящий, видимо, предугадывая возможные возражения, прибегает к обилию аргументов, что делает доказательство более весомым. Сочинительная аргументация не оставляет слушающему возможностей ее оперативного достраивания, расширения, что чрезвычайно важно для любого политика, коммуницирующего с разнородной массовой аудиторией, не всегда предсказуемой.

Подытоживая обзор диспозитивных рисков, отметим, что связанные рассуждения, универсальная системная аргументация и увлеченность статистикой способны превратить любой жанр политического дискурса в формализованный отчет, персуазивность которого часто оказывается под угрозой.

3.3. Элокутивная зона риторических рисков

Элокутивная стратегия текстообразования связана с завершением «идеоречевого цикла, в котором реализуется переход от концептуального уровня к языковому. Непосредственно в самой элокуции осуществляется ”вербализация” мысли» [Безменова, 1991, с. 42], то есть языковое оформление текста. Реализация элокутивной стратегии обеспечивает селекцию и комбинацию языковых средств, призванных максимально эффективно реализовать авторский замысел. Именно поэтому с семиотической точки зрения мы связываем элокутивность в первую очередь с прагматическим измерением текста.

Реконструкция элокутивной стратегии в текстах массовой коммуникации турбулентного времени демонстрирует риски, ведущие к ослаблению диалогичности как неперменной характеристики текста риторического типа. Более того, если речь идет о турбулентных периодах человеческого существования, то диалогичность становится коммуникативной необходимостью, позволяющей социуму преодолевать кризисы и конфликты.

В процессе ЛРТ выделены такие индикаторы элокутивного риска, как 1) снижение адресованности текста; 2) вуалирование авторизации.

Аксиомой коммуникативной лингвистики выступает утверждение: «Хорошей может быть только речь, ориентированная на адресата...» [Кормилицына, 2007, с. 211]. Адресация как способ обеспечения диалогичности располагает обширным арсеналом средств, куда входят: обращения; конструкции с местоимениями 2-го лица и соответствующими глагольными формами — т. н. *ты-* и *вы-*высказывания; *мы-*высказывания, объединяющие говорящего с аудиторией; императивные речевые акты; риторические вопросы и восклицания; вопросно-ответные комплексы, имитирующие диалог в рамках монологической речи; контактоустанавливающие и метатекстовые конструкции [Там же, с. 212].

Адресация в периоды турбулентности становится своеобразным метапоказателем коммуникативно-аксиологических ориентиров власти, от которой люди ждут как активной включенности в происходящее, оперативно-го реагирования, так и выражения соучастия, сопереживания, сочувствия, что возможно только в режиме диалога, пусть и опосредованного. Так, в тексте интервью губернатора Оренбургской области Д. Паслера [Паслер, 21.04.2024] адресующих риторических средств не обнаружено. Чиновник не использует медиавозможности интервью как инструмента массовой коммуникации, способного взаимодействовать не только с интервьюером, но и с широкой аудиторией. Безусловно, в тексте имеет место косвенная адресация, представленная номинациями, образующими контекстуально-обусловленную тематическую группу «Жители Оренбургской области»: *люди; оренбуржцы; орчане; пострадавшие; пострадавшие от паводка; люди, проживающие в пунктах временного размещения;* и т. п. Такой путь взаимодействия с населением есть свидетельство выстраивания субъект-объектных отношений вместо продуктивных субъект-субъектных, сокращающих дистанцию между разностатусными коммуникантами.

В тексте интервью министра здравоохранения РФ М. Мурашко программе «Вести» от 16.07.2021, реализующем интенцию призыва населения страны к вакцинации, арсенал средств адресации сведен к использованию исключительно *мы-*высказываний, декодирование которых при этом осложняется неясностью референциальной отнесенности самого индексального знака *мы*, например: *Наиболее высокий рост сегодня мы видим — это Алтайский край, мы видим — Астраханская область подрастает <...> Вот сейчас мы видим этот прирост еще в 2 раза* [Мурашко, 16.07.2021].

Референциальная неопределенность, возникающая при декодировании *мы-*высказываний, прослеживается и в другом телевизионном ин-

тервью министра: **Мы видим**, что заболеваемость стабилизировалась...; **Мы говорим** о коллективном иммунитете как методе формирования такой общей защиты; и т. п. [Мурашко, 13.12.2021].

Определение значения местоимения *мы* требует ментальных усилий реципиента: *мы* — это министр и подведомственная ему министерская команда, или министр и Правительство РФ, или министр и медицинские работники, или министр и население страны и т. п. Очевидно, что *мы*-высказывания способны выполнять как адресующую, так и авторизующую функции. Размытость референциальных границ личного местоимения 1-го лица множественного числа создает определенные затруднения при идентификации субъекта действия, что создает риски декодирования замысла говорящего.

Турбулентное время способствует выдвижению коммуникативных лидеров, личностей, имеющих свою точку зрения на происходящее и демонстрирующих свою активную социальную позицию, что требует их нахождения в гуще событий, их участия в регуляции кризисных процессов. Именно поэтому в дискурсе турбулентного времени особую роль играет авторизация — способ выражения «Я» говорящего, запускающий механизмы субъективации речи. В риторической практике ядро средств авторизации составляют эгоцентрические единицы языка: личные местоимения 1-го лица, формирующие т. н. *я*- и *мы*-высказывания, притяжательные местоимения 1-го лица, а также вводные слова и обороты как показатели субъективной модальности.

Местоимение-эгоцентрик *я* в первую очередь эксплицирует субъекта речи, поскольку оно «в норме имеет конкретно-референтный статус» [Падучева, 2019, с. 360]. *Я*-высказывания способны демонстрировать непосредственную причастность говорящего к сообщаемому, что, с одной стороны, влечет за собой повышение персональной ответственности за транслируемую информацию, с другой, укрепляет доверие аудитории.

В привлеченном к ЛРТ интервью М. Мурашко от 16.07.2021 мы не обнаруживаем употребления *я*-высказываний как ядерных средств авторизации и диалогичности в целом. Периодически авторизующую функцию выполняют *мы*-высказывания, референциальная отнесенность которых относительно устойчива: *Мы рекомендуем [прореагировать] со следующей недели...; Мы единичные видели такие реакции; ...мы вводим иммунобиологический препарат...* [Мурашко, 16.07.2021].

Для верификации заключений, связанных с вуалированием адресации, обратимся к возможностям SEO-технологии (Search Engine Optimization), предлагающей семантический анализ текстов, позволяющий оценить их качество по критериям: количество символов, количество слов, семантическое ядро, стоп-слова, водность текста и т. п. Так, специализированный

SEO-сервис Advego [<https://advego.com/text/seo/>] не выявляет в речевой партии министра здравоохранения РФ М. Мурашко, реализованной в интервью от 16.07.2021, такого значимого для риторической коммуникации эгоцентрика, как личное местоимение 1-го лица единственного числа.

Что касается речевой партии губернатора Оренбургской области Д. Паслера в исследуемом интервью, то семантический анализ, проведенный посредством онлайн-сервиса Advego, демонстрирует следующие результаты актуализации эгоцентрических элементов:

- *мы*: количество (частотность употребления) — 7, частота — 0,92 %;
- *я*: количество (частотность употребления) — 2, частота — 0,26 %;
- *мой*: количество (частотность употребления) — 1, частота — 0,13 %.

Интерпретация результатов свидетельствует о демонстрации включенности в происходящее административной команды, что не умаляет заслуг губернатора, напротив, демонстрирует его умение организовать работу различных структур. Однако турбулентное время требует от главы области демонстрации не только коллективной, но и персональной ответственности, на которую уповает население пострадавшего региона.

Таким образом, зона элокутивных рисков связана с нарушением баланса в использовании средств создания диалогичности, что влечет за собой уже репутационные риски для субъектов речи как социальных акторов.

4. Заключение = Conclusions

Турбулентное время актуализирует значимость текстов массовой информации, обладающих способностью к регуляции текущих процессов и явлений. Именно в переломные периоды человеческого существования оказываются востребованными тексты риторической природы, характеризующиеся актуальностью, акциональностью, аргументированностью, персуазивностью, диалогичностью.

Понятие риторического риска вводится в рамках концепции РДТ с целью обозначить зоны отступлений от требований, задаваемых риторическим каноном как технологией эффективного текстообразования. ЛРТ как метод исследования опирается на когнитивно-прагматический подход к моделированию текста, что позволяет инвентаризировать риторические риски в рамках трех базовых стратегий текстообразования — инвентивной, диспозитивной и элокутивной.

Инвентивная зона риторических рисков текстов турбулентного времени формируется в ситуациях, вызывающих затруднения при декодировании практической цели субъекта речи, а также в случаях выдвижения ортодоксального тезиса, имеющего тенденцию к мультиплицированию в дискурсе кризисного периода.

Диспозитивная зона риторических рисков создается доминированием в арсенале говорящего универсальной системной аргументации, придающей доводам характер трюизмов, избыточностью статистических сведений, часто сконцентрированных в рамках одной сверхфразовой единицы, что не способствует их адекватному восприятию и оперативному критическому осмыслению. Кроме того, в эту же зону риторических рисков попадают связанные рассуждения, увлеченность которыми создает эффект реализации некоторой отчетной программы.

Элокутивная зона риторических рисков складывается вследствие игнорирования такого значимого для турбулентного времени коммуникативного критерия, как диалогичность. Реализованная ЛРТ демонстрирует, что диалогичность, обычно объективируемая путем адресации и авторизации, не является, к сожалению, прерогативой турбулентного периода.

Значимость настоящего исследования определяется возможностью использования его результатов в широкой профессиональной деятельности: в образовательной коммуникативно-речевой сфере, в таких областях, как спичрайтинг, медиапрактика, лингвистическая экспертиза текста.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Минниханов Р. Сообщение президента Республики Татарстан [Электронный ресурс] / Р. Минниханов // Стенограмма заседания президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации : [сайт]. — 11.01.2022. — Режим доступа : <http://government.ru/news/44308/> (дата обращения 28.04.2024).

2. Мишустин М. Вступительное слово [Электронный ресурс] / М. Мишустин // Стенограмма заседания президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации : [сайт]. — 01.12.2020. — Режим доступа : <http://government.ru/news/40995/> (дата обращения 28.04.2024).

3. Мишустин М. Вступительное слово [Электронный ресурс] / М. Мишустин // Стенограмма заседания президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации : [сайт]. — 23.07.2021. — Режим доступа : <http://government.ru/news/42860/> (дата обращения 28.04.2024).

4. Мишустин М. Вступительное слово [Электронный ресурс] / М. Мишустин // Стенограмма заседания президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации : [сайт]. — 11.01.2022. — Режим доступа : <http://government.ru/news/44308/> (дата обращения 28.04.2024).

5. Мишустин М. Вступительное слово [Электронный ресурс] / М. Мишустин // Стенограмма заседания президиума Координационного совета при Правительстве по

борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации : [сайт]. — 08.02.2022. — Режим доступа : <http://government.ru/news/44509/> (дата обращения 28.04.2024).

6. *Мурашко М.* Иммуитет, повторная вакцинация и побочные реакции : интервью телеканалу «Россия 1» [Электронный ресурс] / М. Мурашко // Вести.ru : [сайт]. — 16.07.2021. — Режим доступа : <https://www.vesti.ru/article/2589136> (дата обращения 30.04.2024).

7. *Мурашко М.* Нужно три недели, чтобы оценить эффективность наших вакцин против «омикрона» : интервью телеканалу «Россия 1» [Электронный ресурс] / М. Мурашко // Вести.ru : [сайт]. — 13.12.2021. — Режим доступа : <https://www.vesti.ru/article/2652128> (дата обращения 30.04.2024).

8. *Паслер Д.* Интервью В. Зотиковой [Электронный ресурс] / Д. Паслер // Российская газета : [сайт]. — 21.04.2024. — Режим доступа : <https://rg.ru/2024/04/21/reg-pfo/gubernator-orenburzhia-rasskazal-rg-kak-v-regione-pomogaiut-postradavshim-ot-pavodka.html> (дата обращения 28.04.2024).

9. *Попова А.* Доклад об эпидемиологической ситуации в регионах и работе по выявлению нового штамма коронавируса [Электронный ресурс] / А. Попова // Стенограмма заседания президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации : [сайт]. — 11.01.2022. — Режим доступа : <http://government.ru/news/44308/> (дата обращения 28.04.2024).

10. *Ситников С.* Сообщение губернатора Костромской области [Электронный ресурс] / С. Ситников // Стенограмма заседания президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации : [сайт]. — 11.01.2022. — Режим доступа : <http://government.ru/news/44308/> (дата обращения 28.04.2024).

Литература

1. *Анисимова Т. В.* Современная деловая риторика / Т. В. Анисимова, Е. Г. Гимпельсон. — Москва : МПСИ, 2004. — 432 с. — ISBN 5-89502-632-X.

2. *Безменова Н. А.* Очерки по теории и истории риторики / Н. А. Безменова. — Москва : Наука, 1991. — 215 с. — ISBN 5-02-011087-6.

3. *Голышкина Л. А.* Риторика декодирования : теоретико-методологическое обоснование научного направления / Л. А. Голышкина // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 9—24. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-9-24.

4. *Гордон Д.* Постулаты речевого общения / Д. Гордон, Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. — Москва : Прогресс, 1985. — Выпуск XVI. — С. 276—306.

5. *Дейк ван Т. А.* Когнитивные модели этнических ситуаций / Т. А. ван Дейк // Язык. Познание. Коммуникация. — Изд. 2-е. — Москва : ЛЕНАНД, 2015. — С. 161—189. — ISBN 978-5-9710-1387-7.

6. *Дускаева Л. Р.* Векторы прагматического анализа в медиалингвистике / Л. Р. Дускаева // Медиалингвистика. — 2019. — Т. 6. — № 1. — С. 4—18. — DOI: 10.21638/spbu22.2019.101.

7. *Земская Ю. Н.* Основы общей риторики / Ю. Н. Земская, И. Ю. Качесова, Н. В. Панченко, А. А. Чувакин. — Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2000. — 110 с. — ISBN 5-7904-0132-5.

8. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. — Москва : Ин-т рус. яз. РАН им. В. В. Виноградова, 2004. — 544 с. — ISBN 5-88744-050-3.
9. Ивин А. А. Риторика: искусство убеждать / А. А. Ивин. — Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2003. — 304 с. — ISBN 5-8183-0390-X.
10. Катышев П. А. Риторизованное взаимодействие / П. А. Катышев // Риторика : учебно-методический комплекс для студентов гуманитарных факультетов. — Кемерово : КемГУ, 2002. — С. 123—140. — ISBN 5-8154-0060-2.
11. Кормилицына М. А. Риторическая организация речи (адресованность речи) / М. А. Кормилицына // Хорошая речь / Под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. — Изд. 2-е. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. — С. 211—222. — ISBN 978-5-382-00205-7.
12. Кронгауз М. А. Screenlife в эпоху карантина / М. А. Кронгауз // Коммуникативные исследования. — 2020. — № 4. — С. 735—744. — DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).735-744.
13. Морина (Голышкина) Л. А. Ментальный текст-образец как ориентир риторического декодирования / Л. А. Морина (Голышкина) // Когнитивные исследования языка. Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках. — Москва ; Тамбов ; Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2022. — Выпуск 3 (50). — С. 305—308. — ISBN 978-5-7782-4730-7.
14. Осадчий М. А. Русский язык в судебном процессе : Книга для судебных лингвистов-экспертов, журналистов, политиков, специалистов по рекламе и PR. — Изд. 2-е, стереотип / М. А. Осадчий. — Москва : ЛЕНАНД, 2020. — 256 с. — ISBN 978-5-9710-7519-6.
15. Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка / Е. В. Падучева. — Изд. 2-е. — Москва : ИД ЯСК, 2019. — 440 с. — ISBN 978-5-907117-23-5.
16. Полулях Д. С. Турбулентность как характеристика современного миропорядка / Д. С. Полулях // Политическая наука. — 2017. — Спецвыпуск. — С. 245—260.
17. Рождественский Ю. В. Теория риторики / Ю. В. Рождественский. — Изд. 2-е, испр. — Москва : Добросвет, 1997. — 482 с. — ISBN 5-7913-0031-8.
18. Сиротинина О. Б. Основные критерии хорошей речи / О. Б. Сиротинина // Хорошая речь / Под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. — Изд. 2-е, испр. — Москва : Издательство ЛКИ, 2007. — С. 16—28. — ISBN 978-5-382-00205-7.
19. Снук Хенкеманс Ф. Структуры аргументации / Ф. Снук Хенкеманс // Важнейшие концепции теории аргументации. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2006. — С. 123—161. — ISBN 5-8465-0396-9.
20. Ухова Л. В. Теоретические проблемы исследования эффективности рекламного текста : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Л. В. Ухова. — Ярославль, 2013. — 452 с.
21. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности / Ю. Хабермас // Вопросы философии. — 1989. — № 2. — С. 35—40.
22. Grice H. P. Logic and Conversation / H. P. Grice // Syntax and Semantics. — New York : Academic Press, 1975. — Vol. 3. — Pp. 41—58.
23. Leech G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. — London : Longman, 1983. — xii, 250 p. — ISBN 0582551102.

Статья поступила в редакцию 02.03.2024,
одобрена после рецензирования 15.05.2024,
подготовлена к публикации 21.05.2024.

Material resources

- Minnikhanov, R. (2022). Message from the President of the Republic of Tatarstan. *Transcript of the meeting of the Presidium of the Coordinating Council under the Government to combat the spread of a new coronavirus infection in the territory of the Russian Federation: [website]*. 11.01. Available at: <http://government.ru/news/44308/> (accessed 28.04.2024). (In Russ.).
- Mishustin, M. (2020). Introductory speech. *Transcript of the meeting of the Presidium of the Coordinating Council under the Government to combat the spread of a new coronavirus infection in the territory of the Russian Federation: [website]*. 01.12. Available at: <http://government.ru/news/40995/> (accessed 28.04.2024). (In Russ.).
- Mishustin, M. (2021). Introductory speech. *Transcript of the meeting of the Presidium of the Coordinating Council under the Government to combat the spread of a new coronavirus infection in the territory of the Russian Federation: [website]*. 23.07. Available at: <http://government.ru/news/42860/> (accessed 04/28/2024). (In Russ.).
- Mishustin, M. (2022). Introductory speech. *Transcript of the meeting of the Presidium of the Coordinating Council under the Government to combat the spread of a new coronavirus infection in the territory of the Russian Federation: [website]*. 11.01. Available at: <http://government.ru/news/44308/> (accessed 29.04.2024). (In Russ.).
- Mishustin, M. (2022). Introductory speech. *Transcript of the meeting of the Presidium of the Coordinating Council under the Government to combat the spread of a new coronavirus infection in the territory of the Russian Federation: [website]*. 08.02. Available at: <http://government.ru/news/44509/> (accessed 28.04.2024). (In Russ.).
- Murashko, M. (2021). Immunity, re-vaccination and adverse reactions: an interview with Rossiya 1 TV channel. *Becmu.zu: [website]*. 16.07. Available at: <https://www.vesti.ru/article/2589136> (accessed 30.04.2024). (In Russ.).
- Murashko, M. (2021). It takes three weeks to evaluate the effectiveness of our vaccines against omicron: interview with Rossiya 1 TV channel. *Becmu.zu: [website]*. 13.12. Available at: <https://www.vesti.ru/article/2652128> (accessed 30.04.2024). (In Russ.).
- Pasler, D. (2024). Interview with V. Zotikova. *Rossiyskaya gazeta: [website]*. 21.04. Available at: <https://rg.ru/2024/04/21/reg-pfo/gubernator-orenburzhia-rasskazal-rg-kak-v-regione-pomogaiut-postradavshim-ot-pavodka.html> (accessed 28.04.2024). (In Russ.).
- Popova, A. (2022). Report on the epidemiological situation in the regions and work on the identification of a new strain of coronavirus. *Transcript of the meeting of the Presidium of the Coordinating Council under the Government to combat the spread of a new coronavirus infection in the territory of the Russian Federation: [website]*. 11.01. Available at: <http://government.ru/news/44308/> (accessed 28.04.2024). (In Russ.).
- Sitnikov, S. (2022). Message from the Governor of the Kostroma region. *Transcript of the meeting of the Presidium of the Coordinating Council under the Government to combat the spread of a new coronavirus infection in the territory of the Russian Federation: [website]*. 11.01. Available at: <http://government.ru/news/44308/> (accessed 28.04.2024). (In Russ.).

References

- Anisimova, T. V., Gimpelson, E. G. (2004). *Modern business rhetoric*. Moscow: MPSI. 432 p. ISBN 5-89502-632-H. (In Russ.).

- Bezmenova, N. A. (1991). *Essays on the theory and history of rhetoric*. Moscow: Nauka. 215 p. ISBN 5-02-011087-6. (In Russ.).
- Duskaeva, L. R. (2019). Vectors of praxiological analysis in media linguistics. *Media linguistics*, 6 (1): 4—18. DOI: 10.21638/spbu22.2019.101. (In Russ.).
- Golyshkina, L. A. (2020). Decoding Rhetoric: Theoretical and Methodological Substantiation of the Scientific Direction. *Nauchnyi dialog*, 5: 9—24. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-9-24> (In Russ.).
- Gordon, D. (1985). Postulates of speech communication. In: *New in foreign linguistics. Linguistic pragmatics, XVI*. Moscow: Progress. 276—306. (In Russ.).
- Grice, H. P. (1975). Logic and Conversation. In: *Syntax and Semantics*, 3. New York: Academic Press. 41—58.
- Habermas, Yu. (1989). The concept of individuality. *Questions of philosophy*, 2: 35—40. (In Russ.).
- Ivin, A. A. (2003). *Rhetoric: the art of persuasion*. Moscow: FAIR PRESS. 304 p. ISBN 5-8183-0390-X. (In Russ.).
- Katyshev, P. A. (2002). Rhetorized interaction. In: *Rhetoric: an educational and methodological complex for students of humanities faculties*. Kemerovo: KemGU. 123—140. ISBN 5-8154-0060-2. (In Russ.).
- Kormilitsyna, M. A. (2007). Rhetorical organization of speech (addressing of speech). In: *Good speech. 2nd edition*. Moscow: LKI Publishing House. 211—222. ISBN 978-5-382-00205-7. (In Russ.).
- Krongauz, M. A. (2020). Screenlife in the era of quarantine. *Communicative research*, 4: 735—744. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).735-744. (In Russ.).
- Leech, G. N. (1983). *Principles of Pragmatics*. London: Longman. xii, 250 p. ISBN 0582551102.
- Morina (Golyshkina), L. A. (2022). Mental text-sample as a guideline for rhetorical decoding. In: *Cognitive studies of language. Cognition, culture, and communication in modern humanities*, 3 (50). Moscow; Tambov; Novosibirsk: NSTU Publishing House. 305—308. ISBN 978-5-7782-4730-7. (In Russ.).
- Osadchy, M. A. (2020). *The Russian language in the judicial process: A book for forensic linguists, experts, journalists, politicians, advertising and PR specialists. 2nd edition, stereotype*. Moscow: LENAND. 256 p. ISBN 978-5-9710-7519-6. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2019). *Egocentric units of language. 2nd edition*. Moscow: ID YASK. 440 p. ISBN 978-5-907117-23-5. (In Russ.).
- Polulyakh, D. S. (2017). Turbulence as a characteristic of the modern world order. *Political science. Special issue*. 245—60. (In Russ.).
- Rozhdestvensky, Yu. V. (1997). *Theory of rhetoric*. Moscow: Dobrosvet. 482 p. ISBN 5-7913-0031-8. (In Russ.).
- Sirotnina, O. B. (2007). *Basic criteria of good speech*. Moscow: LKI Publishing House. 16—28. ISBN 978-5-382-00205-7. (In Russ.).
- Snook Henkemans, F. (2006). Structures of argumentation. In: *The most important concepts of the theory of argumentation*. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University. 123—61. ISBN 5-8465-0396-9. (In Russ.).
- Ukhova, L. V. (2013). *Theoretical problems of researching the effectiveness of an advertising text*. Doct. Diss. Yaroslavl. 452 p. (In Russ.).
- Van Dijk, T. A. (2015). Cognitive models of ethnic situations. In: *Language. Cognition. Communication. 2nd edition*. Moscow: LENAND. 161—189. ISBN 978-5-9710-1387-7. (In Russ.).

Zemskaya, Yu. N. (2000). *Fundamentals of general rhetoric*. Barnaul: Publishing House of Altai University. 110 p. ISBN 5-7904-0132-5. (In Russ.).

Zolotova, G. A. (2004). *Communicative grammar of the Russian language*. Moscow: V. V. Vinogradov Russian Academy of Sciences. 544 p. ISBN 5-88744-050-3. (In Russ.).

*The article was submitted 02.03.2024;
approved after reviewing 15.05.2024;
accepted for publication 21.05.2024.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. FOLKLORE

.....

Александр Михайлович Лобин, д-р филол. наук (Ульяновск)
Анна Александровна Тимакова, канд. филол. наук (Пенза)
Бекзада Кожекеева, канд. филол. наук (Алматы)
Виктория Трофимовна Захарова, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Ирина Сергеевна Кудрявцева, магистрант (Нижний Новгород)
Ксения Алексеевна Поташова, канд. филол. наук (Москва)
Кунимжан Абдикалык, канд. филол. наук (Алматы)
Наргиза Балтабаева, канд. пед. наук (Алматы)
Ольга Владимировна Богданова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Сабина Ельмар гызы Тарвердиева, д-р философии по филологическим наукам
(Баку, Азербайджан)
Татьяна Николаевна Баранова, соискатель (Санкт-Петербург)
Юлия Юрьевна Анохина, канд. филол. наук (Москва)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(4), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Абдикалык К. Трагическое в стихотворении М. Дулатова «Қайда едің?» (Где были вы?) / К. Абдикалык, Н. Балтабаева, Б. Кожекеева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 153—171. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-153-171.

Abdikalyk, K., Baltabayeva, N., Kozhekeyeva, B. (2024). Tragic Elements in M. Dulatov's Poem 'Qaida edin'? (Where Were You?). *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 153-171. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-153-171. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Трагическое в стихотворении М. Дулатова «Қайда едің?» (Где были вы?)

Абдикалык Кунимжан
orcid.org/0000-0001-9350-7465
кандидат филологических наук,
профессор,
**корреспондирующий автор*
kun_jan.16@mail.ru

Балтабаева Наргиза
orcid.org/0000-0001-8081-8088
кандидат педагогических наук
balnargiza@mail.ru

Кожекеева Бекзада
orcid.org/0000-0001-7887-9789
кандидат филологических наук,
и.о. профессора
bekzada61@mail.ru

Казахский национальный женский
педагогический университет
(Алматы, Казахстан)

Благодарности:

Статья выполнена в рамках проекта
по теме AP14871300
«Отражение движения Алаш
в национальной литературе
и личность интеллигенции»

Tragic Elements in M. Dulatov's Poem 'Qaida edin'? (Where Were You?)

Kunimzhan Abdikalyk
orcid.org/0000-0001-9350-7465
PhD in Philology, Professor,
**corresponding author*
kun_jan.16@mail.ru

Nargiza Baltabayeva
orcid.org/0000-0001-8081-8088
PhD in Pedagogy
balnargiza@mail.ru

Bekzada Kozhekeyeva
orcid.org/0000-0001-7887-9789
PhD in Philology,
Acting associate professor
bekzada61@mail.ru

Kazakh National Women's
Pedagogical University
(Almaty, Kazakhstan)

Acknowledgments:

The article is prepared
within the framework of the project
on the topic AR14871300
“Reflection of the Alash movement
in national literature and
the intellectual personality”

© Абдикалык К., Балтабаева Н., Кожекеева Б., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность статьи обусловлена необходимостью построения целостной картины истории развития казахстанской литературы начала XX века на примере анализа трагического в творчестве Мыржакып Дулатова. Авторы осмысливают различные подходы к исследованию данной эстетической категории в трудах И. И. Плехановой, В. Е. Хализева, Е. В. Волковой. Научная новизна заключается в том, что впервые стихотворение «Қайда едің?» (Где были вы?) анализируется в заявленном аспекте. В результате исследования установлено, что, во-первых, трагические события (а точнее — насильственная мобилизация казахов для участия в Первой Мировой войне и голод) стали сюжетной основой данного стихотворения. Во-вторых, важным средством передачи трагического является антитеза. В-третьих, казахский образ мира (степь — край — алаш — народ), воссозданный в данном стихотворении, тесно переплетается с трагической безысходностью, а семантические грани концепта НАРОД включают жизненные ценности человека: степь, семья, род, связь поколений, жизнь. В-четвертых, синтаксический параллелизм, различные виды повторов, риторический вопрос и другие способы организации стихотворной речи — все это помогает автору выразить собственную точку зрения и вовлечь читателя в поиск ответа на вопрос о виновнике трагических событий.

Ключевые слова:

трагическое; стихотворение; Мыржакып Дулатов; голод; Первая Мировая война; алаш.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of this article is justified by the necessity to construct a comprehensive picture of the development of Kazakh literature at the beginning of the 20th century through the analysis of tragic elements in the works of Myrzakhyt Dulatov. The authors critically evaluate various approaches to studying this aesthetic category in the works of I.I. Plekhanova, V.E. Khalizev, and E.V. Volkova. The scientific novelty lies in the first-time analysis of the poem 'Qaida edin?' (Where were you?) from the declared perspective. The research establishes that, firstly, tragic events (specifically, the forcible mobilization of Kazakhs for participation in World War I and famine) form the narrative basis of this poem. Secondly, antithesis serves as a significant means of conveying tragedy. Thirdly, the Kazakh worldview (steppe — land — Alash — people) depicted in this poem intricately intertwines with tragic hopelessness, where the semantic boundaries of the concept PEOPLE encompass human life values: steppe, family, lineage, generational ties, life. Fourthly, syntactic parallelism, various forms of repetition, rhetorical questioning, and other poetic devices aid the author in expressing their own viewpoint and engaging the reader in the quest to identify the culprit behind tragic events.

Key words:

tragic; poem; Myrzakhyt Dulatov; famine; World War I; Alash.

Трагическое в стихотворении М. Дулатова «Қайда едің?» (Где были вы?)

© Абдикалык К., Балтабаева Н., Кожекеева Б., 2024

1. Введение = Introduction

Современное литературоведение Казахстана располагает определенным количеством работ, посвященных анализу произведений М. Дулатова — казахского просветителя и поэта начала XX века. Этот исследовательский интерес свидетельствует о постоянном внимании к его творческому наследию, которое стремительно развивалось в 10—20-е годы прошлого столетия и трагически оборвалось в 30-е годы. Дулатовская поэтика содержит в себе множество вопросов, которые мало кого оставят равнодушным. Например, тема бесправия казахских женщин, тема детства, образы одиночества, молодого поколения и т. п. Многие из них еще требуют своего научного объяснения. К их числу относится и категория трагического.

Цель статьи — раскрыть природу трагического в стихотворении «Қайда едің?» (Где были вы?), написанном на основе событий в Казахстане 1910—1920-х годов, и выявить его художественное своеобразие. Предмет исследования — авторское понимание трагедийности и его отображение в художественной системе данного стихотворения.

Выбор данного стихотворения неслучаен. В нем пунктирными линиями представлена жизнь простого жителя степи и те тяжелые обстоятельства, которые стали неотъемлемой частью жизни казахов в начале XX века. Анализ этого произведения, с одной стороны, предполагает выявление и осмысление присутствующей в нем трагической модальности с целью уточнения её сущности и специфики проявления в творчестве казахского просветителя начала XX века, с другой — помогает понять и оценить трагическую ситуацию, сложившуюся в действительности в казахской степи.

Проблема трагического — это своеобразный шанс по-новому представить творчество М. Дулатова и тем самым дополнить опыт современного литературоведения Казахстана.

Казахский поэт, осмысливая противоречия современной ему катастрофической эпохи, стремится средствами и силой своего таланта художественно раскрыть их трагические истоки. В его произведениях отражены

различные социальные и политические события того времени, которые оказали огромное влияние на жизнь казахского общества в целом. Поэт в своих стихах постарался передать всю сложность и трагизм пережитых событий, показать истинную картину происходящего, развеивая иллюзии о «светлом» будущем в Казахстане.

Исследование может способствовать глубокому пониманию эстетических, философских и психологических аспектов творчества Мыржақыпа Дулатова, а также расширить наши знания о влиянии трагического опыта на литературное творчество в целом.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Анализ произведений М. Дулатова с использованием теоретических принципов и положений, представленных в исследованиях западно-европейских, российских и казахстанских ученых, позволяет более глубоко понять трагическое сознание, отраженное в его творчестве.

Анализ трагического мироощущения и его составляющих выявляет общие черты трагического сознания и его проявления в литературе, о которых неоднократно писали Гегель [Гегель, 1971], Шопенгауэр [Шопенгауэр, 1998], Ницше [Ницше, 1996] и др. Шиллер [Шиллер, 1957], Шеллинг [Шеллинг, 1996] и другие философы в своих исследованиях подробно останавливаются на роли эпических и трагических мотивов, что позволяет соотнести драматическое у Дулатова с мировоззрением казахского народа.

Работы В. Г. Белинского [Белинский, 1959], Н. Г. Чернышевского [Чернышевский, 1973] и других российских мыслителей помогут понять, почему важен социально-исторический контекст при анализе произведений Дулатова, что именно оказало влияние на формирование трагического сознания у казахского поэта начала XX века.

Теории Лессинга, Дидро помогли определить эстетические и философские аспекты творчества Дулатова и его отношение к проблемам трагического.

Важно отметить, что интерес к трагическому периодически изменяется в научной среде, что отражает динамику и эволюцию научного мышления и общественных ценностей. Например, монографии Л. А. Колобаевой [Колобаева, 1990], М. Ф. Пьяных [Пьяных, 2003] и коллективная работа «Катарсис. Метаморфозы трагического сознания» [Катарсис, 2007], а также книга Ю. Б. Борева «О трагическом» [Борев, 1961] являются важным вкладом в литературоведение XX века и в изучение трагического.

Понятие «пантрагизм» представляет собой попытку расширить сферу трагического, рассматривая его как универсальную категорию миропо-

нимания [Плеханова, 2001, с. 12—15]. Оно предполагает, что трагедия не ограничивается отдельными событиями или произведениями искусства, а является неотъемлемой частью существования, становясь состоянием мира. Трагическое воспринимается как неотъемлемая часть человеческого опыта, связанная с несогласием с миром, с протестом против зла, сознанием своей собственной обреченности и одиночества.

Однако, как указывает В. Е. Хализев, подобное «разбухание» трагического до пантрагизма может привести к отвержению самой категории трагического [Хализев, 2009, с. 119]. Подход, согласно которому человеческое существование определяется катастрофичностью и бессмысленностью, может исказить суть трагического, лишив его глубины и значимости.

Тем не менее, по мнению И. И. Плехановой, в сферу трагического необходимо включить персонажей различных типов, не только интеллектуальных и рефлексивных, но и «незаметных» героев [Плеханова, 2001, с. 21]. Это позволяет более полно охватить разнообразие человеческого опыта и его взаимодействие с трагическими ситуациями.

Суждения Е. В. Волковой, высказанные в книге «Трагический парадокс Варлама Шаламова», открывают интересную перспективу анализа трагического в литературе [Волкова, 1998, с. 32]. Она связывает наличие трагического не только с классическим жанром трагедии, но и с повествовательными текстами, такими как повести и рассказы, которые описывают жизнь в тоталитарных условиях.

Этот подход расширяет понимание трагического, показывая, что оно может проявляться не только в драматических событиях, но и в повседневных жизненных обстоятельствах. Описания «мучений» и страданий людей в атмосфере тоталитарного режима также содержат в себе элементы трагического, отражая борьбу человека с невыносимыми условиями существования, с лишениями и потерями.

Если анализировать не только трагедии на сцене, но и повествования о реальных жизненных ситуациях, становится возможным расширить понимание того, что может вызывать трагические чувства и реакции у людей, которые, по мнению исследовательницы, часто «считаются как мусор».

Сама история казахского народа насыщена трагическими событиями. Годы великого бедствия 1723—1727, ядерные испытания, гибель Арала и многое другое — все это неизменно находит отражение в фольклоре и литературе Казахстана.

Следовательно, история изучения трагического является довольно долгой и не заканчивается на сегодняшний день. Известные ученые, как российские, так и зарубежные, предлагают различные концепции осмысления трагического, а также целый ряд подходов к его определению.

Основная тенденция, характерная для этих концепций, заключается в признании того, что в жизни как отдельного человека, так и социальной группы могут возникать непримиримые противоречия, такие как конфликт между личным чувством и обязанностью перед семьей или обществом, или между жадой сохранения собственной жизни и необходимостью жертвы ради высоких идеалов и целей.

Разные точки зрения помогают понять, как трагическое проявляется в разных контекстах и сферах жизни и как люди реагируют на эти противоречия. Анализ этих работ позволяет лучше понять сущность трагического и его значение для человеческого опыта. Видимо, поэтому А. Ф. Лосев подчеркивал, что «определить трагическое, отражающее многогранность данного понятия, — весьма трудоемкая работа» [Лосев, 1983, с. 691]. Осмысление этого термина сопряжено со сложными моментами человеческого существования, включая конфликты, страдания и смерть. Трагическое отражает не только глубинные противоречия человеческой природы, но и бесконечный поиск человеком смысла и ценностей в условиях социальных, личных противоречий.

Материалом исследования явилось стихотворение «Қайда едің?» (Где были вы?) М. Дулатова (перевод А. Айтжановой) как наиболее репрезентативное с точки зрения воплощения в нём трагического. Ключевым выступает метод целостного анализа художественного произведения, позволивший осмыслить *трагическое* в единстве образно-тематической и мотивной структуры произведения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Трагическое, его образ и составляющие в стихотворении «Қайда едің?» (Где были вы?)

Мыржакып Дулатов, один из лидеров партии «Алаш-Орда» и национально-освободительного движения, сыграл значительную роль в просвещении и формировании культурного самосознания казахского народа. Его первый казахский роман «Бакытсыз Жамал» («Несчастливая Жамал») и стихотворение «Оян, казак!» («Проснись, казах!») оказали глубокое влияние на развитие литературы.

Стихотворение «Оян, казак!» («Проснись, казах!») (1909) стало знаковым событием в истории казахской литературы. Это произведение повлекло преследования со стороны царского правительства и вызвало огромный резонанс среди читателей в Казахстане и других странах. Например, первый президент Турции Мустафа Кемаль Ататюрк поручил перевести это издание на турецкий язык и выпустил книгу «Проснитесь, турки!». Своими произведениями он воспевал героизм и дух японского народа, что вы-

звало интерес и признание со стороны граждан Японии; была даже издана книга «Проснись, японец!» [Құмырзақұлы].

Трагический личный опыт (заключение в Бутырской тюрьме, отбывание срока на Соловках и др.) повлиял на его поэтический язык и тематику произведений, которая демонстрирует широкий взгляд на жизнь казахского народа и глубокое сочувствие к его трудностям и страданиям. Названия произведений часто отражают разнообразие тем, начиная с описания персонажей и жанровых особенностей и заканчивая особенностями отображения пространства, времени и эмоционального состояния. Например, некоторые названия содержат указание на персонажа («Алаш», «Юношам», «Потерянная девушка»). В других обозначается жанр («Новое пожелание», «О молитвах», «Загадка»). Простые названия произведений лексически характеризуют темы «Сломленная душа», «Эпоха скорби», «Немного слов о нашей бедности». Есть названия, в основе которых лежат пространство («Казахские земли», «Чистый родник») и время («Утро», «Наурыз»). Встречаются названия стихотворений, выражающие чувства или эмоциональное отношение к чему-либо («Тоска», «Радость», «Мое сокровенное»). Несмотря на то, что большинство названий стихотворений М. Дулатова семантически просты, они несут смысловую нагрузку, в которой зачастую содержатся элементы трагического: мертвая пустынная земля после джута; холодный туман; заброшенные ямы; пугающие тени людей; что-то тревожное, болезненное, страшное, странно-одинокое. Сквозные темы стихотворений М. Дулатова — трудная судьба женщин, война, смерть, вера, безвластие. Среди ключевых образов — одиночество, скорбь, душа. Главный принцип изображения жизни, которая происходит вокруг поэта, — внимательное вглядывание, мучительное постижение, тяжелая печаль из-за беспомощности людей, их нежелания что-либо изменить, невозможности женщин бороться в полную силу с окружающей их несправедливостью.

Произведений подобной направленности в казахской литературе начала и середины XX века немало. Среди них можно отметить произведения С. Торайгырова, Ж. Аймаутова, А. Байтурсынова, М. Ауэзова и др.

Интерес к теме трагического в 10—20-е годы XX века хорошо охарактеризовал П. Топер. Исследователь подчеркивает, что это «то время, когда жизнь была в предельном напряжении, нравственном и физическом; жизнь, наполненная беспрестанными лишениями, постоянной угрозой смерти и самой смертью — неотвратимой, слепой, многоликой. Это время, наполненное неисчислимыми разрушениями, опасностью, нависшей над родными и близкими, над привычными жизненными устоями, над самим существованием народным, — атмосфера современной машинной войны,

которая ведется не просто армиями, не просто государствами, а народами» [Топер, 1975, с. 89—116].

Наиболее ярко трагическое представлено в стихотворении «Қайда едің?» (Где были вы?). В нем отражены боль и разочарование перед лицом социальных и политических проблем, с которыми столкнулся казахский народ в начале XX века. М. Дулатов стремился не только отразить реальность времени, но и внести важный вклад в формирование общественного сознания и мировоззрение казахского народа.

Это стихотворение состоит из 7 строф. Каждая из 6 строф имеет 6 стихов, и только последняя 7-я строфа состоит из 8 строк. Практически в каждой строфе пафос трагического противостояния террору царской России. В сознании поэта диалог двух философских начал — жизни и смерти. При этом сила безумия и смерти настолько велика, что жизнь оказывается слишком хрупкой и беззащитной под этим натиском.

В стихотворении представлено эмоционально-трагическое отражение исторического слома — Первой мировой войны, мобилизации казахов, голода, принесших гибель и разрушения вековых устоев казахской степи. Автор описывает происходящее вокруг него, подчеркивая обреченность ситуации.

События (поиск жизненного пути, бессмысленность происходящего, война и т. п.), описанные в стихотворении, толкали людей на край социальной бездны. Это усиливает ощущение безысходности и обреченности происходящего. Автор указывает на географические реалии: *«Раздолье земли Сары-Арки // Звонящие воды озер // И гор высоких простор»*. Тем самым реализуется укрупнение проблемы через пространственный масштаб. Но, описывая модель нового мироустройства, созданного по воле самих людей, трагическим он маркирует происходящее.

Все составляющие казахского образа мира (степь — край — алаш — народ) имеют печать трагической безысходности. Сам предметный мир передает катастрофу человека, который вынужден быть в условиях всеобщей гибели: *«Оставив родные края // Босые, нагие и рван, // Все вместе, жена, муж, дитя // Бежали...»*. Окружающий мир не просто меняет свои функции (*«Детей всех лишили отца // Сломали согнуто крыло // ... И степи от слез людей жгло»*), само его существование становится шокирующим знаком вывернутости человеческой жизни: *«Умножили горе людей // Погнали на фронт всех в слезах»*.

Семантические грани концепта НАРОД включают представления о жизненных ценностях человека: *степь, семья, род, связь поколений, жизнь*. Однако в стихотворении, в поэтическом изложении они трагически сужаются до отрицательных признаков людей: *плохой, злодей, скряга, пугливый*.

Для М. Дулатова «*алаш*» (в переводе означает «казах») в первой строфе — основание жизни в родной степи. Как писал А. Ф. Лосев, «именем и словами создан и держится мир» [Лосев, 1999, с. 368].

По мнению поэта, единственный способ противодействия трагическому изменению национальных устоев, определяющих жизнь казахов во всем ее многообразии, — это «зацепиться» именем за жизнь и не позволить надвигающейся катастрофе всецело поглотить народ.

Трагическая событийность стихотворения — своеобразный вызов тенденциям, которые искажают и стирают личностное и индивидуально-неповторимое. Казахский поэт, изображая казахов, раскрывает двойственность их характера. С одной стороны, он показывает, как они уничтожены страхом и непониманием происходящего, попадают под влияние внешних факторов и обстоятельств.

С другой стороны, поэт указывает на внутренние причины трагических событий, которые связаны с личным характером каждого: пугливость, самолюбование, глупость и прочие. Они становятся источником слабости и уязвимости, которые и влекут трагические последствия.

Таким образом, поэт призывает казахов осознать свои внутренние проблемы и недостатки, преодолеть их и стать сильнее, чтобы сопротивляться внешним угрозам и сохранить себя в условиях обезличивающей действительности. Это выступление М. Дулатова против тенденции искажения личностного и индивидуального является важным элементом сохранения культурного наследия и национальной идентичности.

Размышления поэта о происходящем роднит данное стихотворение по мироощущению с греческой трагедией. В некоторых древнегреческих трагедиях нет показа исторических событий, но есть трагические знания, то есть итог, к которому ведет трагическое действие. В данном стихотворении это знание выражено многотипностью лирического героя. В некоторых строфах он просто рефлексирующий герой-интеллигент, мучительно переживающий за судьбу народа, в других — благочестивый герой, в котором сконцентрирован многовековой духовный опыт целого народа. И верность таким традициям, как любовь к ближнему, чувство долга, трудолюбие и т. п., незыблема, даже если алаш на краю гибели.

Движение повествовательного времени также представлено двумя линиями. Первая — это «я», автор-герой как свидетель и участник трагических событий. Он живет в ретроспективном поле сознания рассказчика. Вторая — повествующий «я», то есть уже инициатор настоящего времени повествования. При этом трагедийность пережитого для повествователя не прошлое, а наоборот — настоящее.

Последний 7-й куплет даёт читателям трагический катарсис двух крайних противоположностей — трагического и повседневного: само явление жизни оказывается вечным и неразрушимым. А главной ценностью и центром художественного мира М. Дулатова, несмотря на весь трагизм происходящего, является неповторимая человеческая индивидуальность с её особым местом в мироздании: казах.

Сущность трагического во внешней действительности М. Дулатов не сводит к широкомасштабной обрисовке исторического по характеру социального и классового антагонизма. Идея «блага» для народа посредством участия в войне ставится поэтом под большое сомнение. На первый план у М. Дулатова выходит проблема сущности враждебной народу царской власти, провоцирующей социальное беззаконие, подвергающей народ физическому и духовному истреблению. Типичные её представители — «глупые», «скряги», «пугливые» и т. п.

Через свои произведения М. Дулатов пытается пролить свет на темные стороны жизни казахского общества своего времени и призвать к пониманию, сочувствию и изменениям.

3.2. Антитеза как способ выстраивания трагического в стихотворении «Қайда едің?» (Где были вы?)

Начало «невыдуманной» трагедии в жизни казахского поэта М. Дулатова, как уже отмечалось выше, связано с деятельностью партии «Алаш» и созданием автономной казахской республики. Это то время, когда он сделал свой окончательный выбор как гражданин и поэт. В 1910—1930-е годы в степи стали происходить события, которые не каждому удалось пережить: война, страдания народа, мобилизация, революция, непонимание и предательство со стороны царских чиновников. *Трагическое* в судьбе Казахстана и казахской культуры начала XX века стало главной темой патриотической лирики М. Дулатова.

Первую мировую войну казахский поэт и просветитель осмыслил и был готов изобразить ее таковой, какой она была в действительности. Неслучайно исследователи его творчества считают, что трагическое у поэта действительно воплотилось «по-настоящему» тогда, когда появляются социальные мотивы, связанные с войной и революцией. В. Н. Топоров видит в процессе формирования личной парадигмы на основе исторических образцов *историзм*. Однако этот личностно-исторический синтез не только подчеркивает значение истории как таковой, но также изменяет как ее смысл, так и историзм в целом. В. Н. Топоров, продолжая мысль, подтверждает, что синтез открывает новые возможности выхода за пределы исторического и включения историзма в более широкий контекст явлений [Топоров, 1990, с. 277—418]. Другими словами, личные интерпретации

исторических событий и образцов могут помочь людям оценить историю не только как прошлое, но и как источник мудрости, опыта и уроков для настоящего и будущего. Историзм становится комплексным и многослойным, когда включает в себя объективные факты и явления, а также их личные и эмоциональные интерпретации.

Ключевая роль в создании трагического настроения и в выстраивании художественной структуры стихотворения «Қайда едің?» (Где были вы?) принадлежит антитезе. Она выражается через контрастное противопоставление двух состояний (или событий), что подчеркивает трагическую драматичность происходящего.

Первая строфа данного стихотворения сразу устанавливает противопоставление между тем, что было, и тем, что должно было быть, в вопросе: «*Алаш шел, не зная дорог // Ответьте, вас много сейчас // Где ж были, вожди, в трудный час?*». Здесь контрастируют два состояния: трудное время, когда нужна помощь и поддержка, и отсутствие тех, кто должен был быть рядом. Этот контраст усиливается повторением вопроса, создавая эффект беспомощности и разочарования.

Поэт постоянно ощущает себя и свою судьбу внутри человеческой истории, в данном случае — внутри происходящего в казахской степи: в период Первой мировой войны проводилась мобилизация казахов. Стихотворение предельно ситуативно и стремится быть прямым откликом на трагические события тех лет. Судьба лирического героя стихотворения в полной мере соотносится с судьбой поэта, что подтверждает тему общей судьбы и ее трагического пути всего казахского народа. Направленность на общее, готовность лирического героя всё пережить вместе со своим народом предстает в стихотворении как солидарность в беде и подвигах.

Параллельно с антитезой развивается парадокс, выраженный в последних строках стихотворения, подчеркивающий трагизм ситуации: «*Опора не знали мы где // Без цели куда-то мы шли // И смысла не было нигде...*». Здесь автор подчеркивает не только отсутствие помощи и поддержки, но и потерю смысла в происходящем в Казахстане в начале XX века, что усиливает трагизм звучания поэтических строк.

Синтаксический параллелизм служит для выделения ключевых моментов в трагедии казахского народа. Контактный параллелизм, сопровождаемый лексическим ассонансом, эффективно акцентирует внимание на вопросе «Қайда» (где?), делая его семантическим центром стихотворения.

Использование синонимичных конструкций, таких как *темные дни / безлунные ночи*, помогает усилить эмоционально-драматический оттенок текста.

Повторение точной рифмы в последних строках каждого куплета позволяет усилить звучание стихотворения и создать музыкальный ритм, ко-

торый способствует трагическому воздействию текста на читателя. Этот вид повтора обеспечивает гармоничную структуру стихотворения и придает ему смысловую законченность.

Глагольные повторы, такие как *шел* и *брели*, выражают динамичность действия и подчеркивают движение событий в стихотворении. Этот прием нагнетает ощущение напряженности и драматизма происходящего. Таким образом, повтор в различных формах служит ключевым средством выстраивания структуры и смысла стихотворения.

Повторы в последней строфе данного стихотворения играют важную роль в формировании образа лирического героя и его взгляда на окружающий мир. Так, например, они создают альтернативную номинацию: повторы слова *kim* (кто) и его сочетания с различными прилагательными (*жаман, надан, жауыз, саран, жалтак*) формируют разнообразные ассоциации и образы жителей степи. Это позволяет лирическому герою выразить свое разочарование и обеспокоенность поведением и характером окружающих его людей. Кроме этого, они содержат элементы социальной критики, обличения недостатков современного поэту общества и формирования образа героя данного стихотворения.

Повторы изменяют описываемые трагически ситуации, акцентируя внимание на общественных универсалиях и вызывая эмоциональный отклик у читателя. При этом лирический герой становится не просто наблюдателем, но и критиком общественной действительности, выражающим свое негодование по отношению к существующим явлениям.

Повторы слов и их комбинаций создают эффект обличения и обвинения. Поэт выражает свое недовольство сложившейся ситуацией, намекая на то, что трагедия, которую возможно было избежать, имеет глубокие исторические корни и отрицательно сказывается на жизни казахского народа.

В стихотворении сделан акцент на конфликте между знанием и невежеством, между лидерством и гордостью. Повторы слов, характеризующих образованных и мудрых людей, образуют оппозицию по отношению к словам, называющим людей, не имеющих цели и гордых. Это позволяет поэту обозначить свою позицию и выразить собственное осознание универсального закона человеческого существования, заключающегося в такой ценности, как патриотизм на деле, любовь к родной земле и ее обычаям.

Развертывание трагических образов позволяет читателю войти в мир внутренних драматических переживаний и раздумий поэта. Контрастные чувства, волнения и жертвенность народа передаются через трагедийную напряженность текста.

Риторический вопрос создает эмфатическую интонацию и делает читателя участником внутреннего монолога лирического героя. Это способ-

стует философско-трагедийному размышлению о человеке, его предназначении и мировоззрении.

Таким образом, различные формы повтора в стихотворении «Кайда едін?» (Где были вы?) М. Дулатова выполняют важные функции, включая акцентирование смысловых и трагических аспектов текста, обеспечивая его целостность и выразительность. Наряду с этим повтор в стихотворении «Где были вы?» играет ключевую роль в формировании его структуры и стиля, а также в передаче эмоционально-трагического заряда и глубины содержания.

Структурные и стилистические приемы, такие как лексико-семантический повтор и риторический вопрос, помогают автору выразить свои идеи и вовлечь читателя в обсуждение важных философских и социальных вопросов.

3.3. Особенности организации стихотворения

Словарь стихотворения наглядно объективирует, что именно (в зависимости от преобладания той или иной части речи) доминирует во внутреннем мире лирического героя. Отбор предметов, реалий, понятий, признаков, набор действий в поэтическом тексте специфичны и определяются законами жанра и особенностями индивидуальной авторской манеры. Анализ существительных в стихотворении позволяет увидеть специфику его предметно-понятийного мира. Практически во всех шести куплетах преобладают существительные с конкретным предметным значением: названия географических реалий (*степь, дорога, звезды, луна, земля, озеро* и т. д.); слова, называющие людей (*дед, дети, женичины, лидер*). Такой набор существительных помогает создать конкретный и живой образ родины. В седьмом (последнем) куплете преобладают прилагательные, из-за чего создается впечатление, что лирический герой стоит в центре и, окинув взглядом все вокруг себя, замечает то, что происходит. Более пристально вглядываясь в облик родины, лирический герой меняет простую фиксацию впечатлений на их напряженное осмысление.

Прилагательные и наречия, которых не очень много, создают общий приглушенный колорит, который является в тексте господствующим, потому что абсолютен, однозначен негативными характеристиками и в потенции содержит в себе возможность подчеркнуть иной, более темный облик родины, акцентируя внимание читающего на происходящее в казахской степи (голод, смерть, фронт, гибель, плач детей и даже взрослых).

Обратим внимание на то, как меняется словоупотребление с цветовым значением. Оно дано только в первой строчке: день / ночь — и находится в ряду традиционных символических обозначений человеческой жизни. При этом в начале стихотворения обозначение «день» подразумевает светлое, радостное, доброе и т. п., а использование слова «ночь» служит

отсылкой к темному, плохому. И в остальных шести куплетах нет слов со светлой, доброй семантикой, наоборот, такие слова, как *дети, старшие, позор, бедствия, земля* и т. п., используются в основном для характеристики отрицательного, недоброго, суровой действительности.

Есть существительные с абстрактным значением — «ум», «душа» и т. п., но их значительно меньше по сравнению с предметными существительными. Это можно объяснить законами жанра гражданского послания, в котором разрабатывается преимущественно публицистическая тематика. «Вещный» мир в стихотворении «Где были вы?» предельно прост и конкретен.

Автор стремится не просто назвать предмет, а создать некое ассоциативное поле «соответствий». Затем в конце произведения акцентирован переход от предметов к качествам, от существительных к прилагательным, характеризующим человека. Они представляют собой своего рода каталог определений к слову «казах». Прилагательные исчерпывающе характеризуют многоликие, изменчивые качества характера: *плохой, злодей, не мудрый, глупый, скряга, не щедрый* и т. п., но ни одно из слов не завершает поиска. Неслучайно стихотворение заканчивается словами: «*Познать дал, ты — Бог, и таких!*». Прилагательные используются для реализации приема градации при перечислении отрицательных качеств: не просто «не мудрый», а именно глупый; не просто «не щедрый», а именно скряга.

В тематическом словаре этого стихотворения выделяются следующие основные тематические поля:

внутренний мир человека (как целое) — *душа, знание, сердце, ум*;
природа — *луна, степь, озеро, земля, туман*;
человек — *мать, казах, дед, ребенок, дети, старшие, женщина, мужчина, дорогой*;
бедствие — *голод, опекун*;
родина — *страна*;
важная составляющая (как часть) — *голова, крыло, язык, глаза*;
характер человека — *плохой, злодей, пугливый, скряга, не щедрый, всезнающий, горделивый*.

Приведенные слова попадают в это тематическое поле не только по своему словарному значению, но и по контекстуальному, которое они приобретают именно в данном стихотворении. Все выделенные тематические поля, в свою очередь, можно объединить в три большие группы: личное, природное, гражданское. Проблемы личные посредством описаний-штрихов природного переходят в констатацию и заканчиваются характеристикой человека как гражданина, у которого, к сожалению, только отрицательные черты.

В данном стихотворении поэт неоднократно использует чисто авторские противопоставления: один — вожди; голодный — щедрый; опора —

без цели и смысла; грустный — мудрец и т. п., которые подчеркивают личные качества человека в начале XX века.

Описанные выше тематические поля данного стихотворения группируются вокруг нескольких основных *семантических архетипов*, или *кодов*, сформировавшихся еще в фольклоре и литературе древности; см. аналогичный подход к проблеме «образных парадигм» (инвариантов, метафорических архетипов) в [Павлович, 1995], хотя в книге классификация проводится по другим основаниям.

Выделенную на нашем материале первую группу семантических архетипов, уходящих корнями в мифопоэтические представления древних эпох, можно назвать «Природа и космос» (*природный код*). Сопоставления человека с животными (кулан), светилами (солнце, луна), стихиями природы (огонь, море, озеро и т. п.) основываются на фольклорной образности. К этому комплексу образов можно отнести и «календарные» метафоры: времена года, времена суток (осень, утро, день, вечер и т. д.).

Вторую группу метафорических архетипов данного стихотворения можно объединить под названием «Социальное. Эпическое» (*эпический* или *социальный код*). Метафоры, входящие в эту группу, очевидно, представляют собой «свернутые» сюжетные ситуации, зародившиеся в эпосе: битва (война, бои, поражение и т. п.), странствие (дорога, путник и т. п.). К «социальным» метафорам могут быть отнесены образы дома с многообразными модификациями (например, степь).

В данном стихотворении наблюдается развитие темы посредством приема параллелизма, который получил широкое распространение в поэзии рубежа XIX — XX веков. Как отмечает Н. А. Кожевникова, параллелизм в поэзии используется «для установления точек соприкосновения между разными сферами изображения, смысловых соответствий и параллелей» [Кожевникова, 1986, с. 121]. В частности, с помощью параллелизма могут быть сопоставлены прямые и не прямые способы выражения одной и той же мысли, может состояться своего рода «перевод» с «предметного» языка на язык образных «соответствий». Прием используется «для установления точек соприкосновения между разными сферами изображения, смысловых соответствий и параллелей» [Кожевникова, 1986, с. 121].

Начиная с первой строфы стихотворения можно наблюдать психологизацию трагизма. Строки связаны между собой тематическими переключками между оттенками трагического.

Употребление глаголов внешнего действия (шли, были, сбились, сдали, сломали и др.) усиливает акцент на негативном восприятии событий лирическим субъектом.

Обратим внимание на композиционно-семантическую стройность стихотворения. Каждый из шести куплетов заканчивается словами «қайда едің» («Где были вы?»), и только последний 7-й куплет — повествовательным предложением.

В семантической композиции стихотворения единичное становится общим, и в то же время общее осмысливается как часть гражданской позиции лирического героя. В неосторжимости общего и гражданского заключается специфика дулатовского восприятия родины.

Повтор слов «қайда едің» позволяет увидеть метаморфозу, которая происходит в сознании казаха. Если в начале текста говорится именно об определенных событиях, происходящих вокруг лирического героя, постепенно к концу подчеркивается причина происходящего — личные недостатки в характере: имеется в виду даже не возраст и психологическое состояние лирического героя, а его недалекость и безразличие, которые привели к описываемым драматическим событиям. В этом контексте переосмысливается и название стихотворения. Если при первом прочтении кажется приемлемым трактовать его как обычный вопрос о местоположении («Где были вы?»), то уже после первого куплета становится очевидной неоднозначность ответа: речь идет о судьбе целого народа, о трагическом времени в его истории. Итак, начавшись как личное изложение, стихотворение обнаруживает второй, гражданский план, а наблюдения над словарным и контекстным значением слов в стихотворении показывают, что слова, входящие в группы «Личное» и «Природа», используются в стихотворении для обозначения и характеристики гражданских чувств автора и адресата: любви к родине, надежды на перемены.

Следует отметить особенности сопряжения «человеческого» и «гражданского» в этом стихотворении. Они не сравниваются друг с другом, а выступают как тождественные явления: гражданское и есть человеческое. Личное не отбрасывается, не подавляется, а лишь расширяет сферу, трансформируется в другой, гражданский план, который представлен социальными противоречиями, воссоздающими реалистические сцены. И все-таки социальное содержание этих стихов — лишь часть более общих, “вечных” проблем, а предчувствия социальных взрывов — лишь форма ожидания эсхатологической катастрофы. Гражданское перестает быть оппозицией к личному и становится его частью — в этом и заключается своеобразие гражданской позиции Дулатова.

4. Заключение = Conclusions

Трагический герой казахской литературы — личность не только сильная, но и, прежде всего, думающая, размышляющая. Трагедийный элемент

не может уйти из литературы и общественной мысли, так как он изначально присущ жизни. Это значит, что трагическое — категория вне времени, вечная, не подвластная стремительно меняющемуся миру. В стихотворении М. Дулатова «Қайда едің?» (Где были вы?) трагизм событий в казахской степи начала XX века не ограничивается литературными рамками. Он раздвигает духовные горизонты в целом и помогает освоению нового идейно-художественного мира казахского поэта и писателя. А. И. Солженицын по поводу одной из своих книг когда-то писал: «В этом — и книга моя: не памфлет, но зов к раскаянию». Эти слова с полным правом можно отнести и к стихотворению М. Дулатова «Қайда едің?» (Где были вы?). Оно утверждает внутреннюю, духовную свободу человека. Трагическое действие в стихотворении включает элементы «страдания», «потери», трагические «перипетии». Оно поддерживается мотивами дороги, степи, бегства, преследования, а также экзистенциальными мотивами одиночества, выброшенности, которые представлены образами природы и людей.

Повтор является одним из ключевых механизмов текстообразования в стихотворении «Қайда едің?» (Где были вы?). Он способствует акцентированию внимания на определенных идеях и созданию трагической эмоциональной напряженности. Антитеза в сочетании с риторическим вопросом, повторами и парадоксом создают глубокий резонанс, выражая трагичность и безысходность ситуации.

Творчество М. Дулатова, как и его современников, стало своеобразным отражением времени, отчетливо передающим драматические и трагические моменты жизни и судьбы казахского народа.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Литература

1. *Белинский В. Г.* Эстетика и литературная критика : в 2 т. / В. Г. Белинский. — Москва : Изд-во АН СССР, 1959. — Т. 2. — 701 с.
2. *Борев* о трагическом. — Москва : Советский писатель, 1961. — 391 с.
3. *Волкова Е. В.* Трагический парадокс Варлама Шаламова / Е. В. Волкова. — Москва : Республика, 1998. — 186 с.
4. *Гегель Г. В. Ф.* Эстетика : в 4 т. / Г. В. Ф. Гегель. — Москва : Искусство, 1971. — Т. 3. — 621 с.
5. *Катарсис* : метаморфозы трагического сознания / сост. и общ. ред. В. П. Шестакова. — Санкт-Петербург : Алетей, 2007. — 384 с. — ISBN 978-5-903354-75-7.
6. *Кожевникова Н. А.* Словоупотребление в русской поэзии начала XX века / Н. А. Кожевникова. — Москва : Наука, 1986. — 256 с.

7. Колобаева Л. А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX—XX вв. / Л. А. Колобаева. — Москва : Издательство Московского университета, 1990. — 333 с.
8. Құмырзақұлы А. Мұстафа Кемал Ататүрік ұстаз тұтқан алаш арысы — Міржақып Дулатұлы [Электронный ресурс] / А. Құмырзақұлы. — Режим доступа : e-history.kz (дата обращения 07.03.2024).
9. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев // Самое само : Сочинения. — Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко, 2016. — 573 с. — ISBN 978-5-17-135989-8.
10. Лосев А. Ф. Трагическое / А. Ф. Лосев // Философский энциклопедический словарь. — Москва : Советская Энциклопедия, 1983. — 840 с.
11. Ницше Ф. Философия в трагическую эпоху греков / Ф. Ницше // Полное собрание сочинений : в 13 т. — Москва : Культурная революция, 2012. — Т. 1/1. — 612 с.
12. Плеханова И. И. Преображение трагического / И. И. Плеханова. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2001. — 160 с. — ISBN 5-7430-0128-6.
13. Павлович Н. В. Язык образов : Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н. В. Павлович. — Москва : Азбуковник, 1995. — 528 с.
14. Пьяных М. Ф. Трагический век в зеркале русской литературы / М. Ф. Пьяных. — Санкт-Петербург : Блиц, 2003. — 512 с. — ISBN 5-86789-137-2.
15. Топер П. Цена победы : о некоторых аспектах трагического в литературе об Отечественной войне / П. Топер // Литература великого подвига : Великая Отечественная война в литературе. — Москва : Художественная литература, 1975. — Выпуск 2. — 344 с.
16. Топоров В. Н. Об историзме Ахматовой / В. Н. Топоров // Russian Literature. — 1990. — Vol. XXVIII. — Pp. 277—418. — DOI: 10.1016/0304-3479(90)90020-H.
17. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. — Москва : Высшая школа, 2009. — 405 с. — ISBN 5-06-005217-6.
18. Чернышевский Н. Г. Избранные эстетические произведения / Н. Г. Чернышевский. — Москва : Искусство, 1974. — 549 с.
19. Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства / Ф. В. Й. Шеллинг. — Москва : Мысль, 1966. — 496 с.
20. Шиллер Ф. О трагическом искусстве / Ф. Шиллер // Собр. соч. : в 7 т. — Москва : Гослитиздат, 1957. — Т. 6. — С. 41—64.
21. Шопенгауэр А. Под завесой истины : сборник произведений / А. Шопенгауэр. — Симферополь : Реноме, 1998. — 496 с.

Статья поступила в редакцию 24.03.2024,
одобрена после рецензирования 29.04.2024,
подготовлена к публикации 18.05.2024.

References

- Belinsky, V. G. (1959). *Aesthetics and literary criticism: in 2 volumes*, 2. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 701 p. (In Russ.).
- Borev about the tragic. (1961). Moscow: Soviet writer. 391 p. (In Russ.).
- Catharsis: metamorphoses of tragic consciousness. (2007). St. Petersburg: Alethea. 384 p. ISBN 978-5-903354-75-7. (In Russ.).
- Chernyshevsky, N. G. (1974). *Selected aesthetic works*. Moscow: Iskusstvo. 549 p. (In Russ.).
- Hegel, G. V. F. (1971). *Aesthetics: in 4 volumes*, 3. Moscow: Iskusstvo. 621 p. (In Russ.).
- Khalizev, V. E. (2009). *Theory of literature*. Moscow: Higher School. 405 p. ISBN 5-06-005217-6. (In Russ.).

- Kolobaeva, L. A. (1990). *The concept of personality in Russian literature at the turn of the XIX—XX centuries*. Moscow: Moscow University Press. 333 p. (In Russ.).
- Kozhevnikova, N. A. (1986). *Word usage in Russian poetry of the beginning of the XX century*. Moscow: Nauka. 256 p. (In Russ.).
- Kumyrzakuly, A. *Mustafa Kemal Atatürk ustaz tutkan alash arysy — Mirzhakyp Dulatuly*. Available at: e-history.kz (accessed 07.03.2024). (In Kazakh).
- Losev, A. F. (2016). Dialectics of myth. In: *Samo: Essays*. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House. 573 p. ISBN 978-5-17-135989-8. (In Russ.).
- Losev, A. F. (1983). Tragic. In: *Philosophical Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 840 p. (In Russ.).
- Nietzsche, F. (2012). Philosophy in the tragic age of the Greeks. In: *Complete works: in 13 volumes, 1/1*. Moscow: Cultural Revolution. 612 p. (In Russ.).
- Pavlovich, N. V. (1995). *The language of images: Paradigms of images in the Russian poetic language*. Moscow: Azbukovnik. 528 p. (In Russ.).
- Plekhanova, I. I. (2001). *The transformation of the tragic*. Irkutsk: Publishing House of Irkut State University. 160 p. ISBN 5-7430-0128-6. (In Russ.).
- Pyanykh, M. F. (2003). *The tragic century in the mirror of Russian literature*. St. Petersburg: Blitz. 512 p. ISBN 5-86789-137-2. (In Russ.).
- Schelling, F. V. Y. (1966). *Philosophy of Art*. Moscow: Mysl. 496 p. (In Russ.).
- Schiller, F. (1957). On tragic art. In: *Collected works: in 7 volumes, 6*. Moscow: Goslitizdat. 41—64. (In Russ.).
- Schopenhauer, A. (1998). *Under the veil of truth: a collection of works*. Simferopol: Renome. 496 p. (In Russ.).
- Tooper, P. (1975). The price of victory: on some aspects of the tragic in literature about the Patriotic War. In: *Literature of the Great Feat: The Great Patriotic War in literature, 2*. Moscow: Fiction. 344 p. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1990). On Akhmatova's historicism. *Russian Literature, XXVIII*: 277—418. DOI: 10.1016/0304-3479(90)90020-H. (In Russ.).
- Volkova, E. V. (1998). *The tragic paradox of Varlam Shalamov*. Moscow: Republic. 186 p. (In Russ.).

*The article was submitted 24.03.2024;
approved after reviewing 29.04.2024;
accepted for publication 18.05.2024.*

Информация для цитирования:

Анохина Ю. Ю. Женские образы романов Ф. М. Достоевского в истолковании Вяч. Иванова / Ю. Ю. Анохина // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 172—188. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-172-188.

Anokhina, Yu. Yu. (2024). Female Characters in Fyodor Dostoevsky's Novels in Interpretation of Vyacheslav Ivanov. *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 172-188. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-172-188. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Женские образы романов Ф. М. Достоевского в истолковании Вяч. Иванова

Анохина Юлия Юрьевна
orcid.org/0000-0001-8917-5445
кандидат филологических наук,
Научная лаборатория «Rossica:
русская литература в мировом
культурном контексте»
jul.anokhin@gmail.com

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького
Российской академии наук
(ИМЛИ РАН)
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 19-78-10100-П

Female Characters in Fyodor Dostoevsky's Novels in Interpretation of Vyacheslav Ivanov

Yulia Yu. Anokhina
orcid.org/0000-0001-8917-5445
PhD in Philology,
Research Laboratory "Rossica:
Russian Literature in a Global
Cultural Context"
jul.anokhin@gmail.com

A. M. Gorky Institute
of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 19-78-10100-P

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье анализируются труды Вяч. Иванова о Ф. М. Достоевском. На материале книги «Достоевский: трагедия — миф — мистика» (1932) выявлены исследовательские принципы и интерпретативные стратегии, реализовавшиеся при истолковании Вяч. Ивановым женских образов романов Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Бесы» и «Идиот». Показано, что представление Иванова о художественных особенностях образов Сони Мармеладовой, Алены Ивановны, Марьи Тимофеевны и Настаси Филипповны раскрывается в контексте «основного мифа» произведений. Показано, что мифопоэтический и функциональный аспекты являются наиболее значимыми в предложенных Ивановым интерпретациях образов женских персонажей. Вместе с тем утверждается, что психологические и духовные особенности героинь не остаются без внимания герменевта, поскольку установление особенностей внутреннего мира оказалось необходимым ему для раскрытия мифопоэтических функций. На примере истолкования Ивановым женских образов Достоевского особенно очевидно, что подход поэта-мыслителя к произведениям писателя представляет собой синтез философской концептуализации и историко-литературной оптики.

Ключевые слова:

женские образы; история науки; Федор Достоевский; Вячеслав Иванов; герменевтика; литературоведение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article analyzes the works of Vyacheslav Ivanov on Fyodor Dostoevsky. Using the material from the book “Dostoevsky: Tragedy — Myth — Mysticism” (1932), the research principles and interpretive strategies implemented by Vyacheslav Ivanov in interpreting the female characters in Dostoevsky’s novels “Crime and Punishment,” “The Devils,” and “The Idiot” are identified. It is shown that Ivanov’s conception of the artistic features of characters such as Sonya Marmeladova, Alena Ivanovna, Maria Timofeevna, and Nastasya Filippovna are revealed in the context of the “main myth” of the works. The mythopoetic and functional aspects are highlighted as the most significant in Ivanov’s interpretations of the female characters. Additionally, it is argued that the psychological and spiritual characteristics of the heroines are not overlooked by the hermeneutist, as understanding the nuances of their inner world was necessary for him to reveal the mythopoetic functions. Through Ivanov’s interpretations of Dostoevsky’s female characters, it becomes evident that the poet-thinker’s approach to the writer’s works represents a synthesis of philosophical conceptualization and historical-literary perspective.

Key words:

female characters; history of science; Fyodor Dostoevsky; Vyacheslav Ivanov; hermeneutics; literary studies.

Женские образы романов Ф. М. Достоевского в истолковании Вяч. Иванова

© Анохина Ю. Ю., 2024

1. Введение = Introduction

Труды Вяч. Иванова о Ф. М. Достоевском принадлежат одновременно двум культурно-историческим эпохам: эпохе «серебряного века» в русской литературе и философии и культуре Русского зарубежья. Основные идеи «Вячеслава Великолепного» о романах Достоевского оформились еще до революции 1917 года — они были озвучены в ходе его выступлений на заседаниях Религиозно-Философского общества, формировались в процессе дискуссий о Достоевском. Одним из ярких примеров такого типа обсуждений является знаменитый «спор о Хромоножке» [Богданова, 2016]. Начало этому спору было положено докладом С. Н. Булгакова и последующем обсуждении на заседании Российского философского общества (РФО) в 1913 году, а продолжением стала серия публикаций Булгакова («Русская трагедия»), Н. А. Бердяева («Ставрогин») и Вяч. Иванова («Экскурс: основной миф в романе “Бесы”» в журнале «Русская мысль» в 1914 году. Статьей о романе «Бесы» посвященные Достоевскому работы Иванова не ограничиваются. В корпус этих трудов входят статьи: «Достоевский и роман-трагедия» (1911) и «Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского» (1917). После эмиграции в 1924 году Вяч. Иванов, как известно, вновь обратился к творчеству писателя и составил книгу «Достоевский: Трагедия — миф — мистика». Книга вышла в 1932 году на немецком языке в Тюбингене. Она представляет собой не механическое собрание опубликованных ранее и переведенных с русского языка статей Иванова, но отражает единый замысел целостной концепции и подчиняет этому замыслу идеи, высказанные ранее. Так, по своему генезису этот труд примыкает к появившимся в начале XX столетия религиозно-философским работам Д. С. Мережковского [Мережковский, 2000], Л. Шестова [Шестов, 1903], С. Н. Булгакова [Булгаков, 1914], а также в некоторой степени отражает символистские и мифопоэтические искания Вяч. Иванова в доэмигрантский период его жизни. С другой сто-

роны, будучи результатом переосмысления ранних работ, этот труд относится к новому этапу творческой биографии Иванова, а вместе с тем и к новому историко-культурному контексту — к культуре Русского зарубежья. В этом смысле книга Иванова близка трудам Н. А. Бердяева («Мирозерцание Достоевского» [Бердяев, 1923]), И. И. Лапшина («Метафизика Достоевского» [Лапшин, 1931]), С. И. Гессена («Трагедия зла» [Гессен, 1932]), С. Л. Франка («Достоевский и кризис гуманизма (к 50-летию дня смерти Достоевского» [Франк, 1931]) и др. Выразившийся в трудах Иванова о Достоевском сложный синтез философского и литературоведческого подходов объясняет то, почему его идеи оказались столь продуктивными. Рассуждая об этом, Г. М. Фридлендер писал: «<...> в работах о Достоевском В. И. Иванова содержатся зачатки едва ли не всего того, что было высказано наукой о Достоевском в XX веке учеными всего мира» [Фридлендер, 1994, с. 133].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Поставленная проблема — проблема подхода Иванова к женским образам романов Достоевского — рассматривается в первую очередь на материале названной выше книги «Достоевский: трагедия — миф — мистика» (1932). Привлекаются к анализу и ранние работы Иванова, его статьи, напечатанные в России. В целом эти работы «Вячеслава Великолепного», как, собственно, и сама научная проблема «Достоевский и Иванов», не остаются обделенными исследовательским вниманием, что не удивительно, ведь «Достоевский был как предшественником, так и неизменным духовным «спутником» — ключевой фигурой — во всей долгой жизни Иванова» [Шишкин, 2021, с. 41]. В историко-литературных работах проблема «Иванов и Достоевский» рассматривается с различных точек зрения. В работах XX века положено начало осмыслению вклада Иванова в становление науки о Достоевском [Фридлендер, 1994], и в статьях, опубликованных в XXI столетии, продолжено концептуальное исследование этого вопроса [Касаткина, 2007; Есаулов, 2012; Плюханова, 2021]. Обращаясь к контексту общего возрождения интереса к писателю в религиозно-философской критике Серебряного века, исследователи определяют, в чем состоит общность подходов к Достоевскому мыслителей этого времени [Келдыш, 2019], или, напротив, выявляют существенные отличия их интерпретаций [Богданова, 2018]. Внимание уделяется и специфике применяемой при анализе художественных произведений методологии Иванова [Bird, 2001; Terras, 1990; Махлин, 2016]: его подход характеризуют как мифокритику [Титаренко, 2012a], мифографику [Сегал-Рудник, 2021], символистскую герменевтику [Исупов, 2012], а также

обнаруживают в нем черты субъект-субъектного метода прочтения Достоевского [Подосокорский, 2023].

В последние годы работа «Достоевский: трагедия — миф — мистика» (1932) переживает новый всплеск исследовательского интереса, что, по-видимому, вызвано недавним академическим переизданием этой книги [Иванов, 2021], в которой Иванов «рассматривает творческую личность Достоевского в трех ипостасях — трагического поэта, мифотворца и религиозного мыслителя» [Каяниди, 2021, с. 137]. Одним из наиболее острых вопросов оказывается проблема адекватности предложенных Ивановым интерпретаций относительно художественных замыслов Достоевского [Кибальниченко, 2022]. Вместе с тем проблема интерпретации Ивановым отдельных персонажей романов Достоевского остается малоизученной, но она предстает одной из наиболее интересных и актуальных: ее анализ позволяет не только выявить специфику идей, связанных с тем или иным персонажем, но и уточнить методологические аспекты исследовательского проекта, представленного в книге «Достоевский: трагедия — миф — мистика».

Вопрос о характере истолкования отдельных образов романов писателя был поставлен в работе польского исследователя А. Дудека, который рассмотрел подход Иванова к героям романов «Преступление и наказание», «Бесы», «Идиот» и «Братья Карамазовы». В фокусе внимания Дудека была, главным образом, специфика трактовки Ивановым мужских персонажей, а не женских: Родиона Раскольникова, Николая Ставрогина, князя Мышкина, Ивана Карамазова, — и далее им было проведено сопоставление с подходом Д. С. Мережковского к этим героям [Дудек, 2012].

Одним из наиболее дискуссионных вопросов в рамках заявленной проблематики оказался вопрос о характере интерпретации Ивановым образа Марьи Тимофеевны, «Хромоножки» из романа Достоевского «Бесы». Работой Л. И. Сараскиной [Сараскина, 1984] была положена своего рода «традиция» переосмысления подхода к этому образу Иванова. Эта традиция продолжается и современными исследователями: О. А. Богдановой [Богданова, 2016] и С. А. Кибальниченко [Кибальниченко, 2022]. Представленные в книге и статьях Иванова трактовки других героинь Достоевского еще не были детально проанализированы в научной литературе. Между тем такого рода анализ подхода к женским образам оказывается интересен в нескольких отношениях: он, как отмечалось выше, позволит уточнить методологический инструментарий Вяч. Иванова, а также выявить отдельные аспекты его концепции творчества Достоевского в целом и, кроме того, сопоставить интерпретации героинь романов с философскими и мифопоэтическими представлениями Иванова о женском как таковом.

Методологический аппарат проведенного анализа определяется, с одной стороны, характером рассматриваемого материала, с другой стороны, поставленной исследовательской задачей. Одной из наиболее существенных черт книги Вяч. Иванова о Достоевском оказывается ее полиморфность, как структурная, так и содержательная. К. Г. Исупов, анализируя то, как в этой работе концептуализируются ключевые для истории литературы и философии имена (Данте Алигьери, И. В. Гете), понятия («мистерия», «катарсис») и проблемы («Церковь и культура», «судьба и ответственность»), отмечает сходство исследования Иванова с палимпсестом, когда читатель, выявивший один смысловой узел, сталкивается с необходимостью анализа целого ряда семантических узлов [Исупов, 2012, с. 50]. Именно поэтому анализ интерпретаций Ивановым отдельных женских образов предполагает герменевтическое перепрочтение текста книги и своего рода реконструкцию (поскольку в книге Иванова, не задававшегося целью проанализировать женские образы Достоевского специально, отдельные наблюдения над той или иной героиней содержатся в составе разных частей труда). К такому методу приходится прибегать и потому, что Иванов фокусировался, прежде всего, на выявлении того основания, на котором зиждется вся художественная конструкция романа, «основной миф», понимаемый мыслителем как «эпическое по форме, трагическое по внутреннему антиномизму — ядро, в коем изначально сосредоточена вся символическая энергия целого» [Иванов, 2021, с. 48]. То, насколько детально рассмотренным оказывается тот или иной персонаж, зависит от степени участия героя или героини в раскрытии «основного мифа». На этом же основании выстраивается и своего рода «иерархия» персонажей. Сквозным в творчестве Достоевского Иванов считал «миф о пленении души человека, души Земли-Матери и Вечно-Женственного начала» [Титаренко, 2012б, с. 51], и в его романах, по мысли Иванова, развиваются различные инварианты этого мифа. Так, мифопоэтическим основанием романа «Преступление и наказание» Иванов считал «бунт против Матери-Земли», а романов «Бесы» и «Идиот» — предательство Души мира, Вечной Женственности.

Несмотря на то, что Иванов не ставил перед собой задачи исследовать женские образы как таковые, его интерпретации этих образов, пусть зачастую и весьма лапидарные, оказываются чрезвычайно показательными хотя бы уже потому, что его подход сочетает целый ряд различных перспектив или «оптик», сквозь призму которых рассматриваются героини. В этой статье речь идет о перспективах, которые условно обозначим как «мифопоэтическая» и «функциональная» и, с другой стороны, «психологическая» и «духовная».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Мифопоэтический и функциональный аспекты в интерпретации Вяч. Ивановым женских образов Достоевского

При анализе романов Достоевского Иванов исследовал прежде всего то, как раскрывается в них «основной миф». Поэтому в книге о Достоевском рассматриваются не все героини, а только те, которые связаны с «символическим ядром» того или иного произведения непосредственно. Например, в рассуждениях о романе «Преступление и наказание» внимание Иванова сфокусировано на образах Алены Ивановны, «коллежской регистраторши и процентщицы» [Достоевский, т. 6, с. 51], и Сони Мармеладовой, а другие героини — Пульхерия Александровна, Авдотья Романовна и «вечно беременная» Елизавета — лишь упоминаются. Рассматривая роман «Бесы», Иванов из всех героинь остановился только на образе Марьи Тимофеевны, Хромоножки, которую считал главным женским персонажем романа, и только указал на монастырскую «старицу» и жену Шатова Marie. В размышлениях о романе «Идиот» фигурируют, прежде всего, образы Настасьи Филипповны и Аглаи.

«Символическим ядром» романа «Преступление и наказание» Иванов считал «бунт человека против Матери-Земли, гнев ее и усмирение гнева через искупление, ею истребованное и ей принесенное» [Иванов, 2021, с. 69]. И если в образе Раскольникова Иванов видел «бунтовщика», то с архетипом Матери-Земли он связывал образ Алены Ивановны, которую называл «хтоническим существом» [Там же]. Хотя Иванов считал ее в первую очередь жертвой, он не сводил ее роль исключительно к пассивной, а рассматривал ее и как активно действующую силу, как «из тьмы восстающую мстительницу», как «посланницу Матери-Земли» [Там же]. Осмысление мифопоэтической роли образа старухи-процентщицы позволило Иванову предположить, что этот образ восходит к образу старой графини из повести «Пиковая дама» А. С. Пушкина. Эту идею — идею о генетической связи между повестью Пушкина и романом «Преступление и наказание» — в статье «“Пиковая дама” в творчестве Достоевского» развивал и один из первых рецензентов книги Иванова А. Бем, известный исследователь Достоевского и организатор пражских семинаров по творчеству писателя [Бем, 1936]. В выдвинутой Ивановым концепции образ другой героини романа, Сони Мармеладовой, предстает связанным с примиряющим началом. Она рассматривается как «проводник», как героиня, благодаря участию которой становится возможным покаяние «бунтовщика» Раскольникова, его освобождение от иллюзии «самозамкнутости» [Иванов, 2021, с. 72] и воссоединение с миром. «Выздоровление приходит от Сони», — писал о ней Вяч. Иванов [Там же].

Образ Марьи Тимофеевны тоже предстает сопряженным с архетипом Матери-Земли. Однако если Алена Ивановна в мифопоэтическом плане представлена как одна из «сил» Земли, то связь Хромоножки с этим архетипом оказывается не только «посреднической», но и развертывающейся в символической перспективе, то есть более существенной, поскольку для Иванова понятие «символ» имеет онтологическое значение [Каприо, 2021]. Об этой героине Иванов писал, что она «не просто “медиум” Матери-Земли, но и символ ее» [Иванов, 2021, с. 57]. При этом если старуха-процентщица, по Иванову, представляет собой именно «хтоническое существо», то природа Хромоножки совершенно иная — она выступает земным воплощением Вечной Женственности, Души земли, которая «страдает от насильничества и засилья “бесов”». Благодаря идее о взаимосвязи Хромоножки с мифологемой «Вечной Женственности» Иванов высветил и историко-литературный прообраз героини: предшественницей Марьи Тимофеевны он считал Гретхен из «Фауста» Гете.

В функциональном плане образ Марьи Тимофеевны (как и образ Алены Ивановны) трактуется как сочетающий пассивное и активное начала. Эта внутренняя амбивалентность интерпретации заключается в том, что в ее рамках героиня предстает претерпевающей «насильничество» и в то же время способной к свободному волеизъявлению. Недаром Иванов особое внимание уделил эпизоду «узнавания» Марьей Тимофеевной в Ставрогине предателя, когда она прогоняет его, назвав «Гришкой Отрепьевым» [Достоевский, т. 10, с. 219].

К мифологеме Вечной Женственности Иванов возводил и образ главной героини романа «Идиот». Настасью Филипповну и Марью Тимофеевну роднит, по мысли Иванова, то, что обе ждут освободителя — «небесного посланца» — и обе оказываются преданы. При этом в историко-культурном плане обе соотносятся с мифологическими образами Андромеды и Эвридики: по Иванову, призвание Небесного посланца (воплотившегося в образах Ставрогина, князя Мышкина) заключается в том, что он «должен освободить Душу мира, лежащую в цепях злых чар: освободить от оков Андромеду, вывести из ада Эвридику или Алкесту, разбудить Спящую Красавицу» [Иванов, 2021, с. 85]. Однако в отличие от Хромоножки, природа которой рассматривалась как земная (неслучайно Иванов называл ее «землей одержимой» [Иванов, 2021, с. 57], а в письме Ф. Хёنشу аргументировал идею правомерности историко-литературной параллели между образами Гретхен и Марьи Тимофеевны тем, что обе героини — эманации Вечной Женственности именно в «аспекте Земли» [Иванов, 2021, с. 258]), Настасья Филипповна представлялась Иванову героиней, сопряженной с «Небом»: она отнесена к числу «нисходящих» героев, то есть таких, в которых пре-

обладает небесное духовное начало. (Заметим, что такое «пространственное» разделение героинь в рамках одной мифологемы соотносится с идущим от гностиков и подхваченным русскими философами представлением о том, что Душа мира, Вечная Женственность, может быть явлена как «София земная» и «София небесная»). Именно мифопоэтический аспект позволил Иванову объяснить логику невозможности союза Настасьи Филипповны с князем Мышкиным. Поскольку природа обоих «небесная», каждый из них может «соединиться» только с «земной», восходящей природой: «Любовь Мышкина, направленная к земле, требует личность, к ней устремленную, из земли рожденную, от земли восходящую, а не с неба нисходящую» [Иванов, 2021, с. 85]. При этом, как отмечено в комментарии к последнему изданию книги «Достоевский: трагедия — миф — мистика» понятия «нисхождения» и «восхождения» берут начало в мифологических представлениях древности, в древнегреческой мифологии, в платонизме и неоплатонизме, в гностических представлениях, в ветхозаветной и новозаветной традиции» [Иванов, 2021, с. 353]. Воплощением «земной» природы Иванов считал другую героиню романа «Идиот» — Аглаю.

Так, обращенность Иванова к мифопоэтической основе романов Достоевского инспирирует и его внимание к мифопоэтическим аспектам отдельных персонажей. В свою очередь, определение генезиса, «символического ядра» того или иного образа позволяет ему установить историко-культурные и историко-литературные параллели (например, сопоставить образ Алены Ивановны с образом старой графини из «Пиковой дамы» Пушкина или соотнести Хромоножку с Гретхен), а также, пусть и не детально, рассмотреть вопрос о том, какими функциями женские образы наделены в художественной системе произведений.

3.2. Психологические и духовные аспекты женских персонажей Ф. М. Достоевского в истолковании Вяч. Иванова

Еще две перспективы женских образов, к которым обращено внимание Иванова в связи с анализом мифопоэтической основы романов Достоевского, — это психологический и духовный аспекты. При этом герменевт не ставил перед собой задачи описать душевно-духовный склад героинь в целом, а обратил внимание только на те свойства, которые соответствуют мифопоэтическим функциям персонажей. Так, для того чтобы показать те внутренние особенности, которые позволяют Соне Мармеладовой способствовать духовному выздоровлению Раскольникова, Иванов рассмотрел вопрос о ее внутреннем мире и показал, что в ней парадоксальным образом сочетаются духовная высота и глубина греховности: «Спасающая убийцу, научившая его покаянию, кроткая сердцем Соня, ставшая протитуткой, чтобы спасти родителей, братьев и сестер от голодной смерти, —

тоже жертва за чужой грех, только, в отличие от Елизаветы, она сама — великая грешница, ибо она, хотя и для спасения других, всё же сознательно и самонадеянно принимает не только страдания, но и проклятие чужого злодеяния, беря его на себя» [Иванов, 2021, с. 73]. Иванов видел в Соне наивысшую степень духовной чистоты, едва ли не абсолютизированную: он назвал ее «кроткой сердцем» — словосочетанием, взятым из церковнославянского перевода Евангелия от Матфея. В Евангелие Господь Иисус Христос говорит о Себе: «ибо я кроток и смирен сердцем» (Мф. 11: 29—30). Конечно, Иванов не приводит прямой параллели между Соней Мармеладовой и Христом, но, назвав ее словами, характеризующими Господа, он отметил нетронутость божественной природы в ней, несмотря на то, что Иванов не снимал с этой героини духовной ответственности за взятое на себя «проклятие чужого греха». Еще заметим, что «кротость», о которой писал Иванов, не является синонимом пассивности, бездеятельности. Соня способна активно и сознательно воздействовать на другого. Неслучайно в рассуждении Иванова о влиянии героини на Раскольникова появляется глагол *требовать*: она «требует от любимого лишь одного: признания реальности человека и человечества вне себя и торжественного подтверждения этой новой и ему еще чуждой веры через акт покаяния перед всем народом» [Иванов, 2021, с. 72]. Представление о Соне как равносильной Раскольникову развивается и в современной литературе о романе «Преступление и наказание». Так, современная исследовательница отмечает, что линия взаимоотношений между Раскольниковым и Соней является центральной в романе и что эти отношения содержат в себе не только «близость» («affinity»), но и «борьбу» («struggle») [Filova, 2017, с. 100].

Психологическим и духовным аспектам образа Хромоножки Иванов уделит сравнительно меньше внимания, но о том, что особенности внутреннего мира этой героини не были совсем им проигнорированы, свидетельствуют ряд его отдельных наблюдений. В частности, это относится к его замечанию о знаменитом высказывании Марьи Тимофеевны из ее разговора с Шатовым: «Бог и природа есть всё одно» [Достоевский, т. 10, с. 116]. По Иванову, прагматика этого высказывания состоит не в сообщении ее смысла читателю и не в выражении *credo* Хромоножки, а в том, чтобы этой фразой указать на сущность героини, на ее особенную духовную связь с природой: «Ведь иначе поэт никак не мог бы намекнуть на то, что она чувствует себя единой с Природой, что Природа, как и она, ждет своего желанного небесного Жениха» [Иванов, 2021, с. 42]. К такому выводу Иванов пришел, основываясь на расхождении психологического склада героини и подлинного смысла этого пантеистического высказывания, он увидел в нем «наивное воспоминание о где-то случайно прочтенной или

подслушанной и, конечно, неверно понятой ученой фразе» [Там же]. При этом собственно характер связи Марьи Тимофеевны с природой отнесен не к психологической, душевной сфере, но к духовной. Недаром Иванов назвал героиню «прозорливицей»: «Прозорливица видит неосознанно христианскую мистерию в вечной литургии Природы» [Там же]. При этом в интерпретации Иванова духовная зоркость Хромоножки сочетается с ее душевной немощью (отсюда слово *неосознанно* в приведенном высказывании, а также определение *дурочка*, которое «Вячеслав Великолепный» использовал в качестве иносказательного обозначения героини). Как и в Соне Мармеладовой, в образе Марьи Тимофеевны Иванов тоже отмечал духовную двойственность: с одной стороны, рассуждал о ней как о «знающей Христа» и Божью Матерь, но в то же время и как о бунтующей против Бога. По мысли интерпретатора, хромота героини — свидетельство ее «тайной богоборческой вины» [Иванов, 2021, с. 58].

Как было отмечено, мифологема «Вечной Женственности» объединяет в рамках концепции Иванова Марию Тимофеевну и главную героиню романа «Идиот». И если внутренний мир Хромоножки рассматривается прежде всего в связи с ее отношением к архетипу «Матери-Земли» (отсюда же и особый интерес мыслителя к проблеме отношений героини с природой), то душевные и духовные свойства образа Настасьи Филипповны определяются представлением о ней как о героине «небесной» сущности. О том, что противопоставление Настасьи Филипповны и Аглаи, другой героини романа «Идиот», основано именно на контрасте их природ, свидетельствуют, по Иванову, уже значения имен героинь. Недаром он, пусть и вскользь, акцентировал внимание на ономастической символической. Об имени Настасьи Филипповны он писал, рассуждая о взаимосвязи Рогожина и Мышкина: «<...> оба различают метафизический лик Настасьи Филипповны (Ἀνάστασις — воскресение)» [Иванов, 2021, с. 90]. На символическое значение имени главной героини указывают и современные исследователи романа «Идиот» [Касаткина, 2021, с. 19; Harrison, с. 397]. Об имени Аглая Иванов упомянул в связи с осмыслением характера взаимоотношений между Настасьей Филипповной, Аглаей и князем Мышкиным: «У Настасьи Филипповны имеется соперница: в роскошной телесности расцветающая Аглая, то есть “празднично красующаяся”. Ее земная красота должна его притягивать так, как, по его же словам, пленяет и зовет его “праздник” жизни на земле <...>» [Иванов, 2021, с. 86].

Для того чтобы более детально изучить духовный мир Настасьи Филипповны, Иванов в качестве аналитического инструмента использовал оппозицию «внешнее» и «внутреннее». Он показал, что внешняя жизнь героини и прописанная Достоевским линия ее поведения не являются непо-

средственным проявлением ее душевно-духовных переживаний: «В сущности, она, под личиной надменности, которую держит перед миром, как щит, глубоко смиренна» [Там же, с. 88]. К «внешнему» в интерпретации Иванова отнесены даже психологические переживания героини. Он назвал их словосочетанием «верхние пласты души», имея в виду сферу, в которой совмещаются эмоции: «обида и возмущение, упрямство и стыд, презрение к людям, ненависть к состраданию и даже ревность» [Там же]. Появление такого рода страстных переживаний, а также демонстративно-нервное и противоречивое поведение этой героини Иванов рассматривал как опосредованное следствие произошедшей с ней внутренней, духовной катастрофы: «Ее мнимая надменность, расчетливо вызывающее поведение, ее самоистязание притворным бесстыдством, — всё это не что иное, как маска, за которой она пытается скрыть свое отчаяние от несостоявшегося спасения и искупления» [Там же]. Иванов считал, что центром внутренней жизни Настасьи Филипповны было ожидание «небесного посланца» — князя Мышкина, и поэтому истинные переживания героини мыслитель характеризовал как «ее сокровенные истинные чувства, рождающиеся из пронизательного созерцания мистерии встречи с Мышкиным» [Иванов, 2021, с. 65]. Так, пример интерпретации образа Настасьи Филипповны показателен не только с точки зрения методологического инструментария Иванова (дихотомия «внешнее» / «внутреннее»), но и в перспективе его представлений о структуре художественного образа, который рассматривается как синтез внешних проявлений, душевных переживаний и духовных движений.

4. Заключение = Conclusions

Предпринятая реконструкция подхода Вяч. Иванова к женским образам романов Достоевского, таким как Соня Мармеладова, Марья Тимофеевна Лебядкина и Настасья Филипповна, позволяет ответить на вопрос о характере выдвинутой им интерпретативной стратегии, реализованной им при анализе отдельных персонажей. Так, сфокусировавшись прежде всего на мифопоэтических аспектах того или иного женского образа, Иванов вынужден был обратиться и к историко-литературным сопоставлениям, а также очертить психологические и духовные свойства героинь. Без сомнения, книга написана «мифологизирующим» языком, в духе религиозно-философских размышлений, характерных и для статей о Достоевском, создававшихся в эпоху Серебряного века. В то же время исследовательские принципы Иванова предстают методологически восходящими к школе «исторической поэтики» и теоретическим трудам А. Н. Веселовского, особый интерес к которому «Вячеслав Великолепный», как показы-

вает К. Ю. Лаппо-Данилевский, проявлял в 1920-е годы — в тот период, когда он читал лекции по истории литературы в Бакинском университете [Лаппо-Данилевский, 2011]. Это сближает его книгу «Достоевский: трагедия — миф — мистика» с историко-литературными трудами, возникшими в эмигрантской среде филологов, профессиональных исследователей русской литературы. В книге Иванова заостряется историко-литературная оптика, его филологический взгляд на романы писателя, и потому можно говорить о том, что по историко-культурному контексту этот труд чрезвычайно близок и литературоведческим работам таких писавших о Достоевском в эмиграции и развивавших принципы школы исторической поэтики литературоведов, как А. Л. Бем, П. М. Бицилли Р. Плетнев [О Достоевском..., т. 1, 2, 3].

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. Бем А. Л. «Пиковая Дама» в творчестве Достоевского / А. Л. Бем // У истоков творчества Достоевского. — Прага : Русский путь, 1936. — С. 46—62. — ISBN 978-5-85887-207-8.
2. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского / Н. А. Бердяев. — Прага : The YMCA PRESS Ltd., 1923. — 238 с.
3. Богданова О. А. Спор о Хромоножке : литература — театр — литература / О. А. Богданова // Вопросы литературы. — 2016. — № 5. — С. 191—213.
4. Богданова О. А. Вячеслав Иванов : у истоков науки о Достоевском / О. А. Богданова // Вячеслав Иванов : исследования и материалы. — Москва : ИМЛИ РАН, 2018. — Выпуск 3. — С. 76—95.
5. Булгаков С. Н. Русская трагедия. О «Бесах» Ф. М. Достоевского, в связи с инсценировкой романа в московском Художественном театре / С. Н. Булгаков // Русская мысль. — 1914. — Год тридцать пятый. Книга IV. — С. 1—26.
6. Гессен С. И. Трагедия зла (философский образ Ставрогина) / С. И. Гессен // Путь. — 1932. — № 36. — С. 44—74.
7. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / Ф. М. Достоевский. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1972—1990.
8. Дудек А. Герои Ф. М. Достоевского в интерпретациях Вяч. Иванова и Д. С. Мережковского / А. Дудек // Ф. М. Достоевский и культура Серебряного века : Традиции, трактовки, трансформации. К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского. — Москва : Водолей, 2012. — С. 132—146.
9. Есаулов И. А. Что не сказано М. Бахтиным о Ф. М. Достоевском, но сказано Серебряным веком / И. А. Есаулов // Ф. М. Достоевский и культура Серебряного века : Традиции, трактовки, трансформации. К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского. — Москва : Водолей, 2012. — С. 571—589. — ISBN 978-5-91763-128-8.
10. Иванов В. И. Достоевский. Трагедия — миф — мистика / В. И. Иванов. — Санкт-Петербург : Пушкинский Дом, 2021. — 476 с.

11. *Исупов К. Г.* Герменевтика Вяч. Иванова / К. Г. Исупов // Символизм и герменевтика. — Siedlce : Stow. Tutajteraz : Inst. filologii polskiej i lingwistyki stosowanej UPH, 2012. — С. 47—98. — ISBN 978-83-63307-52-3.
12. *Каприо С.* Символ и реальность у Вячеслава Иванова / С. Каприо // Вестник РГГУ Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». — 2021. — № 1. — С. 10—21. — DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-10-21.
13. *Касаткина Т. А.* Феномен Ф. М. Достоевский и рубеж XIX—XX веков / Т. А. Касаткина // Достоевский и XX век. В 2-х томах. — Москва : ИМЛИ РАН, 2007. — Т. 1. — С. 143—199.
14. *Касаткина Т. А.* Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» : о высшей и низшей природе человека / Т. А. Касаткина // Христианское чтение. — 2021. — № 4. — С. 14—30. — DOI: 10.47132/1814-5574_2021_4_14.
15. *Каяниди Л. Г.* Три Ипостаси Достоевского. Достоевский. Трагедия — Миф — Мистика / Л. Г. Каяниди // Соловьевские исследования. — 2021. — № 4 (72). — С. 135—146. — DOI: 10.17588/2076-9210.2021.4.135-146.
16. *Келдыш В. А.* Наследие Ф. М. Достоевского в философской и литературно-критической мысли Серебряного века русской литературы / В. А. Келдыш. — Москва : ИМЛИ РАН, 2019. — 280 с. — ISBN 9785920806093.
17. *Кибальниченко С. А.* Новый Эсхил : миф о Достоевском в философской прозе Вячеслава Иванова / С. А. Кибальниченко // Русско-Византийский вестник. — 2022. — № 3 (10). — С. 58—79. — DOI: 10.47132/2588-0276_2022_3_58.
18. *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Труды А. Н. Веселовского и бакинские лекции Вяч. Иванова по поэтике / К. Ю. Лаппо-Данилевский // Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия. Исследования и материалы. — Санкт-Петербург : Наука, 2011. — С. 96—110.
19. *Лапшин И. И.* Метафизика Достоевского / И. И. Лапшин // Воля России. — 1931. — № I/II. — С. 59—84.
20. *Махлин В.* «Ты еси» : Достоевский между Вяч. Ивановым и М. М. Бахтиным / В. Махлин // Вяч. Иванов : pro et contra, антология. — Санкт-Петербург : ЦСО, 2016. — Т. 2. — С. 50—76. — ISBN 978-5-88812-725-4.
21. *Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский / Д. С. Мережковский. — Москва : Наука, 2000. — 589 с.
22. *О Достоевском* : сборник статей. В 3 т. / А. Л. Бем. — Прага : Legiografie, 1929—1936.
23. *Плюханова М. Б.* Труды Вячеслава Иванова о Достоевском : эволюция основного мифа / М. Б. Плюханова // Загадка модернизма : Вячеслав Иванов : Материалы XI Международной Ивановской конференции «Viacheslav Ivanov : the Enigma of Modernism». — Москва : Водолей, 2021. — С. 179—198. — ISBN 9785917635552.
24. *Подосокорский Н. Н.* Вячеслав Иванов — исследователь Ф. М. Достоевского / Н. Н. Подосокорский // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. — 2023. — № 3 (23). — С. 233—246. — DOI: 10.22455/2619-0311-2023-3-233-246.
25. *Сараскина Л. И.* «Противоречия вместе живут...» (Хромоножка в «Бесах» Достоевского) / Л. И. Сараскина // Вопросы литературы. — 1984. — № 11. — С. 151—176.
26. *Сегал-Рудник Н.* Достоевский в мифологии и онтологии Вяч. Иванова / Н. Сегал-Рудник // Загадка модернизма : Вячеслав Иванов : Материалы XI Международной Ивановской конференции «Viacheslav Ivanov : the Enigma of Modernism». — Москва : Водолей, 2021. — С. 124—178. — ISBN 978-5-91763-555-2.

27. Титаренко С. Д. Мифокритика Вяч. Иванова как метаязык описания творчества Ф. М. Достоевского / С. Д. Титаренко // Ф. М. Достоевский и культура Серебряного века : Традиции, трактовки, трансформации. К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского. — Москва : Водолей, 2012а. — С. 194—207.

28. Титаренко С. Д. «Основной миф» Ф. М. Достоевского в интерпретации Вячеслава Иванова / С. Д. Титаренко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2012б. — № 1. — С. 47—55.

29. Франк С. Л. Достоевский и кризис гуманизма (к 50-летию дня смерти Достоевского) / С. Л. Франк // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881—1931 годов. — Москва : Книга, 1990. — С. 391—397.

30. Фридлендер Г. М. Достоевский и Вячеслав Иванов / Г. М. Фридлендер // Достоевский. Материалы и исследования. К восьмидесятилетию академика Г. М. Фридлендера. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — С. 132—144.

31. Шестов Л. И. Достоевский и Ницше / Л. И. Шестов. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1903 — 245 с. — ISBN 978-5-902767-96-1.

32. Шишкин А. Б. Вячеслав Иванов и открытие Достоевского в XX веке / А. Б. Шишкин // Acta Eruditorum. — 2021. — Выпуск 38. — С. 40—46. — DOI: 10.25991/AE.2021.3.38.001.

33. Bird R. Understanding Dostoevsky : A Comparison of Russian Hermeneutic Theories / R. Bird // Dostoevsky Studies. New Series. — 2001. — Vol. V. — Pp. 129—146.

34. Filova S. Sonya Marmeladova — Paradox of Female Power? / S. Filova // Mundo Eslavo. — 2017. — № 16. — Pp. 99—105.

35. Harrison L. The Numinous Experience of Ego Transcendence in Dostoevsky / L. Harrison // The Slavic and East European Journal. — 2013. — Vol. 57. — № 3. — Pp. 388—402.

36. Kliger I. Dostoevsky and the Novel-Tragedy : Genre and Modernity in Ivanov, Pumpyansky, and Bakhtin / I. Kliger // PMLA. — 2011. — Vol. 126. — № 1. — Pp. 73—87.

37. Terras V. The Metaphysics of the Novel-Tragedy : Dostoevsky and Viacheslav Ivanov / V. Terras // Russianness : an examination of Russia and the West : in memory of Rufus Wellington Mathewion, 1918—1978. — Michigan : Ann Arbor, 1990. — Pp. 153—166.

Статья поступила в редакцию 14.03.2024,
одобрена после рецензирования 29.04.2024,
подготовлена к публикации 15.05.2024.

References

- About Dostoevsky: a collection of articles. In 3 volumes.* (1929—1936). Prague: Legigrafie. (In Russ.).
- Berdyayev, N. A. (1923). *Dostoevsky's Worldview*. Prague: The YMCA PRESS Ltd. 238 p. (In Russ.).
- Bird, R. (2001). Understanding Dostoevsky: A Comparison of Russian Hermeneutic Theories. *Dostoevsky Studies. New Series, V*: 129—146.
- Boehm, A. L. (1936). "The Queen of Spades" in the work of Dostoevsky. In: *At the origins of Dostoevsky's work*. Prague: The Russian Way. 46—62. ISBN 978-5-85887-207-8. (In Russ.).
- Bogdanova, O. A. (2016). The dispute about the Limp: literature — theater — literature. *Questions of literature, 5*: 191—213. (In Russ.).
- Bogdanova, O. A. (2018). Vyacheslav Ivanov: at the origins of the science of Dostoevsky. In: *Viacheslav Ivanov: research and materials, 3*. Moscow: IMLI RAS. 76—95. (In Russ.).

- Bulgakov, S. N. (1914). Russian tragedy. About F. M. Dostoevsky's "Demons", in connection with the staging of the novel at the Moscow Art Theater. *Russian Thought. The year is thirty-fifth, IV*: 1—26. (In Russ.).
- Caprio, S. (2021). Symbol and reality in Vyacheslav Ivanov. *Bulletin of the Russian State University Series "Philosophy. Sociology. Art criticism"*, 1: 10—21. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-10-21. (In Russ.).
- Dostoevsky, F. M. (1972—1990). *The complete works in thirty volumes*. Leningrad: Nauka. Leningrad Branch. (In Russ.).
- Dudek, A. F. (2012). M. Dostoevsky's heroes in the interpretations of Vyach. Ivanov and D. S. Merezhkovsky. In: *F. M. Dostoevsky and the Culture of the Silver Age: Traditions, interpretations, transformations. To the 190th anniversary of his birth and to the 130th anniversary of the death of F. M. Dostoevsky*. Moscow: Aquarius. 132—146. (In Russ.).
- Filova, S. (2017). Sonya Marmeladova — Paradox of Female Power? *Mundo Eslavo*, 16: 99—105.
- Frank, S. L. (1990). Dostoevsky and the crisis of humanism (on the 50th anniversary of Dostoevsky's death). In: *About Dostoevsky. Dostoevsky's work in Russian Thought in 1881—1931*. Moscow: The book. 391—397. (In Russ.).
- Friedlander, G. M. (1994). Dostoevsky and Vyacheslav Ivanov. In: *Dostoevsky. Materials and research. On the eightieth anniversary of Academician G. M. Friedlander*. St. Petersburg: Nauka. 132—144. (In Russ.).
- Gessen, S. I. (1932). The tragedy of evil (the philosophical image of Stavrogin). *Path*, 36: 44—74. (In Russ.).
- Harrison, L. (2013). The Numinous Experience of Ego Transcendence in Dostoevsky. *The Slavic and East European Journal*, 57 (3): 388—402.
- Isupov, K. G. (2012). Hermeneutics of Vyach. Ivanova. In: *Symbolism and hermeneutics*. Siedlce: Stow. Tutajteraz: Inst. filologii polskiej i lingwistyki stosowanej UPH. 47—98. ISBN 978-83-63307-52-3. (In Russ.).
- Ivanov, V. I. (2021). *Dostoevsky. Tragedy — myth — mysticism*. St. Petersburg: Pushkin House. 476 p. (In Russ.).
- Kasatkina, T. A. (2021). Dostoevsky's novel "The Idiot": on the higher and lower nature of man. *Christian reading*, 4: 14—30. DOI: 10.47132/1814-5574_2021_4_14. (In Russ.).
- Kasatkina, T. A. (2007). The phenomenon of F. M. Dostoevsky and the turn of the XIX—XX centuries. In: *Dostoevsky and the XX century. In 2 volumes, 1*. Moscow: IMLI RAS. 143—199. (In Russ.).
- Kayanidi, L. G. (2021). Three Hypostases of Dostoevsky. *Dostoevsky. Tragedy — Myth — Mysticism. Solovyov studies*, 4 (72): 135—146. DOI: 10.17588/2076-9210.2021.4.135-146. (In Russ.).
- Keldysh, V. A. (2019). *The legacy of F. M. Dostoevsky in philosophical and literary-critical thought of the Silver Age of Russian literature*. Moscow: IMLI RAS. 280 p. ISBN 9785920806093. (In Russ.).
- Kibalnichenko, S. A. (2022). The New Aeschylus: the myth of Dostoevsky in the philosophical prose of Vyacheslav Ivanov. *Russian-Byzantine Bulletin*, 3 (10): 58—79. DOI: 10.47132/2588-0276_2022_3_58. (In Russ.).
- Kliger, I. (2011). Dostoevsky and the Novel-Tragedy: Genre and Modernity in Ivanov, Pumpiansky, and Bakhtin. *PMLA*, 126 (1): 73—87.
- Lappo-Danilevsky, K. Yu. (2011). The works of A. N. Veselovsky and the Baku lectures of Vyach. Ivanova on poetics. In: *Alexander Veselovsky. Current aspects of heritage. Research and materials*. St. Petersburg: Nauka. 96—110. (In Russ.).

- Lapshin, I. I. (1931). Dostoevsky's Metaphysics. *Volya Rossii, I/II*: 59—84. (In Russ.).
- Makhlin, V. (2016). "You are": Dostoevsky between Vyach. Ivanov and M. M. Bakhtin. In: *Vyach. Ivanov: pro et contra, an anthology*, 2. St. Petersburg: CSO. 50—76. ISBN 978-5-88812-725-4. (In Russ.).
- Merezhkovsky, D. S. (2000). *L. Tolstoy and Dostoevsky*. Moscow: Nauka. 589 p. (In Russ.).
- Plyukhanova, M. B. (2021). Vyacheslav Ivanov's Writings on Dostoevsky: the evolution of the basic myth. In: *The Riddle of Modernism: Vyacheslav Ivanov: Materials of the XI International Ivanovo Conference "Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism"*. Moscow: Aquarius. 179—198. ISBN 9785917635552. (In Russ.).
- Podosokorsky, N. N. (2023). Vyacheslav Ivanov — researcher of F. M. Dostoevsky. *Dostoevsky and world culture. Philological Journal*, 3 (23): 233—246. DOI: 10.22455/2619-0311-2023-3-233-246. (In Russ.).
- Saraskina, L. I. (1984). "Contradictions live together..." (A limp in Dostoevsky's "Demons"). *Questions of literature*, 11: 151—176. (In Russ.).
- Segal-Rudnik, N. (2021). Dostoevsky in mythology and ontology of Vyach. Ivanova. In: *The Riddle of Modernism: Vyacheslav Ivanov: Proceedings of the XI International Ivanovo Conference "Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism"*. Moscow: Aquarius. 124—178. ISBN 978-5-91763-555-2. (In Russ.).
- Shestov, L. I. (1903). *Dostoevsky and Nietzsche*. St. Petersburg: Academic Project. 245 p. ISBN 978-5-902767-96-1. (In Russ.).
- Shishkin, A. B. (2021). Vyacheslav Ivanov and the discovery of Dostoevsky in the twentieth century. *Acta Eruditorum*, 38: 40—46. DOI: 10.25991/AE.2021.3.38.001. (In Russ.).
- Terras, V. (1990). The Metaphysics of the Novel-Tragedy: Dostoevsky and Viacheslav Ivanov. In: *Russianness: an examination of Russia and the West: in memory of Rufus Wellington Mathewion, 1918—1978*. Michigan: Ann Arbor. 153—166.
- Titarenko, S. D. (a). (2012a). Mythocriticism of Vyach. Ivanova as a metalanguage describing the work of F. M. Dostoevsky. In: *F. M. Dostoevsky and the Culture of the Silver Age*. Moscow: Aquarius. 194—207. (In Russ.).
- Titarenko, S. D. (b). (2012b). "The Main myth" by F. M. Dostoevsky in the interpretation of Vyacheslav Ivanov. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*, 1: 47—55. (In Russ.).
- Yesaulov, I. A. (2012). What M. Bakhtin did not say about F. M. Dostoevsky, but was said by the Silver Age. In: *F. M. Dostoevsky and the culture of the Silver Age: Traditions, interpretations, transformations. To the 190th anniversary of his birth and to the 130th anniversary of the death of F. M. Dostoevsky*. Moscow: Aquarius. 571—589. ISBN 978-5-91763-128-8. (In Russ.).

*The article was submitted 14.03.2024;
approved after reviewing 29.04.2024;
accepted for publication 15.05.2024.*

Информация для цитирования:

Богданова О. В. Религиозные мотивы в советской прозе М. Шолохова (рассказ «Семейный человек») / О. В. Богданова, Т. Н. Баранова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 189—206. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-189-206.

Bogdanova, O. V., Baranova, T. N. (2024). Religious Motifs in Soviet Prose by M. Sholokhov (Story “Family Man”). *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 189-206. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-189-206. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Религиозные мотивы в советской прозе М. Шолохова (рассказ «Семейный человек»)

Богданова Ольга Владимировна¹

orcid.org/0000-0001-6007-7657

доктор филологических наук,
профессор,

Научно-исследовательский
гуманитарный центр «Слово»,
корреспондирующий автор
olgabogdanova03@mail.ru

Баранова Татьяна Николаевна²

orcid.org/0000-0003-0516-2773

соискатель,
кафедра русской литературы
bysinka27@mail.ru

¹Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия)

²Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-01007 (Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского)

Religious Motifs in Soviet Prose by M. Sholokhov (Story “Family Man”)

Olga V. Bogdanova¹

orcid.org/0000-0001-6007-7657

Doctor of Philology, Professor,
Researcher Humanitarian
Research Center “Slovo”,

Corresponding author
olgabogdanova03@mail.ru

Tatyana N. Baranova²

orcid.org/0000-0003-0506-2773

degree seeker,
Department of Russian Literature
bysinka27@mail.ru

¹Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky (St. Petersburg, Russia)

²The Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science Foundation, project number 23-18-01007 (Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предлагается новая интерпретация рассказа Михаила Шолохова «Семейный человек» из сборника рассказов «Лазоревая степь» («Донские рассказы»). Традиционно образ центрального персонажа — казака-паромщика Микишары — трактовался как образ героя-грешника, преступника, сыноубийцы. Однако автор статьи рассматривает образ ведущего персонажа в свете библейских мотивов и параллелей. Показано, что ночная исповедь старого паромщика пронизана аллюзиями к сакральному библейскому тексту и, в частности, непосредственно к образу Бога-Отца, пославшего на смерть собственного Сына. Образ отца-казака выстраивается писателем в проекции к священному образу Отца-Духа и в подобном сопоставлении эксплицирует новые семантические маркеры характера героя. Темпоральная константа исповедального рассказа — Пасха — дополняется у Шолохова образами-мотивами голубя, души, вербы, реки, рыбы и др. Тем самым формируется не затрагивавшийся ранее в критике смысловой пласт произведения, в контексте которого начинают проступать новые слагаемые мотивной системы: не грех и вина, но беда и жертвенность, мучения и страдания, с которыми в условиях страшной братоубийственной гражданской войны столкнулся казак-отец. В ходе анализа продемонстрировано, как поэтологические компоненты рассказа (название, смена названия, композиция «рассказ в рассказе», сюжетная динамика и нарративные паузы, символизированный пейзаж, приемы портретирования и др.) ориентированы писателем на авторские оценочные смыслы.

Ключевые слова:

Михаил Шолохов; *Семейный человек*; религиозные мотивы; авторская аксиология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A new interpretation of Mikhail Sholokhov's story "Family Man" from the collection of stories "Lazorevaya Step" ("Don Stories") is proposed. Traditionally, the image of the central character — the Cossack ferryman Mikishara — has been interpreted as a portrayal of a sinful hero, a criminal, a patricide. However, the author of the article considers the leading character's image in light of biblical motifs and parallels. It is demonstrated that the old ferryman's night confession is permeated with allusions to sacred biblical texts, specifically to the image of God the Father who sent his own Son to death. The image of the Cossack father is constructed by the writer in projection to the sacred image of the Father-Spirit, and in this comparison, new semantic markers of the character's nature are explicitly revealed. The temporal constant of the confessional narrative — Easter — is supplemented by Sholokhov with motifs such as dove, soul, willow, river, fish, and others. Thus, an unexplored layer of meaning in the work emerges in which new components of the motif system begin to appear: not sin and guilt, but misfortune and sacrificialness, torment and suffering that the Cossack-father faced in the conditions of a terrible fratricidal civil war. The analysis demonstrates how the poetological components of the story (title, change of title, composition "story within a story", plot dynamics and narrative pauses, symbolized landscape, portraiture techniques, etc.) are oriented by the writer towards authorial evaluative meanings.

Key words:

Mikhail Sholokhov; *Family Man*; religious motifs; authorial axiology.

УДК 821.161.1Шолохов.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-189-206

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

5.9.3. Теория литературы

Религиозные мотивы в советской прозе М. Шолохова (рассказ «Семейный человек»)

© Богданова О. В., Баранова Т. Н., 2024

1. Введение = Introduction

Историческая дистанция, возникающая сегодня в отношении к классическим образцам литературы социалистического реализма, заставляет вновь обращаться к тем произведениям, которые, казалось, давно и хорошо отрефлексированы критикой. Изменяющиеся историческая ситуация и социальная атмосфера требуют ревизии устоявшихся в науке представлений о произведениях таких писателей, как М. Горький, А. Серафимович, А. Фадеев, Н. Островский, А. Твардовский, Л. Леонов и др. В этом ряду оказывается и имя Михаила Шолохова, писателя неоднозначного, сложного, противоречивого, чьи произведения, как можно представить, далеко не всегда были интерпретированы советской критикой согласно имплицитированной (или показательно эксплицированной) авторской позиции [Глушков, 1997, 2000; Ермолаев, 2000; Дырдин, 2009]. Новая историческая ситуация подводит исследователей к пересмотру «хрестоматийных» текстов Шолохова с целью их объективно верной интерпретации и глубинного понимания. Очевидно, что самому серьезному анализу должны быть подвергнуты романы Шолохова «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за Родину». Между тем и ранние «Донские рассказы», как показывает прочтение, содержат в себе множество сложных аналитических ракурсов и неожиданных нарративных поворотов, см. об этом: [Семенова, 2003; Комирная, 2005; Олина, 2005; Муравьева, 2007; Крылова, 2013; Бакалова, 2015; Абашева, 2016]. В качестве материала для анализа обратимся к рассказу «Семейный человек», достаточно известному критике и читателям, но, как правило, не оказывающемуся в центре научного рассмотрения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Рассказ «Семейный человек» был написан в 1925 году. Впервые опубликован тогда же в журнале «Прожектор» (Прожектор. 1925. № 11.

15 июня). С другим названием — «Красногвардейцы» — вышел отдельным изданием в том же 1925 году [Шолохов, 1925]. Позже вновь под названием «Семейный человек» входил в состав сборников «Лазоревая степь» [Шолохов, 1926], «Донские рассказы» [Шолохов, 1929]. В последующие годы в составе этих и других сборников переиздавался многократно.

Что касается критического осмысления рассказа «Семейный человек», то специальному рассмотрению и исследовательской аналитике текст не подвергался: о нем упоминали лишь в общих обзорах, обобщенные аксиологические ракурсы всего сборника «Донские рассказы» проецировались и на него [Семенова, 2003; Маслова, 2007; Муравьева, 2007].

В целом отношение к «Донским рассказам» как в ранней, так и в поздней советской критике было выверенным и идеологически скорректированным, в основном — достаточно прямолинейным [Шолоховская энциклопедия ..., 2012]. Особенность советской партийной критики требовала репрезентации «Донских рассказов» как явления *советской* литературы, следовательно, пронизанных идеалами и устремлениями убежденного борца (автора) за советскую власть и советскую государственность. Можно предположить, что и смена названия «Семейный человек» → «Красногвардейцы» была обусловлена целевым намерением скорректировать акценты неоднозначного рассказа, хотя, как видно, не вполне убедительно, так как первоначальное название вскоре было возвращено. Однако, оставаясь в рамках переиздаваемого сборника, рассказ «Семейный человек» неизменно «опускался» критиками из аналитических разборов, не удостоивался детального текстуального анализа. Идеиная установка сборника, а следовательно, и рассказа определялась в самой общей партийной аксиологии: «Все, кто борется за правое дело, за революцию, за счастье народа, согреты теплом большого шолоховского сердца <...> Все рассказы пронизаны верой в сильного, волевого, мужественного героя, стойкого в борьбе и преодолении препятствий» [Петелин, 2012]. По словам В. Петелина, герои «Донских рассказов» отличаются «прежде всего своими человеческими свойствами <...> своей устремленностью в будущее, страстным желанием учиться, добротой, смелостью, мужеством, неповторимостью всего своего облика» [Петелин, 2012]. Авторитетные критики советского времени уверенно и единодушно квалифицировали шолоховские «Донские рассказы» как служащие делу победы социализма в молодой советской стране.

На этом фоне аксиология обобщенной (или поверхностной) проблематики рассказа «Семейный человек» расхождений у советской критики не вызывала. Без текстуальной аналитики вина центрального героя рассказа Микишары признавалась неоспоримой, грех неискупимым, социаль-

ная принадлежность к казачеству, восставшему против советской власти, только усугубляла тяжесть преступлений персонажа.

Обратим внимание, что и сегодня современные исследователи воспринимают текст «Семейного человека» в весьма сходном ракурсе. Так, на сайте для школьников и учителей «Открытый урок. Первое сентября» демонстрируется презентация сопоставительного анализа шолоховских рассказов «Родинка» и «Семейный человек». Относительно образа Микишары методист М. И. Бондарева задается вопросами и предлагает на них ответы:

«— Почему он убивает Данилку? Жалко ему сына? (Да. Рассказывая, переживает. <...> Но переживает больше за себя. Ведь “понял я тут: ежели не вдарю его, то убьют меня свои же хуторные, останутся малые дети горькими сиротами...”)

— Какую награду получил Микишара за убийство своего сына? (“Меня за это дело в старшие урядники произвели”)

— Какие чувства вызвало у Микишары убийство второго сына? (“... косые глаза глядели жестко и нераскаянно... Ежели б пустил я тебя — меня б убили казаки, дети по миру пошли бы христарадничать...”) <...>

— Как относится повествователь к Микишаре? (Повествователь отвергает “арифметику” Микишары. <...> у Микишары нет раскаяния, ибо нет осознания греха. Герой делает свой выбор, опираясь на рассудок, подходя к человеческим жизням с количественными измерениями, отринув Бога, презрев христианскую заповедь любви к ближнему, заглушив голос своего сердца)» [Бондарева, 2021].

Кажется, методист вполне убедительно доказывает свои суждения — заметим, точным цитированием текста. Между тем, на наш взгляд, вопреки приведенным цитатам, позиция автора и трактовка образа центрального героя осмыслены вне связи с шолоховским замыслом. Попробуем предложить и доказать иную точку зрения, соответствующую, по нашим представлениям, глубинной интенции автора.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Особенности сюжетно-композиционного построения рассказа

Смена названия рассказа «Семейный человек» на «Красногвардейцы», а затем возврат к исходному заставляют остановиться прежде всего на заголовочном комплексе текста. Очевидно, что определение системы персонажей как *красногвардейцы* даже в самом отдаленном плане не выдерживало критики и отступало от событийной канвы рассказа. Первоначальное (и теперь каноническое) название свидетельствовало, что Шолохов привлекал образ *семейного* человека и его судьба в условиях Граждан-

ской войны. Возвращение к первоначальному заголовку актуализировало не столько изображение событий в стане белогвардейцев-казаков, сколько нивелировку политической и социальной характеристики (принадлежности) персонажей: образ *семейного человека* размещался писателем вне рамок политической борьбы и идейного противостояния. Название акцентировало «мирный» оттенок центрального образа, усиливая представление о несущественности для автора цвета гражданского противостояния. «Колебания» в названии рассказа становились свидетельством того, что в подобной ситуации мог оказаться любой семейный человек, представитель одной или другой из борющихся сторон. Нейтрально-обобщающий характер утвердившегося заголовка закреплял универсальность судьбы главного героя.

Композиционное построение рассказа «Семейный человек» характерно для прозы зрелого Шолохова. Текст построен по принципу «рассказ в рассказе», когда событийное ядро наррации опоясано присутствием «другого» героя, свидетеля и слушателя истории, которую рассказывает пожилой казак, ныне паромщик Микишара. В литературе подобный прием, как правило, эксплуатируется в случае необходимости появления объективного и непредвзятого персонажа-очевидца, которому доверяется оценка воссозданных в наррации событий, см. подробнее: [Борев, 2003, с. 454]. В «Семейном человеке» к подобной функции приема добавляется дополнительная — структурная, сюжетотворческая функция. Застигнутые разбушевавшейся водной стихией и вынужденные ночевать на берегу реки вдвоем, герои вступают в ситуативный и ничего не значащий разговор, который неожиданным (но подготовленным автором) образом перетекает в ночную исповедь центрального персонажа. Микишара рассказывает незнакомцу историю своей жизни — доверяет постороннему историю убийства во время гражданской войны двоих сыновей и отношения к нему повзрослевшей дочери Натальи и хуторян. Композиционно опоясывающий текст *диалог* вытесняется *монологом*, речевые апелляции рассказчика (вопросы, обращения) к слушателю заставляют держать во внимании присутствие «другого». История героя Микишары обретает стереоскопию — личностная позиция персонажа инспектируется ее восприятием со стороны.

Сюжетным импульсом к драматически насыщенному монологу героя-паромщика служат необязательные случайные сведения о том, что появившийся у переправы прохожий возвращается домой: «Гляжу я — не свойский ты человек, не из наших краев... Откель Бог несет?» [Шолохов, 1969, с. 339]. А получив ответ «Иду домой из армии», паромщик пытается уточнить: «Как же идешь — по отпуску аль потаенно?» [Шолохов, 1969, с. 339].

Вопрос старого паромщика дихотомичен: вероятно, прожившему на свете человеку приходилось встречать разных людей, и он готов принять любой ответ проходящего. Узнав, что случайный путник демобилизован («Год мой отпустили»), констатирует: «Что ж, дело спокойное...» [Шолохов, 1969, с. 339]. Характер, кажется, незначимых вопросов и признание «дело *спокойное*» подготавливает имплицитного реципиента к тому, что герой Шолохова мог знать и *неспокойную* жизнь.

3.2. Исповедальный пласт повествования

Итак, центральный герой повествования — паромщик. Подобный элемент повествования семантически значим, по-своему символичен. В русской и мировой литературе с образом реки связаны коннотации течения человеческой жизни, ее движения, поворотов и порогов. Именно это и демонстрирует зачинный пейзаж Шолохова — река поднялась, напористый ветер гонит воду вспять, паром не слушается хозяина, весла ломаются, лодка дает течь. Природа создает условия для задержки персонажей, для их вынужденной остановки и длинной ночной исповеди. «Много воды в Дону утекло с той поры...» [Шолохов, 1969, с. 341].

«Внешний», то есть рамочный природный пейзаж создан в рассказе красками *осени*: «Влажный песок под ногами пахнет гнилью, как перепрелое, набухшее водой дерево. Дорога путаной заячьей стежкой скользит по хворосту» [Шолохов, 1969, с. 338]. Между тем «внутренний», исповедальный хронологический ряд связан с *весной*. Таким образом, осень, возникающая в перитексте рассказа, служит сигналом ко времени подведения итогов, осенней зрелости центрального персонажа и его готовности к осмыслению собственной жизни. Весь набор выразительных языковых средств (*гниль, кладбище, уключины стонут* и др.) подготавливает воспринимающее сознание к трагизму предстоящего рассказа.

Портретная характеристика, которой наделяет героя прозаик, поддерживает тональность тревоги и ожидания истории о трагических событиях. У паромщика «босые, исполосованные синими жилами ноги», «посинелые ступни», руки «длинные, костистые, пальцы в узловатых суставах» [Шолохов, 1969, с. 339]. Он «гребет нескладно, сгорбатившись», но как знак его мастерства и опыта «весло услужливо ложится на гребенчатую спину волны и глубоко буровит воду» [Шолохов, 1969, с. 339]. У персонажа «ровное, без перебоев, дыхание; от вязаной шерстяной рубахи пахнет едким потом» [Шолохов, 1969, с. 339]. Мелкие неброские детали портретируют образ героя-труженика, опытного работника, знающего и умелого. Однако и этот многоопытный человек не всегда способен справиться со стихией: «Запохаживается, что затрет нас в лесу! Дурна шутка, а делать нечего, парнище! <...> Утопает наш паром, завтра придется до полудня дневалить на вербе»

[Шолохов, 1969, с. 339, 341]. Угрожающий сдержанный пейзаж и абрис в нем человека, столкнувшегося с неуправляемой природной волей и оказавшегося в ее власти, прогнозируют и намечают драматизм человеческой судьбы, захваченной *стихией* революционных событий.

Во время монологической речи паромщика персонаж-*другой* молчит, не прерывает рассказ репликами или замечаниями. Его присутствие фигуративно и субъектно аннигилировано, он «растворяется» в пространственном антураже. Между тем поток Микишаровой речи-монолога безостановочен, тем самым Шолохов подчеркивает, что исповедь героя — не случай, не единичный эпизод, но непрестанно мучающие героя мысли, стремление осознать жизнь и понять ее повороты. И этих мыслей-вопросов так много, что остановить «поток сознания» казака нельзя.

Едва герой касается размышлений о страдании, как тут же звучит вопрос: «А сколько их каждому приходится переносить?» [Шолохов, 1969, с. 339].

Упоминание о терпении и горечи жизни вызывает вопрос: «Жизня, жизнь, когда ты похужеешь?..» [Шолохов, 1969, с. 340]. Заметим: не станешь *лучше*, а *похужеешь*, как бы знаменуя предел человеческого страдания, которого достиг Микишара.

В качестве продолжения: «...в какую петлю мне голову просовывать?» [Шолохов, 1969, с. 340]. Обратим внимание: в какую *из*... Смертная петля у Микишары, как видно, не одна.

Обилие вопросов, которые Микишара обращает (казалось бы) к молчаливому собеседнику, — на самом деле вопросы не адресные, а риторические, обращенные в глубь себя, требующие собственного осознания. Вопросы не сиюминутные, по существу — «вечные» и «проклятые».

Совость героя беспокойна, душа болит. Но понимания среди людей, близких и далеких, своих и чужих, он не находит. Герой одинок, «будто кулик на болоте» [Шолохов, 1969, с. 340]. Он один против всех, и все против него. Кажется, аксиологическая шкала выверена: казацкий мир отверг Микишару, колебаний в порочности нравственного статуса героя быть не может. Но так ли это? в чем вина (или беда) Микишары?

Сюжетное появление в рассказе случайного слушателя — только повод (для писателя — *способ*) реализации процесса говорения героя вслух, озвучивания его тяжелых мыслей. Ситуация возвращения в родной дом сегодняшнего демобилизованного солдата формирует неотчетливую параллель между его *спокойной* судьбой и историей гибели сыновей Микишары в годы гражданской войны.

Внешнее композиционное кольцо (встреча двух героев) уводит в глубь истории (семьи Микишары), отнесенной писателем к 1918 году, времени

восстания Верхне-Донского казачества. «Получилось у нас в станице против Советской власти восстание! <...> станица наша вооружилась чем попадя <...> До весны держали мы фронт против красных» [Шолохов, 1969, с. 340, 341]. Не только по тексту романа-эпопеи «Тихий Дон», но и по истории публикации его третьего тома известно, что изображение «смутного времени» [Шолохов, 1969, с. 340] едва не поставило под вопрос выход эпопеи и грозило расстрелом ее автору [Шолоховская энциклопедия ..., 2012]. В рассказе трагизм эпических событий оказался сфокусированным в кратком нарративе «малого» жанра, но сжатость повествования не помещала критику советской поры И. Лежневу разглядеть, что «Донские рассказы» стали «предысторией “Тихого Дона”» [Лежнев, 1948]. Сгорбленный тяготами судьбы («сгорбавшись») центральный персонаж рассказа «Семейный человек» выявляет «самую горечь» [Шолохов, 1969, с. 340] трагических событий братоубийственной гражданской войны.

На фабульно-событийном уровне герой Микишара совершает страшные, безнравственные, непростительные деяния: в ситуации противостояния красных и белых он убивает (участвует в убийстве) собственных сыновей. Ни автор-повествователь, ни герой-рассказчик не ищут оправдания чудовищным поступкам Микишары, в системе гуманистических координат принять и простить их не представляется возможным.

3.3. Пасхальные мотивы и образы повествования

С первых строк складывается впечатление, что герой-рассказчик груб, жесток, бессердечен. Вспоминая жену, он называет ее «плодущей», вместо привычного слова «родила» использует зооморфный глагол «нажеребила», о смерти жены в родах девятого ребенка говорит «скопытилась» [Шолохов, 1969, с. 340]. «Голопузые» дети-сироты, оставшиеся без матери, не радуют отца, он признается: «...детишек ни одного Бог не убрал, *как ни упрашивал...*» [Шолохов, 1969, с. 340]. При этом повествование ведет сам персонаж-актант, но в ходе исповеди он не щадит себя, не пытается обелить собственные поступки в своих или чужих глазах. Герой совершает злодейские деяния и сам это понимает.

Между тем, как ни странно, в исповедальный рассказ писателем неброско встраиваются тонкие пасхальные мотивы, позволяющие иначе взглянуть на персонажа, разглядеть глубинное авторское отношение к герою, осознать аксиологический вектор его поступков, ср.: [Юдин, 2002; Стюфляева, 2004, Чалова, 2007].

Пасхальная тема проступает в рассказе в связи с эпизодом смерти любимого сына Данилы. Во время восстания вместе со старшим братом Иваном примкнувший к стану красных, спустя какое-то время Данила попадает в плен к хуторским казакам, среди которых и его отец.

В ходе повествования Микишара несколько раз повторяет собственную (= титульную) формулу: «я — семейный человек» (дважды на одной странице) [Шолохов, 1969, с. 341]. Помимо старших сыновей, на руках у одиночки-отца семеро малышей: «семеро ртов — девки и ребятенки малые», «семеро по лавкам, и каждый рот куска просит» [Шолохов, 1969, с. 340]. Однако казачий сход решил: «...потому что сыны в большевиках», Микишару «безо всяких вниманий сгребли и отправили на фронт», «от службы никакого послабления не дали» [Шолохов, 1969, с. 341].

Данила — любимый сын. «Энтот в матерю зародился: ростом низенький, тушистый, волосы русые, ажик белесые, а глаза карие, и был он у меня самый коханий, самый желанный» [Шолохов, 1969, с. 340]. Любовь к сыну, походившему на мать, использование характеристических эпитетов *коханий* и *желанный* позволяют предположить, что и жену, вразрез звучавшим грубым и резким словам, Микишара горячо любил и тяжело переносил ее смерть.

Любовь становится испытанием героя. Персонаж поставлен в ситуацию выбора *между* отцовской любовью к сыну Даниле и любовью-заботой о еще семерых беззащитных «голопузах». М. И. Бондарева квалифицировала возникший перед персонажем выбор как «арифметику» [Бондарева, 2021]. И это так — Микишаре приходилось взвешивать, *высчитывать*, какое решение будет правильное и гуманнее. Он выбирает «ребетёнков малых».

Указание на точное время описываемых событий, которое акцентирует писатель, несомненно, не случайно. «...дело это было под Пасху, пригоняют в хутор девять человек пленных, и Данилушка — голубь мой любимый — с ними...» [Шолохов, 1969, с. 341]. Темпоральная характеристика событий — *Пасха*, и она поддерживается символическим образом *голубя*, который еще более усиливает акцент сакральности.

Как известно, в православной традиции голубь — символ души, см. подробнее: [Иванов, 1992, с. 346—349]. Душа умершего человека оборачивается птицей, этим объясняется появление пластического изображения горлицы / горлинки на могильных памятниках.

В христианстве голубь служит воплощением Духа Святого, одной из триединных ипостасей Бога-Отца.

Евангелие от Иоанна: «Я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего в Нем» (Ин. 1: 32).

Евангелие от Луки: «Дух Святой нисшел на Него в телесном виде, как голубь» (Лк. 3: 22).

В подобном понятийном пространстве образ голубя связан с идеей божественной любви, обещанием вечной жизни на небесах и, что особенно важно для рассказа Шолохова, мотивом жертвоприношения. Микишара

вынужден пожертвовать любимым сыном ради «малых детей» [Шолохов, 1969, с. 341], он жертвенно отдает своего любимого сына на заклание.

Мотив *чистой слезы* оттеняет сформированную писателем мотивную систему: «Слезы у него кровь по щекам смывают...» [Шолохов, 1969, с. 341], — сближая понятия *слезы* и *кровь*, христианского страдания и искупления.

Эпизод расправы казаков с Данилушкой представлен зримо и психологически остро и получает мистико-метафорический отклик в состоянии природы: «...верба дрогнула и тягуче заскрипела» [Шолохов, 1969, с. 341]. Пейзаж (неброско и словно бы случайно) актуализирует еще один христианский символ — *верба*, знак победы жизни над смертью.

В интерпретации рассматриваемого эпизода М. И. Бондарева выдвигает на первый план «награду», которую получил отец за расправу над сыном — повышение до старшего урядника. Однако методист не учитывает формально-структурные речевые особенности Микишарова сообщения о получении чина: «*Долго молчал, потом, понижая голос, глухо заговорил: "Меня за его дело в старшие урядники произвели..."*» [Шолохов, 1969, с. 341]. Трехступенчатое снижение в структуре фразы свидетельствует о горечи и тяжести «награды», дополнительного бремени-греха, цинично возложенного на героя жестокими хуторянами («Грозилась хуторные...» [Шолохов, 1969, с. 341]).

Признания героя «...у меня душа замутилась» [Шолохов, 1969, с. 341] или «вот она, совесть, и убивает...» [Шолохов, 1969, с. 341], которыми изобилует рассказ, если и не оправдывают героя, то позволяют судить о его тяжелых душевных муках. Вопрос-обращение «*Матерь пречистая, неужто я сына буду убивать?*» [Шолохов, 1969, с. 341] включает в себя «свернутое» молитвенное зывание к Богородице.

3.4. Мотивы мученического венца и жертвенности

Однако в рассказе Шолохова со смертью любимого сына Данилушки испытания отца (или, с точки зрения казаков, *расплата*) еще не закончились. Старший сын Иван чуть позже тоже попадает в руки хуторских казаков. Сбывается угроза: «Ежели найдем где Ваньку, *душу вынем*» [Шолохов, 1969, с. 341]. Изображая внешне сурового и черствого казака, Шолохов постоянно прибегает к слову-понятию *душа* и его лексико-грамматическим вариантам. Другое дело, что с каждым новым испытанием душа Микишары если не умирает, то иссушается и черствеет.

История гибели старшего сына Ивана по-прежнему связана у Шолохова с мотивами и образами христианской символики. В Ивановом случае волю и поведение Микишары опосредует участие Господа. В ситуации, когда казаки отправляют Ивана в штаб под конвоем отца, Микишара осоз-

нает, что казаки его в очередной раз испытывают, подвергают дьявольскому искушению. «И вразумил тут меня *Господь*. Догадался я: к тому они меня в конвой назначают, думают, что пушу я сына на волю, опосля и его словят, и меня убьют...» [Шолохов, 1969, с. 341].

Было бы неверным согласиться с М. И. Бондаревой, что Микишара боится за себя. Для него по-прежнему выбор стоит *между детьми*, Иваном и оставшимися на хуторе «малыми». В новом испытании выбор героя еще более жесток. Если в случае с Данилой отцу удалось «кину[ть]ся в улочку и бежать» [Шолохов, 1969, с. 341], не увидеть собственными глазами смерть сына, то в случае с Иваном он вынужденно (по «дьявольскому» наущению) остается с сыном один на один.

Моление Иваном отца об избавлении, о свободе напоминает религиозный мотив моления о чаше.

Евангелие от Матфея: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия...» (Мтф. 26: 40).

Евангелие от Марка: «Отче! всё возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня...» (Мк. 14: 36).

У Шолохова: «А коли жалко — пусти меня...» [Шолохов, 1969, с. 341], и герой «упал посередь дороги и в землю мне [отцу] поклонился до трех раз» [Шолохов, 1969, с. 341]. Как в обрядовых (троекратно) церковных ритуалах, сын целует руки отца: «...кинулся ко мне и руки целует...» [Шолохов, 1969, с. 341].

Шолохов избегает психологических нюансов и подробностей, он не детализирует душевное состояние героя, но подчеркнутая сухость и намеренный лаконизм до предела обостряют восприятие ситуации и осознание трагически неизбежного выбора отца. Вновь в «арифметической» заботе о семерых и малых. «Прими ты, Ванюшка, за меня мученский венец. У тебя — жена с дитем, а у меня их семеро по лавкам. Ежели б пустил я тебя — меня б убили казаки, дети по миру пошли бы христарадничать...» [Шолохов, 1969, с. 343]. Образ *мученического венца* скрепляет религиозную символику исповеди-рассказа и выстраивает узнаваемые (особенно для еще недавно «отделенных» от церкви современников Шолохова) библейские параллели.

В процессе экспликации авторской «без-словесной», *молчаливой* позиции семантически значима и выразительна сцена последнего вздоха сына. Смертельно раненный выстрелом отца, в последние минуты жизни Иван не выпускает отцовскую руку: «Немножко он полежал и помер, а *руку мою в руке держит...*» [Шолохов, 1969, с. 344]. Последний жест сына — как прощение отцу, понимание его мучительного (= мученического) выбора. «Обнимает он меня, а у меня сердце кровью обливается» [Шолохов, 1969, с. 343], «сердце тоскует *смертно...*» [Шолохов, 1969, с. 343].

Как обнаруживает текст, в обоих эпизодах смерти сыновей у Шолохова доминирует жертвенный выбор *отца* — предать смерти *сына* «во имя искупления грехов многих». Проекция к святому писанию очевидна, образ Бога-Отца (Отца-Духа) контурируется в антураже событийной канвы повествования.

Как и в истории гибели Данилы, эпизод с Иваном завершается писателем созданием *повествовательной паузы*. Невольный слушатель не прерывает рассказчика, не задает вопросов, но нарративный дискурс замирает. «Микишара *долго* доставал кيسет, *долго* высекал кресалом огня, закуривал, плямкая губами. В пригоршне *рдел* трут, на лице паромщика *двигались скулы*, а из-под *напухших* век косые глаза глядели жестко и нераскаянно» [Шолохов, 1969, с. 343]. Возможный психологически сложный внутренний комментарий уступает место сухому перечислению внешних черт и скупых движений персонажа: *лишних* слов Шолохов избегает, тем самым не растушевывая простоту и глубину трагического рассказа Микишары.

Обращает на себя внимание эпитет *нераскаянно*, акцентированно поставленный художником в конечную позицию предложения, еще отчетливее демонстрирующий *неизбежность* выбора отца. Герой не раскаивается в выборе, который он сделал много лет назад. Можно предположить, что и сегодня он выбрал бы ту же трагическую «арифметику».

3.5. Мотивы страдания и расплаты

Однако, как показывает Шолохов, испытания Микишары не заканчиваются. События периода гражданской войны сменяются современными, которые синхронны перитекстуальному сюжетно-композиционному кольцу. Подростая дочка Микишары Наташка («нونهшний год идет ей семнадцатая весна» [Шолохов, 1969, с. 340]) упрекает отца в совершенных преступлениях: «Гребостно [*мерзко, противно, неприятно*] мне с вами, батя, за одним столом исть. Как погляжу я на ваши руки, так сразу вспомню, что этими руками вы братьев побили; и с души рвать меня тянет...» [Шолохов, 1969, с. 340]. Вновь мелькает категория *души*, но если старший сын, тоже «семейный человек», имевший жену и собственного ребенка, простил (остается надеяться) перед смертью отца, то дочь-подросток, а может быть, и все семеро спасенных детей-голопузов не даруют отцу прощения.

Мучения отца нет предела: «Как мне возможно это теперича переносить?» [Шолохов, 1969, с. 344]. Надежды на избавление от страданий у героя нет.

Имплицитная праведность героя не принята и не понята окружающими — для хуторских казаков он черт: «Ми-ки-ша-ра-а! *Шо-о-орт!*.. Паром го-ни-и-и...» [Шолохов, 1969, с. 344]. Вся жизнь героя предполагает остаться вечной неизбывной мукой, осененной категориями *вины*, а не

беды, которая в трагических обстоятельствах гражданской войны нависла над персонажем.

4. Заключение = Conclusions

Завершая анализ рассказа «Семейный человек», можно напомнить о принятом в критике «точечном» сопоставлении его с рассказом «Родинка». Событийные ситуации художественных текстов, кажется, действительно похожи: в обоих случаях ядро истории составляет убийство отцом родного сына. Однако «облегченность», на наш взгляд, фабулы в «Родинке» проступает в том, что казацкий атаман *случайно* убивает молодого красногвардейца, не подозревая о покусительстве на «родную кровь». Тогда как в ситуации «Семейного человека» накал обстоятельств приумножен тем, что отец вынужден делать публичный и осознаваемый им выбор, и что еще страшнее — на глазах собственного сына (обоих сыновей, дважды).

Финальная развязка «Родинки» тоже выглядит в условной мере более «упрощенной» в сравнении с «Семейным человеком». В «Родинке» атаман, казак-отец, признав в убитом красноармейце сына, совершает самоубийство, избавляя себя от непереносимых мук, тогда как Микишара лишен такой возможности и обречен пожизненно нести мучения, без малой надежды на понимание и прощение даже со стороны собственных детей.

Некоторые исследователи по сконцентрированности *смертельных* обстоятельств, которые создают сюжет наррации, сопоставляют «Донские рассказы» с рассказом-эпопеей «Судьба человека». Но и в данном случае этико-эстетическая проработка категории трагического в рассказе «Семейный человек» оказывается, в нашем представлении, глубже, ибо в «Судьбе человека» у героя Соколова в конце концов появляется надежда — жизнь «зеленой веточки» Ванюшки, сироты, заменившего Андрею сына (детей, семью). «Проснусь, а он у меня под мышкой приютится, как воробей под застрехой... до того мне становится радостно на душе, что и словами не скажешь» [Шолохов, 1969, с. 534]. Будущее героя Микишары — беспросветно.

Таким образом, подтекстово проступающие в рассказе «Семейный человек» религиозные (христианские, пасхальные) мотивы не броско, но аксиологически точно обнаруживают подлинную точку зрения начинающего писателя Шолохова, сумевшего уже в юные годы осознать библейский размах трагизма братоубийственной гражданской войны. Образ казака Микишары неканонически (почти недопустимо), но достаточно рельефно выстраивал (должен был выстроить) для близких церкви современников писателя параллель к образу Бога-Отца, допустившего смерть Сына «во имя многих». Проследивание религиозных мотивов в тексте рассказа «Се-

мейный человек» позволяет приоткрыть новые — универсальные и философские — ракурсы повествования.

Остается большой загадкой, как столь аксиологически маркированный «донской рассказ» был пропущен советской цензурой и выходил в составе всех шолоховских сборников 1920—1930-х и последующих годов, времени расцвета и доминирования партийной литературы социалистического реализма, отторгнутой от христианских православных норм и канонов.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Шолохов М. А. Донские рассказы / М. А. Шолохов. — Москва : Московский рабочий, 1929. — 36 с.
2. Шолохов М. А. Красногвардейцы: рассказ / М. А. Шолохов. — Москва ; Ленинград : Госиздат, 1925. — 23 с.
3. Шолохов М. А. Лазоревая степь : рассказы / М. А. Шолохов. — Москва : Новая Москва, Юношеский центр, 1926. — 174 с.
4. Шолохов М. А. Полное собрание сочинений : в 8 т. / М. А. Шолохов. — Москва : Художественная литература, 1969. — Т. 7. — С. 338—343.

Литература

1. Абашева Д. В. Поэтика народной культуры в «Донских рассказах» М. Шолохова / Д. В. Абашева // Преподаватель XXI век. — 2016. — № 1. — С. 416—423.
2. Бакалова З. Н. Гражданская война в рассказе М. Шолохова «Родинка» : пафос рассказа и его языковая репрезентация / З. Н. Бакалова // Балтийский гуманитарный журнал. — 2015. — № 1 (10). — С. 12—14.
3. Бондарева М. И. Сопоставительный анализ рассказов М. А. Шолохова «Родинка» и «Семейный человек» [Электронный ресурс] / М. И. Бондарева. — 2021. — Режим доступа : <https://urok.1sept.ru/articles/630521> (дата обращения 2.05.2024).
4. Боров Ю. Б. Эстетика. Теория литературы / Ю. Б. Боров. — Москва : Астрель, 2003. — 575 с. — ISBN 5271070557.
5. Глушков Н. И. Реализм М. Шолохова / Н. И. Глушков. — Ростов-на-Дону : Изд-во Института массовых коммуникаций, 1997. — 61 с.
6. Глушков Н. И. Национальная совесть М. А. Шолохова в расколотом зеркале литературной критики сегодня / Н. И. Глушков // Шолоховские чтения. Творчество писателя в национальной культуре России : сб. статей — Ростов-на-Дону : Росиздат, 2000. — С. 129—132. — ISBN 5-7509-0921-2.
7. Дырдин А. А. Этюды о Михаиле Шолохове / А. А. Дырдин. — Москва : Шолоховская школа, 2009. — 137 с. — ISBN 978-5-94238-101-1.
8. Ермолаев Г. С. Михаил Шолохов и его творчество / Г. С. Ермолаев. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. — 441 с.

9. Иванов В. В. Птицы / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира : энциклопедия / Гл. ред. С. А. Токарев. — Москва : Сов. энциклопедия, 1992. — Т. 2. — С. 346—349.

10. Комирная Н. Ю. Художественная концепция судьбы в «Донских рассказах» М. А. Шолохова : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. Ю. Комирная. — Москва, 2005. — 187 с.

11. Крылова М. Н. Выражение языковой личности М. А. Шолохова посредством сравнительных конструкций (на материале «Донских рассказов») / М. Н. Крылова // Перспективы науки и образования. — 2013. — № 6. — С. 166—169.

12. Лежнев И. Г. Михаил Шолохов / И. Г. Лежнев. — Москва : Советский писатель, 1948. — 519 с.

13. Маслова И. Б. Функциональная семантика обращений в «Донских рассказах» М. Шолохова / И. Б. Маслова, Е. С. Рудыкина // Вестник РУДН. — Сер. Вопросы образования: языки и специальность. — 2007. — № 1. — С. 30—35.

14. Муравьева Н. М. Проза М. А. Шолохова : онтология, эпическая стратегия характеров, поэтика : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Н. М. Муравьева. — Тамбов, 2007. — 497 с.

15. Олина М. О. Революция и сердце ребенка («Донские рассказы» М. А. Шолохова) / М. О. Олина, С. М. Звягинцева // Филологический класс. — 2005. — № 14. — С. 65—68.

16. Петелин В. В. Критики и литературоведы о «Донских рассказах» [Электронный ресурс] / В. В. Петелин. — 2012. — Режим доступа : <http://sholohov.lit-info.ru/sholohov/kritika/petelin-o-donskih-rasskazah.htm> (дата обращения 2.05.2024).

17. Семенова С. «Донские рассказы» : от поэтики к миропониманию / С. Семенова // Новое о Михаиле Шолохове : исследования и материалы. — Москва : ИМЛИ РАН, 2003. — С. 207—281.

18. Стюфляева Н. В. Идея соборности и её художественное воплощение в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. В. Стюфляева. — Елец, 2004. — 19 с.

19. Чалова А. П. Система христианских мотивов в художественном мире «Тихого Дона» М. А. Шолохова : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. П. Чалова. — Сургут, 2007. — 21 с.

20. Шолоховская энциклопедия / гл. ред. Ю. А. Дворяшин [и др.]. — Москва : Синергия, 2012. — 1215 с. — ISBN 978-5-94238-022-9.

21. Юдин В. А. Православно-христианский аспект эпопеи М. А. Шолохова «Тихий Дон» / В. А. Юдин // Журналистика : информационное пространство. — 2002. — № 1. — С. 125—128.

Статья поступила в редакцию 20.03.2024,
одобрена после рецензирования 14.05.2024,
подготовлена к публикации 21.05.2024.

Material resources

Sholokhov, M. A. (1969). *Complete works: in 8 volumes*, 7. Moscow: Fiction. 338—343. (In Russ.).

Sholokhov, M. A. (1929). *Don stories*. Moscow: Moskovsky rabochy. 36 p. (In Russ.).

Sholokhov, M. A. (1925). *Krasnogvardeysy: a story*. Moscow; Leningrad: Gosizdat. 23 p. (In Russ.).
Sholokhov, M. A. (1926). *Lazorevaya steppe: stories*. Moscow: New Moscow, Youth Center. 174 p. (In Russ.).

References

- Abasheva, D. V. (2016). Poetics of folk culture in the “Don stories” by M. Sholokhov. *Teacher of the XXI century, 1*: 416—423. (In Russ.).
- Bakalova, Z. N. (2015). The Civil war in M. Sholokhov’s story “The Birthmark”: the pathos of the story and its linguistic representation. *Baltic Humanitarian Journal, 1* (10): 12—14. (In Russ.).
- Bondareva, M. I. (2021). *Comparative analysis of M. A. Sholokhov’s short stories “Birthmark” and “Family man”*. Available at: <https://urok.1sept.ru/articles/630521> (accessed 2.05.2024). (In Russ.).
- Borev, Yu. B. (2003). *Aesthetics. Theory of literature*. Moscow: Astrel. 575 p. ISBN 5271070557. (In Russ.).
- Chalova, A. P. (2007). *The system of Christian motifs in the artistic world of the “Quiet Don” M. A. Sholokhov*. Author’s abstract of PhD Diss. Surgut. 21 p. (In Russ.).
- Dyrdin, A. A. (2009). *Etudes about Mikhail Sholokhov*. Moscow: Sholokhov School. 137 p. ISBN 978-5-94238-101-1. (In Russ.).
- Ermolaev, G. S. (2000). *Mikhail Sholokhov and his work*. St. Petersburg: Academic Project. 441 p. (In Russ.).
- Glushkov, N. I. (1997). *Realism of M. Sholokhov*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Institute of Mass Communications. 61 p. (In Russ.).
- Glushkov, N. I. (2000). The national conscience of M. A. Sholokhov in the split mirror of literary criticism today. In: *Sholokhov readings. The writer’s work in the national culture of Russia: collection of articles*. Rostov-on-Don: Rosizdat. 129—132. ISBN 5-7509-0921-2. (In Russ.).
- Ivanov, V. V. (1992). Birds. In: *Myths of the peoples of the world: encyclopedia, 2*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 346—349. (In Russ.).
- Komirnaya, N. Y. (2005). *The artistic concept of fate in the “Don stories” by M. A. Sholokhov*. PhD Diss. Moscow. 187 p. (In Russ.).
- Krylova, M. N. (2013). The expression of the linguistic personality of M. A. Sholokhov through comparative constructions (based on the material of “Don stories”). *Prospects of science and education, 6*: 166—169. (In Russ.).
- Lezhnev, I. G. (1948). *Mikhail Sholokhov*. Moscow: Soviet writer. 519 p. (In Russ.).
- Maslova, I. B. (2007). Functional semantics of appeals in the “Don stories” by M. Sholokhov. *Bulletin of the RUDN. Ser. Education issues: languages and specialty, 1*: 30—35. (In Russ.).
- Muravyova, N. M. (2007). *Prose of M. A. Sholokhov: ontology, epic strategy of characters, poetics*. Doct. Diss. Tambov. 497 p. (In Russ.).
- Olina, M. O., Zvyagintseva, Z. M. (2005). Revolution and the heart of a child (“Don stories” by M. A. Sholokhov). *Philological class, 14*: 65—68. (In Russ.).
- Petelin, V. V. (2012). *Critics and literary critics about the “Don stories”*. Available at: <http://sholohov.lit-info.ru/sholohov/kritika/petelin-o-donskih-rasskazah.htm> (accessed 2.05.2024). (In Russ.).
- Semenova, S. (2003). “Don stories”: from poetics to worldview. In: *New about Mikhail Sholokhov: research and materials*. Moscow: IMLI RAS. 207—281. (In Russ.).

- Sholokhov Encyclopedia*. (2012). Moscow: Synergy. 1215 p. ISBN 978-5-94238-022-9. (In Russ.).
- Stuflyayeva, N. V. (2004). *The idea of conciliarity and its artistic embodiment in M. A. Sholokhov's novel "The Quiet Don"*. Author's abstract of PhD Diss. Yelets. 19 p. (In Russ.).
- Yudin, V. A. (2002). The Orthodox Christian aspect of M. A. Sholokhov's epic "The Quiet Don". *Journalism: information space, 1*: 125—128. (In Russ.).

*The article was submitted 20.03.2024;
approved after reviewing 14.05.2024;
accepted for publication 21.05.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(4), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Захарова В. Т. Символика природной образности в прозе русского Зарубежья (Е. Ю. Скобцова, Н. Д. Городецкая, В. А. Никифоров-Волгин) / В. Т. Захарова, И. С. Кудрявцева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 207—229. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-207-229.

Zakharova, V. T., Kudryavtseva, I. S. (2024). Symbolism of Natural Imagery in Prose of Russian Émigré Writers (E. Yu. Skobtsova, N. D. Gorodetskaya, V. A. Nikiforov-Volgin). *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 207-229. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-207-229. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Символика природной образности в прозе русского Зарубежья (Е. Ю. Скобцова, Н. Д. Городецкая, В. А. Никифоров-Волгин)

Захарова Виктория Трофимовна
orcid.org/0000-0001-6871-1368
доктор филологических наук,
профессор,
профессор кафедры русской
и зарубежной филологии
victoriazaharova95@gmail.com

Кудрявцева Ирина Сергеевна
orcid.org/0009-0001-0026-1046
магистрант кафедры русской
и зарубежной филологии,
***корреспондирующий автор**
irinaserg.work@gmail.com

Нижегородский государственный
педагогический университет
имени Козьмы Минина
(Нижний Новгород, Россия)

Благодарности:

Работа выполнена при финансовой
поддержке РНФ в рамках
научного проекта № 23-28-00966,
<https://rscf.ru/project/23-28-00966/>

Symbolism of Natural Imagery in Prose of Russian Émigré Writers (E. Yu. Skobtsova, N. D. Gorodetskaya, V. A. Nikiforov-Volgin)

Viktoria T. Zakharova
orcid.org/0000-0001-6871-1368
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian
and Foreign Philology
victoriazaharova95@gmail.com

Irina S. Kudryavtseva
orcid.org/0009-0001-0026-1046
Master's degree student, Department
of Russian and Foreign Philology,
***corresponding author**
irinaserg.work@gmail.com

Minin Nizhny Novgorod
State Pedagogical University
(Nizhny Novgorod, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00966,
<https://rscf.ru/project/23-28-00966/>

© Захарова В. Т., Кудрявцева И. С., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется проблема символизации природной образности в онтологическом, бытийном смысле на примере творчества авторов, принадлежащих к первой волне русской литературной эмиграции. Отмечается, что в романе Е. Ю. Скобцовой «Равнина русская» создается мифологизированный образ одухотворенного пространства, вмещающий в себя экспрессивно окрашенный образ родины-матери, вызывающий к детям откликнуться на всеобщую боль. В автобиографической прозе Н. Д. Городецкой в едином благодарном чувстве сходятся прошлое и настоящее: благодатное, бесценное прошлое как будто вливается в настоящее, придавая ему цельность и значительность, а в прошлом родной окружающий мир становится для писательницы главной жизненной опорой, великой онтологической ценностью. В произведениях В. А. Никифорова-Волгина в оригинальном индивидуально-авторском видении обнаруживается типологически сходная с художественным восприятием Е. Ю. Скобцовой мифологизация пространства — с акцентированием мотива сакральности последнего, выражением драматичности происходящего в годы лихолетья; с Н. Д. Городецкой писателя роднит восприятие гармоничности родного окружающего мира детской душой. Проведенный анализ убеждает, что художественное мышление Е. Ю. Скобцовой, Н. Д. Городецкой, В. А. Никифорова-Волгина развивалось в типологическом русле неореалистического художественного сознания, которому был присущ многогранный синтез различных художественных начал.

Ключевые слова:

национальный пейзаж; сакральность; мифопоэтика; символика; онтологический смысл; типологическая общность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the issue of symbolization of natural imagery in an ontological, existential sense through the works of authors belonging to the first wave of Russian literary emigration. It is noted that in E. Yu. Skobtsova's novel "Russian Plain", a mythologized image of spiritualized space is created, encompassing an expressively colored image of the motherland, calling on children to respond to universal pain. In the autobiographical prose of N. D. Gorodetskaya, past and present converge in a unified sense of gratitude: the gracious, invaluable past seems to merge into the present, giving it integrity and significance, with the native surrounding world in the past becoming the writer's main life support, a great ontological value. V. A. Nikiforov-Volgin's works reveal a typologically similar mythologization of space in an original individual-authorial perception, accentuating the motif of the sacredness of the latter, expressing the drama of the years of adversity; with N. D. Gorodetskaya, the writer is united by a perception of the harmony of the native surrounding world with a child's soul. The analysis conducted convinces that the artistic thinking of E. Yu. Skobtsova, N. D. Gorodetskaya, V. A. Nikiforov-Volgin developed in a typological stream of neo-realistic artistic consciousness characterized by a multifaceted synthesis of various artistic elements.

Key words:

national landscape; sacredness; mythopoetics; symbolism; ontological meaning; typological commonality.

Символика природной образности в прозе русского Зарубежья (Е. Ю. Скобцова, Н. Д. Городецкая, В. А. Никифоров-Волгин)

© Захарова В. Т., Кудрявцева И. С., 2024

1. Введение = Introduction

Русская проза начала XX века, ставшего эпохой Серебряного века национальной культуры, обладает яркими чертами художественной новизны, в числе которых одной из важнейших является неведомая литературе ранее активность подтекстово-ассоциативного уровня повествования. Этот уровень обладает в прозе А. Чехова, И. Бунина, М. Горького, И. Шмелева, Б. Зайцева и других авторов огромным философско-эстетическим потенциалом, позволяя выразить невыразимое, апеллируя к утонченному эмоциональному восприятию произведения и, вместе с тем, интеллектуально-углубленному.

В национальном художественном сознании всегда присутствовало чувство глубинной взаимосвязи жизни русского человека с окружающим миром. Не случайно в древнерусской литературе природа воспринималась «как Божественное творение, непостижимое разумом, как символ величия Творца» [Ужанков, 1995, с. 20]. Функции природных образов в прозе Серебряного века в целом традиционны для русской литературы, но в традиционности их заключены необычайно многогранные аспекты новизны, — в первую очередь, связанные с оригинальными попытками выражения авторской позиции. Русская проза этой эпохи внимательна к внешнему миру, окружающему человека. И чаще всего он изображается в авторском описании, казалось бы, вполне объективированном. Однако соотносённость образов внешнего мира с жизнью героев оказывается необычайно глубокой, что достигается особыми средствами выразительности, в числе которых антропоморфизм не только природы, но и всего окружающего, фиксация динамики жизни, создаваемый при этом эффект «подтекстовости» и символичности. Во многом эти свойства поэтики национальной литературы рубежа XIX—XX веков в современных научных практиках определяют концептуальное содержание понятия *неореализма* как ведущего типа худо-

жественного сознания в русской прозе Серебряного века и его дальнейшей «живой жизни» в отечественной словесности (см. об этом подробнее: [Зябрева, 2015]).

В настоящей статье мы обратимся к проблеме символизации природной образности в онтологическом, бытийном смысле на примере творчества малоизученных авторов — Е. Ю. Скобцовой, Н. Д. Городецкой, В. А. Никифорова-Волгина.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Объектом исследования в данной статье стали такие произведения названных выше авторов, как роман Е. Ю. Скобцовой «Равнина русская» (1924), рассказы Н. Д. Городецкой из циклов «Из жизни Кати Белосельской» (1924) и «Россия ушедшая» (1929), а также рассказы разных лет В. А. Никифорова-Волгина и его повесть «Дорожный посох» (1938).

Следует сразу же заметить, что исследование проблемы функционирования природной образности в художественном тексте, восходящей к фольклору и древнерусской письменности, имеет давнюю традицию в отечественной филологической науке (см. подробнее: [Афанасьев, 1982; Лихачев, 1979; Эпштейн, 1990; Топоров, 1995; Панченко, 2000 и др.]).

В отношении творчества Е. Ю. Скобцовой, Н. Д. Городецкой, В. А. Никифорова-Волгина можно с полной уверенностью говорить, что наследие каждого из них нуждается в полномесном научном осмыслении. Современный опыт изучения содержит значимый научный потенциал, но многие грани художественного наследия этих талантливых авторов, в том числе и интересующие нас, еще недостаточно высвечены.

Из представленных нами персоналий в современной гуманитарной мысли более всего внимания уделено подвижнической жизни и творчеству Е. Ю. Скобцовой (Е. Ю. Кузьминой-Караваевой). В центре внимания, как правило, находится необыкновенный духовный путь писательницы [Кривошеина, 2015; Беневиц, 2003; Ликвинцева, 2018], а также мифопоэтический контекст ее лирики [Юрьева, 2004; Боброва, 2014]. При этом, что важно подчеркнуть, роман «Равнина русская» еще не становился объектом научного осмысления.

Знакомство с творчеством Н. Д. Городецкой, ее биографией для современного читателя стало возможным благодаря выпущенному А. М. Любомудровым в 2013 году тому произведений писательницы, которому составителем предпослан обстоятельный критико-биографический очерк [Городецкая, 2013, с. 5—26]. В 2022 году была защищена первая диссертация, посвященная исследованию творчества Н. Д. Городецкой в контексте культуры русского Зарубежья [Головина, 2022].

В настоящее время отмечается устойчивый научный интерес и к эпическому наследию В. А. Никифорова-Волгина. Современных исследователей в прозе писателя привлекают семантика художественных образов [Лапко, 2009; Сузрюкова, 2018, 2021, 2023], знаковые примеры литературных связей и влияний [Осьминина, 2015], поэтика сюжета и типология героев [Конихова, 2021], тематическое и жанровое своеобразие [Бойко, 2021]. В ряде публикаций предлагается опыт целостного представления творческой личности В. А. Никифорова-Волгина [Бойко, 2017; Никифоров-Волгин, 2018, с. 5—20]. Вместе с тем анализ природной образности по преимуществу является одним из содержательных элементов работ, сконцентрированных на изучении феноменологии сакрального пространства в произведениях писателя [Казанцева, 2010; Видмарович, 2013]. Нет целенаправленного внимания со стороны литературоведческой науки к этому аспекту и в интересующих нас текстах Е. Ю. Скобцовой и Н. Д. Городецкой.

В типологическом соотношении творчества представленных авторов, акцентирующем значимость символики природной образности в их произведениях, заключается научная новизна исследования, опирающегося на типологический, сравнительно-исторический, историко-генетический методы исследования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Роль пространственной образности в романе Е. Ю. Скобцовой «Равнина русская»

Елизавета Юрьевна Скобцова (урожденная Пиленко, в дореволюционном творчестве — Кузьмина-Караваева) — одна из самых ярких представительниц русского Зарубежья как поэт и религиозный мыслитель, легендарная, поистине героическая личность XX столетия. В начале XX века она входит в круг самых известных представителей русского искусства, составивших славу своей эпохи, впоследствии названной Серебряным веком: это были А. Блок, Вяч. Иванов, А. Ахматова, Н. Гумилев и др. Она заочно оканчивает Петербургскую Духовную академию, выпускает книгу стихов «Руфь», философскую повесть «Юрали».

В эмиграции Е. Ю. Скобцова становится активнейшим участником Русского студенческого христианского движения (РСХД), заочно оканчивает в Париже Сергиевский Богословский институт. Своим духовным отцом она позднее назовет о. Сергия Булгакова, заведовавшего в этом институте кафедрой догматического богословия. В 1932 году Елизавета Юрьевна принимает монашеский постриг. Ее новым именем стало имя *Мария*, в честь святой Марии Египетской. От владыки Евлогия мать Мария получила благословение на монашество особого рода — монашество в миру.

Оно привлекало ее прежде всего возможностью безраздельно отдаться практическому, деятельному служению людям. Эмигрантский поэт Ю. Терапиано писал, что, «приняв монашество», она «с удвоенной энергией стала бороться с горем и злом в мире, не щадя себя, забывая о себе... В этом она видела особую дорогу, крест, данный ей» [Терапиано, 1994, с. 202].

Во время Второй мировой войны мать Мария помимо своей обычной подвижнической деятельности по содержанию организованных ею приютов для бедных русских эмигрантов бесстрашно спасала от смерти французских патриотов, евреев, бежавших русских военнопленных. В 1943 году она была арестована фашистами, отправлена в лагерь Равенсбрюк, где погибла в газовой камере 31 марта 1945 года за неделю до освобождения заключенных Советской Армией. По одной из версий, мать Мария отправилась в газовую камеру, заменив собой одну из заключенных. Все, что известно о ее жизни, вполне свидетельствует о правдоподобности такой версии. Знавшие ее люди утверждали: «Она чувствовала себя призванной совершить какую-то миссию, чувствовала себя брошенной в мир как некий “факел” и, действительно, была им и горела “в пустыне человеческих сердец”» [Зандер, 1955, с. 7].

Творческое наследие матери Марии в нашей стране еще недостаточно изучено. В 1920—30-е годы помимо лирики, прозы, пьес-мистерий она писала много статей по православно-философской, православно-этической проблематике.

В аспекте нашего исследования обратимся к ее роману «Равнина русская» (опубликован в 1924 году в парижском журнале «Современные записки», №№ 19, 20, переиздан в России в 2001 году). В «Современных записках» произведение было подписано псевдонимом «Юрий Данилов». Роман посвящен событиям Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. Главной героиней является петербургская курсистка Катя Темносердова. Ей присуща пытливость, стремление понять происходящее, определиться со своей ролью в жизненном движении. Ее отличает умение «приподняться» над сиюминутным движением жизни, созерцательно осмыслить все вокруг: «Но эти годы, кроме знания предметов, читаемых на курсах, дали ей и другое знание, название которому она не могла подыскать. Впервые поняла она необъятную величину равнины русской. И испугалась» [Кузьмина-Караваева, 2001, с. 390].

Петербург стал казаться Кате призрачным городом. И уже на первых страницах романа появляется фантасмагорический образ, который станет в произведении лейтмотивным: «Ей казалось часто, — в окраинных переулках, где дома из сосновых досок и березы за заборами, мелькает облик старой женщины, голосащей все время. Она видела, как ветер треплет се-

дые космы. Но догнать ее нельзя. Кате чаще всего казалось, что женщина идет рядом с нею, шаркает босыми ногами по тротуару. А повернешь лицо — и нет никого» [Там же, с. 391].

Вместе с Катей главными героями романа являются ее братья Александр и Петр. Оба неожиданно появляются в Петербурге: Александр совершил побег из поселения, где отбывал наказание за революционные взгляды, с целью попасть на фронт мировой войны; Петр, боевой офицер, приехал в краткосрочный отпуск и рад помочь брату. Катя, слушая братьев, прошептала: «Новый рыцарский орден должен быть создан». На что Петр ответил: «Это все слова и слова. А мы и без рыцарских лат, а в серой шинели кое-что сделаем» [Там же, с. 400].

Показательно, что духовное единение братьев передано через тот же метафизический образ, который возник в воображении Кати: «Оба они видели черную ночь, которая нависла над бесконечной равниной русской, оба они чувствовали, как затерян в ночи этой человек, как бездомно сейчас человеку. Они оба слушали боль, разлитую в мире, и оба хотели бороться» [Там же, с. 400].

Мы не ставим здесь задачи полновесного анализа этого произведения: в рамках данного материала мы лишь выделяем доминанту текста — зримую апелляцию автора к природной образности, с помощью которой раскрываются его концептуальные идеи.

Действие романа разворачивается в различных местах: это и Петербург, и юг России, откуда родом семья Кати, и Москва, и Муром. Но всегда на жизненных поворотах перед Катей возникали динамические пространственные образы с неизменной страдающей старухой. Вот пример: «Через два дня поезд мчал ее на юг. Эта страница жизни была перевернута. Впереди... Впереди навстречу ей мчалась тяжелая колесница и в беге своем калечила людей и топтала поля. И голосила в полях изможденная старуха» [Там же, с. 414—415].

Все происходящее в стране и далее передается в различных мифологизированных природных образах, стихиях — огня, бури, наводнения: «Видно, люди не в силах были поспеть за бегом колесницы. Видно, река рвала плотины и грозила затопить своими волнами все» [Там же, с. 419]. Писательница не ставит задачу четко очерчивать социальные параллели противостояния. Хаос происходящего в ее восприятии обезличивает социальное. Добро и зло в человеке и мире — вот предмет ее раздумий, ее боли. И неоправданность происходящего всегда в тексте романа всегда измеряется обращением к образу русского пространства.

Так, брат Кати Александр в своих передвижениях по стране в Гражданскую войну вышел из поезда на одном из полустанков и осмотрелся:

«Как тиха земля вдали от жилья человеческого. Как неподвижно лежит она под синим покровом неба, древняя и неизменяющаяся.

И странным казался Александру этот вечный и древний образ земли рядом с суетой человечества, с безумными бурями последних дней, с надвигающейся, может быть совсем уже близко, гибелью» [Там же, с. 457].

А для Кати неизменно сопровождающим ее думы был все тот же образ несчастной старухи. Когда она убеждает себя в оправданности терроризма, романтически связывая его с жертвенностью, читаем: «Надо взять на свои плечи грехи и тяжести многих. Надо принять на себя ответственность за буйство пьяного солдата, за темную волю народную, за смерти несправедливые, за грядущий голод, за слезы детей, за дикий вопль всей равнины русской, которая лежит под небом распростертая, нищая, раскинула бесильные руки свои, плачет слепыми глазами, шепчет имена убитых, имена обреченных смерти своих детей» [Там же, с. 467].

К счастью, совершить теракт им с Александром не удалось, Катя вовремя поняла, какую страшную нравственную цену нужно заплатить за гибель людей.

В финале романа мы видим Катю-странницу. Странницами, богомолками ей предложила стать ее знакомая по московским «предтеррористическим делам» Вера Ивановна: «Катя сразу согласилась. Это казалось ей продолжением того душевного скитания, которому обрекла ее судьба». Когда они вышли за город, Вера Ивановна сказала: «Вот, голубушка, это самое хорошее». И «показала рукой на поля и пригорки, покрытые редким леском» [Там же, с. 492].

Но и на этих путях Кате везде чудился все тот же образ страдающей старухи. В предфинальных строках романа читаем: «В полях бескрайних была Катя частью России, плоть от плоти матери своей; и хотелось ей больше и больше растаять, соединиться пылью, чтобы с матерью соединиться до конца...» [Там же, с. 492].

В этом произведении писательницы ярко отразились черты ее мифологизированного мировидения, отразившегося в ее дооктябрьской лирике. Как справедливо отмечает исследовательница лирического наследия автора романа, «в сборнике “Дороги” явно ощущается мотив неприкаянности. Кузьмину-Караваеву тянуло к земле: “Я опять земная... // Долго мне чужбиною была земля... // Милым братом назову земного гада, // Каждую былинку назову сестрой” ... Хотелось породниться с самой землей: “Сестра моя, сестра моя, любимая земля” ...» [Боброва, 2014, с. 108].

Роман «Равнина русская» оставляет главную героиню именно на перепутьях равнины русской. Катя еще не определила вектор своего будущего духовного движения, не сбросила со своих плеч груз заблуждений, но главное здесь — это всегда присущее ей проникновенное чувство своей сопри-

частности родной земле, воспринимаемой в образе необозримой равнины русской, скитаясь по которой не находит себе места странница-старуха, воплощающая страдающую мать. Создается мифологизированный образ одухотворенного пространства, вмещающий в себя экспрессивно окрашенный образ родины-матери, взывающий к детям откликнуться на всеобщую боль.

Полагаем, это незаурядное произведение А. Ю. Скобцовой свидетельствует о неореалистическом художественном сознании писательницы в эти годы: ее тексту присущи черты символизма, экспрессионизма, мифологизации описываемого. При этом сферой авторского присутствия в произведении определенно становится природная образность.

3.2. Своеобразие символизации пространственной образности в малой прозе Н. Д. Городецкой

Оригинальным индивидуально-авторским видением отличается художественное осмысление образов внешнего мира у Надежды Городецкой, русской эмигрантской писательницы первой волны.

Надежда Даниловна Городецкая была не только писательницей, но и журналистом, историком литературы, богословом. Она стала первой женщиной-профессором Ливерпульского университета, много лет руководила там кафедрой славистики.

В 2013 году А. М. Любомудровым был выпущен том избранных произведений писательницы, в предисловии к которому говорится: «Страдание человека, пережившего революцию и Гражданскую войну, лишенного и родины, и близких, стало главной философской темой ее книг. Но оно не породило ни ужаса перед роком, ни беспросветного отчаяния, ни проклятий судьбе или большевикам. Автор имеет мужество принять посланные испытания и, выстрадав, преодолеть их» [Городецкая, 2013, с. 5].

Родилась Н. Д. Городецкая в Москве, детство прошло в Тверской, затем в Новгородской губернии. Потом — Петербург, Мариинская женская гимназия. В годы Гражданской войны с потоком беженцев Надежда с матерью и сестрой передвигались на юг, и однажды в толпе беженцев она потеряла мать и сестру. Осенью 1920 года Надежда оказалась в Константинополе, как многие эмигрировавшие соотечественники, затем она отправляется в Македонию и поступает в Загребский университет, где и начинается ее литературная деятельность.

Обратимся к ее автобиографической прозе: рассказам из циклов «Россия ушедшая» и «Из жизни Кати Белосельской».

Так, рассказ «Новгород. Из далекого детства» (опубликован в 1929 году в журнале «Россия и славянство», № 42; курсив автора рассказа) состоит из ряда фрагментов. Вот один из них: «Мне вспоминается Новгород на Волхове — Великий Новгород. Осенний день. Я и подруга моя

Юля тайком выбрались из сада на городской вал. Нам лет по шести-семи. На обеих русские сарафаны, нити бус <...> Мы смотрим на рогатые, уже оббитые мальчишками ветви яблонь, свисающих через темный забор, на серенькое, низкое небо в круглых облаках, на осыпающиеся башни кремля.

Что мы знаем о русской истории? Однако любимым местом наших игр выбрали мы не цветник перед домом, не пахучий купол сирени, под которым мы вьем гнезда для кукол, а этот запертый вал и идущую к нему, всегда скользкую от цвели тропинку с подгнившей скамьей... Вал низок, скудна глинистая земля едва проросла травой.

Позже слышу я тяжелое и гулкое имя Марфы Посадницы, узнаю о вече и ушкуйниках. На всю жизнь в моем представлении что-то незримо связывает этих ушкуйников с топкими дорогами лесных прогулок» [Городецкая, 2013, с. 160].

В зарисовках-воспоминаниях Городецкой обращает на себя внимание употребление настоящего времени, что создает основу для эффекта непосредственного сопереживания читателя ожившему прошлому. Но это сотворенное «настоящее» органично связано в тексте и с реальным настоящим, и с необозримой «обратной перспективой» пространства и времени прошлых эпох. Так, рядовой эпизод из детской жизни — прогулка — становится под пером писательницы бытийным звеном жизни многих поколений.

При этом в различных фрагментах рассказа обнаруживаются различные оттенки смысловой «огранки» текста: «Мы идем большой компанией в Антоньев монастырь.

Мне сказали, что вблизи Новгорода леса невелики. Но я и по сей день вижу высокие, ржавого золота, стволы сосен и сквозь их раскинутые ветви растущее вверх ярко-голубое северное небо <...>

Монастырь уже виднеется — белый, плотно огороженный, как и все в этом старом краю. Я не знаю, была ли зеленой его крыша, но чувство белого и зелени крепко *живет* во мне» [Там же, с. 161].

Спутница замечает: «Ишь, как девочка восхищается!» [Там же, с. 161]. Снова перед нами изображение (именно изображение, визуализированное, в цвете), данное в настоящем времени, и оно делает признание необыкновенно одухотворенным, жи в ы м.

Особенно значим, на наш взгляд, заключительный фрагмент рассказа: «Опять вал. Мать идет, плавно опираясь на руку отца. Сестра, завладев его тростью, вышагивает рядом. Я бегу впереди, бегу через силу, изредка останавливаясь и оглядываясь.

Сзади, над городом, уже густо темнеет, тучи стягиваются. Впереди длинно растекается закат, врезаясь сиренево-оранжевой дорогой в салатную, бирюзовеющую зелень неба.

Я знаю, что меня окликнут, заставят вернуться — и, напрягая дыхание, помогаю себе колесом вертящейся рукою, я бегу, спешу догнать солнечную полосу, захватить как можно больше этого очерченного валом мира» [Там же, с. 162].

Девочка, героиня рассказа, в своем непосредственном беге жадно вбирает в себя всю красоту окружающего, представляющегося ей особым прекрасным миром, который необходимо вобрать в себя. Трудно переоценить способность писательницы так органически выражать связь своих глубоких эмоциональных порывов с окружающим миром. В этом художественное сознание Городецкой видится близким феноменологическому мировидению Ив. Бунина как автора «Жизни Арсеньева». «Первым русским феноменологическим романом» назвал это автобиографическое повествование Ю. Мальцев [Мальцев, 1994, с. 304]. Давая свое объяснение такому жанровому определению, Мальцев не ссылается на конкретные имена. Но философские источники в его подходе просматриваются вполне определенно: феноменология, философское направление (принципы его были сформулированы в начале XX века Э. Гуссерлем), для которого характерно исключение каких-либо утверждений о бытии и достижение неразложимого единства сознания. Ю. Мальцев имеет в виду следующее: «“Жизнь Арсеньева” — это не воспоминание о жизни, а воссоздание своего восприятия жизни и переживание этого восприятия (то есть новое “восприятие восприятия”)» [Там же, с. 304]. Полагаем, художественное сознание Надежды Городецкой было схожим с подобными чертами бунинской поэтики. (Заметим, что такого рода феноменология художественного сознания была в определенной степени свойственна и Е. Ю. Скобцовой, и В. А. Никифорову-Волгину, — пример же Н. Д. Городецкой в этом плане наиболее ярок.).

Рассказ «Со дна памяти» (опубликован 6 июля 1935 года в газете «Возрождение») тоже помогает убедиться в подобном представлении. Это скорее даже не рассказ, а очерковая зарисовка. Она посвящена теме переезда, в котором, как заявляет писательница с первой фразы, «есть нечто решающее»: в один из переездов она обнаружила старый клочок бумаги со стихами:

«Я скользила ногами босыми

Ранним утром мимо реки.

Заплетала я стебли косами,

Ветру сыпала лепестки.

А потом, у нестрогих сосен,

Прилетал ко мне серафим,

И мне было пятнадцать весен

И пятнадцать румяных зим» [Городецкая, 2013, с. 39—40].

А далее следует тонкий авторский комментарий к этим стихам: «Ну почему я тогда написала эти слова о пятнадцати зимах уже как бы издали, как бы из прошлого, точно уже стоя над собою, оглядываясь назад? ... кто поймет сияющую радость, которая меня там обнимала, защищала, уносила, точно многокрылый серафим...

Мимо реки... Это та самая извилистая мелкая речонка с мостом из двух бревен, *которая невольно вытекает из-под моего пера*, как только я начинаю описывать русскую деревню» (курсив наш. — В. З., И. К.) [Там же, с. 40].

Поразительно филигранно вычерчивает писательница параболу душевных движений героини, вызванных чтением забытых стихов. Здесь в едином благодарном чувстве сходятся прошлое и настоящее: благодатное, бесценное прошлое как будто именно вливается в настоящее, придавая ему цельность и значительность. А в прошлом — именно родной окружающий мир становится для писательницы главной жизненной опорой, великой онтологической ценностью.

Верно в этом плане наблюдение Л. Г. Головиной: «Этот процесс выявляет интересную трансформацию понятия “дом”, в значении которого эмигранты из прозы Н. Д. Городецкой употребляют именно слово “Россия” без указания конкретного города, села, усадьбы» [Головина, 2022, с. 61].

Разумеется, примеры из творчества Н. Д. Городецкой в этом плане можно умножить, но и приведенные выше, думается, явственно свидетельствуют о незаурядном мирозерцании автора, в котором роль художественного пространства выполняет уникальную роль.

3.3. Природная образность в художественном осмыслении В. А. Никифорова-Волгина

Особое художественное постижение природной образности отличает и творчество Василия Акимовича Никифорова-Волгина. Он родился 24 декабря 1900 года (по старому стилю) в Тверской губернии, а вскоре переехал вместе с семьей в Эстляндию, которая в 1918 году вошла в состав Эстонии. Так писатель стал эмигрантом поневоле. Большую часть своей жизни В. А. Никифоров-Волгин прожил в Нарве и Таллине, был редактором журнала «Полевые цветы» (1936—1938), публиковал в журналах своих произведения. Был учителем Алексея Ридигера, будущего Святейшего Патриарха Алексия II. Будучи писателем, публицистом, главным редактором газеты «Нарвский листок», Никифоров-Волгин часто обращался к православному тематике, отражал в своих произведениях картины русской до-революционной жизни и выражал драматизм разрушительных процессов национального духовного бытия в годы Гражданской войны. Расстрелян 14 декабря 1941 года.

В малой прозе писателя многочисленны природные образы и пространственные зарисовки, акцентирующие вневременную, онтологическую значимость происходящего. Отметим, что для создания онтологически значимого пространства В. А. Никифоров-Волгин использует различные сюжетные приемы. Так, при анализе рассказа «Солнце играет» хорватским профессором Н. П. Видмарович было замечено, что на хронотоп рассказов влияет сюжетная канва: «События <...> предстают именно как богоборческая хула, стремящаяся исторгнуть пространство ... из состояния обращенности к горнему миру, внепространственному и вневременному, удерживать его в ограниченности здешнего бытия» [Видмарович, 2013, с. 321].

Антропоморфные образы живой и неживой природы у писателя, в первую очередь, функционируют в текстах писателя как способы выражения оригинальной авторской позиции. Так, образ ветра в одноименном рассказе «Ветер» гуляет по широкой русской равнине, по обедневшим за революционное время деревенькам, по оскверненным православным святыням, по родному городу главного героя рассказа Павла Тригорина. Ветер видел и знает все, ветер — вечен, и потому он объемлет всё: «Ветер сгибал придорожные березы» [Никифоров-Волгин, 2018, с. 583], «Ветер принес откуда-то запах смолистого дыма» [Там же, с. 583], «Вечерний ветер... раскачивал черный тяжелый крендель над входом в булочную» [Там же, с. 594]. И в унисон печальной истории отца Андрея «за окнами шумел ветер и гудели деревья» [Там же, с. 597].

Динамика повествования, созданная благодаря образу ветра, направлена вверх и вперед. Это сильно контрастирует с запущенностью, даже обездвиженностью пейзажа: «Проезжали мимо выжженного пожаром старого парка. На месте барского особняка с белыми колоннами чернело пепелище» [Там же, с. 586], «Мертвыми, заколоченными окнами глядели бойкие когда-то торговые ряды» [Там же, с. 594]. Фабула текста направлена назад, в прошлое, что также подчеркивает контраст с особой динамичной жизнью ветра: герой Павел Тригорин возвращается в город детства и вспоминает былые дни: «Тригорину вспомнилось, как он когда-то нарвал росистой сирени, подкрался ночью к дому и бросил букет в открытое окно её [Насти] спаленки» [Там же, с. 595]. Более того, многие из хорошо знакомых Павлу Тригорину людей «...ушли в страну далеке... в не вечерние поля Господни» [Там же, с. 596].

Образ необъятной русской земли в этом рассказе раскрывается через восприятие героем полета птиц. Журавли, летящие «за тысячу вёрст» над Павлом Тригоринным, заставляют его «... представить себе то огромное пространство, которое должны перелететь птицы» [Там же, с. 583]. В масштабах этого огромного пространства русской равнины кажутся преходящими горести и радости маленького человека [Там же, с. 585].

Особое внимание В. А. Никифоров-Волгин уделяет христианскому смирению в жизни человека: «Старый наш дьякон ларек где-то открыл. Квасом да бубликами торгует. Отец Спиридон снял сан и служит конторщиком на бумажной фабрике. Покровская церковь, что на Сиреновой улице, в чайную превращена, а монастырь Скорбящей Богоматери — в казармы. Наш новый настоятель, отец Петр, завтра серебро с икон снимать будет и отдаст его на нужды государства, — рассказывал отец Андрей *без вздохов, без укоризны* и только *временами прикладывал руку к сердцу*» [Там же, с. 597].

В рассказах «детского цикла» В. А. Никифоров-Волгин проводит параллель между церковными праздниками и образами природы. В этих рассказах он подчеркнуто явно указывает на гармоничную соотнесенность православного и природного календаря. Отдельные образы, например образ яблок, на который обратим внимание и мы, исследуются в работах Е. Л. Сузрюковой. Так, она отмечает, что яблоко в рассказах писателя «... символизирует единение, мир, победу над соблазном, рай, чистоту, обновление» [Сузрюкова, 2016, с. 68].

В рассказе «Яблоки» (1937) писатель описывает состояние природы в праздник Преображения Господня: «Дни лета наливались, как яблоки. К Преображению Господню они были созревшими и как бы закругленными. От земли и солнца шел прохладный яблочный дух» [Никифоров-Волгин, с. 206].

Пространственно-временная канва у Никифорова-Волгина с первых строк рассказа приобретает закругленную форму. Православная традиция покупки яблок в Успенский пост и запрета на вкушение их до Преображения, а затем освящение яблок вписывается Волгиным в календарный цикл, тем самым соединяя законы природы и законы жизни: «Грех срывать плод до времени. Дай ему, голубчику, войти в силу, напитаться росой, землёй и солнышком, дожждаться милосердного благословения на потребу человека!» [Там же, с. 207].

Такого же благословения ждут и другие дары природы: верба, березка, рожь и, по вере героя-рассказчика, даже огурцы, морковь, черника, земляника, малина, грибы... Объяснение тому автор приводит по-христиански мудрое: «Вся земля стоит на благословении Господнем» [Там же, с. 207]. Так появляется еще одна характеристика пространства, вводимая В. А. Никифоровым-Волгиным в рассказах «детского цикла», а после повторяющаяся во многих его рассказах: миропорядок существует тогда, когда пространство неотделимо от Господа.

В этом рассказе для создания точных пейзажных и натюрмортных зарисовок автор активно использует *цветопись* и *звукопись*. Такими

красочными эпитетами (среди них есть даже неологизмы) наделяет автор яблоки, привезенные на базар: «жарко-румяные, яснозорчатые, осенецветные, багровые, златоискрые, янтарные, сизые, белые, зеленые, с красными опоясками, в веснушках, с розовинкой, золотисто-прозрачные (инда зёрнышки просвечивают), большие, как держава в руке Господа Вседержителя, и маленькие, что на рождественскую ёлку вешают...» [Там же, с. 207—208], «... и это полнозубое, весёлое, морозно-хрустящее слово “яблоки”, раскатывающееся по всему базару и улицам» [Там же, с. 211].

Восприятие солнца как созревшего яблока соединяется у героя-рассказчика с образом Великого Государя, «идущего от Светлой Заутрени». Так, в пространственно-временную канву повествования вписывается Евангелие от Матфея: «По прошествии дней шести взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лицо Его, как солнце, одежды же Его сделались белы как снег» [Там же, с. 212].

На закруглённость пространства обращает внимание автор и в последних строках рассказа: «Радостно и мирно завершился солнечный, яблочно-круглый день Преображения Господня».

Образ внешнего мира в рассказе «Яблоки» связан с традиционными православными традициями, календарным циклом и Евангельским текстом. Пространство закругляется благодаря устойчивому сравнению с наливным яблоком.

Мифологизированное пространство, осмысленное как сакральное, в произведениях В. А. Никифорова-Волгина сходно в сакральном плане с изображением внешнего мира в романе матери Марии «Равнина русская». В повести В. А. Никифорова-Волгина «Дорожный посох» (1938) пространство вокруг главного героя — отца Афанасия — предупреждает о надвигающихся революционных событиях и о страшном пути мученика за веру Христову, который предстоит пройти и герою, и всему русскому народу: «Когда выйдешь в поле или в лес, то слышишь, кругом тревожный, никогда раньше не примечаемый шум» [Там же, с. 610]. Ощущение скорой беды чувствуется в знойном лете, наполненном «тревожным, словно апокалиптическим» светом» [Там же, с. 612]. Апокалиптические настроения и изменение пространства в связи с ощущением (или наступлением) конца света присутствуют у В. А. Никифорова-Волгина и в других произведениях малой прозы, в которых поднимаются такие темы, как катастрофа потери русским человеком веры православной и забвение вековых традиций (рассказы «Солнце играет», «Антихрист», «Кошмар», «Зверь из бездны» и др.). Десакрализация общемирового пространства в повести «Дорожный посох» связана с эсхатологическими мотивами: «Я проснулся с великим

криком. Во сне привиделось мне, что Господь покидает землю...» [Там же, с. 624]. Тревожное, негостеприимное природное пространство сменяется изображением откровенного богоборчества, которое деревенская коммуна совершает по отношению к былым святыням: «... парни сбросили с колокольни большой колокол <...> Алексей Бахвалов поджег часовню при дороге. Кузьма икону Владычицы топором разрубил и в горящую печь бросил» [Там же, с. 627]. Хулению в эпоху перемен подвергся и табуированный в любой культуре топос: «... на кладбище стали гулянки устраивать» [Там же, с. 627], «... замутившиеся души сожгли наш храм» [Там же, с. 629]. Так, молчаливое проявление неуважения к русским традициям венчается весельем и смехом в церкви, на могилах умерших. Видмарович указывает, что «... смех выступает началом безумия: в него ввергается человек посредством осмеяния всего святого, что позволяет ему выпустить на волю звериное начало, которое, не сдерживаемое более никакими правилами морали и совести, выходит наружу» [Видмарович, 2013, с. 329]. Согласимся с исследователем в том определении, которым она обозначает происходящее с человеком: он выпускает на волю звериное начало. «Звериный лик человека» отмечает В. А. Никифоров-Волгин, когда описывает следователя с ясными голубыми глазами, вначале показавшимися прекрасными, но при более внимательном взгляде отливающими «страшной, словно застеклившейся синевой» [Никифоров-Волгин, 2018 с. 645]. И, несмотря на это, герой отец Афанасий противостоит звериной маске человека: «... чем глубже носишь в себе образ Христа и вооружаешься смирением, тем скорее осветишь звериный мир человека» [Там же, с. 649].

Значима в связи с этим следующая закономерность — вытеснение христианских служб из церквей в глухие пещеры, которые позволяют читателю вспомнить о том, как спасались первые христиане. Дом Божий был в повести «Дорожный посох» перенесен сперва в охотничий теремок, затем в боковушку дома сапожника, а после — в глухую лесную пещеру: «Будущая церковь наша сокрыта черными вековыми елями — лучшего места не найти!» [Там же, с. 636]. Здесь В. А. Никифоров-Волгин исторически точно воспроизводит реалии лихолетья: только сильный духом человек может устоять. Е. Н. Трубецкой, религиозный философ конца XIX — начала XX веков, рассуждая о бескрайнем равнинном пространстве как основе русского национального менталитета, отмечал, что единственная возвышенность, которую терпит русская равнина, есть человеческий дух: «На нашей равнине это — та единственная возвышенность, которую смерть доселе не смогла сровнять с землею» [Трубецкой, 1994, с. 310].

Десакрализованное пространство в тексте повести освещает Божественное чудо: оказавшуюся в опасности чудотворную икону Божией Ма-

тери удалось спасти. Силы природы благоволят христианам, старые деревья в снегу, сам снег, заметающий следы христиан, словно направляются Чьей-то невидимой рукой: «На наше счастье, Владычица засыпала землю снегом. В городе ни одного фонарика, ни голосов, ни собачьего лая». И особенно чудесно в эпизоде спасения иконы следующее сравнение: «Так тихо, словно земля душу свою Богу отдала» [Никифоров-Волгин, 2018, с. 640].

Пространство у Волгина всегда освящает образ Богородицы. Упоминание метафоричного названия паутины — «пряжа Богородицы» — влечет за собой многочисленные красочные названия Богородичных икон, появившиеся в памяти героя. Священник Афанасий убежден: «Надо иметь неместимую душу, ширше облака (изъясняясь словами акафиста), упоённую и творящую душу, чтобы все это выразить» [Никифоров-Волгин, 2018, с. 664—667]. Более того, автор отмечает поэтический дар народа, который смог придумать столь благозвучные названия для простых вещей. Значимость обращения автора к фольклорным мотивам для создания особого типа пространства в рассказе «Заутреня святителей» отмечена И. А. Казанцевой: «... фольклорный источник становится основой сюжета, мотив святости русской земли усилен за счет упоминания легендарного града Китежа» [Казанцева, 2010, с. 107].

В повести «Дорожный посох» обезбоженное лихолетьем пространство раз за разом освещается светлым Ликом Господа. Для того чтобы подчеркнуть это, В. А. Никифоров-Волгин использует образы живой и неживой природы, вводит поэтические названия, данные русским народом земле, деревьям, метели, паутине и др.

Итак, природная образность в осмыслении В. А. Никифорова-Волгина приобретает метафизическое значение. В рассказе «Ветер» образ ветра символизирует вечное, а потому происходящее вокруг Павла Тригорина при всей драматичности воспринимается как нечто преходящее. Мысль о вневременной значимости христианского смирения становится в подтексте благодаря этому фону более полнозвучной. В рассказе «Яблоки» писатель осмысляет православные традиции, связанные с фольклорным календарно-обрядовым циклом. Следование традициям создает гармоничный образ пространства, окружающего ребенка-рассказчика. Эти рассказы типологически близки рассмотренным выше произведениям Н. Д. Городецкой, посвященным детству. В повести В. А. Никифорова-Волгина «Дорожный посох» многомерно изображен процесс десакрализации окружающего пространства. В этом произведении образ матушки-земли сходен с трагическим образом русской равнины в романе Е. Ю. Скобцовой (матери Марии).

Полагаем, приведенные нами примеры помогают убедиться, насколько важной в художественном сознании В. А. Никифорова-Волгина была подтекстово-ассоциативная сфера, символизация образа окружающего мира.

Следует согласиться с мнением А. М. Любомудрова, что и сегодня, в России XXI века, «книги Никифорова-Волгина — как глоток чистейшей родниковой воды. Его светозарное слово лечит душу, наполняет ее живительным светом и дарит надежду» [Любомудров, 2018, с. 20].

4. Заключение = Conclusions

Думается, рассмотренные нами примеры творчества Е. Ю. Скобцовой, Н. Д. Городецкой, В. А. Никифорова-Волгина убедительно иллюстрируют высказанное в свое время академиком Д. С. Лихачевым убеждение: «Страна — это единство народа, природы и культуры <...> Воспитывает не только историческая память в своем городе и в своем селе — воспитывает человека его страна в ее целом..., люди живут не только в своем “пункте”, но во всей стране и не своим веком только, но всеми столетиями своей истории» [Лихачев, 1998, с. 501].

Для писателей русской эмиграции такие представления были органичны, и именно благодаря им даже произведения малых жанров становились онтологически укрупненными, приобретали функцию связующих звеньев в неразрывной цепи национальной культурной памяти. Несомненно, что творчество данных авторов углубляет представления о пасхальности русской словесности, многомерно исследованной И. А. Есауловым [Есаулов, 2004]. В их текстах просматривается «именно “память” пасхального архетипа», о которой пишет ученый [Там же, с. 4].

Проведенный анализ убеждает, что художественное мышление Е. Ю. Скобцовой, Н. Д. Городецкой, В. А. Никифорова-Волгина развивалось в типологическом русле неореалистического художественного сознания, которому был присущ многогранный синтез различных художественных начал, в нем важную роль играла символизация природной образности, мифопоэтическое в восприятии национального пейзажа, глубинное постижение его сакрального характера. В прозе Е. Ю. Скобцовой поражает воображение читателя способность мифологически-экспрессивно представить сокровенное: образ страдающей матери-родины, страдающей всей равнины русской. В малой прозе Н. Д. Городецкой индивидуально-личностное восприятие родины предстает в феноменологической слитности прошлого и настоящего, в котором вечно живые картины ушедшего родного мира не просто оказываются биографическими воспоминаниями, но становятся для читателя векторами памя-

ти о родине, — самыми главными, историческими, аксиологическими, необходимыми для всех. В произведениях В. А. Никифорова-Волгина в оригинальном индивидуально-авторском видении обнаруживается типологически сходная с художественным восприятием Е. Ю. Скобцовой мифологизация пространства — с акцентированием мотива сакральности последнего, выражением драматичности происходящего в годы лихолетья. С Н. Д. Городецкой писателя роднит восприятие целебной гармоничности родного окружающего мира ребенком.

Полагаем, дальнейшие исследования данной проблематики могут быть весьма перспективными.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. *Афанасьев А. Н.* Древо жизни / А. Н. Афанасьев. — Москва : Современник, 1982. — 464 с.
2. *Боброва Е. В.* Дооктябрьское творчество Е. Ю. Кузьминой-Караваевой : мифопоэтический аспект : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. В. Боброва. — Нижний Новгород, 2014. — 232 с.
3. *Бойко С. С.* Василий Никифоров-Волгин — русский писатель из эстонской Нарвы / С. С. Бойко // Вопросы литературы. — 2017. — № 2. — С. 246—261.
4. *Бойко С. С.* Книги для бессмертных. Теоцентрическая проза православных писателей XX—XXI вв. : [монография] / С. С. Бойко. — Москва : РГГУ, 2021. — 345 с. — ISBN 978-5-7281-2951-6.
5. *Видмарович Н. П.* Образ пасхального пространства в рассказах В. Никифорова-Волгина и А. Солженицына : к проблеме трансформации / Н. Видмарович // Духовная традиция в русской литературе : сб. научных статей. — Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2013. — С. 321—340. — ISBN 978-5-4312-0229-2.
6. *Викторова Т. А.* «Неузнанной еще вернусь я к вам» : судьба поэзии матери Марии в постсоветской России и во Франции / Т. А. Викторова // Studia Litterarum. — 2018. — Т. 3. — № 2. — С. 196—229. — DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-196-229.
7. *Головина Л. Г.* Творчество Н. Д. Городецкой в литературном контексте русского зарубежья : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Л. Г. Головина. — Курск, 2022. — 195 с.
8. *Городецкая Н. Д.* Остров одиночества : роман, рассказы, очерки, письма / Н. Д. Городецкая ; [сост. : А. М. Любомудров] ; Ин-т русской лит. (Пушкинский Дом) Российской Акад. наук. — Санкт-Петербург : Росток, 2013. — 844 с. — ISBN 978-5-94668-136-0.
9. *Есаулов И. А.* Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов. — Москва : Кругъ, 2004. — 560 с. — ISBN 5-7396-0073-1.
10. *Зандер В. А.* Мать Мария (Скобцова) (К 10-летию с даты смерти 31 марта 1945 г.) / В. А. Зандер // Вестник РСХД. — 1955. — № 36. — С. 3—7.
11. *Зябрева Г. А.* Еще к вопросу о русском неореализме / Г. А. Зябрева // Вопросы русской литературы. — 2015. — № 2 (32). — С. 180—187.

12. *Казанцева И. А.* Отражение сакрального пространства в произведениях В. А. Никифорова-Волгина и В. Н. Крупина / И. А. Казанцева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2010. — № 1—2. — С. 107—111.
13. *Конюхова А. С.* Творчество В. А. Никифорова-Волгина : поэтика сюжета и типология героев : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. С. Конюхова. — Воронеж, 2021. — 201 с.
14. *Кривошеина К. И.* Мать Мария (Скобцова). Святая наших дней / К. И. Кривошеина. — Москва : Эксмо, 2015. — 691 с. — ISBN 978-5-699-69950-6.
15. *Беневич Г. И.* Мать Мария. Духовная биография и творчество / Г. И. Беневич. — Санкт-Петербург : Высшая религиозно-философская школа, 2003. — 322 с.
16. *Ликвинцева Н. В.* Мать Мария (Скобцова), 1891—1945 / Н. В. Ликвинцева. — Москва : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2018. — 120 с. — ISBN 978-5-98854065-6.
17. *Кузьмина-Караваева Е. Ю.* Равнина русская: Стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Худож. и автобиограф. проза. Письма / Е. Ю. Кузьмина-Караваева (Мать Мария) ; [Сост., авт. вступ. ст. и примеч. А. Н. Шустов]. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2001. — 765 с. — ISBN 5-210-01541-6.
18. *Лапко О.* Художественное воплощение наставничества в русской прозе 1920—1930-х годов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / О. Лапко. — Москва, 2009. — 18 с.
19. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. — 3-е изд., доп. — Москва : Наука, 1979. — 352 с.
20. *Лихачев Д. С.* Избранное. Великое наследие: Классич. произведения лит. Древ. Руси ; Заметки о русском / Д. С. Лихачев. — Санкт-Петербург : Logos, 1997. — 537 с. — ISBN 5-87288-149-5.
21. *Мальцев Ю.* Бунин / Ю. Мальцев. — Frankfurt a. M. ; Moskau : Посев, 1994. — 432 с. — ISBN 5-85824-007-0.
22. *Никифоров-Волгин В. А.* Светлая Заутреня : Сборник прозы / В. А. Никифоров-Волгин ; вступ. ст. А. М. Любомудрова. — Москва : Сибирская Благовонница, 2018. — 717 с. — ISBN 978-5-906911-76-6.
23. *Осьминина Е. А.* И. С. Шмелев и В. А. Никифоров-Волгин / Е. А. Осьминина // И. С. Шмелев и проблемы национального самосознания (традиции и новаторство) : сб. статей. — Москва : ИМЛИ РАН, 2015. — С. 382—394. — ISBN 978-5-9208-0464-8.
24. *Панченко А. М.* О русской истории и культуре / А. М. Панченко. — Санкт-Петербург : Азбука, 2000. — 464 с. — ISBN 5-267-00274-7.
25. *Сузрюкова Е. Л.* Образ матери в произведениях В. А. Никифорова-Волгина / Е. Л. Сузрюкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология. Журналистика. — 2021. — № 4. — С. 79—83.
26. *Сузрюкова Е. Л.* Образ Христа в книге В. А. Никифорова-Волгина «Земля-именинница» / Е. Л. Сузрюкова // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2018. — № 2 (14). — С. 17.
27. *Сузрюкова Е. Л.* Образ юродивого в рассказах В. А. Никифорова-Волгина / Е. Л. Сузрюкова // Проблемы исторической поэтики. — 2023. — № 2 (21). — С. 258—273. — DOI: 10.15393/j9.art.2023.12302.
28. *Сузрюкова Е. Л.* Символическое значение образов яблока и яблони в цикле рассказов В. А. Никифорова-Волгина «Детство» / Е. Л. Сузрюкова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2016. — № 5—5. — С. 66—68.

29. *Терапиано Ю.* Мать Мария / Ю. Терапиано // Дальние берега : портреты писателей эмиграции : мемуары / сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. — Москва : Республика, 1994. — С. 200—203. — ISBN 5-250-02304-6.

30. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ : исследования в области мифопоэтического : избранное / В. Н. Топоров. — Москва : Прогресс, 1995. — 621 с. — ISBN 5-01-003942-7.

31. *Трубецкой Е. Н.* Два зверя / Е. Н. Трубецкой. — Москва : Республика, 1994. — 431 с. — ISBN 5-250-02428-9.

32. *Ужанков А. Н.* Эволюция пейзажа в русской литературе XI — первой трети XVIII вв. / А. Н. Ужанков // Древнерусская литература. Изображение природы и человека : коллективная монография. — Москва : Наследие, 1995. — С. 19—89. — ISBN 5-86562-014-2.

33. *Эпштейн М. Н.* «Природа, мир, тайник Вселенной...» / М. Н. Эпштейн. — Москва : Высшая школа, 1990. — 303 с. — ISBN 5-06-001588-2.

34. *Юрьева М. В.* Поэтическое творчество Е. Ю. Кузьминой-Караваевой : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / М. В. Юрьева. — Таганрог, 2004. — 19 с.

*Статья поступила в редакцию 10.03.2024,
одобрена после рецензирования 12.05.2024,
подготовлена к публикации 21.05.2024.*

References

- Afanashev, A. N. (1982). *The tree of life*. Moscow: Sovremennik. 464 p. (In Russ.).
- Benevich, G. I. (2003). *Mother Maria. Spiritual biography and creativity*. St. Petersburg: Higher Religious and Philosophical School. 322 p. (In Russ.).
- Bobrova, E. V. (2014). *Pre-October creativity of E. Y. Kuzmina-Karavaeva: mythopoeic aspect*. PhD Diss. Nizhny Novgorod. 232 p. (In Russ.).
- Boyko, S. S. (2021). *Books for immortals. Theocentric prose of Orthodox writers of the XX—XXI centuries: [monograph]*. Moscow: RSUH. 345 p. ISBN 978-5-7281-2951-6. (In Russ.).
- Boyko, S. S. (2017). Vasily Nikiforov-Volgin is a Russian writer from Estonian Narva. *Questions of literature*, 2: 246—261. (In Russ.).
- Epstein, M. N. (1990). *"Nature, the world, the hiding place of the Universe ..."* Moscow: Higher School. 303 p. ISBN 5-06-001588-2. (In Russ.).
- Golovina, L. G. (2022). *The work of N. D. Gorodetskaya in the literary context of the Russian abroad*. PhD Diss. Kursk. 195 p. (In Russ.).
- Gorodetskaya, N. D. (2013). *Island of solitude: novel, short stories, essays, letters*. St. Petersburg: Rostock. 844 p. ISBN 978-5-94668-136-0. (In Russ.).
- Kazantseva, I. A. (2010). Reflection of the sacred space in the works of V. A. Nikiforov-Volgin and V. N. Krupin. *Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities*, 1—2: 107—111. (In Russ.).
- Konyukhova, A. S. (2021). *Creativity of V. A. Nikiforov-Volgin: poetics of the plot and typology of heroes*. PhD Diss. Voronezh. 201 p. (In Russ.).
- Krivoshchina, K. I. (2015). *Mother Maria (Skobtsova). The Saint of our days*. Moscow: Eksmo. 691 p. ISBN 978-5-699-69950-6. (In Russ.).

- Kuzmina-Karavaeva, E. Y. (2001). *Russian Plain: Poems and poems. Mystery plays. The artist. and autobiographical prose. Letters*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. 765 p. ISBN 5-210-01541-6. (In Russ.).
- Lapko, O. (2009). *The artistic embodiment of mentoring in Russian prose of the 1920s—1930s*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 18 p. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1997). *Favorites. The Great Legacy: Classic. works of lit. The tree. Rus; Notes on Russian*. St. Petersburg: Logos. 537 p. ISBN 5-87288-149-5. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1979). *Poetics of ancient Russian literature. 3rd ed., supplement*. Moscow: Nauka. 352 p. (In Russ.).
- Likvintseva, N. V. (2018). *Mother Maria (Skobtsova), 1891—1945*. Moscow: Solzhenitsyn House of Russian Abroad. 120 p. ISBN 978-5-98854065-6. (In Russ.).
- Maltsev, Yu. (1994). *Bunin*. Frankfurt A.M.; Moskau: Sowing. 432 p. ISBN 5-85824-007-0. (In Russ.).
- Nikiforov-Volgin, V. A. (2018). *Bright Matins: A collection of prose*. Moscow: Sibirskaya Blagozvonnitsa. 717 p. ISBN 978-5-906911-76-6. (In Russ.).
- Osmarina, E. A. (2015). I. S. Shmelev and V. A. Nikiforov-Volgin. In: *I. S. Shmelev and problems of national identity (traditions and innovation): collection of articles*. Moscow: IMLI RAS. 382—394. ISBN 978-5-9208-0464-8. (In Russ.).
- Panchenko, A. M. (2000). *On Russian history and culture*. St. Petersburg: Azbuka. 464 p. ISBN 5-267-00274-7. (In Russ.).
- Suzryukova, E. L. (2018). The image of Christ in the book by V. A. Nikiforov-Volgin “The Earth is the birthday girl”. *Scientific notes of the Novgorod State University, 2 (14)*: S. 17. (In Russ.).
- Suzryukova, E. L. (2023). The image of the fool in the stories of V. A. Nikiforov-Volgin. *Problems of historical poetics, 2 (21)*: 258—273. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12302. (In Russ.).
- Suzryukova, E. L. (2021). The image of the mother in the works of V. A. Nikiforov-Volgin. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism, 4*: 79—83. (In Russ.).
- Suzryukova, E. L. (2016). The symbolic meaning of images of an apple and an apple tree in the cycle of short stories by V. A. Nikiforov-Volgin “Childhood”. *Actual problems of the humanities and natural sciences, 5—5*: 66—68. (In Russ.).
- Therapiano, Yu. (1994). Mother Maria. In: *Distant shores: portraits of emigration writers: memoirs*. Moscow: Republic. 200—203. ISBN 5-250-02304-6. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1995). *Myth. The ritual. Symbol. Image: research in the field of mythopoeic: favorites*. Moscow: Progress. 621 p. ISBN 5-01-003942-7. (In Russ.).
- Trubetskoy, E. N. (1994). *Two beasts*. Moscow: Republic. 431 p. ISBN 5-250-02428-9. (In Russ.).
- Uzhankov, A. N. (1995). The evolution of landscape in Russian literature of the XI — first third of the XVIII centuries. In: *Ancient Russian literature. The image of nature and man: a collective monograph*. Moscow: Heritage. 19—89. ISBN 5-86562-014-2. (In Russ.).
- Vidmarovich, N. P. (2013). The image of the Easter space in the stories of V. Nikiforov-Volgin and A. Solzhenitsyn: on the problem of transformation. In: *Spiritual tradition in Russian literature: collection of scientific articles*. Izhevsk: Udmurt University Publishing House. 321—340. ISBN 978-5-4312-0229-2. (In Russ.).
- Viktorova, T. A. (2018). “I will return to you unrecognized”: the fate of Mother Mary’s poetry in post-Soviet Russia and in France. *Studia Litterarum, 3 (2)*: 196—229. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-196-229. (In Russ.).

- Yesaulov, I. A. (2004). *Paschality of Russian literature*. Moscow: Krug. 560 p. ISBN 5-7396-0073-1. (In Russ.).
- Yuryeva, M. V. (2004). *Poetic creativity of E. Y. Kuzmina-Karavaeva*. Author's abstract of PhD Diss. Taganrog. 19 p. (In Russ.).
- Zander, V. A. (1955). Mother Maria (Skobtsova) (To the 10th anniversary of her death on March 31, 1945). *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 36: 3—7. (In Russ.).
- Zyabreva, G. A. (2015). More on the question of Russian neorealism. *Questions of Russian literature*, 2 (32): 180—187. (In Russ.).

*The article was submitted 10.03.2024;
approved after reviewing 12.05.2024;
accepted for publication 21.05.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(4), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Лобин А. М. Мифологизация образа Марата Кирова в романе А. Тургенева «Спать и верить. Блокадный роман» / А. М. Лобин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 230—248. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-230-248.

Lobin, A. M. (2024). Mythologization of Image of Marat Kirov in Novel “Sleep and Believe. Blockade Novel” by A. Turgenev. *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 230-248. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-230-248. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Мифологизация образа Марата Кирова в романе А. Тургенева «Спать и верить. Блокадный роман»

Лобин Александр Михайлович

orcid.org/0000-0002-6885-0963

ScopusAuthorID 57958223700

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка,
литературы и журналистики
amlobin@yandex.ru

Ульяновский государственный
педагогический университет
имени И. Н. Ульянова
(Ульяновск, Россия)

Mythologization of Image of Marat Kirov in Novel “Sleep and Believe. Blockade Novel” by A. Turgenev

Alexandr M. Lobin

orcid.org/0000-0002-6885-0963

ScopusAuthorID 57958223700

Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian
Language, Literature and Journalism
amlobin@yandex.ru

Ulyanovsk State
University of Education
(Ulyanovsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье представлены результаты анализа системы персонажей и сюжетообразующих конфликтов в романе Андрея Тургенева (Вячеслава Курицына) «Спать и верить. Блокадный роман». Было рассмотрено общее состояние военно-исторической прозы рубежа XX—XXI веков. Охарактеризованы основные исторические мифы о блокаде. Проведен обзор точек зрения исследователей на жанр, сюжет и поэтику данного произведения. Установлено, что роман А. Тургенева является частью постмодернистского исторического дискурса, где метафизика «петербургского текста» переплетается с наиболее одиозными мифами о ленинградской блокаде (злоупотребления руководства, произвол НКВД, людоедство и пр.). Анализ текста позволяет утверждать, что центральным мифом и главным героем романа является Марат Киров, вымышленный секретарь Ленинградского обкома. Он воплощает актуальные исторические мифы о блокаде, а также о реальных руководителях Ленинграда — С. М. Кирове и А. А. Жданове. В изображении Кирова автор широко использует приемы контраста и гиперболизации, а также многочисленные отсылки к «петербургскому тексту». В итоге градус гиперболизации и демонизации, нагнетаемый А. Тургеневым, актуализирует травматический опыт всей советской истории, а также позволяет ассоциировать образ фантастического Марата Кирова с Петром Великим.

Ключевые слова:

современная русская литература; военно-историческая проза; историческая мифология, Андрей Тургенев; Вячеслав Курицын.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents the results of an analysis of the character system and plot-forming conflicts in the novel by Andrei Turgenev (Vyacheslav Kuritsyn) “Sleep and Believe. Blockade Novel.” The overall state of military-historical prose at the turn of the 20-21 centuries was examined. The main historical myths about the blockade were characterized. An overview of researchers' perspectives on the genre, plot, and poetics of this work was conducted. It was established that A. Turgenev's novel is part of a postmodern historical discourse, where the metaphysics of the “Petersburg text” intertwines with the most odious myths about the Leningrad blockade (abuses of leadership, arbitrariness of People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR, cannibalism, etc.). Analysis of the text allows us to assert that the central myth and main character of the novel is Marat Kirov, a fictional secretary of the Leningrad Regional Committee. He embodies current historical myths about the blockade, as well as about the real leaders of Leningrad — S.M. Kirov and A.A. Zhdanov. In depicting Kirov, the author widely uses contrast and hyperbolization techniques, as well as numerous references to the “Petersburg text.” As a result, the degree of hyperbolization and demonization fostered by A. Turgenev actualizes the traumatic experience of the entire Soviet history and allows associating the image of the fantastic Marat Kirov with Peter the Great.

Key words:

contemporary Russian literature; military-historical prose; historical mythology; Andrey Turgenev; Vyacheslav Kuritsyn.

Мифологизация образа Марата Кирова в романе А. Тургенева «Спать и верить. Блокадный роман»

© Лобин А. М., 2024

1. Введение = Introduction

Предлагаемая статья является частью обзорно-аналитического исследования современной российской прозы о Великой Отечественной войне. Ранее были рассмотрены романы «Диверсант» А. Азольского, «Танкист или “Белый тигр”» И. Бояшова, «Штрафбат» Э. Володарского и другие [Лобин, 2020; 2022; 2023]. Роман Андрея Тургенева (Вячеслава Курицына) «Спать и верить. Блокадный роман» (2007) [Тургенев, 2007] также относится к этому ряду произведений и воплощает все тенденции, характерные для военно-исторической прозы 2000-х годов.

Исследователи полагают, что отличительной чертой литературы этого периода стала новая художественная стратегия отражения прошлого. Если в военной прозе 1990-х на первом плане стояла задача реконструкции исторических событий и их переоценки, то в произведениях начала XXI века отмечена преимущественно установка на переосмысление и переживание травматического опыта, который не был полностью освоен в советский период [Кукулин, 2005; Вежлян, 2016; Ковтун, 2020]. Для решения этой задачи авторы обращаются к исторической мифологии, в которой «ищут культурные коды, сюжеты, аналогии для передачи трагического военного опыта прошлого» [Ковтун, 2020, с. 10].

Роман «Спать и верить» посвящен блокаде Ленинграда как одной из самых трагичных страниц Великой Отечественной войны. Наиболее заметной чертой поэтики этого произведения стала провокационная игра со «штампами шпионских романов соцреализма... слухами и легендами о страшном блокадном времени» [Черняк, 2009, с. 77]. Здесь автор активно обыгрывает как традиционные коды «петербургского текста», так и наиболее распространенные военные и блокадные мифы, актуальные для массового сознания современной России.

Научная новизна предлагаемого исследования заключается в изучении образа альтернативно-исторического Марата Кирова, «хозяина Ленингра-

да», сконструированного автором путем компиляции нескольких мифов советской эпохи и элементов «петербургского текста».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Тема Великой Отечественной войны в постсоветской литературе остается устойчиво актуальной, поэтому критики и литературоведы уделяют большое внимание военно-исторической прозе. В обзорной статье В. А. Зубкова «Поворот русла. Проза о Великой Отечественной войне сегодня» подведены итоги развития этого направления в «нулевых» годах нового века [Зубков, 2011], Т. Н. Маркова изучила «Художественные реконструкции Великой Отечественной войны в современной массовой литературе. От “окопной правды” к фантазиям на военные темы» [Маркова, 2019], Л. Н. Скаковская представила обзор «Военная проза начала XXI века: темы, идеи, образы» [Скаковская, 2015], а внимание Н. В. Ковтун привлекла «Тема памяти в современной прозе о Великой Отечественной войне» [Ковтун, 2020].

В этих работах отмечена эволюция жанровой парадигмы, когда на смену автобиографической и мемуарной прозе пришли постмодернистская историческая мелодрама, роман-фэнтези, военно-фантастический экшн-боевик и т. д. [Маркова, 2019, с. 157]. Данное обстоятельство объясняется закономерной сменой поколений, когда на место писателей-фронтовиков приходит поколение, не знающее «военной реальности, неведомой им ни в силу возраста, ни в силу желания ее понять» [Зубков, 2011, с. 480]. Поэтому вместо невозможной для них реконструкции прошлого на основе исторических документов авторы обращаются к постмодернистскому переосмыслению актуальных мифов и литературных образов. Это создает возможность «для произвольных интерпретаций исторических событий, открывает простор для авторского воображения и художественного экспериментирования», как полагает Т. Н. Маркова [Маркова, 2019, с. 155]. Исследуемый роман рассматривается как один из таких экспериментов.

В плане содержания проза 2000-х годов продолжает традиции последних писателей военного поколения, таких как В. Астафьев, В. Быков, Д. Гранин и др., в произведениях которых акцентируются проблемы цены Победы, отношений власти и народа и т. п. Новое поколения писателей также обратилось к военной тематике, чтобы «понять во всей возможной полноте и природу подвига советского народа, и природу трагедии, выпавшей на его долю» [Скаковская, 2015, с. 112], и «почему наша Великая Победа, завоеванная в 1945 вопреки Системе, оплаченная страшной ценой, не принесла стране обновления... не смогла обеспечить защиту тем, кто вернулся победителем, преодолев ад» [Ковтун, 2020, с. 19].

Кроме стремления понять и переосмыслить события военной истории, литература о Войне решает также задачу психологического переживания травматического опыта, который не был полностью освоен в советский период: «Катастрофический опыт не был интегрирован в общественное сознание, приобрел черты непроработанной коллективной травмы» [Кукулин, 2005]. Другие современные исследователи также рассматривают память о войне как опыт травматический: «Такой опыт тяжек, травматичен, он изменил историю страны и облик нации, ее будущее» [Ковтун, 2020, с. 7]; «Современная... беллетристика бессознательно транслирует страхи и тревоги, порожденные травматическим опытом истории XX века» [Маркова, 2019, с. 158]. Статья Е. И. Вежляна «Прорвать заграждение: блокада Ленинграда как символ и опыт», в свою очередь, полностью посвящена современным произведениям о блокаде Ленинграда (в том числе роману «Спать и верить»), становящимся, по ее мнению, «местом проработки травматического опыта» [Вежлян, 2016].

Роман А. Тургенева (В. Курицына) «Спать и верить. Блокадный роман» (2007) стал неотъемлемой частью этого дискурса. Это произведение было удостоено премии «Национальный бестселлер-2008», отмечено критиками [Топоров, 2007; Новикова, 2007; Зиновьева, 2008; Пимченко, 2015] и литературоведами [Богданова, 2008; Урицкий, 2008; Зубков, 2011; Маркова, 2019]. Исследователи подчеркивают сложное сочетание реальных фактов блокадного быта, взятых из мемуарной литературы, и фантастических элементов, обилие стилистических анахронизмов, а также многочисленные отсылки к другим образцам «петербургского текста». Преобладает мнение, что это произведение скорее постмодернистское: «тотально игровой и отрицательно-экспериментальный роман» [Пимченко, 2007], «постмодернистская историческая мелодрама» [Маркова, 2019, с. 155]. М. А. Черняк полагает, что «обращение к блокадной теме в игровом по сути романе было провокационно изначально. В основе... лежит смесь альтернативной истории и исторических фактов» [Черняк, 2009, с. 75]. Провокационный эффект, создаваемый игровой постмодернистской поэтикой, актуализует память о прошлом. Это, на наш взгляд, еще одна попытка «приблизить к себе историю... вернуть... из состояния застывшего монумента, памятника в сферу актуальных переживаний автора и читателя» [Маркова, 2004, с. 16].

Цель работы — анализ образа Марата Кирова как центрального элемента поэтики и художественной мифологии романа А. Тургенева «Спать и верить. Блокадный роман». Достижение поставленной цели требует решения нескольких задач:

- рассмотреть основные исторические мифы, связанные с блокадой Ленинграда и личностями руководителей Ленинградского обкома: С. М. Кировым и А. А. Ждановым;
- изучить сюжет, систему персонажей и сюжетообразующих конфликтов в романе «Спать и верить»;
- выявить художественные особенности и средства репрезентации образа Марата Кирова.

В ходе работы были рассмотрены наиболее популярные мифы о блокаде, проанализирована система персонажей и сюжетообразующих конфликтов в произведении. Определен генезис образа Кирова, представлены наиболее значимые черты и художественные средства репрезентации концепции этой альтернативно-исторической личности. Указано место «Марата Кирова» в художественной мифологии Петербурга (Ленинграда).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Блокадный миф в массовом сознании XX и XXI веков

Текст романа «Спать и верить» в плане содержания опирается на воспоминания ленинградцев, но это, по мнению исследователей, все же не делает его историческим произведением. Напротив, «в романе простые ленинградцы исчезающими тенями ходят по городу, чекисты подличают и зверствуют, обитатели Смольного жируют, хлещут коньяк стаканами и жрут икру ложками... Если расспросить современных людей, особенно начитанных, о ленинградской блокаде, то они расскажут приблизительно так», — пишет А. Урицкий [Урицкий 2008]. Таким образом, автор предлагает не реконструкцию событий прошлого, а художественную репрезентацию исторических мифов массового сознания, характерных для рубежа XX—XXI веков.

Современные историки продолжают изучать различные аспекты истории блокады Ленинграда, в том числе и те, которые были под запретом в советское время [Соболев, 2013; Кутузов, 2008; Иванов, 2012; Сушков, 2023], но в массовом сознании научное знание мало востребовано, поэтому наиболее эффективной дискуссионной площадкой для общественного исторического сознания являются периодические издания, такие как журнал «Огонек», газеты «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» и пр., где основным объектом обсуждения являются именно неофициальные мифы о Войне. Степень их научно-исторической достоверности в данном случае значения не имеет. Историк М. С. Кальней подчеркивал, что в настоящее время можно «признать историческим мифом такую интерпретацию прошлого, которая... не соответствует признанному достоверным историческому знанию» [Кальней, 2021, с. 14]. Применительно к теме

блокады наибольший интерес представляют следующие мифы: «сдали бы город, не было бы жертв»; «в ленинградцах не осталось ничего человеческого (имеются в виду людоедство и мародерство. — А. Л.)»; «городская верхушка обжиралась в царстве голода»; «Ленинград выстоял вопреки воле Сталина» [Никифоров, 2019].

Но центральным, на наш взгляд, является авторский миф — личность Марата Кирова. Критиками «Киров» практически не изучен: «Ленинградом руководит не “верный сталинец” Андрей Жданов, а народный любимец, двухметровый богатырь, соперник Сталина Марат Киров... этот небольшой сдвиг освободил писателю руки, позволив конструировать свой мир» [Урицкий, 2008]; «Лжеименем героя автор подсказывает, что его рассказ о блокаде должен быть воспринят... как произведение художественное» [Богданова, 2008]. В целом, исследователи установили, что замена Андрея Жданова на Марата Кирова меняет жанр произведения с исторического на альтернативно-исторический, но сюжетная и смысловая ценность такой замены не определена.

В основу данной работы положена гипотеза: замена реального Андрея Жданова на мифического Марта Кирова не только меняет жанровый статус произведения, но и закладывает ряд специфических ассоциаций, связанных как с историей Ленинграда, так и с личностями подлинных Кирова и Жданова.

Что же представляет собой «Марат Киров» с точки зрения литературно-исторической мифологии? Улица Марата в Санкт-Петербурге — одна из самых известных, таким образом, это имя в данном контексте выглядит наиболее «ленинградским». Киров — также фамилия знаковая. Сергей Миронович Киров (Костриков, 1886—1934) — один из тех немногих партийных деятелей советского периода, которые остались в коллективной памяти положительными героями. В процессе борьбы с культом личности Киров был представлен подлинным большевиком, альтернативой тирану Сталину. Бытует легенда, что на XVII Съезде ВКПб в 1934 году при голосовании на пост Генерального секретаря Киров получил больше голосов, чем Сталин, но итоги голосования были фальсифицированы, а в организации убийства Кирова также обвиняли Сталина [Млечин, 2014; Титов, 2016; Генкин, 2017].

Эта версия оказалась очень востребованной. Так, в романе «Штрафбат» Э. Володарского штрафники поют частушку: *«Эх огурчики, да помидорчики, // Сталин Кирова убил да в коридорчике»*, — а позже обсуждают итоги голосования на XVII Съезде: *«Бюллетени за Кирова были попросту уничтожены или переписаны в пользу усатого батьки»* [Володарский, 2004]. Андрей Александрович Жданов, напротив, стал эталоном сталин-

ского бюрократа и антигероем. Легенда о том, что он обжирался деликатесами и страдал ожирением, также представлена в массовом сознании и литературе [Вольнец, 20213; Митленко, 2018; Сидорчик, 2016].

Следует также отметить, что ни С. М. Киров, ни А. А. Жданов богатырским ростом не отличались, таким образом, «двухметровый богатырь» Марат Киров — результат симбиоза этих исторических деятелей, а обстоятельства их биографий стали значимой частью сюжета и образной системы романа «Спать и верить».

3.2. Сюжет и система персонажей романа «Спать и верить»

В этом произведении описаны события с октября 1941 года, когда кольцо блокады только замкнулось, до декабря того же года, когда была построена «дорога жизни». Таким образом, А. Тургенев описывает постепенный переход от условно нормальной жизни военного времени к состоянию гуманитарной катастрофы (снижение хлебных норм до 125 грамм в сутки для т. н. «иждивенцев», отключение отопления, появление дистрофиков и умерших от голода), что позволило показать изменение настроений населения и становление новой системы отношений.

Сюжет и система персонажей исследуемого романа в основных чертах описаны критиками и литературоведами. Установлено, что в произведении сочетаются два сюжета: хроникальный, в котором описывается собственно блокада, и мистико-авантюрный, в котором таинственный полковник НКВД пишет письма Гитлеру и отправляет их в бутылках по Неве, а также организует покушение на Кирова. В плане оценки действующих лиц общим мнением является деление персонажей на «верхи» и «низы» [Богданова, 2008, Зиновьева, 2008] или, в интерпретации В. Топорова, «на Светлых и Темных» [Топоров, 2007].

К числу «верхов», или «темных», относят Кирова и других обитателей Смольного, а также сотрудников НКВД: «Темные жируют, естественно, в НКВД» [Топоров, 2007]. К «верхам» также можно отнести работников торговли, которые воруют продукты и спекулируют краденным. «Низы», то есть «светлые», «живут в большой коммуналке на улице Марата: англическая машинистка Варя, ее слепнувшая и сходящая с ума мать... супружеская пара педагогов... главврач, вдовец с двумя сыновьями... воровка, спекулянтка и мародерка (а в сущности, хорошая женщина) старуха Патрикеевна, мечтающая о том, чтобы город поскорее сдали немцам» [Топоров, 2007], а также большое количество эпизодических героев.

Следует отметить, что в изображении быта рядовых ленинградцев автор опирается на исторические документы и воспоминания выживших, а вот в изображении «верхов» оперирует именно мифами, то есть использует «образные проекции авторских и бытующих в массовом сознании

представлений о ленинградском блокадном прошлом» [Богданова, 2008]. Итак, «низы» являются результатом художественной реконструкции документально известного прошлого, а «верхи» — продуктом мифологизации истории. Таким же продуктом является немногочисленная группа персонажей, которые относятся, безусловно, к «верхам», — это так называемые «москвичи», из которых наиболее значимы «друг Иосиф» Сталин, его приближенные и приезжающие в Ленинград командированные.

К числу «москвичей» принадлежит еще один герой, оказавшийся в центре внимания исследователей. Он является главным действующим лицом авантюрно-мистического сюжета — это уже упомянутый Максим, полковник из Москвы, который занимает промежуточное положение между «верхами» и «низами», а его природа двойственна: «образ Максима... создан автором, с одной стороны, как образ... человека реального, с другой стороны — как образ таинственно-мистический» [Богданова, 2008]. А. Урицкий считает его «его ходячей цитатой из “петербургского текста”» [Урицкий, 2008].

Так, стоя перед памятником Петру Первому, обозначенному в романе как «Медленный всадник», полковник обращается к нему с пьяной речью: *«Сколько душ при стройке положил, сколько?... Молчишь, истукан! Десятки тысяч положил мужичков, угробил во имя города-обезьяны! Вознесся их кровью, окно процарапал, доволен? Ужо! А мы в эту войну миллион тут уроем, два, три! Снилось тебе такое, призрачный царь?»* [Тургенев, 2007, с. 185]. Это «Ужо!» очевидно отсылает нас к поэме Пушкина «Медный всадник», однако поставить в один ряд «бедного безумца Евгения» и полковника Максима очень трудно, хотя бы потому, что второй отнюдь не беден: он получает паек, которого хватает на четверых, а удостоверение НКВД дает этому герою практически сверхчеловеческие возможности.

В изображении «верхов» и «низов» автор активно использует прием контраста, особенно ярко представленный в теме еды. Так, Варе и ее матери *«нового пайка совсем не хватало, многое не отоваривалось»* [Тургенев, 2007, с. 90], младшему и среднему составу НКВД *«пайки урезали»* [Там же, с. 91], зато *«на третьем этаже (в ведомственной столовой НКВД. — А. Л.), где обедала белая кость..., ничего пока не менялось. Разве что какой-то день не было черной икры»* [Там же, с. 92]. В сумме эти группы героев реализуют хроникальный сюжет, представляют объемную панораму жизни блокадного Ленинграда: «блокадный быт... Страшное и прекрасное: людоедство (утрированное), воровство, но и жертвенность, благородство поступков» [Зиновьева, 2008]. В итоге автор представляет Ленинград как особое место, где *«смерть... на манер полезного ископаемого»* [Тургенев, 2007, с. 189].

По масштабу (но не по глубине проработки) система персонажей романа «Спать и верить» претендует на эпопейный охват моделирования реальности, но эта система весьма неоднородна и неполна. Так, в романе отсутствует персонифицированный образ врага, то есть немцев, и практически не представлены советские военные. Зато есть собирательные образы толпы, народной массы. Описания конфликтов в очередях, случаев похищения хлеба и т. п. иллюстрируют миф о том, что «в ленинградцах не осталось ничего человеческого», хотя примеры героизма и случаи самопожертвования также присутствуют в произведении.

Многочисленные эксцессы, связанные со сценами массовой гибели людей, и акцентирование темы еды во всех аспектах формируют в романе совершенно особый эмоциональный настрой, некую коллективную духовность обреченности, напоминающую поэтику произведений В. Сорокина. Прямой отсылкой к творчеству В. Сорокина выглядит либретто оперы «Вечный лед», придуманной А. Тургеневым, образы ленинградских чекистов живо напоминают образы «опричников», к сорокинской поэтике и системе образов можно отнести и назойливо повторяющийся мотив секса, явно чуждый, на первый взгляд, и мифологии Блокады, и «петербургскому тексту» в целом. Так, в тексте хорошо заметна романтическая линия эротических воспоминаний Вареньки, переживающей в памяти школьный роман с ее соседом Арвилем: *«Ну чего же ждали они с Арькой, почему не поторопились?»* [Тургенев, 2007, с. 197]. Кроме того, по версии автора, при Смольном существует целый гарем из «комсомолок», услугами которых пользуется и Киров, и другие высокопоставленные товарищи.

Описание сексуальных сцен не занимает места, равного теме еды и смерти, но тема секса тоже очень заметна, и в конечном итоге эротика органично вплетается в художественную ткань повествования, образуя триединство «секс — насилие — еда», представленные в гиперболизированном и контрастном противопоставлении, работающем на всех уровнях текста. Закономерно, что центральный герой романа изображен в том же ключе: «В условиях уже заявленной игры с читателем образ Кирова-секретаря воспринимается образом не просто “советского человека”, но советского человека “от концептуалистов” Э. Булатова или В. Сорокина», — полагает О. Богданова [Богданова, 2008].

3.3. Образ Марата Кирова в романе «Спать и верить» и средства его репрезентации

Что же представляет собой «образ советского секретаря от концептуалистов» по версии А. Тургенева? Прежде всего, это активно действующий герой, волевой центр обороны блокадного Ленинграда. В описываемый период Марат Киров пытается организовать прорыв блокады, конфликту-

ет с Москвой, пытается обеспечить выживание жителей, и в то же время с большим размахом наслаждается жизнью: обедается, пьет коньяк, пользуется любовницей, катается на лыжах и т. п.

В романе он представлен как *«хозяин Ленинграда... Под два метра, широкоплечий и широкоскулый, всегда чисто выбритый, с волевым открытым лицом, он одним своим видом поднимал митинги и опускал оппонентов»* [Тургенев, 2007, с. 9]. И здесь, и далее в тексте все, что связано непосредственно с Кировым, поражает сочетанием гигантизма и первобытной звериной мощи: *«Могучий секретарь обкома сидел за огромным — чуть меньше Марсова поля — столом... Все здесь было огромным... Под ногами распласталась шкура им же конченого медведя, оболочка от медвежонка валялась у кресла в углу... Но живой медведь в кабинете был один: Марат Киров»* [Там же]. В этом фрагменте автор просто навязывает читателю ассоциацию: Киров — гигантский медведь.

Эта гиперболизация становится главной доминантой его образа и ярче всего проявляется в теме еды, ср. описание того, как Киров компенсирует неудачу прорыва блокады: *«Забросать зияющую пропасть котлетами, засыпать туманные рвы салатами... Ел, как убивал, как палач казнит, кровавые брызги летели. Урчал, рыгал, перемалывал мощными челюстями мозговые кости»* [Тургенев, 2007, с. 149]. Кроме того, секретарь обкома ездит на пяти «пакардах» и вызывает себе на ночь сразу двух «комсомолок». Ленинградом он правит решительно и единолично, все его ближайшие помощники безличны и безымянны, автор называет их «теньями»: *«тени порученцев, стусовавшихся за трибуной»* [Там же, с. 158], *«тени соратников»* [Там же, с. 286], — и даже его жена ни разу не названа по имени. Подобная пустота и обезличенность вокруг Кирова подчеркивают масштаб его личности. Следует отметить еще одно принципиальное обстоятельство: в романе Киров не выглядит добряком и гуманистом, но в целом автор дистанцирует Кирова от бессмысленных зверств, творимых сотрудниками НКВД. Однако и святым его не считают, поэтому в городе о нем циркулируют и негативные слухи: *«шептались, что у Кирова карточка большая, красного цвета и равна десяти рабочим... что у Кирова есть "наложницы", которых кормят конфетами доотвалу»* [Там же, с. 50]; *«будто у Кирова есть теннисный корт для дрыгоножества от ожирения!»* [Там же, с. 214].

Анализ этого образа целесообразно, на наш взгляд, начать с оценки его альтернативно-исторической составляющей. В параграфе третьем данного исследования были описаны два исторических мифа — собственно «кировский» и «ждановский». Оба они представлены в тексте и реализованы автором через взаимосвязанные линии повествования. Так, история с вы-

борами Генерального секретаря представлена ретроспективно как воспоминание Марата Кирова и размышление за едой: *«Ему хорошо думалось за едой.... В 36-м на съезде (в реальной истории XVII съезд состоялся в 1934 году. — А. Л.) за Кирова больше голосов выкатили, чем за Иосифа... не рискнул тогда Киров... Решил, что потянет муж сделать в Питере равный центр силы. Наивная, конечно, идея. Язык не очень, суховат, а форель — в десятку... Надо было взять тогда власть, Иосифа — в асфальт, а потом и столицу спокойно на место перенести»* [Там же, с. 41—42]. Далее описывается развитие отношений Москвы и Ленинграда — *«в большую кровь 37-го... Москва... в Ленинград не лезла... но в белокаменной-то при этом его сторонников покромсали... Первенство ускользнуло, как зверь с мушки»* [Там же, с. 43], — а также характеризуются причины Зимней войны с Финляндией и актуальное положение дел. Заявленный конфликт Москвы и Ленинграда при этом носит не только политический, но и эстетический характер. Так, в глазах Кирова *«Питер соразмерный»*, Москва *«цыганская»*, а Кремль и того хуже — *«балаганный»* [Там же, с. 42]. Далее Москва оценивается как *«большой голосистый аул»* [Там же, с. 119], созданный под Сталина, который изображается как некий восточный сатрап.

В итоге сложилось устойчивое противостояние: *«Ленинград — хоть и вторая, но столица... И Сталину это не нравилось... Теперь так легко было потопить Ленинград вместе с его бесшабашным лидером: достаточно просто не поверить, что город, взятый в два железных кольца, можно спасти»* [Там же, с. 16]. Поэтому *«Киров воспринимал сейчас Москву как противника номер два, сразу после фашистов»* [Там же, с. 93]. Далее конфликт Москвы и Ленинграда как борьба Кирова и Сталина становится одним из ведущих сюжетных мотивов.

Здесь переплетаются «кировский» исторический и «ждановский» гастрономический мифы, которые были переведены в геополитическую плоскость противостояния двух столиц, причем гастрономический миф в данном аспекте представляется не менее значимым, чем политический. Так, в романе реализуются мифы: *«Ленинград выстоял вопреки воле Сталина»* и *«Городская верхушка обжиралась в царстве голода»*.

«Кировская» сюжетная линия начинается с полета Кирова в Москву, где он добился отмены эвакуации промышленности и сдачи Ленинграда, но *«армий больше не дали... и сокращения поставок Москве не разрешили»* [Там же, с. 44]. В итоге наступление провалилось: *«Не хватало одной дивизии на таком-то участке, одного усилия на другом, получаса на третьем... Положил без толку сотню тысяч бойцов, свою судьбу на волосок подвесил»* [Там же, с. 106—107]. Эта неудача серьезно ухудшила положение и Ленинграда, и его главы. В итоге Киров сначала *«ударился*

в обжорство... А то, что... тысячи земляков умирали от голода, придавало жратве пикантную мифологичность, остроту ритуального танца на самом краешке света, земного диска, человеческого бытия» [Там же, с. 149]. Но затем он взял себя в руки и организовал оборону и жизнедеятельность города: именно по его инициативе было начато производство печек-буржук и проложена Дорога Жизни через замерзшее Ладожское озеро.

Москва, в свою очередь, увеличила план выпуска военной продукции, который был *«возмутительно невыполнимым, наглым... нужно было переломить пополам каждого из голодных людей»* [Там же, с. 129], и потребовала реализации так называемого «плана Д»: было предписано подготовить к подрыву три тысячи объектов в Ленинграде. Сталин регулярно звонил «Маратику», напоминая и о «плане Д», и о плане по выпуску продукции. *«На Путиловском заводе голодные обмороки, Иосиф, — сказал Киров... — Ты людей к станкам привязывай, Марат! Веревками»* [Там же, с. 125]. В конечном итоге Москва-Кремль-Сталин становятся враждебной силой, источником угрозы не только для Кирова, но и для Ленинграда в целом, а Киров, в свою очередь, является едва ли не единственным его защитником, символом сопротивления, ему безоговорочно верят не только его сподвижники, но и большинство горожан.

Следует отметить, что все представители «темных верхов», хотя и становились *«жирнее день ото дня»* [Там же, с. 286], вполне полагались на Кирова и верили в Победу. В городе ходили слухи, что у начальства есть план: *«Когда немцы войдут, все начальники улетят, а Киров нажмет на рычаг, и Ленинград взорвется вместе с нами и немцами»* [Там же, с. 318], — однако ни Киров, ни его помощники такого не планировали. Несмотря на многочисленные злоупотребления и традиционное взяточничество, трусами и предателями советские партийные деятели в романе не показаны.

При этом сам Киров не является героем неизменным. Он остро переживает происходящее и постепенно эволюционирует от бодрого оптимизма к пониманию, что *«блокада пришла надолго»* [Там же, с. 117]. После начала неудачного прорыва он понял, что *«его просто ловко съели... развели на самолюбии, как пионера»* [Там же, с. 93]. Неудача не сломила «хозяина Ленинграда», но поселила в сердце страх: *«чувствовал, что на него началась охота... Пристрелить в коридорчике. Взорвать авто»* [Там же, с. 134], *«ощущение скорой пули не проходило уже ни на миг, не оставляло ни за работой, ни за едой»* [Там же, с. 273]. По мере нагнетания конфликта с Москвой его посещают самые странные идеи: *«Сдать, что ли, Ленинград, с усмешкой подумал Киров. Договориться с фашистами, а самому остаться... бургомистром... Вот Иосиф позеленеет! Окочурится,*

может, от злости» [Там же, с. 341]. Финал этого противостояния неизвестен: последний раз Киров появляется в главе 258, где он сомневается, стоит ли ему лететь в Москву на очередной доклад.

Символом этой психологической эволюции стала «чучела», постоянно появляющаяся в мыслях Кирова. Толчком к этой идее послужила шутка Сталина, осматривавшего коллекцию чучел в кировской квартире: *«А если бы ты, Маратик, покончил с собой шампуром в глаз... то партия имела бы в активе чучелу Цыклопа»* [Там же, с. 12]. Далее эта мысль постоянно возвращается к Кирову, он сам начинает видеть себя в этой роли: *«Чучелу захотела партия! Еще повоюем!»* [Там же, с. 150], *«Сталин... решил заполучить из Кирова главную чучелу»* [Там же, с. 273], *«Кирову снилась его чучела, большая... И во лбу дыра: дескать, первоисточник чучелы застрелился»* [Там же, с. 293], — этот навязчивый мотив звучит на всем протяжении романа, иногда он представляет в виде «чучелы» и самого Сталина: *«Чучела его летит в Москву... А в Кремле его ждет другая чучела»* [Там же, с. 16], а та, чучела, что снится ему, *«похожа на Иосифа больше, чем на Кирова»* [Там же, с. 293].

Таким образом, Марат Киров оказывается в центре всех сюжетообразующих конфликтов романа: он возглавляет борьбу против немцев; противостоит тирану Сталину; личный конфликт Сталина и Кирова реализует политическое и культурное противостояние двух столиц; Киров возглавляет привилегированный партаппарат, поэтому включен в борьбу «верхов» и «низов». А в высшем мифологическом плане сверхчеловеческая витальность Кирова, особенно заметная в гастрономической и половой сфере, его практическая работа на посту «хозяина Ленинграда» делают его борцом с самой Смертью, что особенно заметно на фоне умирающего города, «построенного на костях».

4. Заключение = Conclusions

Многоуровневый и противоречивый образ Марата Кирова, состоящий из крайностей, контрастов и гипербола, в концептуальном плане сконструирован из нескольких разнородных мифов. В его основе, уже на уровне имени, лежит антисталинский миф о «настоящем большевике», поэтому Марат Киров в романе «Спать и верить» становится противником Сталина и защитником Ленинграда и от немцев, и от происков Москвы; далее реализован не столь очевидный «ждановский» миф, в рамках которого романый Киров становится типичным советским партаппаратчиком, обжираться и развлекающимся, когда рядом тысячи людей умирают от голода.

Художественные средства концептуалистской поэтики (гиперболы, метафоры, контрасты, цитаты и пр.) также выводят образ «хозяина Ленин-

града» Марата Кирова на более высокий мифологический уровень в рамках «петербургского текста». Так, символическая «чучела» косвенно ассоциируется с «восковой персоной», а описание развлечения Кирова и образ его жизни напоминают некоторые увеселения «Всешутейшего собора».

Благодаря активной гиперболизации и метафоризации этого героя происходит переход количества в качество, в результате которого из двух партийных деятелей получается образ сверхчеловека и демиурга. И в этом качестве Марат Киров уже прекрасно вписывается в «петербургский текст». Двухметровый чрезвычайно деятельный богатырь, сложенный из крайностей и контрастов, уже начинает как-то ассоциироваться с основателем города, самим Петром Великим. В тексте романа нет прямых и устойчивых намеков на такое сопоставление, на него намекает только заявленный масштаб личности и предложенная автором миссия по спасению города.

Но прямая аналогия здесь и не нужна. Важно, что в причудливой постмодернистской картине блокады этот Киров, сотканный автором из смеси реальных исторических фактов, сплетен и слухов военного времени, скрытых и явных цитат, становится одновременно и символом Ленинграда, и персонификацией власти. Его образ также стоит в центре сюжета хроникального, при этом, как ни парадоксально это звучит, но именно вымышленный альтернативно-исторический Марат Киров выглядит наиболее живым и реалистичным представителем «темных верхов», который очень выигрышно смотрится на фоне картонных и карикатурных образов «друга Иосифа» Сталина и сотрудников НКВД.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Генкин Д. Кто убил Сергея Кирова : три главные версии [Электронный ресурс] / Д. Генкин // Комсомольская правда 1 декабря 2017. — Режим доступа : <https://www.kp.ru/daily/26611.4/3192862/> (дата обращения 18.11.2023).
2. Митленко С. Блокада. Как питался Жданов в блокадном Ленинграде [Электронный ресурс] / С. Митленко // МИРТЕСЕН. 17.03.2018. — Режим доступа : <https://zhiznteatr.mirtesen.ru/blog/43401025168/Blokada.-Kak-pitalsya-ZHdanov-v-blokadnom-Leningrade> (дата обращения 18.11.2023).
3. Млечин Л. Похороненное убийство [Электронный ресурс] / Л. Млечин // Огонек. 01.12.2014. — Режим доступа : <https://www.kommersant.ru/doc/2619424> (дата обращения 18.11.2023).
4. Никифоров Ю. Шесть мифов о блокаде Ленинграда [Электронный ресурс] / Ю. Никифоров // Комсомольская правда. 27 января 2019. — Режим доступа : <https://www.kp.ru/daily/26934.7/3984685/> (дата обращения 18.11.2023).

5. Сидорчик А. Андрей Жданов не пировал в блокаду, но не выносил Ахматову [Электронный ресурс] / А. Сидорчик // Аргументы и факты. 26.02.2016. — Режим доступа : https://aif.ru/society/history/a_ya_plebey_andrey_zhdanov_ne_piroval_v_blokadu_no_ne_vynosil_ahmatovu (дата обращения 18.11.2023).
6. Титов Д. Сталин Кирова не убивал в коридорчике [Электронный ресурс] / Д. Титов // История.РФ. Главный исторический портал страны. 2016. — Режим доступа : <https://histrf.ru/read/articles/stalin-kirova-nie-ubival-v-koridorchikie> (дата обращения 18.11.2023).
7. Тургенев А. Спать и верить. Блокадный роман / А. Тургенев. — Москва : Эксмо, 2007. — 384 с. — ISBN 978-5-699-23557-5.

Литература

1. Богданова О. «Спать и верить» Андрея Тургенева, или «Блокадный роман» Вячеслава Курицына [Электронный ресурс] / О. Богданова // Звезда. — 2008. — № 8. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/zvezda/2008/8/spat-i-verit-andreya-turgeneva-ili-blokadnyj-roman-vyacheslava-kuriczyna.html> (дата обращения 01.12.2023).
2. Вежлян Е. Прорвать заграждение : блокада Ленинграда как символ и опыт [Электронный ресурс] / Е. Воробьева // НЛО. — 2016. — № 1. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/nlo/2016/1/prorvat-zagrazhdenie-blokada-leningrada-kak-simvol-i-opyt.html> (дата обращения 01.12.2023).
3. Волынец А. Н. Жданов. Биография / А. Н. Волынец. — Москва : Молодая гвардия, 2013. — 618 с. — ISBN 978-5-235-03633-8.
4. Зиновьева Е. Публикации Елены Зиновьевой [Электронный ресурс] / Е. Зиновьева // Нева. — 2008. — № 5. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/neva/2008/5/publikacziya-eleny-zinovevoj-4.html> (дата обращения 01.12.2023).
5. Зубков В. А. Поворот русла. Проза о Великой Отечественной войне сегодня / В. А. Зубков // Вопросы литературы. — 2011. — № 6. — С. 473—486.
6. Иванов В. А. Блокада, о которой не было принято рассказывать всем / В. А. Иванов // Клио. — 2012. — № 3 (63). — С. 91—92.
7. Кальней М. С. Исторический миф и историческое познание : проблемы и противоречия / М. С. Кальней // Вестник РМАТ. — 2021. — № 3. — С. 10—14.
8. Ковтун Н. В. Тема памяти в современной прозе о Великой Отечественной войне / Н. В. Ковтун // Культура и текст. — 2020. — № 4 (33). — С. 6—24.
9. Кукулин И. В. Регулирование боли [Электронный ресурс] / И. В. Кукулин // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/regulirovanie-boli.html> (дата обращения 01.12.2023).
10. Кутузов А. В. Блокада Ленинграда в информационной войне : монография / А. В. Кутузов. — Санкт-Петербург : ГОУ ВПО РПА Минюста России, 2008. — 211 с. — ISBN 978-5-89172-136-4.
11. Лобин А. М. Военно-исторический роман о Великой Отечественной войне в современной русской литературе / А. М. Лобин // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2020. — № 3. — С. 8—17.
12. Лобин А. М. Система персонажей и эволюция главного героя в романе А. Азольского «Диверсант» / А. М. Лобин // Поволжский педагогический поиск. — 2022. — № 3. — С. 51—62.
13. Лобин А. М. Мифология Великой Отечественной войны в романе И. Бояшова «Танкист или “Белый тигр”» / А. М. Лобин // Филологический класс. — 2023. — Т. 28. — № 1. — С. 120—132. — DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-11.

14. Маркова Д. А. Постмодернистский исторический дискурс русской литературы рубежа XX — XXI веков и его истоки : 10.01.01 : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Д. А. Маркова. — Москва, 2004. — 24 с.
15. Маркова Т. Н. Художественные реконструкции Великой Отечественной войны в современной массовой литературе / Т. Н. Маркова // Научный диалог. — 2019. — № 12. — С. 152—160. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-152-160.
16. Новикова Л. Есть, что дают [Электронный ресурс] / Л. Новикова // Коммерсантъ. — 01.10.2007. — Режим доступа : <https://www.kommersant.ru/doc/809914> (дата обращения 01.12.2023).
17. Пимченко М. Андрей Тургенев. Спать и верить [Электронный ресурс] / М. Пимченко // Звезда. — 2015. — № 12. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/zvezda/2015/12/andrey-turgenev-spat-i-verit.html> (дата обращения 01.12.2023).
18. Скаковская Л. Н. Военная проза начала XXI века : темы, идеи, образы / Л. Н. Скаковская // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». — 2015. — № 1. — С. 107—113.
19. Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде / Г. Л. Соболев. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2013. — Книга 1. — 694 с. — ISBN 978-5-288-05497-6.
20. Сушков А. В. Блокада не для всех : продукты, деньги и текстиль из осажденного Ленинграда / А. В. Сушков // Вопросы истории. — 2023. — № 2—2. — С. 46—63.
21. Топоров В. Без скидок и зубоскальства [Электронный ресурс] / В. Топоров // Взгляд. 22 сентября 2007 г. — Режим доступа : <https://vz.ru/columns/2007/9/22/110975.html> (дата обращения 01.12.2023).
22. Урицкий А. Такая странная (страшная?) игра [Электронный ресурс] / А. Урицкий // НЛО. — 2008. — № 3. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/3/takaya-strannaya-strashnaya-igra-8230.html> (дата обращения 01.12.2023).
23. Черняк М. А. «BACK IN TO THE USSR», или репрезентация прошлого в отечественной беллетристике начала XXI века / М. А. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2009. — № 10. — С. 73—80.

Статья поступила в редакцию 14.02.2024,
одобрена после рецензирования 04.05.2024,
подготовлена к публикации 15.05.2024.

Material resources

- Genkin, D. (2017). Who killed Sergei Kirov: three main versions. *Komsomolskaya Pravda December 1*. Available at: <https://www.kp.ru/daily/26611.4/3192862> / (accessed 11.18.2023). (In Russ.).
- Mitlenko, S. (2018). Blockade. How Zhdanov ate in besieged Leningrad. *MIRTESEN. 03.17*. Available at: <https://zhiznteatr.mirtesen.ru/blog/43401025168/Blokada.-Kak-pital-sya-ZHdanov-v-blokadnom-Leningrade> (accessed 11.18.2023). (In Russ.).
- Mlechin, L. (2014). The buried murder. *Ogonek. 01.12*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2619424> (accessed 11.18.2023). (In Russ.).
- Nikiforov, Yu. (2019). Six myths about the siege of Leningrad. *Komsomolskaya Pravda. January 27*. Available at: <https://www.kp.ru/daily/26934.7/3984685> / (accessed 11.18.2023). (In Russ.).
- Sidorchik, A. (2016). Andrey Zhdanov did not feast during the blockade, but did not tolerate Akhmatova. *Arguments and facts. 02.26*. Available at: <https://aif.ru/society/>

history/a_ya_plebey_andrey_zhdanov_ne_piroval_v_blokadu_no_ne_vynosil_ahmatovu (accessed 11.18.2023). (In Russ.).

Titov, D. (2016). Stalin did not kill Kirov in the corridor. *History.RF. The main historical portal of the country*. Available at: <https://histrf.ru/read/articles/stalin-kirova-nie-ubival-v-koridorchikie> (accessed 11.18.2023). (In Russ.).

Turgenev, A. (2007). *Sleep and believe. The blockade novel*. Moscow: Eksmo. 384 p. ISBN 978-5-699-23557-5. (In Russ.).

References

Bogdanova, O. (2008). “Sleep and believe” by Andrey Turgenev, or “The Blockade novel” by Vyacheslav Kuritsin. In: *Zvezda*, 8: Available at: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2008/8/spat-i-verit-andreya-turgeneva-ili-blokadnyj-roman-vyacheslava-kuriczyna.html> (accessed 12.01.2023). (In Russ.).

Chernyak, M. A. (2009). “BACK IN TO THE USSR”, or the representation of the past in Russian fiction of the beginning of the XXI century. *Bulletin of the Herzen University*, 10: 73—80. (In Russ.).

Ivanov, V. A. (2012). The blockade, which it was not customary to tell everyone about. *Clio*, 3 (63): 91—92. (In Russ.).

Kalney, M. S. (2021). Historical myth and historical cognition: problems and contradictions. *Bulletin of the RMA*, 3: 10—14. (In Russ.).

Kovtun, N. V. (2020). The theme of memory in modern prose about the Great Patriotic War. *Culture and text*, 4 (33): 6—24. (In Russ.).

Kukulin, I. V. (2005). Regulation of pain. *Inviolable reserve*, 2. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/regulirovanie-boli.html> (accessed 12.01.2023). (In Russ.).

Kutuzov, A. V. (2008). *The siege of Leningrad in the information war: a monograph*. St. Petersburg: GOU VPO RPA of the Ministry of Justice of Russia. 211 p. ISBN 978-5-89172-136-4. (In Russ.).

Lobin, A. M. (2020). Military historical novel about the Great Patriotic War in modern Russian literature. *Philological sciences. Scientific reports of the higher school*, 3: 8—17. (In Russ.).

Lobin, A. M. (2023). Mythology of the Great Patriotic War in I. Boyashov’s novel “The Tankman or the White Tige”. *Philological Class*, 28 (1): 120—132. DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-11. (In Russ.).

Lobin, A. M. (2022). The character system and the evolution of the main character in A. Azolsky’s novel “The Saboteur”. *Volga pedagogical search*, 3: 51—62. (In Russ.).

Markova, D. A. (2004). *Postmodern historical discourse of Russian literature at the turn of the XX — XXI centuries and its origins*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 24 p. (In Russ.).

Markova, T. N. (2019). Artistic Reconstruction of the Great Patriotic War in Modern Mass Literature. *Nauchnyi dialog*, 12: 152—160. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-152-160. (In Russ.).

Novikova, L. (2007). There is what they give. *Kommersant*. 01.10. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/809914> (accessed 12/01/2023). (In Russ.).

Pimchenko, M. (2015). Andrey Turgenev. Sleep and believe. *Zvezda*, 12. Available at: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2015/12/andrej-turgenev-spat-i-verit.html> (accessed 12/01/2023). (In Russ.).

Skakovskaya, L. N. (2015). Military prose of the beginning of the XXI century: themes, ideas, images. *Bulletin of TvSU. The series “Philology”*, 1: 107—113. (In Russ.).

- Sobolev, G. L. (2013). *Leningrad in the struggle for survival in the blockade. Monograph, 1*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 694 p. ISBN 978-5-288-05497-6. (In Russ.).
- Sushkov, A. V. (2023). The blockade is not for everyone: products, money and textiles from besieged Leningrad. *Questions of history, 2—2*: 46—63. (In Russ.).
- Toporov, V. (2007). Without discounts and ridicule. *Vzglyad. September 22*. Available at: <https://vz.ru/columns/2007/9/22/110975.html> (accessed 01.12.2023). (In Russ.).
- Uritsky, A. (2008). Is she so strange (scary?) the game. *UFO, 3*. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/3/takaya-strannaya-strashnaya-igra-8230.html> (accessed 12.01.2023). (In Russ.).
- Vezhlian, E. (2016). To break through the barrier: the siege of Leningrad as a symbol and experience. *UFO, 1*. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2016/1/prorvat-zagrazhdenie-blokada-leningrada-kak-simvol-i-opyt.html> (accessed 01.12.2023). (In Russ.).
- Volynets, A. N. (2013). *Zhdanov. Biography*. Moscow: Molodaya Gvardiya. 618 p. ISBN 978-5-235-03633-8. (In Russ.).
- Zinovieva, E. (2008). Publications by Elena Zinovieva. *Neva, 5*. Available at: <https://magazines.gorky.media/neva/2008/5/publikacziya-eleny-zinovevoj-4.html> (accessed 01.12.2023). (In Russ.).
- Zubkov, V. A. (2011). Turn of the riverbed. Prose about the Great Patriotic War today. *Voprosy Literatry, 6*: 473—486. (In Russ.).

*The article was submitted 14.02.2024;
approved after reviewing 04.05.2024;
accepted for publication 15.05.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(4), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Поташова К. А. Образ тверди небесной в поэтической космологии «Вечеров на хуторе близ Диканьки» / К. А. Поташова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 249—268. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-249-268.

Potashova, K. A. (2024). Image of Celestial Firmament in Poetic Cosmology of “Evenings on a Farm near Dikanka”. *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 249-268. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-249-268. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Образ тверди небесной в поэтической космологии «Вечеров на хуторе близ Диканьки»

Поташова Ксения Алексеевна
orcid.org/0000-0002-0164-0371
кандидат филологических наук,
доцент, кафедра русской
и зарубежной литературы
kseniaslovo@yandex.ru

Государственный
университет просвещения
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда
проект № 23-78-01016

Image of Celestial Firmament in Poetic Cosmology of “Evenings on a Farm near Dikanka”

Ksenia A. Potashova
orcid.org/0000-0002-0164-0371
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
and Foreign Literature
kseniaslovo@yandex.ru

State University of Education
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-78-01016

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На материале повестей из цикла «Вечеров на хуторе близ Диканьки» выявляются особенности поэтической космологии Н. В. Гоголя. Рассматривается поэтика ночного пейзажа, символическая наполненность небесного пространства. Выявляются функции световых деталей в поэтических картинах мироздания. Особое внимание уделяется изображению пространства Вселенной как зримому выражению проблемы добра и зла, являющейся смысловым стержнем всего цикла «Вечеров...». Утверждается, что небесное пространство является не только одним из центральных пейзажных образов, но и особой онтологической категорией. Выявлено, что для цикла «Вечеров...» смыслообразующими оказываются две контрастные модели мироздания — гармоничная и хаотичная, построение которых основано на отношениях земли и неба. Будучи двумя координатами мироздания, земля и небо могут составлять у Гоголя цельную картину, в которой пространство земли раскрывается через небесную красоту. Небесное пространство может пониматься как своего рода экран, на который проецируется потенциал человека к духовному преображению либо скорбь, вызванная его отсутствием. За первичной эстетизацией дневного и ночного мироздания у Гоголя скрывается философская наполненность картин, явившихся импульсом к размышлению о земном пути человека, греховности земного бытия, устремленности к небу, что и порождает образ разобщенности земного и небесного.

Ключевые слова:

космическая образность; Николай Гоголь; романтизм; добро и зло; небо и земля.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the features of poetic cosmology in N. V. Gogol's tales from the cycle "Evenings on a Farm near Dikanka". It examines the poetics of the nocturnal landscape and the symbolic richness of celestial space. The functions of light details in poetic depictions of the universe are identified. Special attention is paid to portraying the Universe as a visible expression of the problem of good and evil, which serves as the core theme of the entire cycle "Evenings...". It is argued that celestial space is not only a central landscape image but also a distinct ontological category. The study reveals that for the cycle "Evenings...", two contrasting models of the universe — harmonious and chaotic — play a significant role, based on the relationships between earth and sky. Earth and sky, as two coordinates of the universe, can form a cohesive picture for Gogol, where earthly space is revealed through celestial beauty. Celestial space can be understood as a kind of screen onto which human potential for spiritual transformation or sorrow due to its absence is projected. Beneath Gogol's primary aestheticization of the daytime and nighttime universe lies a philosophical depth in his paintings, prompting reflections on human earthly journey, the sinfulness of earthly existence, and the aspiration towards the heavens, which generates the image of the disconnection between earthly and celestial realms.

Key words:

cosmic imagery; Nikolai Gogol; romanticism; good and evil; heaven and earth.

УДК 821.161.1Гоголь.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-249-268

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Образ тверди небесной в поэтической космологии «Вечеров на хуторе близ Диканьки»

© Поташова К. А., 2024

1. Введение = Introduction

Традиционно идея причастности человека к «жизни Божеско-всемирной» [Тютчев, 2002—2004, т. I, с. 184] в русской литературе связывается с творчеством Г. Р. Державина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, тогда как «космическое чувство» Н. В. Гоголя оказалось вне поля исследовательского внимания. Однако в аспекте онтологии и поэтики космической образности оно представляет не меньший интерес. Своей поэтической интуицией, которой созвучно объяснение Н. А. Бердяевым смысла творчества, заключающегося в том, что «человек должен прославлять Творца своей творческой динамикой в космосе» [Бердяев, 1916, с. 216], Гоголь предвосхитил идеи русского космизма, намечившиеся во второй половине XIX века. Научная новизна настоящей статьи определяется выявлением смысловой наполненности образов небесных светил в цикле повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки», направленным на понимание мирообраза Гоголя.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель статьи — выявление особенностей поэтической космологии Н. В. Гоголя. В соответствии с поставленной целью в статье решается ряд задач, направленных на реконструкцию модели вселенной в цикле «Вечеров на хуторе близ Диканьки»: рассмотреть поэтику, эстетику и онтологию образов небесных светил как важных элементов художественной образности повестей Гоголя; определить функциональный спектр космических образов в повестях из цикла «Вечеров...»; выявить метафорическое значение небесных светил в художественной системе Гоголя. Решение поставленных задач направлено на выработку эффективной методологии анализа образов небесных светил, основанной на микроанализе художественного текста.

Материалом для настоящего исследования послужил цикл повестей Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1829—1832), в центре которо-

го оказывается изображение переломного момента в жизни человека, подавшего страсти и находящегося в пограничье между добрыми и злыми силами. Зримым выражением этого пограничья выступает антиномия неба и земли. Именно эти два пространства отзываются своим состоянием на моменты радости и горести, смерти и духовного возрождения человека. В этом отношении цикл «Вечеров...», отличающийся созданием всеохватных картин мироздания, представляет собой уникальную художественную систему, в которой космос получает оригинальное визуальное воплощение.

Несмотря на наличие исследований, в которых космические образы оценивались и как классицистические эмблемы, и как типичные элементы романтического пейзажа, и как исполненные философского звучания образные единицы (см. подробнее: [Поташова, 2023]), поэтическая космология «Вечеров...» не становилась предметом специального изучения и получила лишь единичные оценки, преимущественно связанные с рассмотрением эстетики романтических образов или выявлением мифологической основы повестей. В суждениях литературной критики XIX века обнаруживается именно эстетическая оценка пространственных доминант «Вечеров...», в частности, Н. И. Надеждин, одним из первых откликнувшийся на цикл, «в художественном отношении» отдал «решительное преимущество» [Надеждин, 1972, с. 281] астрономическим картинам из «Майской ночи...», Н. Н. Страхов восхитился достигнутой Гоголем-художником поэтизацией ночи в «Страшной мести» [Страхов, 1902, с. 377]. Целый ряд созвучий, в том числе в связи с обращенностью Гоголя-художника к эстетике лунного пейзажа, в художественном мире «Вечеров...» обнаружила символистская критика начала XX века. И. Анненский отметил таинственно-торжественный колорит природы в «Вечерах...», изображенной в «волшебном сиянии луны» [Анненский, 1979, с. 279]. Антиномичность картин мироздания в повестях уловил А. Белый, высказавшийся о цикле в резких образах, подчеркивающих разлад неба и земли: «Земля человечества разложилась в эфир и навоз» [Белый, 1994, с. 272]. Под этой антиномичностью А. Белый усматривает разрыв мира действительного и потустороннего, который породил неведомое человеку пространство. Методологическая ценность литературно-критических статей в аспекте поставленной проблемы заключается в самом понимании критиками художественного метода Гоголя, заключающегося в искусном выражении мысли, в привлечении оригинальной образности, позволяющей рассматривать его повести как истинную поэзию.

Единичные суждения о гоголевской космологии находим и в литературоведческих работах. Так, Г. А. Гуковский в повестях «Ночь перед Рождеством» и «Страшная месть» обнаружил разницу в «мотиве месяца» [Гуковский, 1959, с. 50] и обратил внимание на фольклорную природу «ночной ил-

люминации» [Там же, с. 56]. Сложившаяся в литературоведении тенденция выявления в «Вечерах...» «народного карнавального начала» [Манн, 1988, с. 9] повлияла на трактовки исследователями пространственной организации повестей. Ю. М. Лотман, хотя и определяет космос как значимое для поэтики Гоголя «бесконечное пространство» и подчеркивает устремленность писателя «выражать в пространственных категориях этико-эстетические оценки», однако присутствие в тексте небесных тел связывает лишь с местом «совершения фантастического действия» [Лотман, 1988, с. 255]. С этих же позиций космические явления в цикле комментирует Ю. В. Манн, хотя и проводящий убедительную параллель между Гоголем и Тютчевым в изображении взгляда «от земли и могилы к небу, ввысь» [Манн, 1988, с. 33], но называющий небесные светила «материальным остатком фантастического» [Там же, с. 74]. От мифологического кода в понимании смыслов цикла «Вечеров...» отошел А. С. Янушкевич, подчеркнувший, что «космическое “все” составляет содержательный смысл “Вечеров”» [Янушкевич, 1977, с. 28]. Выходом за пределы земного пространства Гоголь «открывает окно в мир», пространство у него характеризуется как «космически-надбытовое» [Там же, с. 29], символическое. По отношению к художественному миру повестей А. С. Янушкевич предлагает использовать хронотопическое понятие «гоголевского Всемира», который характеризуется обращением к космическим образам, не только пронизанным «светом и блеском», но и «одухотворенным» [Янушкевич, 2006, с. 151]. Значимыми в аспекте обозначенной проблемы являются наблюдения С. А. Гончарова, связанные с «метафизическими перспективами божественного присутствия в мире» [Гончаров, 1997, с. 17], оппозицией «тихого поднебесного мира» и «мрака беспробудной ночи» [Там же, с. 21]. В современных исследованиях космическая образность привлекает внимание в связи с народнопоэтическими источниками цикла [Болотникова, 2016, с. 160], их литературным генезисом [Евдокимов, 2016, с. 47], анализом апокалиптических мотивов повестей [Егорова, 2016, с. 182], изучением поэтики пейзажа «Вечеров...» [Джафарова, 2011, с. 99; Дуккон, 2020, с. 93].

При обращении к поэтической космологии Гоголя необходимо учитывать «духовное, проповедническое начало ранних повестей» [Виноградов, 2022, с. 62], проявившееся в синтезе «мифологических предрассудков <...> с христианством» [Виноградов, 2000, с. 9]. Опорой для раскрытия бытия человека в цикле явились для Гоголя идеи «Лестницы, или Скрижалей духовных» свт. Иоанна Синайского о поступательном движении человека «от земли на небо» [Иоанн, 2013, с. 418]. О том, что «Лестница» не только входила в круг чтения Гоголя, но и очевидно повлияла на его творческие устремления, как писал В. А. Воропаев. Исследователь отметил влияние

этого православного сочинения на зрелое творчество и усмотрел в цикле «Вечеров...» «любимейший образ лестницы» [Воропаев, 2018, с. 102], позволяющий предположить обращение писателя в раннем творчестве к труду свт. Иоанна Синайского. Однако обращение к космогонической теме, получившей в «Вечерах...» ярчайшее воплощение, позволяет дополнить размышления В. А. Воропаева о влиянии «Лестницы» на первый цикл повестей писателя. Работы И. А. Виноградова и В. А. Воропаева о творчестве Гоголя определили основу теоретико-методологических принципов настоящего исследования, связанных с выявлением онтологической сущности гоголевских образов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Диканька как модель мироздания

Визуальной доминантой пейзажных зарисовок с первых же строк цикла «Вечеров на хуторе близ Диканьки» является небо, в котором символично выражаются представления писателя о Вселенной. Повесть «Сорочинская ярмарка» отрывается идиллической зарисовкой августовского дня малороссийской деревни («Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!») [Гоголь, 1937—1952, т. I, с. 111]), что при первом взгляде вступает в противоречие и с акцентированным в названии вечерним временем суток, и с ночными пейзажами из последующих повестей. Первая повесть цикла своим описанием небесной тверди уже обнаруживает идею о том, что небо может быть не только пейзажной составляющей и фоновым пространством, но и особой онтологической категорией, выражающей реакцию на происходящие с жителями Диканьки истории.

«Сорочинскую ярмарку» Гоголь открывает разворачивающейся в пространстве картиной природы, представляемой от верха к низу. Воспевание летнего дня в повести построено как «эстетически яркий момент любования пространством» [Киселева и др., 2020, с. 114], процесс созерцания. Описание неба, слагающееся из цвето-звуковых образов («голубой, неизмеримый океан», «дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням»), сменяется действием нисходящих от него «солнечных лучей», следом представлена поверхность земли, все многообразие которой выражает собой торжество природы («серые стога сена и золотые снопы хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости»). Эта сцена становится своего рода миромоделированием, Гоголь задает точки пространственной вертикали, на которых далее во всем цикле будет основываться повествование. Подобное утверждение пространственных координат аллюзивно отсылает читателя к первым стихам Книги Бытия о сотворении Богом мироздания: «В начале сотворил Бог небо

и землю» (Быт.1:1), «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (Быт.1:3), «И назвал Бог твердь небом» (Быт.1:8), «И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду ее, и дерево, приносящее плод» (Быт.1:12) [Библия, 2010, с. 33]. В развернутом описании августовской природы, построенном на идиллических зарисовках неба и земли как двух важнейших первоэлементов космоса, Гоголь-художник создает образ Бытия.

Особое место в характеристике неба и земли во всем цикле занимает их необычайный размер. Г. Г. Гачев, говоря об особенностях пространства в «Вечерах...», справедливо отмечает, что в повестях «река и мир сообщаются зрением» [Гачев, 1988, с. 130]. Развивая эту мысль, стоит подчеркнуть, что Гоголь стремится охватить все пространство, уловить его объем от земли до неба. При взгляде на небо снизу вверх подчеркивается непостижимость увиденного пространства, оттого оно характеризуется многомерностью — это и «небесная глубина», и «голубой неизмеримый океан». В повестях небо может быть и «необъятным» пространством, если человек смотрит на него естественным взглядом снизу вверх («О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в нее» [Гоголь, 1937—1952, т. I, с. 159]), но может быть объято временем в его неотделимости от сотворенного пространства («вечер мечтательно обнимал синее небо» [Там же, с. 153]). В зарисовках неба у Гоголя оригинально сочетается огромность пространства с его цветностью, как, например, в повести «Майская ночь, или Утопленница» передается постепенное распространение вечера на небосводе: «Необъятно синело теплое украинское небо» [Там же, с. 155]. Небо у Гоголя не статично («Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее» [Там же, с. 111]), оно может захватывать все новое пространство и становится еще более непостижимых размеров.

Пространственная неограниченность характеризует и картины земли в тех сценах, когда Гоголь представляет Диканьку. Гоголь гиперболизирует диканьские земли буквально до планетарного масштаба. Подчеркивая всецельность и полноту мира видимого, Гоголь по отношению к Диканьке использует определительное местоимение *всё* в сочетании со словами, контекстуально обозначающими небесное тело Земли, цельное пространство Вселенной, весь божий свет. Диканька — это уже не конкретная местность, но *вся земля* («Земля вся в серебряном свете» [Там же, с. 159]); *весь мир* («уже весь мир исполнился какого-то торжественного света» [Там же, с. 158]); *весь свет* («вдруг стало видимо далеко во все концы света» [Там же, с. 275]). Акцентируя, что здесь так же, как на всем белом свете («как во всем почти свете, и по ту сторону Диканьки, и по эту сторону Диканьки» [Там же, с. 206]), Гоголь представляет Диканьку моделью той целостной системы мироздания, которая сотворена Богом и управляема Божественным Промыслом.

Одним из средств выражения отношений земли и неба служит визуальная образность, основанная на ассоциативном ряду *объятия* и *необъятный*. Когда пейзажная функция неба отходит на второй план, а ведущей становится представление его первоосновой, Гоголь изображает небо объемной полусферой («сладострастный купол» [Там же, с. 111]) или плоской фигурой («круглое небо» [Там же, с. 246]), покрывающей земное пространство. Небесное покровительство по отношению к земле выражается и в оригинальной по силе воображения метафоре небесных объятий, ассоциирующей с барочными плафонными росписями: «Голубой, неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землею, кажется, заснул, <...>, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих!» [Там же, с. 112]. Представляя гармонию неба и земли, Гоголь растворяет линию горизонта, передавая в метафоре, основанной на оригинальной образности, ощущение бесконечности пространства. В единстве земного и небесного Гоголь представляет красоту мироздания, которая, согласно свт. Августину Блаженному, тогда только раскрывается, когда «элементы <...> соединяются в некий универсум» [Августин Блаженный, 2000, с. 340]. Подчеркивая естественность природы, Гоголь нарочито забывает историческое время, когда разворачиваются события, будто останавливает движение и заставляет читателя сосредоточить взгляд на первоизданной красоте Божественного творения: «Такою роскошью блистал один из дней жаркого августа тысячу восемьсот... восемьсот... Да, лет тридцать будет назад тому» [Гоголь, 1937—1952, т. I, с. 112]. События могли произойти в любое время, пока осуществляется движение мироздания. Время в повествовании становится внеисторичным, главной же оказывается сама модель мироздания, понимание того, что создателем Вселенной и вершителем закона мироустройства является ее Творец.

3.2. Эстетика и онтология ночного пейзажа в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»

Художественной особенностью цикла повестей Гоголя является использование суточных обозначений (вечера и ночи) в названии как самого цикла, так и отдельных его произведений. Такая суточная отнесенность разворачивающихся событий, ставшая средством универсализации изображаемых событий, связана не только с буквальным временным значением, обусловленным пониманием ночи и вечера как момента обращения к тайнам мироздания, но и с пространственным, это возможность открытия космического пространства, постижения устройства Вселенной: именно ночью звездное небо оказывается зримо.

В сравнении с картинами дневного мира, полными различных деталей земного бытия, обусловивших аллегорическое представление пространства,

ночные картины земли и неба представляются у Гоголя не только не менее прекрасными, но и являющимися особым миром, который всем своим видом «очаровывает». Что примечательно, благотворность этого очарования определяется ситуацией, эта гармония может восхищать, если земля уподобляется райскому саду, или буквально воздействовать своими чарами, когда речь идет о подмене Божественного покровительства помощью темных сил. Создавая образ ночи посредством деталей, задействующих различные виды чувств, Гоголь передает ощущение райской благодати: «Земля вся в серебряном свете; и чудный воздух и прохладно-душен, и полон неги, и движет океан благоуханий» [Там же, с. 159]. В каждой детали выражены покой и безмятежность, состояние небесного свода созвучно состоянию души («на душе и необъятно, и чудно» [Там же, с. 159]), а земля представлена как райский эдем, сама же ночь дополняется сакральными смыслами, связанными с миропостижением. Эмоциональное созерцание ночи, делающей доступной для человеческого глаза космическую бездну, позволяет выйти за пределы земли. Глаз останавливается сначала на небе и его сиянии, затем на порожденной им воздушной оболочке, земля обозначается цветовым контуром («серебряный»), который не является цветом по своей сути, это «размывающий грани земного и небесного» [Киселева, 2014, с. 73] эфир.

Доминантной характеристикой гоголевской ночи является именно ее свечение: «Так же прекрасна была земля в дивном серебряном блеске» [Там же, с. 180]. Если у Тютчева землю окружает светящийся эфир («Земля зеленела, светился эфир» [Тютчев, 2002—2004, т. I, с. 151]), у Лермонтова — голубое сиянье («Спит земля в сиянье голубом» [Лермонтов, 1954—1957, т. II, с. 208]), то у Гоголя это пространство оплотняется, устойчивой становится ассоциация воздуха с серебром как своеобразной защитой от темной силы. Притом серебром в значениях чистоты, радости, умиротворенности наполнен не только ночной воздух, но и на уровне акустики дневной в «Сорочинской ярмарке»: «Серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюбленную землю» [Гоголь, 1937—1952, т. I, с. 111]. Рефреном звучащее восклицание «Божественная ночь! Очаровательная ночь!» [Там же, с. 159] дополняет медитативную тональность ночного пейзажа, придает описанию торжественность гимна, прославляющего единство бытия и природы. И в этом ночь у Гоголя, находящаяся в сфере эстетики возвышенного, созвучна ночной поэзии Тютчева с присущей ему меной «меланхолии возвышенного» на «экспрессию красоты, ее праздничный облик» [Аношкина-Касаткина, 2014, с. 60].

Антиномичным по отношению к торжественному небу представляет- ся небо как внебожественная действительность. В «Сорочинской ярмарке» гармонию малороссийского летнего дня прерывает суетность земно-

го бытия с его опредмеченностью. В этой же повести наряду с «Майской ночью...» и «Страшной местию» усматриваются картины перевернутого мироздания, связанные с искаженной ценностной системой героев, в «Вечерах накануне Ивана Купалы» и «Пропавшей грамоте» небо, сопровождающее таинственные ночные события, изображается бушующим, цвет его уподоблен крови, отсутствием солнца («Вот уже и солнца нет. <...> Оно уже тускнет» [Гоголь, 1937—1952, т. I, с. 143]) или звезд («хоть бы звездочка на небе» [Там же, с. 186]) акцентируется его погруженность в крошечную тьму. В пространственной системе Гоголь конкретизирует нахождение преисподней под землей, о чем читает в финале «Страшной мести» («В бездонном провале грызут мертвецы мертвеца, и чувствует, как лежащий под землею мертвец растет» [Там же, с. 278]), хотя чаще преисподнюю Гоголь представляет крошечной тьмой на небе, лишая ее как такового пространства, переводя скорее на уровень состояния. Небо без светил воспринимается как помраченность, удаленность от Бога, оттого подчеркивается ужасность этого зрелища, чтобы, как говорит Иоанн Лествичник, «гнездящаяся в душе нашей похотливость истребилась великим страхом» [Иоанн, 2013, с. 149]. Такое небо наполнено темными силами, искажающими это пространство (как, например в «Заколдованном месте»: «Откуда затащила нечистая сила! <...> Месяца не было; белое пятно мелькало вместо него сквозь тучу» [Гоголь, 1937—1952, т. I, с. 312]).

В повестях акцентируется, что только некоторым героям доступно ощутить «серебряный блеск» и увидеть «необъятный небесный свод», общность с мирозданием определяют духовные установки, состояние души человека. Неслучайно Гоголь акцентирует единое состояние спящего и при этом наполненного жизнью мироздания («Весь ландшафт спит. А вверху все дышит, все дивно, все торжественно» [Там же, с. 159]) и спящих «благочестивых людей» [Там же, с. 159], спящих казаков, которым «лучше спать на гладкой земле при вольном небе» [Там же, с. 250]. Чистая душой Ганна смотрит на небо в желании «полететь, высоко, высоко» [Там же, с. 155], отличающийся благочестием от других парубков Левко размышляет о «длинной лестнице от неба до самой земли» [Там же, с. 156], после того, как он перекрестил спящую Ганну, открывается «земля в дивном серебряном блеске» [Там же, с. 180]. Эта сцена примечательна и контрастным заключением о том, что «никто не упивался» божественной ночью, и изображением на этом фоне пьяного Каленика, который «шатался по уснувшим улицам» [Там же, с. 180]. Пространственная дисгармония лишь намечена, хотя и определенно выражает антиномию совершенства небесного мира, переданного в эстетическом ключе, и порочности земного мира. Как отмечает И. А. Есаулов, у Гоголя идиллический мир появляется «лишь

иногда, на минуту» [Есаулов, 1995, с. 42], небесная райская жизнь все же просвечивает, давая надежду на духовное прозрение человека.

Гоголь наделяет космогонические картины из цикла «Вечеров...» эталонностью, понимая небесную твердь как совершенное творение Бога, а землю — как ее антипод. Отражение неба на земле имеет «опрокинутый» характер, нарушающий небесную гармонию. Низ на представленном Гоголем плане мироздания составляет земля, понимаемая как отражение верха, но в силу того, что земля не свободна от греха и человеческий род подчинен греху, здесь применимы и слова из Книги Бытия (Быт. 6: 11, 12): «Земля растлилась пред лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями: ибо всякая плоть извратила путь свой на земле» [Библия, 2010, с. 39]. В визуальной оправе такой мир представлен в «Сорочинской ярмарке», небо может быть увидено через «чистое зеркало», коим является «река в зеленых, гордо поднятых рамах», или в той же отражающей водной глади, но уже в акцентированном перевернутом виде, когда эта первозданная нетронутость природы нарушена активным вмешательством человека: «Небо, зеленые и синие леса, люди, возы с горшками, мельницы — все опрокинулось, стояло и ходило вверх ногами» [Гоголь, 1937—1952, т. I, с. 112]. Образ перевернутого мироздания служит напоминанием о греховности земной жизни, перечислительный ряд, показывающий одновременно и небо, и мельницу, и ночное сияние, и пьяного Каленика, есть выражение хаоса, образное воплощение заложенной Гоголем идеи об оторванности человека от Горнего мира. Еще ярче такая обманчивость показана в «Майской ночи...». Если в начале повести Ганна, разговаривая с Левко, смотрит на небо и объясняет присутствие звезд на небе сравнением с ангелами («Мелькнули звездочки: одна, другая, третья, четвертая, пятая... Не правда ли, ведь это ангелы божии поотворяли окошечки своих светлых домиков на небе и глядят на нас» [Там же, с. 155]), то глазами Левко, одурманенного миром русалок, дается подобная же картина, только открывшаяся в водной глади. В этой картине то же обрамление головок оконным пространством, но если в первом случае было достаточно только одного номинатива («это ангелы»), то здесь же дается развернутый портрет прельщающих дев, а тон повествования заметно снижен: «Белый локоть выставился в окно, потом выглянула приветливая головка с блестящими очами, тихо светившими сквозь темно-русые волны волос» [Там же, с. 174]. Иллюзорный характер этого мира подчеркивается в самом описании ночи, которое хотя и складывается из тех же эмоционально-созерцательных составляющих («Ночь казалась перед ним еще блистательнее. Какое-то странное, упоительное сияние примешалось к блеску месяца. <...> Серебряный туман пал на окрестность» [Там же, с. 174]), однако эта ночь подчеркнута «странным»,

находящаяся во власти темной силы. Показывая в каждой повести цикла поединок добра и зла, Гоголь представляет небо основным фоном, являющимся, в зависимости от взгляда на него, торжеством красоты природы или, напротив, мистическим пространством, в котором концентрируются темные силы.

3.3. Соотношение ярусов духовного мира с физическим пространством Вселенной в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»

При первичном взгляде может показаться, что Гоголь ограничивается двухуровневой системой мироздания — верх (небо) и низ (земля). Однако в эту же систему мироздания вписывается и недоступное глазу нижнее пространство — преисподняя, куда «все нечистые духи полетят стремглав и кучами попадают в пекло», и видимое отражение неба в воде («широкое водное зеркало» [Там же, с. 175]). Центральное место в этой многоуровневой системе отведено устройению небесного пространства, представленного в повестях несколькими ярусами: это и «вышина», на которую поднимается Вакула («такую вышину, что ничего уже не мог видеть внизу» [Там же, с. 232], «всё было светло в вышине» [Там же, с. 232]), и ангельское пространство, изображенное в «Майской ночи...», и небо небес, показанное в «Страшной мести» («а Бог один величаво озирает небо и землю» [Там же, с. 268]). В связи с соотношением пространственных координат горизонтали и вертикали стоит вспомнить написанное Гоголем в том же 1831 году размышление «Об архитектуре нынешнего времени», в котором, говоря о храмовом зодчестве, он отдает предпочтение пространственной вертикали, высоким храмам, что, по мнению писателя, в наибольшей степени выражает идею духовного совершенства: «Помните самое главное: никакого сравнения высоты с шириною. Слово ширина должно исчезнуть. Здесь одна законодательная идея — высота» [Гоголь, 1937—1952, т. VIII, с. 65]. Соотнося, как определяет Л. А. Сапченко, «семантику стройности или нестройности с состоянием души человеческой» [Сапченко, 2013, с. 169], Гоголь измеряет устремленность человека к небу как духовному пространству буквально пространственной вертикалью. С опорой на эти размышления о «стройном и прекрасном» [Там же, с. 65] можно заключить, что красота мироздания понимается Гоголем как упорядоченность всех составляющих, оттого космос у него наделяется предельной стройностью, не знающей литературных аналогов.

Пейзажи в повестях имеют четкие и строгие линии и при всей многоцветности скорее напоминают чертежи классического храма с колоннами: если плоскость небосвода сродни куполу, то этот купол наподобие столбов поддерживается природными вершинами («стоят подоблачные дубы» [Гоголь, 1937—1952, т. I, с. 111], «горы те — не горы: подошвы у них

нет, внизу их как и сверху, острая вершина, и под ними и над ними высокое небо» [Там же, с. 246]), даже первоначальный образ «гордых подсолнечников» в «Сорочинской ярмарке», вызванный ассоциацией обращенности цветков к солнцу, заменен в беловике «статными подсолнечниками» [Там же, с. 321], подчеркнуто высокими и пропорциональными. Элементами внутреннего убранства наполнено и пространство между земной горизонталью и небесным сводом («при сильном ветре прыщит золото» [Там же, с. 111], «изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пестрыми огородами, осеняемыми статными подсолнечниками» [Там же, с. 112]), ночными же светильниками такого метафоричного храма являются месяц и звезды.

Над видимым небесным пространством Гоголь помещает символическое, скрытое от человеческого глаза небо-небес, данное в повести «Страшная месть» в народном представлении: «Бог один величаво озирает небо и землю и величаво сотрясает ризу. От ризы сыплются звезды. Звезды горят и светят над миром» [Там же, с. 268]. Эта аллегорическая картина обращает на себя внимание насыщенностью ночными светилами, присутствие которых на небосводе является своеобразным условием покойного состояния мироздания. Месяц, будучи главным источником света, понимается во всем цикле повестей как визуальная метафора Творца. В образе месяца, приобретшего в гоголевских повестях устойчивый и знаковый характер, усматривается мена привычного для древнерусского повествования понимания солнца как Христа на месяц как зримое выражение «христианского представления о Владыке» [Адрианова-Перетц, 1968, с. 87]. Подобная трансформация обусловлена романтическим пониманием ночи как времени Божественного откровения. Месяц покровительствует земному миру («Еще белее, еще лучше блестят при месяце толпы хат» [Гоголь, 1937—1952, т. I, с. 201]), расположение его на небосводе подчеркнуто центральное («С середины неба глядит месяц» [Там же, с. 159]), его же отсутствие предстает явлением, разрушающим устой мироздания («не горит месяц, а уже страшно» [Там же, с. 274]).

В этом отношении наиболее показательной оказывается повесть «Ночь перед Рождеством», в которой символическая наполненность света и его отсутствия содержит явные отсылки к Апокалипсису Иоанна Богослова. В 22 стихе, описывающем преображенное мироздание, обосновываются метафизические основания света, исходящего от небесных светил: «И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их» [Библия, 2010, с. 1689]. У Гоголя в повести интенсивность света от месяца ничуть не уступает солнечному свету, присутствие ночных светил уподобляет ночь дню: «Светло; снег бле-

щет при месяце. Всё было видно как днем» [Гоголь, 1937—1952, т. I, с. 205], «Всё осветилось» [Там же, с. 215]. Сам же свет ассоциируется с праведной жизнью, не случайно необходимость света месяца акцентирована именно для «добрых людей и честных христиан» [Там же, с. 225]: месяц нужен «добрым людям <...>, чтобы <...> славить Христа» [Там же, с. 201]. Похищение нечистым месяца и звезд с неба («На небе и под небом так сделалось темно, что ничего нельзя уже было видеть» [Там же, с. 202]) соотносится со словами из Апокалипсиса о распространении греха на земле: «Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю» [Библия, 2010, с. 1680]. Отсутствие месяца на небе привносит пространственную дисгармонию, когда герои буквально не могут найти дорогу к собственному дому. Как справедливо отмечает В. Ш. Кривонос в связи с особенностями гоголевского хронотопа, «вторжение сил хаоса запутывает намеченный маршрут» [Кривонос, 2020, с. 19]. Внимание к апокалиптическому подтексту происходящих событий и символике небесных светил важно для уточнения смысла всей повести, суть которой глубже всеобщего праздничного веселья. «Ночь перед Рождеством» показывает искушение «благочестивого кузнеца» Вакулы бесовской силой. Вакула — единственный герой из цикла, которому оказывается доступным космическое пространство. То, что именно в этой повести космос буквально становится местом разворачивания событий, обусловлено праздником Рождества, символом которого является Вифлеемская звезда. Пространство, в которое попадает Вакула, при всей кажущейся красоте («Всё было светло в вышине. Воздух в легком серебряном тумане был прозрачен» [Гоголь, 1937—1952, т. I, с. 232]) обманчиво. Гоголь не только населяет космос темными силами («пронесся мимо их, сидя в горшке, колдун»; «клубился в стороне облаком целый рой духов», «летела возвращавшаяся назад метла» [Там же, с. 232]), но и обращает в фантазмोगорию движение звезд. Примечательно, что в Евангелии Вифлеемская звезда движется, идет и останавливается, указуя путь волхвам («Звезда, которую видели на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец» (Мф. 2: 9) [Библия, 2010, с. 1354]). У Гоголя же звезды в сцене полета Вакулы в Рождественскую ночь нарочито приведены в сумбур («звезды, собравшись в кучу, играли в жмурки» [Гоголь, 1937—1952, т. I, с. 232]). Подменой торжественности рождественской ночи происходящим в небе хаосом подчеркивается, что именно темной силе поддается Вакула. Кузнец действует по соблазнам нечистого, но это герой рефлексирующий, раскаявающийся в своем прельщении («в следующую неделю исповедается», «с сегодняшнего же дня начнет бить по пятидесяти поклонов» [Там же, с. 242]), импульсом же к раскаянию Вакулы становится солнце («Проснувшись, он испугался, когда увидел, что солнце уже высоко:

„Я проспал заутреню и обедню!“» [Там же, с. 242]), увидев которое кузнец осознает греховность содеянного.

Аллегорический характер картин мироздания у Гоголя связан и с фольклорными элементами повествования. В «Майской ночи...» лес ассоциируется с мифическим великаном, поддерживающим космическое пространство: «Как бессильный старец, держал он в холодных объятиях своих далекое, темное небо, обсыпая ледяными поцелуями огненные звезды» [Там же, с. 156]. Аллюзии к языческому миру разрушают гармоничность устройства вселенной, не случайно ее держит «бессильный старец», земля в своих пороках ассоциируется с одряхлевшим миром. Продолжением такого представления мироздания служит картина из «Страшной мести», рисующая архаический образ мироздания, созвучный повествованию о волхованиях колдуна. Именно в этой повести, посвященной страшному греху человека — непростению и его последствиям, наложившим отпечаток на всем роду грешника, представление мироздания приобретает неестественно искаженный характер, в этом отношении пространственные детали здесь самые колоритные. Мироздание очеловечивается, наделяется портретом в стиле народно-наивного космогонического мифотворчества: «В воде моется борода, и под бороδοю и над волосами высокое небо. Те луга — не луга: то зеленый пояс, перепоясавший посередине круглое небо, и в верхней половине, и в нижней половине прогуливается месяц» [Там же, с. 246]. Создается иллюзия наложения верхнего пространства на нижнее, небо будто бы смещается на луга и леса, становясь при этом не сферической формы, а плоской поверхностью. Земное пространство, напротив, оказывается вертикальным, но при этом отличается изломленностью, это сплошные горы и мысы («из-за горы показалась соломенная кровля: то дедовские хоромы пана Данила. За ними еще гора» [Там же, с. 249]), искривленность земли не дает возможности увидеть небо во всей его полноте («А из окошка далеко блестят горы и Днепр <...> Мелькает сверху прояснившееся ночное небо» [Там же, с. 255]). Искаженное мироздание открывается и в видении пана Данилы, в перевернутом виде представляющее небо и небесные светила, оказавшиеся на земле: «В светлице блестит месяц, ходят звезды, неясно мелькает темно-синее небо. <...> И чудится пану Даниле <...>, что уже не небо в светлице, а его собственная опочивальня: висят на стене его татарские и турецкие сабли» [Там же, с. 258]. В этом видении Гоголь расставляет акценты, отвечающие ценностной парадигме пана Данилы, превозносящего богатства и не видящего неба. Греховности мира, в котором живет пан Данила, на пространственном уровне противопоставлен мир казачества, свободного от прельщения материальными благами: «Козаку <...> весело, проснувшись среди ночи, взглянуть на высокое, засаянное звездами небо и вздрогнуть от ночного холода» [Там

же, с. 269]. Так же, как и в «Майской ночи...», Гоголь, основываясь на принципе «стилистической симметрии» [Томачинский, 2001, с. 265], выстраивает отношение аскетичного казака к небу, смотрящего на него с радостью, и пана Данилы, вздрагивающего от неузнанности собственной опочивальни. Небесное пространство в таком контексте оказывается своего рода экраном, на которое проецируется потенциал человека к духовному преображению или скорбь о его отсутствии.

4. Заключение = Conclusions

Созерцание полноты космического пространства лежит вне возможностей физического зрения, но приобретает у Гоголя зримую оболочку, становясь своеобразной развернутой метафорой духовного состояния человека, оттого небесное пространство может пониматься как своего рода экран, на который проецируется потенциал человека к духовному преображению либо скорбь, вызванная его отсутствием. Будучи двумя координатами мироздания, земля и небо могут составлять у Гоголя цельную картину, в которой пространство земли раскрывается через небесную красоту, в своем природном многообразии земля уподобляется райскому благодатию. Однако за первичной эстетизацией дневного и ночного мироздания у Гоголя скрывается философская наполненность картин, явившихся импульсом к размышлению о земном пути человека, греховности земного бытия, устремленности к небу, что и порождает образ разобщенности земного и небесного. Эти два пространства в каждой повести оказываются противопоставленными друг другу. Земля представляется погрязшей в грехах и пороках, забывшей Бога и обращенной к темным силам, а небо — тем пространством, которое реагирует на греховность земли. Представляя Диканьку моделью той целостной системы мироздания, которая сотворена Богом и управляема Божественным промыслом, поэт представляет нам свою ценностную систему, сформированную в традиции христианской картины мира в ее тесной соотнесенности с национальной традицией. Таким образом, космос в цикле «Вечеров на хуторе близ Диканьки» является не только пейзажной составляющей, но и особым онтологическим пространством, зримо представляющим противостояние добрых и злых сил.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Августин Блаженный*. Творения: в 4 т. / Августин Блаженный. — Санкт-Петербург : Алетей, 2000. — Т. 2 : Теологические трактаты. — 751 с. — ISBN 978-5-89329-213-8.

2. Анненский И. Ф. Книги отражений. / И. Ф. Анненский. — Москва : Наука, 1979. — 679 с.
3. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма : в 2-х томах. / А. Белый. — Москва : Искусство, 1994. — Т. 1. — 488 с.
4. Бердяев Н. А. Смысл творчества (опыт оправдания человека) / Н. А. Бердяев. — Москва : Изд-во Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1916. — 678 с.
5. Библия : книги Священного Ветхого и Нового Завета. Синодальный перевод. — Москва : Российское библейское общество, 2010. — 1690 с.
6. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 т. / Н. В. Гоголь. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937—1952.
7. Лермонтов М. Ю. Сочинения : в 6 т. / М. Ю. Лермонтова. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1954—1957.
8. Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика / Н. И. Надеждин. — Москва : Художественная литература, 1972. — 576 с.
9. Иоанн, игумен Синайской горы, Лестница / Иоанн Лествичник. — Москва : Даниловский благовестник, 2013. — 592 с.
10. Страхов Н. Н. Критические статьи / Н. Н. Страхов. — Киев : Изд. И. П. Матченко, 1902. — Т. 2. — 434 с.
11. Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и писем : в 6 т. / Ф. И. Тютчев. — Москва : Классика, 2002—2004. — ISBN 5-7735-0129-5.

Литература

1. Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков / В. П. Адрианова-Перетц. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1968. — 202 с.
2. Аношкина-Касаткина В. Н. Русский романтизм. В. А. Жуковский, А. С. Пушкин / В. Н. Аношкина-Касаткина. — Москва : Московский государственный областной университет, 2014. — 400 с. — ISBN 978-5-7017-2337-3.
3. Болотникова О. Н. Дом, дверь и окно в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя и восточнославянская семиотика жилища / О. Н. Болотникова // Имагология и компаративистика. — 2016. — № 1 (5). — С. 153—176. — DOI: 10.17223/24099554/5/9.
4. Виноградов И. А. Учительство и проповедь в первой напечатанной повести Н. В. Гоголя («Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала», 1830) / И. А. Виноградов // Проблемы исторической поэтики. — 2022. — Т. 20. — № 1. — С. 54—109. — DOI: 10.15393/j9.art.2022.10402.
5. Виноградов И. А. Гоголь — художник и мыслитель : христианские основы мирозерцания : к 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя / И. А. Виноградов. — Москва : ИМЛИ РАН, 2000. — 448 с. — ISBN 5-9208-0016-X.
6. Ворopaев В. А. «Лестница» преподобного Иоанна Синайского в жизни и творчестве Н. В. Гоголя / В. А. Ворopaев // Русская речь. — 2018. — № 6. — С. 101—108. — DOI 10.31857/S013161170003014-4.
7. Гачев Г. Г. Национальные образы мира. Общие вопросы / Г. Г. Гачев. — Москва : Советский писатель, 1988. — 445 с.
8. Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте / С. А. Гончаров. — Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. — 338 с.
9. Гуковский Г. А. Реализм Гоголя / Г. А. Гуковский. — Москва, Ленинград : Художественная литература, 1959. — 532 с.

10. Джафарова К. К. Идиллический хронотоп в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя / К. К. Джафарова // Вестник Дагестанского научного центра РАН. — 2011. — № 41. — С. 97—103.
11. Дуккон А. Поэтика ночных пейзажей в ранних произведениях Н. В. Гоголя / А. Дуккон // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 2. — С. 87—108. — DOI: 10.15393/j9.art.2020.8082.
12. Евдокимов А. А. О генезисе ноктюрнальности в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя / А. А. Евдокимов // Поэзия филологии. Филология поэзии. — Москва : Издатель А.Н. Кондратьев, 2018. — С. 45—50.
13. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе / И. А. Есаулов. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 1995. — 287 с.
14. Егорова С. О. О двойном значении эсхатологии в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя / С. О. Егорова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2016. — № 8 (112). — С. 180—186.
15. Киселева И. А. «Выхожу один я на дорогу...» / И. А. Киселева // К кн. : М. Ю. Лермонтов : Энциклопедический словарь. — Москва : Индрик, 2014. — С. 73—74. — ISBN 978-5-699-71704-0.
16. Киселева И. А. Динамическая поэтика стихотворения М. Ю. Лермонтова «Утес» / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 2. — С. 128—144. — DOI: 10.15393/j9.art.2020.8162.
17. Кривонос В. Ш. Гоголь : проблемы творчества и интерпретации : монография / В. Ш. Кривонос. — 3-е изд., стер. — Москва : ФЛИНТА, 2020. — 430 с.
18. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман. — В книге : В школе поэтического слова : Пушкин. Лермонтов. Гоголь. — Москва : Просвещение, 1988. — С. 251—292.
19. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя / Ю. В. Манн. — 2-е изд., доп. — Москва : Художественная литература, 1988. — 412 с.
20. Поташова К. А. Космическая образность русской поэзии рубежа XVIII—XIX веков : стратегии изучения / К. А. Поташова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 211—228. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-211-228.
21. Сапченко Л. А. Пространственный образ церкви в произведениях Н. В. Гоголя / Л. А. Сапченко // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2013. — № 1 (39). — С. 168—176.
22. Томачинский В. В. Синтез вместо хаоса. «Выбранные места из переписки с друзьями» как стилистическая программа Гоголя / В. В. Томачинский // Проблемы исторической поэтики. — 2001. — № 6. — С. 250—275.
23. Янушкевич А. С. Философия и поэтика гоголевского Всемира / А. С. Янушкевич // Вестник Томского государственного университета. — 2006. — № 291. — С. 145—154.
24. Янушкевич А. С. Проблема прозаического цикла в творчестве Н. В. Гоголя / А. С. Янушкевич // Проблемы метода и жанра — Томск : Томский государственный университет, 1977. — Выпуск 4. — С. 26—32.

Статья поступила в редакцию 24.03.2024,
одобрена после рецензирования 03.05.2024,
подготовлена к публикации 18.05.2024.

Material resources

Annensky, I. F. (1979). *Books of reflections*. Moscow: Nauka. 679 p. (In Russ.).

- Augustine the Blessed. Creations: in 4 volumes, 2.* (2000). St. Petersburg: Alethea. 751 p. ISBN 978-5-89329-213-8. (In Russ.).
- Bely, A. (1994). *Criticism. Aesthetics. The theory of symbolism: in 2 volumes, 1.* Moscow: Iskustvo. 488 p. (In Russ.).
- Berdyayev, N. A. (1916). *The meaning of creativity (the experience of justifying a person)*. Moscow: Publishing house of G. A. Lehman and S. I. Sakharov. 678 p. (In Russ.).
- Gogol, N. V. (1937—1952). *Complete works: in 14 volumes*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).
- John, Abbot of Mount Sinai, Ladder. (2013). Moscow: Danilovsky blagovestnik. 592 p. (In Russ.).
- Lermontov, M. Y. (1954—1957). *Works: in 6 volumes*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).
- Nadezhdin, N. I. (1972). *Literary criticism. Aesthetics*. Moscow: Fiction. 576 p. (In Russ.).
- Strakhov, N. N. (1902). *Critical articles, 2*. Kiev: Publishing house of I. P. Matchenko. 434 p. (In Russ.).
- The Bible: the books of the Holy Old and New Testaments. Synodal translation.* (2010). Moscow: Russian Bible Society. 1690 p. (In Russ.).
- Tyutchev, F. I. (2002—2004). *Complete collection of works and letters: in 6 volumes*. Moscow: Classic. ISBN 5-7735-0129-5. (In Russ.).

References

- Adrianova-Peretz, V. P. (1968). “The Word about Igor’s regiment” and monuments of Russian literature of the XI—XIII centuries. Leningrad: Nauka. Leningrad Branch. 202 p. (In Russ.).
- Anoshkina-Kasatkina, V. N. (2014). *Russian Romanticism. V. A. Zhukovsky, A. S. Pushkin*. Moscow: Moscow State Regional University. 400 p. ISBN 978-5-7017-2337-3. (In Russ.).
- Bolotnikova, O. N. (2016). House, door and window in Gogol’s “Evenings on a farm near Dikanka” and the East Slavic semiotics of housing. *Imagology and comparative studies, 1* (5): 153—176. DOI: 10.17223/24099554/5/9. (In Russ.).
- Dukkon, A. (2020). Poetics of night landscapes in the early works of N. V. Gogol. *Problems of historical poetics, 18* (2): 87—108. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8082. (In Russ.).
- Egorova, S. O. (2016). On the double meaning of eschatology in “Evenings on a farm near Dikanka” by N. V. Gogol. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 8* (112): 180—186. (In Russ.).
- Evdokimov, A. A. (2018). On the genesis of nocturnality in “Evenings on a farm near Dikanka” by N. V. Gogol. In: *Poetry of philology. The philology of poetry*. Moscow: Publisher A. N. Kondratiev. 45—50. (In Russ.).
- Gachev, G. G. (1988). *National images of the world. General questions*. Moscow: Soviet Writer. 445 p. (In Russ.).
- Goncharov, S. A. (1997). *Gogol’s creativity in a religious and mystical context*. St. Petersburg: Publishing House of the A. I. Herzen State Pedagogical University. 338 p. (In Russ.).
- Gukovsky, G. A. (1959). *Gogol’s realism*. Moscow, Leningrad: Fiction. 532 p. (In Russ.).
- Jafarova, K. K. (2011). Idyllic chronotope in “Evenings on a farm near Dikanka” by N. V. Gogol. *Bulletin of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 41*: 97—103. (In Russ.).

- Kiseleva, I. A. (2014). "I go out alone on the road...". In: *Book: M. Y. Lermontov: Encyclopedic dictionary*. Moscow: Indrik. 73—74. ISBN 978-5-699-71704-0. (In Russ.).
- Kiseleva, I. A. (2020). Dynamic poetics of M. Y. Lermontov's poem "The Cliff". *Problems of historical poetics*, 18 (2): 128—144. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8162. (In Russ.).
- Krivosos, V. Sh. (2020). *Gogol: problems of creativity and interpretation: monograph. 3rd ed., ster.* Moscow: FLINT. 430 p. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1988). The artistic space in Gogol's prose. In: *In the book: In the school of the poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol*. Moscow: Prosveshchenie. 251—292. (In Russ.).
- Mann, Yu. V. (1988). *Gogol's Poetics. 2nd ed., add.* Moscow: Fiction. 412 p. (In Russ.).
- Potashova, K. A. (2023). Cosmic Imagery in Russian Poetry at Turn of 18th and 19th Centuries: Strategies of Study. *Nauchnyi dialog*, 12 (10): 211—228. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-10-211-228> (In Russ.).
- Sapchenko, L. A. (2013). The spatial image of the church in the works of N. V. Gogol. *Problems of history, philology, and culture*, 1 (39): 168—176. (In Russ.).
- Tomachinsky, V. V. (2001). Synthesis instead of chaos. "Selected places from correspondence with friends" as Gogol's stylistic program. *Problems of historical poetics*, 6: 250—275. (In Russ.).
- Vinogradov, I. A. (2000). *Gogol — artist and thinker: Christian foundations of worldview: to the 150th anniversary of the death of N. V. Gogol*. Moscow: IMLI RAS. 448 p. ISBN 5-9208-0016-X. (In Russ.).
- Vinogradov, I. A. (2022). Teaching and preaching in the first printed novella by N. V. Gogol ("Bisavryuk, or the Evening before Ivan Kupala", 1830). *Problems of historical poetics*, 20 (1): 54—109. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10402. (In Russ.).
- Voropaev, V. A. (2018). "The Ladder" of St. John of Sinai in the life and work of N. V. Gogol. *Russkaya Rech*, 6: 101-108. DOI 10.31857/S013161170003014-4. (In Russ.).
- Yanushkevich, A. S. (2006). Philosophy and poetics of Gogol's World. *Bulletin of Tomsk State University*, 291: 145—154. (In Russ.).
- Yanushkevich, A. S. (1977). The problem of the prose cycle in the works of N. V. Gogol. In: *Problems of method and genre*, 4. Tomsk: Tomsk State University. 26—32. (In Russ.).
- Yesaulov, I. A. (1995). *Category of conciliarity in Russian literature*. Petrozavodsk: PetrSU Publishing House. 287 p. (In Russ.).

*The article was submitted 24.03.2024;
approved after reviewing 03.05.2024;
accepted for publication 18.05.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(4), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Тарвердиева С. Е. Темы любви и одиночества в современной женской прозе Азербайджана / С. Е. Тарвердиева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 269—284. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-269-284.

Tarverdiyeva, S. E. (2024). Themes of Love and Solitude in Contemporary Azerbaijani Women's Prose. *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 269-284. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-269-284. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Темы любви и одиночества в современной женской прозе Азербайджана

Тарвердиева Сабина Ельмар гызы

orcid.org/0009-0001-9408-2099

доктор философии
по филологическим наукам,
доцент кафедры
истории русской литературы
s.y.tarverdiyeva@gmail.com

Бакинский славянский университет
(Баку, Азербайджан)

Themes of Love and Solitude in Contemporary Azerbaijani Women's Prose

Sabina E. Tarverdiyeva

orcid.org/0009-0001-9408-2099

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of History
of Russian Literature
s.y.tarverdiyeva@gmail.com

Baku Slavic University
(Baku, Azerbaijan)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются особенности репрезентации тем любви и одиночества в женской прозе Азербайджана. Отмечается, что литературное творчество женщин в разных странах получило особую актуальность в конце XX — начале XXI веков. Новизна исследования состоит в выявлении ключевых тем, поднимаемых в произведениях нескольких ведущих азербайджанских писательниц, которые не известны широкому кругу российских читателей. Анализируется творчество А. Масуд, Фарида, А. Гюнель, в котором темы любви и одиночества находятся в фокусе исследования. Установлено, что тематика произведений имеет традиционный для женской прозы характер: поиск женщинами и мужчинами любви, осмысление вопросов верности и предательства, одиночества. Показано, что герои в своих стремлениях не находят понимания у окружающих. Отсутствие любви доводит героев А. Масуд до сумасшествия (роман «Фатима»), физической смерти (рассказ «Айсун») или морального падения (рассказ «Начальница»). В произведении Фарида «Немые птицы» поднимается проблема влияния древних жестоких традиций на отношения молодых людей и их судьбу. В «Кактусе» А. Гюнель героиня страдает от одиночества из-за отсутствия любви родителей. Автор приходит к выводу, что многообразие поднимаемых авторами-женщинами вопросов пронизано мыслью о трагичности существования человека без любви.

Ключевые слова:

женская проза; азербайджанская современная литература; тема любви; А. Масуд; Фарида; А. Гюнель.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the representation of themes of love and loneliness in women's prose in Azerbaijan. It is noted that the literary works of women in different countries have gained particular relevance at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries. The novelty of the research lies in identifying key themes raised in the works of several leading Azerbaijani female writers, who are not well known to a wide circle of Russian readers. The creative works of A. Masud, Farida, and A. Gyulnel are analyzed, with themes of love and loneliness being the focus of the study. It has been established that the thematic content of the works exhibits a traditional character typical of women's prose: the quest for love by women and men, contemplation of issues of loyalty and betrayal, and solitude. It is shown that the characters in their pursuits do not find understanding from those around them. The absence of love drives A. Masud's characters to madness ("Fatima" novel), physical death ("Aysun" story), or moral decline ("The Boss" story). In Farida's work "Silent Birds", the issue of the influence of ancient cruel traditions on the relationships and fate of young people is raised. In "Cactus" by A. Gyulnel, the heroine suffers from loneliness due to the lack of parental love. The author concludes that the variety of issues raised by female authors is imbued with the idea of the tragedy of human existence without love.

Key words:

Women's prose; Azerbaijani contemporary literature; theme of love; A. Masud; Farida; A. Gyulnel.

УДК 821.512.162

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-269-284

Научная специальность ВАК
5.9.2. Литературы народов мира

Темы любви и одиночества в современной женской прозе Азербайджана

© Тарвердиева С. Е., 2024

1. Введение = Introduction

Женское творчество как предмет исследования получило актуальность на современном этапе развития азербайджанского литературоведения. Если в России, как отмечает Н. В. Воробьева, «женская проза — это историко-типологическое литературное явление, которое периодически актуализируется в литературном процессе» [Воробьева, 2006, с. 17], то женская проза в современном азербайджанском культурном процессе обрела статус серьезной литературы только в середине XX — начале XXI веков. Следует отметить, что тематический диапазон в женской прозе разных стран в большинстве случаев сводится к представлению ряда типовых вопросов. Авторы-женщины обращаются к темам любви, связи поколений, внутрисемейных взаимоотношений, материнства и невинности, ожиданий и обреченности, роли женщины в социуме и др. Данный тематический диапазон обусловлен исторически, если учесть тот фактор, что именно этот круг тем считался традиционным для интересов женщин на протяжении веков. Однако национальные мотивы и ракурсы раскрытия данных тем в разных культурах различались, что обуславливает интерес к женской национальной прозе.

Цель статьи — проанализировать репрезентацию тем любви и одиночества в современных произведениях трех азербайджанских женщин-писательниц, которые не переведены на русский язык или малоизвестны российскому читателю. Современным женщинам-авторам приходится доказывать свое право на существование в новых исторических условиях, несмотря на то что в советской азербайджанской литературе женское творчество было представлено уже в середине XX века. Этот период в истории женской прозы Азербайджана отмечен именами Азизы Джафарзаде, Мирварид Дилбази, Нигяр Рафибейли, Медины Гюльгюн и др. Однако изменение политической ситуации в новом веке обусловило ослабление литературных и научных связей России и Азербайджана.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужили произведения А. Масуд «Фатима» [Масуд 3], «Айсун» [Масуд 1], «Начальник» [Масуд], Фариды «Немые птицы» [Фарида], А. Гюнель «Кактус, Нет, то есть да» [Гюнель, 2010] — современных писательниц, получивших признание в Азербайджане и других странах.

Очевидно, что «женское письмо» обладает своим специфическим кругом типовых тем — моделей, представляющих интерес с литературоведческих, социально-гендерных и историко-философских позиций, что получило отражение в исследованиях женской прозы разных стран. Так, литературоведы, изучая динамику, проблематику и поэтику произведений авторов-женщин, выделяют в женской прозе новые реалии глобализирующегося мира и их влияние на жизнь женщины в Турции [Софронова, 20016], темы женского протеста против лицемерия и несправедливости общественного устройства в странах Магриба [Дубинина, 2011], женского быта, личной жизни и роли женщины в социуме Ирана и России [Норузи, 2016], отношений матери и дочери [Бреева и др., 2020], семьи и дома как средоточия женского предназначения [Желобцова и др., 2022], судьбы женщины в тяжелых исторических условиях [Савкина и др., 2016] и др. Женская тема в литературе разных стран, в частности, России и Азербайджана, рассматривается в монографии Касумовой [Касумова, 2017]. Однако исследования, посвященные творчеству современных азербайджанских писательниц, в том числе ставших предметом рассмотрения в данной статье, в азербайджанском литературоведении почти не представлены. В целом, анализируя работы, посвященные женской прозе XXI века, исследователи отмечают, что «новая женская проза — это успешная литературная стратегия, предполагающая коллективность, отрефлектированную манифестационность, утверждение проблемно-тематических констант, автобиографичность, субъективность, мистический женский опыт, противопоставление мужского и женского» [Антипина и др., 2020, с. 200—201].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Трагедия любви в творчестве Афаг Масуд

К числу популярных женских авторов Азербайджана принадлежит Афаг Масуд. Два ее произведения называются именами главных героинь — роман «Фатима» [Масуд 3] и рассказ «Айсун» [Масуд 1], а третье представляет собой обозначение должности в женском роде — «Начальница» [Масуд 2], — задавая, таким образом, с самого начала женскую тематику. При этом между героинями первых произведений нет ничего общего, можно сказать, что это прямо противоположные образы: нереализовав-

шейся одинокой женщины, лишенной любви и материнства — в первом, и успешной, социально реализованной девушки, вдохновляющей мужчину на страстную любовь, — во втором. Рассказ «Начальница», как и рассказ «Айсун», о любви, но сами объекты любви в них не являются главными героями произведений.

3.1.1. Мир страхов и грез Фатимы

Роман «Фатима» начинается с темы гипотетической смерти близкого человека. Героиня просыпается посреди ночи из-за храпа своей мамы и думает, что та умирает. С ужасом наблюдая за агонией умирающей, Фатима представляет, что изменившуюся после смерти мать невозможно будет воспринимать как родного человека. Героиня вспоминает, что мать последнее время часто рассказывала о сне, где она превращается в желтую бабочку с очень тонкими крыльями и улетает в белую пустыню. В этих снах она ощущает себя как будто в раю. Переживаемые Фатимой в момент предполагаемой смерти матери чувства делают ее несчастной, она обращается за помощью к своему брату, грубому, неотёсанному человеку. Он приводит мать в чувство — и становится понятно, что все пережитое — лишь обычные ночные кошмары Фатимы. Мама в свою очередь уверяет дочь, что пока та не обустроила свою жизнь, мать не может умереть. Таким образом, автор с самого начала истории вводит читателя в мир страхов героини, очерчивая контур сложных внутрисемейных отношений.

Фатима — женщина тридцати пяти лет, мечтающая создать собственную семью, но вынужденная жить с матерью и братом в тесной квартире, где у нее нет личного пространства. И это еще одна мечта — о своем доме. Все ее ровесницы уже давно замужем и имеют детей, а она стала обузой для семьи. Брат часто высказывает свое возмущение тем, что Фатима живет с ним и матерью и занимает место в квартире, где нет элементарных условий. Автор показывает героиню, живущую в мире родных людей, как будто в болоте, из которого не может выбраться. Кроме того, мать все время что-то готовит, поэтому Фатима не может похудеть. В этом она тоже видит корень всех своих бед: «Полнея, она становилась похожей на мать. На втором подбородке, точно так же как у нее, слоями собирается жир, на лбу появляются глубокие морщины, когда садится, живот доходит до бедер» [Масуд 3] (здесь и далее перевод с азербайджанского наш. — С. Т.). Рассматривая себя в зеркале, Фатима с ужасом обнаруживает, что «усы опять отросли и, кажется, стали гуще. Еще на прошлой неделе она осветлила их 4%-й перекисью, от которой слезились глаза» [Там же]. В отсутствии мужа и детей героиня винит свою внешность.

Ощущение, что время уходит и ей надо успеть создать семью, пока не поздно, не покидает героиню. Она обращается к гадалке, которая уверяет

Фатиму, что на нее наведена порча. Героиня искренне верит предсказаниям гадалки о радужной картине семейной жизни. Но как только Фатима знакомится с потенциальными женихами, она так неловко и неуклюже ведет себя, что эти попытки «организации замужества» каждый раз заканчиваются одинаково неудачно. Так проходит реальная жизнь, кардинально отличающаяся от мира грез, в который Фатима в конце концов полностью погружается, представляя себя беременной и счастливой.

Автор разными средствами передает трагедию мироощущения героини в якобы «враждебном» ей мире, ее одиночество и нереализованную главную цель жизни. Афаг Масуд показывает женщину, которая видит свое счастье в материнстве и не мыслит себя вне этого состояния, что обусловлено не только установками ее семьи, но и всем историческим процессом развития женщины. Ведь главным предназначением женщины веками считалось деторождение, а ее занятиями — обустройство и сохранение домашнего очага, гнезда, где она полновластная хозяйка. Этот стереотип формируется у девочек с раннего детства, с первой куклы: когда они начинают играть в дочки-матери, помогают маме вести хозяйство, создается установка на необходимость выйти замуж и родить детей. Исследователи отмечают, что наиболее распространенные гендерные стереотипы касаются прежде всего социальной роли женщины: «Мужчина — глава семьи, кормилец и добытчик; женщина — мать, жена, хранительница очага, воспитатель детей; главное призвание женщины — быть хорошей матерью; <...> жизнь женщины тогда полноценна, когда у нее есть дети; общество предосудительно относится к женщине, воспитывающей ребенка без мужа» [Трансформация ..., 2009, с. 247]. Такой подход формирует комплекс неполноценности у женщин, не реализовавших роли жены и матери, что и показывает на примере трагедии своей героини Афаг Масуд. Не выполнив свою самую главную миссию, Фатима теряет смысл жизни и погружается в мир грез, где она мама. В финале истории Фатимы звучит мотив обостренной потребности в материнстве, которая исторически формируется социумом у женщины на протяжении веков. «Желание иметь ребенка — это комплексная необходимость, связанная с конкретными представлениями индивида о своей собственной идентичности. В XX веке ребенок стал своего рода центром сосредоточения эмоций, социальной ценностью, доказательством способности индивида вскормить и передать различные качества. Мы видим многочисленные признаки этого как в литературе и образах, так и в целом ряде институциональных мер, предпринимаемых для прокреации детей» [Жаклин, 2018, с. 607].

Страстное желание Фатимы иметь свой дом и ребенка показано автором на фоне описания жизни ее матери. Героиня все время как будто бы

наблюдает за ней и ее жизнью, проводит параллели со своей судьбой и пытается предугадать свое будущее. Фатима видит, что вся жизнь ее матери занята приготовлением пищи, домашним бытом и заботой о судьбе детей. Данная проекция типична для женской прозы. Изображение судьбы героини на фоне жизни нескольких поколений женщин в семье, взаимосвязанность их судеб являются платформой, на которой авторы раскрывают неизменность основных общественных установок относительно предназначения женщины. Тесная связь женщин в семье показана Афаг Масуд через мотив сновидений. Сны матери и дочери в произведении удивительным образом созвучны. Фатиме снится парень, продавец хлеба, точно так же ее матери — парень, который просит у нее воды. Героиня видит в этом божественный знак.

Внутренний мир женщины, ее чаяния и страхи показаны автором через сны. В одном из своих снов Фатима видит, как пришла на пластическую операцию. Стоя раздетой перед врачами, она как будто бы обнажает все свои сокровенные желания. Однако они становятся предметом осуждения. Фатиму упрекают за желание создать семью и стать матерью, желание изменить себя внешне, ее попытки знакомства с мужчинами, обращение к гадалке. Среди людей, которых героиня видит во сне, учительница Бике, желающая ей помочь: увидев, как сжимается сердце Фатимы, Бике берет его в руки, и оно превращается в серого, маленького, слабого воробья. Оставшись без сердца в груди, Фатима задыхается. И в этом сне она будто возвращается в свои школьные годы, которые тоже ассоциируются у нее с разными страхами. Героиня боится обнажения своих желаний и чувств и во сне борется со своими дневными страхами. Однако, оставшись без мечты, без любви и без сердца, Фатима во сне умирает.

Мотив смерти — еще один ключевой прием самоидентификации героини. Автор обыгрывает тему смерти в разных вариациях: жертвы во имя любви, страха потери близкого человека, своей смерти. Так, в поисках любви Фатима соглашается на предложение гадалки провести ритуал на кладбище, снять порчу, которую из зависти якобы навела соседская женщина. Но когда эта женщина через несколько дней после ритуала умирает, то героиня ощущает себя убийцей. Через весь текст произведения красной линией проходит мотив страха Фатимы потерять мать. С первых строк автор показывает, как Фатима с ужасом прислушивается к дыханию матери, боясь, что она перестанет дышать: «Она проснулась на звуки хрипа... Мать умирала... Да, хрипела... Вот здесь, рядом... На другой стороне двухспальной кровати, на которой она каждую ночь спала с ней лицом к лицу, нос к носу» [Масуд 3]. И этот страх потери не оставляет героиню на протяжении всей жизни. Более того, почти в каждом сновидении она и сама умирает.

Проблеме мнимой смерти автор противопоставляет мнимое счастье: фантазии о своей беременности и рождении ребенка становятся способом ухода от безнадежной реальности. На фоне переживаний Фатима испытывает непрекращающуюся тошноту и ощущение, что она беременна. В то же время она отдает себе отчет, что не может забеременеть, более того, ей нельзя забеременеть, но желания создать семью и стать матерью становятся сильнее ее страхов. Героине нравится мысль о том, что она ждет ребенка. В этом мире мечты она бережет своего малыша, поет ему песни, рассказывает сказки, она представляет себе глаза, руки, носик своего ребенка. Похожий на золотую рыбку малыш, что тоже символично в данном контексте, становится основным смыслом всей ее жизни. Все остальное не имеет для нее значения. Весь мир Фатимы сужается до этой мнимой беременности и ощущения своего материнства.

Афаг Масуд в данном произведении раскрывает трагедию женщины, обреченной на одиночество, причина которого во многом обусловлена многовековыми представлениями азербайджанского общества о предназначении женщины как жены и матери, о ее образе жизни в строго соблюдаемых рамках обычаев и укладов, не позволяющих ей выйти за пределы «положенного» и «обязательного».

3.1.2. Призрачная мечта Мехмана Гуламдарова

Другое произведение Афаг Масуд «Айсун» [Масуд 1] также называется женским именем, однако образ самой героини, с одной стороны, прямо противоположен образу Фатимы, а с другой — он играет, скорее, второстепенную роль, поскольку используется, чтобы показать любовь и одиночество мужчины.

Айсун — известная певица, которую очень любит герой произведения Мехман Гуламдаров. Он занимает важный пост в одном из министерств, является важной персоной для окружающих. События происходят в его день рождения, когда вместе собираются его семья, родственники и соседи по даче. Автор иронично описывает всю компанию. Прежде всего внимание читателя привлекает внешний вид жены героя Зарифу ханум, которая «после того, как муж стал госслужащим, располнела от неподвижного образа жизни и жирной еды, отяжелела и страдала скачками давления» [Там же]. Образ Зарифу ханум противопоставляется молодой и красивой певице, в которую влюблен ее муж Мехман Гуламдаров. На этом празднике жизни он — главный герой и именинник — был одиноким и скучающим «гостем», который «смотрел на говорящих, но чувствовалось, что он не слышит никого, что всеми фибрами души внимательно прислушивается к мелодии, тихо доносящейся из музыкального центра в дальнем углу комнаты» [Там же]. В Айсун Мехман видит воплощение мечты, красоты

и любви. В ней он находит смысл всей своей жизни и очень переживает по поводу ее планов уехать в другую страну, хотя о близких отношениях между героями автор ничего не говорит. Мужчины в этой компании знают об отношении Мехмана Гуламдарова к девушке и с насмешкой воспринимают чувства человека, занимающего столь высокое положение. Никто не понимает всей глубины трагического внутреннего состояния мужчины, который влюблен в легкомысленную звезду и в то же время очень одинок. Любовь для Мехмана Гуламдарова является спасательным кругом и началом конца одновременно. Символичен финал произведения: на следующий же день после дня рождения герой погибает в автокатастрофе, и последнее, что он слушает, это песня Айсун. В рассказе Айсун представлена не столько земной женщиной, сколько символом недостижимости счастливой взаимной любви, стремление к которой для героя оказывается важнее, нежели его социальные успехи. Именно любовь становится пристанищем для одинокой души Мехмана Гуламдарова.

3.1.3. Между Ангелом и Демоном

Если в «Айсун» символом любви и надежды является недостижимая звезда, то в произведении «Начальница» [Масуд 2] объект любви — земная женщина. Афаг Масуд здесь использует прием умолчания: герои не имеют имен, они просто обозначаются сообразно статусу: муж, жена и начальница. Безымянность героев в художественной литературе может рассматриваться как способ обобщения характеристик человека, «возведения их до уровня общечеловеческих» [Лазареску, 2013, с. 74]. Хотя надо отметить, что автором представлена скорее не типичная, а особенная история, однако вполне вероятная и получившая отражение в литературных сюжетах («Крейцера соната» Л. Н. Толстого, «Леди Макбет Мценского уезда» Н. С. Лескова и др.).

Масуд повествует о любви к начальнице женатого мужчины, который ненавидит свою жену. Автор показывает нам фрагмент повседневной жизни семьи, члены которой давно стали не просто чужими друг для друга, а врагами. Муж испытывает по отношению к жене такую ненависть, что возникает вопрос: а были ли когда-нибудь между ними вообще теплые человеческие отношения? Он брезгует всем, к чему прикасается жена. Даже ее плач вызывает в нем лишь омерзение.

В произведении также используется мотив сновидений, в которых герой живет счастливой, полной любви жизнью со своей начальницей. Здесь автором мастерски раскрывается вечная внутренняя борьба мужчины, находящегося перед выбором женщины, которая предстает в обликах Ангела или Демона. Мужчины находятся в вечных метаниях между этими двумя образами. В таком же смятении чувств находится герой Масуд. Мужчину

раздражает все, что делает его жена: то, как она шьет на швейной машинке, напевая при этом какую-то грустную песню, то, как она готовит, убирает в квартире. Ему казалось, что от всего, к чему она прикасается, пахнет мастикой. Казалось бы, спасением от реальности стали сны, но и они не приносили облегчения: «Он во сне любил, гладил и целовал... А по утрам чувствовал себя как человек, который всю ночь пил. Болела голова, и стучали виски» [Масуд 2]. Начальница же была «ангелом», с белоснежной кожей и изумительной улыбкой. Она олицетворяла женственность, в то время как дома его ждала женщина, похожая на корову. Хотя дело было не в любви к начальнице, а, скорее всего, в нелюбви к жене, с которой приходилось жить бок о бок каждый день: «Сжимая зубы, он думал, что его сводит с ума не начальница, нет. И вообще-то она была ни при чем. Задыхаясь, он думал, зачем бог создал вот такое безобразное существо; если по ошибке, то зачем не посылает ей смерть?! А потом, поправляя одеяло на плече, подумал: может, ему самому убить ее?» [Там же]. Он уверен, что достоин другой женщины. Постепенно мужчина приходит к мысли о том, как избавиться от жены, и пытается выбрать способ убийства: отравить, задушить или выбросить с балкона. В результате он толкает женщину с балкона, когда она моет окно. Но жена не умирает, ей помогают соседи — и она возвращается домой, понимая, что случилось, и испытывая ненависть. Этим завершается произведение. Оно начинается с ненависти и заканчивается ей же.

Таким образом, можно говорить о том, что данное произведение, скорее, не о любви, а о ее отсутствии, способном спровоцировать определенный тип людей на крайние действия, хотя нет подробной характеристики персонажа и причины его состояния и поведения не становятся предметом осмысления. У читателя остается простор для домысливания истории, однако очевидно, что Афаг Масуд попыталась показать читателю один из вариантов жизни в отсутствии любви. При этом даже чувство к начальнице выглядит как повод, а не сводящее с ума состояние.

Во всех трех произведениях Афаг Масуд рассказывает о внутренней жизни людей, имеющих недостижимую мечту, которая приводит их к трагедии. Эта мечта обусловлена одиночеством и потребностью в любви, настолько сильными, что Фатима сходит сума, Мехман Гуламдаров попадает в автокатастрофу и погибает, а третий герой совершает преступление. Основная проблематика произведений азербайджанской писательницы состоит в представлении о любви как источнике трагедии, если она не является взаимной и благополучной. Но именно любовь так необходима каждому человеку. Примечательно в этом смысле, что главными героями двух произведений стали мужчины, которые испытывают потребность в любви, не менее сильную, чем женщины.

3.2. Кармический круг Фариды

Трагичен и конец жизни героини Марьям в произведении Фариды «Немые птицы» [Фарида]. В основе рассказа двойная сюжетная линия. Первая линия — притча о том, что в одном из селений девочкам с самого рождения дарят птенчиков, которых они должны беречь от людского взора, кормить, поить. Птичка — белоснежная птица Вага — является символом девичьей невинности. Ее так и называли — птица целомудрия. Когда девочка выходила замуж, в первую брачную ночь муж в знак признания целомудрия невесты обезглавливал птицу и выставлял ее тело на площади. В случае смерти или пропажи этой птицы до свадьбы хозяйку ждал допрос и суд, которые проходили на центральной площади перед всеми жителями. На самом же деле все изначально знали, каков будет приговор, и допрос особого значения не имел. Некоторые девочки, у которых пропадала птица целомудрия, чтобы избежать позора, пока никто не узнал, кончали жизнь самоубийством через повешение или закалывание себя кинжалом своих отцов или братьев. Даже в этом случае тело виновной выставляли в центре площади и устраивали суд над ним. И «ответчицей» была уже ее мать, которую приговаривали к повешению вместо мертвой дочери. Поэтому девочки, чтобы сохранить жизни их матерей, смирялись со своей судьбой и терпели позор. Можно сказать, что девушки и женщины селения были приговорены изначально, с самого своего рождения. Из поколения в поколения предавались страшные истории о трагической участи бедных девочек.

Еще одним обычаем в этом селении было испытание мужества парней, достигших совершеннолетия, которые должны пойти на охоту и принести добычу. Им нельзя было возвращаться с пустыми руками — это тоже считалось позором. Рассказ начинается с эпизода, в котором героиня Марьям пришла на свидание с возлюбленным, вернувшимся в свой первый день мужества с охоты ни с чем. В ужасе думая о своем позоре, он даже планирует попросить свою сестру отдать ему птицу целомудрия, которую он сможет выдать за добычу. Марьям говорит, что вряд ли кто-то передаст ему свою птицу. И тогда избранник Марьям, который никак не назван автором, просит ее передать ему свою птицу. Взамен он обещает сегодня же ночью пойти в лес и поймать ей новую птицу. Марьям оказалась перед страшной дилеммой — довериться возлюбленному или же потерять его навсегда. Она решает спасти возлюбленного от позора и спасти свою любовь. Марьям прождала всю ночь, но парень не сдержал свое слово: он не вернул в условленное время птицу целомудрия девушке и промолчал во время суда на площади. Если бы он заступился за Марьям, то суд принял бы другое решение: «Если какой-то парень признавался в том, что украл птицу, то решение менялось. Эту девушку выдали бы замуж за это-

го парня. Они обязательно должны были покинуть деревню и никогда не возвращаться в нее. Таким образом, честь девушки, ее родни и деревни считалась очищенной» [Там же]. Однако парень не нашел в себе силы признаться и спасти девушку, которая доверилась ему. И любовь превратилась в ненависть: «Надежда и вопрос в глазах Марьям превратились в гнев и ненависть» [Там же]. Вечером того же дня Марьям повесили на площади.

Другая сюжетная линия произведения связана с историей Марьям и ее возлюбленного Мурада, чье имя означает «заветная мечта». Он любит голубей и тайком от родителей содержит их в заброшенной мельнице. Из-за этого парень совсем забросил учебу, да и общение с Марьям последнее время не особо ему нравилось. Мураду было интересно с голубями. Марьям, узнав об увлечении возлюбленного, решила сообщить об этом его отцу. Она думала, что под влиянием отца Мурад возьмется за ум, завершит учебу и поступит вуз, женится на ней и они уедут в город. Однако отец оторвал голову голубям Мурада, что привело парня в отчаяние, и он покончил с собой, повесившись на дереве в саду. Любовь снова обратилась в трагедию. Когда люди возвращались с похорон Мурада, то обнаружили стаю птиц, кружившихся над старой лестницей. Это были птицы Вага, которых местные жители никогда не видели здесь. Ошибочное решение героини, деспотичность отца привели к трагедии героя.

Обе сюжетные линии репрезентируют тематику предательства возлюбленных, что в контексте темных обычаев общества: зацикленности на идее целомудрия и инициации мужественности, безусловной власти родителей и социума — приводит в каждом случае к необратимой трагедии.

3.3. Ожидание героини Гюнель Анаргызы

Тема ожидания и обреченности в аспекте семейных взаимоотношений разрабатывается в произведении Гюнель Анаргызы «Кактус» [Гюнель, 2010]. Автор раскрывает судьбу девочки, которая росла на попечении бабушки, поскольку мать неожиданно исчезла из жизни своих детей. Семья объясняла это виной отца, который своим характером довел жену. В произведении так и не раскрывается причина ухода матери.

Главная героиня похожа на своего отца внешне, и она — нелюбимая дочь красивой женщины. Этим объясняется то, что она ощущает себя подкидышем, в отличие от брата, который был похож на маму и считался ее любимцем. После ухода матери они росли у бабушки. Дочь отца не любила. Его роль сводилась к материальному обеспечению своих детей, при этом у него был второй брак и даже ребенок. Девочка отмечала его схожесть с дедом, о котором она слышала только нелестные отзывы. При этом героиня удивлялась, что рядом с такими мужчинами была бабушка с добрым, мягким характером. Фактически дети воспитывались бабушкой

и были сиротами при живых родителях. Последним отчасти объясняется сильная привязанность героини к брату. После ухода матери девочка держится за него как за спасательный круг.

Произведение называется «Кактус»: с одной стороны, растение — связующее звено между братом и сестрой (кактус выступает символом неизменности самой крепкой в жизни персонажей кровной связи: «время его не коснулось»; брат всегда аккуратно поливал его; героиня рассказа надеется, что брат, который пытается построить свою жизнь со своей избранницей, вернется домой и снова станет поливать кактус; сама героиня не желает вырваться из дома, в котором она живет, не хочет изменить жизнь; ее бытие замерло), с другой — главная героиня очень похожа на кактус: такая же колючая, защищающаяся от внешнего мира чужих людей. У героини нет имени, она не замужем и находится в состоянии ожидания. Она ждет возвращения брата и верит, что его кактус в один прекрасный день зацветет оранжевым цветом. Трагедия девушки в том, что единственного близкого человека — своего брата (Дудика) — она панически боится потерять, как потеряла мать, поэтому ревнует его к избраннице. Героиня сама могла бы создать семью, но только маленькая девочка, которая живет внутри нее, не отпускает ее на свободу.

Девушка зависит от своих страхов. И здесь снова, как и во многих произведениях, появляется мотив сновидений. Героиня сталкивается со своими страхами во сне. Она видит, что вырубili все деревья в саду ее детства на Молоканке и ее брат стоит посреди опустошенного сада. Она боится, что не сможет уберечь и защитить все самое прекрасное из воспоминаний о детстве: сад, ее брат и кактус как живое существо. Именно о такой ситуации говорит Рахман Бадалов: «Всегда трудно жить в эпоху перемен, хочется от них куда-нибудь спрятаться. Куда же спрятаться, как не дома, в семье ... Мой дом — мой мир, моя вселенная ... Только здесь можно то ли переждать, то ли защититься, уберечься от чуждого и чужеродного мира. Чем больше, болезненнее пронизывают насковоз ветры перемен, тем острее желание спрятаться в своей семье» [Бадалов, 2017, с. 40]. Трагедия девушки в том, что она не может чувствовать уверенность в настоящем и будущем, поскольку у нее не было надежного прошлого. Мотив обманутого детства, лишённого любви родителей, — еще одна тема в современной азербайджанской женской прозе.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, во всех проанализированных произведениях основными темами являются трагедия одиночества, страдания обманутой любви, нереализованных желаний и стремлений. Судьба Марьям, которая всю

ночь ждала свою «птицу целомудрия» и пережила предательство возлюбленного, созвучна с судьбой Фатимы, мечтавшей о создании семьи и о материнстве и сошедшей с ума от невозможности получить так страстно желаемое, а также с судьбой героини Гюнель Анаргызы, которая чувствует себя фатально одинокой в ожидании возвращения брата, живущего своей жизнью. Для всех персонажей одиночество и ожидание любви трагично. Красной линией через судьбы героинь произведений проходит мотив их обреченности, потому что они родились девочками, в том числе и через жизнь «незаметной» (второстепенной, как кажется) героини, которую пытаются убить собственный муж. Особенно ярко идея предопределенности женской судьбы репрезентируется в «Немых птицах».

В то же время трагедия одиночества свойственна и мужчинам: любовь к женщине является и бедой героев, и их способом ухода в иной, счастливый мир. Невозможность реализовать свои мечты имеет для героев-мужчин последствия не менее тяжелые, чем для героинь произведений: Мехман Гуламдаров погибает физически, а муж, влюбленный в начальницу, морально становится преступником.

На примере проанализированных произведений азербайджанских женщин-прозаиков мы видим, что темы любви и одиночества, представленные в их творчестве, имеют точки пересечения. В центре внимания писательниц находятся одинокие и обреченные на ожидание любви и счастья герои, которые не находят понимания у окружающих, многих из них доводят до отчаяния, а иногда и до гибели жестокие традиции общества, в основе которых лежат древние предрассудки. Никто из героев не борется, они находятся под властью трагичного мироощущения и фатальности происходящего.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники

1. Гюнель А. Кактус, Нет, то есть да / А. Гюнель. — Баку : CBS, 2010. — 240 с.
2. Масуд 1 — Масуд А. Айсун [Электронный ресурс] / А. Масуд. — Режим доступа : <https://afaqmesud.az/uploads/flip/hekayeler/index.html#p=441> (дата обращения 02.04.2024).
3. Масуд 2 — Масуд А. Начальница [Электронный ресурс] / А. Масуд. — Режим доступа : <https://afaqmesud.az/uploads/flip/hekayeler/index.html#p=441> (дата обращения 04.04.2024).
4. Масуд 3 — Масуд А. Фатима [Электронный ресурс] / А. Масуд. — Режим доступа : <https://afaqmesud.az/az/posts/id:713> (дата обращения 05.04.2024).
5. Фариди. Немые птицы [Электронный ресурс] / Фариди. — Режим доступа : <https://www.kulis.az/xeber/nedr/lal-quslar-ferideden-yeni-hekaye-40991> (дата обращения 08.04.2024).

Литература

1. Антипина Е. С. Феномен «женской прозы» в современной русской литературе / Е. С. Антипина, А. М. Гилева // *Global and Regional Research*. — 2020. — Т. 2. — № 3. — С. 199—204. — DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-3-105-111>.
2. Бадалов Р. Мужчина и женщина : бесконечные трансформации / Р. Бадалов. — Баку : Книга клубу, 2017. — Книга 1. — 472 с.
3. Бреева Т. Н. Трансформация материнско-дочернего сюжета в современной женской прозе (на материале романа Е. Чижовой «крошки Цахес») / Т. Н. Бреева, Ю. Ф. Панибратова // *Филология и культура*. — 2020. — № 1 (59). — С. 154—158. — DOI: 10.26907/2074-0239-2020-59-1-154-158.
4. Воробьева С. Ю. Женская проза 1980—2000-х годов : динамика, проблематика, поэтика : автореферат ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / С. Ю. Воробьева. — Пермь, 2006. — 20 с.
5. Дубинина Н. В. Современная женская проза стран Магриба (Алжир, Тунис, Марокко) / Н. В. Дубинина // *Вестник РУДН, серия Литературоведение. Журналистика*. — 2011. — № 1. — С. 59—63.
6. Жаклин Коста-Ласку. Репродукция и биоэтика. История женщины Становление культурной идентичности в XX столетии / Жаклин Коста-Ласку ; под общ. редакцией Ж. Дюби и М. Перро ; под ред. Ф. Тебо. — Санкт-Петербург : Алатейя, 2018. — Т. 5. — 624 с. — ISBN 978-5-90-679226-6.
7. Желобцова С. Ф. Семантика гендерного пространства в современной женской прозе / С. Ф. Желобцова, С. Н. Барашкова // *Казанская наука*. — 2022. — № 6. — С. 17—19.
8. Касумова К. Женская тема в современной русской и азербайджанской литературе / К. Касумова. — Баку : Мутарджим, 2017. — 200 с. — ISBN 978-9952-28-33-9.
9. Лазареску О. Г. «Что в имени тебе моем?» : безымянность героев как смысло-организующая категория в русской литературе и фольклоре / О. Г. Лазареску // *Наука и школа*. — 2013. — № 5. — С. 74—77.
10. Норузи М. К вопросу о вечных темах в современной женской прозе Ирана и России / М. Норузи // *Челябинский гуманитарий*. — 2016. — № 2 (35). — С. 67—76.
11. Савкина И. «Секрет её успеха»: размышления о романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» / И. Савкина, А. Розенхольм // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. — 2016. — № 3—4. — С. 22—25.
12. Софронова Л. В. Проблематика турецкой женской прозы начала XXI века : гендерный аспект / Л. В. Софронова // *Ученые записки Казанского университета. Серия : Гуманитарные науки*. — 2016. — Т. 158. — № 1. — С. 256—270.
13. Трансформация гендерных стереотипов в семейной сфере. Гендерные стереотипы в меняющемся мире : опыт комплексного социального исследования / под ред. Член-корреспондента РАН Римашевской. — Москва : Наука, 2009. — 270 с. — ISBN 978-5-02-036830-9.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024,
одобрена после рецензирования 29.04.2024,
подготовлена к публикации 21.05.2024.

Material resources

Farida. *Mute birds*. Available at: <https://www.kulis.az/xeber/nedr/lal-quslar-ferideden-yeni-hekaye-40991> (accessed 08.04.2024). (In Azerb.).
Gunel, A. (2010). *Cactus, No, that is, yes*. Baku: CBS. 240 p. (In Azerb.).

- Masud 1 — Masud, A. *Aysun*. Available at: <https://afaqmesud.az/uploads/flip/hekayeler/index.html#p=441> (accessed 02.04.2024). (In Azerb.).
- Masud 2 — Masud, A. *Head*. Available at: <https://afaqmesud.az/uploads/flip/hekayeler/index.html#p=441> (accessed 04.04.2024). (In Azerb.).
- Masud 3 — Masud, A. *Fatima*. Available at: <https://afaqmesud.az/az/posts/id:713> (accessed 04.05.2024). (In Azerb.).

References

- Antipina, E. S., Gileva, A. M. (2020). The phenomenon of “women’s prose” in modern Russian literature. *Global and Regional Research*, 2 (3): 199—204. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-3-105-111>. (In Russ.).
- Badalov, R. (2017). *Man and woman: endless transformations*. Baku: Kitab Club. 472 p. (In Russ.).
- Breeva, T. N., Panibratova, Yu. F. (2020). Transformation of the mother-daughter plot in modern women’s prose (based on the material of E. Chizhova’s novel “crumbs of Tsakhes”). *Philology and Culture*, 1 (59): 154—158. DOI: 10.26907/2074-0239-2020-59-1-154-158. (In Russ.).
- Dubinina, N. V. (2011). Modern women’s prose of the Maghreb countries (Algeria, Tunisia, Morocco). *Bulletin of the RUDN, a series of Literary studies. Journalism*, 1: 59—63. (In Russ.).
- Jacqueline Costa-Lascu. (2018). *Reproduction and bioethics. The history of a woman, the formation of cultural identity in the twentieth century*, 5. St. Petersburg: Alatheia. 624 p. ISBN 978-5-90-679226-6. (In Russ.).
- Kasumova, K. (2017). *The female theme in modern Russian and Azerbaijani literature*. Baku: Mutardjim. 200 p. ISBN 978-9952-28-33-9. (In Russ.).
- Lazarescu, O. G. (2013). “What’s in my name for you?”: the namelessness of heroes as a semantic category in Russian literature and folklore. *Science and School*, 5: 74—77. (In Russ.).
- Noruzi, M. (2016). On the question of eternal themes in modern women’s prose in Iran and Russia. *Chelyabinsk Humanities*, 2 (35): 67—76. (In Russ.).
- Savkina, I., Rosenholm, A. (2016). “The secret of her success”: reflections on Guzel Yakhina’s novel “Zuleikha opens her eyes”. *Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies*, 3—4: 22—25.
- Shchankina, Yu. I. (2021). The concept of “dream” as the semantic dominant of modern women’s prose. *Hominum*, 2: 123—136. (In Russ.).
- Sofronova, L. V. (2016). Problematics of Turkish women’s prose at the beginning of the XXI century: gender aspect. *Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities*, 158 (1): 256—270. (In Russ.).
- Transformation of gender stereotypes in the family sphere. Gender stereotypes in a changing world: the experience of complex social research*. (2009). Moscow: Nauka. 270 p. ISBN 978-5-02-036830-9. (In Russ.).
- Vorobyova, S. Yu. (2006). *Women’s prose of the 1980s—2000s: dynamics, problematics, poetics*. Author’s abstract of PhD Diss. Perm. 20 p. (In Russ.).
- Zhelobtsova, S. F., Barashkova, S. N. (2022). Semantics of gender space in modern women’s prose. *Kazan Science*, 6: 17—19. (In Russ.).

*The article was submitted 27.02.2024;
approved after reviewing 29.04.2024;
accepted for publication 21.05.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(4), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Тимакова А. А. Шекспировский театр в критике и публицистике П. Д. Боборыкина / А. А. Тимакова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 285—305. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-285-305.

Timakova, A. A. (2024). Shakespearean Theatre in Criticism and Journalism of Petr Boborykin. *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 285-305. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-285-305. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Шекспировский театр в критике и публицистике П. Д. Боборыкина

Тимакова Анна Александровна^{1,2}

orcid.org/0000-0003-0269-4969

Scopus Author ID: 58221997600

кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой «Литература
и методика преподавания литературы»
anna.a.timakova@gmail.com

¹ Пензенский
государственный университет
(Пенза, Россия)

² Пензенский государственный
технологический университет
(Пенза, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена
в рамках реализации работ
по гранту Российского
научного фонда № 24-18-00040
«Эволюция русского поэтического
перевода в контексте идейных
концепций литературных журналов
второй половины XIX века»

Shakespearean Theatre in Criticism and Journalism of Petr Boborykin

Anna A. Timakova^{1,2}

orcid.org/0000-0003-0269-4969

Scopus Author ID: 58221997600

PhD in (Philology),
Head of the Department of Literature
and Literature Teaching Methodology
anna.a.timakova@gmail.com

¹ Penza State University
(Penza, Russia)

² Penza State
Technological University
(Penza, Russia)

Acknowledgments:

The article was prepared as part
of the implementation
of the Russian Science Foundation
grant № 24-18-00040
“Evolution of Russian poetic translation
in the context of ideological concepts
of literary journals in the second half
of the 19th century”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Цель исследования — проанализировать функции и формы обращения Боборыкина к драматургическому наследию Шекспира и определить степень влияния шекспировского театра на формирование творческой системы писателя. Материалом выступили фельетоны и статьи П. Д. Боборыкина для журналов «Библиотека для чтения» (1861, 1862), «Дело» (1871), «Слово» (1878), публикации в газетах «Новое время» (1876), «Театральный мирок» (1887), а также книга «Театральное искусство» (1872) и мемуары «За полвека» (1929, 1965). Показано, что в фельетонной публицистике Боборыкин обращается к Шекспиру для обличения современного театра во всех его проявлениях — от качества пьес, выбора театральной администрацией репертуара, актёрской игры до уровня публики. К оценке драматургии А. Н. Островского писатель подходит с критериями, выработанными им для анализа шекспировского театра. Боборыкин не признает историзма художественных текстов по причине невозможности автора быть непрядвзятым в воспроизведении реалий изображаемой эпохи. Применительно к пьесам Шекспира писатель вводит определение «общечеловечность», подразумевая под ней отражение драматургом современной ему действительности в декорациях выбранной эпохи. Боборыкин упрекает А. Н. Островского за обилие эпических элементов, по его мнению, неприемлемых в драматургическом искусстве. Шекспировское творчество стало для писателя эстетической, художественной, философской основой его системы оценки театрального искусства.

Ключевые слова:

Петр Боборыкин; рецепция Шекспира; театральность; историзм в драматургии, общечеловечность, историческая драма, А. Н. Островский.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The aim of the study is to analyze the functions and forms of Boborykin's references to Shakespeare's dramatic heritage and determine the extent of Shakespearean theatre's influence on the formation of the writer's creative system. The material consists of feuilletons and articles by P. D. Boborykin for the journals "Library for Reading" (1861, 1862), "Case" (1871), "Word" (1878), publications in the newspapers "New Time" (1876), "Theatrical World" (1887), as well as the book "Theatrical Art" (1872) and the memoirs "For Half a Century" (1929, 1965). It is shown that in his feuilleton publicism, Boborykin turns to Shakespeare to criticize the contemporary theatre in all its manifestations — from the quality of plays, the choice of repertoire by theatre administration, acting, to the level of the audience. When evaluating A. N. Ostrovsky's dramaturgy, the writer uses criteria developed by himself for analyzing Shakespearean theatre. Boborykin does not recognize historicism in artistic texts due to the author's inability to be unbiased in reproducing the realities of the depicted era. In relation to Shakespeare's plays, the writer introduces the term "universal human nature", implying the reflection by the playwright of his contemporary reality in the settings of the chosen era. Boborykin reproaches A. N. Ostrovsky for an abundance of epic elements which, in his opinion, are unacceptable in dramaturgical art. Shakespeare's works became the aesthetic, artistic, and philosophical foundation for the writer's system of evaluating theatrical art.

Key words:

Peter Boborykin; reception of Shakespeare; theatricality; historicism in dramaturgy; universal human nature; historical drama; A.N. Ostrovsky.

УДК 821.161.1Боборыкин.07+82-95+82.09

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-285-305

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы

народов Российской Федерации

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.3. Теория литературы

Шекспировский театр в критике и публицистике

П. Д. Боборыкина

© Тимакова А. А., 2024

1. Введение = Introduction

Петр Дмитриевич Боборыкин (1836—1921) — фигура для своего времени во многом знаковая. Он является автором более ста романов, повестей, пьес, публицистом, критиком и историком литературы, театральным деятелем, переводчиком, мемуаристом. Человек увлекающийся и разносторонне образованный, энергичный и смелый в начинаниях, он был известен в России и Европе второй половины XIX — первой трети XX веков как хроникёр эпохи, живо реагирующий на любые общественно значимые приметы жизни. Однако Боборыкин ролью дагерротиписта современной ему действительности не ограничивался, находя все новые способы эту действительность совершенствовать. Его театральная деятельность тому подтверждение. Он не только оставил значительное количество рецензий на постановки, откликов на актерскую игру, выступал с критико-аналитическими отзывами на работы современных ему драматургов, но написал книгу «Театральное искусство» — первое в своем роде в России (а по наблюдениям автора, и в Европе [Боборыкин, 1872, с. 11, 20—22]) пособие по актерскому мастерству. Тем важнее понять, какое место в эстетической системе П. Д. Боборыкина занимает рецепция мировой драматургической классики, в частности театра Шекспира.

Хотя, по заявлению П. Д. Боборыкина, его «Театральное искусство» не является ни «руководством», ни «опытом теории» [Там же, с. 5], очевидно стремление автора систематизировать теоретические выкладки по психологии, философии, даже физиологии для того, чтобы помочь начинающим актерам. Кроме того, П. Д. Боборыкин делает попытку обобщения влияния публики французской, немецкой и русской на репертуар и игру актеров, однако выводы его определены общественно-культурными особенностями нации, взятыми вне общемировых основ театра или драматургических тенденций [Там же, с. 329, 331, 333].

Воплощение театральных мотивов и реализация театральных приемов в прозе П. Д. Боборыкина анализировались в диссертации О. А. Мелешковой. Автор приходит к выводам о том, что, во-первых, театральные представления являются постоянным фоном событий во всех романах писателя [Мелешкова, 2005, с. 20] и, во-вторых, Боборыкин в стремлении усилить психологические характеристики героев порой гиперболизирует те или иные черты, что приводит к наигранности [Там же, с. 21]. Следовательно, театральность в прозе писателя связана более с архитектурой сюжета и образов, нежели с осмыслением мотивов классических пьес и их героев.

Отдельных работ, посвященных восприятию шекспировского театра П. Д. Боборыкиным, не публиковалось во многом из-за мнения о том, что это восприятие было поверхностным, а потому не заслуживающим внимания. Известно, что изучать творчество Шекспира П. Д. Боборыкин начал еще в молодости, но полагалось, что «шекспировские приемы и методы раскрытия действительности он считал устаревшими» [Ровда, 1965, с. 671], поскольку они не согласовывались с требованиями воспроизведения действительности, как она есть. Полагалось, что П. Д. Боборыкин считал Шекспира слишком ориентированным на вкусы и потребности толпы, которая ожидала от него «полные сильного, потрясающего драматизма, часто дикие и грубые предания <...> о кровавой борьбе двух царственных домов» [Четвертая лекция ..., 1876, с. 1]. Натуралистическая эстетика, сторонником которой был П. Д. Боборыкин, по устоявшемуся мнению, не позволяла ему постичь «правды и красоты шекспировских характеров» [Ровда, 1965, с. 672]. Влияние шекспировского театра на творчество П. Д. Боборыкина признавалось весьма ограниченным.

Тем не менее рецепция П. Д. Боборыкиным шекспировского театра, пусть фрагментарно, но имманентно присутствует во всем его творчестве. Эта статья подготовлена на основе критики и публицистики П. Д. Боборыкина, поскольку шекспировским мотивам в его художественных произведениях нужно уделить специальное внимание.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Творческое наследие П. Д. Боборыкина не было обделено вниманием историков литературы во многом из-за натуралистической эстетики, нетипичной для зрелого реализма конца XIX — начала XX веков (см. об этом, например: [Щеблыкин, 2002]), и широчайшего круга его профессионального и дружеского общения [Андреева, 2023]. Романы и повести, фельетоны, письма, мемуары писателя до настоящего времени выступают объектом литературоведческого анализа. Публицистика Боборыкина также периодически входит в круг современных научных исследований,

но не в качестве самостоятельного творческого явления, имеющего свою структуру и эволюцию, а как часть издательского процесса России определенного периода или этап развития того или иного журнала (например, диссертация Е. В. Колесниковой «Журналистская деятельность П. Д. Боборыкина (Журнал «Библиотека для чтения»)» [Колесникова, 2022]). Слабо изученной можно назвать сферу театрального в наследии Боборыкина: книга «Театральное искусство», статьи, посвященные анализу театрального процесса в России и за рубежом, рецензии на постановки и иной обширный материал о театре целостному изучению не подвергались.

Наиболее близко к интересующей нас теме диссертационное исследование О. А. Мелешковой «Театральность в русской прозе второй половины XIX века (И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, П. Д. Боборыкин)» [Мелешкова, 2005]. Ученый исследует структуру и функции театральности в художественных произведениях русских писателей. Интерес представляет также анализ Н. А. Самсоновой роли зарубежной классики как текста-прецедента в фельетонах П. Д. Боборыкина [Самсонова, 2015]. Н. Л. Ермолаевой осмысливается специфика восприятия русской критикой, в частности П. Д. Боборыкиным, исторической драматургии А. Н. Островского [Ермолаева, 2018; Ермолаева, 2023]. Отдельно укажем исследования, посвященные рецепции в России драматургии Ибсена [Евдокимова, 2016] и Метерлинка [Ефременко, 2015]: П. Д. Боборыкин не обошел вниманием появление новаторских пьес авторов-современников. Вопрос рецепции П. Д. Боборыкиным шекспировского театра до настоящего времени открыт.

Материалом для исследования послужили фельетонная публицистика П. Д. Боборыкина, его статьи для журналов и газет, а также книга мемуаров «За полвека».

В качестве методов исследования выбраны культурно-исторический для оценки текста в рамках культурно-исторического процесса, сравнительно-исторический для выявления литературных связей, герменевтический метод как инструмент анализа философской и художественной ценности произведений.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Шекспир в фельетонной публицистике П. Д. Боборыкина

В 1861 году П. Д. Боборыкин выступил в журнале «Библиотека для чтения» с серией фельетонов под псевдонимом Петр Нескажусь, где в ироничной и остроумной форме дал характеристики отдельным явлениям литературной и театральной жизни России пореформенной поры. Яркой приметой этих текстов является активное обращение автора к произведениям мировой классики, в частности, И. В. Гете, Ф. Шиллера, К. Марло

и У. Шекспира. Цель обращения, как полагает Н. А. Самсонова, заключена в «самопозиционировании молодого литератора» [Самсонова, 2015, с. 209], его стремлении «вписать свое творчество в общий литературный контекст» [Там же, с. 210], продемонстрировав понимание мировых тенденций в искусстве. Но не менее важно и другое: употребление прецедентных текстов закономерным образом формирует портрет языковой личности автора с определенным набором критериев и оценок, с которыми он подходит к жизненным ситуациям [Караулов, 2010, с. 235]. В связи с этим особый интерес представляют ситуации обращения П. Д. Боборыкина в фельетонах к театру Шекспира.

В сентябрьском фельетоне 1861 года автор признается в «диких несовременных желаниях» — присутствовать на представлениях театра XVI века, когда «комедиант Шекспир приглашал публику смотреть на свои ужимки и, в первобытной простоте и наивности, заранее говорил ей: All in that history is true» [Нескажусь, 1861a, сентябрь, с. 22]. Принципиально важным в понимании оценки Боборыкиным Шекспира является отсылка к прологу «Генриха V», где драматург напрямую обращается к публике с призывом пробудить воображение и «в пространстве малом представлять миллион». Боборыкин с горечью заключает: «Тогда можно было так говорить с публикой; она верила всему, только бы *человек* был перед ней» [Там же]. Искренность разговора со зрителем и художественную правду пьесы Шекспир, а вслед за ним и П. Д. Боборыкин ставят неизмеримо выше богатства сценической постановки. Непросвещенная публика XVI века, которая «тут же, в театральной зале, под открытым небом, пьет, ест, играет в кости» [Там же], противопоставляется в фельетоне зрителю современному, «привыкшему к бархатным креслам и галунным каплединерам, <...> бредящему Шекспиром» [Там же, с. 23], но не понимающему сути его творчества: «... вам *человека* не нужно, если тесно сидеть!..» [Там же]. «Первый балаган» гораздо честнее с публикой, чем наш «прилизанный, золоченый театральный мир» [Там же]. Вслед за этим П. Д. Боборыкин резко меняет тон на подчеркнуто иронический, словно спохватываясь о нарушении им законов жанра. Заканчивается фельетон цитатой из «Гамлета», характеризующей отношение П. Д. Боборыкина к будущему русского театра: «And thus the native hue of resolution // Is sicklied o'er with the pale cast of thought» [Там же, с. 28] («И так решимости природный цвет // Хиреет под налетом мысли бледным», пер. М. Л. Лозинского. — А. Т.).

В октябрьском номере «Библиотеки для чтения» за 1861 год фельетон открывается характеристикой столичного литературного общества. Нескажусь под видом опытного литератора наставляет «новичка», жаждущего от литературных вечеров «пищи для ума и сердца» [Нескажусь, 1861b, ок-

тябрь, с. 6], а вместо этого получающего сплетни и обсуждение гонораров. «Неужели лучше — собраться да толковать, что Данте, мол, великий поэт; а Шекспир — так еще повыше?» [Там же, с. 7], — парирует ему опытный литератор. Толковать о «насуточных интересах писательского мира» необходимо, и возмущаться этим смешно — таков ироничный вывод Нескажусь. Шекспир в этом фрагменте — безусловная величина мира искусства, что лишь усиливает контраст со средой отечественных литераторов.

В фельетоне дана развернутая характеристика русскому столичному театру и его, к авторскому сожалению, тесной связи с театром французским: «Как вы думаете, благодушный читатель, будут нам деньги платить, если мы начнем показывать язык встречному и поперечному? По крайней мере, будет ли от этого особенно смешно зрителям? Не знаю, как где, а во французском театре смеются» [Там же, с. 10] или «Я не знаю почти ни одной *смешной* пьесы французского репертуара, где бы не являлись панталоны как главный комический элемент» [Там же, с. 11]. Кстати, на ходульность персонажей французских трагедий указывал и А. Ф. Писемский, упрекая их в «театральности» и «фразистости» [Писемский, 1936, с. 190—191]. Русский театр, переняв развлекательное направление французской сцены и испортив плохой игрой итальянские оперы, существует спокойно и размеренно. Виной тому — неприятельность «просвещенной» публики, «мастерство» режиссера и «таланты» актеров, обходящихся чуть ли не вовсе без репетиций. Автор приходит к печальному заключению: «Чего не появляется у нас, начиная с Шекспира, кончая Бродягами, Рыцарями тумана?.. Нас ничто не затрудняет, все входит в нашу специальность!» [Нескажусь, 1861б, октябрь, с. 15]. Такая всеядность нашей публики была бы невозможна при наличии у нее вкуса и хотя бы общего понимания мирового культурного процесса. Иначе и Шекспир велик, и «химико-драматическое представление» под названием «Un beau mariage» («Красивая свадьба». — А. Т.) «хорошо написано» [Там же].

В фельетоне, опубликованном в ноябре 1861 года, П. Д. Боборыкин во многом отказывается от иносказательного иронического тона, переходя к прямым негативным характеристикам отечественной литературы и издательской политики последнего времени. «Надуманые люди и сочиненная жизнь продолжают нравиться» [Нескажусь, 1861в, ноябрь, с. 4] нашей публике. Здесь нет элементов прецедентных текстов, поскольку автор чувствует себя в праве и в силах самостоятельно, без опоры на мировую классику, предупредить отечественную словесность: «если мы не станем стараться исправиться», нас, при «дурно проведенной молодости», ждет «бездарная и ни на что не годная старость» [Там же, с. 14].

Таким образом, Шекспир в фельетонной публицистике П. Д. Боборыкина предстает не просто выдающимся сочинителем, мировой знамени-

тостью, знакомство с творчеством которого обязательно для каждого образованного человека, но своего рода ориентиром (в первую очередь для самого писателя), по которому можно и следует сверять свое восприятие явлений не только культурной, но и общественной жизни вне зависимости от эпохи.

3.2. П. Д. Боборыкин об А. Н. Островском и Шекспире

К анализу творчества своего современника, А. Н. Островского, П. Д. Боборыкин подходит с собственными критериями идейно-художественной значимости драматургических произведений, выработанными задолго до появления его программной статьи 1878 года «Островский и его сверстники». Эти критерии опираются на принципы, предложенные Ипполитом Тэнном, — изучать литературное произведение как явление, закономерно обусловленное окружающей средой [Тэн, 1933, с. 9]. В цикле статей 1871 года «Русский театр», увидевшем свет в журнале «Дело», Боборыкин пишет: «...и в области драмы только те продукты могут быть отнесены к настоящему творчеству, в которых проявляются существенные признаки данного момента культуры» [Боборыкин, 1871a, № 3, с. 133—134]. В связи с этим отдельный интерес представляет критика писателем исторической драмы (европейской и русской), и прежде всего пьес Шекспира.

Историческая драма, по мнению П. Д. Боборыкина, не может быть поставлена на один уровень с другими жанрами, потому что «общечеловечность произведения только тогда поднимает его достоинство, когда вставлена в рамки текущей действительности» [Там же]. Воссоздание минувшего является фальшью и авторским самообманом, поскольку проверить достоверность художественного воспроизведения действительности нет возможности. Боборыкин отказывает в художественном объективизме не только современным ему авторам исторической драмы, но и Шиллеру («У Шиллера во всем одно лицо — он сам и один мотив — его идеалистический протест во имя дорогих ему принципов гуманизма» [Там же, с. 136], и Пушкину, поскольку его «Борис Годунов» вдохновлен Карамзиным и исполнен в девятнадцатом столетии, весьма отстоящем от семнадцатого: «Никакой художник не в состоянии отрешиться от давления своей эпохи и в рамки XVII или другого какого столетия он вставит, роковым образом, целую массу современных взглядов, идей, чувств, приемов» [Там же, с. 137].

При таком категорическом отношении к исторической драме Боборыкин принимает ее у Шекспира на том основании, что «Шекспир никогда не задавался дилетантской задачей изображать объективно отдаленные эпохи и личностей. Его римляне и греки были для его современников просто люди, поставленные в те или иные драматические положения, люди, близкие по типу, языку, понятиям к зрителям, собиравшимся смотреть на зрелища.

<...> Итальянцы, испанцы, датчане, французы — все они в сущности англичане шекспировского времени» [Там же, с. 134—135]. Иными словами, Боборыкин видит в творчестве Шекспира отражение им текущего исторического момента в разных его аспектах. «Датского в “Гамлете” одно заглавие, — продолжает П. Д. Боборыкин, а в “Отелло” венецианского — аппарат официальных отношений генерала к правительству республики. Остальное — творчество Шекспира, коренное английское творчество, немислимое в такой форме ни в какую иную эпоху, кроме его эпохи» [Там же]. В пьесах Шекспира «не историческая верность и не общечеловеческая идеализация составляют их мировое художественное значение, а их знаменательность для данного времени, их верность шекспировской эпохе, сочетание в них её колорита с существенными чертами целой расы и целого периода человеческой культуры» [Там же]. Боборыкин, верный принципам реалистического изображения текущего исторического момента, будет впоследствии оценивать с тех же позиций драматургию Ибсена и Метерлинка.

Таким образом, заявления о том, что Боборыкин в силу приверженности натуралистической эстетике не мог оценить глубины творений Шекспира, оказываются под сомнением. Писатель считал драматурга «истым сыном своей земли и эпохи» [Боборыкин, 1871а, № 3, с. 136], создающим свои произведения на историческом материале, но о современной ему жизни. Шекспир, по признанию Боборыкина, «переполнен таланта» [Там же], и «общечеловечность» его произведений (понимаемая писателем как верность духу времени, в которое они создавались) оставляет их в веках.

Исторические пьесы А. Н. Островского, согласно критериям Боборыкина, являясь напрасным [Боборыкин, 1871б, № 11, с. 39] и слабым подражанием хроникам Шекспира, обладают, к тому же, недопустимым для драматического действия обилием эпической составляющей [Там же, с. 39—40]. Кроме того, и в пьесах не исторических эпическая составляющая у Островского преобладает над «сценической». Так, Любима Торцова, героя пьесы «Лес», Боборыкин прямо называет «эпической личностью» [Там же, с. 37]. В подтверждение своей позиции относительно творческих неудач русского драматурга, следовавших за «Грозой», Боборыкин в статье довольно подробно приводит полемику автора «Петербургского листка», публиковавшегося под псевдонимом «Театральный нигилист», с критиками, указывавшими на сочетание (причем недопустимое [Там же, с. 44]) в образе Несчастливцева примет Любима Торцова и Гамлета; автор «Петербургского листка» с этим не согласен и доказывает несостоятельность образа Несчастливцева. Боборыкин жалеет, что единственное интересное лицо в комедии «никуда не годится» [Там же, с. 46]. Думается, критики хотели подчеркнуть в образе Несчастливцева идеализм Гамлета и

широту натуры Торцова, граничащую с бесшабашностью, с чем Боборыкин склонен согласиться [Там же, с. 45], — но общая оценка образа у всех рецензентов одинаково отрицательная.

С позиции неоднозначного отношения Боборыкина к творчеству Островского определенный интерес представляет напечатанное в одном из номеров газеты «Новое время» за 1876 год переложение публичной лекции критика, посвященной исторической драматургии. Вводная часть лекции характеризовала хроники Шекспира, который действовал «сообразно требованиям эпохи», представляя публике «полные сильного и потрясающего драматизма, часто дикие и грубые предания» [Четвертая лекция ..., 1876, с. 1]. А публика, в свою очередь, «не требовала от драматурга реальной правды ни относительно языка, ни относительно нравов и других условий представляемой эпохи» [Там же]. Зрители удовлетворялись тем, что видели предания, «воплощенные в образах». Очевидно, здесь речь идет о той «общечеловечности» пьес Шекспира, которая держится не на верности изображаемой эпохе, а на правде жизни той эпохи, в которую создавались сами произведения. Ошибка и Пушкина, и Островского как авторов исторических пьес в том, что эпическое содержание они облачают в драматургическую форму: «То, что нам кажется хорошим и художественным в эпической поэме, навеивает на нас скуку и сон со сцены» [Там же]. Критик уверен, что взгляд на Островского как на эпического писателя, а еще лучше как на «писателя вообще» [Там же] способен изменить оценку его творчества.

Важнейшей для понимания оценки Боборыкиным театра Островского (проводившейся в сравнении с шекспировским театром) является статья 1878 года «Островский и его сверстники». Боборыкин предпринимает обстоятельный анализ поэтики пьес Островского, при этом исходя из высказанных им ранее в цикле статей «Русский театр» принципов оценки исторической драматургии. Здесь критик более развернуто обосновывает невозможность исторических пьес в современной действительности: поскольку критерием для определения художественной правды исторической драмы является «мировоззрение, которое автор кладет в драму, в его взгляде на эпоху и на отдельные выдающиеся личности» [Боборыкин, 1878а, № 8, с. 26], современному автору исторических пьес невозможно дистанцироваться от доктрин, учений и чьих-то оценок изображаемой им эпохи. Шекспиру делать этого было не нужно, поскольку он следовал народным летописям и, в силу своего таланта, «очерчивал крупными штрихами более и менее живые личности» [Там же]. Защитой от «произвола автора» [Там же] у Шекспира как «*родоначальника новейших исторических драм и хроник*» (курсив наш. — А. Т.) были английские летописи. Кроме того, не избегал драматург и обилия эпического, которое «вошло

в его представления» [Там же, с. 27], потому что условия для постановок не давали иных возможностей выразить необходимое. В современных условиях, полагает Боборыкин, гениальный Шекспир воспользовался бы появившимися сценическими средствами и выбросил из пьес все лишнее во имя творчества, которое «находит себе в окружающей действительности яркое отражение и строгий критерий» [Там же].

«Полуэпическая форма драматических произведений» [Там же] Шекспира приводит к «шекспиромании» в Европе и России. То, что, по мнению Боборыкина, не удалось даже Пушкину, не получилось и у Островского. Главным достоинством театра Островского Боборыкин считает изображение «нравов, окружающей среды» [Там же, с. 9], тогда как содержание исторических пьес уводит драматурга от верности этого изображения — зрителям трудно оценить, к примеру, достоверность образа Минина. Предупреждая закономерный вопрос об оценке достоверности образов шекспировского театра, Боборыкин проводит параллели между эпохой, изображенной Шекспиром, наполненной «рьяной жизненности» [Там же, с. 30], «избытком энергии и страстности» [Там же, с. 31], и любым из периодов истории отечественной: «...нашим летописям недостает красок, подробностей, контрастов для достаточной характеристики выдающихся личностей» [Там же]. Образ Минина не получился по причине того, что из сохранившихся достоверных подробностей живое сценическое лицо не сделаешь [Там же]. Это несколько оправдывает Островского, но в целом его исторические пьесы Боборыкин считает «тратой творческих сил», вызванной «ложным представлением о законности в нашей драматической литературе приемов и форм шекспировской хроники» [Там же, с. 32].

Следует ли вообще нашим драматургам руководствоваться критериями шекспировского театра, когда есть и свои критерии? Да, пишет Боборыкин, если драматург не хочет разочаровать зрителя [Там же, с. 34]. От всяких традиций можно освободиться, если автор пьесы «заставляет зрителей следить с непрерывным интересом за перипетиями драмы» [Там же], однако Островский — не из таких. Боборыкин снова говорит о художественных достоинствах пьес Островского («народная основа языка, юмора, собирательной психологии массы» [Там же, с. 33]), но все они общелитературные [Там же].

Подводя итог анализу принципов драматургии Островского, Боборыкин размышляет об их влиянии на русское театральное искусство и, в частности, на актеров и приходит к выводу, что оно отрицательное: любого купца из Островского сыграть легче, чем крупную шекспировскую роль [Там же, с. 42]. А между тем актеры, обманувшись непритязательностью зрителя в оценке игры в пьесах Островского, берутся за короля Лира и

с треском эту роль проваливают, того не понимая. Боборыкин подчеркивает разницу в смысловом и «игровом» объеме ролей в пьесах Шекспира и Островского.

На сопоставлениях Боборыкин подводит читателя к спорному, но принципиально важному для понимания оценки театра Островского положению о том, что по произведениям драматурга трудно определить его мировоззрение: комедии заключают в себе «только мотивы общего просветительского гуманизма» [Там же, с. 43], а в пьесах историко-бытового характера автор не удерживается от идеализма [Там же, с. 45], увлекаясь внешней стороной изображаемой эпохи. Боборыкин, оставаясь в рамках представлений о сути и ценности драматургического действия, во многом продиктованных его приверженностью европейскому театру, не принял отступления от его традиций у Островского. «Развернутые экспозиции, затянутые завязки, широта охвата действительности, присутствие внесюжетных персонажей, сложность конфликтных ситуаций, разные возможности завязки и развязки (словом, то, что Боборыкиным именуется «эпическим компонентом» и, по его мнению, не имеет права быть в драме. — *А. Т.*) — все это не соответствовало традиционным представлениям о драме <...> Драматургия Островского представлялась Боборыкину бесконфликтной», — пишет Н. Л. Ермолаева [Ермолаева, 2018, с. 15]. Боборыкин ждет от драматурга определенно очерченной в произведениях общественной позиции, выраженности «политических или нравственных идеалов» [Боборыкин, 1878а, № 8, с. 44] и, не увидев ни того, ни другого, заявляет о художественной слабости большинства пьес Островского. Признавая стремление русского драматурга к объективности [Там же, с. 45], Боборыкин вместе с тем отмечает, что это стремление не выводит созданные Островским пьесы на уровень, заданный театром Шекспира.

Во второй части статьи, акцентирующей литературный контекст театра Островского и степень влияния творчества драматурга на современную ему отечественную словесность, Боборыкин приходит к выводу, что соперничать с Островским трудно, поскольку купеческую тему он, исчерпав, «закрыл» своими пьесами [Боборыкин, 1878б, № 9—10, с. 130], а в главном «творческом свойстве — способности сливаться с жизнью и с характерами, он одинок» [Там же]. Здесь Боборыкин не обращается ни к одному из авторитетов драматургии прошлых столетий, соотнося уровень художественного мастерства пьес Писемского, Львова, Соллогуба, Сухово-Кобылина, А. К. Толстого и других с произведениями Островского.

Таким образом, оценка Боборыкиным драматургии Островского в значительной степени определялась критериями шекспировского театра и эстетическими принципами И. Тэна. Боборыкин далек как от идеализации

роли драматурга в формировании репертуара русского театра, так и от обличения его купцов. В Островском критик видел талантливое писателя, считал его творчество определенной вехой в развитии отечественной драматургии, но при этом не воспринимал его произведения как вклад в мировую литературу, проводя четкую грань между Шекспиром с его общечеловеческим гуманизмом и Островским, не всегда способным представить живые сценические лица, что особенно очевидно на материале исторических пьес.

3.3. Оценка П. Д. Боборыкиным роли и места Шекспира в русской и зарубежной культурной жизни второй половины XIX века

Театральная жизнь России, столичная преимущественно, занимала Боборыкина в разных ее проявлениях: от вопросов формирования репертуара и технических деталей постановок до игры актеров. С не меньшим вниманием следил критик за современным ему зарубежным театром, словно сверяя векторы и интенсивность развития драматического искусства в России и в Европе. Во многом показателем уровня театра или степени мастерства и таланта какого-либо актера было освоение шекспировского репертуара.

Так, в 1862 году в журнале «Библиотека для чтения» Боборыкин дает, нелицеприятную по преимуществу, характеристику актерам столичных сцен, придирчиво оценивает репертуар и даже публику русских театров, после чего переводит внимание на то, что происходит «в *настоящих* (курсив наш. — А. Т.) театрах». Актерам русской сцены он ставит в пример дрезденского актера Дависона. Описывая игру Дависона в роли Гамлета, Боборыкин показывает отличное понимание психоэмоционального рисунка пьесы Шекспира, отмечая, что актер провалил все главные монологи, произнося их с пафосом и «надсаживая грудь» [Нескажусь, 1862, с. 132], но был убедителен там, где не требовалось страсти и надрыва, например, в диалогах с Офелией и во всех сценах сумасшествия. Боборыкин называет его «головным» актером [Там же], ставя русским актерам в пример кропотливое изучение роли, ее тщательную обдуманность. Эти же качества Боборыкин отмечает у актера и при исполнении им роли Шейлока. В целом репертуар Дависона, как указывает критик, во многом состоит из шекспировских ролей: Гамлет, Шейлок, Отелло, Ричард III, — что свидетельствует о профессиональном мастерстве и образованности актера, а также об уровне немецкого театра.

Иным предстает в оценке Боборыкина театр французский. Примечательно, что и здесь критерием качества театральной жизни для критика выступает объем и уровень освоения шекспировского репертуара, — статью «Французский Гамлет» он открывает тезисом: «Шекспир туго дается французам» [Боборыкин, 1887, № 20, с. 5]. Непонимание французами

«шекспировского гения» Боборыкин во многом связывает со спецификой перевода пьес: «...белые стихи кажутся им (французам. — А. Т.) варварством, чередование стихов и прозы — тоже <...> Они держатся исключительно александрийского стихосложения с рифмованием каждых двух строк. От этого получается, конечно, однообразие звукового течения речи, и подлинник теряет всякую оригинальность» [Там же]. Но основной причиной отсутствия внутренней потребности у французов в драматургическом мире Шекспира Боборыкин называет их «латинскую прямолинейность», в силу которой «дух шекспировской поэзии мало доступен их душевному складу» [Там же]. Так, с шестидесятых до восьмидесятых годов в репертуаре даже крупных театров Франции почти не было шекспировских пьес, а те, что шли, игрались плохо, и даже знаменитая Сара Бернар не блистала в роли леди Макбет [Там же], а именитый актер Муне-Сюлли — в Гамлете. Трагедия Шекспира доказала, по мнению Боборыкина, что парижским актерам не под силу «схватить тон такого широкого и необузданно смелого воспроизведения страстей человека» [Там же, с. 6]. Даже «Сон в летнюю ночь», «фантастическая» комедия, которую любят и ценят в Германии, провалилась на театральных подмостках Франции, а вместе с нею «провалилась и парижская критика», представители которой показали себя «зурядными буржуа и педантами» [Там же, с. 5].

Не обошел вниманием Боборыкин и игру итальянского актера Эрнесто Росси в роли Гамлета, привлечшую к себе внимание русской публики. Противоречивость оценок игры Росси А. В. Амфитеатров объяснял глубиной и сложностью внутреннего мира шекспировского героя. Актер не может и не должен рассчитывать на одинаковое восприятие образа всем залом — «почти каждый зритель приходит в театр со своим собственным Гамлетом в голове» [Амфитеатров, 1910, с. 64—65], и потому обязательно часть публики будет недовольна актерской игрой. Видимо, Гамлет Росси так или иначе совпал с Гамлетом Боборыкина, поскольку последний защищал игру актера [Боборыкин, 1878в]. В целом творческий взлет Росси связывают с шекспировскими ролями, что не могло не сказаться на тонкости исполнения им драматического рисунка образа Гамлета, и в целом на понимании (и демонстрации) эстетики шекспировского театра. Знаток европейской театральной традиции, Боборыкин ценил подобную творческую эволюцию.

Шекспир был для Боборыкина величиной безусловной, такой, по которой сверяется в мире искусства все прочее. Подтверждение тому находим и в его мемуарах «За полвека», где писатель дает интересную развёрнутую характеристику русской и зарубежной культурной жизни второй половины XIX столетия.

Ситуации обращения Боборыкина к Шекспиру в книге можно условно объединить в несколько групп. Во-первых, это прямые отсылки к постановкам пьес драматурга на русской и европейской сценах. Например, из мемуаров писателя мы узнаем о «шекспировских вечерах» в венском Бург-театре: «Шекспиром я и хотел прежде всего насытиться в Бург-театре. И мне случилось там (в оба моих зимних сезона в 1868—1869 и 1870 годах) попадать на такие серии шекспировских пьес, какие не давались тогда нигде — ни в Мюнхене, ни в Берлине и менее всего в Лондоне и вообще в Англии. А где же, кроме тогдашней Вены, могли вы ходить на цикл шекспировских хроник, дававшихся восемь дней кряду?» [Боборыкин, 1965, с. 32]. Боборыкин подчеркивает, как высоко ценила дирекция литературную сторону театра.

Во-вторых, критик пишет об исполнении шекспировских ролей российскими (В. В. Самойлов) и зарубежными актерами (Ч. Фехтер, Г. Ирвинг, Б. Дависон и др.). Особенно запоминается описание Боборыкиным игры «американского негра» [Боборыкин, 1929, с. 226] Айры Олдриджа в роли Отелло — он был «как бы прирожденный мавр» [Там же]. Будучи темпераментным от природы, актер и на сцене жил ролью, да так, что «одна из немок, игравших с ним в Петербурге, едва не выскочила из постели, когда он начал душить ее» [Там же]. Другие шекспировские роли, Шейлока и Лира, Олдридж тоже «брал почти исключительно темпераментом», но «все-таки это была не только курьезная, но и просветительская новинка. Прививая вкус к шекспировскому театру, она давала повод к сравнительному изучению ролей. Самойлов как раз выступал в Шейлоке и в Лире. У Айры Олдриджа, было, конечно, вчетверо больше темперамента, чем у русского “премьера”, но в общем он не стоял на высоте талантливости Самойлова» [Там же, с. 226—227].

Многие личности в воспитании Боборыкина неразрывно связаны с Шекспиром. Так, близкое дружеское общение с С. Ф. Уваровым возникло вследствие увлеченности Уварова шекспировским творчеством и вспыхнувшего у Боборыкина желания эту увлеченность разделить [Там же, с. 113]. Более того, Боборыкин пишет о своем участии в подготовке Уваровым к печати статьи о предшественнике Шекспира Кристофере Марло [Там же, с. 114; Жаткин и др., 2023, с. 20—22]. Как переводчиков Шекспира представляет Боборыкин в своей книге Н. Х. Кетчера [Боборыкин, 1929, с. 212] и П. И. Вейнберга [Там же, с. 293]. Любопытно, что через призму образа Шекспира проявляется отношение писателя к Ап. А. Григорьеву: Боборыкин говорит о роли Григорьева в упрочении положения Островского в театральной жизни России, поскольку именно он «произвел» нашего драматурга «в русского Шекспира» [Там же, с. 223] и даже поставил выше английского классика: «Аполлон Григорьев по-прежнему восторгался на-

родной “почвенностью” его (Островского. — А. Т.) произведений и ставил творца Любима Торцова чуть не выше Шекспира» [Там же, с. 119]. Для хорошо образованного Боборыкина такие оценки Ап. А. Григорьева неприемлемы хотя бы с позиции историко-культурной иерархии. В целом Боборыкин довольно часто для характеристики человека обращается к образу Шекспира. Например, крайности нигилизма Д. И. Писарева определяются проповедью «самого беспощадного реализма, вплоть до отрицания Пушкина и Шекспира» [Там же, с. 238].

Наконец, факты своей биографии Боборыкин также часто связывает с чтением и изучением шекспировских пьес: читать Шекспира он начал в Германии [Там же, с. 93, 112], уровень своей начитанности определяет знанием немецкой, французской, новейшей английской литературы и, конечно, Шекспира [Там же, с. 205, 243], а с профессором В. Д. Спасовичем его объединяет «приятельство» и общение в рамках известного в 1870—1880-е годы в Москве и Петербурге Шекспировского кружка [Там же, с. 1186].

Из книги мемуаров очевидно, что шекспировский театр для Боборыкина — воплощение искусства «высшей пробы»; знакомство с ним означает приобщение к мировому золотому фонду искусства, и уровень рецепции любым писателем, критиком, актером шекспировского творчества для Боборыкина определяет степень его профессионального мастерства.

4. Заключение = Conclusions

Вряд ли можно считать П. Д. Боборыкина глубоким знатоком шекспировского творчества, но он любил театр, а потому проблемы современного театрального искусства и драматургии были для него значимы. У него нет работ, посвященных собственно Шекспиру, его драматургии, — каждый раз разговор о Шекспире ведется в контексте современного Боборыкину литературного и театрального процесса.

Так, Шекспир в фельетонной публицистике Боборыкина появляется, чтобы усилить обличение современного театра. Ценность шекспировского театра, как понимает ее Боборыкин, заключается в честности драматурга со зрителем: драматург не пытается детально реконструировать минувшее, а создает *условно* близкое к нему сценическое пространство, где кипят живые, настоящие страсти. Современный театр, приобретя лоск, разучился быть честным со зрителем, а зрителю, что хуже всего, этой честности и не нужно, считает Боборыкин.

К оценке драматургии своего современника А. Н. Островского Боборыкин также подходит с критериями, выработанными им для анализа театра Шекспира. Боборыкин, говоря языком современной науки о литературе, не

признает историзма художественных текстов по причине невозможности для автора быть максимально точным и не предвзятым в воспроизведении реалий изображаемой эпохи, а также невозможности для читателя / зрителя оценить степень этой точности. Писатель применительно к пьесам Шекспира вводит понятие «общечеловечность», подразумевая под ним отражение драматургом современной ему действительности в декорациях выбранной эпохи. Таким образом, Боборыкин, принципиальный сторонник злободневности как важнейшего критерия качества любого произведения, видит ее в шекспировских текстах, но не в пьесах А. Н. Островского. Более того, признавая за Шекспиром, ограниченным в возможностях сценической постановки, право на эпические элементы, писатель отказывает в таком праве Островскому, настаивая на динамике развития характеров и действия как важнейших принципах драматургического искусства.

Освоение шекспировского репертуара для Боборыкина — один из показателей уровня любого театра и важнейший критерий профессионального мастерства актера. Отрицательная характеристика Боборыкиным современного ему французского театра подтверждается практически полным отсутствием в репертуаре центральных сцен этой страны пьес Шекспира, тогда как уровень театра немецкого укреплен шекспировским репертуаром. Указывает критик и на сложности достойного сценического воплощения ролей шекспировского репертуара. Игра в ролях Гамлета, Отелло, Лира и других требует не просто актерского мастерства, но начитанности, понимания эстетики пьес Шекспира и, безусловно, кропотливого труда над ролью, чем именитые русские актеры, по наблюдению Боборыкина, подчас пренебрегают.

Шекспир стал для П. Д. Боборыкина той эстетической, художественной, философской базой, опора на которую давала ему основание для многих последующих оценок театральной жизни как России, так и других стран. Шекспировский театр был для писателя константой, без которой размывается все иное в творческом мире. Оценка Боборыкиным поэтики театра Шекспира во многом субъективна, но ценна в системе идейно-эстетических взглядов писателя, в структуре эволюции отечественной театральной критики, а также в истории рецепции шекспировского театра в России во второй половине XIX века.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Боборыкин, 1871а — *Боборыкин П. Д. Русский театр* / П. Д. Боборыкин // Дело. — 1871. — № 3. — С. 133—147.

2. Боборыкин, 1871б — *Боборыкин П.* Русский театр / П. Боборыкин // Дело. — 1871. — № 11. — С. 33—53.
3. Боборыкин, 1872 — *Боборыкин П. Д.* Театральное искусство / П. Д. Боборыкин. — Санкт-Петербург, 1872. — 392 с.
4. Боборыкин, 1878а — *Боборыкин П.* Островский и его сверстники / П. Боборыкин // Слово : Научный, литературный и политический журнал. — 1878. — № 8 (Август). — Отд. II. — С. 1—45.
5. Боборыкин, 1878б — *Боборыкин П.* Островский и его сверстники / П. Боборыкин // Слово : Научный, литературный и политический журнал. — 1878. — № 9—10 (Сентябрь—октябрь). — Отд. II. — С. 111—158.
6. Боборыкин, 1878в — *Боборыкин П.* Росси в Петербурге и Москве / П. Боборыкин // Русские ведомости. — 1878. — № 108 (30 апр.).
7. Боборыкин, 1887 — *Боборыкин П. Д.* Французский Гамлет / П. Д. Боборыкин // Театральный мирок [газета]. — 1887. — № 20. — С. —6.
8. Боборыкин, 1929 — *Боборыкин П. Д.* За полвека (мои воспоминания) / П. Д. Боборыкин. — Москва-Ленинград : Земля и фабрика, 1929. — 386 с.
9. Боборыкин, 1965 — *Боборыкин П. Д.* За полвека (мои воспоминания) : в 2 томах / П. Д. Боборыкин. — Москва : Художественная литература, 1965. — Т. 2. — 672 с.
10. Нескажусь, 1861а — *Нескажусь Петр (Боборыкин П. Д.).* Невинные размышления начинающего / П. Д. Боборыкин // Библиотека для чтения. — 1861. — Сентябрь. — С. 1—28.
11. Нескажусь, 1861б — *Нескажусь Петр (Боборыкин П. Д.).* Невинные размышления начинающего / П. Д. Боборыкин // Библиотека для чтения. — 1861. — Октябрь. — С. 1—32.
12. Нескажусь, 1861в — *Нескажусь Петр (Боборыкин П. Д.).* Невинные размышления начинающего / П. Д. Боборыкин // Библиотека для чтения. — 1861. — Ноябрь. — С. 1—14.
13. Нескажусь, 1862 — *Нескажусь (Боборыкин П. Д.).* Пестрые заметки / П. Д. Боборыкин // Библиотека для чтения. — 1862. — Март-апрель. — С. 117—136.
14. *Четвертая лекция П. Д. Боборыкина* // Новое время [газета]. — 1876. — № 293. — С. 1—2.

Литература

1. *Амфитеатров А. В.* Маски Мельпомены / А. В. Амфитеатров. — Москва : Типо-лит. Т-ва Владимир Чичерин, 1910. — 280 с.
2. *Андреева В. Г.* Переписка Л. Н. Толстого и П. Д. Боборыкина : от писем 1860-х годов до избрания в академики / В. Г. Андреева // Вестник Ивановского государственного университета. — 2023. — № 3. — С. 5—15.
3. *Евдокимова А. С.* Восприятие драматургии Г. Ибсена русской критикой конца XIX — начала XX века / А. С. Евдокимова // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. — 2016. — № 4 (53). — С. 107—115.
4. *Ермолаева Н. Л.* П. Д. Боборыкин об исторической драматургии А. Н. Островского / Н. Л. Ермолаева // Вестник Ивановского государственного университета. — 2018. — № 1 (18). — С. 11—18.
5. *Ермолаева Н. Л.* Русская критика и советское литературоведение об эпической драматургии А. Н. Островского / Н. Л. Ермолаева // Вестник Костромского государственного университета. — 2023. — Т. 29. — № 5. — С. 85—96. — DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-S-85-96.

6. Ефременко О. С. Полемика «первичной» и «вторичной» культур в первых отзывах российской прессы на творчество М. Метерлинка / О. С. Ефременко // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2015. — № 30. — С. 60—67.

7. Жаткин Д. Н. Очерк С. Ф. Уварова «Марло, один из предшественников Шекспира» (1859) как первый опыт литературно-критического осмысления творчества английского драматурга в России / Д. Н. Жаткин, А. А. Рябова // Мир науки, культуры, образования. — 2013. — № 4 (41). — С. 20—22.

8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Издательство ЛКИ, 2010. — 264 с. — ISBN 978-5-382-01071-7.

9. Колесникова Е. В. Журналистская деятельность П. Д. Боборыкина (Журнал «Библиотека для чтения») : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / Е. В. Колесникова. — Москва, 2022. — 30 с.

10. Мелешкова О. А. Театральность в русской прозе второй половины XIX века (И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, П. Д. Боборыкин) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / О. А. Мелешкова. — Коломна, 2005. — 28 с.

11. Писемский А. Ф. Письма / А. Ф. Писемский. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1936. — 967 с.

12. Ровда К. И. Годы реакции / К. И. Ровда // Шекспир и русская культура / под ред. М. П. Алексеева. — Москва : Наука, 1965. — С. 627—698.

13. Самсонова Н. А. Зарубежная классика как текст-прецедент в публицистике П. Д. Боборыкина (на примере фельетонов П. Д. Боборыкина в журнале «Библиотека для чтения») / Н. А. Самсонова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2015. — № 2 (2). — С. 209—213.

14. Тэн И. Философия искусства / И. Тэн. — Москва : ОГИЗ ; ИЗОГИЗ, 1933. — 446 с.

15. Щеблыкин С. И. Романы П. Д. Боборыкина в контексте русской прозы второй половины XIX века / С. И. Щеблыкин. — Тамбов : Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2002. — 259 с.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024,
одобрена после рецензирования 07.05.2024,
подготовлена к публикации 15.05.2024.

Material resources

Boborykin, 1871a — Boborykin, P. (1871). Russian theater. *A business*, 11: 33—53. (In Russ.).
Boborykin, 1871b — Boborykin, P. D. (1871). Russian Theater. *A business*, 3: 133—147. (In Russ.).

Boborykin, 1872 — Boborykin, P. D. (1872). *Theatrical art*. St. Petersburg. 392 p. (In Russ.).
Boborykin, 1878a — Boborykin, P. (1878). Ostrovsky and his peers. *Word: Scientific, literary and political journal*, 8 (August). Ed. II: 1—45. (In Russ.).

Boborykin, 1878b — Boborykin, P. (1878). Ostrovsky and his peers. *Word: Scientific, literary and political journal*, 9—10 (September–October). Ed. II: 111—158. (In Russ.).

Boborykin, 1878c — Boborykin, P. (1878). Rossi in St. Petersburg and Moscow. *Russian Vedomosti*, 108 (Apr 30). (In Russ.).

Boborykin, 1887 — Boborykin, P. D. (1887). French Hamlet. *Theatrical world [newspaper]*, 20: S. 6. (In Russ.).

- Boborykin, 1929 — Boborykin, P. D. (1929). *For half a century (my memories)*. Moscow-Leningrad: Land and Factory. 386 p. (In Russ.).
- Boborykin, 1965 — Boborykin, P. D. (1965). *For half a century (my memoirs): in 2 volumes*, 2. Moscow: Fiction. 672 p. (In Russ.).
- Neskazhus', 1861a — Neskazhus' Peter (Boborykin, P. D.). (1861). Innocent reflections of a beginner. *Library for reading. September*: 1—28. (In Russ.).
- Neskazhus', 1861b — Neskazhus' Peter (Boborykin, P. D.). (1861). Innocent reflections of a beginner. *Library for reading. October*: 1—32. (In Russ.).
- Neskazhus', 1861c — Neskazhus' Peter (Boborykin, P. D.). (1861). Innocent reflections of a beginner. *Library for reading. November*: 1—14. (In Russ.).
- Neskazhus', 1862 — Neskazhus' (Boborykin, P. D.). (1862). *Motley notes. Library for reading. March-April*. 117—136. (In Russ.).
- The fourth lecture by P. D. Boborykin. (1876). *Novoe vremya [newspaper]*, 293: 1—2. (In Russ.).

References

- Amfiteatrov, A. V. (1910). *Masks of Melpomene*. Moscow: Tipo-lit. T-va Vladimir Chicherin. 280 p. (In Russ.).
- Andreeva, V. G. (2023). Correspondence between L. N. Tolstoy and P. D. Boborykin: from letters of the 1860s to election to the academy. *Bulletin of the Ivanovo State University*, 3: 5—15. (In Russ.).
- Efremenko, O. S. (2015). The polemic of “primary” and “secondary” cultures in the first reviews of the Russian press on the work of M. Maeterlinck. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, 30: 60—67. (In Russ.).
- Ermolaeva, N. L. (2018). P. D. Boborykin on the historical dramaturgy of A. N. Ostrovsky. *Bulletin of the Ivanovo State University*, 1 (18): 11—18. (In Russ.).
- Ermolaeva, N. L. (2023). Russian criticism and Soviet literary criticism on the epic drama of A. N. Ostrovsky. *Bulletin of Kostroma State University*, 29 (S): 85—96. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-S-85-96. (In Russ.).
- Evdokimova, A. S. (2016). Perception of G. Ibsen's dramaturgy by Russian criticism of the late XIX — early XX century. *Bulletin of Ryazan State University named after S. A. Yesenin*, 4 (53): 107—115. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (2010). *Russian language and linguistic personality*. Moscow: LKI Publishing House. 264 p. ISBN 978-5-382-01071-7. (In Russ.).
- Kolesnikova, E. V. (2022). *Journalistic activity of P. D. Boborykin (Library for Reading magazine)*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 30 p. (In Russ.).
- Meleshkova, O. A. (2005). *Theatricality in Russian prose of the second half of the XIX century (I. S. Turgenev, M. E. Saltykov-Shchedrin, P. D. Boborykin)*. Author's abstract of PhD Diss. Kolomna. 28 p. (In Russ.).
- Pisemsky, A. F. (1936). *Letters*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 967 p. (In Russ.).
- Rovda, K. I. (1965). Years of reaction. In: *Shakespeare and Russian culture*. Moscow: Nauka. 627—698. (In Russ.).
- Samsonova, N. A. (2015). Foreign classics as a precedent text in P. D. Boborykin's journalism (on the example of P. D. Boborykin's feuilletons in the magazine “Library for Reading”). *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 2 (2): 209—213. (In Russ.).

- Shcheblykin, S. I. (2002). *Novels of P. D. Boborykin in the context of Russian prose of the second half of the XIX century*. Tambov: Tambov State University named after G. R. Derzhavin. 259 p. (In Russ.).
- Teng, I. (1933). *Philosophy of art*. Moscow: OGIZ; IZOGIZ. 446 p. (In Russ.).
- Zhatkin, D. N., Ryabova, A. A. (2013). S. F. Uvarov's essay "Marlowe, one of Shakespeare's predecessors" (1859) as the first experience of literary and critical understanding of the work of the English playwright in Russia. *The world of science, culture, and education*, 4 (41): 20—22. (In Russ.).

*The article was submitted 01.04.2024;
approved after reviewing 07.05.2024;
accepted for publication 15.05.2024.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORY

.....

Александр Геннадьевич Нестеров, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Анатолий Васильевич Антошкин, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Владимир Александрович Ловцов, канд. истор. наук (Тамбов)
Гузель Чахваровна Файзуллина, д-р филол. наук (Тюмень)
Екатерина Ивановна Красильникова, д-р истор. наук (Новосибирск)
Екатерина Николаевна Бадмаева, д-р истор. наук (Элиста)
Екатерина Олеговна Муслимова, канд. истор. наук (Тюмень)
Елена Николаевна Ермакова, д-р филол. наук (Тюмень)
Лилия Харисовна Фаизова, канд. филол. наук (Тюмень)
Максим Дмитриевич Новиков, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Сергей Константинович Лямин, канд. истор. наук (Тамбов)
Сергей Степанович Белоусов, д-р филол. наук (Элиста)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(4), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Антошкин А. В. Снабжение населения Башкирии в годы Великой Отечественной войны : сбои и нарушения / А. В. Антошкин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 307—323. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-307-323.

Antoshkin, A. V. (2024). Food Supply in Bashkortostan during Great Patriotic War: Failures and Violations. *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 307-323. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-307-323. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Снабжение населения Башкирии в годы Великой Отечественной войны: сбои и нарушения

Антошкин Анатолий Васильевич

orcid.org/0000-0003-4901-3454

кандидат исторических наук,
докторант
aav151284@rambler.ru

Институт истории и археологии
Уральского отделения
Российской академии наук
(Екатеринбург, Россия)

Food Supply in Bashkortostan during Great Patriotic War: Failures and Violations

Anatoly V. Antoshkin

orcid.org/0000-0003-4901-3454

PhD in History,
Doctoral degree seeker
aav151284@rambler.ru

Institute of History and Archeology
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yekaterinburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируются нарушения в работе предприятий государственной торговли и потребительской кооперации по обеспечению населения Башкирии продовольствием в годы Великой Отечественной войны. Источниковой базой статьи послужили неопубликованные документы Национального архива Республики Башкортостан, а также материалы периодической печати. Выявлено, что ослабление контрольных функций государства привело к росту растрат и хищений в предприятиях торговли и общественного питания. Констатируется, что в сочетании с сокращением объема товарооборота рост злоупотреблений в системе снабжения привел к острому дефициту продовольствия. Имели место перебои в снабжении рабочих, служащих, эвакуированного населения, детских и лечебных учреждений. Рассмотрены различные злоупотребления, в том числе подделки продовольственных карточек, различные формы самоснабжения и случаи двойного снабжения. Уделено внимание нарушениям в области учета контингентов и завышениям норм снабжения. Установлено, что борьба со злоупотреблениями в системе снабжения осложнялась наличием фактов соучастия в преступлениях руководителей предприятий, работников прилавка, бухгалтеров и представителей контрольно-ревизионных органов. Делается вывод, что при наличии большого числа нарушений система снабжения обеспечивала основные контингенты населения Башкирии минимумом продовольственных товаров с перебоями и не в полном объеме.

Ключевые слова:

торговля; снабжение; карточная система; отдел рабочего снабжения; потребительская кооперация; Великая Отечественная война; Башкирия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the disruptions in the operations of state trade enterprises and consumer cooperatives in providing food to the population of Bashkortostan during the Great Patriotic War. The article is based on unpublished documents from the National Archives of the Republic of Bashkortostan, as well as materials from periodicals. It is revealed that the weakening of the state's control functions led to an increase in embezzlement and theft in trade and public catering enterprises. The combination of reduced trade turnover and the rise in abuses within the supply system resulted in severe food shortages. Supply disruptions affected workers, officials, evacuated populations, children, and medical institutions. Various abuses are discussed, including food ration card counterfeiting, different forms of self-supply, and instances of double provisioning. Attention is given to violations in accounting for population groups and inflated supply norms. It is established that combating abuses in the supply system was complicated by the involvement of enterprise leaders, shop workers, accountants, and representatives of auditing bodies in criminal activities. The conclusion is drawn that despite numerous violations, the supply system only minimally provided essential food items to the population of Bashkortostan with interruptions and not in full.

Key words:

trade; supply; rationing system; workers' supply department; consumer cooperation; Great Patriotic War; Bashkortostan.

Снабжение населения Башкирии в годы Великой Отечественной войны: сбои и нарушения

© Антошкин А. В., 2024

1. Введение = Introduction

В годы Великой Отечественной войны в Советском Союзе обострилась проблема продовольственной безопасности, в том числе на территории тыловых регионов. Сокращение объема товарооборота, нарастающий товарный дефицит привели к возрождению системы нормированного снабжения. Советской плановой экономике в рамках карточной системы надлежало обеспечить снабжение городских рабочих, служащих и членов их семей, а также население районов, не связанное с сельским хозяйством. Вместе с тем Башкирия принимала эвакуированное население с прифронтовых территорий, к которому относились также коллективы промышленных предприятий, воспитанники детских домов. На централизованное снабжение были переведены детские и лечебные учреждения республики. Нормы снабжения были дифференцированы, снабжаемое население поделено на категории. Любые нарушения в системе снабжения населения продовольственными товарами были чреваты как недоеданием и голодом, так и срывом производственных программ промышленных предприятий, в том числе оборонных заводов. Предприятиям торговли, ОРСам и потребкооперации приходилось учитывать нарастание рисков нарушений из-за ухода в Красную Армию многих квалифицированных кадров. Это касалось продавцов, бухгалтеров, товароведов, ревизоров. Не избежала кадрового голода и Государственная торговая инспекция. В результате не только сократилось количество ревизий, но и снизилось их качество, многие растраты, хищения, подделки документов выявлялись несвоевременно.

С одной стороны, бедность и нужда военного времени толкала работников системы снабжения на совершение преступлений. С другой стороны, доступ к ограниченным ресурсам открывал возможности к самоснабжению, выстраиванию неформальных связей с контрольными органами, что еще более усложняло борьбу с нарушениями в системе снабжения. В такой ситуации эффективность снабжения населения во многом нахо-

дилась в зависимости от работы контрольно-ревизионных и правоохранительных органов по выявлению и пресечению злоупотреблений.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью статьи является исследование основных видов нарушений в системе снабжения населения Башкирии в годы Великой Отечественной войны. Источниковой базой стали документы Национального архива Республики Башкортостан, часть из которых к настоящему времени не введена в научный оборот. В ходе работы над статьей были использованы постановления СНК Башкирской АССР, приказы и отчеты республиканского Наркомата торговли. К исследованию были привлечены справки и докладные записки ревизоров-инструкторов отдела торговли и общественного питания Уфимского горкома ВКП(б), протоколы собраний первичных парторганизаций предприятий пищевой промышленности, постановления Президиума Башкирского союза потребительских обществ, а также материалы проверок Государственной торговой инспекции. Кроме того, были изучены опубликованные в периодической печати статьи и заметки о нарушениях в системе снабжения населения Башкирии.

Многие аспекты продовольственного снабжения населения Советского Союза в годы Великой Отечественной войны основательно изучены. Первые исследования были связаны с именами, непосредственно связанными с организацией экономики военного времени. Подчеркивался вынужденный характер государственного нормированного распределения, анализировались причины сокращения размеров розничного товарооборота. Были определены некоторые отрицательные стороны системы снабжения, в своей основе заключающие риски роста злоупотреблений, в том числе сочетание пайковых и коммерческих цен при сохранении свободного рынка [Вознесенский, 1948]. Уделялось внимание проблемам в кадровой политике Наркомата торговли в период войны [Любимов, 1968]. В советский период недостатки в снабжении населения не становились предметом глубокого анализа, внимание акцентировалось на позитивных сторонах карточной системы. Само снабжение определялось как забота партии и правительства о населении [Ломоватский и др., 1957; Чернявский, 1964]. На региональном уровне историографии следует выделить труд Т. Х. Ахмадиева, в котором впервые были представлены данные о нормированном снабжении городского населения республики, отслежена динамика рыночных цен, приведены сведения о материальной помощи государства семьям фронтовиков [Ахмадиев, 1984]. В работе Г. Е. Корнилова исследованы социально-демографические процессы и материальное положение сельского населения Башкирии в годы Великой Отечественной войны [Корнилов, 1990].

В постсоветский период тематика работ по снабжению населения в годы войны претерпела значительные изменения, что было обусловлено исчезновением идеологического догматизма и возможностью публикаций ранее недоступных документов федеральных и региональных архивов. В исследованиях внимание авторов в большей степени концентрировалось на негативных сторонах системы снабжения, все чаще стала звучать критика продовольственной политики. Отметим монографию Н. В. Ахмадиевой, в которой представлены обширные данные о бедственном положении сельского населения Башкирии, не охваченного карточной системой снабжения [Ахмадиева, 2014]. Историками изучены проблемы снабжения населения в прифронтовых регионах, где они носили наиболее острый характер [Смирнова, 2014; Маркова, 2019]. В то же время велись изыскания в области снабжения населения в тыловых регионах сопредельных с Башкирией [Палецких, 1995; Мамяченков, 2003; Потемкина и др., 2017; Сперанский, 2018]. Интерес представляют и работы историков из других регионов, которые обогатили общую картину снабжения населения в годы Великой Отечественной войны и дали представление о региональных особенностях проблемы [Цыретарова, 2010; Бадмаева, 2013; Тряхов, 2023].

Реализация продовольственной политики на территории Башкирии до настоящего времени не имеет должного освещения в научных трудах региональных историков. Предлагаемая статья восполнит часть пробелов в историографии и послужит еще одним вкладом в разработку проблемы снабжения населения в тыловых регионах Советского Союза в годы Великой Отечественной войны.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Хищения товаров нормированного снабжения в предприятиях пищевой промышленности, государственной торговли и общественного питания

Злоупотребления в системе снабжения населения по возможности следовало пресекать или выявлять в максимально короткие сроки, чтобы не только привлечь виновных к ответственности, но и взыскать стоимость расхищенных продуктов. Под особый контроль была поставлена деятельность торговой сети и предприятий общественного питания. Из справки Уфимского горкома о выявленных нарушениях в торговой сети и в предприятиях общественного питания за 1942 год следует, что с начала деятельности контрольно-учетных бюро в Уфе был установлен ряд крупных нарушений.

Так, в магазине № 121 ОРСа завода № 656 у завмага Маслянко в декабре 1942 года была установлена недостача нормированных продуктов и промтоваров, в том числе 851 кг хлеба, 12 кг сахара, 8 кг жиров и 538 условных еди-

ниц промтоваров. Несмотря на значительные объемы недостачи, Маслянка была лишь переведена на должность экспедитора ОРСа без привлечения к уголовной ответственности [НАРБ, ф. П-342, оп. 2, д. 1707, л. 87].

В магазине № 51 ОРСа завода № 161 ревизией 4 ноября 1942 года была установлена недостача 175 кг хлеба у заведующего хлебной группой Лебедева. 11 ноября он был арестован. В октябре при ревизии в столовой № 12 «Военстроя» у буфетчицы Ершовой была выявлена недостача 188 кг хлеба, в результате ее с работы сняли, после чего она устроилась на работу в другое предприятие общественного питания.

В ОРСе «Стройтреста № 3» была установлена недостача 1500 кг хлеба, 213 кг мяса, 21 кг крупы. Кроме того, было установлено, что в результате неумелого хранения полученная из совхоза для питания рабочих свинина в количестве двух тонн пришла в негодность и была передана на мыловаренный завод. Характерно, что ни за хищения продуктов, ни за факты бесхозяйственности никто из руководства ОРСа к ответственности привлечен не был [НАРБ, ф. П-342, оп. 2, д. 1707, л. 88].

Далеко не все проверки заканчивались выявлением виновных в хищениях продуктов. Из докладной записки по результатам проверки распределения товарных фондов ОРСом Бельского речного пароходства за 1942 год следовало, что обслуживаемый контингент насчитывал 18 609 человек. Поступающие фонды должны были обеспечить весь контингент полностью, но в действительности фондовые товары составляли только 53,6 % к потребности. Кроме фондовых продуктов, имелось некоторое количество рыбы местного улова. Небольшое количество выявленных нарушений отчасти можно объяснить качественной работой общественного контроля. Было установлено ежедневное дежурство, посещение кухни в момент закладки. В то же время результаты проверки говорят лишь о видимости благополучия. В пекарне имели место случаи хищения муки и теста, но, благодаря круговой поруке, выявить виновников не представлялось возможным. Случаи хищения ничем не подтверждались, а материалы из следственных органов возвращались обратно. Задokumentирован был лишь один случай, когда под Новый год одна работница вынесла из пекарни ведро теста и передала посторонней женщине. Она принесла его на квартиру, где была застигнута сотрудниками милиции. При взятии под стражу успела покончить с собой. Вскоре на эту квартиру для раздела похищенного явилась работница, вынесшая тесто, где и была задержана [НАРБ, ф. П-342, оп. 2, д. 1713, л. 110—111].

Куда более значительные объемы хищения были выявлены в складском хозяйстве ОРСа. При инвентаризации на 1 января 1943 года недостача составила 14 тонн муки. В ходе расследования было установлено, что заведую-

щий складом доверился честности экспедитора, взвесить муку не мог, так на складе не было весов. Экспедитора привлечь к ответственности не успели, так как он был призван в армию [НАРБ, ф. П-342, оп. 2, д. 1713, л. 112].

В Стерлитамаке также выявлялись хищения и растраты в торговой сети. Например, в ОРСе «Башнефтеразведки» проверками было вскрыто множество злоупотреблений, сведения о некоторых из них были опубликованы. На страницах газеты «За пятилетку» 15 июня 1944 года была размещена заметка, в которой сообщалось, что заведующие магазинами и продавцы расхитили в общей сложности 2144 кг муки, около 500 кг различной крупы, 135 кг мяса. На 6729 руб. расхитила товаров заведующая магазином Базер. После проверки она продолжала работать, совершив новую растрату на 2193 руб. Заведующая магазином Курышева растратила товаров на 9316 руб. Мер и тут никаких не было принято, она даже не была уволена [Бесконтрольность..., 1944, с. 3].

Хищения муки в предприятиях пищевой промышленности, как правило, были выше, чем в торговой сети. Из протокола открытого партийного собрания первичной парторганизации при Уфимской макаронной фабрике «Пролетарка» от 12 ноября 1943 года следует, что недостача муки за первый и второй квартал составила 140 тонн. Виновных найти не удалось, прокуратура отказалась принимать дело. В протоколе было зафиксировано: «До сих пор не знаем, куда девается наша мука. Работники много уносят муки, только из одного цеха за три дня вынесли 30 кг» [НАРБ, ф. П-342, оп. 2, д. 1786, л. 49]. Рабочие жаловались на плохую починку мешков, что увеличило потери муки при пересыпании, а мельницы допускали разную кантарку мешков без наклеивания трафаретов. Однако главной причиной недостачи являлись прямые хищения. Причин роста хищений было несколько. Во-первых, охрана состояла только из мужчин, которые не могли проводить досмотр женщин. Во-вторых, хищений было бы меньше, если бы муку возили днем, а не ночью. К тому же в штате не было охранника, который сопровождал бы груз в дороге [НАРБ, ф. П-342, оп. 2, д. 1786, л. 51].

По результатам проверки Уфимского треста питания и Уфимского отделения Военторга Государственной торговой инспекции 4 августа 1944 года СНК Башкирской АССР издал постановление, в котором говорилось, что работа предприятий оставалась совершенно неудовлетворительной. Проверка производилась во исполнение постановления ГКО от 22 января 1943 года «О мероприятиях по усилению борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров». Было установлено, что за апрель и май 1944 года по Уфимскому тресту питания было незаконно израсходовано на отоваривание продовольственных карточек через буфеты неприкрепленному контингенту 1000 кг мяса, 421 кг жи-

ров, 1696 кг крупы, 874 кг сахара. Имело место разбазаривание продуктов на хозяйственные нужды. Например, на оплату транспорта было израсходовано 78 кг меда, с сельхозинститутом была проведена незаконная операция по обмену тонны пшеницы на просо [НАРБ, ф. Р-933, оп. 1, д. 4758, л. 12].

Кроме того, из имевшегося по состоянию на 1 апреля 1944 года в распоряжении Уфимского треста питания картофеля общей массой в 84,9 тонны на снабжение прикрепленного контингента было израсходовано только 2,6 тонны, а остальные 82,3 тонны были расхищены или пришли в негодность [НАРБ, ф. Р-933, оп. 1, д. 4758, л. 14]. Столь значительные потери произошли в то время, когда в сельских районах Башкирии отмечались случаи голодной смерти. Так, только в Матраевском районе за март 1944 года без продуктов питания находилось 360 хозяйств, в которых насчитывалось 1454 человека. Из этого числа от систематического недоедания опухли 672 человека, 18 человек скончались от голода [Башкирия в годы..., 1995, с. 169]. Следует отметить, что на 1944 год за счет госпоставок для Башкирии было выделено всего 30 070 тонн картофеля на торговлю и общественное питание. В то же время, по данным секретаря Башкирского обкома С. Д. Игнатьева, для полного удовлетворения нужд республики в 1944 году требовалось 50 000 тонн картофеля [Продовольственная безопасность..., 2000, с. 207].

Основной причиной наличия крупных растрат и хищений в потребкооперации являлась проблема подбора кадров. Материально ответственные кадры отбирались из случайных лиц, прием на работу в большинстве случаев не оформлялся по инструкции Центросоюза. В ряде предприятий потребкооперации материально-ответственные лица не имели адресов, справок с последнего места работы. У некоторых отсутствовали паспорта, не заполнялись трудовые книжки и не заключались договоры, не было даже приказов о приеме на работу [НАРБ, ф. Р-389, оп. 1, д. 1094, л. 193].

Вопреки указаниям Центросоюза на работу устраивались лица, осужденные за корыстные преступления. Например, в Туймазинском сельпо устроился на работу агентом по заготовкам М. Шагалева после отбытия наказания по постановлению от 7 августа 1932 года. В этом же сельпо работали продавец Ш. Войтер и охранник склада Д. Хаюбов, ранее осужденные на три года за растрату [НАРБ, ф. Р-389, оп. 1, д. 1043, л. 15].

3.2. Нарушения в системе карточного снабжения и в области учета контингентов снабжаемого населения

Необходимо отметить, что предпосылки для злоупотреблений в сфере карточного снабжения сложились в Башкирии еще в довоенный период. Так, проверка рабочего кооператива «Туймаза-нефть» в январе 1940 года показала, что хлеб в открытой сети продавался по спискам и запискам, на-

рушались нормы отпуска в одни руки. Хлеб отпускался до 4-х кг, мука — до 11 кг в одни руки. Хлеб выдавался по выдуманным карточкам, в которых указывалось число едоков и норма отпуска от 1 до 4 кг на карточку. Кроме того, были введены незаконные хлебные талоны для внеочередных получателей хлеба. При проверке было отобрано 349 штук таких талонов. Производство фальшивых карточек имело место еще в период открытой бескарточной торговли [НАРБ, ф. Р-389, оп. 1, д. 1043, л. 13 об].

С июля 1942 года Государственная торговая инспекция осуществляла регулярные проверки использования и расходования рыночных товарных фондов, исчисления принятых на государственное снабжение контингентов, соблюдения правил выдачи населению продовольственных и промтоварных карточек и отпуска товаров по ним. При этом особое внимание было уделено хранению еще не уничтоженных талонов от продовольственных карточек на хлеб и другие нормированные товары [НАРБ, ф. Р-976, оп. 1, д. 470, л. 13].

Районные торговые отделы в сельской местности проводили проверку правильности включения населения в списки на снабжение хлебом и установления для них норм снабжения с учетом того, что в списки не должны быть включены лица, связанные с сельским хозяйством, и что нормы отпуска хлеба для отдельных групп сельского населения не должны превышать норм снабжения хлебом соответствующих групп городского населения [НАРБ, ф. Р-976, оп. 1, д. 509, л. 27].

Несмотря на неоднократные распоряжения и приказы Наркомторга о строгом соблюдении правил торговли хлебом и другими продуктами питания по карточкам, работники прилавка далеко не всегда выполняли установленные правила. Отпуск хлеба по карточкам производился на несколько дней вперед и за прошлые дни, тогда как разрешалось продавать хлеб только за текущий день или на день вперед. Кроме того, принимались карточки без печати учреждений и без надписи фамилии владельца. Иногда отпуск хлеба и других продуктов производился по отрезанному талону, что также категорически запрещалось приказом Наркомторга. К примеру, проверкой Государственной торговой инспекции было установлено, что в магазине № 17 «Стройтреста № 3» 17 июля 1942 года продавец Разуваева отпускала хлеб по талонам до 29 июля. Она же отпускала хлеб за прошлые дни: 1,6 кг за 15 июля, 2,8 кг за 16 июля [НАРБ, ф. Р-976, оп. 1, д. 509, л. 97].

В некоторых случаях нарушения принципов распределения нормированных продуктов происходили из-за стремления местных властей улучшить снабжение детей. Так, из приказа республиканского Наркомторга от 28 августа 1944 года «О результатах проверки сельских контингентов населения, снабжаемых хлебом, и правильности расходования хлебопродуктов»

следовало, что в Нуримановском и Учалинском районах детским садам и яслям отпускалось ежедневно по 150—200 граммов сверх нормы, получаемой ими по талонам, что являлось нарушением приказа Наркомторга СССР № 555 от 21 ноября 1943 года [НАРБ, ф. Р-389, оп. 1, д. 1180, л. 25].

Информация о некоторых злоупотреблениях в системе снабжения населения Башкирии стала достоянием общественности благодаря периодической печати. Так, 15 декабря 1943 года в газете «Белорецкий рабочий» была опубликована заметка «Шайка жуликов», в которой сообщалось о фактах соучастия в преступлениях завмагов, продавцов и работников контроль-учетных бюро. Начальник ОРСа «Белгэсстроя» М. Дубинский товары, предназначенные для рабочих, воровал, а затем разными махинациями скрывал свои преступления. Дубинский присваивал сорочки, платья, сахар, водку, чай — все, что удавалось взять. Когда он оказался перед фактом разоблачения, ему на помощь пришел начальник ОРСа завода «Автотрактордеталь». Он написал ОРСу «Белгэсстроя» обращение с просьбой отпустить взаимнообразно то количество товаров, которого у Дубинского не доставало. Он же расписался в получении несуществующих товаров, а Дубинский немедленно списал их.

Кроме того, Балбекова, работавшая завмагом «Белгэсстроя», договорилась с экспедитором хлебозавода Балмыкиной, которая ежедневно отпускала ей 10—20 кг хлеба. Хлеб продавали, а выручку делили между собой. Работник контроль-учетного бюро Загребина списывала талоны на расхищенный товар и за это получала продукты из магазина, да к тому же с доставкой на дом. В общей сложности преступники нанесли ущерб государству более чем на 1 млн руб. Всего на скамью подсудимых село 13 человек. Это резонансное дело разбирала выездная сессия Верховного суда Башкирской АССР. Дубинский, Балбекова и Загребина были приговорены к 10 годам лишения свободы каждый [Шайка жуликов ..., 1943, с. 2].

Эффективное функционирование карточной системы снабжения в значительной степени зависело от регулярных переучетов всех категорий снабжаемого населения. За выдачей, отовариванием и своевременным уничтожением карточек устанавливался государственный контроль. Проверкой Прокуратуры Башкирской АССР выполнения распоряжения СНК РСФСР от 25 апреля 1944 года «О мероприятиях по сплошной проверке карточного контингента, порядка учета и хранения продуктовых и промтоварных карточек» были установлены грубые нарушения в выдаче карточек населению и факты хищения продовольственных и промтоварных карточек.

В материалах проверки подчеркивалось, что работники республиканского и районных карточных бюро, а также председатели исполкомов некоторых райсоветов безответственно относились к выдаче стандартных

справок, что приводило к разбазариванию государственных продовольственных фондов. Исполкомы райсоветов заверяли стандартные справки без проверки оснований к снабжению нормированными продуктами, что вело к незаконной выдаче карточек на лиц, не проживающих в данной местности, на умерших, находящихся под стражей [НАРБ, ф. Р-933, оп. 1, д. 4758, л. 136].

В общей сложности по республике проверкой было выявлено 5358 случаев нарушений выдачи карточек населению, в том числе имели место 324 случая завышения контингента, 1532 случая завышения категории, 2 случая занижения категории. В то же время было отобрано 3500 штук стандартных справок у лиц, незаконно пользовавшихся карточками. Только в Молотовском районе Уфы при проверке было отобрано 223 стандартные справки, по которым незаконно пользовались карточками в предыдущие месяцы [НАРБ, ф. Р-933, оп. 1, д. 4758, л. 138]. При столь большом количестве выявленных нарушений при выдаче карточек никто к ответственности в республиканском карточном бюро привлечен не был. Материалы проверки по выдаче карточек и заверке стандартных справок в органы прокуратуры и милиции не передавались.

Сплошная проверка карточного контингента показала также, что в Уфе имелись многочисленные факты грубого нарушения паспортного режима. Домовые книги велись крайне небрежно, не отражали действительного движения населения или совсем отсутствовали. Некоторые общежития предприятий города из-за отсутствия домовых книг стали служить временным пристанищем для лиц, которые по каким-либо причинам избегали прописки. Всего по Уфе было установлено 5709 случаев нарушений паспортного режима, в том числе 1069 человек не имели паспортов, 1256 человек имели просроченные паспорта, 3384 не были прописаны [НАРБ, ф. Р-933, оп. 1, д. 4758, л. 139]. Из работников карточных бюро за выдачу карточек лицам, не имевшим паспортов и прописки, к ответственности также никто привлечен не был. Материалы прокурорской проверки говорят о том, что республиканское карточное бюро не обеспечивало эффективного контроля за работой районных карточных бюро по составлению оперативно-статистической отчетности и бухгалтерскому учету карточек и талонов. Отчеты представлялись несвоевременно и с грубыми нарушениями. При этом уточнения по представленным отчетам не делались, объяснения о недостатках и излишках карточек не представлялись.

3.3. Самоснабжение, двойное снабжение и иные формы нецелевого расходования продуктов нормированного снабжения

Наличие доступа руководящих работников государственной торговли и потребкооперации к дефицитным товарам нормированного снабжения

создавало риски различных злоупотреблений помимо прямых хищений. Совнарком Башкирской АССР требовал от Наркома торговли П. К. Коршунова ввести режим строжайшей экономии в расходовании хлеба, не оставляя безнаказанным ни одного случая перерасхода против утвержденных лимитов [НАРБ, ф. Р-976, оп. 1, д. 509, л. 101].

Рассмотрев результаты проведенной Наркоматом Госконтроля РСФСР в ноябре 1942 года проверки расходования муки и хлеба торгующими и хлебопекарными организациями республики, СНК установил, что Наркомат торговли не принял надлежащих мер к упорядочению торговли хлебом в условиях военного времени. В результате этого в торгующих организациях имелись недопустимые факты бесконтрольного расходования государственных хлебных фондов [НАРБ, ф. Р-976, оп. 1, д. 470, л. 25].

Так, «Башсоюз» перерасходовал в феврале 1942 года 63 тонны, в марте — 105 тонн; «Продторгдревмет» перерасходовал в феврале 51 тонну, в апреле — 87 тонн, в июне — 30 тонн, в июле — 51 тонну; «Леспродторг» перерасходовал в апреле 106 тонн, в мае — 44 тонны. Исполком Давлекановского райсовета выдал в порядке межрайонной помощи колхозам Абзелиловского района 60 тонн хлеба и не смог обеспечить их восстановление. К тому же «Заготзерно» самовольно заменяло отпуск муки зерном и систематически не отоваривало хлебные фонды, создавая тем самым положение, когда хлеб, выделенный государством для продажи населению, оставался нереализованным [НАРБ, ф. Р-976, оп. 1, д. 470, л. 27].

В торговых предприятиях республики имели место факты самоснабжения и незаконного бронирования товаров. Например, проверкой Государственной торговой инспекции в июле 1942 года было установлено, что в магазине № 66 Первого торгового Уфы по распоряжению директора была забронирована водка для работников сплава и мотобазы в объеме 45 литров. Директор оставил также себе 8 литров, обнаруженных при проверке. По результатам проверки на завмага Вахитова было наложено лишь административное взыскание [НАРБ, ф. Р-976, оп. 1, д. 470, л. 45].

Наркомторг РСФСР, рассматривая заявки на количество муки для Башкирии, неоднократно устанавливал факты дублирования контингентов и завышения установленных норм. Например, в заявке на декабрь 1942 года железнодорожники и часть служащих были указаны одновременно как карточный и бескарточный контингент. Руководящие работники в сельской местности по закону должны были снабжаться по нормам второй категории, а в действительности снабжались по нормам первой категории. Еще одной причиной перерасхода хлеба являлось двойное снабжение, суть которого заключалась в том, что хлебный паек выдавался сначала мукой, а затем дублировался печеным хлебом [НАРБ, ф. Р-976, оп. 3, д. 112, л. 45].

Проверки вскрывали факты нецелевого расходования товаров на предприятиях пищевой промышленности Башкирии. К примеру, в январе 1943 года контрольно-учетное бюро произвело ревизию на Уфимском молокозаводе, в ходе которой удалось установить, что в четвертом квартале 1942 года без нарядов было отпущено неустановленным лицам 20 676 литров молока планового снабжения. Нецелевое расходование молока санкционировалось распоряжениями директора молокозавода Демидова [НАРБ, ф. П-342, оп. 2, д. 1707, л. 89].

Весьма распространенными видами нецелевого расходования товаров являлись распределения товаров по запискам и различные формы самоснабжения. Например, 10 января 1943 года в газете «Белорецкий рабочий» в заметке «Базар в Куз-Елге» было сообщено о том, что в Куз-Елгинском леспромхозе некоторые работники продторга во главе с Копьевым занимаются самоснабжением. Копьев ежедневно отправлял записки, в которых приказывал работникам магазинов отпускать тому или иному лицу продукты. Содержание многих записок стало известно корреспондентам газеты, часть записок была опубликована. Например, Копьев дал указание отпустить командируемому в Белорецк коменданту Гадельшину 500 граммов колбасы, 400 граммов масла, 500 граммов печенья, 500 граммов сыра, 400 граммов сахара, 2 кг хлеба, 200 граммов табаку». В другой записке он приказал отпустить для Бердагуловского участка на детскую площадку 5 кг масла, 5 плиток чая, 2 кг лапши, 2 кг печенья, 1 кг сыра. Удалось установить, что все эти продукты Копьев взял себе. В эту же записку он включил 6 метров шелка, но, вероятно, догадавшись, что это может броситься в глаза, зачеркнул эту позицию [Базар..., 1943, с. 2].

Небезынтересно, что после публикации данного материала для расследования была создана комиссия, которая факты самоснабжения не подтвердила. Материал комиссии после заверения секретарем парторганизации леспромхоза поступил в редакцию для дачи опровержения. Однако, к чести редакции, опровержение было дано в весьма своеобразной форме. В заметке от 3 февраля 1943 года было сообщено: «Стараясь замести следы преступлений Копьева, комиссия состряпала решение, в котором полностью оправдала Копьева. Что заставило комиссию кривить душой? Ларчик открывается просто. В редакции имеется несколько записок, из которых видно, что некоторые члены комиссии пользовались услугами Копьева» [Куз-Елгинские..., 1943, с. 2].

Факты самоснабжения выявлялись не только в предприятиях торговли и общественного питания. Например, при проверке медтехникума Стерлитамака было установлено, что всего обучалось 174 человека, а продукты распределялись на 210 человек. Кроме обмана государства, руководите-

ли техникума обманывали и студентов. В каникулярное время студентов в техникуме не было, однако продукты получили на всех и поделили между собой руководители техникума. Даже в учебные дни большая часть продуктов попадала не тем, кто на них имел право. У многих студентов были проблемы с посещаемостью учебных занятий. Дирекция не интересовалась причиной, наоборот, была весьма этим довольна. Продукты остались невостребованными и были «честно» поделены между руководителями [Самоснабженцы..., 1944, с. 3]. Отметим, что в отличие от прямых хищений самоснабжение и нецелевое расходование продуктов нормированного снабжения не всегда пресекались. В некоторых случаях за счет покрытия со стороны вышестоящих органов виновным удавалось избежать уголовной ответственности.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, система снабжения населения в Башкирии в годы Великой Отечественной войны была отягощена множеством нарушений. Командно-административная система оказалась весьма неповоротливой в деле оперативного распределения дефицитных товаров. Бюрократизм и отсутствие прозрачных механизмов контроля над расходованием товаров открывали возможности для произвола. Злоупотребления со стороны рядовых работников прилавка и руководства предприятий государственной, кооперативной торговли и ОРСов стали систематическими. Лица, имевшие доступ к дефицитным товарам, зачастую не брезговали хищениями, растратами, самоснабжением. Свою негативную роль сыграл кадровый голод, многие ответственные квалифицированные работники торговли были призваны или ушли добровольцами в Красную Армию. В этой ситуации на работу в систему снабжения целенаправленно проникали злоумышленники для безбедной жизни за счет фондов снабжения. В результате нарушений в системе снабжения нужда военного времени для многих жителей республики стала невыносимой, голодные обмороки имели место даже на оборонных предприятиях Башкирии. Еще больше нужда военного времени коснулась жителей сельских местностей, на которых не распространялась карточная система снабжения, где регулярные недоедания и голод стали обыденным явлением. Вместе с тем многие нарушения удавалось выявить, правонарушители привлекались к строгой ответственности. Свою роль в этом сыграли ревизоры, сотрудники правоохранительных органов, корреспонденты местных газет. Система нормированного снабжения была вынужденной мерой военного времени, которая продолжала функционировать до декабря 1947 года. Для значительной части населения Башкирии именно отмена карточек будет ассоциироваться с началом мирной жизни.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Базар в Куз-Елге* // Белорецкий рабочий : [газета]. — 1943. — № 2. — С. 2.
2. *Башкирия в годы Великой Отечественной войны*. Сборник документов и материалов. / Сост. : Т. Х. Ахмадиев и др. — Уфа : Китап, 1995. — 542 с.
3. *Бесконтрольность* родит преступления // За пятилетку : [газета]. — 1944. — № 65. — С. 3.
4. *Куз-Елгинские опровергатели* // Белорецкий рабочий : [газета]. — 1943. — № 15. — С. 2.
5. НАРБ — Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. П-342 (Уфимский горком ВКП(б)). Оп. 2. Д. 1707. Лл. 87, 88, 89 ; Д. 1713. Лл. 110—111, 112 ; Д. 1786. Лл. 59, 51 ; Ф. Р-389 (Башкирский союз потребительских обществ). Оп. 1. Д. 1043. Лл. 13 об, 15 ; Д. 1094. Л. 193 ; Д. 1180. Л. 25 ; Ф. Р-933 (СНК Башкирской АССР). Оп. 1. Д. 4758. Лл. 12, 14, 136, 138, 139 ; Ф. Р-976 (Наркомат торговли Башкирской АССР). Оп. 1. Д. 470. Лл. 13, 25, 27, 45 ; Д. 509. Лл. 27, 97, 101 ; Оп. 3. Д. 112. Л. 45.
6. *Продовольственная безопасность Урала в XX веке*. Документы и материалы : 1929—1984 гг. / под ред. Г. Е. Корнилова, В. В. Маслакова. — Екатеринбург : Академкнига, 2000. — Т. 2. — 456 с. — ISBN 5-93472-009-0.
7. *Самоснабженцы* // За пятилетку : [газета]. — 1944. — № 65. — С. 3.
8. *Шайка жуликов* // Белорецкий рабочий : [газета]. — 1943. — № 140. — С. 2.

Литература

1. *Ахмадиев Т. Х.* Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны / Т. Х. Ахмадиев. — Уфа : Башкирское книжное издательство, 1984. — 280 с.
2. *Ахмадиева Н. В.* Башкирская деревня в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) / Н. В. Ахмадиева. — Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. — 180 с. — ISBN 978-5-91608-119-0.
3. *Бадмаева Е. Н.* Реализация продовольственной политики советского государства в условиях военного времени (на примере Калмыцкой АССР) / Е. Н. Бадмаева // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. — 2013. — № 3. — С. 63—68.
4. *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны / Н. А. Вознесенский. — Москва : Политиздат, 1948. — 192 с.
5. *Корнилов Г. Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) / Г. Е. Корнилов. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. — 221 с.
6. *Ломоватский Е. Г.* Управление государственной внутренней торговлей в СССР / Е. Г. Ломоватский, Г. М. Громова. — Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1957. — 174 с.
7. *Любимов А. В.* Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны / А. В. Любимов. — Москва : Экономика, 1968. — 231 с.
8. *Мамяченков В. Н.* Обеспечение продовольствием крестьянства Урала в годы Великой Отечественной войны / В. Н. Мамяченков // Урал в военной истории России : традиции и современность. — Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2003. — С. 81—85.
9. *Маркова Е. А.* Проблемы функционирования карточной системы в Москве в начале Великой отечественной войны / Е. А. Маркова // Вестник Московского государ-

ственного областного университета. Серия : История и политические науки. — 2019. — № 3. — С. 95—102. — DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2019-3-95-102>.

10. Палецких Н. П. Социальная политика на Урале в годы Великой Отечественной войны / Н. П. Палецких. — Челябинск : ЧГАУ, 1995. — 242 с.

11. Потемкина М. Н. Как питались те, кто ковал победу над врагом : пищевые практики горожан советского тыла (на примере г. Магнитогорска) / М. Н. Потемкина, К. Е. Гаврилькова // Вестник Удмуртского университета. Серия : История и филология. — 2017. — Т. 17. — Выпуск 4. — С. 611—617.

12. Смирнова Л. В. Карточная система и нормированное снабжение гражданского населения г. Ленинграда и Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны / Л. В. Смирнова // Вестник Томского государственного университета. История. — 2014. — № 3 (29). — С. 63—70.

13. Сперанский А. В. «Кому война, а кому мать родна» : решение продовольственной проблемы в 1941—1945 гг. (на материалах Среднего Урала) / А. В. Сперанский // Вызовы времени и социально-историческое знание : теоретико-методологические, конкретно-исторические аспекты, практическое значение. — Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2018. — С. 73—78. — ISBN 978-5-8295-0559-2.

14. Тряхов И. С. Нарушения в продовольственной сфере во Владимирской области в годы Великой Отечественной войны / И. С. Тряхов // Вестник Нижневартовского государственного университета. — 2023. — № 1 (61). — С. 84—95. — DOI: <https://doi.org/10.36906/2311-4444/23-1/09>.

15. Цыретарова Б. Б. Продовольственное обеспечение населения Бурятии в 1941—1945 гг. : карточная система и общественное питание / Б. Б. Цыретарова // Новый исторический вестник. — 2010. — № 24. — С. 34—42.

16. Чернявский У. Г. Война и продовольствие : снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941—1945 гг.) / У. Г. Чернявский. — Москва : Наука, 1964. — 208 с.

Статья поступила в редакцию 27.03.2024,
одобрена после рецензирования 07.05.2024,
подготовлена к публикации 15.05.2024.

Material resources

A gang of crooks. (1943). *Beloretsky rabochy: [newspaper]*, 140: P. 2. (In Russ.).
Bashkiria during the Great Patriotic War. Collection of documents and materials. (1995). Ufa: Kitap. 542 p. (In Russ.).
Bazaar in Kuz-Elga. (1943). *Beloretsky rabochy: [newspaper]*, 2: P. 2. (In Russ.).
Food security of the Urals in the XX century. Documents and materials: 1929—1984. 2. (2000). Yekaterinburg: Akademkniga. 456 p. ISBN 5-93472-009-0. (In Russ.).
Kuz-Yelginsky refuters. (1943). *Beloretsky rabochy: [newspaper]*, 15: P. 2. (In Russ.).
Lack of control will give birth to crimes. (1944). *Over the five-year period: [newspaper]*, 65: P. 3. (In Russ.).
NARB — National Archive of the Republic of Bashkortostan. (In Russ.).
Samosnabzhentsy. (1944). *For the five-year plan: [newspaper]*, 65: P. 3. (In Russ.).

References

Akhmadiev, T. H. (1984). *Bashkir ASSR during the Great Patriotic War*. Ufa: Bashkir Book Publishing House. 280 p. (In Russ.).

- Akhmadieva, N. V. (2014). *Bashkir village during the Great Patriotic War (1941—1945)*. Ufa: IIAL UNC RAS. 180 p. ISBN 978-5-91608-119-0. (In Russ.).
- Badmaeva, E. N. (2013). Implementation of the food policy of the Soviet state in wartime conditions (on the example of the Kalmyk ASSR). *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences*, 3: 63—68. (In Russ.).
- Chernyavsky, U. G. (1964). *War and food: Supply of the urban population in the Great Patriotic War (1941—1945)*. Moscow: Nauka. 208 p. (In Russ.).
- Kornilov, G. E. (1990). *The Ural village during the Great Patriotic War (1941—1945)*. Sverdlovsk: Ural Publishing House. Unit. 221 p. (In Russ.).
- Lomovatsky, E. G. (1957). *Management of state internal trade in the USSR*. Moscow: State Publishing House of Legal Literature. 174 p. (In Russ.).
- Lyubimov, A. V. (1968). *Trade and supply during the Great Patriotic War*. Moscow: Ekonomika. 231 p. (In Russ.).
- Mamyachenkov, V. N. (2003). Food supply to the peasantry of the Urals during the Great Patriotic War. In: *Ural in the military history of Russia: traditions and modernity*. Yekaterinburg: IIA UrO RAS. 81—85. (In Russ.).
- Markova, E. A. (2019). Problems of functioning of the card system in Moscow at the beginning of the Great Patriotic War. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, 3: 95—102. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2019-3-95-102>. (In Russ.).
- Paletskikh, N. P. (1995). *Social policy in the Urals during the Great Patriotic War*. Chelyabinsk: CHGAU. 242 p. (In Russ.).
- Potemkina, M. N., Gavrilkova, K. E. (2017). How those who forged victory over the enemy ate: food practices of citizens of the Soviet rear (on the example of Magnitogorsk). *Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology*, 17 (4): 611—617. (In Russ.).
- Smirnova, L. V. (2014). The card system and the standardized supply of the civilian population of Leningrad and the Leningrad region during the Great Patriotic War. *Bulletin of Tomsk State University. History*, 3 (29): 63—70. (In Russ.).
- Speransky, A. V. (2018). “To whom the war is, and to whom the mother is dear”: solving the food problem in 1941—1945. (based on the materials of the Middle Urals). In: *Challenges of the time and socio-historical knowledge: theoretical and methodological, concrete historical aspects, practical significance*. Yekaterinburg: UMTS UPI. 73—78. ISBN 978-5-8295-0559-2. (In Russ.).
- Tryakhov, I. S. (2023). Violations in the food sector in the Vladimir region during the Great Patriotic War. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 1 (61): 84—95. DOI: <https://doi.org/10.36906/2311-4444/23-1/09>. (In Russ.).
- Tsyretarova, B. B. (2010). Food security of the population of Buryatia in 1941—1945: card system and public catering. *New historical bulletin*, 24: 34—42. (In Russ.).
- Voznesensky, N. A. (1948). *The military economy of the USSR during the Patriotic War*. Moscow: Politizdat. 192 p. (In Russ.).

*The article was submitted 27.03.2024;
approved after reviewing 07.05.2024;
accepted for publication 15.05.2024.*

Информация для цитирования:

Бадмаева Е. Н. Советское государство и кочевые народы Юга России : социально-политические процессы и природно-климатические факторы (1920–1930-е годы) / Е. Н. Бадмаева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 324—345. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-324-345.

Badmaeva, E. N. (2024). Soviet State and Nomadic Peoples of Southern Russia: Social-Political Processes and Natural-Climatic Factors (1920s-1930s). *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 324-345. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-324-345. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Советское государство и кочевые народы Юга России: социально-политические процессы и природно-климатические факторы (1920–1930-е годы)

Бадмаева Екатерина Николаевна

orcid.org/0000-0002-4472-5535

ScopusAuthorID 57193093540

WoS ResearcherID: J-7325-2016

доктор исторических наук,
директор Международного
научно-исследовательского центра

«Ойраты и калмыки
на евразийском пространстве»
en-badmaeva@yandex.ru

Калмыцкий государственный
университет имени Б. Б. Городовикова
(Элиста, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-18-00313 «Трансформация
кочевых обществ Юга России в контексте
природно-климатических
факторов (XIX — середина XX веков)»

Soviet State and Nomadic Peoples of Southern Russia: Social-Political Processes and Natural-Climatic Factors (1920s-1930s)

Ekaterina N. Badmaeva

orcid.org/0000-0002-4472-5535

ScopusAuthorID 57193093540

WoS ResearcherID: J-7325-2016

Doctor of History, Director,
International Scientific Center
“Oirats and Kalmyks
in the Eurasian Space”
en-badmaeva@yandex.ru

Kalmyk State University
named after B. B. Gorodovikov
(Elista, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science
Foundation, project number 22-18-00313
“Transformation of nomadic societies
in the South of Russia in the context
of natural and climatic factors
(XIX — mid-XX centuries)”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается советская национальная политика в отношении кочевых народов в период 1920—1930-х годов, когда закладывались и развивались основы национально-государственного строительства в СССР. Объектом исследования выбран отдельно взятый регион — Юг России, один из наиболее полиэтничных макрорегионов страны. Предметом исследования стала реализация социально-экономической и национальной политики советского государства на территории этнических меньшинств — калмыков, ногайцев и ставропольских туркмен. Отмечены общие специфические особенности кочевого населения: религиозный фанатизм, социальная изоляция, врожденная замкнутость. Искоренение этих негативных качеств калмыками, ногайцами, ставропольскими туркменами и включение их в общероссийское пространство потребовало от властей дифференцированного подхода в работе с каждым этносом. Доказано, что власти, реализуя национальную политику советского государства через решение насущных социально-экономических проблем калмыков, ногайцев, ставропольских туркмен, сумели в определенной степени выполнить как минимум две основные задачи. Первая задача — вывести указанные кочевые народы из социально-экономического кризиса, главным образом через стимулирование и развитие сельского хозяйства, несмотря на сложные природно-климатические условия территории. Вторая задача — обеспечить переход кочевников на оседлый образ жизни.

Ключевые слова:

кочевые народы Юга России; калмыки; ногайцы; туркмены; советская национальная политика; природно-климатические факторы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines Soviet national policy towards nomadic peoples during the 1920s-1930s, a period when the foundations of national-state building in the USSR were being laid and developed. The research focuses on a specific region — Southern Russia, one of the most multiethnic macro-regions of the country. The study investigates the implementation of socio-economic and national policies of the Soviet state in the territory of ethnic minorities such as the Kalmyks, Nogais, and Stavropol Turkmen. Common specific characteristics of the nomadic population are noted: religious fanaticism, social isolation, innate closedness. Eradicating these negative qualities among the Kalmyks, Nogais, Stavropol Turkmen, and integrating them into the all-Russian space required authorities to adopt a differentiated approach to working with each ethnic group. It is proven that by implementing the national policy of the Soviet state through solving urgent socio-economic problems of the Kalmyks, Nogais, and Stavropol Turkmen, the authorities were able to achieve at least two main objectives to some extent. The first objective was to lift the mentioned nomadic peoples out of socio-economic crisis, mainly through stimulating and developing agriculture, despite the challenging natural-climatic conditions of the region. The second objective was to ensure the transition of nomads to a settled way of life.

Key words:

Nomadic peoples of Southern Russia; Kalmyks; Nogais; Turkmen; Soviet national policy; natural-climatic factors.

УДК 94(470+571)“192/193”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-324-345

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Советское государство и кочевые народы Юга России: социально-политические процессы и природно-климатические факторы (1920–1930-е годы)

© Бадмаева Е. Н., 2024

1. Введение = Introduction

Юг России отличается высокой традиционной полиэтничностью: там проживают десятки национальностей с собственной многовековой историей, духовной культурой, что обуславливает поиск и совершенствование модели интеграции народов, населяющих данную территорию, на современном этапе. В советский период истории в данном макрорегионе накоплен значительный опыт национально-государственного, экономического, культурного строительства, межнационального взаимодействия. Актуальность представленной статьи определяется необходимостью изучения прошлого исторического опыта народов Юга России в свете современной государственной национальной политики Российской Федерации, определяющей обеспечение единства и целостности страны в новых исторических условиях. Представляется важным более детально изучить реализацию советской национальной политики в 1920—1930-е годы в отношении кочевых народов Юга России: калмыков, ногайцев и туркмен. Выбор названных этнических меньшинств в качестве объекта исследования обусловлен тем, что из всех народов, проживавших на Северном Кавказе и на Юге России, только эти три этноса к 1920 году сохранили кочевой образ жизни и занимались скотоводством. История каждого из названных нами народов тесно переплетена между собой и с судьбой России. Калмыки пришли на российские территории в начале XVII века в поисках свободных пастбищ для скота. Со временем они создали Калмыцкое ханство, которое в 1771 году после ухода части калмыков обратно в Джунгарию было ликвидировано. К 1917 году Калмыцкая степь являлась особой административной единицей Астраханской губернии. В 1920 году была образована Калмыцкая автономная область, преобразованная в 1935 году в Калмыцкую автономную советскую социалистическую республику.

Мангышлакские туркмены появились на Ставрополье в 1609 году. В их истории был период, когда по разным обстоятельствам они уходили из мест кочевания на Юге Российского государства. После возвращения на прежние места царское правительство разрешило ставропольским туркменам кочевать от реки Кумы до Волги на Северном Кавказе. Пробывание туркмен в Ставропольской губернии продолжалось с XVIII до начала XIX веков. В 1825 году было образовано Туркменское приставство, которое в 1917 году было ликвидировано, и был создан Туркменский уезд. В 1920 году Туркменский уезд был преобразован в Туркменский национальный район (статус национального снят в конце 1930-х годов). Туркменский район был упразднен в 1956 году, вновь восстановлен в 1970 году и ныне находится на территории Ставропольского края.

Ногайцы на всем Северном Кавказе и Ставрополье являются коренным этносом, старейшими жителями степей. Как самостоятельная народность ногайцы сформировались к середине XV века. В прошлом имели феодальное государство кочевников (ногайцев), функционировавшее на основе действующих в Золотой Орде государственных структур и суверенной системы управления. В советское время ногайцы, несмотря на предпринимаемые усилия интеллигенции и общественности, так и не получили национальной автономии. В 1957 году традиционные территории обитания ногайцев административно вошли в Ставропольский край, Чечено-Ингушскую АССР и Дагестанскую АССР. В настоящее время основная часть ногайцев проживает на Ставрополье и в Дагестанской АССР.

Кочевые народы — калмыки, ногайцы, туркмены, дисперсно проживавшие на Юге России, различались между собой по многим признакам: правовым, религиозным, языковым, культурным и хозяйственным, в особенности по уровню социально-экономического развития, что накладывало определенный отпечаток на формирование и реализацию национальной политики в регионах их проживания.

В официальном документе 1925 года «Общие данные о развитии и состоянии работы среди нацмен» северо-кавказские меньшинства предлагалось поделить по уровню социально-экономического развития на несколько групп, в частности, выделив среди них развивающиеся в хозяйственном и культурном отношении и отстающие хозяйства. Так, кочевые народы Юга России были отнесены к одной группе — нацмены тюркско-татарские и кавказские. А в отчетах Северо-Кавказского Крайно их отнесли к группе «мелкие восточные народности» [ГАСК, ф. р–1161, оп. 1, д. 262, л. 122]. Специфической особенностью всех этих «мелких восточных народов» считался религиозный фанатизм, ортодоксальность, социальная изоляция, некоммуникабельность и врожденная замкнутость, в особенности

у представителей калмыцкой национальности остро проявлялась природная замкнутость.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В исследовании применяются проблемно-хронологический, сопоставительный и сравнительно-исторический методы. Использован междисциплинарный подход при рассмотрении различных аспектов и опыта экономического развития, национально-государственного, культурного строительства, межнационального взаимодействия кочевых народов Юга России.

В настоящее время усилилось исследовательское внимание к изучению истории кочевых народов. Это связано с тем, что кочевая цивилизация традиционно считалась уникальным феноменом в общечеловеческой культуре. Перипетии кочевнической истории интересовали прежде всего тех, кто имел профессиональный интерес: историков, обществоведов, востоковедов. Одной из центральных тем в отечественной историографии стала проблема, главным образом рассматриваемая в предлагаемой статье, — проблема взаимоотношений кочевых народов с советским государством. В дороссийский период исследований подобного рода было несть числа, но мы остановимся несколько подробнее на работах современных историков-востоковедов, опубликованных в последние десятилетия. Как известно, к моменту прихода большевиков к власти и затем еще даже в 1930-е годы степные народы Юга России продолжали вести кочевой образ жизни. По поводу того, как долго этот порядок жизни поддерживался, есть разные мнения. Некоторые исследователи полагают, что традиционный образ жизни у ногайцев и туркмен соблюдался вплоть до середины XX века [Брусина, 2012; Джумагулова, 2023a; Джумагулова, 2023b]. Можно согласиться с утверждением исследователей о том, что советское государство не предъявляло единого жесткого требования о переходе всех кочевых народов на оседлость [Белозерова, 2023; Брусина, 2023]. Указанный процесс являлся для власти стратегически важным, но она, к своей чести, не стала жестко устанавливать окончательные сроки перехода на оседлый образ жизни кочевых народов, реализуя меры тактического характера, с тем чтобы в конечном итоге все же добиться искомого результата. В вопросах управления территориями номадов власть проявила некоторую лояльность к бытованию у кочевников традиционного образа жизни, что точно подметил известный историк Ф. Л. Сеницын: «Институты управления, созданные на местах центром, до известной степени сохраняли самобытный образ жизни, традиционный порядок жизни и постепенно интегрировали кочевников в общее русло выстроенной советской концепции» [Сеницын, 2019, с. 59]. Процесс перехода кочевников на оседлость — это процесс не одномоментный, он зависел от многих факторов. Так, С. Вино-

градов и Б. Эрднеева называют среди основных факторов перехода калмыков-кочевников на оседлость природно-экологический и экономический, а именно: засуху, неурожай, полное разорение скотоводческого хозяйства [Виноградов и др., 2023]. Именно в подобном аспекте (социально-экономическом и природно-климатическом) рассматривают, в частности, проблемы перехода на оседлость, административно-хозяйственного устройства кочевых народов Юга России в довоенные годы современные отечественные исследователи [Иванцов, 2013; Акопян, 2015; Волхонский и др., 2020; Аджигабулов, 2023; Бадмаева и др., 2023; Бадмаева, 2023].

В данном исследовании в качестве основных источников использованы как опубликованные, так и неопубликованные материалы, извлеченные и вводимые в научный оборот из основных фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ): ф. Р-1235 («Всероссийский центральный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК); Государственного архива Ростовской области (ГАРО): ф. Р-1390 (Органы управления сельского хозяйства. Азово-Черноморское краевое земельное управление); Государственного архива Ставропольского края (ГАСК): ф. р-1161 (Управление межевой частью Кубанской области г. Екатеринодар), ф. Р-1761 (Исполком Ачикулакского районного Совета депутатов трудящихся. С. Ачикулак).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В 1920—1930-е годы степных калмыков, туркмен и ногайцев отличал от других народов Юга России кочевой и полукочевой образ жизни, повышенный уровень социальной изолированности. Если калмыцкий кочевой народ имел разнообразные контакты и навыки общения в быту с русскими земледельцами, то туркмен связывали с ними исключительно только торгово-арендные отношения. Кочевники-туркмены и ногайцы, в силу своей обособленности и некоммуникабельности, довольно неохотно шли на контакт с русским населением [ГАСК, ф. р-397, оп. 1. д. 1064, л. 314]. Зачастую в многонациональной среде проживания кочевых народов отмечались неприязненные отношения между коренными скотоводами и русскими земледельцами. Их основными причинами являлись извечные земельные споры, то и дело возникавшие из-за захвата самостоятельно заселившимися русскими крестьянами пастбищных земель кочевников.

Советские государственные органы после окончания Гражданской войны были ориентированы на признание в стране национально-территориальных областей и республик, вследствие чего для кочевых народов или, как называли их власти, «малых восточных народностей Северо-Кавказского края» создавались автономные образования и национальные районы.

В первые послеоктябрьские десятилетия в отношении кочевых народов Юга России большевистская партия и советское государство преследовали две основные цели:

- вывести скотоводческое хозяйство кочевых народов из социально-экономического кризиса путем финансового и материального стимулирования;
- массово и планомерно перевести кочевое население на оседлый образ жизни.

Для решения этих непростых задач кочевым народам из Центра выделялись немалые финансовые средства на обустройство жилья, строительство хозяйственных построек, в некоторых местностях им даже отдавались лучшие земли. Объявленная властью в те годы политика коренизации и проводимые в связи с ней мероприятия непосредственно затронули развитие нацменьшинств в политическом и культурном отношении. Этническим меньшинствам предоставлялись самые широкие права в вопросах самоуправления и возрождения национальной культуры. Право национального самоопределения было также предоставлено народам, однако в действительности оно было формальным, так как решающее слово в вопросах наделения определенному этносу национально-территориальной автономии оставалось за Центром. Так, в 1920 году решением ВЦИКа была создана Калмыцкая автономная область, в 1935 году преобразованная в Калмыцкую автономную советскую социалистическую республику [Конституция и конституционные..., 1940, с. 88]. Калмыцкий национальный район в составе Сальского округа возник в январе 1930 года [ГАРФ, ф. р–1235, оп. 44, д. 35, л. 1, 37, 96]. В 1920 году образовался Туркменский национальный район путём преобразования Туркменского уезда, однако в 1930-х годах он был лишён статуса национального, правда, в 1970 году его восстановили. В ноябре 1922 года решением центральных властей в состав Дагестанской Республики вошла часть Кизлярского округа с г. Кизляром и Ачикулакский район Прикумского уезда Терской губернии, где стал компактно проживать ногайский народ [Джумагулова, 2023, с. 95]. В конце 1920-х годов государственные органы власти ввели в состав ДагАССР несколько районов с проживанием ногайцев: Караногайский, Шелковской, Кизлярский, Ачикулакский и Каясулинский.

В первые послеоктябрьские десятилетия межнациональные отношения в кочевых регионах, надо сказать, были неидиллическими, иногда они разрастались до жарких споров и конфликтов кочевников с властями и представителями других народов. Советскими органами власти, учитывая национальный статус туркмен, ногайцев, калмыков, проводился комплекс управленческих превентивных мер, направленных на снижение социально-экономической, межнациональной, межконфессиональной напряжен-

ности в местах проживания кочевников. Так, например, в Туркменском районе для преодоления возникших конфликтных прецедентов между властями и туркменским населением в качестве непосредственных посредников привлекались татары — близкие туркменам по духу и религиозным воззрениям. Об этом наглядно свидетельствует архивный документ: «По причинам их (туркмен. — *Е. Б.*) фанатизма, обычая, нравов и религии общаться с русским населением не могут и единственное спасение привлечь на помощь более близко стоящую нацию — просим в интересах сохранения данной народности, переселить 5—6 тыс. татар в Туркменский район... как более развитых из всех народов тюркского племени... могущих реально, культурно и экономически на них влиять в развитии туркмен и вообще по всем областям жизни» [ГАСК, ф. р-397, оп. 1, д. 1064, л. 314].

В начале 1920-х годов калмыки, ногайцы и туркмены в основной своей массе сохраняли полукочевой и даже традиционный кочевой образ жизни. Номады главным образом занимались скотоводством, и по мере истощения одних пастбищ они перемещались на новое место вместе со своим скотом. Территориальные власти, к примеру, в ногайских районах, для полноценного восстановления и дальнейшего развития скотоводческих хозяйств в короткие сроки стали оперативно решать вопросы землепользования и проблему кооперирования населения. Дело в том, что «вопрос кооперирования кочевых хозяйств в то время стоял особенно остро, т. к. традиционные отрасли экономики находились в бедственном положении. Создание кооперативов на ногайских землях чаще всего происходило по территориальному или родовому признаку, поскольку они охватывали большие поселенческие пространства и улучшали продовольственное снабжение на местах» [Джумагулова, 2023, с. 95].

Перепись 1920 года в отношении ногайцев показала численность в Караногайской волости в 13 аулах 29 273 чел., в Ачикулакском районе в 23 аулах — 10 492 чел. В 1926 году население Ачикулакского района определялось в 16 729 чел., в том числе ногайцев — 6186 чел., туркмен — 1516 чел. Ачикулакский район в административном отношении делился на 11 сельских советов, и его площадь составляла 412 799 дес. земли. Ногайская степь по своим природно-климатическим характеристикам была идентифицирована с Калмыцкой степью: «Обнажена, безлесна, безводна и почти негодна для хлебопашества... почти глинистая и песчаная» [Среди ногайцев..., 1922, с. 7—8]. Поэтому хлебопашеством ногайское кочевое население практически не занималось до Первой мировой войны. Тем не менее на 212 000 дес. земли засеивалась озимая пшеница, которая занимала 40 % всей пахотной земли. Под яровую культуру (ячмень, лен, просо, кукуруза и магар) отводилось 30 % земли, из которой 15 % занималось просом.

Основной доход ногайскому населению приносило скотоводство. Резкое уменьшение количество скота в Ногайской степи в дореволюционный период было связано с приходом на территорию коренного населения русских крестьян, потеснивших с пастбищ ногайский скот, а также с непрерывной реквизицией скота для нужд царской армии. Сведения о численности поголовья скота у ногайцев приведены далее (табл. 1).

Таблица 1

Численность ногайского скота в 1907 и 1925 годах

Виды скота	Количество	
	1907 год	1925 год
КРС	10626	16067
Лошади	626	2895
Верблюды	3734	118
Овцы	174229	46581
Козы		1820
Всего	189215	67481

Ногайцы разводили преимущественно местные породы (украинских и калмыцких овец), мериносовые и гунтукские. Всего на 3769 хозяйств приходилось рабочего скота: волов — 3616 гол., лошадей — 3207 гол. Всего 6823 гол. В среднем на 1 хозяйство приходилось рабочего скота 1½ гол [ГАСК, ф. Р-1761, оп. 1, д. 2, л. 16].

Ногайская степь в большей части территории представляет собой светло-каштановый чернозем, переходящий в супесчаную почву в пограничных с песками полосах, приобретающую более темную окраску. Плодородие почвы ограничивалось из-за климатических особенностей и отсутствия влаги. Поэтому в 1920-е годы чрезвычайно важным для эффективного развития территорий проживания ногайцев стало проведение земельно-водной реформы, способной поднять на новый уровень ногайскую экономику. Проблема землепользования ногайского населения решалась согласно «Положению о сплошном и обязательном землеустройстве автономной Дагестанской Советской Социалистической Республики» (1926). В этом документе обращалось особое внимание на землеустройство земледельческих и скотоводческих хозяйств: «Хозяйства, занимающиеся скотоводством или скотоводством и земледелием, кроме постоянных земельных наделов, обеспечиваются пастбищами, которые предоставляются в ближайших к этим хозяйствам районах, по преимуществу из состава земель, пригодных только для пастбищного использования» [Декрет ВЦИК, СНК РСФСР..., 1926]. Так, площадь Ачикулакского района, составлявшая в об-

шем 412 799 дес., делилась по угодьям: пахотная — 84 036 дес., огороды и бахчи — 4737 дес., виноградники — 326 дес., сады — 10,3 дес., лес — 3000 дес., неудобная земля (пески и балки) — 85 490 дес., усадьбы — 4620 дес. и пастбища — 230 380 дес. [ГАСК, ф. Р-1761, оп. 1, д. 2, л. 14 об].

В первой четверти XX века социальные и природные катаклизмы не обошли Ногайскую степь. Голодное бедствие 1921 года не так сильно затронуло хозяйства ногайского народа, как сильнейший неурожай и засуха 1924 года, практически подкосившие маломощные ногайские хозяйства. В этой связи местные власти просили центральные финансовые органы учесть бедственное положение ногайцев, предоставить необходимые кредиты и временно освободить наиболее маломощные ногайские хозяйства от уплаты налога. В 1926 году Наркомфин рекомендовал: «Освободить в течение 3-х лет 1000 маломощных хозяйств Ачикулаского района от уплаты единого сельскохозяйственного налога» [ГАСК, ф. Р-1761, оп. 1, д. 2, л. 25].

Ставропольские калмыки (Большедербетовского улуса) и туркмены до революции активно занимались разведением породистых лошадей и овец. В первое десятилетие советского государства суровые природно-климатические условия территории проживания кочевников: жесткие зимы с яркой приметой этого периода — «зудом» (стихийным бедствием в скотоводческих регионах, при котором домашний скот не способен найти корм под снежной коркой льда), летняя жара, сопровождающаяся обжигающим ветром, суховеи, бескормица и прочие природные катаклизмы — привели к упадку скотоводческих хозяйств кочевников почти на 50 %. Эпидемии малярии, туберкулеза, сыпного и брюшного тифа, Первая мировая и Гражданская войны, голод 1921 года привели к значительному сокращению местного населения. Если по переписи 1920 года все население Туркменского района определялось в 11 647 чел., в том числе туркмен — 6124, татар — 2378, калмыков и русских — 2312, остальных — 211 чел., то к 1923 году население района составляло уже 9533 чел., в том числе туркмен и татар — 5665 чел. [ф. р-1761, оп. 1, д. 2, л. 25]. Особенно сильно туркменское население пострадало во время голода 1921 года: «Свыше 3 тыс. туркмен погибло» [ГАСК, ф. р-397, оп. 1, д. 1064, л. 314]. Для малочисленного туркменского населения района потери в 3 тыс. человек, умерших во время голодного бедствия, безусловно, представляют собой внушительную цифру. В годы голодного бедствия наблюдался значительный отток туркмен в Дагестан, поближе к своим сородичам. Отчасти и этим объясняется произошедшее сокращение численности туркменского населения района. Общее количество населения до 1924 года в Туркменском районе претерпевает количественное сокращение, которое остро проявилось в промежутке времени между 1920—1923 годами. Начиная

с 1924 года население района постепенно численно растет, причем этот рост с 1923 года распространяется и на коренное население района (туркмен). Цифры Всесоюзной переписи населения 1926 года свидетельствуют, что в Ставропольском округе осталось проживать не более 4,8 тыс. туркмен [ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 129, л. 89]. По данным Туркменского райисполкома, население Туркрайона распределилось на 1 октября 1927 года следующим образом: всего — 11 268 чел., в том числе туркмен — 4843 чел. (41,3 %); татар — 1283 (11,0 %), остальное население — 5142 (47,7 %) [ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 129, л. 38].

Изучение состояния туркменского хозяйства в 1920-е годы показывает, что в этот период его настиг сильнейший экономический кризис, в особенности основную отрасль сельского хозяйства Туркменского района — животноводство. Главным индикатором кризисного состояния данной отрасли явилось резкое снижение количества лошадей в районе. Как известно, Туркменские степи издавна относились к району верхового коневодства, поэтому туркмены традиционно отдавали предпочтение разведению породистых скакунов. В основном туркменское население разводило верховую лошадь — помесь калмыцкой породы с горными породами Северного Кавказа. Подобное скрещивание на практике улучшило качество, выносливость и неприхотливость полукровок, сделало их уникальными и неповторимыми [ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 129, л. 118].

На кризисном положении туркменского коневодства также негативным образом сказались последствия социальных катаклизмов XX века. В годы Первой мировой и Гражданской войн и в период голодного бедствия погибло большинство табунов и обезлошадил многие группы населения. Так, в 1926 году в районе на 100 хозяйств приходилось безлошадных — 74,7 %, содержащих свыше одной лошади — 23,8 %, двух лошадей — 1,7 %; в хозяйствах, где имелось свыше 2-х лошадей, было 0,3 % туркмен. В руках незначительного числа крупных хозяйств было сосредоточено табунное коневодство.

Ниже приведены сведения о сокращении количества лошадей в туркменском животноводстве (табл. 2).

Как видим, в первое послеоктябрьское десятилетие продолжилось изменение в сторону уменьшения мощности хозяйств туркмен. Если в 1907 году у туркмен насчитывалось 11705 гол. лошадей, то в 1920 году — 2113 гол, а в 1925 году наблюдается резкий упадок в коневодстве — осталось всего 670 лошадей [ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 129, л. 93 об]. Казалось бы, сравнительно большой земельный простор, целинные выпасы, сухой климат, в целом благоприятные для разведения лошадей природные условия должны были привести туркменские хозяйства к повышению числен-

Таблица 2

Количество поголовья скота в туркменском животноводстве

Годы	Национальность	Лошади	КРС	Овцы	Козы	Верблюды
1907	Туркмены	11705	22998	89779	6835	2985
	У всего населения Туркрайона	11971	23323	92744		9986
1916	Туркмены	5423	25425	94504	Нет сведений	
1920	Туркмены	2113	4733	12112	1813	37
1924	Туркмены	349	2442	1775	404	7
1925	У всего населения	807	7231	9129	Нет сведений	
1926	У всего населения	1568	7813	13552	588	72
	Туркмен и татар	670	3142	2806	460	29

ности конепоголовья, а также к совершенствованию и улучшению породы лошадей. Однако этого не случилось по вышеперечисленным объективным причинам общественного и природного характера.

Эти же факторы негативным образом сказались и на количестве овцепоголовья в туркменских хозяйствах. Если в 1907 году в хозяйствах туркмен имелось 89 779 гол. овец, в 1920 году — 12 112 гол., то в 1925 году — 9129 гол. [ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 129, л. 93 об]. В середине 1920-х годов, в связи с перестройкой экономических интересов, у населения Туркменского района вполне естественно вырос интерес к разведению высокодоходных тонкорунных пород овец. Комиссия по обследованию Туркрайона, учитывая многолетний опыт населения в разведении каракулевых овец, определила, что разведение овец данной породы создаст основную базу туркменского овцеводства. Предполагалось, что неприхотливость каракулевых овец к кормовым условиям местности значительно удешевит их содержание, а возросший спрос на шерсть и высокие цены станут главными факторами получения дохода населением, в частности кочевым, хотя из 10 746 овец Туркменского района на долю самих туркмен приходилось всего 2806 овец [ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 129, л. 113]. Наличие незначительного поголовья овец у туркмен свидетельствовало о продолжающемся кризисе в туркменском животноводстве. Так, в ауле Шарахалсун из 175 хозяйств не имели овец 142 хозяйства; в аулах Бончара и Антуста из 105 хозяйств — 51 хозяйство без овец. В это время большинство туркменских бедняцких хозяйств стали строить свой бюджет на заработках на стороне, продаже заготовленного камыша и сдаче земли в аренду. Тем не менее в природно-климатических условиях Туркрайона разведение овцепоголовья являлось перспективным и выгодным, так как «наличие солонцеватых

пространств со скудными выпасами и растительностью, утилизировать которые наиболее интенсивным образом могли только такие неприхотливые животные, как овцы» [ГАРО, ф. Р-1390, оп. 6, д. 129, л. 113].

В регионе проживания туркмен также наблюдается значительное сокращение крупного рогатого скота по сравнению с дореволюционным периодом. Виной этому — скудные на растительность пастбища, бескормица, некачественное содержание скота. Так, в 1926 году у туркменского и татарского населения района имелось всего 1332 коровы, волов рабочих — 803, быков старше 2-х лет — 160, бычков 1—2 лет — 200, нетели 1—3 годов — 648, телят — 800. Всего 3943 гол. [ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 129, л. 64 об].

В советский период ставропольские туркмены проявляли все так же небольшой интерес к земледельческому труду. Туркменский район, где они в основном проживали, в границах 1926 года занимал территорию в 335 060,66 дес. земли, куда входили наделные земли аулов и земли государственного земельного имущества (ГЗИ). В 1926 году туркмен без посева проживало 20,3 %, русских крестьян — 7,8 %, туркмен с посевом от 10 до 16 дес. — 4,5 %, а русского населения, издавна занимающегося полеводством, с посевом от 10 до 16 дес. — 12,2 %, хотя в дореволюционный период почти половина туркменского населения была занята в растениеводстве (48,6 %) [ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 129, л. 44]. Произошедшее в послеоктябрьское время снижение численности туркменского населения, занимавшегося земледелием, наверное, можно объяснить тем, что туркмены по своей природе являлись исконными скотоводами, издавна кочевавшими по обширной Туркменской степи. Это немаловажный фактор, но, возможно, какую-то роль сыграла конъюнктура рынка, определившая выбор туркменского населения в пользу большего занятия скотоводством. Одним из основных источников существования туркменских хозяйств, кроме прямых доходов от животноводства и растениеводства, стала арендная плата, получаемая ими за свои обширные земельные наделы, сдаваемые пришлому русскому населению. При определении нормы душевого надела хозяйства туркмен признавались полускотоводческими, и потому норма наделения увеличивалась в два раза в сравнении с нормой смежного земледельческого населения. В основе подобных расчетов лежало Положение о землеустройстве кочевых и полукочевых районов Туркестанской республики, принятое ВЦИК 10 мая 1923 года. Норма наделения землей для «малых восточных народностей» Северо-Кавказского края определялась в 7,5 десятин [ГАСК, ф. р-397, оп. 1, д. 1064, л. 314]. К этому времени татарское и русское население Туркменского района успело занять более подходящую и удобную для полеводства землю, так как издавна занима-

лось земледелием, но, надо сказать, при этом указанное население было менее обеспечено продуктивным скотоводством. В 1926 году заметно активизировалась группа туркменских мелкопосевных хозяйств с посевом до 5 дес., которая составила 59,6 % от общего числа туркменских хозяйств; хозяйства с посевом до 3-х дес. составляли 42,7 % [ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 129, л. 45]. Увеличение количества туркменских хозяйств без посева и параллельный рост числа мелкопосевных хозяйств, на наш взгляд, свидетельствуют об ослаблении экономического состояния туркменского населения. В то же время возросший интерес туркмен к занятию земледелием привел к уменьшению доминирующей роли основной отрасли экономики района — животноводства.

Природно-климатические условия Туркменского района прямым образом влияли на развитие и состояние основных отраслей сельского хозяйства. Территория района характеризовалась наличием значительных земельных пространств, покрытых почвами полупустынного типа с комплексами солонцов и солончаков. Климат территории отличался сухостью и континентальностью с сильными восточными и юго-восточными ветрами, губительно влияющими на развитие культурных полевых растений. Все эти природно-климатические особенности территории плюс обширность наделов у туркменского населения, их бытовые особенности и привычки способствовали укоренению в Туркменском районе экстенсивных приемов ведения скотоводческого хозяйства. Существовавшая в чистом виде скотоводческая система в засушливой восточной части Туркменского района постепенно по мере улучшения почвенных и климатических условий с востока на запад переходила в полеводческо-скотоводческое хозяйство [ГАРО, ф. р-1390, оп. 6, д. 129, л. 47 об].

Кочевой калмыцкий народ в 1920—1930-е годы занимал особое место в этносоциальном пространстве Юга России, поскольку он единственный в макрорегионе, кто исповедовал буддийскую религию. Этнос отличался значительной интегрированностью в общероссийский социум, так как больше трехсот лет находился в составе российского государства. Калмыцкая автономия имела сложную социальную кодификацию с дробным этнотерриториальным делением по улусам (районам). Часть калмыцкого населения имела казачье сословие и проживала во вновь созданном Калмыцком районе Сальского округа. После создания Калмыцкой автономной области в 1920 году и голодного бедствия 1921 года многие калмыки из этого национального района стали переселяться в КАО. Голод 1921 года прошел более жестко по калмыцкой степи и унес жизни, одновременно, включая Первую мировую и Гражданскую войны, около 22,4 % населения Калмыкии [Бадмаева, 2006, с. 155]. Во время голода исчезли многие хотоны и даже целый Ха-

рахусовский улус (район). Если в 1916 году численность калмыцкого населения составляла 134 014 чел., то в 1920 году их осталось всего 117 190 чел. За столь короткий срок произошла сильнейшая демографическая катастрофа калмыцкого народа. В этой связи можно согласиться с мнением историка У. Очирова, что если судить об изменениях численности калмыцкого населения, то можно констатировать, что с 1897 года (190 648 чел. калмыков) по конец 1926 года (129 331 чел.) произошло сокращение численности калмыков почти на 1/3 [Очиров, 2009, с. 287].

В 1920-е годы государственная национальная политика в Калмыкии была заострена на решении переселенческих вопросов. Помимо переезжавших в автономию сальских калмыков, о чем мы сказали выше, стал отмечаться также массовый приток в национальную область терских, оренбургских, кумских и донских калмыков. Основная причина переселения в КАО калмыцких локальных групп заключается в их полном хозяйственно-экономическом разорении. В 1922—1924 годах «около 7—8 тыс. калмыков переселилось из Сальского округа в Большедербетовский улус КАО. Приблизительно такое же количество — около 7,5 тыс. чел. осталось в пределах Сальского округа Северо-Кавказского края. Калмыцкий ОИК предоставил переселенцам земельный участок, получивший название “Манычский коридор”, в размере 60 тыс. дес., годных для занятий земледелием и скотоводством» [ГАРО, ф. р-1390, оп. 11, д. 243, л. 6]. Показатели численности семей, исходя из отправной точки переселения калмыков-переселенцев, выглядят так: из Донской области — 962 семьи (78,5 % от общего числа); Оренбургской области — 78 семей (6,5 %); Терской области — 137 семей (11 %); Уральской — 48 семей (4 %). Общее количество переселенцев составило 1225 семей [Кочевники Юга России... 2023, с. 3.]. Переселение в КАО не было единым общим порывом локальных групп калмыков, проживавших вдали от основной массы соплеменников. В одном официальном государственном документе того времени отмечалось, что не все калмыки массово спешили переселяться на территорию КАО: «В настоящий момент (сентябрь 1929 года. — *Е. Б.*) по сведениям, полученным от окружного инструктора по работе среди нацмен, устанавливается, что калмыцкое население, проживающее в округе, в основной массе (батраки, беднота и середняки) желания на переселение не изъявляет» [ГАРО, ф. р-1390, оп. 11, д. 243, л. 17—17 об]. Речь идет о калмыках Калмыцкого района Сальского округа Северо-Кавказского края. Территория района в тот период определялась в 174 902 га с населением 9522 чел., из них 63,3 % составляло калмыцкое население. Район фактически был образован в составе 9 сельских советов и земель ГЗИ — 2, где из 1988 хозяйств приходилось на калмыцкие хозяйства — 69,2 % [Максимов, 2016,

с. 498]. В 1932 году посевные площади района, несмотря на проведенную сплошную коллективизацию, составили всего 31 483 га, из них озимые — 10806 га, яровые — 20677 га. В хозяйствах района имелось 2439 лошадей, в том числе рабочих — 1558, КРС — 3452, овец — 187411, свиней — 1105 гол. [ГАРО, ф. р-1485, оп. 1, д. 644, л. 117].

В первой четверти XX века большой урон экономическому положению калмыцкого народа, так же как ногайцам и туркменам, нанесли социальные и природные катаклизмы. Перепись 1916—1920 годов зафиксировала значительное сокращение численности калмыцкого скота (табл. 3) [Материалы всероссийских переписей...1922, с. 8—14, 40—43].

Таблица 3

Уменьшение поголовья калмыцкого скота

Годы	Лошади	КРС	Овцы	Козы	Свиньи	Верблюды
1916	87037	252581	529703	20896	3326	16468
1917	81580	250628	557273	20046	4331	12368
1920	7155	77691	97959	5060	2038	4087

В 1920 году в Калмыкии в процентном отношении от поголовья 1916 года осталось: 8 % лошадей, 30 % КРС, 25 % верблюдов, 18 % мелкого скота. Количество поголовья скота в регионе, как видим, заметно сократилось. Возросло количество хозяйств, не имеющих скота. Так, из 34 073 хозяйств 10545 совсем не имели скота, 21784 — рабочего скота, а 12472 хозяйства было бескоровным [Иванько, 1968, с. 23].

В годы коллективизации Калмыцкая автономная область в экономическом отношении развивалась однобоко: хозяйственную основу составляло экстенсивное животноводство. В регионе 75 % продолжали заниматься животноводством, 66,4 % по-прежнему вели кочевой и полукочевой образ жизни. В 1929 году у калмыцкого населения насчитывалось 1 238 754 гол. скота, хотя в 1917 году имелось уже 1 116 888 гол. В целом общее поголовье скота кочевых народов Юга России — калмыков, ногайцев, туркмен — значительно отставало от довоенного уровня. Видовой показатель животноводческой отрасли у указанных нами кочевых народов в 1925 и 1931 годах выглядел следующим образом (табл. 4) [ГАСК, ф. р-1761, оп. 1, д. 2, л. 16; Бадмаева, 2010, с. 363; Джумагулова, 2023, с. 98].

Это, конечно же, были не самые лучшие показатели в животноводстве, требуемые партийно-государственными органами СССР и РСФСР. В последующем все же наметился некоторый подъем в развитии сельскохозяйственных отраслей кочевых районов Юга России, что выразилось

Таблица 4

Численность поголовья скота у калмыков, ногайцев и туркмен

Годы	Кочевые народы	Лошади	Верблюды	КРС	Овцы и козы	Всего
1931	У калмыков	29486	5706	177205	490302	702699
1931	У ачикулакских ногайцев	2895	118	16067	48301	62381
1931	У караногайских ногайцев	4035	887	20480	48931	74330
1926	У туркмен и татар	670	29	3142	3266	7107

в постепенном увеличении численности поголовья животных, урожайности полей, медленном, но неуклонном улучшении жизненного уровня кочевников, ставших в предвоенные годы в добровольно-принудительном порядке членами коллективизированных аграрных хозяйств.

4. Заключение = Conclusions

Предполагаемый властями процесс ускоренного развития сельского хозяйства кочевых районов Юга России в 1920—1930-е годы затруднился в силу ряда объективных причин социального характера: тяжелых последствий двух революций, Первой мировой и Гражданской войн, голодного бедствия 1921 года и пр. Еще одной причиной, тормозившей сельскохозяйственное производство кочевых народов, являлись сложные природно-климатические условия территории степных nomадов, а именно: часто повторяющиеся в районах проживания кочевников природные катаклизмы, такие как весенне-летняя засуха, зуд и бескормица в зимний период и пр. Российское правительство, несмотря на имевшиеся трудности экономического порядка, все же находило возможность оказания всевозможной помощи кочевым народам Юга страны, что дало возможность их хозяйствам выбраться из стагнационного состояния.

Советская национальная политика в 1920—1930-е годы была направлена не только на преодоление экономической, но и культурной отсталости кочевых районов Юга России. В рамках ее реализации открылись национальные школы с осуществлением преподавания на калмыцком, туркменском и ногайском языках, детские сады, ликбезы, по сути, являвшиеся обязательным атрибутом культурного строительства. В 1925 году в Северо-Кавказском крае существовало минимальное количество национальных школ 1 ступени: 13 калмыцких, 18 туркменских, 12 татарских и др. В национальном самосознании кочевников все более укреплялось мнение о не-

необходимости получения населением основ грамотности, подрастающим поколением — образования. Только в Туркменском районе к концу 1920-х годов стали посещать школы более 60 % детей школьного возраста.

Анализируя ход проведения национальной политики на Юге России в 1920—1930-е годы, необходимо отметить, что подход властей по отношению к кочевым народам — калмыкам, ногайцам и туркменам — не был одинаковым и односторонним, он учитывал имевшиеся между ними религиозные, языковые и экономические различия. В администрировании кочевых районов применялись разнообразные модели управления, то есть по отношению к «восточным народностям» использовался дифференцированный подход. К специфическим особенностям проведения национальной политики среди кочевых народов Юга России относились выгодные условия при распределении земель; льготное налогообложение; дополнительные ассигнования из бюджетов разных уровней и пр. В Калмыцкой автономной области специфика советской национальной политики выразилась в поддержке и организации переселения калмыков из других российских регионов в целях компактного проживания этноса в едином месте.

Природно-климатические и социальные катаклизмы, постигшие кочевые народы Юга России в предвоенные годы, не смогли остановить их поступательное движение в развитии экономической, хозяйственной и духовной сферы. Калмыки, ногайцы и ставропольские туркмены прониклись, хотя и с трудом, предложенными советской властью идеями социалистического строительства: они вступали в колхозы, расширяли сельскохозяйственное производство, переходили на оседлый образ жизни, тем самым непосредственным образом участвовали в утверждении в стране нового социального строя.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив* Российской Федерации, Ф. Р-1235 («Всероссийский центральный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК), Оп. 44, Д. 35, Л. 1, 37, 96.

2. ГАРО — *Государственный архив* Ростовской области. Ф. Р-64, Оп. 1, Д. 234, Л. 114. ГАРО. Ф. Р-1390 (Органы управления сельского хозяйства. Азово-Черноморское краевое земельное управление), Оп. 6, Д. 129. Л. 35 ; Ф. Р-1390, Оп. 6, Д. 129, Л. 89 ; Ф. Р-1390, Оп. 6, Д. 129, Л. 38 ; Ф. Р-1390, Оп. 6, Д. 129, Л. 93 об ; Ф. Р-1390, Оп. 6, Д. 129, Л. 113 ; Ф. Р-1390, Оп. 6, Д. 129, Л. 64 об ; Ф. Р-1390, Оп. 6, Д. 129, Л. 44; Ф. Р-1390, Оп. 6, Д. 129, Л. 45 ; Ф. Р-1390, Оп. 6, Д. 129, Л. 47 об ; Ф. Р-1390, Оп. 11, Д. 243, Л. 6 ; Ф. Р-1485, Оп. 1, Д. 644, Л. 117 ; Ф. Р-1390, Оп. 11, Д. 243, Л. 17—17 об.

3. ГАСК — Государственный архив Ставропольского края, Ф. Р-1161 (Управление межевой частью Кубанской области г. Екатеринодар), Оп. 1, Д. 262, Л. 122; Ф. Р-397, Оп. 1, Д. 1064, Л. 314; Ф. Р-397, Оп. 1, Д. 1064, Л. 314; Ф. Р-397, Оп. 1, Д. 1064, Л. 314; Ф. Р-1761 (Исполком Ачикулакского районного Совета депутатов трудящихся. С. Ачикулак), Оп. 1, Д. 2. Л. 16; Ф. Р-1761, Оп. 1, Д. 2. Л. 14 об; Ф. Р-1761, Оп. 1, Д. 2. Л. 25; Ф. Р-1761, Оп. 1, Д. 2. Л. 16.

4. Конституции и конституционные акты РСФСР. 1918—1937 гг. : // Сб. докладов / под общ. ред. А. Я. Вышинского ; АН СССР. Ин-т права. — Москва : Изд-во Ведомости Верховного Совета СССР, 1940. — 299 с.

Литература

1. Аджигабулов М. Д. Правовой характер национальной политики Советского Союза в отношении ногайцев / М. Д. Аджигабулов // Universum : общественные науки : электронный научный журнал. — 2023. — № 6 (97) — июнь. — С. 4—9. — DOI: 10.32743/UniSoc.2023.97.6.15601.

2. Акопян В. З. Образование национальных сельских поселений дисперсных этносов на Юге России в 20—30 годы XX века / В. З. Акопян. — Пятигорск : ФГБОУ ВПО «ПГЛУ», 2015. — 202 с. — ISBN 978-5-4220-0673-1.

3. Бадмаева Е. Н. Калмыкия в начале 1920-х годов : голод и преодоление его последствий. (Монография) / Е. Н. Бадмаева. — Элиста : АОР «НПП «Джангар», 2006. — 180 с. — ISBN 5-94587-174-X.

4. Бадмаева Е. Н. Животноводство Калмыкии в природно-климатических условиях региона и переход на оседлость кочевого населения в 1930-е гг. / Е. Н. Бадмаева // Nomadic civilization: historical research. — 2023. — Т. 3. — № 3. — С. 66—82. — DOI: <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2023-3-3-66-82>.

5. Бадмаева Е. Н. Нижнее Поволжье : опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921—1933 гг.) : Монография. [Текст] / Е. Н. Бадмаева. — Элиста : ЗАОР «Джангар», 2010. — 544 с. — ISBN 978-5-94587-430-5.

6. Бадмаева Е. Н. Трансформация жилища калмыков в условиях их перевода на оседлость в имперский и советский периоды / Е. Н. Бадмаева, В. В. Батыров // Научный диалог. — 2023. — № 5. — Т. 12. — С. 409—426. — DOI: <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2023-3-3-66-82>.

7. Белозерова М. В. Переход кочевников Горного Алтая на оседлость : социальные технологии, трансформация традиционного хозяйства (XIX — первая треть XX в.) / М. В. Белозерова // Каспийский регион : политика, экономика, культура. — 2023. — № 2. — С. 54—61.

8. Брусина О. И. Трансформация кочевого образа жизни ставропольских туркмен в XIX—XX в. / О. И. Брусина // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2023. — № 2. — С. 62—71. — DOI: 10.54398/1818510X_2023_2_62.

9. Брусина О. И. Этническая группа в многонациональном окружении : полевые исследования среди туркмен Юга России / О. И. Брусина // Диаспоры. — 2012. — № 1. — С. 95—128.

10. Виноградов С. В. Роль мелиорации в социально-экономическом развитии кочевых народов Юга России (середина 1920-х — 1930-х гг.) / С. В. Виноградов, Б. А. Эрднеева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2023. — № 2. — С. 112—121. — DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-133-152.

11. Волхонский М. А. Ногайская степь как культурный ландшафт : проблемы идентификации и изучения / М. А. Волхонский, А. А. Ярлыкапов // Уральский исторический вестник. — 2020. — № 2 (67). — С. 61—70.
12. Джумагулова А. Т. Рецепция советского проекта в ногайских степях Северного Кавказа в 1920—1930-е гг. / А. Т. Джумагулова // Каспийский регион : политика, экономика, культура. — 2023. — № 2 (75). — С. 91—101.
13. Джумагулова А. Т. Советский проект в Ногайской степи в 1920—1940-е гг. : от коллективизации к мелиорации / А. Т. Джумагулова // Кавказология. — 2023b. — № 3. — С. 133—152. — DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-133-152.
14. Иванцов И. Г. Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924—1953 гг. (на материалах Кубани и Северного Кавказа) / И. Г. Иванцов. — Краснодар : Кавказская типография, 2013. — 128 с. — ISBN 978-5-91628-090-6.
15. Иवानько Н. И. Великий октябрь и Гражданская война в Калмыкии / Н. И. Иवानько, А. И. Наберухин, И. И. Орехов. — Элиста : Калм. кн. изд-во, 1968. — 148 с.
16. Кочевники Юга России : в 2-х ч. Поволжская колонизационно-мелиоративная экспедиция в Калмыцкой автономной области (1924—1926 гг.). Сборник фотоматериалов и документов / Сост. Е. Н. Бадмаева, к.и.н. В. В. Батыров, Б. А. Эрднеева. — Ростов-на-Дону : «Альгаир», 2023. — Ч. 2. — 280 с. — ISBN 978-5-91951-498-5.
17. Максимов К. Н. Калмыки в составе донского казачества (XVII — середина XX в.) / К. Н. Максимов. — Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. — 576 с. — ISBN 978-5-4358-0132-3.
18. Очиров У. Б. Калмыкия в 1919 — начале 1920 гг. / У. Б. Очиров // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней : в 3-х т. — Элиста : ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. — Т. 2. — 840 с.
19. Синицын Ф. Л. Советское государство и кочевники. История, политика, население 1917—1991 / Ф. Л. Синицын. — Москва : Центрполиграф, 2019. — 320 с. — ISBN 978-5-227-08787-4.
20. Среди ногайцев, караногайцев и туркмен // Жизнь национальностей. — 1922. — 19 мая. — № 10 (16). — С. 7—8.

Статья поступила в редакцию 23.03.2024,
одобрена после рецензирования 04.05.2024,
подготовлена к публикации 15.05.2024.

Material resources

- Constitutions and constitutional acts of the RSFSR. 1918—1937. (1940). In: *Collection of reports*. Moscow: Publishing house Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 299 p. (In Russ.).
- GARF — *State Archive of the Russian Federation*, F. R-1235 (“All-Russian Central Executive Committee of Soviets of Workers, Peasants and Red Army Deputies (VTSIK), Op. 44, 35, l. 1, 37, 96. (In Russ.).
- GARO — the *State Archive of the Rostov region*. F. R-64, Op. 1, D. 234, L. 114. GARO. F. R-1390 (Management bodies of agriculture. Azov-Black Sea Regional Land Administration). (In Russ.).
- GASK — *State Archive of the Stavropol Territory*, F. R-1161 (Management of the boundary part of the Kuban region, Yekaterinodar). (In Russ.).

References

- Adjigabulov, M. D. (2023). The legal nature of the national policy of the Soviet Union in relation to the Nogais. *Universum: social sciences: electronic scientific journal*, 6 (97): June. 4—9. DOI: 10.32743/UniSoc.2023.97.6.15601. (In Russ.).
- Among Nogais, Karanogais and Turkmens. (1922). *Life of nationalities*, 10 (16). May 19th. 7—8. (In Russ.).
- Badmaeva, E. N. (2006). *Kalmykia in the early 1920s: famine and overcoming its consequences. (Monograph)*. Elista: AOr “NPP” “Dzhangar”. 180 p. ISBN 5-94587-174-X. (In Russ.).
- Badmaeva, E. N. (2023). Livestock breeding in Kalmykia in the natural and climatic conditions of the region and the transition to the settlement of the nomadic population in the 1930s. *Nomadic civilization: historical research*, 3 (3): 66—82. DOI: <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2023-3-3-66-82>. (In Russ.).
- Badmaeva, E. N. (2010). *Lower Volga region: experience and results of the implementation of state policy in the socio-economic sphere (1921—1933): Monograph. [Text]*. Elista: ZAOr “Dzhangar”. 544 p. ISBN 978-5-94587-430-5. (In Russ.).
- Badmaeva, E. N., Batyrov, V. V. (2023). Transformation of Kalmyk Dwellings during Their Transfer to Settled Life in Imperial and Soviet Periods. *Nauchnyi dialog*, 12 (5): 409—426. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-409-426. (In Russ.) (In Russ.).
- Belozerova, M. V. (2023). Transition of the nomads of the Altai Mountains to settlement: social technologies, transformation of traditional economy (XIX — the first third of the XX century). *The Caspian region: politics, economics, culture*, 2: 54—61. (In Russ.).
- Brusina, O. I. (2012). Ethnic group in a multinational environment: field studies among Turkmens of the South of Russia. *Diasporas*, 1: 95—128. (In Russ.).
- Brusina, O. I. (2023). Transformation of the nomadic lifestyle of Stavropol Turkmens in the XIX—XX centuries. *The Caspian region: politics, economics, culture*, 2: 62—71. DOI: 10.54398/1818510X_2023_2_62. (In Russ.).
- Dzhumagulova, A. T. (2023). Reception of the Soviet project in the Nogai steppes of the North Caucasus in the 1920s—1930s. *The Caspian region: politics, economics, culture*, 2 (75): 91—101. (In Russ.).
- Dzhumagulova, A. T. (2023b). The Soviet project in the Nogai steppe in the 1920s—1940s: from collectivization to land reclamation. *Kavkazologiya*, 3: 133—152. DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-133-152. (In Russ.).
- Hakobyan, V. Z. (2015). *Formation of national rural settlements of dispersed ethnic groups in the South of Russia in the 20—30 years of the XX century*. Pyatigorsk: FGBOU VPO “PGLU”. 202 p. ISBN 978-5-4220-0673-1. (In Russ.).
- Ivanko, N. I., Naberukhin, A. I., Orekhov, I. I. (1968). *Great October and the Civil War in Kalmykia*. Elista: Kalmyk Publishing House. 148 p. (In Russ.).
- Ivantsov, I. G. (2013). *Soviet forms of “small autonomy”. National districts and village councils in the Kuban. 1924—1953 (based on the materials of the Kuban and the North Caucasus)*. Krasnodar: Kavkazskaya tipografiya. 128 p. ISBN 978-5-91628-090-6. (In Russ.).
- Maximov, K. N. (2016). *Kalmyks as part of the Don Cossacks (XVII — mid-XX century)*. Rostov-on-Don: Publishing House of the YUNTS RAS. 576 p. ISBN 978-5-4358-0132-3. (In Russ.).
- Nomads of the South of Russia: in 2 hours. the Volga colonization and reclamation expedition in the Kalmyk Autonomous Region (1924—1926). Collection of photographic*

- materials and documents*, 2. (2023). Rostov-on-Don: Altair. 280 p. ISBN 978-5-91951-498-5. (In Russ.).
- Ochirov, U. B. (2009). *Kalmykia in 1919 — early 1920. In: History of Kalmykia from ancient times to the present day: in 3 volumes*, 2. Elista: GU Publishing House “Gerel”. 840 p. (In Russ.).
- Sinitsyn, F. L. (2019). *The Soviet state and nomads. History, politics, population 1917—1991*. Moscow: Tsentrpoligraf. 320 p. ISBN 978-5-227-08787-4. (In Russ.).
- Vinogradov, S. V., Erdneeva, B. A. (2023). The role of land reclamation in the socio-economic development of the nomadic peoples of Southern Russia (mid — 1920s — 1930s). *The Caspian region: politics, economics, culture*, 2: 112—121. DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-133-152. (In Russ.).
- Volkhonsky, M. A., Sklykapov, A. A. (2020). Nogai steppe as a cultural landscape: problems of identification and study. *Ural Historical Bulletin*, 2 (67): 61—70. (In Russ.).

*The article was submitted 23.03.2024;
approved after reviewing 04.05.2024;
accepted for publication 15.05.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(4), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Белоусов С. С. Переселенческая политика в Астраханской области в 1944—1945 годах / С. С. Белоусов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 346—362. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-346-362.

Belousov, S. S. (2024). Migration Policy in Astrakhan Region in 1944-1945. *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 346-362. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-346-362. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Переселенческая политика в Астраханской области в 1944—1945 годах

Белоусов Сергей Степанович

orcid.org/0000-0001-7614-3516

WoS ResearcherID: J-7426-2016

ScopusAuthorID 55480397700

доктор исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
sbelousovelista@mail.ru

Калмыцкий научный центр
Российской академии наук
(Элиста, Россия)

Благодарности:

Исследование проведено в рамках
государственной субсидии — проект
«Юго-восточный пояс России:
исследование политической и
культурной истории
социальных общностей и групп»
№ 122022700134-6

Migration Policy in Astrakhan Region in 1944-1945

Sergey S. Belousov

orcid.org/0000-0001-7614-3516

WoS ResearcherID: J-7426-2016

ScopusAuthorID 55480397700

Doctor of History, Associate Professor,
Senior Researcher
sbelousovelista@mail.ru

Kalmyk Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences
(Elista, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out within
the framework of a state subsidy —
the project “Southeastern belt of Russia:
research of political and cultural
history of social communities and groups”
№ 122022700134-6

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается миграционная политика государства в Астраханской области после её образования с 1944 года по 9 мая 1945 года. Статья основана на материалах фондов государственных и партийных органов власти Государственного архива Астраханской области. Выявлены причины, цели, содержание и результаты миграционной политики властей. Установлена численность переселенцев, показана география мест выхода и направлений миграций населения. Доказано, что на завершающем этапе войны (1944 — 9 мая 1945 года) переселенческая политика была направлена на обеспечение трудовыми ресурсами рыболовецкой отрасли, новых животноводческих совхозов и мероприятий властей по освоению Волго-Ахтубинской поймы. В рассматриваемые годы миграции происходили на добровольной основе и стимулировались государственными льготами. В 1945 году при организации переселений с Волго-Ахтубинскую пойму проводился набор переселенцев из местностей, схожих по своим климатическим и почвенным условиям с Астраханской областью (Казахстан). Между тем сложившаяся в местах вселения тяжелая материально-бытовая ситуация породила массовые возвратные миграции. Астраханская область оказалась не готова к приёму и закреплению мигрантов. Причины такого положения коренились в недостаточном финансировании переселений и в невнимательном отношении местных властей к нуждам новоселов.

Ключевые слова:

Астраханская область; переселенческая политика; трудовые ресурсы; Великая Отечественная война.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the migration policy of the state in the Astrakhan region following its formation from 1944 to May 9, 1945. The study is based on materials from the archives of state and party authorities in the State Archive of the Astrakhan Region. The reasons, goals, content, and outcomes of the authorities' migration policy are identified. The number of migrants is established, showcasing the geography of departure points and migration directions of the population. It is demonstrated that during the final stage of the war (1944 — May 9, 1945), the migration policy aimed to provide labor resources for the fishing industry, new livestock farms, and government initiatives for the development of the Volga-Akhtubinsk floodplain. In the years under consideration, migrations occurred on a voluntary basis and were incentivized by state benefits. In 1945, during the organization of relocations from the Volga-Akhtubinsk floodplain, migrants were recruited from areas with climates and soil conditions similar to those of the Astrakhan region (Kazakhstan). However, the challenging material and living conditions in the settlement areas led to mass return migrations. The Astrakhan region was unprepared to receive and integrate migrants due to insufficient funding for relocations and local authorities' lack of attention to the needs of newcomers.

Key words:

Astrakhan Region; migration policy; labor resources; Great Patriotic War.

Переселенческая политика в Астраханской области в 1944—1945 годах

© Белоусов С. С., 2024

1. Введение = Introduction

В истории России миграции всегда занимали важнейшее место в государственной политике. В связи с распадом СССР миграционные потоки многократно возросли и стали оказывать всё большее воздействие на современную жизнь общества. Для понимания современных тенденций в миграционных процессах требуется осмысление их в исторической ретроспективе, особенно переселенческой политики государства в чрезвычайных условиях военного времени. Между тем в отечественных исследованиях недалекой от нашего времени советской переселенческой политики отсутствуют обобщающие и концептуально значимые научные труды. Для создания трудов общероссийского масштаба не накоплено достаточного эмпирического материала, поэтому необходимы исследования миграционной политики в локально-временных рамках.

В Астраханском округе и Калмыцкой АССР в период от начала Великой Отечественной войны и до последних чисел декабря 1943 года имели место принудительные (этнические и социальные) и вынужденные миграции населения (эвакуация), которые сменились на завершающем этапе войны (1944 — 9 мая 1945 года) плановыми и осуществлявшимися на добровольной основе переселениями.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В послевоенной историографии уделялось незначительное внимание изучению политике переселений в годы Великой Отечественной войны, постсоветские историки сосредоточились в основном на исследованиях по этническим депортациям. Изучение переселений в плановом порядке и на добровольной основе в годы войны до настоящего времени в целом остаётся вне поля исследователей. Данной теме посвящены или затрагивают её, в основном по отдельным регионам, работы, И. А. Бережновой [Бережнова, 2008], В. И. Исупова [Исупов, 2016], В. А. Конониренко [Конониренко, 2016], Н. В. Чернышевой [Чернышева, 2019], В. В. Ишина [Ишин, 2001],

А. Н. Лымарева и Н. П. Палецких [Лымарев и др., 2023]. Миграции в качестве одной из тем присутствуют в коллективной монографии «Великая Победа: социально-политический и демографический аспект» [Великая победа ..., 2020].

По миграционной политике на заключительном этапе Великой Отечественной войны в Астраханском округе публикации отсутствуют, хотя в целом войне посвящена обширная литература [Кичиков, 1970; Панин, 1995; Максимов, 2007 и др.]. Не получили отражения плановые добровольные миграции и в обобщающих работах по истории Астраханской области [История Астраханского края ..., 2000] и Республики Калмыкии [История Калмыкии ..., 2009]. Историки, затрагивавшие тему миграционной политики в годы Великой Отечественной войны, обращали внимание на её принудительную составляющую [Бугай, 1992; Полян, 2001; Земсков, 2005; Убушаев и др., 2007 и др.] и не касались других направлений переселенческой политики.

В процессе исследования использовались материалы органов государственной, партийной власти и контроля в Астраханской области, которые хранятся в Государственном архиве Астраханской области. В них сосредоточена делопроизводственная переписка и решения местных органов власти, отвечавших за приём, размещение и обустройства новоселов, заявления переселенцев с жалобами, материалы проверок положения прибывших на поселение.

Исследование проводилось с помощью сравнительно-исторического и описательного методов познания.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Переселения с целью поддержания рыбной отрасли

27 декабря 1943 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР», положивший начало образованию из Астраханского округа и большей части территории, упраздненной Калмыцкой АССР, нового административно-территориального субъекта.

Астраханская область создавалась в условиях острого недостатка в трудовых ресурсах, которые были крайне необходимы для восстановления её экономики. Между тем в результате депортации калмыцкого населения, постоянных мобилизаций людей на фронт, непосредственных военных действий в 1942 году обезлюдели огромные территории, вошедшие в состав новой области. Восполнить людские потери в рассматриваемый период можно было только путём привлечения новых переселенцев. Большинство из них предполагалось направить на поселение в колхозы и

предприятия, связанные с рыбной промышленностью, которая составляла одну из основ экономики области. В данной отрасли особенно сильно ощущалась потребность в трудовых ресурсах, так как они резко уменьшились после депортации калмыцкого населения, значительное число которого издавна занималось рыболовством.

Переселению людей в Астраханскую область придавалось большое значение, и данный вопрос обсуждался в высшем руководстве страны. 18 июня 1944 года СНК СССР издал специальное постановление, санкционировавшее переселение колхозников в Астраханскую область [ГА АО, ф. Р-2233, оп. 4, д. 136, л. 34].

Планировалось отобрать к переезду на добровольной основе 3000 семей из областей и автономных республик, не затронутых непосредственно военными действиями. В результате были отобраны к переселению жители из 9 субъектов, располагавшихся в Верхнем, Среднем Поволжье и на Севере РСФСР (Вологодская, Горьковская (Нижегородская), Калининская (Тверская), Кировская, Рязанская, Тульская, Ярославская области, Марийская и Чувашская АССР) [Там же, оп. 1, д. 47. л. 15].

Организацией приёма, размещения, трудоустройства переселенцев занимался переселенческий отдел Астраханского областного Совета депутатов трудящихся. Он был укомплектован в основном людьми, занимавшимися в 1941—1943 годах вопросами эвакуации населения в области. Данный орган создали после учреждения области и в связи с намечавшимся массовым переселением людей. Был увеличен штат сотрудников новой управленческой структуры. 6 сентября 1944 года Государственная штатная комиссия при СНК СССР утвердила для него 5 штатных единиц с месячным фондом заработной платы в 3700 руб. Начальнику отдела установили оклад в размере 1300 руб. в месяц, трём инспекторам — по 700 руб., секретарю — 300 руб. [Там же, д. 3, л. 27].

В 1944 году для Астраханской области власти отобрали и отправили 2838 семей, в составе которых имелось 8860 чел. План по семьям-переселенцам, таким образом, выполнили только на 94,6 %. [Там же, д. 47, л. 15].

Большинство прибывших разместили на жительство в рыболовецкие колхозы и в поселения, при которых находились предприятия, связанные с рыбообработывающей промышленностью, небольшое количество переселенцев направили в мясные и каракулеводческие совхозы и колхозы.

Перевозка переселенцев и их имущества в Астраханскую область осуществлялась железнодорожным транспортом в вагонах-теплушках. Эшелоны с переселенцами формировались на железнодорожных станциях мест выхода и затем в сопровождении представителей местной администрации отправлялись в места назначения.

Архивные документы свидетельствуют о плохой организации процесса переселения, приёма и обустройства переселенцев в водворяемых районах. В письме от 15 марта 1944 года, направленном О. А. Семковой и В. В. Дягилеву, занимавшимся вербовкой и перевозкой людей, переселенцы из Рязанской области жаловались, что данные им обещания представителей власти оказались «полным обманом». Им пришлось самим оплачивать проезд на новое место жительства, сопровождавшая их в пути сотрудник Рязанского облисполкома Совета депутатов трудящихся Т. Борисова сбежала на станции Кочетовка с эшелона, следовавшего в Астраханскую область, ни один из колхозов их не принял на жительство. Эшелон из Рязанской области прибыл в Астраханскую область без начальника эшелона и представителя от облисполкома.

27 семей из эшелона предназначались для трудоустройства и жительства на Оранжерейном рыбокомбинате в Икрянинском районе. Прибывшие переселенцы потребовали выдать им ссуду на обустройство на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 17 ноября 1937 года, но дирекция Оранжерейного комбината заявила, что ссуда не распространяется на предприятия рыбной промышленности. После этого переселенцы уехали обратно на свою Родину, остались лишь три семьи, не имевшие средств для возвращения. Чтобы удержать их, дирекция пообещала выдать мелкий рогатый скот, изыскать в райисполкоме ссуду для обустройства, помочь в ремонте жилья, выделить топливо и одежду, то есть «создать условия для нормальной жизни и плодотворной работы» [ГА АО, ф. Р-2233, оп. 1, д. 40 а, л. 375 об.].

Другая партия переселенцев в количестве 42 семей, прибывшая из Рязанской области 7 августа 1944 года, была направлена в колхоз «Большевик» Камышанского сельского Совета Лиманского района. Дирекция колхоза встретила их равнодушно и не оказала им необходимой помощи для закрепления на новом месте. Новоселов разместили в неотремонтированных домах, правление не предоставило им выделенных государством пособий в размере 700 руб. на семью, не отвело огородных участков в пользование [ГА АО, ф. П-563, оп. 1, д. 31, л. 169]. Большинство переселенцев не выдержали тяжелых условий жизни и безразличного отношения властей к их нуждам и покинули колхоз. Во второй половине 1945 года в колхозе осталось лишь 4 семьи, а 38 семей «разбежались» [Там же, л. 169 об.].

Переселенцы столкнулись с проблемой обеспечения жильём. В Астраханской области имелось более 3000 домов, опустевших в основном после депортации калмыков. Это были глиняные мазанки и полужемлянки, требовавшие текущего ремонта. Областные власти передали на него 500 ящиков стекла, 50 кубов пиленого леса и 300 тыс. кирпичей, не остались без-

участными к данной проблеме руководители колхозов, выделившие из своих скудных запасов материалы и деньги на ремонт домов. Несмотря на это вопрос закрыть не удалось: на 1 января 1945 года в Астраханской области 115 переселенческих хозяйств не имели своего жилья [ГА АО, ф. Р-2233, оп. 4, д. 136, л. 36].

Многие переселенцы вернулись на Родину из-за того, что предоставленное им жильё оказалось для них непривычным и уступало в качественном отношении домам, в которых они ранее проживали.

Необходимо также отметить то обстоятельство, что большинство переселенцев не работали ранее в колхозах и были «совершенно не знакомы с рыбной ловлей». Среди них начались заболевания малярией, и, хотя власти приняли меры по организации лечения, многие из них предпочли вернуться на прежние места жительства [Там же, л. 34].

Тяжелые условия жизни и невнимательное отношение властей к нуждам переселенцев вызвали среди них возвратные миграции, которые приобрели массовый характер. Так, из 2960 прибывших в Астраханскую область переселенческих колхозных хозяйств на 1 декабря 1944 года осталось 1615 семей, а 1345 семей выбыли за её пределы [ГА АО, ф. Р-2233, оп. 1, д. 114, л. 25]. Начальник переселенческого отдела Астраханского облисполкома П. С. Лобачёв вынужден был признать, что область оказалась не готова к приёму и устройству переселенцев [Там же, оп. 4, д. 136, л. 34].

Сложная ситуация с трудовыми ресурсами продолжала оставаться напряженной, а это сильно тормозило восстановление социально-экономической структуры Астраханской области. В ней на 1 января 1945 года недостаток в трудовых ресурсах по 17-ти сельским районам исчислялся в 10 110 чел. [Там же, оп. 1, д. 114, л. 20].

В органы местной власти от новоприбывших постоянно шли жалобы о неудовлетворительном устройстве их, о плохих жилищно-бытовых условиях, о крайне тяжелом материальном положении и непредоставлении им установленных льгот по переселению. Власти Астраханской области пытались выправить сложившееся положение: ужесточалась исполнительская дисциплина в отношении людей, отвечавших за переселенцев, изыскивались продукты и средства для новоселов. Во время массового прибытия переселенцев в районы их размещения три раза командировались оперативные бригады, в 1944—1945 годы исполком областного Совета депутатов трудящихся три раза заслушивал председателей Лиманского и Каспийского Советов депутатов трудящихся о положении переселенцев и принимал решения по их закреплению на новых местах, вопрос о переселенцах три раза рассматривался на совместных заседаниях бюро обкома ВКП (б) и облисполкома Совета депутатов трудящихся, где выносились постановления по улучшению положения

новоселов. Ряд работников, отвечавших за переселенцев, получили партийные взыскания, а председателям Лиманского и Каспийского Советов депутатов трудящихся объявили по одному выговору за неудовлетворительное отношение к переселенцам [Там же, оп. 4, д. 136, л. 34].

Жалобы от переселенцев поступали и в центральные органы управления. 2 февраля 1945 года заместитель председателя Совета народных комиссаров РСФСР А. П. Староторжский поручил председателю Астраханского облисполкома Совета депутатов трудящихся Н. И. Быхову проверить указанные в жалобах факты, установить причины текучести переселенцев, обсудить на заседании облисполкома вопрос хозяйственно-бытового и трудового устройства переселенцев и о принятых мерах сообщить Совнарком РСФСР до 1 марта 1945 года [Там же, оп. 1, д. 114, л. 26].

Проведенное облисполкомом обследование показало справедливость большинства жалоб переселенцев. В ряде районов они действительно оказались в очень тяжелом материальном положении. В Харабалинском районе 40 % новоприбывших не были трудоустроены и находились в крайне тяжелых материально-бытовых условиях. В сельскохозяйственном колхозе имени Карла Маркса этого района из 21 семьи (82 чел.) работала только 1 семья, а остальные не были трудоустроены. В том же районе в рыбацком колхозе «Соревнование» из 45-ти семей (174 чел.) безработными были 13 семей, причем трудоустроить данные семьи не представлялось возможным из-за слабого физического состояния, возникшего от недоедания.

Особенно большие трудности испытывали переселенцы, размещенные в колхозе им. Карла Маркса. Здесь хлеб получали только дети по 200 граммов, другие продукты им не выдавались, взрослые вообще никаких продуктов не получали. Во время приезда П. С. Лобачева 6 матерей с детьми из-за отёков от голода не могли двигаться, а переселенец Старов умер от истощения. У него остались жена и четверо детей, которых положили в больницу. 4 семьи вынуждены были «побираться» по местным жителям.

Многие переселенцы в Харабалинском районе, чтобы не умереть с голоду, вынуждены были питаться корнями, дикими семенами и пищевыми отбросами. У них царили антисанитария и болезни [ГА АО, ф. Р-2233, оп. 1, д. 114, л. 56]. Дети школьного возраста не имели возможности ходить в школу, так как у них отсутствовали одежда и обувь [Там же, л. 57]. Также в сложном положении находились переселенцы в колхозах «Пятилетка», «КИМ» Приволжского района, им. Крупской и «15 лет РККА» Камызякского района.

В результате неудовлетворительного хозяйственного устройства переселенцев, плохих жилищно-бытовых условий, крайне тяжелого материального положения и непредоставления установленных льгот прибывшие продолжали массово возвращаться в прежние места жительства: по со-

стоянию на 1 февраля 1945 года из 2960 прибывших семей переселенцев 1505 выбыли [Там же].

Чтобы нормализовать обстановку, исполнительный комитет Астраханского областного Совета депутатов трудящихся на своем заседании 19 марта 1945 года наметил ряд мероприятий по трудоустройству и улучшению быта переселенцев и определил ответственных за их выполнение. Он обязал Астррыбколхозсоюз и райисполкомы в течение 10 дней создать нормальные материально-бытовые условия для переселенцев, наделить их в полном объеме положенными льготами, организовать горячее питание для переселенцев в колхозах, где в этом была необходимость, и в первую очередь для детей.

Переселенцы должны были получить помощь семенами и в обработке земли для посева, а также в обзаведении предметами домашнего обихода (столами, стульями, кроватями, кухонной посудой).

Исполком облсовета обязал Областной отдел народного образования и областной отдел гособеспечения из фондов обуви и одежды, предназначенных для детей и семей военнослужащих, выделить необходимые вещи в первую очередь особо нуждающимся переселенцам и семьям военнослужащих, а Союзплодоовощтресту предложили выдать переселенцам на обменные квитанции взамен картофеля овощи (капусту, помидоры, огурцы) в количестве 12 тонн. Кроме того, исполком облсовета обязал Рыболовный потребительский союз передать семьям переселенцев 15 тонн рыбы за счёт подсобных хозяйств Рыболовецкого кооператива, а также отоварить рулоны на 2 тонны крупы и 1 тонну жиров для питания детей переселенцев в детских учреждениях.

Спустя несколько дней после упомянутого заседания, Народный комиссариат торговли СССР 23 марта 1945 года распорядился передать переселенцам 48 тонн муки в порядке единовременной помощи [ГА АО, ф. Р-2233, оп. 1, д. 114, л. 24].

Для обеспечения переселенцев источниками существования исполнительный комитет Астраханского областного Совета депутатов трудящихся поручил райисполкомам и Астррыбколхозсоюзу в течение второй декады 1945 года обеспечить работой всех трудоспособных членов семей переселенцев, и в первую очередь в рыболовецком производстве, а также порекомендовал руководителям колхозов устраивать новоселов на работу в местные предприятия и учреждения в порядке отходничества. С учетом физического состояния многих переселенцев, ослабленного в результате недоедания, было решено немедленно организовать горячее питание в колхозах, где переселенцы крайне нуждались в продовольственной помощи, и обратить особое внимание на детей и физически ослабленных взрослых [Там же, л. 58].

3.2. Подготовка переселений для освоения Волго-Ахтубинской поймы

В самом конце войны власти приняли решение возобновить программу освоения сельскохозяйственных площадей Волго-Ахтубинской поймы, реализация которой сулила принести большие выгоды государству. Программа была принята в 1941 году, но вскоре свёрнута в связи с началом Великой Отечественной войны.

13 февраля 1945 года СНК СССР издал постановления «О мероприятиях по сельскохозяйственному освоению Волго-Ахтубинской поймы в Астраханской области» и «О мероприятиях по освоению Волго-Ахтубинской поймы и развитию орошаемого земледелия в пригородных районах г. Сталинграда». Для освоения поймы, лежащей в пределах Астраханской области, предполагалось провести ряд комплексных мероприятий, в том числе организовать переселение из других районов страны с 1945 по 1949 годы включительно 10 000 хозяйств. В 1945 году намечалось поселить 500 хозяйств, разместив их не в новых домах, а в жилых помещениях, требующих только ремонта. В последующие годы планировалось для новоселов строить новые дома и направлять их на жительство на основе годовых планов, по мере ввода в эксплуатацию орошаемых площадей по отдельным районам [ГА АО, ф. Р-2233, оп. 1, д. 114, л. 38].

Облисполком просил руководство страны при наборе переселенцев учитывать климатические и почвенные условия Астраханской области, отдавая предпочтение жителям из безлесных степных областей РСФСР, сходных по своим естественным историческим условиям с условиями Астраханской области. Поскольку районы последней по своим климатическим и почвенным характеристикам аналогичны с условиями Казахстана, к границам которого они непосредственно примыкают, то, по мнению астраханских властей, на переселяемых следовало распространить пункт 11 параграфа «б» постановления ЦИК и СНК СССР от 17 ноября 1937 года «О льготах по сельскохозяйственному переселению» о порядке финансирования и кредитования переселенческого строительства.

В предложениях по переселению колхозников в Волго-Ахтубинскую пойму, направленных астраханским облисполкомом 15 мая 1945 года к заместителю председателя СНК СССР В. М. Молотову, главная роль в организации переселений и закреплении прибывших отводилась государству. Оно должно было взять на себя расходы по проезду и питанию людей, перевозке скота и имущества, медицинскому и санитарному обслуживанию людей от мест выхода до мест вселения. В целях стимулирования граждан к переселению предусматривались такие меры, как выдача переселенцам единовременного пособия в размере 2500 руб. на семью, списание с них

числящихся за ними недоимок по натуральным поставкам, денежным налогам и остальным платежам в местах выхода, освобождение переселяемых колхозников и колхозов, в которые поселяются колхозники, от всех государственных денежных налогов, страховых платежей и от поставок государству сельскохозяйственных продуктов и продуктов животноводства сроком на 2 года [Там же, л. 39].

Для закрепления переселенцев в новых местах жительства предлагалось разрешить колхозникам-переселенцам брать с собой инвентарь и скот, находившихся в личном пользовании, и другое домашнее имущество весом до 2-х тонн, обязать Народный комиссариат по заготовкам (Наркомзаг) продавать колхозникам-переселенцам в местах вселения по государственным ценам продовольственное зерно из расчёта по 50 килограмм на члена семьи в год, а также обязать Наркомзаг и Народный комиссариат мясной и молочной промышленности СССР принимать от переселенцев в местах их выхода: скот, зерно, фураж и картофель с выдачей равноценного количества скота, сельскохозяйственных продуктов в местах вселения по предъявлении переселенцами именных квитанций заготовительных пунктов в приеме от них скота и продуктов. Достижению указанной цели были также подчинены предложения разрешить Сельскохозяйственному банку СССР выдавать нуждающимся переселенцам-колхозникам в местах их вселения денежную ссуду на хозяйственное обзаведение (текущий ремонт построек, приобретение коров и другие нужды) в размере 5000 рублей на одно хозяйство с возвратом в течение 5 лет и наделять переселенцев приусадебными участками земли, а также обеспечивать их домами и надворными постройками порядком, установленным постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 ноября 1937 года «О льготах по сельскохозяйственному переселению» [Там же].

3.3. Переселения в новые совхозы

С государственной переселенческой политикой в 1944—1945 годах в Астраханской области связано создание новых животноводческих совхозов. Как уже отмечалось, депортация калмыцкого народа привела к резкому сокращению населения на территории бывшей республики и оставила без жителей многие населенные пункты. Из хозяйственной деятельности оказались выведены огромные массивы земель, пригодных к занятию животноводством. Осталось без использования имущество колхозов и совхозов, некому стало обслуживать объекты социально-экономической инфраструктуры. На заброшенных территориях необходимо было восстанавливать остановившуюся людскую и хозяйственную жизнь. Для решения этих задач правительство приняло решение о создании новых совхозов на базе части хозяйственных субъектов, упразднённых после депортации калмыков.

11 февраля 1944 года СНК СССР издал постановление «Об организации совхозов в Астраханской области», согласно которому намечалось образовать 10 новых совхозов, подведомственных Народному комиссариату зерновых и животноводческих совхозов (Наркомсовхоз) СССР. Новым субъектам решено было передать 1 787 960 гектаров земель, весь сельхозинвентарь, оборудование, имущество, постройки, рабочий скот, находившиеся ранее в пользовании ликвидированных колхозов и совхозов. Через полгода после выселения калмыков совхозы начали создаваться, но оказалось, что сельхозинвентарь и вообще имущество бывших калмыцких колхозов и совхозов «растаскано соседними совхозами, колхозами и восстановить, сколько имущества, кто взял, было нельзя...» [ГА АО, ф. П-325, оп. 2, д. 179, л. 15]. Поэтому новые совхозы остались без сельхозинвентаря. Не получили они большую часть рабочего скота, выделенного государством в качестве помощи. В г. Нальчике, куда прибыли для приёма обещанных 550 голов лошадей, представители новых совхозов нашли всего 70 лошадей.

Из-за отсутствия сельхозинвентаря и рабочего скота совхозы не сумели подготовиться как следует к зимовке скота. Небольшую помощь им в заготовке сена оказали соседние колхозы и совхозы, выделившие каждому новому совхозу по 3—4 пары рабочего скота и по одной-две пары лобогреек (жатвенных машин для уборки зерновых культур). Этой помощи было недостаточно, чтобы заготовить корма для скота, но зима выдалась тёплой и малоснежной, поэтому большого падежа животных зимой 1944—1945 годов удалось избежать [Там же, л. 16].

В новых совхозах складывалась сложная ситуация со строительством и капитальным ремонтом социально-производственной инфраструктуры. Не хватало строительных материалов, не было вообще строителей. На 20 мая 1945 года было построено всего 23 колодца и отремонтированы 38 колодцев, 51 жилой дом, 23 производственных здания. Этим перечнем объектов ограничивались строительные работы.

В начале 1945 года в наличии у совхозов имелось 9 тракторов и 8 автомашин. Власти использовали их и подводы для заготовки и перевозки хвороста, камыша, кирпича, леса для строительных нужд.

В 1945 году в новых совхозах не потерял остроты вопрос обеспеченности рабочим скотом. Для выполнения намеченных в 1945 году планов требовалось 1625 голов рабочего скота, но по состоянию на 20 мая 1945 года в наличии имелось 563 головы [Там же, л. 19].

Ещё в 1944 году правительство не без основания опасалось того, что Народный комиссариат зерновых и животноводческих совхозов СССР, получивший в пользование обширную территорию бывшей Калмыцкой АССР, своими силами в ближайшие годы не сможет её полностью освоить

[ГА АО, ф. Р-2233, оп. 2, д. 4, л. 65]. В связи с этим положительно было воспринято предложение члена Политбюро ВКП (б), одновременно возглавлявшего Народный комиссариат внешней торговли СССР (Наркомвнешторг), А. И. Микояна организовать из части бывших земель КАССР дополнительно 10 совхозов, специализирующихся на разведении овец каракульской породы. Данная порода овец хорошо приспособлена к проживанию в экстремальных пустынных и полупустынных районах, овцы дают ценных мех — каракуль, шерсть — сырье для ковровой и грубосуконной промышленности, мясо — баранину, молоко — продукты питания, сычуги и другую побочную продукцию. Миллионы каракульских шкур ок поставлялись на продажу за рубеж, значительная часть производимого сырья реализовывалась на внутреннем рынке. Продажа продукции каракульских овец приносила государству большие доходы, поэтому инициатива А. М. Микояна встретила поддержку в правительстве.

18 мая 1944 года СНК СССР постановлением «Об организации в Астраханской области каракулеводческих совхозов Наркомата внешней торговли» учредил 9 совхозов. В соответствии с ним исполком Астраханского областного Совета депутатов трудящихся на заседании 27 мая 1944 года принял решение организовать трест каракулеводческих совхозов и 9 совхозов. В их пользование передавались территории, постройки, оборудование и сельскохозяйственный инвентарь бывших калмыцких колхозов и совхозов, также участки Черных земель с помещениями, из МТС — 15 тракторов с плугами, 10 тракторных сеялок и культиваторов. Совхозы также должны были получить 600 голов КРС, нетелей и телок и 30 быков производителей, с условием возвращения их в течение двух лет весом скота [ГА АО, ф. Р-2233, оп. 1, д. 7, л. 12].

Для становления новой отрасли животноводства планировалось завезти в 1944 году в каждый совхоз по 5000 голов овец каракульской породы. Управленческим структурам поручили выдать совхозам необходимое количество тракторов, сенокосных лобогреек, бричек и т. д., 15 грузовых машин и одну легковую [Там же, оп. 2, д. 4, л. 64].

Новые 9 совхозов (Ергенинский, Прудовый, Западный, Южный, Енотавский, Каракуль, Присарпинский, Приволжский, Оленичевский) получили в пользование 702,4 га [Там же, оп. 1, д. 7, л. 14], потребность для них в трудовых людских ресурсах оценивалась цифрой в 500 чел. Их планировалось завербовать в поволжских и прикаспийских населенных пунктах Астраханской области, население которых было знакомо с животноводством. В 1944—1945 годах они составили костяк жителей каракулеводческих совхозов. Из общего числа прибывших на поселение из губерний Севера, Верхней и Средней Волги в каракулеводческие совхозы по состоянию на

1 октября 1944 года их было 114 чел., или 4 % от всех перевезенных эшелонами. Ещё 197 чел. трудоспособных, или 6,9 %, разместили на жительство в животноводческих совхозах Наркомсовхоза [Там же, д. 47, л. 17].

Поселенные в новых совхозах находились в особенно тяжёлых материально-бытовых условиях, и потому в большинстве совхозов сохранялась недоукомплектованность кадрами специалистов и рабочих. Органы власти не смогли обеспечить их достаточным и бесперебойным питанием, товарами первой необходимости, спецодеждой. В первом полугодии 1945 года на одного рабочего совхозов ведомства Наркомсовхоза пришлось товаров в среднем всего на 9 руб. 61 коп.

Не удовлетворенные своим материальным положением и питанием рабочие покидали совхозы [ГА АО, ф. П-325, оп. 2, д. 5, л. 123]. Текущее работников была большой, поэтому эта проблема в первые годы существования совхозов стояла очень остро. По данным на 6 июня 1945 года, в совхозах Астраханской области недоставало 1344 рабочих, при этом среди них не было представителей квалифицированных профессий: трактористов, кузнецов, слесарей, плотников. В совхозы приезжали жить и работать «в основном такие, которые раздеты, разуты и им больше деваться некуда...», как говорилось в докладе от 6 июля 1945 года «О состоянии совхозов и мероприятий по их укреплению» [ГА АО, ф. П-325, оп. 2, д. 179, л. 20].

Плохо обстояло дело с кадрами специалистов, особенно по каракулеводству. Старшие зоотехники-каракулеводы были только в двух совхозах, в четырёх совхозах данного направления не было не только каракулеводо-вод, но и зоотехников [Там же].

Отмечая большие проблемы, с которыми столкнулись власти при создании новых совхозов, нельзя упускать из виду того, что это мероприятие проводилось в годы Великой Отечественной войны, в условиях острого недостатка людских, финансовых и материальных ресурсов. Несмотря на огромные трудности, был подготовлен задел для будущего развития новых совхозов. Благодаря помощи государства совхозы за 10—11 месяцев своего существования организационно окрепли, началась подготовка специалистов, сформировался костяк населения [Там же, л. 21]. Накануне Дня Победы (9 Мая) в Астраханской области функционировало 28 совхозов и находилось в стадии формирования 10 совхозов [Там же, л. 67 об.].

4. Заключение = Conclusions

На завершающем этапе войны (1944 — 9 мая 1945 года) переселенческая политика в Астраханской области была подчинена восстановлению экономики, которая нуждалась в трудовых ресурсах, сильно сократившихся в результате депортации калмыцкого народа, массовой убыли на фронт

трудоспособного населения. Государственная миграционная политика направлялась на обеспечение трудовыми ресурсами рыболовецкой отрасли, новых животноводческих совхозов и мероприятий властей по освоению Волго-Ахтубинской поймы.

Переселения в Астраханскую область происходили на добровольной основе. В 1944 году было переселено около 3000 семей из областей и автономных республик, не затронутых непосредственно военными действиями. В основном это были 9 субъектов Верхнего и Среднего Поволжья, Севера РСФСР. Переселения стимулировались государственными льготами. В 1945 году при организации переселений в Волго-Ахтубинскую пойму набор переселенцев проводился из местностей, схожих по своим климатическим и почвенным условиям с Астраханской областью (Казахстан).

Выходцы из губерний Севера, Верхней и Средней Волги направлялись на поселение в основном в населенные пункты, жители которых трудились в рыбной отрасли экономики.

В животноводческие совхозы набирали людей преимущественно из поволжских и прикаспийских населенных пунктов Астраханской области, население которых было знакомо с животноводством.

Астраханская область оказалась не готова к приёму и закреплению мигрантов. Сложившаяся в местах вселения тяжелая материально-бытовая ситуация породила массовые возвратные миграции: больше половины переселенцев уже в первые месяцы вернулись на прежние места жительства. Причины такого положения коренились как в недостаточном финансировании переселенческого дела, так и в невнимательном отношении к нуждам новоселов местных властей. Власти вынуждены были обратить на данную проблему особое внимание, усилив финансирование и контроль.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГА АО — *Государственный архив Астраханской области*. Ф. П-325 (Астраханский обком ВКП (б)). Оп. 2. Д. 5. Л. 123 ; Д. 179. Л. 15,16, 20, 21,67 об. ; П-563 (Уполномоченный комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б)). Оп. 1. Д. 31. Л. 169—169 об. ; Р-2233 (Астраханский областной Совет депутатов трудящихся и его исполком). Оп. 1. Д. 3. Л. 27 ; Д. 7. Л. 12, 14 ; Д. 40 а. Л. 375 ; Д. 47. Л. 15, 17 ; Д. 114. Л. 20, 24—26, 38, 39, 56—58 ; Оп. 2. Д. 4. Л. 64—65 ; Оп. 4. Д. 136. Л. 34.

Литература

1. *Бережнова М. Л.* Государственная программа переселений в восточные районы СССР. 1939—1942 гг. : этнографические аспекты / М. Л. Бережнова // *Известия Алтайского государственного университета*. — 2008. — № 4/2. — С. 7—16.

2. Бугай Н. Ф. Иосиф Сталин — Лаврентию Берии : «Их надо депортировать» / Н. Ф. Бугай. — Москва : Дружба народов, 1992. — 288 с. — ISBN 5-285-000-48-01.
3. Великая Победа советского народа : социально-политический и демографический аспекты / С. В. Рязанцев, В. Н. Иванов и др. — Москва : Изд-во Эконом-Информ, 2020. — 450 с. — ISBN 978-5-907233-70-6.
4. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР / В. Н. Земсков. — Москва : Наука, 2005. — 304 с. — ISBN 978-5-907 233-70-6.
5. История Астраханского края : монография / гл. редактор Н. М. Ушаков. — Астрахань : Изд-во Астраханского государственного педагогического университета, 2000. — 1122 с.
6. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней : в 3 т. — Элиста : Герел, 2009. — Т. 2. — 840 с. — ISBN 978-5-7539-0684-1.
7. Исупов В. А. К вопросу о типах миграции и их соотношении в годы Великой Отечественной войны / В. А. Исупов // Гуманитарные науки в Сибири. — 2016. — Т. 23. — № 1. — С. 12—17. — DOI: 10.15372/HSS20160102.
8. Ишин В. В. Волго-Каспийский регион в годы Великой Отечественной войны / В. В. Ишин. — Астрахань : АПУ, 2001. — 193 с. — ISBN 5-88200-641-4.
9. Кичиков М. Л. Во имя победы над фашизмом. Очерки истории КАССР в годы Великой Отечественной войны / М. Л. Кичиков. — Элиста : Калмиздат, 1970. — 208 с.
10. Конониренко В. А. Переселения на территорию бывшей «немецкой автономии» в годы Великой Отечественной войны в годы Великой Отечественной войны : цели, задачи, реализация / В. А. Конониренко // Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения — 2016. — Т. 16. — Выпуск 3. — С. 354—359. — DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-354-359.
11. Лымарев А. Н. Плановое сельскохозяйственное переселение в Челябинскую область накануне и в годы Великой Отечественной войны / А. Н. Лымарев, Н. П. Палецких // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — 2023. — Т. 23. — № 2. — С. 38—43. — DOI: 10.14529/ssh230205.
12. Максимов К. Н. Великая Отечественная война : Калмыкия и калмыки / К. Н. Максимов. — Москва : Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2007. — 374 с. — ISBN 978-5-02-036723-4.
13. Панин И. И. Астраханская область в годы Великой Отечественной войны / И. И. Панин. — Астрахань : [б. и.], 1995. — 159 с.
14. Полян П. Не по своей воле / П. Полян. — Москва : О.Г.И. — Мемориал, 2001. — 323 с.
15. Убушаев В. Б. Калмыки : выселение, возвращение и возрождение. 1943 — 1959 гг. / В. Б. Убушаев, К. В. Убушаев. — Элиста : Изд-во Калм. ун-та, 2007. — 496 с. — ISBN 978-5-91458-004-6.
16. Чернышева Н. В. Плановое сельскохозяйственное переселение жителей Кировской области во второй половине 1930-х — начале 1940-х гг. / Н. В. Чернышева // Вестник гуманитарного образования. — 2019. — № 1. — С. 21—26. — DOI: 10.25730/VSU.2020. 19. 00.

Статья поступила в редакцию 28.03.2024,
одобрена после рецензирования 10.05.2024,
подготовлена к публикации 15.05.2024.

Material resources

GA AO — *State Archive of the Astrakhan region*. (In Russ.).

References

- Berezhnova, M. L. (2008). The state program of resettlement to the eastern regions of the USSR. 1939—1942: ethnographic aspects. *Proceedings of the Altai State University*, 4/2: 7—16. (In Russ.).
- Bugai, N. F. (1992). *Joseph Stalin — Lavrentia Beria: “They must be deported”*. Moscow: Friendship of Peoples. 288 p. ISBN 5-285-000-48-01. (In Russ.).
- Chernysheva, N. V. (2019). Planned agricultural resettlement of residents of the Kirov region in the second half of the 1930s — early 1940s. *Bulletin of Humanitarian Education*, 1: 21—26. DOI: 10.25730/VSU.2020. 19. 00. (In Russ.).
- History of the Astrakhan region: Monograph*. (2020). Astrakhan: Publishing House of the Astrakhan State Pedagogical University. 1122 p. (In Russ.).
- History of Kalmykia from ancient times to the present day: in 3 volumes*, 2. (2009). Elista: Gerel. 840 p. ISBN 978-5-7539-0684-1. (In Russ.).
- Ishin, V. V. (2001). *Volga-Caspian region during the Great Patriotic War*. Astrakhan: APSU. 193 p. ISBN 5-88200-641-4. (In Russ.).
- Isupov, V. A. (2016). On the question of migration types and their correlation during the Great Patriotic War. *Humanities in Siberia*, 23 (1): 12—17. DOI: 10.15372/HSS20160102. (In Russ.).
- Kichikov, M. L. (1970). *In the name of victory over fascism. Essays on the history of the KASSR during the Great Patriotic War*. Elista: Kalmizdat. 208 p. (In Russ.).
- Kononirenko, V. A. (2016). Resettlement to the territory of the former “German autonomy” during the Great Patriotic War during the Great Patriotic War: goals, objectives, implementation. *Proceedings of the Saratov University. A new series. History. International Relations*, 16 (3): 354—359. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-354-359. (In Russ.).
- Lymarev, A. N., Paletskikh, N. P. (2023). Planned agricultural resettlement to the Chelyabinsk region on the eve and during the Great Patriotic War. *Bulletin of the South Ural State University*, 23 (2): 38—43. DOI: 10.14529/ssh230205. (In Russ.).
- Maksimov, K. N. (2007). *The Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks*. Moscow: Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. 374 p. ISBN 978-5-02-036723-4. (In Russ.).
- Panin, I. I. (1995). *Astrakhan region during the Great Patriotic War*. Astrakhan: [b. i.]. 159 p. (In Russ.).
- Polyan, P. (2001). *Not of his own free will*. Moscow: O.G.I. Memorial. 323 p. (In Russ.).
- The Great Victory of the Soviet people: socio-political and demographic aspects*. (2020). Moscow: Publishing house of Economy-Inform. 450 p. ISBN 978-5-907233-70-6. (In Russ.).
- Ubushaev, V. B. (2007). *Kalmyks: eviction, return and rebirth. 1943—1959*. Elista: Publishing House of Kalm. Unita. 496 p. ISBN 978-5-91458-004-6. (In Russ.).
- Zemskov, V. N. (2005). *Special settlers in the USSR*. Moscow: Nauka. 304 p. ISBN 978-5-907233-70-6. (In Russ.).

*The article was submitted 28.03.2024;
approved after reviewing 10.05.2024;
accepted for publication 15.05.2024.*

Информация для цитирования:

Бодрова Е. В. Эволюция государственной научно-технической политики в СССР во второй половине 1960-х годов / Е. В. Бодрова, В. В. Калинов, В. Н. Красивская // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 363—382. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-363-382.

Bodrova, E. V., Kalinov, V. V., Krasivskaya, V. N. (2024). Evolution of State Scientific and Technical Policy in USSR in Late 1960s. *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 363-382. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-363-382. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Эволюция государственной научно-технической политики в СССР во второй половине 1960-х годов

Бодрова Елена Владимировна¹

orcid.org/0000-0001-7889-3054

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой
гуманитарных и социальных наук
evbodrova@mail.ru

Калинов Вячеслав Викторович²

orcid.org/0000-0002-9709-7720

доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории,
корреспондирующий автор
kafedra-i@yandex.ru

Красивская Валерия Николаевна¹

orcid.org/0000-0003-0107-4717

кандидат исторических наук,
преподаватель, кафедра
гуманитарных и социальных наук
krasivskaya@mirea.ru

¹ МИРЭА — Российский
технологический университет»
(Москва, Россия)

² Российский государственный
университет нефти и газа
(национальный исследовательский
университет) имени И. М. Губкина»
(Москва, Россия)

Evolution of State Scientific and Technical Policy in USSR in Late 1960s

Elena V. Bodrova¹

orcid.org/0000-0001-7889-3054

Doctor of History, Professor,
Head of the Department
of Humanities and Social Sciences
evbodrova@mail.ru

Vyacheslav V. Kalinov²

orcid.org/0000-0002-9709-7720

Doctor of History, Associate Professor,
Head of the Department of History,
Corresponding author
kafedra-i@yandex.ru

Valeriya N. Krasivskaya¹

orcid.org/0000-0003-0107-4717

PhD in History, Lecturer,
Department of Humanities
and Social Sciences
krasivskaya@mirea.ru

¹ MIREA — Russian
Technological University
(Moscow, Russia)

² National University of Oil and Gas
«Gubkin University»
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На основе рассекреченных архивных материалов осуществляется сравнительный анализ состояния научно-технического комплекса СССР и ведущих западных стран в 1960-е годы. Выявляются основные тенденции развития в сфере науки и техники в этот период, и факторы, определившие отставание СССР. В научный оборот вводятся ранее не опубликованные архивные документы. Доказано, что данные, которые были направлены руководству страны ведущими специалистами, учеными Академии наук, свидетельствовали об отставании СССР по ряду важнейших, определяющих темпы научно-технического прогресса направлений. В ряду ключевых факторов торможения специалистами назывались недостаток ассигнований, несоординированность деятельности различных ведомств, отсутствие взаимодействия оборонного и гражданского секторов науки, просчеты в планировании. Формулируется вывод о том, что этот перечень можно дополнить такими причинами, как недостаточная компетентность части руководителей высшего звена государственного управления, ведомственный подход, дефицит специалистов в ключевых направлениях, игнорирование рекомендаций ведущих ученых. Между тем тенденции, обозначившиеся в развитии научно-технической сферы в США и других ведущих странах, свидетельствовали о становлении там национальных инновационных систем как весьма эффективного механизма форсирования научно-технического прогресса.

Ключевые слова:

научно-техническая политика; СССР; научно-технический потенциал; научная сфера.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study conducts a comparative analysis of the state of the scientific and technical complex of the USSR and leading Western countries in the 1960s based on declassified archival materials. It identifies the main trends in science and technology during this period and the factors that led to the lagging behind of the USSR. Previously unpublished archival documents are introduced into scholarly discourse. It is demonstrated that the data sent to the country's leadership by leading specialists and scientists of the Academy of Sciences indicated the USSR's lag in several crucial directions determining the pace of scientific and technical progress. Key hindering factors cited by experts included insufficient funding, lack of coordination among various agencies, absence of interaction between the defense and civilian sectors of science, and planning miscalculations. The conclusion is drawn that this list can be supplemented with reasons such as inadequate competence of some top-level government officials, departmental approach, shortage of specialists in key areas, and disregard for recommendations from leading scientists. Meanwhile, trends in the development of the scientific and technical sphere in the USA and other leading countries indicated the establishment of national innovation systems as highly effective mechanisms for accelerating scientific and technical progress.

Key words:

scientific and technical policy; USSR; scientific and technical potential; scientific sphere.

УДК 94:001.891.573(47+73)“1965/1969”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-363-382

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Эволюция государственной научно-технической политики в СССР во второй половине 1960-х годов

© Бодрова Е. В., Калинов В. В., Красивская В. Н., 2024

1. Введение = Introduction

Критически значимая необходимость разработки оптимальной стратегии научно-технического развития РФ, обретения технологического суверенитета в весьма сложной геополитической ситуации определяет важность изучения отечественного исторического опыта с целью неповторения прежних просчетов и аккумуляции всего позитивного.

Исследователи в настоящее время весьма неоднозначно оценивают как результаты проводимой «косыгинской» реформы, так и весь период эволюции государственной научно-технической политики второй половины 1960-х — первой половины 1980-х годов [Сагателян, 2001; Калимуллин и др., 2017, с. 65—73; Пинаева и др., 2023, с. 428—449]. Г. И. Ханин определяет в качестве одного из важнейших факторов начавшегося, с его точки зрения, торможения в сфере экономики несложившееся взаимодействие гражданских отраслей и ВПК, несформировавшуюся национальную инновационную систему из-за просчетов «бездарного советского руководства 1960—80-х гг.» [Ханин, 2008, с. 79, 387]. Ю. П. Бокарев полагает, что господствующая тогда теория научно-технической революции уводила в сторону от реальных современных тенденций. Сыграли роль и некомпетентность, низкий уровень образования управленцев, и нежелание каких-либо перемен [Бокарев, 2007, с. 124]. Исследователь Д. Б. Кувалин формулирует вывод о том, что ЦК КПСС в 1960-е годы начал терять контроль над экономической политикой ведомств, которые все в большей степени определяли конкретные экономические задачи, автор видит именно в этом главную причину торможения [Кувалин, 2009, с. 72]. Отдельное внимание исследователей привлекают сюжеты, связанные с развитием вычислительной техники в этот период [Прохоров, 2023, с. 980—989; Крайнева, 2023, с. 37—48; Бодрова и др., 2024, с. 364—380]. Г. А. Быковская называет в качестве нового момента в этот период государственной научно-технической политики слияние деятельности партийно-государственных и научных функционеров [Быковская, 2005, с. 316].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В публикуемой статье в качестве базовой принята теория модернизации. Одним из главных ее положений является взаимосвязь экономического развития и изменений политического характера. Исследование показало, что за вторую половину 1960-х годов было утверждено значительное количество партийно-государственных документов, предполагающих «ускорение» научно-технического прогресса. Как общегосударственный приоритет была определена интенсификация производства на путях научно-технической революции (НТР). Так, например, Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 4 октября 1965 года разрешало осуществлять плановые затраты предприятий на научно-исследовательские и опытно конструкторские работы (НИОКР) за счет средств фонда освоения новой техники, выделять единовременно дополнительные средства с целью повышения качества, надежности выпускаемой продукции [КПСС в резолюция...1986, с. 466]. В сентябре 1968 года разрабатывались меры с целью усиления связи науки и производства [Решения...1970, с. 317—322]. Создавались поощрительные фонды за счет средств, полученных от внедрения результатов НИОКР, хозрасчетные производственно-технические объединения и научно-исследовательские институты на крупных предприятиях. В декабре 1969 года Л. И. Брежнев заявил о том, что именно в области научно-технического прогресса пролегает «один из главных фронтов исторического соревнования двух систем» [Брежнев, 1973, с. 346]. Однако исследователь И. Г. Сагателян указывает на четко обозначившуюся тогда тенденцию: руководители предприятий не стремились к инновациям, за 1965—1970 годы примерно треть из всех опытных образцов, разработанных научно-исследовательскими институтами (НИИ) и конструкторскими организациями, не была принята к серийному производству, на местах усиливалось сращивание государственных и партийных структур, ширились масштабы теневой экономики [Сагателян, 2001, с. 16]. Об этом же писал и Н. К. Байбаков: руководство предприятий было не заинтересовано в новых технологиях, проще было повысить цены на продукцию, увеличить объемы выпуска, но не заботиться о ее качестве [Байбаков, 1998, с. 184—185].

К настоящему времени рассекреченные документы из фонда ЦК КПСС Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) позволяют с большей степенью достоверности оценить результаты реализации планов и степень осведомленности руководителей страны о реальном положении дел.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общая характеристика научно-технического потенциала

Ко второй половине 1960-х годов в СССР был создан мощный научно-технический потенциал. Сеть научно-исследовательских учреждений

Академии наук СССР (АН СССР) значительно расширилась. Было организовано Сибирское отделение АН СССР и созданы филиалы: Кольский, Коми, Уральский, Карельский, Дагестанский, Башкирский; построены научные центры под Москвой и Ленинградом (Пушино, Черноголовка, Красная Пахра, Фрязино, Гатчина, Пулково, Колтуши и др.). Численность сотрудников АН СССР в 1968 году достигла 106 тыс. чел. Только в Москве и Ленинграде число научных сотрудников за предыдущие 15 лет выросло с 7,5 тыс. чел. до 27,5 тыс. чел. Планировался значительный рост научных центров под Москвой. Численность научных сотрудников в Москве и Московской области должна была увеличиться до 100 тыс. чел. [РГАНИ, ф. 5, оп. 60, д. 41, л. 21—22]. Рост бюджетных ассигнований на науку вырос с 1960 по 1965 годы в 2 раза [Народное... 1968, с. 889], число работников научной сферы увеличилось до 644 тыс. чел. [Там же, с. 812].

В Советском Союзе сформировался культ высшего технического образования. Система высшего образования обладала несомненными преимуществами: обучение было бесплатным, эффективной — система отбора абитуриентов. Само понятие «целевая подготовка» появилось в 1960-е годы, и эта инициатива доказала свою целесообразность. Исследователи справедливо подчеркивают, что организация целевого обучения рассматривалась в качестве элемента государственного управления образованием, была направлена на решение кадровых вопросов определенных предприятий и организаций, на «доведение» выпускника образовательной организации до заранее намеченного места работы [Кудж и др., 2020, с. 112—128].

В стране была создана мощная сеть научно-технических обществ (НТО). Только за 1966 год организациями НТО было прочитано более 700 тыс. лекций, организовано около 180 тыс. курсов, школ и семинаров, в работе которых приняли участие около 4 млн человек. НТО издавали сами или совместно с министерствами 53 научных и научно-технических журнала. Активно работало Общество изобретателей и рационализаторов, воссозданное в 1958 году [АРАН, ф. 1, оп. 36, д. 358, л. 83].

Но П. Л. Капица справедливо указывал, что по такому критерию, как количество публикаций в ведущих областях естественных и технических наук в основных научных журналах, СССР, занимая 2 место, отставал в 2 раза при примерном равенстве в числе научных сотрудников [Капица, 1981, с. 205].

Результаты внедрения научно-технических разработок также невозможно оценить однозначно. Если по качественному уровню военная техника по ряду направлений не уступала уровню ведущих западных стран или отставала всего на несколько лет, то конкурентоспособной продукции гражданского машиностроения производилось крайне мало [Ханин,

2008, с. 224—225]. Фиксировался определенный прогресс в разработке приборов по ряду ведущих направлений научного приборостроения. Так, на Сумском заводе электронных микроскопов и средств автоматики было освоено серийное производство электронного микроскопа «УЭМ-100», в НИИ физических проблем в 1968 году был создан лабораторный образец электронного микроскопа высшего класса «УЭМ-100Л», в СКБ рентгеновской аппаратуры Минприбора совместно с Институтом машиноведения был разработан впервые в СССР теневой рентгеновский микроскоп «МИР-I» и т. д. [РГАЭ, ф. 9480, оп. 9, д. 877, л. 6—7].

3.2. Заключение специалистов АН СССР о необходимости реорганизации научно-технической сферы

Одновременно, как свидетельствуют документы, Президент АН СССР М. В. Келдыш не единожды пытался обратить внимание на слабое оснащение заводов современным оборудованием, значительные сроки освоения промышленностью принятых к серийному производству приборов [Там же, л. 10]. Так, предприятия Министерства приборостроения не сумели внедрить ни одну из разработок, подготовленных в конструкторских бюро АН СССР в 1965—1968 годах [Там же, л. 10—11]. Автор вынужден был признать, что в конце 1960-х годов отечественное приборостроение отставало от уровня, достигнутого к этому времени США, в среднем на 15—20 лет [Там же, л. 23]. Из приведенных в таблице данных (табл. 1) видно, что доля затрат на приборы и средства автоматизации была в среднем в 3—4 раза ниже, чем в США [Там же].

Таблица 1

Доля затрат на приборы и средства автоматизации
в процентах от общего объема капиталовложений
по некоторым отраслям промышленности

	1955 г.		1970 г.	
	США	СССР	Прогноз	План
			США	СССР
Черная металлургия	3	0,5	20	3,5
Цветная металлургия	8	0,5	14	2,0
Химическая промышленность	10	2,6	21	8,0

1 октября 1968 года академиком М. В. Келдышем были подготовлены предложения [РГАНИ, ф. 5, оп. 60, д. 103, л. 34], которые могли бы, по его мнению, способствовать ускорению научно-технического прогресса. Речь шла об улучшении системы планирования и финансирования научно-

исследовательских работ (НИР), усовершенствовании системы планирования работы предприятий, выделении производства общемашиностроительной продукции в самостоятельную отрасль, о принятии специальных мер по развитию производства вычислительных машин и их внедрению в народное хозяйство и т. д. Среди необходимых мероприятий была названа «правильная политика цен», стимулирующая новую продукцию и ее высокое качество. Наряду с экономическими мерами, следовало повысить ответственность министерств и ведомств за выполнение планов развития науки и техники и планов внедрения новой техники на предприятиях, так как они, констатировал автор, систематически не выполнялись. С целью повышения качества продукции предлагалось повысить значение установления стандартов и применять экономические и административные санкции в случае выпуска продукции, не соответствующей стандартам. Академик настаивал на улучшении в целом структуры промышленного производства, с тем чтобы добиться опережающего развития отраслей, лежащих в основе современного технического прогресса [Там же, л. 35].

Особое внимание М. В. Келдыш вновь акцентировал на необходимости разработки специальных мер по развитию машиностроения, приборостроения и средств автоматизации. Наибольшее отставание наблюдалось в СССР в развитии приборостроительной промышленности, объем производства которой в 1965 году составил 2,1 млрд руб., в то время как в США — 8 млрд долларов. Между тем без должного развития приборостроения не могла достойно осуществляться автоматизация производства, которая являлась одним из основных рычагов, повышающих производительность труда и обеспечивающих интенсификацию технологических процессов. Обеспокоенность Президента Академии наук вызывало и состояние научного приборостроения. Оснащенность советских институтов и лабораторий техническими средствами серьезно отставала не только по количеству, но и, главным образом, по классу приборов. В отношении наиболее совершенных научных приборов, таких как ультрацентрифуги, различные спектральные приборы, электронные микроскопы и другие, страна в «сильнейшей степени зависела от импорта [Там же, л. 36]. Подчеркивая особую роль электронной вычислительной техники в эпоху научно-технической революции (НТР), М. В. Келдыш указывал на значительное отставание в ее производстве и использовании. Объем выпуска электронно-вычислительных машин (ЭВМ) в СССР оказался в 22 раза меньше, а парк установленных и действующих ЭВМ — в 20 раз меньше, чем в США. Технический уровень внешних устройств вычислительных машин, производимых в СССР, отставал от лучших зарубежных образцов на 7—8 лет. Кроме того, многие виды оборудования для ЭВМ в стране еще не были

освоены [Там же, л. 37]. Несмотря на ряд принятых решений, темпы развития разработок и производства вычислительной техники были совершенно недостаточными. Крайне медленно внедрялись средства вычислительной техники в планирование и управление народным хозяйством, отдельными отраслями производства и предприятиями. Автором были отмечены некоторые сдвиги в этой сфере: за 2,5 года текущей пятилетки в СССР было создано 30 автоматизированных систем планирования, учета и управления на предприятиях, 40 систем управления технологическими процессами, 75 информационно-вычислительных центров и 50 вычислительных центров для решения научных задач и проведения инженерных и планово-экономических расчетов. Но темпы технического прогресса определялись в конечном счете затратами на научные исследования и технические разработки, а они в этой области в СССР были значительно ниже, чем в США. Так, в 1965 году общие расходы на научно-технические работы (включая капитальные вложения) в СССР составили 6,9 млрд руб., а в США они достигали (без затрат на гуманитарные исследования) 24 млрд дол. Удельный вес общих затрат на науку в национальном доходе СССР в 1965 году составил 3,6 %, в то время как в США — 5,8 %.

Представляют интерес для нашего исследования данные, которые назывались М. В. Келдышем относительно расходов на оборонную науку. Как в США, так и в СССР на эти цели расходовалось в то время около 2/3 от общих затрат на науку. Оборонные министерства в СССР часть средств использовали на разработку мирной продукции, и, наоборот, министерства, координируемые Комитетом по науке и технике, тратили часть средств на разработку военной техники. Анализ данных показывает, что на технический прогресс в гражданских отраслях промышленности расходовалось около трети или даже несколько менее от общих средств, выделяемых на технический прогресс в целом [Там же, л. 38—39]. Количество научных разработок в СССР и США автор оценивал как примерно одинаковое. Но большие средства, отпускаемые на науку, позволяли США значительно лучше оснащать лаборатории и институты приборами и другим научным оборудованием и тем самым создавать лучшие условия для повышения производительности труда ученых. Причем советские ученые, посещавшие научные учреждения США и других развитых стран, это обстоятельство подчеркивали.

Автором предлагалось учесть одновременно целый ряд обстоятельств. США в эти годы имели широкую техническую кооперацию с Англией, ФРГ, Японией и Францией, в особенности в области мирных отраслей промышленности. Это выражалось в совместной разработке ряда проблем, в покупке производства и взаимной продаже лицензий, что увеличивало

технический потенциал США. ФРГ, Япония, Англия и Франция вместе тратили на технический прогресс около трети от расходов США на эти цели, то есть несколько больше, чем СССР. Кроме того, объем импорта в США более чем в 4 раза превышал объем импорта в СССР. В США он составлял 6 % от общего объема национального дохода, в СССР — 2,8 %. Это также повышало технический потенциал США в сравнении с СССР. Результаты ряда технических разработок в оборонной промышленности в СССР находили применение в гражданском секторе промышленности медленнее, чем в США. В качестве причин академиком были названы: «излишне строгая политика секретности» в отношении элементов и агрегатов, которые уже были разработаны и в США, а также «недостаточная активность» гражданских ведомств [Там же].

Президент АН СССР для достижения опережающих темпов научно-технического прогресса считал необходимым увеличение ассигнований именно на научно-технические разработки. Эти средства, по его мнению, было возможно частично изыскать за счет прибылей от производства промышленной продукции. Одновременно требовалось, по его мнению, активизировать работу по следующим направлениям: улучшить кооперацию в сфере новых научно-технических разработок со странами Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), форсировать работу по закупке лицензий в капиталистических странах и их использованию, наладить систему передачи опыта оборонной промышленности в мирные отрасли, создав с этой целью специальный орган при Комитете по науке и технике и военно-промышленной комиссии при Совете Министров СССР. Так как закупка лицензий, технологических процессов и использование «других путей использования достижений зарубежной науки и техники» требовали ассигнований в валюте, автором предлагалось рассмотреть вопрос об организации специальных экспортных производств с использованием при этом сырьевых ресурсов и других природных богатств [Там же, л. 40].

В качестве необходимой меры называлось также «упорядочение» заработной платы в научных учреждениях, прежде всего инженерно-технического и вспомогательного персонала в НИИ и проектно-конструкторских учреждениях. В институтах ряда республиканских академий наук должностные оклады лаборантов были установлены в размере от 60 до 74 руб., младшим научным сотрудникам без степени выплачивали от 83 до 98 руб. Низкая зарплата приводила к текучести и дефициту кадров [Там же, л. 41—42].

Предложения и соображения, изложенные в записке М. В. Келдыша, согласно резолюции заведующего отделом машиностроения ЦК КПСС В. С. Фролова, были учтены при подготовке материалов для совещания в ЦК КПСС по вопросу ускорения научно-технического прогресса в стра-

не. Но датирован был этот комментарий был лишь 26 февраля 1970 года [Там же, л. 43].

3.3. Основные тенденции в развитии научно-технической сферы в ведущих капиталистических странах

Изученные нами материалы позволяют сформулировать вывод о том, что во многом автор рассмотренной нами выше докладной записки основывался на материалах, подготовленных сотрудниками Института мировой экономики и международных отношений АН СССР и направленных 27 июня 1968 года заведующему Отделом оборонной промышленности ЦК КПСС И. Д. Сербину [РГАНИ, ф. 5, оп. 60, д. 147, л. 3—53 об]. В докладе были представлены данные о перспективах развития экономики и научно-технического прогресса в капиталистических странах до 1975—1980 годов. Авторы — чл.-корр. АН СССР Н. Н. Иноземцев, доктор экономических наук С. М. Меншиков и кандидат экономических наук В. И. Стригачев — использовали официальные материалы национальной статистики, данные Организации экономического сотрудничества и развития, ЮНЕСКО и других международных организаций. Но документ был направлен в ЦК КПСС с грифом «Секретно».

В ряду особенностей развития научных исследований и образования в ведущих капиталистических странах авторами назывались все увеличивающиеся ассигнования в сферу проведения научных исследований и разработок новой техники и технологий. Так, в 1950—1966 годах расходы США на эти цели выросли с 3 млрд дол. до 22,2 млрд дол. (в 7,4 раза), за период 1931—1966 годов — в 73,3 раза. Быстрыми темпами увеличивались расходы и во Франции, Англии, Италии, Японии, ФРГ. Росли не только абсолютные размеры расходов на науку, но и увеличивалась их доля в валовом национальном продукте, в объеме капложений.

Авторы указывали на увеличившуюся численность профессионально занятых проведением научных исследований. Так, в США к 1965 году число научных работников и инженеров, занятых в НИОКР, достигло 500 тыс. чел.

В докладе подчеркивалось, что объем исследовательских работ в той или иной стране стал довольно точной характеристикой уровня ее экономического развития. Перспективы экономического роста тесно связывались с дальнейшим масштабированием НИОКР, ростом численности научных работников, проведением мероприятий по увеличению производительности труда ученых. Согласно оценкам американских специалистов, в 1965 году в мире насчитывалось около 5 млн ученых и инженеров. По прогнозу некоммерческой исследовательской корпорации «RAND», составленному в конце 1967 года, общая численность высококвалифициро-

Таблица 2

Расходы на НИОКР в 1960—1965 годы
[Там же, л. 4—4об]

Расходы на НИОКР	США	Англия	Франция	ФРГ	Япония	Италия	Швеция
Млрд дол.							
1960 г.	13,7	1,62	0,57	1,0	0,51	—	0,18
1965 г.	20,5	2,16	1,82	2,0	1,34	0,3 (1963)	1,26 (1964)
В % от ВВП							
1960 г.	2,7	2,68	1,0	1,3	1,14	—	1,48
1965 г.	3,0	2,67	1,9	2,1	1,54	0,5 (1963)	1,5 (1964)
В % от объема капвложений							
1960 г.	15,1	15,0	4,6	5,3	3,6	—	4,4
1965 г.	15,9	13,0	8,6	7,9	4,9	2,4	4,2

Таблица 3

Научные работники, инженеры, занятые в сфере исследований и разработок в США [Там же, л. 5]

Сфера занятости	Тысяч человек			
	1954 г.	1958 г.	1961 г.	1965 г.
Всего в стране, в том числе	237	356	429	1965
Система образования	30,0	42,5	51,7	66,0
Организация федерального правительства	37,6	50,2	55,1	69,0
Бесприбыльные организации	5,3	7,2	10,8	17,4
Частная промышленность, в том числе	164,1	256,1	312,0	351,1
Авиа-и ракетостроение	—	58,6	81,4	101,2
Химическая	—	31,0	37,3	41,4
Электротехническая и электроника	—	47,9	71,9	74,8
Общее машиностроение	—	27,4	31,5	43,6
Транспортное машиностроение	—	15,0	19,5	24,7
Приборостроение	—	11,0	14,5	16,5

ванного персонала, занятого исследованиями и освоением их результатов во всем мире, к концу столетия должна была достигнуть 25 млн чел. Авторы прогноза предполагали, что общий объем продукции в сфере НИОКР увеличится по сравнению с 1965 годом в 10 раз [Там же].

Одновременно в докладе подчеркивалась такая явно определившаяся тенденция, как усиление роли государства в развитии научных исследований: «В послевоенный период научные исследования становятся одним из основных орудий в руках правительств капиталистических государств в борьбе за достижение экономических, военных и политических целей» [Там же, л. 6].

Наиболее ярко процесс «огосударствления науки» проявился в финансировании научных исследований. Рост стоимости НИР, особенно в таких областях, как исследования космического пространства, разработка сложных видов военной техники, фундаментальные исследования, вел к постоянному усилению роли бюджетных средств в финансировании науки. В США, Франции, Англии и ФРГ за счет государства финансировалось 60—75 % общего объема исследовательских работ. За 1940—1965 годы в США доля расходов на науку в государственном бюджете возросла в 18 раз и достигла к 1965 году 15 % [Там же, л. 60б].

С целью развития исследовательских работ государство создавало фискальное законодательство, предусматривающее ускоренную амортизацию частных капиталовложений в науку. Текущие расходы фирм на научные исследования высчитывались из суммы облагаемых налогами прибылей. Государство на льготных условиях предоставляло кредиты частным фирмам для создания и расширения лабораторной базы. В послевоенный период в ряде стран началось развитие именно государственной научной базы. Наибольшего развития этот процесс достиг во Франции, где к середине 1960-х годов более 50 % национального объема НИР было сосредоточено в институтах и лабораториях принадлежащих государству ведомств. Практически во всех промышленно развитых странах были созданы специальные органы по разработке и осуществлению государственной политики в научных исследованиях (от комиссий и комитетов в парламентах, министерств по науке до специальных отделов по развитию научных исследований в рамках отраслевых министерств). В США и в других странах ответственные за руководство научными исследованиями в национальных масштабах вошли в число ближайших советников глав государств. Сфера деятельности правительственных органов включала финансирование научных исследований, подготовку научных кадров, стимулирование роста и повышения результативности научных исследований, проводимых в частном секторе, участие в деятельности международных научно-исследовательских организаций, регулирование

процессов международного научно-технического обмена (экспорт — импорт лицензий на изобретения), разработку перспективных планов и прогнозов развития науки и другие направления.

Активизации инновационных процессов способствовало также проведение мероприятий по поощрению интереса молодежи к карьере ученого. Увеличивалось количество стипендий для студентов, аспирантов и докторов наук, особенно по тем научным дисциплинам, развитие которых представляло интерес для укрепления экономического и военного потенциала страны. За предыдущие 5—10 лет была создана широкая сеть государственных статистических служб, которые собирали и анализировали различную информацию о результативности исследовательских работ, количестве научного персонала, размерах и структуре материальных затрат на НИОКР и т. п. Развитие такой сети позволяло государственным органам по планированию и осуществлению научной политики оказывать активное воздействие на масштабы, направленность и перспективы развития НИР [Там же, л. 7—7 об].

Причем как в США, так и в других странах с высокой долей участия правительственных органов в финансировании исследований и разработок основная часть госбюджетных ассигнований на науку была связана с наращиванием военного потенциала.

Таблица 4

Доля государственных военных расходов
в общем объеме финансирования науки (в %)
[РГАНИ, ф. 5, оп. 60, д. 147, л. 8]

Страна	Год	Государственные расходы	Расходы на исследования и разработки в военной, космической и атомной технике
США	1964	64,0	63,0
Франция	1963	64,0	45,0
Англия	1964	54,0	40,0
Швеция	1964	48,0	34,0
ФРГ	1964	41,0	17,0
Италия	1963	33,0	21,0

Одновременно научные исследования в послевоенный период стали одним из важнейших элементов деятельности и частных фирм. Их экономические успехи во многом были связаны с масштабами НИОКР. Постоянно увеличивающиеся расходы фирм на научные исследования превращались в одно из важнейших направлений их инвестиционной политики [Там же, л. 9].

Изученные данные демонстрируют, что в частном бизнесе США было сосредоточено 70 % всех затрат на исследования и разработки и почти столько же занятых в исследованиях научных работников и инженеров страны. В промышленности до 97 % затрат приходилось на обрабатывающие отрасли. Свидетельствовали материалы и о постоянном росте «научоёмкости» продукции в большинстве отраслей. Наиболее интенсивно развивались исследования и разработки фирмами электротехнической, электронной, химической и авиаракетной промышленности. В электротехнической промышленности в целом «научоёмкость» за первую половину 1960-х годов повысилась с 7,6 % до 9,5 %, в том числе в производстве средств связи и электронного оборудования — с 11% до 12 %, в авиаракетной — с 16,8% до 26,6 %, в приборостроении — с 7 % до 8,15 %. За 1957—1965 годы численность научных работников и инженеров, занятых исследованиями и разработками в лабораториях и центрах фирм электронной и электротехнической промышленности, выросла в 1,74 раза, авиаракетной — в 1,72 раза, химической — в 1,41 раза [Там же, л. 10].

В Японии, Англии и ФРГ исследованиями и разработками в электротехнической и электронной промышленности в 1964 году было занято в каждой из стран по 30 тыс. научных работников, инженеров и дипломированных техников, во Франции — 16 тыс., Италии — 5 тыс. чел. В Японии в 1964 году исследованиями в химической промышленности было занято 32 тыс. научных работников, инженеров и квалифицированных техников, или в 1,5 раза больше, чем в Англии, ФРГ, Франции. Причем в электротехнических, электронных, авиастроительных, приборостроительных фирмах численность персонала, занятого проведением исследований и разработок, достигала 10—15 % от общей численности производственного и административного персонала.

Значимым явлением авторам представлялось и все большее развитие прогнозирования НТП, которое промышленные корпорации США и стран Западной Европы стали осуществлять с начала 1960-х годов. Результаты использовались для установления целей исследований, оценки и отбора исследовательских проектов, улучшения организации цикла исследований, выбора наиболее эффективных направлений развития производства, ускорения внедрения результатов исследований. Сроки прогнозирования составляли от 5 до 20 лет и более [Там же, л. 14об]. В небольшом числе наиболее динамичных и заинтересованных в расширении фирм расходы на прогнозирование доходили до 10 % расходов на научные исследования и разработки. Сам факт, что коммерческие компании шли на такие издержки, являлся убедительным показателем их эффективности.

В послевоенный период прогнозированием НТП заинтересовались правительства. Первоначально по поручению правительства эти прогнозы были связаны прежде всего с военно-стратегическими планами. В начале 50-х годов корпорация «RAND» и другие организации приступили к разработке методов прогнозирования науки, техники и демографических изменений.

В 1964 году, согласно американским данным, 75 % фирм, участвующих в проведении НИОКР, имели долгосрочные планы развития исследований. Наиболее распространенным периодом планирования являлось 5—6 лет. В проведении фундаментальных исследований такой период достигал 10 и более лет.

Для эффективного развития научных исследований первоочередное значение имеет определение правильного соотношения в распределении средств между фундаментальными и прикладными разработками. В связи с этим составители доклада определяли в качестве наиболее универсальной и сбалансированной сложившуюся в США систему исследований и разработок, причем с 1953 года там наблюдался неуклонный рост фундаментальных исследований [Там же, л. 25об].

В качестве одной из ведущих тенденций в научной сфере экспертами называлось усиление значения фундаментальных исследований. Так, в 1963—1964 годах эти расходы в США составили 12,4 %, в Англии — 12,5 %, во Франции — 17,3 % от общих затрат на науку. В США за 1953—1965 годы общие расходы на фундаментальную науку выросли с 0,4 до 2,4 млрд дол. в год. Госбюджетные расходы в США на фундаментальные исследования за 1956—1966 годы увеличились в 10 раз и достигли 2,05 млрд дол. [Там же, л. 11]. Причем в отличие от СССР основной объем фундаментальных исследований был сосредоточен в лабораториях и центрах вузов. Одновременно большое внимание уделялось материально-техническому оснащению исследований. Согласно данным американских специалистов, количество научной аппаратуры, используемой для проведения фундаментальных исследований в области химии за предыдущие 10—12 лет выросло в 6 раз. Наиболее быстрыми темпами росло применение инфракрасных спектрометров, спектрометров, газовых хроматографов. Согласно прогнозу Национальной Академии наук США, размер государственного финансирования фундаментальных исследований в области химии, проводимых американскими университетами, должен был увеличиться с 50 млн дол. в 1964 году до 120 млн дол. в 1968 году. В дальнейшем планировался ежегодный рост на 25 % [Там же, л. 12—13]. Поддерживало государство и фундаментальные исследования в области физики. В 1965 году расходы, связанные с эксплуатацией 8 крупнейших американских ускорителей элементарных частиц, составили 152 млн руб. Общий расход на все виды фун-

даментальных исследований в области физики в 1963—1969 годах должен был, согласно прогнозам, увеличиться в 2,3 раза.

В докладе заявлялось об особой поддержке правительством США оснащения фундаментальных исследований в области электронно-вычислительной техники. За 1957—1964 годы число вычислительных центров, принадлежащих американским вузам, выросло в 10 раз. К 1965 году в университетах и колледжах США насчитывалось 889 ЭВМ различного типа. Согласно прогнозу Национальной Академии наук США, мощность вычислительных центров университетов должна была к концу 1968 года возрасти по сравнению с 1964 годом примерно в 2 раза. Финансовая поддержка федерального правительства, выделенная на оснащение университетов вычислительными центрами, выросла со 105 млн дол. в год (1964 год) до 180 млн дол. в 1968 году [Там же, л. 13об—14]. Согласно прогнозам зарубежных специалистов, начиная с 1970-х годов расходы по созданию и эксплуатации ЭВМ должны были стать одним из важнейших видов капиталовложений. На долю расходов, связанных с ЭВМ, прогнозировалось выделение около 10 % общих капиталовложений. В период 1975—1980 годов промышленность США по производству ЭВМ должна была стать третьей по своему обороту отраслью после нефтяной и автомобильной [Там же, л. 35].

Добавим, что, несмотря на значимые достижения СССР первой половины 1960-х годов в сфере развития вычислительной техники, отставание от США и ряда других стран преодолеть не удавалось. Так, в письме, направленном в ЦК КПСС в ноябре 1967 года молодыми учеными из сферы разработок ЭВМ, констатировалось «крайне неблагоприятное положение дел» с производством и применением электронных вычислительных машин, акцентировалось особое внимание на дефиците специалистов, на недостаточных объемах и низкой производительности ЭВМ [РГАНИ, ф. 5, оп. 59, д. 111, л. 161—162]. В США в 1967 году эксплуатировалось более 40 000 ЭВМ, в СССР — лишь 1470 [Там же, л. 167]. В это же время академики Н. Н. Боголюбов, А. П. Александров, И. И. Артоболевский, А. И. Берг и другие, настаивая на необходимости срочного принятия организационных мер, также писали о долгом процессе разработок и их внедрения, неотработанных конструкциях. Отмечалась авторами и высокая стоимость производства [Там же, л. 180].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, ставшие доступными для изучения в настоящее время архивные документы позволяют с большей степенью достоверности оценить состояние научно-технического потенциала СССР. Кроме того, содержащиеся в них данные дают возможность определить основные тенденции

в развитии научно-технической сферы в ведущих капиталистических странах в 1960-е годы. Данные, которые были направлены руководству страны ведущими специалистами, учеными Академии наук, свидетельствовали как о достижениях, так и об отставании страны по ряду важнейших направлений, определяющих темпы научно-технического прогресса. В ряду важнейших факторов торможения специалистами назывались недостаток ассигнований, нескоординированность деятельности различных ведомств, просчеты в планировании. Дополним этот перечень такими причинами, как недостаточная компетентность части руководителей высшего звена государственного управления, ведомственный подход, дефицит специалистов в ключевых направлениях, игнорирование рекомендаций ведущих ученых, которые предлагали, помимо увеличения финансирования, активизировать кооперацию в этой сфере со странами СЭВ; масштабировать закупки лицензий в капиталистических странах и их эффективно использовать; обеспечить интеграцию в сфере научно-технической деятельности соответствующих организаций ОПК и гражданских отраслей, наладив координацию этих работ со стороны центральных органов государственного управления; создать более оптимальную систему материального стимулирования ученых; использовать позитивный зарубежный опыт. Между тем тенденции, обозначившиеся в развитии научно-технической сферы в США и других ведущих странах, свидетельствовали о становлении там национальных инновационных систем как весьма эффективного механизма форсирования НТП. Функциями государственных органов в этом случае становилось не только финансирование научных исследований и подготовка научных кадров, но и стимулирование объемов и форсирования процессов внедрения результатов НИОКР в производство в частном секторе; поддержка создания адекватной требованиям времени инфраструктуры; регулирование процессов международного научно-технического обмена; совершенствование системы патентования; разработка перспективных планов и прогнозов развития науки и др. Результатом явился постоянный рост «накоёмкости» продукции в большинстве отраслей.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АРАН — *Архив* Академии наук. Ф. 1 (Стенограммы заседаний Президиума АН СССР). Ф. 1. Оп. 36. Д. 358. Л. 83.

2. *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом : Речи и статьи / Л. И. Брежнев. — Москва : Политиздат, 1973. — Т. 2. — 608 с.
3. *КПСС* в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898—1988). — 9-е изд., доп. и испр. — Москва : Политиздат, 1986. — Т. 10. — 493 с.
4. *Народное хозяйство СССР в 1967 году.* — Москва : Статистика, 1968. — 1007 с.
5. *РГАНИ* — *Российский* государственный архив новейшей истории. Ф. 5 (Аппарат ЦК КПСС). Ф. 5. Оп. 59. Д. 111. Л. 161—162, 167, 180 ; Оп. 60. Д. 41. Л. 21—22 ; Д. 103. Л. 34—40, 42, 43 ; Д. 147. Л. 3—63 об.
6. *РГАЭ* — *Российский* государственный архив экономики. Ф. 9480. (Государственный комитет Совета Министров по науке и технике). Ф. 9480. Оп. 9. Д. 877. Л. 6—7, 10—11, 23.
7. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сборник докладов* : июль 1968 г. — 1969 г. — Москва : Политиздат, 1970. — Т. 7. — 686 с.

Литература

1. *Байбаков Н. К.* От Сталина до Ельцина / Н. К. Байбаков. — Москва : ГазОйл пресс, 1998. — 351 с. — ISBN 5-87719-012-1.
2. *Бодрова Е. В.* Изменение правительственного курса в отношении развития вычислительной техники в СССР во второй половине 1960-х годов / Е. В. Бодрова, В. В. Калинов // *Научный диалог.* — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 364—380. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-364-380.
3. *Бокарев Ю. П.* СССР и становление постиндустриального общества на Западе 1970—1980-е годы / Ю. П. Бокарев. — Москва : Наука, 2007. — 380 с. — ISBN 5-02-035261-6.
4. *Быковская Г. А.* Исторический опыт разработки и реализации партийно-государственной политики в Российской Федерации (1917—1991 гг.) : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Г. А. Быковская. — Москва, 2005. — 611 с.
5. *Калимуллин Р. Р.* Организационная структура промышленности и научно-техническая политика СССР в 1960—1970-е годы / Р. Р. Калимуллин, Р. А. Мухамедов // *Трансформация российского общества в условиях социально-политических катаклизмов : история и современность* (к 100-летию Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революций) : сборник материалов межвузовской научной конференции. — Москва : МИИТ, 2017. — С. 65—73. — ISBN 5-7228-0048-1.
6. *Капица П. Л.* Эксперимент, теория, практика / П. Л. Капица. — Москва : Наука, 1981. — 495 с.
7. *Крайнева И. А.* Научно-техническая политика в области вычислительной техники в период позднесоветской модернизации 1960—1980-е гг. / И. А. Крайнева // *История науки и техники.* — 2023. — № 5. — С. 37—48. — DOI: 10.25791/intstg.5.2023.1420.
8. *Кувалин Д. Б.* Экономическая политика и поведение предприятий : механизмы взаимного влияния / Д. Б. Кувалин. — Москва : МАКС пресс, 2009. — 319 с. — ISBN 978-5-317-02938-8.
9. *Кудж С. А.* О совершенствовании механизмов подготовки научно-педагогических кадров и перспективы целевого обучения в интересах вузов / С. А. Кудж, Н. Б. Голованова // *Российский технологический журнал.* — 2020. — № 8 (4). — С. 112—128. — DOI: 10.32362/2500-316X-2020-8-4-118.
10. *Пинаева Д. А.* Плановые инновации : предложения по повышению эффективности изобретательства в СССР в середине 1950-х — конце 1960-х годов / Д. А. Пинаева.,

Э. Р. Салахутдинова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 428—449. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-428-449.

11. Прохоров С. П. Основополагающий вклад Академии наук в становление компьютерных наук и компьютерных технологий / С. П. Прохоров // Вестник РАН. — 2023. — Т. 93. — № 10. — С. 980—988. — DOI: 10.31857/S0869587323100092.

12. Сагателян И. Г. Советская промышленность : проблемы соревнования и мотивации труда (1960—1970 гг.) / И. Г. Сагателян. — Москва : Звезда, 2001. — 106 с. — ISBN 5-88387-051-7.

13. Ханин Г. И. Экономическая история России : монография : в 2 т. / Г. И. Ханин. — Новосибирск : Новосиб. гос. техн. ун-т. 2008. — Т. 1. — 515 с. — ISBN 978-5-7782-0903-9.

Статья поступила в редакцию 25.03.2024,
одобрена после рецензирования 16.05.2024,
подготовлена к публикации 21.05.2024.

Material resources

ARAN — *Archive of the Academy of Sciences. F. 1 (Transcripts of meetings of the Presidium of the USSR Academy of Sciences). F. 1. Op. 3b. D. 358. L. 83.* (In Russ.).

Brezhnev, L. I. (1973). *Lenin course: Speeches and articles*, 2. Moscow: Politizdat. 608 p. (In Russ.).

Decisions of the party and the government on economic issues: Sat. doc. July 1968 — 1969, 7. (1970). Moscow: Politizdat. 686 p. (In Russ.).

National economy of the USSR in 1967. (1968). Moscow: Statistics. 1007 p. (In Russ.).

RGAE — *Russian State Archive of Economics.* (In Russ.).

RGANI — *Russian State Archive of Modern History.* (In Russ.).

The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1898—1988), 10. (1986). Moscow: Politizdat. 493 p. (In Russ.).

References

Baibakov, N. K. (1998). *From Stalin to Yeltsin*. Moscow: GazOil Press. 351 p. ISBN 5-87719-012-1. (In Russ.).

Bodrova, E. V., Kalinov, V. V. (2024). Shift in Government Policy Regarding Computer Technology Development in USSR in Late 1960s. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 364—380. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-364-380. (In Russ.).

Bokarev, Yu. P. (2007). *The USSR and the formation of post-industrial society in the West in the 1970s and 1980s*. Moscow: Nauka. 380 p. ISBN 5-02-035261-6. (In Russ.).

Bykovskaya, G. A. (2005). *Historical experience in the development and implementation of party and state policy in the Russian Federation (1917—1991)*. Doct. Diss. Moscow. 611 p. (In Russ.).

Kalimullin, R. R., Mukhamedov, R. A. (2017). The organizational structure of industry and the scientific and technical policy of the USSR in the 1960s and 1970s. In: *Transformation of Russian society in conditions of socio-political cataclysms: history and modernity (to the 100th anniversary of the February bourgeois-democratic and October socialist revolutions): collection of materials interuniversity scientific conference*. Moscow: MIIT. 65—73. ISBN 5-7228-0048-1. (In Russ.).

Kapitsa, P. L. (1981). *Experiment, theory, practice*. Moscow: Nauka. 495 p. (In Russ.).

- Khanin, G. I. (2008). *Economic history of Russia: monograph: in 2 volumes, I*. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University. un-T. 515 p. ISBN 978-5-7782-0903-9. (In Russ.).
- Kraïneva, I. A. (2023). Scientific and technical policy in the field of computer technology during the late Soviet modernization of the 1960s—1980s. *The history of science and technology*, 5: 37—48. DOI: 10.25791/intstg.5.2023.1420. (In Russ.).
- Kudzh, S. A., Golovanova, N. B. (2020). On improving the mechanisms of training scientific and pedagogical personnel and prospects for targeted training in the interests of universities. *Russian Technological Journal*, 8 (4): 112—128. DOI: 10.32362/2500-316X-2020-8-4-118. (In Russ.).
- Kuvalin, D. B. (2009). *Economic policy and behavior of enterprises: mechanisms of mutual influence*. Moscow: MAKS press. 319 p. ISBN 978-5-317-02938-8. (In Russ.).
- Pinaeva, D. A., Salakhutdinova, E. R. (2023). Planned Innovations: Proposals for Enhancing Inventiveness Efficiency in USSR in Mid — 1950s to Late 1960s. *Nauchnyi dialog*, 12 (7): 428—449. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-428-449. (In Russ.).
- Prokhorov, S. P. (2023). The fundamental contribution of the Academy of Sciences to the formation of computer science and computer technology. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 93 (10): 980—988. DOI: 10.31857/S0869587323100092. (In Russ.).
- Sagatelyan, I. G. (2001). *Soviet industry: problems of competition and labor motivation (1960—1970)*. Moscow: Zvezdopad. 106 p. ISBN 5-88387-051-7. (In Russ.).

*The article was submitted 25.03.2024;
approved after reviewing 16.05.2024;
accepted for publication 21.05.2024.*

Информация для цитирования:

Бугров К. Д. Дворцы культуры Урала в контексте архитектурной политики СССР (1920—1980-е годы) / К. Д. Бугров // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 383—407. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-383-407.

Bugrov, K. D. (2024). Palaces of Culture in Urals in Context of Architectural Policy of USSR (1920s-1980s). *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 383-407. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-383-407. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Дворцы культуры Урала в контексте архитектурной политики СССР (1920—1980-е годы)

Бугров Константин Дмитриевич ^{1,2}

orcid.org/0000-0002-4596-8854

Scopus Author ID: 55976156600

доктор исторических наук, доцент,

¹ ведущий научный сотрудник;

² профессор кафедры
истории России

Konstantin.Bugrov@urfu.ru

¹ Институт истории и археологии
Уральского отделения
Российской академии наук
(Екатеринбург, Россия)

² Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Настоящее исследование выполнено
при поддержке гранта РНФ
№ 21-78-10119 «Культурное наследие
на Урале: социальная роль,
трансформация, трансляция»
(рук. А. С. Палкин)

Palaces of Culture in Urals in Context of Architectural Policy of USSR (1920s-1980s)

Konstantin D. Bugrov ^{1,2}

orcid.org/0000-0002-4596-8854

Scopus Author ID: 55976156600

Doctor of Philology, Associate Professor,

¹ Senior Researcher;

² Professor of the Department
of Russian History

Konstantin.Bugrov@urfu.ru

¹ Institute of History and Archeology
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yekaterinburg, Russia)

² Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 21-78-10119
“Cultural Heritage in the Urals: social role,
transformation, transmission”
(led by A. S. Palkin)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Впервые предпринят комплексный анализ всей совокупности клубных зданий советской эпохи на территории Урала (Свердловская, Челябинская, Пермская, Оренбургская области, Башкирская и Удмуртская АССР). Автором статьи составлена база данных, включающая более 300 единиц. Проанализированы сведения о специализированных зданиях дворцов культуры, возведенных в городах и промышленных поселениях региона в 1920—1980-х годах. Определены наиболее популярные типовые проекты клубных зданий, а также индивидуальные проекты. Предложена подробная характеристика дворцов культуры, архитектурный облик которых вызвал широкий резонанс в публичной сфере. Показано, что в конце 1940-х — начале 1950-х годов в условиях доминирования неоклассической архитектурной эстетики именно на Урале был воплощен ряд проектов, носивших образцовый характер, что позволяет уточнить степень централизации культурной политики СССР. Детально охарактеризовано размещение конкретных культурных комплексов. Сделан вывод о том, что клубное строительство в городах и промышленных поселениях Урала было неравномерным как в пространственном, так и в хронологическом отношении. Пик строительства пришелся на 1950-е годы, к 1980-м годам темп возведения дворцов культуры существенно снизился; основная масса клубов была сконцентрирована в крупнейших промышленных центрах. Массовость клубного строительства определялась применением типовых проектов, однако это не нивелирует специфические ценные качества советских дворцов культуры как важнейшего элемента исторического наследия.

Ключевые слова:

дворец культуры; Урал; дворец пионеров; советский город; культурное наследие.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

For the first time, a comprehensive analysis of the entire set of club buildings from the Soviet era in the Urals region (Sverdlovsk, Chelyabinsk, Perm, Orenburg regions, Bashkir and Udmurt ASSR) has been undertaken. The author of the article compiled a database comprising over 300 units. Information on specialized buildings of palaces of culture erected in cities and industrial settlements of the region in the 1920s-1980s was analyzed. The most popular standard projects of club buildings as well as individual projects were identified. A detailed description of palaces of culture, whose architectural appearance resonated widely in the public sphere, is provided. It is shown that in the late 1940s to early 1950s, under the dominance of neoclassical architectural aesthetics, a series of projects embodying exemplary characteristics were implemented in the Urals, clarifying the degree of centralization of the cultural policy of the USSR. The placement of specific cultural complexes is characterized in detail. A conclusion is drawn that club construction in cities and industrial settlements of the Urals was uneven both spatially and chronologically. The peak of construction was in the 1950s, with a significant decrease in the pace of building palaces of culture by the 1980s; the majority of clubs were concentrated in major industrial centers. The massiveness of club construction was determined by the use of standard projects, yet this does not diminish the specific valuable qualities of Soviet palaces of culture as a crucial element of historical heritage.

Key words:

palace of culture; Urals; pioneer palace; Soviet city; cultural heritage.

УДК 94:728.48(470.5)“192/198”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-383-407

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Дворцы культуры Урала в контексте архитектурной политики СССР (1920-е — 1980-е годы)

© Бугров К. Д., 2024

1. Введение = Introduction

Градостроение является интегральной частью государственной социальной, культурной, идеологической политики, формируя инфраструктуру для ее материального воплощения. Изучение проектов и мер градостроительной, архитектурной политики позволяет оценить характер осуществления культурной программы в широком — региональном — охвате, выявить ее внутреннюю динамику и исторические этапы.

Основной институциональной формой культурной работы исторически являлся клуб (дворец культуры). Клубная система начала складываться в России в XVIII веке, первоначально объединяя представителей узкого слоя элиты. И. В. Розенталь отмечает: «Возникновение и развитие клубов в России явилось частью институализации сферы досуга жителей городов, вначале по преимуществу меньшей их части — дворянства, верхнего слоя купечества и обосновавшихся в России иностранцев. Несмотря на ускорение в результате реформ 60-х — 70-х годов XIX века урбанизации, за полтора столетия этот процесс так и не охватил все городское пространство» [Розенталь, 2007, с. 316]. Тем не менее с 1870-х годов распространение получают более доступные формы клубной организации — общественные собрания [Казакова-Апкаримова, 2011, с. 111]; к концу XIX века возникают народные дома, ориентированные уже на широкую аудиторию горожан. На Всероссийской выставке 1895 года Министерство народного просвещения представило типовой образец здания народного дома [Попов, 2019, с. 98]. В целом, уральские губернии России активно разрабатывали проекты народных домов [Юсупов, 2015, с. 77]; процесс их строительства принял особенно интенсивный характер после 1905 года, они начали постепенно занимать важное место в градостроительной практике.

В послереволюционный период заказчиками клубных зданий выступали отраслевые профессиональные союзы, а с 1931 года — государство, опять-таки в лице промышленных предприятий. Вновь организуемые

дворцы культуры напоминали народные дома своим широким социальным охватом, но обладали куда большей спецификой, воплощая «ярко выраженную идеологическую программу, связанную с поиском новых способов жизни, современных форм архитектуры, обладающую широким набором политико-просветительских и общественно-культурных функций, условий для физкультурной и военной подготовки» [Смирнов и др., 2015, с. 33]. Дворцы культуры сочетали функции зрительного (концертного) зала и помещения для массовой культурной работы [Архитектурное проектирование ..., 1984, с. 250]. Доминировала первая функция: специализированные культурные учреждения уже к 1960-м годам перестали справляться с растущим спросом, и система дворцов культуры играла ведущую роль в борьбе с «дефицитом культурной жизни» [Шадрин, 2018, с. 248—249]. Но в градостроительном значении клубы соответствовали также и культовым сооружениям, зачастую в буквальном смысле занимая их место в городском пространстве. Подобно церковным зданиям дореволюционной эпохи, дворцы культуры сосредотачивали произведения монументального искусства — их декорировали росписями и картинами, скульптурами и барельефами, мозаиками, художественным литьем. Дворцы культуры выступали функциональным элементом культурной и идеологической политики советского государства.

Изучение исторической динамики смены подходов к архитектурному оформлению клубов и интенсивности их строительства позволяет оценить специфику и динамику материального воплощения данной политики, а также охарактеризовать ее ценность в качестве культурного наследия современной России. Ведь современные российские города в значительной мере опираются на сформированную за десятилетия плановой экономики сеть культурно-досуговых учреждений — клубов или дворцов культуры. Особый интерес представляет для исследователя исторический процесс развития системы дворцов культуры на Урале, так как именно в этом индустриально развитом регионе оно велось с высокой интенсивностью во все периоды советской истории.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В целом роль клуба в советском обществе освещена в научной литературе достаточно хорошо; за клубами признается ключевая роль в реализации советского социального проекта. Но изучение истории советских дворцов культуры как градостроительного феномена общегосударственной культурной и идеологической политики в значительной мере остается фрагментированным. Ряд специалистов ведут изучение проблем клубного строительства в СССР в целом и на Урале в частности, включая архитек-

турную специфику клубных комплексов и их общую градостроительную роль [Чепкунова, 2006; Дегтева, 2017; Токменинова, 2016; Звагельская, 2011; Конышева, 2005; Бугров, 2020; Гаврилова, 2023]. Однако имеющийся круг исследований все же сфокусирован на отдельных кейсах, не предлагая широкой по своему пространственному и временному охвату картины исторического становления сети учреждений массовой культурно-идеологической работы. Практически не подвергается анализу вопрос о повторном применении архитектурных решений и использовании типовых проектов, о систематизации и кластеризации изучаемых памятников.

В настоящей статье впервые предлагается обобщающий анализ исторических особенностей формирования системы клубных зданий советской эпохи на территории Уральского региона в составе Свердловской, Челябинской, Пермской, Оренбургской областей, республик Башкирия и Удмуртия (территорий с исторически сложившимся комплексом горнодобывающей, металлургической и металлообрабатывающей промышленности) в 1920—1980-х годах. Цель статьи — выявить основные исторические этапы развития клубного строительства в Уральском регионе, детально охарактеризовать размещение конкретных проектов дворцов культуры, а также выделить архитектурные достижения, получившие наибольший резонанс (образцовые проекты).

Для реализации этой цели была подготовлена база данных, учитывающая 325 зданий более чем в 100 городах и рабочих поселках, фиксирующая месторасположение здания, имя архитектора, номер типового проекта, год постройки (по моменту ввода здания в эксплуатацию), принадлежность к промышленному предприятию. Подготовка такой базы осуществлена с опорой на историко-краеведческую литературу, массив локальной периодики, веб-сайтов учреждений культуры, данные портала популяризации культурного наследия и традиций народов России «Культура.РФ», краеведческие материалы в сети Интернет, картографические данные, а также результаты визуального обследования зданий. Сходными методами пользуются и специалисты, изучающие другие регионы [Радионов и др., 2018, с. 92]. Распределение клубных зданий по хронологическим периодам представлено в виде диаграммы (рис. 1).

Учитывались только специализированные клубные здания, включая здания домов политического просвещения и дворцов пионеров; не рассматривались театральные, цирковые здания, сельские клубы, концертные залы и кинотеатры, даже если фактически они выполняли роль клуба, встроенные в здания отдельные актовые и концертные залы, а также здания для клубной работы без запроектированных концертных залов. Не рассматривались деревянные и временные сооружения.

Рис. 1. Распределение специализированных клубных зданий (города и промышленные поселения Урала) по хронологическим периодам, количество зданий

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Конструктивистские клубы 1920—1930-х годов

В послереволюционное десятилетие строительство велось в небольших масштабах. Некоторые из клубов тяготели к формам рационального модерна XX века: таковы клубы железнодорожников, построенные по одному проекту в Чусовом (1927), Нижнем Тагиле (1928) и Верещагино (1928), клуб имени Ленина при Пермском суперфосфатном заводе (1927), Ревдинском металлургическом заводе (1928), клуб бумажников в Новой Ляле (1929), клуб имени Н. А. Некрасова в Углеуральске (1930).

Широкое строительство клубных зданий развернулось лишь со стартом индустриализации. С конца 1920-х годов большинство дворцов культуры было выполнено в господствовавшей конструктивистской эстетике; их проекты, как правило, являлись индивидуальными. Так, крупные клубы были сооружены по индивидуальным проектам — в Ижевске (клуб имени Октябрьской Революции, 1930), Серове (Дворец труда имени И. И. Лепсе, 1930, архитекторы И. П. Антонов, В. Д. Соколов), Лысьве (клуб имени В. И. Ленина, 1931), Асбесте (1931, клуб имени М. Горького), Исе (1930-е годы), Первоуральске (клуб имени В. И. Ленина при хромпиковом заводе, 1931), Березниках (клуб имени В. И. Ленина, 1932), Соликамске (1930-е годы), Красноуральске (1934), Ревде (клуб цветников, 2-я половина 1930-х годов), Кировграде (середина 1930-х годов), Копейске (1933), Белорецке (1933), Орске (клуб имени В. И. Ленина, 1934), Уфе (клуб железнодорожников, 1935), Нижних Сергах (1936). В Челябинске дворцы культуры были выстроены

для Челябинского ферросплавного завода (1933) и Челябинского тракторного завода (1933, архитектор А. К. Буров, воплощен лишь частично) [Коньшева, 2020, с. 100]. Предпринимались попытки использовать типовые проекты. Так, в Златоусте был построен Дворец труда по проекту архитектора В. Д. Кокорина, рекомендованному в качестве типового профсоюзом металлистов, но примененному лишь единожды [Чепкунова, 2006, с. 33]. Не менее интересны клубы в Нижней Салде и Кусе выстроенные по одинаковому проекту архитекторов А. Я. Васильева и А. Г. Мурзавецкого, рекомендованному в 1928 году профсоюзом металлистов [Там же]; построенный в Аше клуб металлистов (1930), очевидно, воплотил типовой проект «Б», разработанный в том же 1928 году А. Я. Васильевым и Л. И. Пономаревой [АЗГО, ф. Р-140, оп. 1, ед. хр. 588, л. 1]. Самым большим по своим размерам клубным зданием Урала 1930-х годов стал дворец культуры металлургов в Магнитогорске (1936—1938, архитекторы П. И. Бронников, М. Г. Куповский) [Казаринова и др., 1961, с. 230—232] (рис. 2).

Крупнейшим центром строительства клубных зданий в эпоху первых пятилеток стал центр Уральской области — Свердловск. Здесь в конце 1920—1930-х годов было возведено восемь крупных конструктивистских клубов: клуб пищевиков (1927, архитектор И. П. Антонов), клуб «Профинтерн» (1928, инженер К. В. Коржинский), клуб строителей (1933, архитектор Я. А. Корнфельд), клуб железнодорожников (1933, архитектор К. Т. Бабыкин), клуб металлистов Верх-Исетского завода (1941, архитекторы Г. И. По-

Рис. 2. Дворец культуры металлургов в Магнитогорске
[Советская архитектура ..., 1950]

тапов, Л. В. Шишов), клуб работников просвещения (1935, архитектор В. В. Емельянов, Е. Н. Коротков, И. И. Робачевский), Дом обороны (1934, архитектор Г. П. Валенков), клуб имени Ф. Э. Дзержинского (1932, архитекторы И. П. Антонов, В. Д. Соколов) [Смирнов и др., 2015, с. 33].

Некоторые из клубов в последующие десятилетия подверглись «обогащению» — декорированию фасадов и интерьеров в неоклассическом духе — и довольно значительно изменили свой облик: это касается дворцов культуры в Березниках, Лысьве, клуба пищиков и клуба работников просвещения в Свердловске (последний также сменил свою ведомственную принадлежность, став Домом офицеров Уральского военного округа). В ряде случаев вновь возводимые конструктивистские дворцы культуры располагались на месте снесенных культовых сооружений. Так, дворец культуры имени И. И. Лепсе построен на месте Спасо-Преображенского собора, дворец культуры Верх-Исетского завода в Свердловске занял место Нагорной церкви во имя Всех святых, а Дворец труда в Златоусте — место Свято-Троицкого собора. Это кардинально меняло облик города: церкви, бывшие, как правило, самыми высокими зданиями поселений того времени, сменяли относительно приземистые дворцы культуры. Они строились по инициативе крупнейших городских промышленных организаций, главным образом — металлургических заводов.

Новые дворцы культуры главным образом появлялись при крупнейших промышленных предприятиях Урала. Но многие из вновь вводимых в строй промышленных гигантов так и не обзавелись клубами. Например, Уральский завод тяжелого машиностроения планировал постройку клуба по проекту Я. А. Корнфельда (реализованному в Москве для дворца культуры имени С. П. Горбунова), однако строительство так и не стартовало, а заводской клуб разместили в реконструированном здании фабрики-кухни. Не были в 1930-х годах возведены специализированные клубные здания для таких предприятий, как «Стальмост» (Верхняя Салда), Уральский вагоностроительный завод (Нижний Тагил), Пермский моторный завод, Уральский алюминиевый завод (Каменск-Уральский). Значительная часть новых клубов была выстроена при старых заводах.

По мере роста клубного строительства менялись и требования к клубам. Архитектор Л. В. Шишов в 1933 году констатировал: «Сейчас клуб мыслится как монументальное сооружение с богатой дворцовой архитектурой» [Шишов, 1934, с. 3]. К середине 1930-х годов возрождаются классические тенденции в архитектурной эстетике; в советском градостроении складывается направление, которое А. Н. Селиванова обозначает как постконструктивизм с ориентацией на «человечность», выражаемую через колоннады, визуальную материальность, мажорную «вертикальность»

[Селиванова, 2018, с. 189, 226]; обращение к историческому арсеналу выразительности было связано со стремлением «обессмертить» советскую архитектуру в будущем [Kalashnikov, 2020, p. 592]. В подобной манере был выдержан, например, проект архитектора К. В. Глушкова, примененный в Первоуральске для Новотрубного завода в 1938—1939 годы и — с некоторыми изменениями — в Каменске-Уральском для Синарского трубного завода в 1940—1945 годах [Гаврилова, 2023, с. 19]. Однако объемы строительства новых клубных зданий к концу 1930-х годов упали.

3.2. Неоклассическая эстетика и типовые проекты

В начале 1940-х годов, в условиях испытаний Великой Отечественной войны и концентрации ресурсов СССР на восстановлении западных районов страны, клубное строительство на Урале замерло, однако уже к началу 1950-х годов его объемы начали стремительно расти, и сооружение дворцов культуры приобретает массовый характер. Если в довоенный период дворцы культуры строились почти исключительно крупными производственными предприятиями (преимущественно металлургического профиля), то с 1950-х годов собственные дворцы культуры активно возводили также строительные организации, электростанции, транспортные предприятия, вновь возникающие в регионе машиностроительные и химические заводы. К тому же некоторым предприятиям потребовались новые здания дворцов культуры, так как старые оказались заняты эвакуированными заводами. Например, здание клуба в Аше занял завод «Светотехника», а клуб металлостов Верх-Исетского завода превратился в цех кабельного завода.

Однако принявшее к середине 1950-х годов широкий размах строительство дворцов культуры опиралось не на индивидуальные, а на типовые проекты. Большая часть клубов 1950-х годов была возведена по проектам, подготовленным в архитектурно-проектной мастерской ВЦСПС архитектором К. К. Барташевичем. Наибольшей популярностью пользовался проект 2-06-01 клуба на 500 мест. По этому проекту в регионе было выстроено не менее 32 зданий в Краснотурьинске (1952, дворец культуры металлургов), Дегтярске (1953), Стерлитамаке (1953, дворец культуры содового завода), Ревде (1954), Асбесте (1955), Ишимбае (1955), Южноуральске (1955), Березниках (1956, дворец культуры энергетиков; 1956, дворец культуры калийщиков), Кушве (1956), Верхней Салде (1956), Орске (1956, дворец культуры машиностроителей), Кумертау (1956), Александровске (1957), Перми (дворец культуры имени А. П. Чехова, 1957), Свердловске (дворец Верх-Исетского завода, 1957; существенно доработан архитектором В. В. Емельяновым), Копейске (1957, дворец культуры имени С. М. Кирова), Шумихинском (1958), Соликамске (1958, дворец культуры завода № 577), Челябинске (1960, дворец культуры имени Колю-

щенко), Бакале (1961), Медногорске (1961, дворец культуры металлургов), Краснокамске (1962, дворец культуры фабрики «Гознак»), Катав-Ивановске (1963), Кусе (1964). Варианты этого же проекта с упрощенным декором имеются в Челябинске (1957, дворец трубопрокатного завода) и Миньяре (1966), а в Полевском он был выстроен без колоннады, но с колоннами у входных дверей (1959, дворец Северского завода). В Верхней Пышме представлена наиболее аскетичная версия данного проекта («Металлург», 1962), совсем лишенная колонн и сохранившая лишь символические элементы неоклассического декора.

Еще один типовой проект клуба, созданный под руководством К. К. Барташевича, — клуб на 300 мест 2-06-04 — был воплощен не менее 27 раз: в Копейске (дворец культуры имени В. В. Маяковского, 1951), Магнитогорске (дворец культуры строителей имени Д. Н. Мамина-Сибиряка, 1952), Перми (1953, дворец культуры имени А. С. Пушкина; 1955, дворец культуры строителей), Нижнем Тагиле (1954, дворец рудника имени III Интернационала), поселке Левиха близ Кировграда (1954), Новоуральске (1955), Первоуральске (1956, «Горняк»), поселке Малышевского рудоправления (1956), Сибее (1957), Озерске (1957, «Энергетик»), Буланаше (1958, дворец культуры угольщиков), Камышлове (1958), Красногорском (1958), поселке Шумихинский близ Губахи (1958), Артемовском (дворец культуры имени А. А. Попова, 1959), Орске (1959, дворец культуры энергетиков), Серове (дворец культуры энергетиков, 1959), поселке Нейво-Рудянка близ Кировграда (1961), Двуреченске (1961), Гремячинске (1960-е годы, для поселка шахты «Тасежная» и Юго-западного поселка), Межевом (1960), поселках Старокамышинск и Вахрушево в современном составе Копейска (1951, 1960), Калье (1963), Свердловске (1964, дворец культуры Всероссийского общества глухих), Туймазах (1964), Челябинске (дворец культуры завода металлоконструкций, 1964). Упрощенная, лишенная декора версия была построена в Кыштыме (дворец культуры «Металлург», 1967).

Другие типовые проекты применялись не столь широко. Проект 2-06-02 архитектора И. Е. Рожина был применен в Еманжелинске (1952), Гремячинске (1953), Копейске (1953, дворец культуры имени П. П. Бажова; 1955, дворец пионеров), Уфе (1954, «Строитель»), Волчанске (1955), Тавде (1955), Краснокамске (1955, дворец культуры имени В. И. Ленина), Магнитогорске (дворец культуры металлургов, 1956; дворец культуры метизников, 1950-е годы), Полевском (1959, дворец культуры криолитового завода), Кизеле (дворец культуры в Центральном-Коспашском поселке, 1950-е годы), Углеуральском (1960). Проект 2-06-03 архитекторов А. Ф. Хрякова и З. О. Брод использовался в Кизеле (дворец культуры шахтеров в поселке

Северный, 1952), Волчанске (1957, дворец культуры имени 40-летия Октября), Свердловске (1957, «Новострой»), Уфе («Новатор», 1957), Горнозаводске («Цементник», 1958), Реже (дворец культуры механического завода, 1958), Стерлитамаке («Авангард», 1958). Типовые проекты дворцов культуры железнодорожников неизвестного нам авторства были реализованы в Свердловске (1952, дворец культуры станции Свердловск-Сортировочный), Перми (1956), Орске (1957), Серове (1957, с рядом изменений и скульптурной группой на фронте), Нижнем Тагиле (1961); этот же проект был использован для городского дворца культуры Сима (1984). Использовался и типовый проект 2-06-35 небольшого клуба с залом на 350 мест архитекторов С. Г. Бродского и Н. П. Вахрамеевой — он был реализован в Чайковском («Гидростроитель», 1957), Трехгорном (дворец имени Ленинского Комсомола, 1958), Озерске («Строитель», 1958), Копейске (дворец культуры имени М. Ю. Лермонтова, 1962), Очере (1962), Цементном (1967). Неоклассический проект дворца культуры авторства А. И. Зайцева, созданный для Челябинского металлургического завода (1957) [Конышева, 2005, с. 124], был также применен для Уральского автомобильного завода в Миассе (1965). Так, проект 2-06-34 архитектора А. Е. Аркина был воплощен в Миассе (1958, дворец культуры «Строитель»), проект 2-06-46 архитектора Я. А. Корнфельда — в Ижевске (1961, дворец «Октябрь»). Имелись и случаи ограниченного, повторного применения проектов. Так, в 1964 году построен дворец культуры в Чусовом по проекту архитектора Н. А. Семенова, ранее этот же проект был применен в Риге для завода «ВЭФ». Дважды был применен проект свердловского архитектора Г. А. Голубева — в Богдановиче («Огнеупорщик», 1951) и Свердловске («Уралэлектротяжмаш», 1953) [Звагельская, 2011, с. 132, 138].

Особый интерес представляет проект, впервые использованный в 1947 году в Златоусте для дворца культуры Златоустовского машиностроительного завода (1947, архитектор М. В. Братцев) [Князев, с. 8—10] и позднее примененный в Глазове (1951), Лесном (1957), Озерске (1958) и ряде других городов СССР. Златоустовский дворец отличается от последующих воплощений исключительно проработанным декором и внутренним убранством. Дворец культуры «Магнезит» (1951, архитектор Т. М. Эрвальд), выстроенный по индивидуальному проекту в Сатке [Дворец культуры в городе Сатка ..., 1952, с. 21] (рис. 3), был, судя по экстерьеру, повторен в Нижней Туре (1959) и Верхнем Тагиле (1964) с изменением декора фасада и уменьшением высоты на один этаж. Дворец культуры Нижнетагильского металлургического комбината (1952, архитектор В. В. Емельянов) на Урале не повторялся, но его проект был использован в приволжском Дзержинске в 1958 году [Агеева и др., 2018, с. 130].

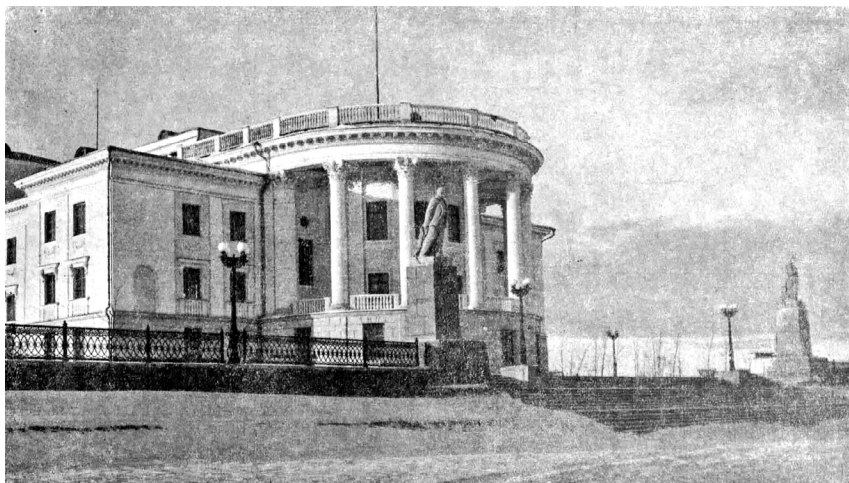

Рис. 3. Дворец культуры «Магнит» [Дворец культуры ..., 1952]

Ряд дворцов культуры 1940—1950-х годов был, по-видимому, выстроен по уникальным проектам, не использовавшимся повторно. К их числу относятся дворцы культуры «Станкомаш» завода имени Г. К. Орджоникидзе (1951, архитекторы И. Векслер, К. Истрин, А. Кладовщиков, М. Семенов) и Южноуральской железной дороги (1956, архитектор Ф. Серебровский) в Челябинске, Уральского вагоностроительного завода (1958, архитектор Э. М. Залеская) в Нижнем Тагиле, дворец культуры «Огнеупорщик» (1956, архитектор А. Б. Фишзон) в Первоуральске, дворец культуры Пермского моторного завода (1952, архитекторы А. К. Барутчев, Н. А. Меерзон, В. Г. Даугуль) в Перми, дворец культуры нефтяников в Орске (1952, архитектор Л. Р. Шмах), дворец культуры энергетиков (1958, архитектор В. В. Емельянов) в Среднеуральске, городской дворец культуры в Красноуральске (1959, архитектор Д. К. Рудницкий), дворцы культуры Уральского алюминиевого завода (1947, архитектор В. В. Емельянов) и железнодорожников (1954) в Каменске-Уральском, дворец культуры в Верхнем Уфалее (1967) [Звагельская, 2011, с. 135—141; Терехин, 1973, с. 19; Чикурова, 2012; Зуев, 2018]. Кроме того, еще в 1937 году было начато строительство дворца культуры в Усть-Катаве; к 1941 году были возведены стены здания, однако в связи с войной процесс был остановлен, и открыт дворец был лишь в 1952 году. Автор этого проекта нам неизвестен. В 1952 году вошел в строй дворец культуры в Кизеле; легший в его основу проект пока не удалось установить, оформлением фасадов занимался пермский архитектор

Н. А. Шварев [Дедов и др., 1967, с. 44]. Следует также отметить появление первых специализированных зданий Домов пионеров — так, в 1958 году здание в неоклассическом стиле было выстроено в Уфе по проекту, разработанному для Рязани архитектором И. П. Антиповым. В 1952 году стартовало строительство Дома пионеров в Каменске-Уральском по типовому проекту, доработанному архитектором В. А. Гагариным, но завершилась стройка лишь в 1961 году [Звагельская, 2011, с. 68].

Четыре дворца культуры, воплощенные в неоклассической стилистике на Урале, имели высокую репутацию выдающихся достижений советской архитектуры. Здание Дома офицеров архитектора В. В. Емельянова ценилось как демонстрация отхода от «формализма» и поиска новой выразительности. Дворец культуры, реализованный в Златоусте по проекту М. В. Братцева, получил исключительно высокую оценку как «сооружение, которым сейчас по праву гордится один из старейших промышленных центров Урала» [Колесников и др., 1948, с. 6]. Образцовым считался уже упомянутый проект Т. М. Эрвальда для дворца культуры «Магnezит». Высокой оценки удостоился и Нижнетагильский дворец культуры металлургов В. В. Емельянова, считавшийся примером «правильного реалистического подхода к отысканию образа советского клуба»: «Прием, использованный и развитый архитектором Емельяновым, свидетельствует уже о найденном образе клуба как сооружения особого типа, где органически связаны разнообразные помещения, служащие одной цели — предоставлению хороших условий культурного отдыха трудящимся. <...> Архитектор, опираясь на русское классическое наследие, сделал удачную попытку дальнейшего развития его наиболее прогрессивных черт» [Уманский, 1953, с. 17]. Сам В. В. Емельянов был удостоен за проект дворца первой премии на Всесоюзном конкурсе 1952 года.

3.3. Смена эстетической парадигмы: от неоклассицизма к модернизму

Кардинальная смена эстетической парадигмы, произошедшая в СССР в середине 1950-х годов, привела к тому, что многие неоклассические здания начали подвергаться критике — несмотря на то, что еще недавно их превозносили как образцы советской архитектуры. Так, в очерке о Нижнем Тагиле 1959 года подверглось нападкам здание дворца культуры металлургов: «Механическое подчинение плана дворцово-усадебным образцам XVIII—XIX веков и перегруженность декоративными элементами снижают целесообразность и рентабельность этого сооружения так же, как и его художественные достоинства. В этом проявилась ошибочная направленность советской архитектуры послевоенного периода» [Стригалеv и др., 1959, с. 86].

По этой причине строительство некоторых дворцов, запланированное на основе рассмотренных выше проектов неоклассического стиля, претерпело существенные изменения. Наиболее ярким примером является дворец металлургов в Первоуральске, выстроенный для Новотрубного завода. В его основе лежит упомянутый выше проект авторства А. И. Зайцева. Однако стройка, начатая в 1957 году, оказалась законсервирована. Лишь в 1962 году строительство было возобновлено, проект дворца культуры переработан авторским коллективом Центрального научно-исследовательского и проектного института (ЦНИИП) градостроительства под руководством К. Анохина [Каким будет ..., 1962; Лившиц и др., 1967, с. 21]. В апреле 1962 года главный архитектор Первоуральска Е. А. Рахманова отмечала: «В целях создания единой композиции в ансамбле крупнопанельных зданий, формирующих площадь, в оформлении главного фасада строящегося Дворца культуры внесена корректировка, чтобы придать композиции здания как в плане, так и в архитектуре фасадов современный характер» [Рахманова, 1962]. Строительство завершилось в августе 1966 года. Руководство художественным оформлением дворца осуществляли специалисты Московского комбината декоративно-оформительского искусства и предприятий Художественного фонда РСФСР Я. А. Лившиц и Е. Попова, крупные глухие плоскости фасада были украшены мозаичными панно Б. А. Тальберга [Лившиц и др., 1967, с. 21] (рис. 4). Результат переработки проекта оказался настолько удачным, что фото первоуральского дворца культуры было представлено на Всемирной выставке 1967 года [О нем узнает Монреаль ..., 1967].

Рис. 4. Дворец культуры металлургов в Первоуральске
[Лившиц и др., 1967, с. 21]

В Ирбите строительство дворца культуры «Ровесник» для мотоциклетного завода следовало тем же путем, что и в Первоуральске. Здесь для воплощения был выбран проект 2-06-01 авторства К. К. Барташевича. Стройку завершили лишь в 1966 году с существенными изменениями: фасад дворца приобрел лаконичный вид; полностью исчезли колонны, а основной корпус был надстроен своеобразной галереей с панорамными окнами. Отразили переходный период от неоклассики к модернизму и уральские воплощения проекта 2-06-44 дворцов культуры с залами на 800 человек. Данный проект был реализован в Снежинске (1965) и Качканаре (1968); в обоих случаях фасад здания, который в оригинальном проекте был решен в сдержанных формах классического декора, получил облик лаконичного модернистского параллелепипеда с панорамным остеклением (в Снежинске) или железобетонными ребрами (в Качканаре). Процесс перехода отразился и в экстерьере дворца культуры «Юбилейный» в Воткинске, начатого постройкой еще в 1955 году по проекту архитектора В. П. Орлова и завершено в 1967 году. Самым же поздним примером трансформации неоклассического проекта в модернистский следует считать дворец культуры «Энергетик» в Губахе (1970). Этот дворец представляет собой, судя по пропорциям и планировке, версию проекта клуба на 300 мест 2-06-04 авторства К. К. Барташевича, лишенную пышного декора и получившую новое решение фасада, похожее на кинотеатры 1960-х годов. Интересно, что наряду с трансформированными проектами на протяжении 2-й половины 1950-х годов в строй входили и здания, оформленные в обычной неоклассической манере.

3.4. Советский модернизм

Смена эстетической парадигмы в конце 1950-х годов еще больше укрепила значение типовых проектов — при том, что объемы строительства дворцов культуры с 1960-х годов продолжали расти. Главными разработчиками таких проектов выступали московские организации: сформированный еще в 1951 году Государственный институт по проектированию театрально-зрелищных предприятий («Гипротейатр») и созданный в 1964 году Центральный научно-исследовательский и проектный институт типового и экспериментального проектирования (ЦНИИЭП) зрелищных зданий и спортивных сооружений. В выборе тех или иных проектов практически не прослеживается отраслевых либо территориальных предпочтений.

По типовым проектам, созданным коллективом «Гипротейатра», на Урале в 1960—1980-х годах было возведено более 40 зданий. Одним из наиболее популярных был проект 264-12-72 с легко узнаваемой Н-образной планировкой. Он был применен в Каменске-Уральском (1964, «Юность»), Нефтекамске (1966, «Нефтяник»), Миассе (1967, «Прометей»), Свердлов-

ске (1967, дворец культуры имени 50-летия Октября; 1969, «Урал»; 1972, «Юбилейный»), Перми (1967, дворец культуры имени Ф. Э. Дзержинского), Гае (1967), Североуральске (1967, «Современник»), Дюргюлях (1967), Стерлитамаке (1969, дворец культуры химиков), Чайковском (1974, «Текстильщик»), Сухом Логе (1975, «Кристалл»), Медногорске (1977, «Юбилейный»), Карпинске (1981, дворец культуры электромеханического завода), Уфе (1982, дворец культуры Уфимского завода синтетического спирта). Интересно, что в Свердловске при сооружении дворцов «Урал» Уральского электромеханического завода (1969) и «Юбилейный» машиностроительного завода имени М. И. Калинина (1972) вместимость дворца была увеличена за счет застройки внутреннего двора. Более того, дворец «Урал» стараниями заводских специалистов Н. А. Алешина и Г. Н. Зарайского получил уникальное архитектурное решение с двумя фасадами [Я не хочу ..., 2016, с. 113].

Весьма широко применялся и проект 264-12-73, который использовали в Березовском («Современник», 1964), Карталах (1968), Полазне (1969), Бугуруслане («Юбилейный», 1970), Нижнем Тагиле («Строитель», 1970), Учалах («Горняк», 1970), Звездном (дворец культуры Советской Армии, 1970), Свободном (1970-е годы), Перми («Урал», 1972), Свердловске («Машиностроитель», 1972), Оренбурге («Орбита», 1973), Салавате («Строитель», 1975), Красноуральске («Химик», 1975), Бирске (1976), Янауле (1979), Сарапуле (1970-е годы, усеченный вариант без спортзала), Яйве («Энергетик», 1970-е годы). Востребован был проект клуба на 600 мест 2-06-419, разработанный архитекторами А. В. Степановым, Е. Г. Розановым и В. Н. Шестопаловым, и его модификация проект 264-12-52, утвержденная в 1969 году. По данному проекту строили в Заречном («Ровесник», 1966), Красноуфимске (1969), поселке Уральский Пермской области (1971), Арамили (1974), Реже («Горизонт», 1974), Рефтинском (1975), Нижнем Тагиле («Юбилейный», 1977), Медногорске (1977, «Юбилейный»), Оренбурге («Экспресс», 1977), Сысерти (1985). Проект 264-12-51 того же института применялся реже: его воплотили в Трехгорном (1971, «Икар»), Перми (дворец культуры имени Ю. А. Гагарина, 1972), Каменске-Уральском («Современник», 1973); модифицированная версия этого проекта была, очевидно, выбрана для строительства дворца культуры Свердловского завода резиновых технических изделий (1977). Единственный раз был применен еще один типовый проект «Гипротeatра» — проект 264-12-146 в Березовском (дворец культуры шахты имени С. М. Кирова, 1983).

Проекты клубов, созданные коллективом ЦНИИЭП, применялись на Урале более 30 раз. Проект 2С-06-6 применялся в Уфе (дворец культуры Уфимского завода резиновых технических изделий, 1970; дворец культуры

химиков, 1975), Стерлитамаке (дворец культуры завода синтетического каучука, 1974), Ижевске (Дворец культуры металлургов, 1975), Магнитогорске (Дворец культуры металлургов, 1979), Златоусте («Металлург», 1982), Кыштыме («Победа», 1985). Проект 2С-06-9/70 был реализован в Лысьве (1971, дворец культуры Лысьвенского турбогенераторного завода), Перми (1974, дворец культуры фабрики «Гознак»; 1977, дворец культуры телефонного завода), Оренбурге (1981, дворец культуры Оренбургского комбината шелковых тканей; 1980-е годы, «Строитель»), Сарапуле (дворец культуры радиозавода, 1980-е годы), Бузулуке («Юбилейный», 1977), Белебее (1984), Благовещенске (1988). Именно эти два проекта — 2С-06-6 и 2С-06-9 — входят в число наиболее популярных в России дворцов культуры [Боев и др., 2021, с. 116]. Интересно, что эти проекты ЦНИИЭП полностью отсутствуют на территории Свердловской области.

Были востребованы и другие проекты ЦНИИЭП. Не менее четырех раз использовался проект 264-12-50 — в Березниках (дворец культуры металлургов, 1979), Сарапуле («Электрон», 1979), Салавате («Алмаз», 1980-е годы), Каслях (дворец культуры имени И. М. Захарова, 1982). По проекту 2С-06-11 построены клубы в Копейске («Юбилейный», 1970), Соликамске («Прикамье», 1975), Кувандыке («Криолит», 1976), Михайловске (дворец культуры металлургов, 1976), Верхнеуральске (1977), Салавате (дворец

Рис. 5. Дворец культуры завода синтетического каучука в Стерлитамаке — вариант проекта 2С-06-6. Комплект открыток «Стерлитамак» (1984). Фото Б. Зиньковского

культуры машиностроителей, 1970-е годы), Глазове («Октябрь», 1970-е годы), Верхних Сергах (1970-е годы). Некоторые из проектов ЦНИИЭП были воплощены на Урале лишь единожды — например, проекты 264-12-115 в Реже (дворец культуры «Металлург», 1972), 264-12-144 в Нижнем Тагиле («Космос», 1976), 264-12-128 в Сатке («Строитель», 1980).

Использовались также и типовые проекты других разработчиков. Например, дважды применялся проект сельского дома культуры на 400 мест 264-12-124, созданный институтом «Росгипросельхозстрой», — в Игре (1980-е годы) и Калиново (1981), проект клуба на 400 мест со спортзалом 264-12-20 того же института — в Янауле (дворец культуры нефтяников, 1982).

Как и в предшествующие периоды, использовались и индивидуальные проекты, однако их число невелико. Они представлены в двух городах — Уфе (дворец культуры «Моторостроитель», 1969, архитектор А. В. Тарасов; дворец культуры производственного объединения «Башнефть», 1981, архитектор М. П. Мазин) и Свердловске (Дворец молодежи, 1973, архитектор Г. И. Белянкин; дворец культуры Уральского завода тяжелого машиностроения, 1981, архитектор Г. И. Белянкин) [Белянкин и др., 1973, с. 20].

Своеобразным вариантом клубных зданий выступали дворцы пионеров, ориентированные на детско-юношескую аудиторию; их массовое строительство на Урале развернулось с 1970-х годов. Проекты для зданий внешкольных образовательных учреждений (не только собственно дворцов, но также и станций юных техников и юных натуралистов) разрабатывал ЦНИИЭП учебных зданий [Книга, 2016, с. 15]. Один и тот же типовой проект был воплощен в Березниках (1972), Краснотурьинске (1972), Октябрьском (1972), Ишимбае (1978), Орске (1978), Стерлитамаке (1979), Лысьве (1982), Новоуральске (1986). Имелись и нестандартные решения — дворцы пионеров в Ижевске (Д. Ф. Калабин, 1980), Перми (1986, архитектор М. Б. Трошева), Нижнем Тагиле (1988, А. В. Щеглов, Н. В. Коротков, В. И. Солтыс). Наибольшей известностью среди уральских дворцов пионеров пользовался комплекс, возведенный в Челябинске. Здесь еще в 1956 году было построено небольшое здание Дворца пионеров и школьников имени Н. К. Крупской; в 1978 году рядом с ним сооружены два новых павильона по проекту архитекторов Б. А. Баранова, В. Л. Глазырина, Н. Н. Семейкина. Авторы проекта были удостоены премии Ленинского комсомола 1980 года, а сам дворец получил восторженные оценки: «Создавая архитектурный образ нового Дворца пионеров, авторы добились простыми средствами органичного единства архитектурно-планировочного и функционального решения. Геометрическое многообразие форм, необычность их ракурсов придают облику ансамбля некоторую театральность и романтичность» [Лучшие произведения ..., 1983, с. 237].

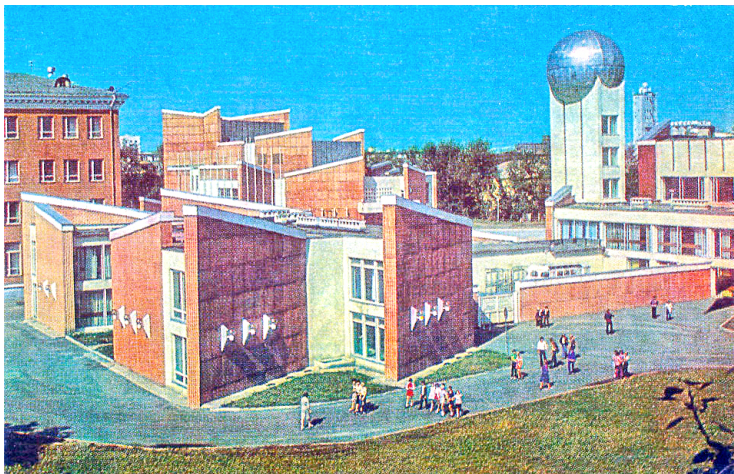

Рис. 6. Дворец пионеров и школьников имени Н. К. Крупской в Челябинске.
Комплект открыток «Челябинск» (1982). Фото С. Васильева.

Еще один новый тип клубных зданий — дома политического просвещения, начавшие возводиться в уральских городах с 1970-х годов. Первым среди них стал Дом политического просвещения в Свердловске (1970, архитектор А. И. Заславский), повторенный в Горьком, Красноярске, Йошкар-Оле. По индивидуальным проектам выполнены дома политпросвещения в Ижевске (1971), Челябинске (1972, архитекторы И. В. Талалай, Б. В. Петров), Оренбурге (1974), Перми (1981, архитекторы А. М. Старков, А. А. Метелев), Каменске-Уральском (1981), Нижнем Тагиле (1983, архитекторы С. И. Шейченко, А. И. Обухов).

4. Заключение = Conclusions

Проведенный анализ клубного строительства в Уральском регионе позволяет сделать ряд выводов о характере государственной политики в сфере культуры, ее приоритетах и формах воплощения. Эпоха первых пятилеток, несмотря на декларированное стремление к кардинальному преобразению общества, не создала всеохватной сети специализированных культурных комплексов в регионе. Относительно скромные объемы строительства 1920-х — 1930-х годов сменились послевоенным строительным бумом колоссального масштаба: с 1951 по 1988 годы на Урале ежегодно открывалось несколько новых городских или заводских дворцов культуры. Пик культурного строительства приходится на 1950-е годы, а к 1980-м годам интенсивность строительства в городах и промышленных поселени-

ях снижается. В территориальном отношении концентрация клубов была наиболее высокой в областных центрах, важнейших промышленных городах (Магнитогорск, Нижний Тагил, Березники, Орск, Стерлитамак), а также в районах интенсивной добычи угля (Копейск, Кизел, Губаха). Показательно, что в индустриальном Орске было построено больше капитальных дворцов культуры, чем в областном центре Оренбурге.

Интересно, что в конце 1940-х — 1950-х годов именно города Урала считались «законодателями» в области клубной архитектуры: следует отметить Дом офицеров Уральского военного округа, дворцы культуры имени И. В. Сталина в Златоусте и «Магnezит» в Сатке, дворец культуры металлургов в Нижнем Тагиле. Это позволяет по-новому взглянуть на организацию культурной политики в СССР, которую обычно характеризуют как предельно централизованную; как видим, периферийное градостроение оказалось способно выдвинуться на ведущие роли в общегосударственной политике. В более поздний период широкую известность получили дворец культуры металлургов в Первоуральске, дворец пионеров в Челябинске, дом политического просвещения в Свердловске. Конечно, массовый характер клубному строительству обеспечил состоявшийся в 1950-х годах переход к строительству по типовым проектам. Вместе с тем само понятие о *типовом*, обычно имеющее негативные коннотации, требует радикального переосмысления в свете рассмотренной выше истории культурного строительства. Использование типовых проектов вовсе не означало штампованной одинаковости зданий, так как градостроительное размещение, выбор строительных материалов, применение форм монументального искусства позволяли подчеркнуть индивидуальность конкретного клуба [Шпаков, 2019, с. 79; Боев и др., 2021, с. 136—137]. Разнообразие в реализованных проектах зданий позволяет скорректировать представление об СССР как сугубо централизованной системе; местные заказчики и архитекторы проявляли инициативу в совершенствовании градостроительной проекции культурной политики государства. Неоклассические клубы 1930—1950-х годов часто украшали скульптурами, росписью, картинами, гладкие поверхности модернистских зданий 1960—1980-х годов художественно «обогащали» мозаикой и барельефами. Точный учет размещения дворцов культуры, их принадлежности к тем или иным сериям и проектам, позволяет рельефно выявить их локальную специфику, подчеркнув пресловутую «идентичность в типовом».

Важно подчеркнуть: обширная сеть дворцов культуры, созданная в советский период, остается несущей конструкцией социальной и культурной жизни Уральского региона и в XXI столетии. Исторически сложившийся на Урале «запас» дворцов культуры велик — более 300 зданий — но он

все же конечен, и любые утраты в этом пласте исторического наследия являются невозполнимыми. Поскольку дворцы культуры советской эпохи являются одновременно и ценными памятниками истории, и основой современной сети социально-культурной работы в стране, необходим гибкий подход к их охране, сочетающий бережное отношение к архитектурно-художественным качествам зданий с грамотной реновацией, сохраняющей их функциональность в современной среде.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АЗГО — *Архив* Златоустовского городского округа. Ф. Р-140. Оп. 1. Ед. хр. 588. Рабочие чертежи клуба рабочих металлистов Ашинского завода.
2. *Белянкин Г.* Общественные здания города / Г. И. Белянкин, А. Э. Коротковский // *Архитектура СССР*. — 1973. — № 10. — С. 20.
3. *Дворец культуры в городе Сатка* — автор архитектор Т. Эрвальд // *Архитектура СССР*. — 1952. — № 3. — С. 21—24.
4. *Дедов Г. И.* Кизел / Г. И. Дедов, Л. А. Шатров. — Пермь : Книжное изд-во, 1967. — 80 с.
5. *Зуев А. ГДК : прошлое, настоящее и будущее* / А. Зуев // *Уфалейский рабочий*. — 19 января 2018 г.
6. *Казаринова В. И.* Магнитогорск / В. И. Казаринова, В. И. Павличенков. — Москва : Гос. изд-во лит-ры по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1961. — 248 с.
7. *Каким будет Дом культуры* // Под знаменем Ленина. 19 августа 1962 г.
8. *Князев К.* Дворец культуры в Златоусте / К. Князев // *Архитектура и строительство*. — 1948. — № 4. — С. 8—10.
9. *Колесников С.* К итогам Всероссийского конкурса на лучшие выстроенные здания / С. Колесников, М. Шаронов // *Архитектура и строительство*. — 1948. — № 6. — С. 6.
10. *Лившиц Я.* Дворец культуры в Первоуральске / Я. Лившиц, Л. Соколов, И. Лютровник // *На стройках России*. — 1967. — № 10. — С. 21.
11. *Лучшие произведения советских зодчих, 1979—1980 гг.* — Москва : Стройиздат, 1983. — 256 с.
12. *О нем узнает Монреаль* // На смену! — 28 марта 1967 г.
13. *Рахманова Е. А.* Первоуральск в 1980 году / Е. А. Рахманова // *Под знаменем Ленина*. — 27 апреля 1962 г.
14. *Советская архитектура за XXX лет РСФСР*. — Москва : Издательство Академии архитектуры СССР, 1950. — 332 с.
15. *Стригалева А. А.* Нижний Тагил. Жилищно-гражданское строительство / А. А. Стригалева, А. И. Целиков. — Москва : Гос. изд-во лит-ры по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1959. — 108 с.
16. *Терехин А. С.* Архитектура Перми / А. С. Терехин. — Пермь : [б.и.], 1973. — 25 с.
17. *Уманский Н.* Архитектура Нижне-Тагильского дворца культуры металлургов / Н. Уманский // *Архитектура СССР*. — 1953. — № 9. — С. 16—18.

18. *Чикурова Т.* Дворец, который молод душой / Т. Чикурова // Вечерний Первоуральск. — 19 апреля 2012 г.

19. *Шишов Л. В.* Рабочий клуб. Опыт реконструкции клуба Верх-Исетского завода им. Кабакова / Л. В. Шишов // Опыт стройки. — 1934. — № 6. — С. 3—7.

20. *Я не хочу судьбу иную* / авт.-сост. Л. Н. Романова, И. С. Стреляев. Екатеринбург : Прайм, 2016. — 589 с.

Литература

1. *Агеева Е. Ю.* Дворцы культуры соцгородов как уникальные историко-культурные объекты / Е. Ю. Агеева, Е. А. Кочетова // Приволжский научный журнал. — 2018. — № 3. — С. 128—136.

2. *Архитектурное проектирование общественных зданий и сооружений* / В. В. Адамович, Б. Г. Бархин, В. А. Варезкин и др. — Москва : Стройиздат, 1984. — 543 с.

3. *Боев А.* Идентичность в типовом. Прошлое, настоящее и будущее системы домов и дворцов культуры в России / А. Боев, Д. Наугольникова. — Екатеринбург : TATLIN, 2021. — 296 с. — ISBN 978-5-00075-291-3.

4. *Бугров К. Д.* Конструктивистские клубы Большого Урала: типология и размещение / К. Д. Бугров // Двенадцатые Татищевские чтения : всероссийская научно-практическая конференция (Екатеринбург, 19—20 ноября 2019 г.) : материалы. — Екатеринбург : КВАДРАТ, 2020. — С. 237—244. — ISBN 978-5-91357-078-9.

5. *Гаврилова С. И.* Советское наследие: клубы, дворцы культуры и другие культмассовые сооружения г. Каменска-Уральского, возведенные в 1930—1960-е годы / С. И. Гаврилова // Архитектон : известия вузов. — 2023. — № 4. — С. 19.

6. *Дегтева Л.* Клуб «Профинтерн»: Екатеринбург, Володарского, 9 : 1913—1928 : Иван Янковский, К. Коржинский, архитектор и инженер / Л. Дегтева. — Екатеринбург : Татлин, 2017. — С. 805—852. — ISBN 978-5-00075-131-2.

7. *Звагельская В. Е.* Неоклассицизм советской эпохи в памятниках архитектуры Свердловской области / В. Е. Звагельская. — Екатеринбург : НИИМК, 2011. — 157 с.

8. *Казакова-Апкаримова Е. Ю.* Общественные собрания в повседневной жизни уральского города во второй половине XIX — начале XX в. / Е. Ю. Казакова-Апкаримова // Уральский исторический вестник. — 2011. — № 1. — С. 111—116.

9. *Книга Е. Н.* Развитие архитектуры учреждений дополнительного образования детей в Беларуси / Е. Н. Книга // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия F. Прикладные науки. Строительство. — 2016. — № 8. — С. 12—17.

10. *Коньшева Е. В.* Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х — 1950-х гг. в контексте развития советского зодчества / Е. В. Коньшева. — Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 2005. — 176 с. — ISBN 5-85716-567-9.

11. *Коньшева Е. В.* От «Мунданеума» к клубному комплексу ЧТЗ : Андрей Буров в диалоге с Ле Корбюзье / Е. В. Коньшева // Архитектура и строительство России. — 2020. — № 3. — С. 28—31.

12. *Попов Д. И.* Народные дома в России в начале XX в. / Д. И. Попов // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». — 2019. — № 3. — С. 98. — DOI: 10.25513/2312-1300.2019.3.97-105.

13. *Радионов Т. В.* Архитектурно-художественные принципы ревитализации дворцов культуры 1950-х гг. / Т. В. Радионов, С. А. Борознов, Н. Р. Смирнова // Вестник Донбасской национальной академии строительства и архитектуры. — 2018. — № 4—1. — С. 92—96.

14. Розенталь И. С. «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII — начало XX вв. / И. С. Розенталь. — Москва : Новый хронограф, 2007. — 398 с. — ISBN 978-5-9481-050-8.

15. Селиванова А. Н. Постконструктивизм. Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР / А. Н. Селиванова. — Москва : БуксМАрт, 2018. — 318 с. — ISBN 978-5-6040055-9-0.

16. Смирнов Л. Н. Архитектура конструктивистских клубов Екатеринбурга 1920—1930-х годов / Л. Н. Смирнов, А. В. Бушмина // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. — 2015. — № 1. — С. 32—37.

17. Токменинова Л. Клуб строителей : Екатеринбург, проспект Ленина, 50 (1929—1933) : Архитектор Яков Корнфельд / Л. Токменинова. — Екатеринбург : Татлин, 2016. — С. 709—763. — ISBN 978-5-00075-059-9.

18. Чепкунова И. В. Клубы, построенные по программе профсоюзов 1927—1930 / И. В. Чепкунова. — Москва : Гос. музей архитектуры им. А. В. Щусева, 2006. — 148 с.

19. Шадрин В. О. Заводские дворцы и дома культуры Перми 1960-х — начала 1980-х годов и городская культурная жизнь / В. О. Шадрин // Город Пермь в промышленном развитии России: исторический опыт и современный потенциал. Материалы научно-практической конференции. 2018. — Пермь : Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 2018. — С. 247—253. — ISBN 978-5-398-02116-5.

20. Шпаков И. В. Клубы, дома и дворцы культуры как архитектурные доминанты городов СССР 1951—1955 гг. / И. В. Шпаков // Проблемы развития повседневной культуры и организации досуга детей и молодежи в СССР в 1945—1964 гг.: общесоюзный и региональный срез / Отв. ред. А. В. Липатов. — Волгоград : Сфера, 2019. — С. 77—80.

21. Юсупов М. Р. Просветительная деятельность земств Урала на рубеже XIX—XX веков : народные дома / М. Р. Юсупов // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. — 2015. — № 4. — С. 74—85.

22. Kalashnikov A. Historicist Architecture and Stalinist Futurity / A. Kalashnikov // Slavic Review. — 2020. — № 3 (79). — Pp. 591—612. — DOI: 10.1017/slr.2020.159.

Статья поступила в редакцию 02.03.2024,
одобрена после рецензирования 03.05.2024,
подготовлена к публикации 21.05.2024.

Material resources

AZGO — *Archive of Zlatoust city district. F. R-140. Op. 1. Ed. hr. 588. Working drawings of the club of metalworkers of the Ashinsky plant.* (In Russ.).

Belyankin, G. I., Korotkovsky, A. E. (1973). Public buildings of the city. *Architecture of the USSR*, 10: P. 20. (In Russ.).

Chikurova, T. (2012). The palace that is young at heart. *Evening Pervouralsk. April 19.* (In Russ.).

Dedov, G. I., Shatrov, L. A. (1967). *Kizel*. Perm: Book Publishing House. 80 p. (In Russ.).

I do not want a different fate. (2016). Yekaterinburg: Prime. 589 p. (In Russ.).

Kazarinova, V. I., Pavlichenkov, V. I. (1961). *Magnitogorsk*. Moscow: State Publishing House of Literature on Construction, Architecture and building materials. 248 p. (In Russ.).

Knyazev, K. (1948). The Palace of Culture in Zlatoust. *Architecture and construction*, 4: 8—10. (In Russ.).

Kolesnikov, S., Sharonov, M. (1948). To the results of the All-Russian competition for the best built buildings. *Architecture and construction*, 6: P. 6. (In Russ.).

- Livshits, Ya. (1967). Palace of Culture in Pervouralsk. *On construction sites in Russia*, 10: P. 21. (In Russ.).
- Montreal will find out about him. (1967). *On shift! March 28*. (In Russ.).
- Palace of Culture in the city of Satka — author architect T. Erwald. (1952). *Architecture of the USSR*, 3: 21—24. (In Russ.).
- Rakhmanova, E. A. (1962). Pervouralsk in 1980. *Under the banner of Lenin. April 27*. (In Russ.).
- Shishov, L. V. (1934). Workers Club. The experience of reconstruction of the club of the Verkhny Isetsy plant named after Kabakova. *Experience of construction*, 6: 3—7. (In Russ.).
- Soviet architecture for XXX years of the RSFSR*. (1950). Moscow: Publishing House of the Academy of Architecture of the USSR. 332 p.
- Strigalev, A. A. (1959). *Nizhny Tagil. Housing and civil engineering*. Moscow: State Publishing House of Literature on Construction, Architecture and building materials. 108 p. (In Russ.).
- Terekhin, A. S. (1973). *Architecture of Perm*. Perm: [b. i.]. 25 p. (In Russ.).
- The best works of Soviet architects, 1979—1980*. (1983). Moscow: Stroyizdat. 256 p. (In Russ.).
- Umansky, N. (1953). Architecture of the Nizhny Tagil Palace of Culture of metallurgists. *Architecture of the USSR*, 9: 16—18. (In Russ.).
- What will be the House of Culture. (1962). *Under the banner of Lenin. August 19*. (In Russ.).
- Zuev, A. (2018). GDK: past, present and future. *Ufaleysky rabochy. January 19*. (In Russ.).

References

- Ageeva, E. Y. (2018). Palaces of culture of social towns as unique historical and cultural objects. *Privolzhsky Scientific Journal*, 3: 128—136. (In Russ.).
- Architectural design of public buildings and structures*. (1984). Moscow: Stroyizdat. 543 p. (In Russ.).
- Boev, A., Nagugnikova, D. (2021). *Identity in the standard. The past, present and future of the system of houses and palaces of culture in Russia*. Yekaterinburg: TATLIN. 296 p. ISBN 978-5-00075-291-3. (In Russ.).
- Bugrov, K. D. (2020). Constructivist clubs of the Greater Urals: typology and placement. In: *Twelfth Tatishchevsky readings: All-Russian scientific and practical conference (Yekaterinburg, November 19—20, 2019): materials*. Yekaterinburg: Publishing house KVADRAT. 237—244. ISBN 978-5-91357-078-9. (In Russ.).
- Chepkunova, I. V. (2006). *Clubs built according to the trade union program of 1927—1930*. Moscow: A. V. Shchusev State Museum of Architecture. 148 p. (In Russ.).
- Degteva, L. (2017). *Profintern Club: Yekaterinburg, Volodarsky, 9: 1913—1928: Ivan Yankovsky, K. Korzhinsky, architect and engineer*. Yekaterinburg: Tatlin. 805—852. ISBN 978-5-00075-131-2. (In Russ.).
- Gavrilova, S. I. (2023). Soviet heritage: clubs, palaces of culture and other cultural mass structures of Kamensk-Uralsky, erected in the 1930s—1960s. *Architecton: izvestiya vuzov*, 4: S. 19. (In Russ.).
- Kalashnikov, A. (2020). Historicist Architecture and Stalinist Futurity. *Slavic Review*, 3 (79): 591—612. DOI: 10.1017/slr.2020.159.
- Kazakova-Apkarimova, E. Yu. (2011). Public meetings in the daily life of the Ural city in the second half of the XIX — early XX century. *Ural Historical Bulletin*, 1: 111—116. (In Russ.).

- Kniga, E. N. (2016). Development of architecture of institutions of additional education for children in Belarus. *Bulletin of Polotsk State University. Series F. Applied sciences. Construction*, 8: 12—17. (In Russ.).
- Konysheva, E. V. (2020). From the “Mundaneum” to the CHTZ club complex: Andrey Burov in dialogue with Le Corbusier. *Architecture and Construction of Russia*, 3: 28—31. (In Russ.).
- Konysheva, E. V. (2005). *Urban planning and architecture of Chelyabinsk in the late 1920s — 1950s. In the context of the development of Soviet architecture*. Chelyabinsk: Publishing House of ChSPU. 176 p. ISBN 5-85716-567-9. (In Russ.).
- Popov, D. I. (2019). Folk houses in Russia at the beginning of the XX century. *Bulletin of Omsk University. The series “Historical Sciences”*, 3: P. 98. DOI: 10.25513/2312-1300.2019.3.97-105. (In Russ.).
- Radionov, T. V. (2018). Architectural and artistic principles of revitalization of palaces of culture of the 1950s. *Bulletin of the Donbass National Academy of Construction and Architecture*, 4—1: 92—96. (In Russ.).
- Rosenthal, I. S. (2007). “And here is the public opinion!” *Clubs in the history of the Russian public. The end of the XVIII — beginning of the XX centuries*. Moscow: Novy Chronograph. 398 p. ISBN 978-5-9481-050-8. (In Russ.).
- Selivanova, A. N. (2018). *Postconstructivism. Power and Architecture in the 1930s in the USSR*. Moscow: BuksMArt. 318 p. ISBN 978-5-6040055-9-0. (In Russ.).
- Shadrin, V. O. (2018). Factory palaces and houses of culture of Perm in the 1960s — early 1980s and urban cultural life. In: *The city of Perm in the industrial development of Russia*. Perm: Perm National Research Polytechnic University. 247—253. ISBN 978-5-398-02116-5. (In Russ.).
- Shpakov, I. V. (2019). Clubs, houses and palaces of culture as architectural dominants of the cities of the USSR 1951—1955. In: *Problems of development of everyday culture and leisure activities for children and youth in the USSR in 1945—1964: all-Union and regional cross-section*. Volgograd: Sphere. 77—80. (In Russ.).
- Smirnov, L. N., Bushmina, A. V. (2015). Architecture of constructivist clubs of Yekaterinburg in the 1920s—1930s. *Academic Bulletin of UralNIIProekt RAASN*, 1: 32—37. (In Russ.).
- Tokmeninova, L. (2016). *Builders Club: Yekaterinburg, Lenin Avenue, 50 (1929—1933): Architect Yakov Kornfeld*. Yekaterinburg: Tatlin. 709—763. ISBN 978-5-00075-059-9. (In Russ.).
- Yusupov, M. R. (2015). Educational activity of the zemstvos of the Urals at the turn of the XIX—XX centuries: folk houses. *Bulletin of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin*, 4: 74—85. (In Russ.).
- Zvagelskaya, V. E. (2011). *Neoclassicism of the Soviet era in architectural monuments of the Sverdlovsk region*. Yekaterinburg: NIIMK. 157 p. (In Russ.).

*The article was submitted 02.03.2024;
approved after reviewing 03.05.2024;
accepted for publication 21.05.2024.*

Информация для цитирования:

Красильникова Е. И. Историческое прошлое и историко-культурное наследие бурят в отражении журнала «Сибирские огни» (1920—1980-е годы) : аспект политики памяти / Е. И. Красильникова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 408—429. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-408-429.

Krasilnikova, E. I. (2024). Historical Past and Historical-Cultural Heritage of Buryats as Reflected in Journal 'Sibirskie Ognī' (1920s-1980s): Memory Politics Aspect. *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 408-429. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-408-429. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Историческое прошлое и историко-культурное наследие бурят в отражении журнала «Сибирские огни» (1920—1980-е годы): аспект политики памяти

Красильникова Екатерина Ивановна

orcid.org/0000-0003-0014-0655

WoS ResearcherID: J-5268-2016

ScopusAuthorID 57203591375

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории и политологии
katrina97@yandex.ru

Новосибирский государственный
технический университет
(Новосибирск, Россия)

Благодарности:

Публикация подготовлена
при финансовой поддержке
Новосибирского государственного
технического университета,
проект №ТП-ИиП-1_24

Historical Past and Historical-Cultural Heritage of Buryats as Reflected in Journal 'Sibirskie Ognī' (1920s-1980s): Memory Politics Aspect

Ekaterina I. Krasilnikova

orcid.org/0000-0003-0014-0655

WoS ResearcherID: J-5268-2016

ScopusAuthorID 57203591375

PhD in History, Professor,
Department of History
and Political Science
katrina97@yandex.ru

Novosibirsk State
Technical University
(Novosibirsk, Russia)

Acknowledgments:

The publication was prepared
with the financial support
of Novosibirsk State Technical University,
project No. TP-IiP-1_24

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Цель статьи состоит в характеристике репрезентаций истории и историко-культурного наследия бурят на страницах журнала «Сибирские огни» в период с начала 1920-х до конца 1980-х годов в контексте государственной политики памяти. Методологическим ориентиром исследования послужило проблемное поле «Memory Studies». Сделаны выводы об интенсивной идеологизации исторического прошлого бурят на страницах журнала «Сибирские огни» на всех этапах советского периода, а также игнорирование журналом бурятского наследия, связанного с традициями буддистского Востока. Выявлено шесть этапов репрезентирования. На первом этапе (1920-е) бурятские авторы свободно писали в журнале об истории бурят, высказывали исторические обиды на Россию, добивались признания ценности бурятского историко-культурного наследия. На втором этапе (1930-е) в журнале публиковались только статьи русских авторов о бурятском прошлом в критическом тоне. На третьем этапе (1940—1950-е) «Сибирские огни» печатали статьи с разгромной критикой неугодных версий бурятской истории, представленных в национальной литературе. На четвертом этапе (1960—1970-е) бурятское прошлое совсем не обсуждалось в журнале. На пятом этапе (1980-е) провозглашался расцвет бурятской культуры под влиянием советского руководства. После распада СССР многое было переосмыслено и стало восприниматься как историческая ошибка. Журнал «Сибирские огни» снова стал публиковать статьи о бурятской литературой традиции, эпосе и др.

Ключевые слова:

политика памяти; историческая память; историко-культурное наследие; идеология; буряты; *Сибирские огни*.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The aim of the article is to characterize representations of the history and historical-cultural heritage of the Buryats in the pages of the *Sibirskie Ogn*i journal from the early 1920s to the late 1980s in the context of state memory politics. The methodological framework of the study was the field of “Memory Studies.” Conclusions were drawn about the intense ideologization of the historical past of the Buryats on the pages of the *Sibirskie Ogn*i journal at all stages of the Soviet period, as well as the journal's disregard for Buryat heritage associated with the traditions of Buddhist East. Six stages of representation were identified. In the first stage (1920s), Buryat authors freely wrote in the journal about Buryat history, expressed historical grievances against Russia, and sought recognition of the value of Buryat historical-cultural heritage. In the second stage (1930s), only articles by Russian authors about Buryat history in a critical tone were published in the journal. In the third stage (1940s-1950s), *Sibirskie Ogn*i journal printed articles with crushing criticism of inconvenient versions of Buryat history presented in national literature. In the fourth stage (1960s-1970s), Buryat history was not discussed at all in the journal. In the fifth stage (1980s), a flourishing of Buryat culture was proclaimed under the influence of Soviet leadership. After the collapse of the USSR, much was rethought and perceived as a historical mistake. The *Sibirskie Ogn*i journal began publishing articles again on Buryat literary traditions, epic poetry, etc.

Key words:

memory politics; historical memory; historical-cultural heritage; ideology; Buryats; *Sibirskie Ogn*i.

УДК 94(47).084.3/.6+94(571.56)“192/198”:070

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-408-429

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Историческое прошлое и историко-культурное наследие бурят в отражении журнала «Сибирские огни» (1920—1980-е годы): аспект политики памяти

© Красильникова Е. И., 2024

1. Введение = Introduction

Исследования политики памяти можно признать одним из трендов развития современного социально-гуманитарного знания, в том числе и исторического. Концептуализация политики памяти и вхождение этого понятия в широкий обиход состоялись в современности, хотя фактически политика памяти более или менее осознанно и последовательно конструировалась и в прошлом. Каналы трансляции политики памяти были и остаются разнообразными и многочисленными. Их львиная доля представлена СМИ, которые не только воспроизводят и тиражируют актуальные политические лозунги, но также интерпретируют и разъясняют обществу смыслы политики памяти, государственной и не только. В советское время ведущими медиаторами политики памяти выступали печатные издания, тем более до широкого распространения радио и телевидения, особенно в наиболее отдаленных от столицы районах страны. Именно поэтому заслуживает особенного исследовательского внимания коммуникативная роль ведущих журнальных изданий страны в формировании исторической памяти советского общества, в том числе ее региональной и этнической составляющих. В советское время в решении задач государственной политики памяти активно участвовал непрерывно издававшийся, многотиражный журнал «Сибирские огни», регулярно обращавшийся к истории и проблемам культурного наследия народов Сибири, в том числе и бурятского народа.

По мере своего укрепления советская власть все строже контролировала деятельность литераторов и журналистов, видя в ней значительный идеологический ресурс, использовавшийся властью для собственной легитимации и конструирования социальных идентичностей. Авторы журналов, интегрированные в государственную политико-идеологическую систему, должны были участвовать в создании и продвижении однотипных нарративов исторического развития народов СССР. Однако применение идеологизированных шаблонов к конструированию литературными средствами

памяти о прошлом народов Сибири в реальности осложнялось разнообразием регионов, народов и их национальных историй, которые трудно было уложить в одну нарративную схему. Анализ специфики репрезентаций исторического прошлого различных народов Сибири в региональной журнальной периодике раскрывает это разнообразие, хорошо заметное даже после обработки жесткой гребенкой советской идеологии. Выявление нарративных схем, порожденных диктатом государственной политики памяти, позволяет обнаружить и латентные болевые точки исторической памяти народов, которые советская власть старалась максимально интегрировать в общесоветское культурное пространство, основанное прежде всего на русской культуре. Изучение советского опыта идеологизации отдельных национальных историй представляется нам чрезвычайно важным в свете современности, когда российское государство актуализировало необходимость формирования новой идеологии, цивилизационного самоопределения России и ценностных ориентиров многонационального российского общества, утверждение которых осуществимо лишь на фундаменте исторической памяти, воздействие на которую требует глубокой осведомленности о ее специфике и деликатного отношения.

Наша попытка проследить влияние политики памяти на деятельность популярного советского литературного журнала отличается новизной. Работы по истории политики памяти в советское время вообще до сих пор немногочисленны [Сидорчук, 2020], особенно на востоке страны [Красильникова и др., 2023; Тишкина и др., 2023]. При этом необходимо отметить имеющиеся успехи в изучении регионального измерения политики памяти в современной России. Выявлен и обобщен тематический репертуар политики памяти и вопросы взаимоотношения ее федеральных и местных акторов [Политика памяти ..., 2023]. Но, влияние политики памяти на региональную периодику, а также влияние периодики на коллективную память жителей регионов остается изученным слабо, особенно применительно к советскому периоду. Систематически изучалась лишь роль дореволюционной периодики в формировании представлений российского общества о Сибири [Родигина, 2006] и ее народах [Сенина, 2005; Ледовских, 2009], прошлое которых в репрезентациях периодических исследований затрагивалось, но не исследовалось специально.

Социально-политические, культурные и хозяйственные контексты репрезентаций исторического прошлого бурят на страницах «Сибирских огней» выявляются нами в опоре на современные обобщающие труды по истории республики Бурятия в XX веке [История Бурятии ..., 2011; Елаев, 2023], работы, специально раскрывающие вопросы социокультурного развития бурят в советское время [Амгаланова, 2018; Балдано, 2014; Бороно-

ва и др., 2012; Дроботушенко, 2021; Номогоева, 2011а, 2011б; Трегубова, 2017] и публикации по истории бурятской литературы [Очерк ..., 1959].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель предлагаемой статьи состоит в характеристике репрезентаций истории и культурного наследия бурят на страницах «Сибирских огней» в 1920—1980-е годы в контексте государственной политики памяти. В задачи исследования входит выявление контекстов, определявших специфику создания журнальных репрезентаций истории Бурятии, и установление этапов этого репрезентирования, в рамках которых происходили изменения смыслов политики памяти и ее приемов.

История политики памяти изучается нами в ориентире на проблемное поле «Memory Studies» [Репина, 2016] с применением историко-генетического, историко-сравнительного методов и элементов дискурсивного анализа.

Основными источниками данного исследования послужили девятнадцать публикаций журнала «Сибирские огни» за 1920—1980-е годы, тематически связанных с историческим прошлым бурят (публицистика, литературная критика и рецензии на литературные произведения, поэзия). Их авторами были как русские, так и бурятские литераторы, писавшие и на русском, и на родном языке. Произведения последних печатались в журнале в переводе на русский язык.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Контексты политики памяти

В начале 1920-х годов контуры государственной политики памяти еще четко не определились. Однозначным условием публичных высказываний о «царском времени» и периоде господства «контрреволюционных правительств» была дискредитация прежних властей и контрастная ей героизация борцов за свободу, прежде всего большевиков. Открывшейся возможностью критиковать уже павшую в России государственную власть пользовались представители национальных интеллигенций, чьи высказывания в открытой печати отражали то, что сегодня обычно называют «коллективными историческими травмами». Претензии к царю и прочим угнетателям смело экстраполировались вообще на русских, позитивная роль которых в разностороннем развитии отдельных народов могла вовсе не упоминаться. В более мягком варианте говорилось о незаслуженном игнорировании ценности традиционных национальных культур и о необходимости признания этой ценности в свете ее общечеловеческого значения. Возможность открыто воспевать национально-региональное своеобразие «освобожденных народов» мыслилась как значительное революционное

достижение. Его сущность виделась в долгожданной реализации принципа справедливости для всех жителей многонациональной страны.

Государственная политика памяти следующего десятилетия отличалась радикализмом. В условиях культурной революции 1930-х годов стала отрицаться ценность многообразных традиционных культур, которым противопоставлялась универсалистская социалистическая культура. Замещение ею решительно отвергавшихся «устаревших» традиционных устоев представлялось жизненно важным. Широко пропагандировалась мысль о тупиковости исторического развития на основе традиционалистской парадигмы. Предполагалось, что в прошлое должны уйти прежние социально-экономические порядки, религия и быт. Борьба за социализм «в атмосфере растущей классовой непримиримости» означала, кроме прочего, обострение репрессивной политики государства против «старых» элит этно-национальных сообществ. Как следствие, печать стала выставлать классовых врагов трудового народа — баев, нойонов, лам, шаманов (в бурятской версии) — вредоносными консерваторами всего комплекса этно-национальных традиций, эксплуататорскую суть которых должна была разоблачать советская литература. Началось и «разоблачение» «буржуазно-националистической» сущности элит интеллектуальных, чья культурно-просветительская деятельность, направленная на пробуждение национального самосознания в целях включения малых народов в борьбу, прежде всего, за свои политические права, воспринималась как откровенное проявление центробежной силы в рамках реализации общенациональной задачи строительства централизованного государства. В 1934 году многие выдающиеся представители бурятской национальной интеллигенции были обвинены в «панмонголизме», характеризовавшемся понятиями консервативной реакции и право-оппортунистического уклона, за чем последовали репрессии, в ходе которых пострадало и двенадцать писателей [Амгаланова, 2018, с. 6]. Кампания по борьбе с «панмонголизмом» была также обусловлена внешнеполитическими задачами большевиков, отказавшихся от идеи мировой революции и решивших «переориентировать» Бурят-Монголию с буддистского востока на Россию. Культурная близость бурят Тибету в 1930-х годах воспринималась как потенциальная угроза целостности советского государства. Поэтому даже бурятский язык власти перевели на кириллицу [Трегубова, 2017, с. 191—192].

Однако культурная революция щадила от разрушения устное народное творчество, точнее, ту его часть, которая воспринималась как выражение «вековых чаяний» обездоленных слоев населения — «жертв эксплуатации». Считалось, что тема классовой борьбы является для фольклора разных народов исконной, и в универсальности этой тематики отражается единство

угнетенных народных масс. Этим объясняется рост интереса к фольклору, в частности к героическому эпосу, славившему героев-освободителей, поднявшихся из бедноты. В культуре трудового народа, которая приравнивалась к народной культуре, виделся потенциал для ее дальнейшего развития в культуру социалистическую, интернациональную. Предполагалось, что советская культура воспримет наследие множества народов страны Советов. Поэтому со второй половины 1930-х годов интенсифицировалась работа фольклористов над записью эпоса от сказителей. Унификация эпоса представлялась одной из важных задач в рамках нациестроительства, а перевод эпоса в форму письменного текста делал эпос достоянием современной культуры [Балдано, 2014, с. 32]. С 1948 по 1951 годы республиканское партийное руководство активно навязывало сообществу литераторов оценки бурятского эпоса «Гэсэр» как «военно-феодального», «нойонатско-аристократического» и «антирусского». По мнению современного бурятского историка М. Н. Балдано, эти нападки были обусловлены как политикой центральных властей, настроившихся резко против эпических традиций многих народов одновременно, так и внутриреспубликанскими политическим противоречиями, связанными с борьбой за власть. Во всяком случае, после смены руководства республики, уже в 1951 году был вновь официально признан народный характер «Гэсэра» и отменена его прежняя негативная оценка. Издание литературной версии эпоса состоялось только в 1953 году. С героического эпоса народов СССР снимались всевозможные обвинения, но это не означало автоматической постановки исторически сложившихся культурных традиций этих народов на одну ступень с культурой русской.

1950-е годы ознаменовались небывалым до сих пор превознесением русского народа, благодаря которому, как повсеместно вещала пропаганда, другие народы преодолели «грань вымирания» и вышли на совершенно новый, «светлый», то есть прогрессивный этап социально-экономического и культурного развития. Политика памяти 1930-х—1950-х годов дала свои плоды, сформировав поколенческий разрыв. Молодежь оказалась практически оторванной от традиционной культуры, о которой узнавала скорее из политизированных советских книг, нежели из личного опыта инкультурации в условиях еще живых этнических традиций. Строгость прежней риторики, использовавшейся для дискредитации исторического прошлого, сделалась избыточной. Поэтому, к примеру, в сказках теперь акцентировалась не классовая борьба, а их морально-этическое значение [Воскобойников, 1964]. В целом же дореволюционное прошлое по-прежнему обобщалось и очернялось в противопоставление настоящему, мыслившемуся как уже сбывшаяся «вековая мечта» народа о счастье и справедливости. Интерес же к своеобразию различных национальных культур был в это время притуплен. Даже

в 1980-х официальный взгляд на историю отдельных национальных районов Сибири оставался неизменным. Однако параллельно, на фоне общего ослабления вертикали власти и государственной идеологии, в среде интеллигенции возрос интерес к традиционной культуре, в частности к эпосу, на который появилась возможность взглянуть словно новыми глазами, отказавшись от фактически устаревших морально идеологических оценок прошлого и задуматься о духовных смыслах эпической истории.

3.2. Репрезентации 1920-х: большие ожидания от смены эпох

В начале 1920-х годов на страницах «Сибирских огней» еще могли публиковать свои произведения представители «старой» интеллигенции — писатели, краеведы, этнографы, фольклористы, порой высказывавшие полярные точки зрения в отношении ценностных ориентиров общества в прошлом и настоящем. Эта особенность была присуща и национальным литературам. Так, «бурятский литературный дискурс начала 1920-х годов развивался в условиях дихотомии — сочетания национального и революционного» [Номогоева, 2011б, с. 68].

В отношении авторов «Сибирских огней» к историческому прошлому Сибири в целом и ее отдельных национальных районов в частности обнаруживает себя общее оптимистичное ожидание. Авторы, писавшие на бурятскую тему, радовались освобождению от цензурных ограничений царских времен и открывшейся возможности изучать и описывать прошлое иначе, чем при старом режиме. Ключевыми, шаблонными характеристиками в журнальных описаниях «царских времен» изначально и надолго стали «нищета» и «вымирание» бурят, якобы влечивших жалкое состояние под гнетом феодалов и царских чиновников, как, впрочем, и другие народы Сибири. Корни этой общей мысли стоит искать в марксистской журнальной публицистике второй половины XIX века. Опираясь на исследования историков публицистики [Матханова, 2022, с. 86], можно заключить, что авторы 1920-х годов воспроизводили взгляд своих предшественников на судьбу «инородцев», однако «новая эпоха» побуждала их говорить о «вымирании» уже как о прошлом, оставшемся, к счастью, позади. Вопрос же о том, какие именно возможности дала советская власть для изучения и репрезентаций в публичном пространстве прошлого бурят, решался авторами ранних «Сибирских огней» по-разному.

Так, Туя Солбонэ (П. М. Дамбинов) — бурятский поэт и общественно-политический деятель, впоследствии обвиненный в «панмонголизме» и расстрелянный, спешил рассказать читателям о красоте древнего эпоса, народных поэм «Алтан-Шагай», «Мыргэн», «Шоно-Батор», шаманских песнях и заклинаниях, прежде незамеченных русскоязычной аудиторией [Солбонэ, 1923, с. 246]. Кратко пересказав основное содержание «известного только

некоторым востоковедам» эпоса «Гэсэр», поэт интерпретировал его смысл как выражение универсальных ценностей правды, справедливости, добра и красоты. Социальный смысл шаманской поэзии он представил как «скорбь и горечь того, кто обратился к за помощью к небесным богам через шамана». Народное творчество «складывалось на историческом фоне побед и поражений, подъема и падения, радости и скорби бурят-монгольского народа», но народная литература все-таки, в понимании Солбонэ, имеет «общечеловеческое значение». Именно универсальные смыслы, стоящие над социальными, более всего привлекали поэта, очарованного также непреходящей красотой древнего стиха и призывавшего успеть запечатлеть исчезающие «жемчужины азиатской поэзии» [Там же, с. 248].

Иная версия «другого» письма о прошлом бурят выражена в фактически анонимной разоблачительной статье «Насильственное крещение бурят» [Ква, 1927]. Все «движение русских на восток» характеризуется в статье как «движение торгового капитала», вредоносность которого признавалась до революции авторами либеральных и народнических изданий [Матханова и др., 1922, с. 85], а промышленные люди, поддержанные царем, служилые люди и «голодные волжские крестьяне» — как «типичные искатели наживы», «вытеснявшие бурят», «грабежом и насилием добывавшие у туземцев богатства». Автор винил «русскую цивилизацию» в эксплуатации, грабеже, заражении сифилисом и оспой бурят, наконец, в их вырождении и вымирании. Но буряты в этой истории не безвольны, хотя и безуспешны в борьбе с врагами: сообщается, что в 1696 году Иркутск выдержал осаду бурят, выступивших против ясака. Винит автор русских и в насильственной русификации бурятского населения через принудительные крещения (их критиковали также авторы марксистского и областного толка до революции), за которыми стояла экономическая выгода, а вовсе не духовные мотивы.

Одновременно со второй половины 1920-х годов «Сибирские огни» начали представлять формально-официозный, просоветский и пророссийский взгляд на историю бурят. Впервые это выразилось в заметке о достижениях республики, опубликованной в 1927 году [Достижения ..., 1927]. Собственно прошлое края не описывалось. Однако перечисление достижений указывало на то, чего у бурят не было без советской власти: прежде всего «права на автономное существование» и возможности самостоятельного созидать свою государственность. Современность же связывалась с решением этих проблем.

3.3. Репрезентации 1930-х: привязанность к прошлому как отсталость

С конца 1920-х годов журнал представлял внешний взгляд на территорию, исконно населенную бурятами, с точки зрения нового этапа ее хозяй-

ственного освоения и социально-культурного преобразования на советский манер. Таковы очерки, основанные на путевых заметках путешественников, с экономическими целями разведывавших край. Их авторы опять-таки воспроизводят дореволюционное отношение русских публицистов к «иностранцам», подчеркивая их «отсталость» в сравнении с русскими, даже обвиняя в этой отсталости, но одновременно доказывая их потребность в заботе русских [Матханова и др., 2022, с. 86]. В очерке Е. Титова о путешествии в Северную Даурию своеобразие края раскрывается автором через пестрые внешние впечатления, попутные разговоры с местными жителями и беглое знакомство с историей отдельных мест. В глазах автора, посещенная им земля, населенная коренными народами, потому и остается окраиной, что живет она преимущественно старыми порядками, а ее обитатели все еще сохраняют много сходства со своими дореволюционными предками, хотя новая советская эпоха, пусть не во всем, но заставляет их меняться. И это, по мнению автора, — к лучшему. Так, нет уже старых байкальских «горлохватов омулятников», беспардонно наживавшихся на рыбной ловле, но жители побережья не перестали думать о выгоде: «Байкал воспитывает» [Титов, 1927, с. 183—184]. При советской власти «житье» русских рыбаков сравнялось «со старым еврейским житьем», а «бурят еще только достигает прежнего русского». Автор снисходительно воспроизводит услышанные на Байкале пересуды: «Бурят на революции выиграл больше всех: он ничего не делал и все получил»; «Над бурятской автономией подсмеиваются, великодушно прощая ее дефицитность» [Там же, с. 184].

Еще критичнее взгляд на прошлое бурят и его «пережитки» выразил в своем очерке ветеринар В. Васильев, посетивший «полудикий» остров Ольхон. Автор описал вереницу типажей и характеров (преимущественно неприятных), встреченных по пути. Все они в его понимании сложились исторически под воздействием каторги, сектантства и шаманизма. Ольхон, населенный бурятами и потомками «ясашных людей», выглядит особенно жалко: жители острова скудно питаются, страдают проказой, сифилисом, туберкулезом и постепенно вымирают. Вихрь революции, докатившийся до Ольхона, «сломав крест на церкви, выстроенной для обращения бурят в православие» и «утешения каторжан» [Васильев, 1931, с. 73]. Однако обновление отсталого края, погрязшего в таяжных суевериях, так и не случилось. Между тем В. Васильев заявляет о жизненной необходимости преодоления этого ветхого состояния.

Более поверхностный и беглый взгляд на территорию, исконно населенную бурятами, представлен в очерках инженера Б. Жеребцова — участника экспедиции, обследовавшей местность, где планировалась глобальная стройка — Ангарская ГЭС [Жеребцов, 1931, 1931б]. Местное коренное

население названо им «аборигенами» без уточнения их этничности. Сообщается лишь то, что степи, которые населяют аборигены, издавна были «плацдармом скотоводчества» [Жеребцов, 1931a, с. 61], теперь же их ждет иное будущее, связанное с приходом цивилизации.

3.4. 1940—1950-е: народ, спасенный от вымирания дружбой с рабочим классом великого русского народа

В «Сибирских огнях» долгое время практически не публиковали произведения бурятских писателей и поэтов, а обзор бурятской национальной литературы в прошлом и настоящем был предложен лишь в 1947 году писателем и литературоведом Л. М. Коптеловым [Коптелов, 1947]. Он отметил большую работу бурятских филологов и литераторов над сбором, переводом на русский и публикацией бурятских сказок, а также труд писателя Н. Г. Балдано над составлением сводного текста эпоса «Гэсэр». Ориентируясь на мнение А. М. Горького, Коптелов характеризовал работу по сбору и описанию бурятского фольклора как «большую и нужную» [Там же, с. 118]. В отношении художественной литературы Коптелову пришлось сказать, что лучшие произведения бурятских авторов не переведены на русский язык, а значит, и почти неизвестны в СССР. Им сообщалось, что до революции буряты пользовались монгольским алфавитом. По версии Коптелова, в тот период бурятские авторы не создали значительных произведений, но уже в первых пьесах, написанных после 1905 года Д. А. Абошеевым и И. В. Барлуковым, прослеживался мотив протеста против национального угнетения. Излагая дальнейшую историю бурятской литературы, Коптелов ориентировался на общую схему, применявшуюся в эти годы к истории национальных литератур, согласно которой до революции государственная власть не считала народы Сибири за людей, «у них не было прав кроме одного — права постепенно вымирать» [Там же, с. 120]. В настоящем же, как заявлял автор очерка, все эти народы участвуют в строительстве нового справедливого мира. Советская литература, создаваемая этими народами, дает возможность проследить «всю историю классовой борьбы в нашей стране», трудный и славный путь от «полудикости и самой настоящей дикости к вершинам культурной жизни, к социализму» [Там же, с. 121].

Эта схема была проиллюстрирована рядом примеров писательских биографий, прежде всего Х. Н. Намсораева, познавшего в детстве все тяготы бедняцкой жизни, «от сведущих людей перенявшего монгольскую грамоту», ставшего учителем, революционером, партийным работником, наконец, депутатом Верховного Совета СССР [Там же, с. 122]. Такая биографическая схема была абсолютно типична для «Сибирских огней», где многократно публиковались материалы о советских писателях — представителях коренных народов Сибири.

Признавая важность исторической тематики, доминировавшей, по его словам, в бурятской (бурят-монгольской) литературе, Л. М. Коптелов подчеркивал «чрезмерную увлеченность авторов этой тематикой», приводившую к «идеализации жизни царей, ханов, вельмож», интересы которых, якобы, выдавались некоторыми авторами за народные [Там же, с. 125]. Эта статья Коптелова отразила драматичные события, связанные с начавшимися гонениями на писателей, в частности, на П. И. Малакшинова и Ч. Ц. Цыдендамбаева. Прочим же бурятским писателям вменялось бездействие — отсутствие сколько-нибудь значимых произведений, слабое и поверхностное отражение современности [Там же, с. 135].

В последующие годы «Сибирские огни» периодически предлагали читателям критические обзоры творчества бурятских писателей, произведения которых в журнале не публиковались. Фактически признанным живым классиком считался Х. Н. Намсараев, «отдавший свой талант народу, партии и великому Сталину», участвовавший в «разоблачении носителей буржуазно-националистической идеологии» [Галсанов, 1949]. Его биография неоднократно воспроизводилась авторами журнала. Однако в более поздних вариантах к стандартному описанию дореволюционных исторических контекстов этой биографии («грань вымирания», голод и холод, гнет и рабство, поголовная безграмотность и социальные болезни) добавилось заявление о том, что до революции у бурят (бурят-монгол) «не было своей письменности и литературы», было лишь устное народное творчество [Галсанов, 1949, с. 146; Романенко, 1954, с. 169]. В статье Д. Романенко, говорилось, что Х. Н. Намсараева в детстве научил читать и писать грамотный сосед, но умалчивалось, что читал и писал он на старо-монгольском [Романенко, 1954, с. 169].

В 1949 году был наконец представлен читателям в кратком пересказе «значительный» бурят-монгольский роман Х. Н. Намсараева «Цыремпил» о дореволюционном этапе борьбы народа за свободу и честь. В пересказе сообщалось, что герой, который с детских лет много страдал, восстает против веками сложившихся общественных устоев и дедовских традиций. Это приводит его на путь революции. Свободу же он обретает только благодаря непосредственной помощи «великого русского народа», прежде всего его рабочего класса. Одновременно сообщалось о «разоблачении» эпоса «Гэсэр» и о приверженности Намсараева стороне разоблачителей [Галсанов, 1949, с. 146—147]. Усиление акцента на роли русского народа в историческом развитии бурят хорошо заметно и на примерах стихов Ж. Т. Тумунова, публиковавшихся в «Сибирских огнях» в переводе поэта А. С. Ольхона (Пестюхина). Показательны в этом смысле строки: «Русский памятник — холм над пустыней стал монгольской народной святы-

ней» (о памятнике советским воинам, павшим в бою у реки Халхин-Гол) [Тумунов, 1948, с. 86].

В 1959 году в связи с кончиной Х. Н. Намсараева «Сибирские огни» кратко написали еще об одном его историческом романе — «На утренней заре». Суть произведения характеризовалась как отображение тяжелой жизни кочевников в старое время, их борьбы за счастье и дружбы с «великим русским народом». Некролог также подчеркивал значительное влияние, оказанное на творчество Намсараева русской литературой. А наиболее значительным достижением бурят, ставшим возможным только благодаря русским, «Сибирские огни» называли обретение этим народом государственности в форме национальной республики и равноправия «в семье народов СССР» [Хоца Намсараев ..., 1959].

Другим неоднократно отмеченным «Сибирскими огнями» бурятским автором, работавшим с темой национального прошлого, был А. А. Тороев — слепой импровизатор, «крупнейший представитель устного народного творчества», знаток народных улигеров, а также сочинитель поэм о Ленине, Сталине, Великой Отечественной войне, о новой Бурят-Монголии [Романенко, 1954, с. 169]. Его сочинения, стилизованные под традиционные улигеры, представляли максимально контрастную и наивно-схематичную картину социальных противоречий «в давние худые времена», а также героическое освобождение Лениным и Сталиным, представленными в образах былинных богатырей, исстрадавшегося трудового народа от гнета «жирных ханов с нойонами» [Тороев, 1948, с. 3].

Среди прочих бурятских авторов, продолжавших в 1950-х годах писать прозу на исторические темы, литературный критик «Сибирских огней» Д. Романенко называл Ж. Т. Тумунова, автора романа «Степь проснулась», посвященного гражданской войне в Забайкалье. В пересказе Романенко роман раскрывал тему роста и развития революционных сил и идею пробуждения классового сознания у бурят. Давая положительную оценку произведению, Романенко критиковал его за то, что «ход борьбы за Забайкалье показан несколько изолированно от общих операций в Красной армии и Народно-революционной армии», а роль компартии в руководстве партизанским движением с его начала не подчеркивалась [Романенко, 1954, с. 170]. Указывалось и на Ч. Ц. Цидендамбаева — автора романа «Доржи, сын Банзара» о детстве и юности первого бурятского ученого Доржи Банзарова. Основные смыслы содержания этого произведения были описаны как представление жизни героя на широком социальном фоне: сближения царской верхушки с представителями царской власти с целью обуздания народных масс и одновременного сближения русских и бурятских бедняков на фоне общей борьбы против царизма и против классового угнетения [Там же, с. 171—172].

Убийственная литературная критика второй половины 1950-х годов признавала активность бурятских драматургов, писавших пьесы на исторические темы, но одновременно обвиняла бурятских литераторов в неумении «разделять прогрессивное и реакционное» [Там же, с. 176]. Сами же критики старались успевать за последними идеологическими трендами, в частности, быстро реагируя на все этапы коллизии с «Гэсэром». Учитывая изменчивый и жестокий характер критики этого периода, не приходится удивляться малочисленности исторических произведений на бурятском языке. Писатели пасовали не только перед историческим сюжетами, в интерпретации которых было легко ошибиться, но и перед самим бурятским литературным языком. Доходило до того, что они писали на русском и просили помощи переводчиков, чтобы переложить произведения на бурятский [Там же, с. 177—178]. Это было связано с языковой политикой в Бурятии, со стремлением властей оторвать регион от традиций буддистского Востока и сблизить с Россией. Переход со старо-монгольской письменности на латиницу, а потом и на кириллицу привел к тому, что на бурятском вообще мало кто умел грамотно писать [Трегубова, 2017, с. 193]. Энтузиазму в изучении национального языка и в литературном творчестве на бурятском, несомненно, мешал опыт «разоблачения» «панмонголистов» и «буржуазных националистов», пытавшихся сохранять и популяризировать культурное наследие предков, связанное с традициями буддистского Востока. Дефицит на произведения бурятских авторов можно объяснить и изданием с 1947 года литературного журнала «Байкал», который «переманивал» авторов у «Сибирских огней».

Идеологические установки входили в диссонанс с жизненной практикой. Теоретики от советской литературы вещали о том, что «социалистическую культуру нельзя отрывать от старой национальной культуры, что создание новой культуры происходит не путем ликвидации старой культуры, а путем постепенного ее развития» [Романенко, 1954, с. 177], реально же формировался явный разрыв между старым и новым. Это замечали, в частности, фольклористы. Так, Н. О. Шаракшинова отмечала, что носителями сказок в улусах остаются представители старшего поколения, а дети узнают сказки уже на уроках литературы. Этот факт отказывался замечать автор рецензии на книгу Шаракшиновой — фольклорист Р. А. Шерхунаев, посчитавший, что в этой работе не хватает упоминания о среднем поколении, которое в теории должно было знать сказки [Шерхунаев, с. 191]. На наш же взгляд, скорее права была Н. О. Шаракшинова, фактически показавшая умирание традиции и культурный разрыв между поколениями.

Согласно современной историографии, в Бурятии 1950—1960-х годов, хотя и не существовало развитой инфраструктуры, необходимой для от-

правления буддистского религиозного культа, буряты в массе оставались довольно религиозными людьми [Добротушенко, 2021, с. 96.]. Но, на рубеже 1950-х и 1960-х годов ужесточилась религиозная политика государства. [Боронова и др., 2012, с. 139]. Против сохранения религиозности должна была нацеливаться и советская литература. В этом смысле как значимое событие «Сибирские огни» преподнесли выход исторического романа Д. О. Батожабая «Похищенное счастье» [Белоусов, 1960]. Но о нем журнал лишь информировал в рецензии. Роман характеризовался как «огромное эпическое полотно». Согласно рецензии, он отражал постепенный процесс социалистического пробуждения бурятских трудящихся в период с конца 1880-х годов до революции 1917 года. Стандартный соцреалистический сюжет о страданиях «темного» народа, угнетенного богачами, нойонами и ламами, развивался в историю империалистического владычества да-лай-ламы над массами верующих, «одураченных религией». В итоге роман превращался в «страстное, художественно-убедительное разоблачение буддизма» [Там же, с. 188].

3.5. 1980-е: славный путь к процветанию пройден vs остатки наследия раскрывают другое прошлое знакомого народа

Бурятская тема возникла снова в «Сибирских огнях» лишь в первой половине 1980-х годов. В связи с юбилеем республики была представлена длинная официозная статья секретаря Бурятского обкома КПСС А. А. Бадиева, содержащая исторический обзор ее достижений [Бадиев, 1983]. Как и следовало в таких случаях, автор заявлял, что Бурятия за шестьдесят лет прошла исторический путь, равный по своей значимости целым векам. Дальнейшее содержание статьи состояло из идеологических тезисов, местами проиллюстрированных статистическими данными, характеризующими социальное и экономическое развитие Бурятской АССР. По-прежнему воспроизводились универсальные для республиканского нарратива постулаты о прогрессивном влиянии на Бурятию России, начиная с XVII века, а также о неизменной крепкой дружбе трудового большинства обоих народов. Именно это сближение, обусловленное общностью исторической судьбы, помогло бурятам сбросить тяжелые оковы колониального гнета царизма и осуществить рывок, достигнув подлинного расцвета после Великой Отечественной войны.

Параллельно «Сибирские огни» вновь обратились к национальному эпосу бурят. В 1981 году было опубликовано героическое сказание «Алтан-Шагай» в поэтическом переводе А. В. Преловского. В предисловии сообщалось о том, что это произведение, родственное «Гэсэру», было записано А. К. Богдановым на острове Ольхон от рыбака Б. Мосоева в 1929 году. Но лишь теперь «Сибирские огни» назвали эпос «сокровеннейшей па-

мутью народа» [Алтан-Шагай, 1981а, с. 32]. Сам же народ, казалось бы, давно знакомый, раскрывался в эпосе, по заверению переводчика, «с другой стороны». Осторожно написанное Преловским предисловие готовило читателя к восприятию эпической истории, которая «в первой части несет отражение древних родоплеменных отношений, а во второй выходит на общечеловеческие гуманистические позиции, проповедуя добро, мир, единство и счастье людей». Уже не акцентируя тему классовой борьбы, автор предисловия интерпретировал смысл подвигов героя как «привнесение своему народу благоденствия» [Там же].

4. Заключение = Conclusions

В советское время «Сибирские огни» активно участвовали в реализации государственной политики памяти, которая в случае с рассмотренным кейсом, тесно сплеталась с национальной политикой и конструированием национальных социалистических литератур. «Сибирские огни» не только представляли эти литературы читателям, но и брали на себя ответственность сурово судить их с позиции официальной идеологии. Суду подвергалось и национальное историко-культурное наследие. Авторы журнала также судили субъект истории — сами народы. Однако степень жесткости идеологического мерила таких оценок колебалась на разных этапах. С виду твердо уверенные в своей правоте литературные критики реально балансировали на острие ножа, стараясь соответствовать новейшим трендам государственной политики памяти.

На первом этапе, в 1920-х годах бурятские авторы, публиковавшиеся в «Сибирских огнях», сравнительно свободно обращались к прошлому своего народа. Революционность исторического момента воспринималась ими как возможность свободно высказывать исторические обиды на Россию и русских, но одновременно добиваться и признания ценности бурятского историко-культурного наследия (эпос, поэзия). Эти авторы фактически воспроизводили идеи, оформившиеся в русской журналистике еще до революции. При этом по идеологическим причинам «Сибирские огни» не уделили в 1920-х годах внимания существованию у бурят до 1917 года своей национальной литературы, получившей развитие в 1920-х—1930-х годах. На втором этапе 1930-х годов журнал игнорировал взгляд на прошлое бурят глазами представителей самого этого народа. О бурятском прошлом вскользь, неизменно в критическом тоне, пренебрежительно, с применением однотипных оценок писали исключительно русские специалисты.

На третьем этапе 1940—1950-х годов «Сибирские огни» принимали участие в разгромной критике «извращенных» версий бурятской истории, представленных в соответствующей национальной литературе. Журнал за-

нимался насаждением единообразного исторического нарратива, а также утверждением пантеона признанных бурятских литераторов. Однако выходило, что таковых оставалось немного. Те, кого не коснулись гонения, снизили творческую активность. Бурятскую прозу на исторические темы в «Сибирских огнях» не печатали, лишь иногда пересказывая некоторые произведения в обзорах. Читателю оставалось лишь доверять словам литературных критиков, не имея никаких возможностей составить собственное представление о бурятской исторической прозе. Не писали на этом этапе в «Сибирских огнях» и об успехах хозяйственного освоения края, которые выглядели тускло в сравнении, к примеру, с успехами освоения Якутии. Соответственно, потерял актуальность внешний взгляд на Бурятию и ее историю. В итоге в печати формировался невзрачный, невнятный и шаблонный образ исторического прошлого бурят. На четвертом этапе 1960—1970-х годов бурятское прошлое совсем исчезло со страниц журнала.

Между тем, если доверять последней публикации советского времени, Бурятия за эти два десятилетия достигла чуть ли не райского процветания. Этот оптимистический и очень официозный очерк отразил то, что в 1980-х, на пятом этапе, воспринималось еще как благо — резкий отрыв от традиционной культуры и существовавшего фактически до расправы с «буржуазными националистами» историко-культурного наследия. Однако после распада СССР и краха коммунистической мечты это было переосмыслено и стало восприниматься как большая историческая ошибка. Предвестником такого осознания можно признать новое обращение «Сибирских огней» к бурятскому эпосу. В условиях болезненной для общества модернизации национальные интеллигенции возвращались к прошлому культурному опыту, видя в этом возможность восстановить традиционные культурные программы, мыслившие как путь оздоровления общества и выхода из кризиса. В Бурятии была предпринята попытка «изобретения» реально уничтоженной традиции, ее реинкарнации в форме, фактически чуждой традициям, — в книжно-литературной, да еще и на языке, далеком от уже забытого оригинала. Власти же осуществляли всесоюзную программу, нацеленную на соединение множества традиций и наследий, несколько десятилетий подвергавшихся идеологизации, в глобальное, всесоюзное, универсальное целое. Цементом должна была служить марксистская догматика — идея о классовой борьбе как о главном смысле всякого устного народного творчества, прочность которой к этому времени уже ослабла. Переводчики и редакторы поэтизировали древность и выдавали свое желание представлять эпос, который они фактически конструировали, в большей степени как особенное, а не как типичное историко-культурное явление. Настоящее же литературное и вообще историко-культурное

наследие бурят, отражавшее взгляды национальной интеллигенции на прошлое этого народа, оказалось скрытым от читательской аудитории «Сибирских огней» на протяжении всего советского времени.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Алтан-Шагай*. Бурятское героическое сказание / перевод В. Преловского // Сибирские огни. — 1981а. — № 3. — С. 31—45.
2. *Алтан-Шагай*. Бурятское героическое сказание / перевод В. Преловского // Сибирские огни. — 1981б. — № 4. — С. 99—110.
3. *Бадиев А. А.* В братской семье советских народов / А. А. Бадиев // Сибирские огни. — 1983. — № 5. — С. 3—19.
4. *Белоусов А.* Новый бурятский роман / А. Белоусов // Сибирские огни. — 1960. — № 1. — С. 187—189.
5. *Васильев В.* Дорога на Ольхон / В. Васильев // Сибирские огни. — 1931. — № 2—3. — С. 59—74.
6. *Воскобойников М.* «Бурятская сатирическая сказка» [рецензия] / М. Воскобойников // Сибирские огни. — 1964. — № 2. — С. 191—192.
7. *Галсанов Ц.* Хоца Намсараев. Основоположник бурят-монгольской литературы / Ц. Галсанов // Сибирские огни. — 1949. — № 4. — С. 145—148.
8. *Достижения* Бурят-Монгольской республики // Сибирские огни. — 1927. — № 5. — С. 213.
9. *Жеребцов Б.* Край, где будет Ангарстрой / Б. Жеребцов // Сибирские огни. — 1931а. — № 4. — С. 60—70.
10. *Жеребцов Б.* Край, где будет Ангарстрой [окончание] / Б. Жеребцов // Сибирские огни. — 1931б. — № 5. — С. 48—61.
11. *К-ва А.* Насильственное крещение бурят / А. К-ва // Сибирские огни. — 1927. — № 1. — С. 101—109.
12. *Коптелов Л.* Литература народов Сибири / Л. Коптелов // Сибирские огни. — 1947. — № 5. — С. 118—136.
13. *Солбонэ Т.* О бурят-монгольском эпосе и о шаманской поэзии / Т. Солбонэ // Сибирские огни. — 1923. — № 5—6. — С. 246—248.
14. *Романенко Д.* Бурят-монгольская советская литература / Д. Романенко // Сибирские огни. — 1954. — № 4. — С. 169—178.
15. *Титов Е.* Северная Даурия : путевые заметки / Е. Титов // Сибирские огни. — 1927. — № 1. — С. 183—197.
16. *Тороев А.* Ситалин-батор. Улигер / А. Тороев ; перевод И. Луговского // Сибирские огни. — 1948. — № 1. — С. 3—9.
17. *Тумунов Ж.* Бурят-Монголия. Молодой бурятке. Песнь гуртоправа. Памятник у реки Халхин-Гол. Песня о мем коне [стихи] / Ж. Тумунов ; перевод А. Ольхона // Сибирские огни. — 1948. — № 3. — С. 85—86.
18. *Хоца Намсараев* [некролог] // Сибирские огни. — 1959. — № 9. — С. 192.
19. *Шерхунаев Р.* Устное творчество бурят / Р. Шерхунаев // Сибирские огни. — 1961. — № 2. — С. 190—191.

Литература

1. Амгаланова М. В. Бурятская социалистическая культура в контексте идейно-политических установок конца 1920-х — начала 1930-х годов / М. В. Амалганова // Культура и искусство. — 2018. — № 3. — С. 1—7. — DOI: 10.7256/2454-0625.2018.3.25510.
2. Балдано М. Н. Проект нацистроительства : сводный вариант эпоса «Гэсэр» / Н. М. Балдано // Вестник Бурятского государственного университета. — 2014. — № 7. — С. 1—35.
3. Боронова М. М. Политика властных структур по отношению к православной и буддистской конфессиям в Бурятии (1943—1961 годы) / М. М. Боронова, Т. Г. Степанова // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. — 2012. — № 7. — С. 135—139.
4. Дроботушенко Е. В. Антирелигиозная политика советской власти в Забайкалье в 1950-х — начале 1960-х годов и религиозность забайкальских бурят / Е. В. Дроботушенко // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. — 2021. — Т. 31. — Выпуск 1. — С. 92—99. — DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-1-92-99.
5. Елаев А. А. Республика Бурятия : 100 лет автономии и государственности : монография / А. А. Елаев. — Изд. 2, доп. и перераб. — Улан-Удэ : Издательство Бурятского государственного университета, 2023. — 566 с. — ISBN 978-5-9793-1853-0.
6. История Бурятии : в 3 т. / отв. ред. В. Б. Базаров. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. — Т. 3. — 464 с.
7. Красильникова Е. И. Празднование трехсотлетних юбилеев сибирских городов как отражение государственной и региональной политики памяти (1904—2016) / Е. И. Красильникова, С. С. Наумов // Вестник Томского государственного университета. История. — 2023. — № 82. — С. 81—88. — DOI: 10.17223/19988613/82/9.
8. Ледовских А. Ю. Сибирские «инородцы» в исторической публицистике (вторая половина XIX — начало XX вв.) / А. Ю. Ледовских // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2009. — № 3 (25). — С. 347—351.
9. Номогоева В. В. Советизация национальных литератур в 1920—1930-е гг. (на примере Бурятии) / В. В. Номогоева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2011а. — Выпуск 7. История. — С. 67—72.
10. Номогоева В. В. Бурятия в 1920—1930-е годы : опыт социально-культурной модернизации / В. В. Номогоева. — Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. университета, 2011б. — 320 с. — ISBN 978-5-9793-0387-1.
11. Матханова Н. П. Репрезентации сельского населения региона в отчетах сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX века : «инородцы» / Н. П. Матханова, Н. Н. Родигина // Вестник НГУ. Серия : История, филология. — 2022. — Т. 21. — № 8 : История. — С. 77—90. — DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-8-77-90.
12. Очерк истории бурятской советской литературы / глав. ред. Л. Е. Элиасов. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1959. — 274 с.
13. Политика памяти в России — региональное измерение : монография / под ред. А. И. Миллера, О. Ю. Малиновой, Д. В. Ефремовенко. — Москва : ИНИОН РАН, 2023. — 471 с. — ISBN 978-5-248-01053-0.
14. Репина Л. П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти / Л. П. Репина // Новое прошлое. — 2016. — № 1. — С. 82—99.
15. Родигина Н. Н. Другая Россия. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — нач. XX в. / Н. Н. Родигина. — Новосибирск : Изд. Новосибирского педагогического университета, 2006. — 343 с. — ISBN 5-85921-562-2.

16. Сенина Е. А. «Исторический» вопрос на страницах сибирской периодической печати во второй половине XIX — начале XX в. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Е. А. Сенина. — Иркутск, 2005. — 326 с.

17. Сидорчук И. В. Политики памяти и конструирование повседневности: большевистский опыт 1920-х годов / И. В. Сидорчук // История повседневности. — 2020. — № 3. — С. 19—35.

18. Тишкина К. А. Празднование 10-летия восстановления советской власти в Сибири в 1929 г. (на примере Омского округа) / К. А. Тишкина, Д. И. Петин // Журнал фронтирных исследований. — 2023. — Т. 8. — № 2 (30). — С. 81—96. — DOI: <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i2.466>.

19. Трегубова Д. Д. «Языковое строительство» в Бурят-монгольской АССР в 1920—1930-е годы / Д. Д. Трегубова // Человек : Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. — 2017. — № 1—2. — С. 185—200.

Статья поступила в редакцию 12.03.2024,
одобрена после рецензирования 29.04.2024,
подготовлена к публикации 15.05.2024.

Material resources

- Achievements of the Buryat-Mongolian Republic. (1927). *Siberian lights*, 5: P. 213. (In Russ.).
- Altan-Shagai. (1981a). The Buryat Heroic Tale. *Siberian lights*, 3: 31—45. (In Russ.).
- Altan-Shagai. (1981b). The Buryat Heroic Tale. *Siberian lights*, 4: 99—110. (In Russ.).
- Badiev, A. A. (1983). In the fraternal family of the Soviet peoples. *Siberian lights*, 5: 3—19. (In Russ.).
- Belousov, A. (1960). New Buryat novel. *Siberian lights*, 1: 187—189. (In Russ.).
- Galsanov, Ts. (1949). Khotso Namsaraev. The founder of Buryat-Mongolian literature. *Siberian lights*, 4: 145—148. (In Russ.).
- Khotso Namsaraev [obituary]. (1959). *Siberian lights*, 9: P. 192. (In Russ.).
- Koptelov, L. (1947). Literature of the peoples of Siberia. *Siberian lights*, 5: 118—136. (In Russ.).
- K-va, A. (1927). Forced baptism of Buryats. *Siberian lights*, 1: 101—109. (In Russ.).
- Romanenko, D. (1954). Buryat-Mongolian Soviet literature. *Siberian lights*, 4: 169—178. (In Russ.).
- Sherkhunaev, R. (1961). Oral creativity of Buryats. *Siberian lights*, 2: 190—191. (In Russ.).
- Solbone, T. (1923). About the Buryat-Mongolian epic and shamanic poetry. *Siberian lights*, 5—6: 246—248. (In Russ.).
- Titov, E. (1927). Northern Dauria: travel notes. *Siberian lights*, 1: 183—197. (In Russ.).
- Toroev, A. (1948). Sitalin-bator. Uliger. *Siberian Lights*, 1: 3—9. (In Russ.).
- Tumunov, J. (1948). Buryat-Mongolia. A young Buryat woman. The song of the shepherd. *Siberian Lights*, 3: 85—86. (In Russ.).
- Vasiliev, V. (1931). The road to Olkhon. *Siberian lights*, 2—3: 59—74. (In Russ.).
- Voskoboynikov, M. (1964). “The Buryat satirical tale” [review]. *Siberian lights*, 2: 191—192. (In Russ.).
- Zherebtsov, B. (1931a). The region where Angarstroy will be. *Siberian lights*, 4: 60—70. (In Russ.).
- Zherebtsov, B. (1931b). The region where the Angarstroy will be [ending]. *Siberian lights*, 5: 48—61. (In Russ.).

References

- Amgalanova, M. V. (2018). Buryat socialist culture in the context of ideological and political attitudes of the late 1920s — early 1930s. *Culture and Art*, 3: 1—7. DOI: 10.7256/2454-0625.2018.3.25510. (In Russ.).
- An essay on the history of Buryat Soviet literature*. (1959). Ulan-Ude: Buryat. Publishing house. 274 p. (In Russ.).
- Baldano, M. N. (2014). The nation-building project: a consolidated version of the epic “Gesar”. *Bulletin of the Buryat State University*, 7: 1—35. (In Russ.).
- Boronova, M. M., Stepanova, T. G. (2012). The policy of government structures in relation to the Orthodox and Buddhist confessions in Buryatia (1943—1961). *Bulletin of the Buryat State University. Philosophy*, 7: 135—139. (In Russ.).
- Drobotushenko, E. V. (2021). The anti-religious policy of the Soviet government in Transbaikalia in the 1950s — early 1960s and the religiosity of the Trans-Baikal Buryats. *Bulletin of the Udmurt University. Ser. History and philology*, 31 (1): 92—99. DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-1-92-99. (In Russ.).
- Elaev, A. A. (2023). *Republic of Buryatia: 100 years of autonomy and statehood: monograph*. Ulan-Ude: Publishing House of Buryat State University. 566 p. ISBN 978-5-9793-1853-0. (In Russ.).
- History of Buryatia: in 3 volumes*, 3. (2011). Ulan-Ude: Publishing House of the BNC SB RAS. 464 p. (In Russ.).
- Krasilnikova, E. I., Naumov, S. S. (2023). The celebration of the tercentenary anniversaries of Siberian cities as a reflection of the state and regional policy of memory (1904—2016). *Bulletin of Tomsk State University. History*, 82: 81—88. DOI: 10.17223/19988613/82/9. (In Russ.).
- Ledovskikh, A. Yu. (2009). Siberian “foreigners” in historical journalism (the second half of the XIX — early XX centuries). *Problems of history, philology, culture*, 3 (25): 347—351. (In Russ.).
- Matkhanova, N. P., Rodigina, N. N. (2022). Representations of the rural population of the region in the reports of the Siberian governors-general of the second half of the XIX century: “foreigners”. *Bulletin of the NSU. Series: History, philology*, 21 (8): History. 77—90. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-8-77-90. (In Russ.).
- Nomogoeva, V. V. (2011a). Sovietization of national literatures in the 1920s—1930s. (on the example of Buryatia). *Bulletin of the Buryat State University*, 7: History. 67—72. (In Russ.).
- Nomogoeva, V. V. (2011b). *Buryatia in the 1920s—1930s: the experience of socio-cultural modernization*. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State. University. 320 p. ISBN 978-5-9793-0387-1. (In Russ.).
- Repina, L. P. (2016). Events and images of the past in historical and cultural memory. *New past*, 1: 82—99. (In Russ.).
- Rodigina, N. N. (2006). *Other Russia. The image of Siberia in the Russian magazine press of the second half of the nineteenth century. XX century*. Novosibirsk: Ed. Novosibirsk Pedagogical University. 343 p. ISBN 5-85921-562-2. (In Russ.).
- Senina, E. A. (2005). *The “foreign” question on the pages of the Siberian periodical press in the second half of the XIX — early XX century*. Doct. Diss. Irkutsk. 326 p. (In Russ.).
- Sidorchuk, I. V. (2020). Memory politics and the construction of everyday life: the Bolshevik experience of the 1920s. *History of everyday life*, 3: 19—35. (In Russ.).

- The politics of memory in Russia — a regional dimension: a monograph.* (2023). Moscow: INION RAS. 471 p. ISBN 978-5-248-01053-0. (In Russ.).
- Tishkina, K. A., Petin, D. I. (2023). Celebrating the 10th anniversary of the restoration of Soviet power in Siberia in 1929. (on the example of the Omsk district). *Journal of Frontier Studies*, 8 / 2 (30): 81—96. DOI: <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i2.466>. (In Russ.).
- Tregubova, D. D. (2017). “Language construction” in the Buryat-Mongolian ASSR in the 1920s—1930s. Man: Image and essence. *Humanitarian aspects*, 1—2: 185—200. (In Russ.).

*The article was submitted 12.03.2024;
approved after reviewing 29.04.2024;
accepted for publication 15.05.2024.*

Информация для цитирования:

Ловцов В. А. Провинциальная административная элита и Государственная Дума : карьерные и родственные связи (1907—1912 годы) / В. А. Ловцов, С. К. Лямин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 430—445. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-430-445.

Lovtsov, V. A., Lyamin, S. K. (2024). Provincial Administrative Elite and State Duma: Career and Kinship Connections (1907-1912). *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 430-445. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-430-445. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Провинциальная административная элита и Государственная Дума: карьерные и родственные связи (1907—1912 годы)

Ловцов Владимир Александрович

orcid.org/0000-0001-6819-6554

кандидат исторических наук,

старший преподаватель

кафедры истории и философии,

корреспондирующий автор

vladimirlovtsovdotcom@gmail.com

Лямин Сергей Константинович

orcid.org/0000-0001-5357-8517

кандидат исторических наук, доцент,

доцент кафедры истории и философии

laomin@mail.ru

Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина
(Тамбов, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-00698 «Кадровая политика министерства внутренних дел Российской империи в отношении губернаторов и вице-губернаторов Европейской России во второй половине XIX — начале XX веков»

Provincial Administrative Elite and State Duma: Career and Kinship Connections (1907-1912)

Vladimir A. Lovtsov

orcid.org/0000-0001-6819-6554

PhD in History, Senior Lecturer,

Department of History and Philosophy,

Corresponding Author

vladimirlovtsovdotcom@gmail.com

Sergey K. Lyamin

orcid.org/0000-0001-5357-8517

PhD in History, Associate Professor,

Department of History and Philosophy

laomin@mail.ru

Derzhavin Tambov
State University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science Foundation, project number 24-28-00698 “Personnel policy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire towards governors and vice-governors of European Russia in the second half XIX — early XX centuries”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В центре внимания авторов статьи — общественно-политическая жизнь в период работы II, III и IV Государственных Дум, а именно — карьерные и родственные связи «стольпинской администрации» и депутатского корпуса. Хронологическими рамками исследования стал период с 26 апреля 1906 года по 5 сентября 1911 года, когда должность министра МВД занимал П. А. Столыпин. Также рассмотрен период с избрания II Думы 20 февраля 1907 года до избрания IV Думы 15 ноября 1912 года, чтобы зафиксировать среди депутатов бывших или будущих губернаторов или вице-губернаторов эпохи П. А. Столыпина. Географические рамки исследования — губернии Европейской России. Авторы ставили целью провести анализ взаимосвязи между бюрократической и политической элитами в эпоху П. А. Столыпина. В статье проанализированы служебные биографии и фракционная принадлежность стольпинских администраторов, карьерно связанных с Думой, выявлены родственные связи губернаторского корпуса с думскими депутатами. Авторы пришли к выводу, что провинциальные администраторы преимущественно были связаны с Союзом 17 октября и правыми и в большинстве случаев не стремились продолжить карьеру в качестве парламентариев. Как правило, это были общественные деятели, до начала службы в провинциальной администрации занимавшие должности в земстве и дворянском самоуправлении.

Ключевые слова:

история России; Государственная Дума; аппарат управления; губернаторы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article focuses on the socio-political life during the terms of the II, III, and IV State Dumas, specifically examining the career and kinship connections within the “Stolypin administration” and the deputy corps. The study covers the period from April 26, 1906, to September 5, 1911, when P. A. Stolypin held the position of Minister of Internal Affairs. It also explores the period from the election of the II Duma on February 20, 1907, to the election of the IV Duma on November 15, 1912, to identify former or future governors or vice-governors among the deputies of the Stolypin era. The geographical scope of the study includes the provinces of European Russia. The authors aim to analyze the relationship between bureaucratic and political elites during the Stolypin era. The article examines the career biographies and factional affiliations of Stolypin administrators connected to the Duma, as well as the kinship ties between the governor corps and Duma deputies. The authors conclude that provincial administrators were predominantly associated with the Union of October 17 and right-wing factions, with most not seeking to pursue parliamentary careers. Typically, these were public figures who had previously held positions in local government and nobility self-government before serving in provincial administration.

Key words:

Russian history; State Duma; administrative apparatus; governors.

Провинциальная административная элита и Государственная Дума: карьерные и родственные связи (1907—1912 годы)

© Ловцов В. А., Лямин С. К., 2024

1. Введение = Introduction

Начало XX века стало переломным этапом в развитии Российской империи. Главным событием этой эпохи стало учреждение Государственной Думы, знаменовавшее собой новую страницу в развитии государства. Депутаты Государственной Думы стали новой, политической элитой, которая очень быстро включилась в борьбу за властные полномочия со старой, бюрократической элитой. Спустя всего несколько лет после учреждения Думы два депутата — А. Н. Хвостов и А. Д. Протопопов — стали министрами внутренних дел, а В. А. Маклаков, брат министра Н. А. Маклакова, был одним из влиятельных членов кадетской партии и депутатом Думы трех созывов.

Наиболее заметный след во внутренней политике Российской империи оставил министр П. А. Столыпин, отличавшийся стремлением взаимодействовать с Думой. В его министерство в губернаторском корпусе, группе бюрократической элиты, многое стало связано с публичной политикой. Поэтому важным является вопросом о том, насколько старая бюрократическая и зарождающаяся политическая элита были интегрированы друг в друга и были настроены на взаимодействие в данный период.

Взаимоотношения политической и бюрократической элит уже становились предметом самостоятельных исследований. С. В. Куликов проанализировал доминирование в среде бюрократии не радикальных правых, а либеральных центристских взглядов, а также конфликт двух течений правительственного либерализма в начале XX века. Его левое крыло составляли «парламентаристы», они выступали за введение ответственного парламента и ограничение самодержавия и соотносились с идеологической платформой кадетов, прогрессистов и левых октябристов. Правое крыло поддерживало идею конституционно-дуалистической монархии («дуалисты»), в которой самодержавие было ограничено парламентом только в области законодательства. Подобные взгляды соотносились со взглядами

правых октябристов, националистов и умеренно-правых [Куликов, 2004, с. 16—18].

По мнению К. А. Соловьева, четкой границы между бюрократами и общественными деятелями не существовало [Соловьев, 2020, с. 25], то есть проходивший через Думу диалог между деятелями земского самоуправления и чиновниками был значим для обеих групп для развития России [Соловьев, 2015, с. 116]. П. А. Столыпин, несмотря на сложности в проведении законопроектов через Думу, был сторонником продолжения развития нового государственного строя, так как он способствовал институционализации диалога между властью и обществом [Соловьев, 2012, с. 65]. По мнению В. В. Шелохаева, идеей П. А. Столыпина было осуществление гражданских прав и свобод через систему выборного начала [Шелохаев, 2012, с. 25], а кроме того, он использовал Думу как способ презентовать законопроекты обществу и легитимизировать их через парламент [Шелохаев, 2012, с. 35.]. А. А. Иванов отметил, что П. А. Столыпин оказывал поддержку партии русских националистов, которые являлись более респектабельной политической структурой, чем черносотенцы [Иванов, 2021, с. 297]. В свою очередь, именно националисты и родственные им политические структуры открыто заявляли о себе как о сторонниках политики П. А. Столыпина [Иванов, 2022, с. 896]. А. Н. Егоров отметил, что высшая администрация думского периода видела в партии кадетов основных противников бюрократии, что исключало возможность компромисса между думской и политической элитами [Егоров, 2020]. С. И. Корниенко и И. К. Кирьянов обнаружили влияние фактора профессиональной, в том числе чиновничьей деятельности на формирование депутатского корпуса — однако при распределении по фракционному и партийному признаку такого рода связи не носили устойчивого характера [Корниенко и др., 2013]. О. В. Белоусова пришла к выводу, что родственные связи действительно являлись фактором взаимоотношений внутри групп властных элит, но при этом однозначно установить их роль и значение невозможно [Белоусова, 2022]. Д. И. Раскин отметил, что в начале XX века несколько министров получили назначения не по итогам предшествующего административного опыта, а из-за своего депутатского статуса, что могло свидетельствовать об эволюции монархии в сторону парламентаризма [Раскин, 2021].

Социокультурные характеристики губернаторского корпуса, в том числе аспекты, связанные с общественной деятельностью, рассмотрены в работе Р. Роббинса [Robbins, 1987]. Взаимосвязь карьерной динамики и политических связей провинциальных администраторов проанализировали Г. Гокмен и Д. Кофанов [Gokmen et al., 2020].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для анализа оценок собственной парламентской карьеры были использованы мемуары А. А. Ознобишина [Ознобишин, 1927] и Л. А. Зиновьева [Зиновьев, 2017]. Оценки депутатов, связанных со «стольпинской администрацией», также были выявлены в воспоминаниях В. И. Гурко [Гурко, 2000], П. Г. Курлова [Курлов, 1991] В. А. Оболенского [Оболенский, 1984] и М. М. Осоргина [Осоргин, 2009].

Анализ личных дел думских депутатов был произведен по материалам, хранящимся в Ф. 1278 (Государственная дума I, II, III и IV созывов) Российского государственного исторического архива [РГИА, ф. 1278].

Для анализа формулярных списков и личных дел чиновников были использованы материалы Ф. 1162 (Государственная канцелярия Государственного совета) [РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 202; РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 308], Ф. 1284 (Департамент Общих дел МВД) [РГИА, ф. 1284, оп. 47, 1906 г., д. 153; РГИА, ф. 1284, оп. 73, 1906 г., д. 77; РГИА, ф. 1284, оп. 73, 1911 г., д. 142], Ф. 1405 (Министерство юстиции) [РГИА, ф. 1405, оп. 528, д. 220] Российского государственного исторического архива.

Для получения дополнительной информации о депутатах, имевших связи со «стольпинской администрацией», была использована справочная литература [ЧГД Второй созыв, 1907; ЧГД Третий созыв, 1913; ЧГД Четвертый созыв, 1913].

Для анализа персонального состава административной элиты эпохи П. А. Столыпина был применен просопографический метод, в рамках которого были исследованы карьерные траектории чиновников и их связи с Думой. Помимо этого, просопографический анализ позволил выявить наиболее распространенные типы фракционности среди депутатов, связанных с провинциальной администрацией. Данные о служебных биографиях чиновников были формализованы в просопографической базе данных «Губернаторы и вице-губернаторы Европейской России 1864—1914 годов». Для ее создания были использованы формулярные списки и личные дела чиновников, а также справочные материалы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Губернаторы и вице-губернаторы — думские депутаты

С учетом хронологических и географических рамок было установлено 162 губернатора и вице-губернатора, относившихся к «стольпинской администрации», информация о которых была формализована в базе данных «Губернаторы и вице-губернаторы Европейской России 1864—1914 годов». Только для 6 чиновников удалось установить наличие парламентского статуса.

А. А. Ознобишин был избран в IV Думу от Гродненской губернии. В качестве партийной принадлежности в личном деле было указано «националист» [РГИА, ф. 1274, оп. 9, д. 573, л. 2]. В мемуарах А. А. Ознобишин указал на равнозначность подобного обозначения «умеренно правым» [Ознобишин, 1927, с. 196]. До избрания в 1900 году гродненским уездным предводителем дворянства служил на различных должностях по министерству юстиции, пока в 1905 году не оставил дворянское самоуправление и занял должность гродненского вице-губернатора (1905—1906). А. А. Ознобишин считал думское избрание продолжением своей общественной службы в качестве предводителя дворянства [Ознобишин, 1927, с. 195].

В мемуарах А. А. Ознобишин оставил негативную оценку деятельности Думы I и II созывов, указывая на их антиправительственные действия и подстрекательство к бунту, проявлением чего стало Выборгское воззвание [Ознобишин, 1927, с. 191—192].

Еще одним депутатом, тоже «националистом» [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 874, л. 3], дебютировавшим в IV Думе в этом статусе, стал избранный от Киевской губернии **Н. Н. Чихачев**. Он несколько лет служил гласным тамбовского земства, затем правителем канцелярии эстляндского губернатора, с 1891 года занимал должность непременного члена Таврического губернского присутствия. С 1906 по 1910 годы Н. Н. Чихачев был киевским вице-губернатором [ЧГД Четвертый созыв, 1913, с. 130], а к моменту думского избрания был киевским уездным предводителем дворянства.

Кадет В. А. Оболенский наблюдал за изменениями, происходящими с карьерой Н. Н. Чихачева после создания Думы. В должности члена присутствия «он был правой рукой всех сменявшихся губернаторов и таким образом в течение нескольких лет почти управлял Таврической губернией. Умел со всеми ладить, но, само собой разумеется, имел репутацию вполне благонамеренного чиновника» [Оболенский, 1984, с. 317]. Внезапно Н. Н. Чихачев записался в партию «Народной свободы» и на партийном собрании начал высказывать радикальные идеи, в частности, настаивал на национализации земли.

Из-за своей политической радикализации ему пришлось покинуть Таврическую губернию. При помощи своего бывшего начальника В. Ф. Трепова Н. Н. Чихачев получил должность киевского вице-губернатора: «К этому времени правительство укрепилось и решительно приняло реакционный курс. Чихачев, делая карьеру, плыл по течению. Но его тянуло к большой политической карьере, которую он так неудачно начал в Симферополе в 1906 году» [Оболенский, 1984, с. 318]. В связи с этим Н. Н. Чихачев перешел в правый лагерь, что в итоге помогло ему избраться.

Колебания Н. Н. Чихачева относительно противоположных полюсов политического спектра выдавали карьеризм, а не устойчивые политические взгляды. Таким образом, карьеристы действительно видели в Думе перспективы дальнейшего служебного продвижения.

Наиболее ярким проявлением чиновника, проложившего себе путь к вершинам власти через Думу, стал **А. Н. Хвостов**. В первой трети карьеры А. Н. Хвостов служил по министерству юстиции, дослужившись до товарища прокурора Тверского и Московского окружных судов. Затем он перешел на службу в МВД, занимая должности минского (1904) и тульского вице-губернатора (1904—1906) [РГИА, ф. 1284, оп. 47, 1910 г., д. 177, л. 88 об.-89.], вологодского (1906—1910) [РГИА, ф. 1284, оп. 47, 1910 г., д. 177, л. 89 об.-90] и нижегородского (1910—1912) губернатора. Таким образом, служебная биография А. Н. Хвостова является редким для губернаторского корпуса случаем перехода классического бюрократа, занимавшего высокий административный пост, на общественно-политическую должность.

Тульский губернатор М. М. Осоргин из знакомства с А. Н. Хвостовым выяснил, что тот считал себя либералом: «К сожалению, я только потом узнал, что у Хвостова никаких политических принципов не было, кроме личной карьеры, почему он обыкновенно держался одной линии — держаться противных взглядов со своим принципалом» [Осоргин, 2009, с. 692]. После отставки М. М. Осоргина с должности тульского губернатора тот отмечал, что А. Н. Хвостов к этому времени уже был «слишком ярко правый, правил ежедневно, чтобы остаться вне борьбы партий» [Осоргин, 2009, с. 752].

А. Н. Хвостов был избран от Орловской губернии, в качестве партийной принадлежности в личном деле IV Думы отмечено: «к правым» [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 848, л. 2]. И уже в качестве думского депутата, а не губернатора он был назначен министром внутренних дел 26 сентября 1915 года.

Таким образом, парламентский статус действительно позволял выдвигаться на руководящие должности в министерствах Российской империи.

Существовали и обратные примеры взаимосвязи бюрократической и политической элит, когда депутаты отказывались от парламентского статуса и переходили на административную службу.

С. А. Шидловский был избран во II созыв Думы, в личном деле партийная принадлежность отмечена так: «примыкаю к партии Союзу 17 октября» [РГИА, ф. 1278, оп. 1, II созыв, д. 495, л. 2]. С. А. Шидловский служил земским начальником в Самарской губернии, затем Сенненским уездным предводителем дворянства и непременным членом Могилевского по крестьянским делам присутствия [ЧГД Второй созыв, 1907, с. 183]. С. А. Шидловский отказался от думского статуса в пользу карьеры адми-

нистратора, занимая посты вице-губернатора Могилевской (1907—1912), Воронежской (1912—1914) и Эстляндской (1914—1917) губерний.

Н. Н. Лавриновский был избран в III Думу от Псковской губернии, в качестве партийной принадлежности в личном деле указано «правый прогрессист» [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 416, л. 1 об.]. Вершиной карьеры Н. Н. Лавриновского до получения парламентского статуса стало избрание Псковским уездным предводителем дворянства [ЧГД Третий созыв, 1913, с. 262]. В 1911 году он перешел на службу в МВД, а затем занимал несколько постов в провинциальной администрации: вице-губернатор Воронежской (1911—1912) и Могилевской (1912—1914) губерний, губернатора Таврической (1913—1914), Черниговской (1915—1916) и Лифляндской (1916—1917) губерний.

Помимо «националистов» и «правых», администраторы избирались и как представители прогрессивных политических течений.

А. А. Лодыженский продолжительное время служил предводителем дворянства Зубцовского уезда, затем занимал должность неперменного члена Тверского губернского присутствия. Был рязанским (1893—1902) и вологодским (1902—1906) губернатором. Вышел в отставку по собственному прошению в связи с расстроенным здоровьем [РГИА, ф. 1284, оп. 73, 1906 г., д. 77, л. 34], закончив административную карьеру.

А. А. Лодыженский, избиравшийся от Тверской губернии, в III созыве имел статус беспартийного, примыкающего к «Союзу 17 октября» [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 445, л. 1 об.], в личном деле IV думы [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 446] партийная принадлежность не была указана, но в думском сборнике отмечен как октябрист [ЧГД Четвертый созыв, 1913, с. 346]. В. И. Гурко, избиравшийся в IV Думу вместе с А. А. Лодыженским от Тверской губернии, характеризовал его как «левого октябриста, близкого к кадетам» [Гурко, 2000, с. 625].

3.2. Родственные связи

Помимо чиновников, имевших личный парламентский статус, часть провинциальных администраторов была связана с депутатами родственными связями. Наиболее интересен для анализа круг ближайших родственников — отцов и братьев, так как именно эти связи являются наиболее близкими и могут помочь выявить семейность политических взглядов и участие в одних политических структурах. Были выявлены 7 таких связей: одна для отца и шесть для братьев.

Л. А. Зиновьев был сыном санкт-петербургского губернатора А. Д. Зиновьева (1903—1911).

В конце января 1905 года Л. А. Зиновьев был избран петергофским уездным предводителем дворянства [ЧГД Четвертый созыв, 1913, с. 295]. Он

понимал, что решающее значение в избрании сыграло следующее: «... до меня четыре поколения Зиновьевых были петергофскими предводителями»; <я был избран> «ввиду заслуг перед дворянством моего отца и его репутации» [Зиновьев, 2017, с. 91]. Л. А. Зиновьев был избран в IV созыв Думы от Санкт-Петербургской губернии, в личном деле в качестве принадлежности к партии указано «октябрист» [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 293, л. 2].

Его отец, А. Д. Зиновьев, был избран предводителем дворянства того же уезда 22 января 1897 года; на следующий день, в связи с переводом А. А. Бобринского в Сенат, был избран предводителем дворянства Санкт-Петербургской губернии [РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 202, л. 82 об.–83], а 6 июня 1903 года был назначен санкт-петербургским губернатором [РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 202, л. 88 об.–89]. Как отмечал Л. А. Зиновьев, его отец по образу жизни и семейным связям принадлежал к консерваторам [Зиновьев, 2017, с. 31]. Однако правым он был только в теории. Имея долгий опыт службы на общественных должностях, «на деле был гораздо более либеральным, чем на словах» [Зиновьев, 2017, с. 32], и, будучи губернатором, был уважаем в общественных учреждениях, так как умел с ними сотрудничать.

Л. А. Зиновьев отмечал, что многие рассматривали должность предводителя дворянства как ступень для губернаторского назначения [Зиновьев, 2017, с. 94], поэтому и для него самого подобный шаг был бы вполне логичен, однако он решил продолжить службу в качестве думского депутата. Л. А. Зиновьев видел в парламентской работе продолжение общественной службы в качестве предводителя дворянства, только в более широких масштабах. Однако результаты своей деятельности он считал неудовлетворительными и оценивал процесс думской работы как бюрократический. Его тяготили необходимость соблюдения партийной дисциплины на голосованиях и рассмотрение вопросов, не имеющих практического значения: «Я был очень доволен, когда меня выбрали в Думу, и ожидал от работы в ней большего интереса и завлекательности, чем на самом деле она мне принесла» [Зиновьев, 2017, с. 209].

Помимо Л. А. Зиновьева, к октябристам принадлежал **В. А. Бантыш**.

В. А. Бантыш был избран от Харьковской губернии, в качестве партийной принадлежности в личном деле III Думы указан «Союз 17 октября» [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 48, л. 1 об.]. Прошлая служба В. А. Бантыша складывалась на общественных должностях. Он был избран изюмским уездным предводителем дворянства, а до этого — членом Екатеринославской губернской земской управы и председателем Изюмской уездной земской управы [ЧГД Третий созыв, 1913, с. 364].

Его брат, Ф. А. Бантыш, служил костромским вице-губернатором (1906—1908), затем херсонским (1908—1911) и иркутским (1911—1913)

губернатором. Ранее он служил земским начальником и бахмутским уездным предводителем дворянства. Из доклада помощника начальника Главного управления по делам местного хозяйства Н. Н. Анциферова от 2 декабря 1910 года, копия которого находится в личном деле Ф. А. Бантыша, следовало, что сразу после вступления в управление Херсонской губернией пошатнулось положение уездного предводителя дворянства С. Т. Варун-Секрета и председателя елизаветградской уездной земской управы Г. В. Викторова, «товарищей покойного губернатора Малаева по елизаветградскому дворянству и землевладению» [РГИА, ф. 1284, оп. 47, 1906 г., д. 153, л. 171]. Таким образом, Ф. А. Бантыш с момента вступления в должность открыл кампанию против двух сопартийцев своего брата, занимавших заметные должности в местном самоуправлении. Подобная тактика была характерна для представителей части столыпинской администрации, так как чиновники уровня губернатора не позволяли себе оставить бюрократическую службу ради парламентского статуса, но в целом разделяли идеи правых партий: «Вместе с тем новый губернатор открыто стал на сторону крайней правой партии, проводя политику бывшей костромской администрации, в которой камер-юнкер Бантыш участвовал в качестве костромского вице-губернатора» [РГИА, ф. 1284, оп. 47, 1906 г., д. 153, л. 171].

В Костроме Ф. А. Бантыш служил при губернаторе А. П. Веретенникове (1906—1910), которого П. А. Столыпин посчитал необходимым заменить на должности киевского губернатора, так как «генерал Веретенников открыто встал во главе правых партий, превратился в партийного человека» [Курлов, 1991, с. 74], что вело к конфликтам внутри губернской администрации. А. П. Веретенников был переведен на должность костромского губернатора, продолжив свою политику, и вице-губернатором при нем стал Ф. А. Бантыш, а после его перевода в Херсон его место занял А. Н. Оболенский (1908—1910), тоже не скрывавший своих правых взглядов.

Наиболее левым из родственников столыпинских администраторов стал **В. А. Маклаков**, брат черниговского губернатора Н. А. Маклакова (1909—1912) [РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 308, л. 61 об.—62], ставшего министром внутренних дел.

В. А. Маклаков, избиравшийся от г. Москвы, в личном деле II Думы записан как принадлежащий к партии «Народной свободы» [РГИА, ф. 1278, оп. 1, II созыв, д. 257, л. 1 об.], такая же запись сделана в личном деле для III Думы [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 469, л. 1 об.], для IV Думы был записан как «кадет» [РГИФ, ф. 1278, оп. 9, д. 470, л. 2]. В. А. Оболенский относил В. А. Маклакова к числу правых кадетов [Оболенский, 1984, с. 439]. Л. А. Зиновьев указывал на В. А. Маклакова как на лучшего оратора III и IV дум [Зиновьев, 2017, с. 148].

В. А. Маклаков занимал должность присяжного-поверенного при Московской судебной палате и был адвокатом по многим громким делам того времени. Биография данного депутата выбивается из всех остальных рассмотренных случаев, поэтому он являлся полной противоположностью как с точки зрения политических взглядов, так и предшествующей карьеры.

Брат В. А. Маклакова, Н. А. Маклаков, был принципиальным противником Думы, выступая за упразднение этого органа государственной власти [Зиновьев, 2017, с. 206], в отличие от П. А. Столыпина, умевшего взаимодействовать с парламентом.

Правый лагерь был широко представлен среди родственников столыпинских администраторов.

А. П. Урусов, брат Н. П. Урусова, владимирского вице-губернатора (1894—1901), гродненского (1901—1902) и полтавского (1902—1906) губернатора [РГИА, ф. 1405, оп. 528, д. 220, л. 4 об.–8], избирался от Тульской губернии. До того, как стать депутатом, служил в общественных учреждениях сразу двух губерний. В Симбирской губернии он был избран предводителем дворянства Сенгилеевского уезда, гласным Сенгилеевского уездного и Симбирского губернского земств, председателем Сенгилеевской уездной земской управы [ЧГД Второй созыв, 1907, с. 361]. Затем в Тульской губернии служил гласным Чернского уездного и Тульского губернского земств, земским начальником Чернского уезда. В личном деле II Думы в качестве партийной принадлежности значилось «правый» [РГИА, ф. 1278, оп. 1, II созыв, д. 448, л. 2], в III Думе — «к фракции правых» [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 819, л. 1 об.], а в справочнике этого же созыва — «националист» [ЧГД Третий созыв, 1913, с. 352]. В личном деле IV Думы нет указания на партийную принадлежность [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 820], в справочнике значился как «правый» [ЧГД Четвертый созыв, 1913, с. 353].

С. И. Келеповский был братом А. И. Келеповского, который занимал должности владимирского (1906—1909) и лифляндского (1909—1912) вице-губернатора, люблинского (1912—1914), лифляндского (1914—1916), псковского (1916) и харьковского (1916—1917) губернатора.

С. И. Келеповский избирался гласным елизаветградского уездного и херсонского губернского земств, имея, таким образом, весьма небогатый опыт служебной деятельности до своего избрания в Думу от Херсонской губернии. В качестве партийной принадлежности в личном деле II Думы указано «монархист» [РГИА, ф. 1278, оп. 1, II созыв, д. 190, л. 3], в III Думе — «правый монархист» [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 340, л. 1 об.]. В думских справочниках партийная принадлежность несколько отличалась, для II думы это — «правый» [ЧГД Второй созыв, 1907, с. 388], для

III думы — «националист» [ЧГД Третий созыв, 1913, с. 379]. Не имея характеризующей его предшествующей служебной деятельности, в Думе С. И. Келеповский приобрел репутацию одного из главных думских скандалистов и провокаторов.

Д. Н. Чихачев был братом Н. Н. Чихачева, чья связь с провинциальной администрацией уже была рассмотрена.

Д. Н. Чихачев служил могилевским уездным предводителем дворянства, был председателем Подольского сельскохозяйственного общества [ЧГД Третий созыв, 1913, с. 248]. Был избран в Думу от Подольской губернии. В личном деле III Думы указана партийная принадлежность «беспартийный» [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 872, л. 1 об.], однако в справочнике он отмечен как «националист» [ЧГД Третий созыв, 1913, с. 248]. В IV Думе указано «националист» [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 873, л. 3].

П. В. Новицкий был братом В. В. Новицкого, служившего таврическим губернатором (1906—1911) [РГИА, ф. 1284, оп. 73, 1911 г., д. 142, 5 об.—6].

П. В. Новицкий служил земским начальником Ананьевского уезда, гласным Ананьевского земского уездного собрания и Херсонского губернского земского собрания, ананьевским уездным предводителем дворянства [ЧГД Третий созыв, 1913, с. 382]. Был избран от Херсонской губернии в III Думу, в личном деле отмечен как «примык. к правым» [РГИФ, ф. 1278, оп. 9, д. 568, л. 1 об.], и в IV Думу, где указано — «к правой партии» [РГИФ, ф. 1278, оп. 9, д. 569, л. 2].

Губернатор В. В. Новицкий, «человек совершенно беспринципный и беззащитный карьерист», как характеризовал его В. А. Оболенский [Оболенский, 1984, с. 308], принадлежали к правому политическому лагерю. Будучи таврическим губернатором, В. В. Новицкий уверял В. А. Оболенского, только избравшегося в I Думу от этой же губернии, что разделял политическую программу партии «Народной свободы», и его смущало лишь слишком радикальное решение земельного вопроса: «Не прошло, однако, и года после нашего разговора, и на красном лацкане его губернаторской тужурки появился значок Союза Русского Народа, программу которого он тоже “вполне разделял”, оказывая ему всевозможное содействие» [Оболенский, 1984, с. 332].

С учетом личных карьерных траекторий чиновников и родственных связей с представителями столыпинской администрации установлено следующее количество связей с Думой: во II Думе присутствовали 1 кадет, 1 октябрист и 2 правых; в III Думе — 1 кадет, 2 октябриста, 1 националист и 4 правых; в IV Думе — 1 кадет, 2 октябриста, 3 националиста и 3 правых.

Подобный результат подтвердил близость политических взглядов провинциальной административной элиты к тем думским фракциям, на которые опирался П. А. Столыпин, — октябристам и националистам. Помимо этого, отмечена прочная связь с правым политическим спектром: общий консервативный настрой правых мог импонировать бюрократам, не желавшим радикальных изменений в административной системе Российской империи.

4. Заключение = Conclusions

В результате исследования удалось установить, что продолжение службы в качестве думского депутата не было распространено среди высшей провинциальной администрации. Более того, даже среди тех, кто избрал такую карьерную траекторию, практически отсутствуют примеры чисто чиновничьей бюрократической карьеры. Как правило, это были общественные деятели, до начала службы в провинциальной администрации занимавшие должности в земстве и дворянском самоуправлении. Для них было естественно продолжить свою общественную деятельность в Думе, а служба в структуре высшего провинциального управления являлась частным случаем, а не целью карьерной стратегии. Ранее у земцев и общественных деятелей не было выбора, кроме как интегрироваться в бюрократию, если они хотели построить успешную карьеру. Дума, являясь сословно-представительным учреждением, позволяла в рамках общественной деятельности построить политическую карьеру, избежав необходимости интеграции в бюрократическую структуру.

Низкая степень вовлечения бюрократии в думский процесс в карьерном отношении может объясняться, в зависимости от конкретного случая, во-первых, негативным отношением к думским политикам, распространяемым и на сам тип подобной карьеры; во-вторых, общим скандальным информационным фоном Думы, связанным с рисками для бюрократической карьеры (наиболее яркими проявлениями этого могут служить Выборгское воззвание и его последствия для подписавших его депутатов); в-третьих, необходимостью предшествующей общественной деятельности для успешного избрания, таким карьерным опытом обладали не все провинциальные администраторы. Тем не менее в ряде случаев происходил и успешный переход из бюрократов в политические деятели.

Провинциальная администрация была связана с правым спектром партий, в наибольшей степени с националистами и правыми, и «Союзом 17 октября». Это говорило об общей направленности политических взглядов «стольпинской администрации» и проводимой П. А. Столыпиным политики, так как именно в опоре на эти политические силы он проводил свои реформы.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 202, 308 ; Ф. 1278. Оп. 1. II созыв. Д. 190, 257, 448, 495 ; Оп. 9. Д. 48, 293, 340, 416, 445, 446, 469, 470, 568, 569, 573, 819, 820, 848, 872, 873, 874 ; Ф. 1284. Оп. 47. 1906 г. Д. 153 ; Оп. 47. 1910 г. Д. 177 ; Оп. 73 1906 г. Д. 77 ; Оп. 73 1911 г. Д. 142 ; Ф. 1405. Оп. 528. Д. 220.
2. ЧГД Второй созыв — *Члены Государственной думы : (портреты и биографии) : Второй созыв, 1907—1912 г.* — Москва : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1907. — 519 с.
3. ЧГД Третий созыв — *Члены Государственной думы : (портреты и биографии) : Третий созыв, 1907—1912 г.* — Москва : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1913. — 456 с.
4. ЧГД Четвертый созыв — *Члены Государственной думы : (портреты и биографии) : Четвертый созыв, 1912—1917 г.* — Москва : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1913. — 454 с.

Литература

1. Белоусова О. В. Родственные отношения внутри элиты Российской империи — недооценённый фактор или ложный след? / О. В. Белоусова // *Российская история*. — 2022. — № 4. — С. 140—145. — DOI: 10.31857/S0869568722040148.
2. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого : правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / В. И. Гурко. — Москва : Новое литературное обозрение, 2000. — 810 с. — ISBN 5-86793-109-9.
3. Егоров А. Н. Образ представителей кадетской партии в кругах российской административной элиты начала XX века / А. Н. Егоров // *Вестник Пермского университета. История*. — 2020. — № 2 (49). — С. 110—121.
4. Зиновьев Л. А. В огне трех революций : Воспоминания / Л. А. Зиновьев. — Москва : Русский путь, 2017. — 312 с. — ISBN 978-5-85887-483-6.
5. Иванов А. А. Православное духовенство и правые политические движения в России начала XX века (по материалам церковной прессы) / А. А. Иванов // *Научный диалог*. — 2021. — № 1. — С. 286—305.
6. Иванов А. А. Реакционеры, черносотенцы, белогвардейцы, фашисты : дефиниции русского правого лагеря начала XX века / А. А. Иванов // *Новейшая история России*. — 2022. — Т. 12. — № 4. — С. 884—905. — DOI: 10.21638/spbu24.2022.405.
7. Корниенко С. И. Депутатский корпус Государственной Думы позднеимперской России в профессиональном измерении / С. И. Корниенко, И. К. Кирьянов // *Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер*. — 2014. — № 41. — С. 145—156.
8. Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917) / С. В. Куликов. — Рязань : НРИИД, 2004. — 472 с.
9. Курлов П. Г. Гибель Императорской России / П. Г. Курлов. — Москва : Современник, 1991. — 255 с.
10. Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники / В. А. Оболенский. — Париж : YMCA-Press, 1984. — 753 с.

11. *Ознобишин А. А.* Воспоминания члена IV-й Государственной Думы / А. А. Ознобишин. — Париж : Склад и изд-во Е. Сияльской, 1927. — 263 с.
12. *Осоргин М. М.* Воспоминания или что я слышал, что я видел и что я делал в течение всей моей жизни, 1861—1920 / М. М. Осоргин. — Москва : Рос. фонд культуры, 2009. — 1000 с.
13. *Раскин Д. И.* Формирование высшей бюрократической элиты в Российской империи XIX — начала XX века : образование и профессиональная квалификация / Д. И. Раскин // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 410—422. — DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-12-138-156>.
14. *Соловьев К. А.* Земцы и высшая бюрократия в начале XX века : «мы» и «они» / К. А. Соловьев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. — 2015. — Т. 14. — Выпуск 1 : История. — С. 106—118.
15. *Соловьев К. А.* Политик рубежа столетий : в поисках самоидентификации / К. А. Соловьев // Российская история. — 2020. — № 2. — С. 25—30.
16. *Соловьев К. А.* Представительные учреждения в годы столыпинских реформ / К. А. Соловьев // Вестник Московского университета. Серия 12 : Политические науки. — 2012. — № 6. — С. 47—65.
17. *Шелохаев В. В.* Столыпинский тип модернизации России / В. В. Шелохаев // Российская история. — 2012. — № 2. — С. 18—36.
18. *Gokmen G.* Career incentives in political hierarchy : evidence from Imperial Russia / G. Gokmen, D. Kofanov // European Review of Economic History. — 2020. — Vol. 24. — Issue 2. — Pp. 264—287.
19. *Robbins R.* The Tsar's Viceroys : Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire / R. Robbins. — Ithaca — London : Cornell University Press, 1987. — 271 p. — ISBN 0-8014-2046-6.

*Статья поступила в редакцию 31.03.2024,
одобрена после рецензирования 29.04.2024,
подготовлена к публикации 18.05.2024.*

Material resources

- ChGD Fourth convocation — *Members of the State Duma: (portraits and biographies): Fourth convocation, 1912—1917.* (1913). Moscow: I. D. Sytin's Type T-va. 454 p. (In Russ.).
- ChGD Second convocation — *Members of the State Duma: (portraits and biographies): Second convocation, 1907—1912.* (1907). Moscow: I. D. Sytin's Type T-va. 519 p. (In Russ.).
- ChGD The Third convocation — *Members of the State Duma: (portraits and biographies): The Third convocation, 1907—1912.* (1913). Moscow: I. D. Sytin's Type T-va. 456 p. (In Russ.).
- RGIA — *Russian State Historical Archive.* (In Russ.).

References

- Belousova, O. V. (2022). Family relations within the elite of the Russian Empire — an underestimated factor or a false trail? *Russian history*, 4: 140—145. DOI: 10.31857/S0869568722040148. (In Russ.).
- Egorov, A. N. (2020). The image of representatives of the Cadet party in the circles of the Russian administrative elite of the early XX century. *Bulletin of the Perm University. History*, 2 (49): 110—121. (In Russ.).

- Gokmen, G., Kofanov, D. (2020). Career incentives in political hierarchy: evidence from Imperial Russia. *European Review of Economic History*, 24 (2): 264—287.
- Gurko, V. I. (2000). *Features and silhouettes of the past: the government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary*. Moscow: New Literary Review. 810 p. ISBN 5-86793-109-9. (In Russ.).
- Ivanov, A. A. (2021). Orthodox Clergy and Right-Wing Political Movements in Russia at the Beginning of XX Century: Church Press. *Nauchnyi dialog*, 1: 286—305. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-286-305>. (In Russ.).
- Ivanov, A. A. (2022). Reactionaries, Black Hundreds, White Guards, fascists: definitions of the Russian right camp of the beginning of the XX century. *Modern history of Russia*, 12 (4): 884—905. DOI: 10.21638/spbu24.2022.405. (In Russ.).
- Kornienko, S. I., Kiryanov, I. K. (2014). Deputy corps of the State Duma of late Imperial Russia in a professional dimension. *Newsletter of the Association History and Computer*, 41: 145—156. (In Russ.).
- Kulikov, C. B. (1991). *The bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the fall of the old order (1914—1917)*. Ryazan: NRIID. 472 p. (In Russ.).
- Kurlov, P. G. (1991). *The Death of Imperial Russia*. Moscow: Sovremennik. 255 p. (In Russ.).
- Obolensky, V. A. (1984). *My life. My contemporaries*. Paris: YMCA-Press. 753 p. (In Russ.).
- Osorgin, M. M. (2009). *Memories or what I heard, what I saw and what I did throughout my life, 1861—1920*. Moscow: Russian Cultural Foundation. 1000 p. (In Russ.).
- Oznobishin, A. A. (1927). *Memoirs of a member of the ivth State Duma*. Paris: Warehouse and publishing house of E. Siyalskaya. 263 p. (In Russ.).
- Raskin, D. I. (2021). Establishment of Highest Bureaucratic Elite in Russian Empire in 19th — Early 20th Centuries: Education and Professional Qualifications. *Nauchnyi dialog*, 4: 410—422. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-4-410-422> (In Russ.).
- Robbins, R. (1987). *The Tsar's Viceroys: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire*. Ithaca — London: Cornell University Press. 271 p. ISBN 0-8014-2046-6.
- Shelokhaev, V. V. (2012). Stolypin type of modernization of Russia. *Russian history*, 2: 18—36. (In Russ.).
- Solovyov, K. A. (2012). Representative institutions in the years of Stolypin reforms. *Bulletin of the Moscow University. Episode 12: Political Science*, 6: 47—65. (In Russ.).
- Solovyov, K. A. (2020). The politician of the turn of the century: in search of self-identification. *Russian History*, 2: 25—30. (In Russ.).
- Solovyov, K. A. (2015). Zemtsy and the higher bureaucracy at the beginning of the XX century: “we” and “they”. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, philology*, 14 (1): History. 106—118. (In Russ.).
- Zinoviev, L. A. (2017). *In the fire of three revolutions: Memoirs*. Moscow: Russian Way. 312 p. ISBN 978-5-85887-483-6. (In Russ.).

*The article was submitted 31.03.2024;
approved after reviewing 29.04.2024;
accepted for publication 18.05.2024.*

Информация для цитирования:

Мамяченков В. Н. Рабочие и служащие Башкирии и Удмуртии в 1940—1955 годах : численность и заработная плата / В. Н. Мамяченков, В. П. Мотревич // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 446—463. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-446-463.

Mamyachenkov, V. N., Motrevich, V. P. (2024). Workers and Employees of Bashkiria and Udmurtia in 1940-1955: Employment Figures and Wages. *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 446-463. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-446-463. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Рабочие и служащие Башкирии и Удмуртии в 1940—1955 годах: численность и заработная плата

Мамяченков Владимир Николаевич¹

orcid.org/0000-0001-6070-8746

доктор исторических наук, профессор
кафедры государственного
и муниципального управления,
корреспондирующий автор
mamyachenkov@mail.ru

Мотревич Владимир Павлович²

orcid.org/0000-0002-1184-3631

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории государства и права
vladimir.motrevich@mail.ru

¹ Уральский государственный
экономический университет
(Екатеринбург, Россия)

² Уральский государственный
юридический университет
имени В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург, Россия)

Workers and Employees of Bashkiria and Udmurtia in 1940-1955: Employment Figures and Wages

Vladimir N. Mamyachenkov¹

orcid.org/0000-0001-6070-8746

Doctor of History, Professor,
Department of State
and Municipal Management,
Corresponding author
mamyachenkov@mail.ru

Vladimir P. Motrevich²

orcid.org/0000-0002-1184-3631

Doctor of History, Professor,
Department of State and Law History
vladimir.motrevich@mail.ru

¹ Ural State
University of Economics
(Yekaterinburg, Russia)

² Ural State Law University
named after V. F. Yakovlev
(Yekaterinburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведен сравнительный анализ данных о численности рабочих и служащих в отраслях двух региональных экономик (Башкирии и Удмуртии) в 1940—1955 годы. Выбранный период уникален тем, что он характеризуется экстремальным переходом от мирной экономики к военной и обратно. Уделяется внимание также анализу показателя «уровень среднемесячной заработной платы». Использованы материалы фондов ведущих федеральных архивов и одного регионального. Детально проводится сопоставление показателей по двум регионам. Так, установлено, что до войны в отраслевой структуре экономики Удмуртии промышленность играла значительно большую роль, чем в Башкирии, но за годы войны в Удмуртии доля работающих в промышленности увеличилась незначительно, в Башкирии же — более чем в 1,5 раза (это следствие размещения эвакуированных). Выявлено, что в исследуемом периоде в Башкирии значительно более ускоренными темпами, чем в Удмуртии, развивались такие отрасли экономики, как строительство и геологоразведка. Интересным представляется тот факт, что в 1940 году больше всего рабочих и служащих работало в промышленности, но на втором месте по этому показателю находилась система образования, то есть, по сути, система подготовки кадров. Делается вывод, что концу исследуемого периода был достигнут позитивный результат в виде превышения довоенного уровня жизни населения.

Ключевые слова:

Башкирия; Удмуртия; отрасли экономики; численность работающих; заработная плата.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This comparative analysis examines data on the workforce in two regional economies (Bashkiria and Udmurtia) during the years 1940-1955. The selected period is unique due to the extreme transition from peacetime to wartime economies and back. Special attention is given to analyzing the indicator of “average monthly wage levels”. Materials from leading federal archives and one regional archive were utilized. A detailed comparison of indicators between the two regions is conducted. It was found that before the war, industry played a significantly larger role in Udmurtia's economic structure compared to Bashkiria, but during the war years, the proportion of industrial workers in Udmurtia only slightly increased, while in Bashkiria it more than doubled (a consequence of evacuees being relocated). The study reveals that during the examined period, sectors such as construction and geological exploration developed at a significantly faster pace in Bashkiria compared to Udmurtia. In 1940, the largest sector by number of workers and employees was the industrial sector, with the educational system coming in second place, playing a key role in preparing the workforce. The conclusion drawn is that by the end of the study period, a positive outcome was achieved with living standards surpassing pre-war levels.

Key words:

Bashkiria; Udmurtia; economic sectors; workforce figures; wages.

УДК 94(47).084.8+331.108.22(470.57+470.51)“1940/1955”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-446-463

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Рабочие и служащие Башкирии и Удмуртии в 1940—1955 годах: численность и заработная плата

© Мамяченков В. Н., Мотревич В. П., 2024

1. Введение = Introduction

В статье речь пойдет о двух национально-территориальных образованиях Российской Федерации, являющихся одновременно и единственными регионами такого рода в Уральском федеральном округе (УрФО). Впрочем, в исследуемом нами историческом периоде вместо УрФО использовалось (используется, кстати, и сейчас) другое понятие — Уральский экономический район (УЭР), объединявший семь субъектов РСФСР: пять областей (Курганскую, Оренбургскую, Пермскую, Свердловскую, Челябинскую), а также исследуемые нами республики — Башкирскую и Удмуртскую АССР (рис. 1). Выгодное географическое расположение УЭР и его значительный ресурсный потенциал ставят данный район в число наиболее значимых в Российской Федерации.

Выбор двух республик в качестве объекта исследования был определен следующими факторами: во-первых, обе территории имеют одинаковый — республиканский — статус; во-вторых, оба региона имеют присущие им весьма существенные отличия почти по всем критериям сравнения: географическим, природно-климатическим, демографическим и др. Так, что касается демографии, то накануне исследуемого периода по Всесоюзной переписи 1939 года в Башкирской АССР численность населения составляла 3157, а в Удмуртской АССР — 1223 тыс. чел. [Население ..., 1975, с. 16]. На взгляд авторов, именно перечисленные отличия и обеспечивают интерес к результатам сравнительного анализа. Третьим фактором стало то, что в фондах ведущих российских архивов — Российского государственного архива экономики [РГАЭ] и Государственного архива Российской Федерации [ГАРФ] — наличествует обширный массив статистического и экономического материала по исследуемым регионам, еще не введенного в научный оборот. Наконец, актуальность авторам видится в том, что рассмотрение кадровой обеспеченности и уровня заработной платы в экономиках и бюджетных сферах двух республик, весьма значимых и во всероссийском масштабе, представляет одновременно и большой

интерес, и практическую значимость в плане проведения региональных социально-экономических исследований.

Рис. 1. Уральский экономический район

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью настоящей работы стало исследование проблемы наличия кадров и уровня их заработной платы в экономиках и бюджетных сферах Башкирии и Удмуртии в 1940—1955 годы. Таким образом, объектом исследования выступают указанные республики, а предметом — динамика численности работающих в отраслях их экономик и уровня заработной платы. Источниковой базой статьи послужили прежде всего материалы РГАЭ, значительная часть которых еще не введена полностью в научный оборот, а также некоторые сведения из ГАРФ и Центра документации общественных организаций Свердловской области [ЦДООСО].

Специальная научная литература по исследуемой нами проблеме на сегодняшний день почти отсутствует. Но можно указать на ряд работ, определенным образом, пусть даже косвенно, связанных с нашей работой и содержащих отдельные фактологические сведения и цифры по теме дан-

ного исследования, см.: [Бубличенко, 2012; Ветошкина, 2010; Зима, 1996; Чернышова, 2016 и др.]. Авторы данной статьи также внесли свою лепту в разработку заявленной в предлагаемом труде темы [Мамяченков, 2021; Мамяченков и др., 2021; Мотревич, 1990].

Следует также сказать и о методологической основе данного исследования, в качестве которой были использованы известные исторической науке основополагающие принципы — историзма, объективности и научности. Например, в соответствии с первым упомянутым принципом историзма авторы в данной статье старались рассматривать исторические факты, сообразуясь с имеющей место конкретной исторической обстановкой, а также в их взаимосвязи, взаимообусловленности и развитии. Кроме того, в данной работе нашли применение и отдельные методологические принципы и подходы общенаучного, собственно исторического и специального характера. Это, например, диалектико-материалистический метод познания и обоснования явлений общественной жизни, а также абстрактно-логический, историко-сравнительный и историко-системный методы.

Привлекались и прочие методы анализа: историко-ситуативный и историко-ретроспективный для выявления и осмысления факторов, детерминировавших динамику численности рабочих и служащих в исследуемых регионах и их заработной платы. Наконец, обобщая, структурируя и анализируя имеющийся статистический материал, авторы применяли также известный общенаучный метод системно-структурного анализа, предусматривающий первоначальный общий обзор изучаемой системы с последующей ее детализацией и формированием иерархической структуры. Суммируя вышесказанное, следует отметить, что все перечисленные выше методы, принципы и подходы, взятые в своей совокупности и подчиненные единой цели исследования, обеспечили решение поставленных в статье задач.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Численность рабочих и служащих в отраслях экономик Башкирии и Удмуртии в 1940—1955 годы: от мирной экономики к военной и обратно

Прежде всего, представляет интерес сравнение численности рабочих и служащих в отдельных отраслях экономики, а также в экономике и бюджетной сфере в целом. Накануне войны в 1940 году наибольшая численность рабочих и служащих в обеих республиках имела место в промышленности. Но, что интересно, пятерка приоритетных отраслей в плане численности работающих в них в каждой республике выглядела по-разному. Для Башкирии, помимо промышленности, ими были народное просвещение, сельское хозяйство, торговля, транспорт, а для Удмуртии — народное про-

Таблица 1

Численность рабочих и служащих в отраслях экономики Башкирии
(на сентябрь, тыс. чел.)
= The number of workers and employees in the sectors of the economy
of Bashkiria (September, thousand people)

Отрасли	Годы			
	1940	1945	1950	1955
Промышленность	73635	131744	160489	216865
Строительство	15570	10293	56086	69503
Сельское хозяйство — всего	41957	49962	58755	127126
В т. ч.: — машинно-тракторные станции (МТС)	13543	8030	16639	84736
— совхозы и прочие с/х предприятия	26619	40399	40045	41175
— обслуживание с/х и ветеринария	1795	1533	2071	1215
Лесное хозяйство	7583	4949	9040	8838
Транспорт — всего	29205	24359	47253	61327
В т. ч.: — железнодорожный	12380	10088	18431	22351
— водный	3166	3077	3029	3358
— городской электрический	362	280	455	783
— автотранспорт и дорожное хозяйство	13297	10914	25338	34825
Связь	5078	5089	6089	6963
Торговля, общепит, заготовки, материально-техническое снабжение и сбыт	34927	34649	40890	44528
В т. ч. торговля и сбыт	н/д	13138	17778	н/д
ЖКХ ¹ и организация ЖБО ² при предприятиях	н/д	5174	8438	11674
Здравоохранение, физ-ра и соц. обеспечение	13300	16117	20616	27069
Народное просвещение	43353	41193	53321	64040
Научные и научно-исследоват. учреждения	н/д	1170	2276	2137
Геологоразведочные работы	н/д	1878	4653	6530
Искусство (включая киностудии)	н/д	1527	2029	2934
Кредитные и страховые учреждения	3162	2586	3099	3320
Аппарат управления — всего	21510	20298	21279	16517
В т. ч.: — гос. учреждения (бюджетные)	н/д	14280	14498	10866
— гос. учреждения (хозрасчетные)	н/д	864	1047	995
— судебные и юридические учреждения	н/д	4202	4798	3563
— аппарат кооп. и обществ. организаций	н/д	852	936	1093
Члены артелей промысловой кооперации	21822	18856	17645	20683
Итого:	314544	369772	532706	716060

Источник: [РГАЭ, д. 3733, л. 67].

- 1 Жилищно-коммунальное хозяйство.
- 2 Жилищно-бытовое обслуживание.

свещение, торговля, сельское хозяйство и аппарат управления. Имелось также существенное различие удельного веса занятых и в самой промышленности: в Башкирии этот показатель по годам исследуемого периода выглядел так: 23, 36, 30 и 30 %, а в Удмуртии — 51, 53, 49 и 47 %.

Но, конечно, в качестве комментария к приведенным выше цифрам необходимо пояснить, что в такой важной отрасли экономики, как сельское хозяйство, численность рабочих и служащих отнюдь не была преобладающей, так как самой многочисленной категорией работающих в данной сфере были крестьяне-колхозники. Поэтому, объективно говоря, именно сельское хозяйство, а не промышленность обеих республик в исследуемом периоде располагало наибольшей численностью работающих. При этом колхозники за свой труд получали крайне низкую денежную компенсацию, да и натуральная в большинстве случаев была невелика.

В связи с «неучтенным контингентом» колхозного крестьянства возникает еще один интересный вопрос: учитывались ли как категория «рабочие» военнопленные, используемые на различных работах по 1955 году включительно, а также отбывающие наказание в местах лишения свободы заключенные? Ответа на этот вопрос у авторов статьи пока нет.

Из приведенных цифр также видно, что в отраслевой структуре экономики Удмуртии промышленность играла значительно большую роль, чем в Башкирии. Но за годы войны в Удмуртии доля работающих в промышленности увеличилась незначительно, в Башкирии же — более чем в 1,5 раза. Такая разница становится понятной, если принять во внимание численность эвакуированных в Башкирию и Удмуртию граждан в военные годы. Так, за годы войны в Удмуртии (прежде всего — в Ижевске, Воткинске, Глазове и Сарапуле) по состоянию на апрель 1943 года было размещено 25,1 тыс., а в Башкирии — 91,6 тыс. [Корнилов, 2015, с. 119]. Таким образом, «благодаря» в том числе и войне, к концу исследуемого периода доли работающего в промышленности населения в обеих республиках несколько сблизилось.

Крайне интересным представляется и тот факт, что в 1940 году после промышленности больше всего граждан работало в системе народного просвещения, другими словами — в образовании. На наш взгляд, накануне войны структура численности работающих в экономиках обеих республик была близка к идеальной, если иметь в виду наличие значительного количества кадров именно в системе образования. В конце же исследуемого периода ситуация для нее резко изменилась: по численности работающих она сместилась в Удмуртии на третье место, а в Башкирии — даже на четвертое. Приходится констатировать, что тоталитарный сталинский режим уделял образованию больше внимания, чем пришедший ему на смену авто-

ритарный режим Н. С. Хрущева. Правда, дискуссионным остается вопрос: высокая роль образования — это заслуга сталинского режима или наследство Российской Империи?

Нельзя также не сказать, что в 1955 году и пятерки самых значимых по численности работающих отраслей выглядели по-другому: в Башкирии — промышленность, сельское хозяйство, строительство, народное просвещение, транспорт, а в Удмуртии — промышленность, сельское хозяйство, народное просвещение, торговля, транспорт. Причин для такой разницы было несколько, но, пожалуй, самой главной из них стала Великая Отечественная война и связанная с ней упомянутая выше эвакуация большого количества самых разных предприятий и организаций в тыловые районы страны, каковыми в числе прочих были Башкирия и Удмуртия. В результате, как уже было отмечено нами, промышленность Башкирии в годы войны получила значительно более ощутимый импульс к развитию, чем в Удмуртии.

На основе систематизированных данных можно сделать еще ряд выводов о численности работающих в различных отраслях экономики Башкирии и Удмуртии. При этом, естественно, мы учитываем разницу в численности работающего населения, которая составляла в 1940 году — 1,72, 1945-м — 1,73, 1950-м — 2,20 и в 1955-м — 2,27 в пользу Башкирии. Конкретные же выводы мы сформулировали следующим образом:

— помимо промышленности, в исследуемом периоде в Башкирии значительно более ускоренными темпами, чем в Удмуртии, развивались такие отрасли экономики, как строительство и геологоразведка. Развитие первой из упомянутых отраслей было неизбежно вызвано огромным наплывом эвакуированных предприятий и их персонала. Развитие же второй было ускорено опасностью потери основных нефтепромыслов страны в районах Грозного и Баку. Выгодное географическое положение Башкирии, наличие нефтяной промышленности с определенной уже развитой логистикой, а также вероятность разведки новых месторождений привели к тому, что Башкирская АССР в годы войны стала «вторым Баку»;

— сельское хозяйство Башкирии носило более развитый характер, что изначально определялось уже хотя бы ее более благоприятными природно-климатическими условиями по сравнению с Удмуртией. В исследуемом нами периоде наиболее интенсивный этап развития данной отрасли в обеих республиках пришелся на первую половину 1950-х годов;

— в транспортной отрасли после стагнации военных лет более высокие темпы развития наблюдались в сфере железнодорожного транспорта в Удмуртии и автомобильного — в Башкирии;

— фактически стагнировали (а местами — даже деградировали) в обеих республиках в течение всего исследуемого периода такие отрасли эко-

Таблица 2

Численность рабочих и служащих в отраслях экономики Удмуртии
(на сентябрь, тыс. чел.)
= The number of workers and employees in the sectors of the economy
of Udmurtia (September, thousand people)

Отрасли	Годы			
	1940	1945	1950	1955
Промышленность	92510	112800	117470	147386
Строительство	6160	5374	8654	11990
Сельское хозяйство — всего	10767	14234	16408	43430
В т. ч.: — МТС	3977	2026	5755	33336
— совхозы и прочие с/х предприятия	5548	11199	9220	9462
— обслуживание с/х и ветеринария	1242	1009	1433	632
Лесное хозяйство	4026	2390	3049	3701
Транспорт — всего	9264	9568	15287	17872
В т. ч.: — железнодорожный	1887	2572	5383	6906
— водный	627	717	673	812
— городской электрический	176	80	183	328
— автотранспорт и дорожное хозяйство	6574	6289	9048	10061
Связь	2419	2288	2723	2829
Торговля, общепит, заготовки, материально-техническое снабжение и сбыт	14243	15753	18679	20257
В т. ч. торговля и сбыт	н/д	4883	7780	н/д
ЖКХ и организация ЖБО при предприятиях	н/д	4190	4402	5349
Здравоохранение, физ-ра и соц. обеспечение	8080	10286	12111	15869
Народное просвещение	15859	16813	21575	25863
Научные и научно-исследоват. учреждения	н/д	9	117	187
Геологоразведочные работы	н/д	14	172	131
Искусство (включая киностудии)	н/д	1054	1025	1315
Кредитные и страховые учреждения	1742	1453	1722	1653
Аппарат управления — всего	9900	10039	9646	7271
В т. ч.: — гос. учреждения (бюджетные)	н/д	7313	6863	5004
— гос. учреждения (хозрасчетные)	н/д	1891	1758	1360
— судебные и юридические учреждения	н/д	409	458	414
— аппарат кооп. и обществ. организаций	н/д	426	567	493
Члены артелей промысловой кооперации	8651	8272	7250	9501
Итого:	182804	213977	241936	316048

Источник: [РГАЭ, д. 3733, л. 63].

номики, как искусство, кредитно-страховое дело, лесное хозяйство, связь, промысловая кооперация;

— в сфере науки явное первенство держала Башкирия, где и научных работников, и количество научных учреждений было гораздо больше, чем в Удмуртии;

— торговля в обеих республиках, пережив коллапс военных лет, развивалась медленно, но стабильно;

— определенная стабильность с умеренным развитием наблюдалась и в бюджетной сфере обеих республик: ЖКХ, здравоохранении, социальных службах. Но и здесь, как говорят, имел место «эффект низкой базы». Причем, что интересно, в течение исследуемого периода в данной сфере в целом наблюдался процесс сокращения общей численности управленческого аппарата государственных, общественных и других организаций. При этом, тем не менее, еще оставался значительный резерв для сокращения: ведь советский и партийный аппарат по многим направлениям работы фактически дублировали друг друга.

3.2. Динамика заработной платы работников различных отраслей экономики Башкирии и Удмуртии в 1940—1955 годы: война и ее последствия

Как нам представляется, в исследуемом периоде на доходы и накопления граждан негативно повлияли два наиболее крупных мероприятия государственной социально-экономической политики: это, во-первых, конфискационная денежная реформа декабря 1947 года (в совокупности с отменой карточной системы), а во-вторых — регулярные размещения государственных займов. Из позитивных же факторов следует отметить рост общественных фондов потребления, за счет чего происходило хотя и медленное, но все-таки повышение различных социальных пособий и вспомоществований. Что же касается расходов, то здесь можно выделить два мероприятия противоположной направленности: урегулирование пайковых и коммерческих цен в 1946 году и регулярные (по 1954 год включительно) послевоенные снижения розничных цен [Мамяченков, 2012, с. 22]. При этом первое из указанных мероприятий увеличивало расходы, а второе — снижало.

Надо сказать, что в послевоенном Советском Союзе абсолютное большинство граждан зарабатывали небольшие деньги сравнительно с действующими ценами: так, в 1946 году 43 % всех работающих в стране зарабатывали менее 300 руб. в месяц, а еще 35 % — от 300 до 600 руб. [Пихоя, 2007, с. 95]. К этому следует добавить, что значительная часть работающих в экономиках исследуемых регионов получали за свой труд либо абсолютно мизерную оплату (колхозники), либо не получали ее совсем (заключен-

Таблица 3

Среднемесячная заработная плата в отраслях экономики Башкирии
(на сентябрь, руб.)
= Average monthly wages in sectors of the economy of Bashkiria
(September, rub.)

Отрасли	Годы			
	1940	1945	1950	1955
Промышленность	283	481	654	753
Строительство	314	338	541	766
Сельское хозяйство - всего	256	203	391	458
В т. ч.: — МТС	277	257	420	450
— совхозы и прочие с/х предприятия	241	186	372	474
— обслуживание с/х и ветеринария	312	371	521	514
Лесное хозяйство	175	167	305	363
Транспорт - всего	316	420	656	739
В т. ч.: — железнодорожный	330	542	744	762
— водный	271	372	617	666
— городской электрический	251	448	597	594
— автотранспорт и дорожное хозяйство	315	320	597	735
Связь	240	337	471	470
Торговля, общепит, заготовки, материально-техническое снабжение и сбыт	220	229	401	465
В т. ч. торговля и сбыт	н/д	183	384	н/д
ЖКХ и организация ЖБО при предприятиях	225	308	411	465
Здравоохранение, физ-ра и соц. обеспечение	213	342	437	479
Народное просвещение	263	388	620	626
Научные и научно-исследоват. учреждения	н/д	297	486	675
Геологоразведочные работы	н/д	644	851	1146
Искусство (включая киностудии)	н/д	380	494	502
Кредитные и страховые учреждения	310	473	628	653
Аппарат управления - всего	316	423	582	692
В т. ч.: — гос. учреждения (бюджетные)	н/д	386	546	637
— гос. учреждения (хозрасчетные)	н/д	437	425	558
— судебные и юридические учреждения	н/д	527	686	882
— аппарат кооп. и обществ. организаций	н/д	525	785	738
Члены артелей промысловой кооперации	237	244	382	484
Средняя зарплата по региону	282	385	576	660

Источник: [РГАЭ, д. 3733, л. 67].

ченные). В то же время зимнее пальто стоило в государственной торговле более 800, а демисезонное — почти 600 руб., полуботинки на кожаной подошве — 260, а ботинки — почти 100 руб. Даже простая никелированная кровать обходилась покупателю в 600 руб. [Алексеев и др., 1980, с. 99]. Из этих цифр видно, каким важным событием в семьях советских граждан была буквально каждая серьезная покупка.

Если же говорить о меньшинстве с высокими доходами, то достаточно хорошо в те годы жили партийные и советские руководители, деятели науки и культуры, военные и гражданские специалисты, составляющие советскую номенклатуру. Как мы видим, в приведенном выше перечне партийные руководители помещены на первое место, хотя их денежные доходы не всегда соответствовали данному месту. Но с учетом обязательного «социального пакета» и целого ряда льгот и доступных благ их уровень жизни, конечно, был существенно выше, чем у абсолютного большинства «обычных» граждан¹. К высокооплачиваемым гражданам страны относились также руководители многих бюджетных структур, прежде всего — силовых, например, УМВД, УМГБ и др.²

В контексте вышесказанного трудно не согласиться с Н. И. Бубличенко, написавшей, что «...представители правящей партии хорошо осознали и воплощали de facto связь управленческого труда с получением привилегий, с распределением ресурсов и ценностей общества. Партийный аппарат в первую очередь воспользовался таким достижением социализма, как бесплатное здравоохранение и образование, бесплатные путевки в лучшие санатории и дома отдыха, бесплатные лекарства. Система “спецснабжения”, скрываемая от глаз населения и рядовых членов партии, служила мощным стимулом для рекрутирования в партию карьеристки настроенных представителей рабочего класса и других социальных слоев» [Бубличенко, 2012].

Анализируя таблицы 3 и 4, можно сформулировать следующие выводы:

- 1 Авторы статьи располагают данными, например, по соседней Свердловской области, где первый секретарь обкома партии В. И. Недосекин в 1946 году имел оклад 2000 руб. в месяц, а его заместители — 1800. На уровне 1600 руб. были оклады у зав. отделами, а инструкторы обкома имели оклады по 1150 руб. Но, кроме того, все партийные функционеры получали раз в год по одному окладу в качестве «больничных». Наконец, партноменклатура ежемесячно получала значительные суммы в «конвертах». Размеры этих доплат были примерно следующими: зав. отделами — 2—3, секретари обкома — 3—4, первый секретарь — 5 окладов [Мамяченков, 2012, с. 31]. Можно утверждать, что в Башкирии и Удмуртии положение дел было аналогичным.
- 2 Например, освобожденный секретарь парткома УМВД по той же Свердловской области в 1951 году получал 4140, а секретарь парткома УМГБ — 3910 руб. в месяц [Центр..., оп. 49, д. 260].

Таблица 4

Среднемесячная заработная плата в отраслях экономики Удмуртии
(на сентябрь, руб.)
= Average monthly wages in sectors of the economy of Udmurtia
(September, rub.)

Отрасли	Годы			
	1940	1945	1950	1955
Промышленность	386	506	657	730
Строительство	310	306	498	658
Сельское хозяйство - всего	245	267	393	402
В т. ч.: — МТС	258	320	373	388
— совхозы и прочие с/х предприятия	225	291	380	446
— обслуживание с/х и ветеринария	295	340	493	494
Лесное хозяйство	178	164	316	331
Транспорт — всего	313	502	599	643
В т. ч.: — железнодорожный	244	409	634	624
— водный	270	376	507	538
— городской электрический	270	510	522	613
— автотранспорт и дорожное хозяйство	338	555	587	666
Связь	236	303	455	458
Торговля, общепит, заготовки, материально-техническое снабжение и сбыт	237	247	406	461
В т. ч. торговля и сбыт	н/д	233	403	н/д
ЖКХ и организация ЖБО при предприятиях	226	282	377	463
Здравоохранение, физ-ра и соц. обеспечение	213	414	448	485
Народное просвещение	280	408	594	619
Научные и научно-исследоват. учреждения	н/д	600	579	573
Геологоразведочные работы	н/д	829	866	1184
Искусство (включая киностудии)	н/д	500	471	475
Кредитные и страховые учреждения	312	465	603	669
Аппарат управления — всего	345	432	583	655
В т. ч.: — гос. учреждения (бюджетные)	н/д	406	554	621
— гос. учреждения (хозрасчетные)	н/д	402	469	538
— судебные и юридические учреждения	н/д	514	673	791
— аппарат кооп. и обществ. организаций	н/д	552	747	725
Члены артелей промысловой кооперации	248	241	366	515
Средняя зарплата по региону	338	441	584	631

Источник: [РГАЭ, д. 3733, л. 52].

— приведенные в таблицах цифры среднемесячных зарплат вполне коррелируют с месячными окладами перечисленного выше низкооплачиваемого персонала. При этом нельзя не заметить и того, что в течение исследуемого периода в целом шел процесс стабильного роста зарплат, особенно в послевоенные годы. Таким образом, за полтора десятилетия средняя зарплата увеличилась: в Башкирии — в 2,3, а в Удмуртии — в 1,9 раза. В результате по данному показателю к 1955 году Башкирия опередила Удмуртию. Вместе с ростом общественных фондов потребления и систематическим снижением цен такой рост благоприятно сказывался на уровне жизни советских граждан;

— самые высокие зарплаты в исследуемом периоде в обеих республиках были в геологоразведке. На второе же место в разные годы в той же Башкирии претендовали: железнодорожный транспорт (1940 и 1945 годы), аппарат кооперативных и общественных организаций (1950 год), а также судебные и юридические учреждения (1955 год). В Удмуртии картина была отчасти похожей: промышленность (1940 год), научные и исследовательские учреждения (1945 год), аппарат кооперативных и общественных организаций (1950 год), судебные и юридические учреждения (1955 год).

Как видим, общим моментом для обеих республик здесь является то, что в последней трети исследуемого периода наибольшие зарплаты имели работники геологоразведки, аппарата кооперативных и общественных организаций и судебно-юридических учреждений. Приведенный выше перечень отраслей с наибольшими зарплатами работников позволяет утверждать, что, во-первых, в исследуемом периоде в обеих республиках велась активная геологоразведочная работа (особенно в Башкирии), а во-вторых — все большую роль в государстве играл бюрократический аппарат, хотя численность его существенно не увеличивалась. Это в первую очередь относилось к аппарату общественных и судебно-юридических структур.

К отраслям с относительно невысокими зарплатами принадлежали лесное и сельское хозяйство, торговля, общепит, ЖКХ, материально-техническое снабжение и сбыт, здравоохранение, физкультура и социальное обеспечение, промысловая кооперация. При этом причины такого явления у каждой отрасли могли быть специфическими. Так, например, откровенно низкие зарплаты в лесном хозяйстве, как мы полагаем, можно объяснить тем, что значительные объемы работ в данной отрасли в большинстве регионов страны выполнялись силами «контингента» печально известного ГУЛАГа и имели весьма низкую себестоимость.

Пожалуй, единственным в своем роде уникальным случаем отсутствия роста зарплат в послевоенном десятилетии явилась сфера искусства в Уд-

муртии (табл. 4). Объяснить это, на наш взгляд, можно только откровенным отсутствием внимания руководства республики к данной сфере социально-культурной жизни.

Следует отметить, что материалы ЦСУ в республиканском, краевом и областном разрезах позволяют охарактеризовать численность и заработную плату различных категорий работников отдельных предприятий. Так, данные за декабрь 1946 года о персонале 133 МТС БАССР свидетельствуют, что из 3172 человек их персонала 1049 составляли инженерно-технические работники (ИТР), 1231 — служащие и 853 — младший обслуживающий персонал (МОП). Их среднегодовая зарплата в 1946 году составляла соответственно 743, 564 и 208 руб. Еще 39 работников составляли шоферы легковых машин.

Существенно меньше численность работников и ниже их зарплата была в 69 МТС Удмуртской АССР. В них постоянно насчитывалось 1563 постоянных работника, в том числе 529 ИТР, 580 служащих, 442 — МОП, среднегодовая зарплата которых в 1946 году составили соответственно 378, 267 и 110 руб. Еще 12 работников числились водителями легковых автомобилей. Существующая разница в численности персонала объясняется неодинаковыми размерами республик, а в зарплате — меньшими объемами работ МТС в условиях лесистой местности Удмуртии [ГАРФ, ф. А-374, оп. 7, д. 2150, л. 66]. При этом следует учитывать, что в сельском хозяйстве зарплата часто носила сезонный характер. По данным за 1950 год работавшие в совхозах РСФСР трактористы в среднем заработали по 523, а в декабре — 361 руб., шоферы — соответственно 729 и 547, комбайнеры — 644 и 373 руб. Более стабильной зарплата была у животноводов: скотники 411 и 370, доярки — 375 и 375, чабаны — 350 и 387 руб. и т. д. [Там же, оп. 14, д. 4261, л. 11, 33].

Материалы ЦСУ РСФСР позволяют охарактеризовать и половой состав занятых в отраслях экономики и на предприятиях работников. Так, по состоянию на 1 октября 1951 года, например, в совхозах БАССР наличествовало 24 436 работников, из которых 9743 (39,9 %) составляли женщины. Значительно выше была доля женщин в совхозах Удмуртии: из 3506 их работников женщин было 1972 (56,2 %) [Там же, оп. 14, д. 96, л. 13; д. 156, л. 12]. Такая разница в трудоустройстве женщин была обусловлена, по нашему мнению, различными национальными особенностями сельского населения этих соседних республик.

4. Заключение = Conclusions

Не будет открытием сказать, что любые эпохальные события (и не только они) как в зеркале отражаются во множестве социально-экономиче-

ских показателей. Это в полной мере относится и к тем двум показателям, которые мы исследовали в настоящей статье: численность работающих и размер их заработной платы. Так, первый из них в нашем исследовании наглядно иллюстрирует процессы мобилизации, демобилизации и эвакуации в военные и послевоенные годы, уровень развития отраслей экономики и динамику этого процесса в каждом отдельном случае и т. д. Второй же наглядно показывает уровень материальной обеспеченности граждан (как в целом, так и семей работников отдельно взятых отраслей), платежеспособный спрос населения и многое другое.

К выводам, сформулированным нами выше в двух разделах данной работы, мы считаем необходимым добавить еще три вывода общего характера.

1. Исследованный в статье исторический период был отмечен, на наш взгляд, тремя важнейшими событиями. Это, во-первых, Великая Отечественная война, коренным образом повлиявшая на весь ход развития страны. Во-вторых — период послевоенного восстановления, снова потребовавший гигантских усилий и жертв от всего населения. И, наконец, в-третьих — переход страны (после смерти И. В. Сталина) от откровенно тоталитарного способа правления к смягченному авторитаризму Н. С. Хрущева.

2. В течение исследованного периода в рассмотренных нами регионах значительно возросла как численность работающих (в Башкирии — примерно в 2,3 раза, в Удмуртии — в 1,7), так и среднемесячная заработная плата (в Башкирии — примерно в 2,3 раза, в Удмуртии — в 1,9). Причиной роста первого показателя стала, в основном, эвакуация населения в годы войны из западных районов страны с последующим оставлением перемещенных граждан на постоянное место жительства в Уральском экономическом районе. Причин же роста зарплат было несколько, но основными из них были инфляция, вызванная ростом денежной массы в обращении (особенно в годы войны), и социальная политика властей.

3. Социальная политика включала в себя также и периодические снижения цен, что к концу исследуемого периода принесло позитивный результат в виде достижения и последующего превышения довоенного уровня жизни населения.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. А-374 (Статистическое управление Совета Министров РСФСР). Оп. 7, 14.
2. РГАЭ — *Российский государственный архив экономики*. Ф. А-1562 (Центральное статистическое управление). Оп. 15.
3. ЦДООСО — *Центр документации общественных организаций Свердловской области*. Ф. 4 (Обком КПСС). Оп. 49.

Литература

1. *Алексеев В. В.* Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма / В. В. Алексеев, С. С. Букин. — Новосибирск : Наука, Сиб. отдние, 1980. — 216 с.
2. *Бубличенко Н. И.* Социальные льготы и привилегии региональной партноменклатуры в контексте повседневности периода НЭПа : на примере Башкирской АССР [Электронный ресурс] / Н. И. Бубличенко // Интернет-конференция 2012. — Режим доступа : http://elis.pstu.ru/index.php?a=11&pod_id=48 (дата обращения 21.12.2023).
3. *Ветошкина О. В.* Проблема укрепления трудовой дисциплины на оборонных предприятиях Удмуртии : 1940—1951 гг. / О. В. Ветошкина // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». — 2010. — № 7. — С. 5—10.
4. *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946—1947 гг. : происхождение и последствия / В. Ф. Зима. — Москва : ИРИ РАН, 1996. — 265 с.
5. *Корнилов Г. Е.* Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны / Г. Е. Корнилов // Уральский исторический вестник. — 2015. — № 4 (49). — С. 112—121.
6. *Мамяченков В. Н.* Великая Отечественная война и трудовые ресурсы промышленности Урала : особенности развития / В. Н. Мамяченков, А. Л. Анисимов, В. В. Шведов // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 388—399. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-388-399.
7. *Мамяченков В. Н.* Состояние трудовых ресурсов Челябинской области в 1940—1960 годах (по материалам РГАЭ) / В. Н. Мамяченков // Гороховские чтения : материалы двенадцатой региональной музейной конференции. — Челябинск : ОГБУК «Государственный исторический музей Южного Урала», 2021. — С. 34—38.
8. *Мотревич В. П.* Динамика численности и состава аграрных рабочих Урала в послевоенные годы / В. П. Мотревич // Труд и кадры в народном хозяйстве. — Свердловск : СИНХ, 1990. — С. 78—85.
9. *Население СССР (Численность, состав и движение населения)* : Ст. сб. — Москва : Статистика, 1975. — 207 с.
10. *Пихоя Р. Г.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945—1985 / Р. Г. Пихоя. — Москва : Астрель : АСТ, 2007. — 720 с.
11. *Чернышова Н. В.* Организованный набор рабочих на предприятия и стройки Урала, Сибири и Дальнего Востока в середине 1940-х — конце 1950-х гг. (на материалах Кировской области) / Н. В. Чернышова // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 407. — С. 169—173. — DOI: 10.17223/15617793/407/26.

Статья поступила в редакцию 03.02.2024,
одобрена после рецензирования 12.05.2024,
подготовлена к публикации 21.05.2024.

Material resources

- CDOOSO — *Documentation Center of public organizations of the Sverdlovsk region. F. 4 (Regional Committee of the CPSU). Op. 49.* (In Russ.).
- GARF — *State Archive of the Russian Federation. F. A-374 (Statistical Office of the Council of Ministers of the RSFSR). Op. 7, 14.* (In Russ.).
- RGAE — *Russian State Archive of Economics. F. A-1562 (Central Statistical Office). Op. 15.* (In Russ.).

References

- Alekseev, V. V., Bukin, S. S. (1980). *The growth of the welfare of the workers of Siberia in the conditions of the construction of developed socialism.* Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch. 216 p. (In Russ.).
- Publichenko, N. I. (2012). Social benefits and privileges of the regional party nomenclature in the context of everyday life of the NEP period: on the example of the Bashkir ASSR. *Internet Conference.* Available at: http://elis.pstu.ru/index.php?a=11&pod_id=48 (accessed 12/21/2023). (In Russ.).
- Chernyshova, N. V. (2016). Organized recruitment of workers to enterprises and construction sites in the Urals, Siberia and the Far East in the mid-1940s — late 1950s (based on materials from the Kirov region). *Bulletin of Tomsk State University*, 407: 169—173. DOI: 10.17223/15617793/407/26. (In Russ.).
- Kornilov, G. E. (2015). Evacuation of the population to the Urals during the Great Patriotic War. *Ural Historical Bulletin*, 4 (49): 112—121. (In Russ.).
- Mamyachenkov, V. N., Anisimov, A. L., Shvedov, V. V. (2021). Great Patriotic War and Labor Resources of Urals Industry: Development Features. *Nauchnyi dialog*, 8: 388—399. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-388-399> (In Russ.).
- Mamyachenkov, V. N. (2021). The state of the labor resources of the Chelyabinsk region in 1940—1960 (based on the materials of the RGAE). In: *Gorokhov readings: materials of the twelfth regional museum conference.* Chelyabinsk: OGBUK “State Historical Museum of the Southern Urals”. 34—38. (In Russ.).
- Motrevich, V. P. (1990). Dynamics of the number and composition of agrarian workers of the Urals in the post-war years. In: *Labor and personnel in the national economy.* Sverdlovsk: SINGH. 78—85. (In Russ.).
- Pihoya, R. G. (2007). *Moscow. Kremlin. Power. Forty years after the war. 1945—1985.* Moscow: Astrel: AST. 720 p. (In Russ.).
- The population of the USSR (Number, composition and movement of the population): St. Stat.* (1975). Moscow: Statistics. 207 p. (In Russ.).
- Vetoshkina, O. V. (2010). The problem of strengthening labor discipline at the defense enterprises of Udmurtia: 1940—1951. *Bulletin of the Pomeranian University. The series “Humanities and Social Sciences”*, 7: 5—10. (In Russ.).
- Winter, V. F. (1996). *Famine in the USSR 1946—1947: origin and consequences.* Moscow: IRI RAS. 265 p. (In Russ.).

*The article was submitted 03.02.2024;
approved after reviewing 12.05.2024;
accepted for publication 21.05.2024.*

Информация для цитирования:

Муслимова Е. О. Территориальные сообщества Франции в системе международного сотрудничества со странами и регионами Востока (XX—XXI вв.) / Е. О. Муслимова, А. Г. Нестеров // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 464—482. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-464-482.

Muslimova, E. O., Nesterov, A. G. (2024). Territorial Communities of France in International Cooperation with Eastern Countries and Regions (20th-21st Centuries). *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 464-482. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-464-482. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Территориальные сообщества Франции в системе международного сотрудничества со странами и регионами Востока (XX—XXI вв.)

Муслимова Екатерина Олеговна¹
orcid.org/0000-0003-3866-450X
кандидат исторических наук,
доцент кафедры международных
отношений и регионоведения,
корреспондирующий автор
e.o.muslimova@utmn.ru

Нестеров Александр Геннадьевич²
orcid.org/0000-0002-3349-6204
доктор исторических наук,
заведующий кафедрой
зарубежного регионоведения
alexander.nesterov@urfu.ru

¹ Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)

² Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-78-10118,
<https://rscf.ru/project/22-78-10118/>

Territorial Communities of France in International Cooperation with Eastern Countries and Regions (20th-21st Centuries)

Ekaterina O. Muslimova¹
orcid.org/0000-0003-3866-450X
PhD in History, Associate Professor,
Department of International
Relations and Regional Studies,
Corresponding author
e.o.muslimova@utmn.ru

Alexander G. Nesterov²
orcid.org/0000-0002-3349-6204
Doctor of History,
Head of the Department
of Foreign Region Studies
alexander.nesterov@urfu.ru

¹ University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

² Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-78-10118,
<https://rscf.ru/project/22-78-10118/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос формирования и развития трансрегиональных отношений территориальных сообществ Франции со странами и регионами Востока. Уделяется внимание сопряжению центробежных и центростремительных тенденций в системе отношений «центр — регионы» Французской Республики. Представлены результаты анализа нормативных основ международной и внешнеполитической деятельности территориальных сообществ Франции (на основе национальной Конституции и законодательства). Поднимается вопрос о традиционных тесных связях французских регионов с партнерами из европейских стран. Особое внимание уделяется активности сообществ в сотрудничестве со странами Восточного и Южного Средиземноморья, а также Северной Африки. Отдельно рассмотрено партнерство с отдаленными восточными территориями. Исследование базируется на авторской комплексной методологии, включающей принципы историзма, объективности и всесторонности, историко-системный и историко-сравнительный подходы, а также теоретические основы теории многоуровневого управления. Исследование включает изучение деятельности французских административных единиц различного уровня: регионов, департаментов, коммун, а также городов и метрополий. Сделан вывод, что международная деятельность регионов Франции в настоящее время менее активна, чем аналогичная деятельность регионов других стран Европейского союза, однако в XXI веке она все же существенно активизировалась по сравнению с предшествующим периодом.

Ключевые слова:

трансрегиональное сотрудничество; Европейский союз; Франция.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the formation and development of transregional relations of territorial communities of France with Eastern countries and regions. It examines the interplay of centrifugal and centripetal tendencies in the “center-regions” relationship of the French Republic. The analysis focuses on the normative framework of international and foreign policy activities of French territorial communities based on national constitution and legislation. Traditional close ties of French regions with partners from European countries are discussed, with a special emphasis on collaborations with countries in Eastern and Southern Mediterranean, as well as North Africa. Partnership with distant Eastern territories is separately examined. The study is based on a comprehensive methodology incorporating principles of historicism, objectivity, comprehensiveness, historical-systemic and historical-comparative approaches, as well as theoretical foundations of multilevel governance theory. It includes an examination of the activities of various administrative units in France: regions, departments, municipalities, cities, and metropolises. The conclusion drawn is that the international activities of French regions are currently less active than those of regions in other European Union countries; however, in the 21st century, they have significantly intensified compared to previous periods.

Key words:

transregional cooperation; European Union; France.

УДК 94(44)“19/20”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-464-482

Научная специальность ВАК
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Территориальные сообщества Франции в системе международного сотрудничества со странами и регионами Востока (XX—XXI вв.)

© Муслимова Е. О., Нестеров А. Г., 2024

1. Введение = Introduction

В настоящее время региональный уровень играет важную роль в политическом, экономическом, социально-культурном пространстве Европейского союза. Регионы различного уровня (от еврорегионов до малых локальных единиц¹) принимают активное участие в общественно-политической жизни, многие из них располагают собственными представительскими в Брюсселе и за рубежом.

Концепция «Европы регионов» набрала популярность в Европейских сообществах на этапе новой активизации евроинтеграции в 1980-е годы — в период председательства в Европейской Комиссии «архитектора единой Европы» Жака Делора (1985—1995). Однако идея приоритизации европейских регионов и расширения их прав и полномочий зародилась гораздо раньше. В работах теоретиков европейского федерализма Дени де Ружмона и Ги Эро подчеркивалась необходимость продвижения европейской интеграции именно на региональном уровне [De Rougement, 1966; Héraud, 1974]. Так, Г. Эро видел Европу в качестве федерации регионов, а не конфедерации национальных государств. В работах авторов-регионалистов (Мориса Дюамеля, Янна Фуэрэ, Морица ван Хэггендоррена) также можно встретить концепцию «Европы сотни флагов», пересматривающую грани-

1 Согласно принятой в Европейском союзе Классификации территориальных единиц для статистики (Nomenclature of Territorial Units for Statistics, NUTS), в ЕС насчитывается 92 региона первого уровня (NUTS 1), 240 регионов второго уровня (NUTS 2), 1164 региона третьего уровня (NUTS 3) и 92 054 локальных административных единицы (local administrative unit, LAU). В первую очередь в региональной политике ЕС задействованы регионы второго уровня, соответствующие принятым в странах-участниках административно-территориальным единицам: федеральные земли в Австрии и Германии, провинции в Бельгии и Нидерландах, автономные сообщества в Испании, воеводства в Польше, области в Словакии, регионы в Болгарии, Хорватии, Дании, Греции, Ирландии, Италии, Румынии. Во Франции это 18 регионов (административно-территориальных единиц верхнего уровня), 5 из которых находятся в заморских территориях.

цы внутри общеевропейского пространства и отражающую разнообразие и значимость регионов в политическом процессе Сообществ [Duhamel, 1928; Fouéré, 1968; Van Haegendoren, 1971].

В совокупности процессы европейской интеграции и децентрализации создали стимулы для активного участия региональных субъектов в принятии решений, получении структурной поддержки и в самостоятельной внешнеполитической деятельности.

Территориальные сообщества Франции представляют отдельный интерес для изучения в силу сопряжения центробежных и центростремительных тенденций в системе отношений «центр — регионы» Французской Республики. С одной стороны, Франция является унитарным государством, где законодательные и регулирующие нормы, а также объемы субсидирования бюджета определяются на уровне центрального правительства. С другой стороны, время от времени в стране возникают дискуссии о предоставлении регионам определенной автономии, которые хоть и подвергаются критике, но имеют под собой основания в виде историко-культурных и иных различий, существующих между регионами.

Целью данной статьи является рассмотрение формирования и развития трансрегиональных связей французских регионов со странами и регионами Востока, что являет собой актуальную научную проблему, связанную с изучением самостоятельной внешнеполитической деятельности субнациональных единиц европейских государств в контексте процессов интеграции, централизации и децентрализации.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологически исследование базируется на комплексе научных принципов, подходов и методов. Принципы историзма, объективности и всесторонности позволяют рассмотреть изучаемый вопрос как целостную, изменяющуюся во времени системно-организованную структуру, тесно связанную с общими тенденциями общественно-политического развития мира и Европы. Задача, связанная с рассмотрением внешнеполитической деятельности территориальных сообществ Франции, была решена с помощью историко-системного и историко-сравнительного подходов. Теоретически исследование ограничено концептуализацией региона с опорой на пространственный подход: в качестве территориального, функционального и политического пространства, продукта изменений общественной жизни в структурном международно-политическом и экономическом пространстве. Здесь и далее формулировка *территориальное сообщество* включает французские административные единицы различного уровня: регионы, департаменты, коммуны, а также города и

метрополии. Однако преимущественно изучены единицы самого верхнего уровня — регионы.

В ходе исследования также задействованы позиции теории многоуровневого управления — рассматриваются взаимно пересекающиеся интересы и компетенции участников международно-политического процесса различного уровня, а также комплекс их сложных взаимодействий.

В качестве источников были задействованы Конституция и национальное законодательство Франции, материалы местных и региональных органов власти, общественных и иных структур.

Хронологически исследование ориентировано на период с 80-х годов XX века по XXI век, так как именно в этих временных рамках произошло становление и развитие самостоятельной международной и внешнеполитической деятельности французских территорий.

Говоря об историографии вопроса, стоит отметить, что процессы децентрализации и рецентрализации власти во Франции изучены достаточно полно. Так, особенности французской модели отношений «центр — регионы» описаны в работах К. И. Пахорукова и И. В. Иванникова, Г. В. Семеко, И. Н. Трофимовой, А. Торре и С. Бурдена. Авторы обращают внимание на изменения, которые повлекли за собой проводимые Ш. де Голлем, Н. Саркози, Ф. Олландом административно-территориальные реформы: создание единой структуры «регион — департаменты», расширение хозяйственной и финансовой самостоятельности местных органов власти, повышение эффективности системы государственного управления и т. д. [Пахоруков и др., 2012; Семеко, 2017а; Трофимова, 2011; Torre et al., 2023]. Однако, как справедливо отмечают данные исследователи, со временем процесс децентрализации власти во Франции сменился курсом на рецентрализацию управления, что обусловлено распределением партийно-политических сил в результате президентских и парламентских выборов, практической эффективностью реформ и сложностью самой системы территориального управления во Франции в принципе. С. Бирюков отмечает, что сложности регионального развития Франции во многом были обусловлены тем, что, в отличие от Германии, которая исторически формировалась как федерация земель, в основе французской государственности лежит концепция государства-нации, которая не допускает широкой автономии регионов [Бирюков, 2008, с. 47].

Возникновение и развитие регионов Франции подробно проанализировано Эмманюэлем Ле Руа Ладюри в книге «История регионов Франции» [Ле Руа Ладюри, 2005]. Формирование регионального уровня во Франции освещено в статье М. В. Захаровой, а более подробные аспекты французского варианта регионализма — в исследованиях А. Смита и П. Хейвуда,

М. Л. Лебедевой, Р. Паскье [Захарова, 2016; Smith et al., 2000; Лебедева, 2016; Pasquier, 2009].

Рост международной, прежде всего внешнеэкономической активности регионов Франции отметил уже известный французский исследователь Жорж Дюби в своей «Истории Франции от основания до наших дней» [Duby, 1995, p. 1050]. Непосредственно взаимодействия французских регионов с зарубежными странами и территориями касаются М. Невеш, изучивший взаимодействие «регион-регион» в отношениях ЕС и Китая, М. Дюран — в исследовании дипломатической активности региона Прованс — Альпы — Лазурный Берег, И. Ксенич — концентрируя внимание на отдельных примерах внешнеполитической активности регионов унитарных стран [Neves, 2018; Duran, 2011; Ksenich, 2023]. Кроме того, существуют исследования, посвященные международному взаимодействию французских территориальных единиц более мелкого уровня. Так, Н. Брио в статье «Сетевые города...» показывает потенциал международного сотрудничества французских городов [Briot, 2021].

Таким образом, в области изучения трансрегиональной кооперации регионов Франции можно наблюдать следующую тенденцию. Большинство авторов, как отечественных, так зарубежных, исследуют региональный уровень с точки зрения полномочий регионов и их взаимоотношений с «центром», достаточное число работ освещает административно-территориальные реформы во французском государстве, начиная с XX века. Лишь отдельные работы, преимущественно зарубежных авторов, касаются парадипломатической деятельности субнациональных единиц Франции. Таким образом, существует значительный пробел в отечественной историографии изучаемого вопроса, что подчеркивает научную новизну представленного исследования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Основы международной и внешнеполитической деятельности территориальных сообществ Франции

Последние десятилетия демонстрируют беспрецедентный подъем международной активности европейских регионов. Как уже было сказано, вместе с подъемом европейской интеграции в 1980—1990-е годы возросла значимость регионального уровня в Европейских Сообществах. Во многих европейских государствах произошло расширение полномочий и автономии регионов — примерами могут служить автономные сообщества Испании и островные регионы Португалии (Азорские острова и Мадейра).

Конституция Франции (Конституция Пятой Республики), принятая в 1958 году, закрепила следующие уровни и единицы административно-тер-

риториального деления страны: коммуны, департаменты, заморские территориальные сообщества (Статья 72) [Constitution of October 4, 1958]. Согласно Основному закону, территориальные единицы могут принимать решения по всем вопросам, возникающим в рамках полномочий на их уровне.

Регионы являются исторически самым «молодым» уровнем территориального управления во Франции [Семеко, 2017b, с. 22]. С 1982 года, после принятия Закона о правах и свободах коммун, департаментов и регионов (Loi n° 82-213 du 2 mars 1982 relative aux droits et libertés des communes, des départements et des régions), положившего начало процессу децентрализации управления во Франции, регионы получили доступ к собственному бюджету, возможности избирать представителей в Региональные советы, в их компетенцию вошло развитие инфраструктуры территории, управление образованием и профессиональным обучением, региональной транспортной системой, а также планирование социального и экономического развития [Loi n° 82-213...].

Конституционный закон 2003 года (Loi constitutionnelle n°2003-276 du 28 mars 2003 relative à l'organisation décentralisée de la République) внес изменения в раздел XII Конституции, закрепив в числе прочего положение региона и сообщества с особым статусом (Корсика) как административно-территориальной единицы. Также было признано право территориальных сообществ на принятие решений, выходящих за рамки предоставленной им компетенции, что расширило возможности территорий учитывать собственные интересы и потребности при ведении деятельности. Закон о местных свободах и компетенциях 2004 года дополнил полномочия территорий, делегированных центром, возможностями в области экономического развития, туризма и инфраструктуры [Loi constitutionnelle n°2003-276...; Loi n° 2004-809...].

Территориальная реформа 2014—2015 годов укрупнила регионы, укрепив их роль в территориальном управлении. Количество регионов было сокращено с 22 до 13: были объединены регионы Бургундия и Франш-Конте; Аквитания, Лимузен и Пуату — Шаранта составили регион Новая Аквитания, объединились Верхняя и Нижняя Нормандия; Эльзас, Шампань — Арденны и Лотарингия вошли в состав Гранд-Эста; Лангедок-Руссильон и Юг-Пиренеи — в состав Окситании; Нор — Па-де-Кале и Пикардия — в состав региона О-де-Франс; единый регион составили Овернь и Рона — Альпы. Без изменений остались регионы Бретань, Центр — Долина Луары, Корсика, Иль-де-Франс, Пеи-де-ла-Луар, Прованс — Альпы — Лазурный Берег.

Международная и внешнедипломатическая (парадипломатическая) деятельность метрополитных французских регионов опирается на европейскую нормативно-правовую базу, а также на собственное законодательство.

После введения принципа субсидиарности в статью 3В Маастрихтского договора в 1992 году территориальная дипломатия стала инструментом участия территориальных сообществ в европейской политике; в рамках ЕС последние проводят ограниченную внешнюю политику путем развития межрегионального, трансграничного, транснационального и макрорегионального сотрудничества [Treaty on European Union]. Во Франции расширение полномочий территорий в области внешних сношений началось с 1980-х годов: в циркулярах 1983 и 1994 года (*La circulaire du 26 mai 1983*, *La circulaire commune Intérieur-Affaires étrangères du 26 mai 1994*), а также в Законе № 92-125 о территориальном управлении Республики 1992 года была закреплена возможность территориальных сообществ различного уровня представлять деятельность Франции во всем мире, а также инициировать сотрудничество на добровольной основе при соблюдении уважения к международным обязательствам Франции [Pougnaud, 2019, с. 14—15]. Одним из поводов к децентрализации власти, в том числе и в сфере внешних сношений послужило подписание соглашения между городами Марсель и Алжир в 1980 году, которое выявило юридические сложности в осуществлении международной деятельности административно-территориальными единицами Франции [*Marseille et Alger signent...*].

Стоит отметить, что изначально более широкие возможности были открыты на локальном уровне — коммуна, городам и отдельным предприятиям. В дальнейшем в законах стала использоваться формулировка «территориальные образования», что допускало использование их положений департаментами и регионами. Закон 1995 года («Пасхальный закон») позволил французским регионам присоединяться в рамках трансграничного сотрудничества к возможным объединениям, регулируемым иностранным законодательством, однако запретил заключение каких-либо соглашений с иностранными государствами [Pougnaud, 2019, с. 15]. Основопологающим нормативным документом стоит считать Общий кодекс о территориальных сообществах, принятый в 1996 году. Статьи с L. 1115-1 по L. 1115-7 в нем, посвященные внешнеполитической деятельности территориальных сообществ, неоднократно подвергались изменениям и дополнениям. В настоящее время кодекс допускает, что в соответствии с международными обязательствами Франции территориальные образования и их объединения могут осуществлять или поддерживать любую кратковременную или многолетнюю международную деятельность в области сотрудничества, взаимопомощи или гуманитарных контактов. С этой целью территориальные образования и их объединения могут при необходимости заключать соглашения с иностранными местными органами власти. В соглашениях указывается цель планируемых действий и предполагаемый объем финан-

совых обязательств [Code général ...]. Важно, что сотрудничество может осуществляться не только горизонтально (в соответствии с уровнем административно-территориального деления) — могут быть выстроены любые типы связей, например, «департамент — зарубежный регион», «город — зарубежный регион» и т. д.

Что касается заморских регионов Франции, к ним относятся Гваделупа, Гвиана, Майотта, Мартиника и Реюньон. Международная активность заморских территорий зафиксирована Законом о руководстве заморскими территориями, принятом в 2000 году (Loi n° 2000-1207 du 13 décembre 2000 d'orientation pour l'outre-mer). В соответствии с законом, Гваделупе, Мартинике, Гвиане и Реюньону могут быть предоставлены полномочия вести переговоры и подписывать соглашения с одним или несколькими государствами или территориями, расположенными в Карибском бассейне, в окрестностях Гвианы или в районе Индийского океана, либо с региональными организациями в соответствующих районах, включая специализированные учреждения Организации Объединенных Наций. Переговоры от имени региона ведутся председателем Регионального совета [Loi n° 2000—1207].

Также стоит подчеркнуть, что французские регионы могут вести международную и внешнеполитическую деятельность как самостоятельно, так и посредством различных организаций — неправительственных, общественных, коммерческих, научных, культурных и иных. При этом особое внимание уделяется активизации сотрудничества регионов Франции с франкофонными регионами, что для французской внешней и культурной политики является одним из базовых концептуальных подходов.

3.2. Трансрегиональное сотрудничество со странами Востока

Регионы и более мелкие территории Франции традиционно имеют тесные связи с партнерами из европейских стран. Овернь — Рона — Альпы объединена с Федеральной землей Баден — Вюртемберг (ФРГ), Автономным сообществом Каталония (Испания) и регионом Ломбардия (Италия) в рамках программы «Четыре мотора Европы», позволяющей обеспечивать сотрудничество между различными субъектами в каждом из регионов (включая коммерческие компании и научные организации) и выводить на международный уровень деятельность и проекты, осуществляемые на четырех территориях [«Quatre moteurs pour l'Europe»...]. Другим примером является Нормандия, поддерживающая культурную кооперацию с Норвегией в рамках «северной» дипломатии [Rouffia, 2021, с. 121]. Франко-норвежское бюро по обмену и сотрудничеству (Office franco-norvégien d'échanges et de coopération, OFNEC) существует с 1983 года.

В отношениях с Востоком Франция и ее территории традиционно в большей степени ориентированы на средиземноморские страны Ближне-

го Востока и Северной Африки — сообразно сформировавшимся исторически более тесным культурным и геополитическим связям. Современные эксперты отмечают усиление именно средиземноморского вектора внешней политики Франции, предполагая, что активность Франции на этом направлении является скрытой формой реализации стремления усилить свои позиции в ЕС [Федоров, 2012, с. 77]. При этом особое значение придается активизации деятельности регионов Франции, их сотрудничества с регионами Средиземноморья.

В первую очередь это касается региона Прованс — Альпы — Лазурный Берег, имеющего непосредственный выход к Средиземному морю. Через сетевую структуру «Territoires Solidaires», созданную в 2011 году при поддержке правительств региона и города Марселя и Министерства Европы и иностранных дел Франции с целью развития международного сотрудничества и объединения как можно большего числа различных организаций, реализуются проекты в области туризма, сельского хозяйства, использования водных ресурсов, экологии, занятости с такими странами, как Марокко, Тунис, Алжир, Египет, Иордания, Израиль и Ливан, а также с Палестинской национальной автономией. Примерами могут служить установленный студенческий обмен между Высшей Национальной школой архитектуры Марселя и Университетом Александрии, проект «Тропа Авраама» по созданию пешеходной туристической тропы на палестинских территориях, инициатива по содействию инклюзивной экономике и развитию для сирийских беженцев и принимающих общин в Ливане [Territoires solidaires...]. Также, как уже было указано, существует отдельный вектор сотрудничества между городами Марсель и Алжир.

Активную региональную дипломатию развивает Окситания, предоставляя возможности для обмена и сотрудничества между субъектами экономики, туризма, науки, культуры и спорта региона и европейскими и международными партнерами. В числе восточных территорий, с которыми уже установлено партнерство, — Марокко, Палестина, Камбоджа, Вьетнам, Япония. В частности, инициирован проект «Международное сотрудничество в области водных ресурсов», в котором задействован и Сенегал. Несмотря на то, что Марокко, Сенегал, палестинские территории и Окситания находятся в разных политических и экономических условиях, они сталкиваются с общими проблемами в области управления водными ресурсами. Совместно с регионами Фес — Мекнес, Касабланка-Сета, Восточная область (Марокко) реализуются инициативы в области сельского хозяйства, спорта, туризма, сохранения культурного наследия, высшего образования и науки, авиастроения, устойчивого развития, «голубой» экономики. Пилотный проект между Окситанией и Касабланкой-Сетой призван способствовать рас-

ширению занятости сельской молодежи, повышению конкурентоспособности и привлекательности агропродовольственного сектора и поощрению устойчивого управления сельскохозяйственными угодьями в обоих регионах [Coopérations européennes et internationales]. Марокко также выступает основным восточным партнером и для региона Овернь — Рона — Альпы.

Регион Бургундия — Франш-Конте поддерживает трансрегиональные связи с Гонконгом (Специальный административный район Китая), а также с африканскими регионами Верхняя Матсиатра и Атсимо-Андрефана, расположенными на Мадагаскаре. С последними через структуру «AFDI» (Agriculteurs français et développement international) регион осуществляет сотрудничество между профессиональными сельскохозяйственными организациями, обмениваясь практиками и идеями в данной области [Une région connectée...].

Прованс — Альпы — Лазурный Берег реализует совместные проекты с Мьянмой, Лаосом, Таиландом, Вьетнамом, Камбоджей, островными государствами — Шри-Ланкой и Коморскими островами (в последнем случае соглашение о партнерстве было заключено с автономным островом Нгасиджа), Тайванем и Японией [Accord de coopération...; Territoires solidaires...]. В свою очередь, Новая Аквитания сотрудничает с такими странами, как Индия, Таиланд, Камбоджа.

Регион Окситания с 2015 года поддерживает проекты, реализуемые в провинции Баттамбанг в Камбодже в таких областях, как сохранение культурного наследия (заявка города Баттамбанга на внесение в список ЮНЕСКО), туризм, правосудие, здравоохранение, обучение. Также Окситанией налажены культурные и экономические связи с японскими регионами Киото и Айти. Для укрепления и развития отношений с Японией Окситания учредила свое представительство при посольстве Франции в Токио. В сотрудничестве с «Team France Export» региональное представительство сопровождает окситанские компании в Японии и повышает их привлекательность для японских инвесторов [Coopérations européennes et internationales]. Окситанский регион также имеет достаточно тесные связи с Гонконгом, что отразилось, в частности, в ходе визита главы администрации Гонконга Кэрри Лам во Францию в 2018 года [France and Hong Kong]. Для Гонконга Франция представляет собой существенно важное направление внешнеэкономической деятельности (она занимает шестое место во внешнеэкономических контактах Гонконга), и развитие сотрудничества с регионами Франции имеет для Гонконга достаточно большое значение [阎小骏, 2019, 页 85—86].

Территориальное образование и историческая область Франции Эльзас, входящая в состав административного региона Гранд-Эст, поддерживает отношения с китайской провинцией Цзянсу. 2005 год ознаменовался учреждением представительства Эльзаса в Нанкине для развития туризма

и экономики (продвижения Эльзаса в качестве туристического направления и сопровождения эльзасских предприятий, заинтересованных в выходе на китайский рынок) [Atlas français...]. В данном случае есть и обратная заинтересованность — со стороны китайских партнеров. В 2010 году в присутствии генерального консула Китая в Страсбурге Сунь Цзивэня и заместителя директора Департамента образования провинции Цзянсу Дин Сяочана состоялось открытие отделения Института Конфуция в Эльзасе [Inauguration officielle...]. Стоит также отметить, что китайский город Сучжоу, расположенный в провинции Цзянсу, связан побратимскими отношениями с французскими городами Гренобль, Сент-Этьен и Клермон-Ферран [Jiangsu...].

Активен в международной деятельности и регион Пеи-де-ла-Луар, однако в числе его партнеров преобладают страны Африки южнее Сахары. Среди восточных стран, с кем ведется сотрудничество, — Алжир, Филиппины и Непал. В последнем при поддержке региона Пеи-де-ла-Луар и ассоциации «Electriciens sans Frontières» (ESF) реализуется проект по восстановлению гидроэлектростанции в Чимхолье [Pays de la Loire...]. Ассоциация «Namasté Children of Himalaya», базирующаяся в Монтуар-де-Бретань, связалась с ESF по вопросу потребности в электроэнергии для проектов в области образования и здравоохранения в деревне Чимхолье, изолированной в горах в районе Покхара. Электрическая установка с гидравлическим приводом была создана 20 лет назад, но в результате землетрясений, наводнений и ударов молний объекты становятся все более устаревшими и функционируют все хуже и хуже. ESF планирует в течение десяти лет принять меры по обеспечению устойчивости объектов.

В целом, можно наблюдать довольно высокую активность в международной и внешнеполитической деятельности французских территориальных сообществ и установлении ими трансрегиональных связей.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итог, стоит сказать, что процесс децентрализации управления во Франции прошел достаточно долгий путь. В настоящее время в государстве законодательно закреплена ограниченная возможность участия территориальных единиц в международной и внешнеполитической деятельности, прежде всего в экономической и культурной сферах. Международная деятельность доступна как крупным регионам, так и отдельным городам. Однако сложная система территориального управления, сложившаяся во Франции и включающая коммуны, департаменты, регионы, заморские территории, а также сохранившиеся исторические области, накладывает отпечаток в виде пересечения интересов и компетенций.

Также во Франции отмечается гораздо более низкое, по сравнению с Испанией и Португалией, участие регионов и более мелких территорий в международных объединениях и организациях. В основном это доступно только заморским регионам. Во многом это обусловлено концептуальным отношением Франции к внешнеполитической деятельности, которая является прерогативой Французского государства, а не регионов, и лишь под давлением европейской региональной политики Франция допускает некоторые возможности для региональной международной деятельности в ограниченных сферах. При этом положительным вектором развития трансрегиональных связей является создание французскими территориальными сообществами неиерархичных связей по типу «регион — страна» или «историческая область — регион» и т. д.

Французские регионы, наряду с традиционными европейскими, активно осваивают восточное направление и находят партнеров не только в соседних и традиционно более близких в культурно-историческом и политическом плане странах Средиземноморья, чаще всего — в контексте Союза для Средиземноморья, созданного во многом по инициативе Франции, но также и в отдаленных государствах Востока, таких как Япония, Китай, Вьетнам, Камбоджа, Непал и др. Если в менее развитых экономически странах французские регионы выступают в качестве доноров финансовой помощи, то в Китае или Японии они, наоборот, стремятся привлечь инвестиции на французскую территорию. В то же время современные отношения с Китаем находятся на таком уровне, что французские регионы несколько опасаются чрезмерного усиления китайских интересов по отношению к ним, хотя и заинтересованы в притоке китайских инвестиций. Именно поэтому зачастую французские регионы более заинтересованы в контактах с Гонконгом, который, хотя и является частью Китайской Народной Республики, обладает достаточной внешнеэкономической самостоятельностью, но в то же время не имеет значимых политических амбиций.

Международная деятельность регионов Франции в настоящее время однозначно менее активна, чем аналогичная деятельность регионов многих других стран Европейского союза, однако при этом можно отметить, что в XXI веке она все же существенно активизировалась по сравнению с предшествующим периодом.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Accord de coopération avec l'île autonome de Ngazidja (Grande Comore)* [Electronic resource]. — Access mode : <https://pastel.diplomatie.gouv.fr/cncdext/dyn/public/atlas/telechargerDocument.html?jsessionid=7906B1CCD4E456FCC5D3A461ABEF6C57.jvm01996-3?id=205> (accessed 15.02.2024).
2. *Atlas français de la coopération décentralisée et des autres actions extérieures* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.pastel.diplomatie.gouv.fr/cncdext/dyn/public/atlas/detailProjet.html?criteres.prjId=9195> (accessed 15.02.2024).
3. *Code général des collectivités territoriales*. Version en vigueur au 06 mai 2024 [Electronic resource]. — Access mode : https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070633/LEGISCTA000006164470/?anchor=LEGIARTI000043904026#LEGIARTI000043904026 (accessed 06.05.2024).
4. *Constitution of October 4, 1958* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/anglais/constiution_anglais_oct2009.pdf (accessed 15.02.2024).
5. *Coopérations européennes et internationales* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.laregion.fr/Cooperations-europeennes-et-internationales#:~:text=L'appel%20%C3%A0%20projet%20%C2%AB%20Alimentation,le%20d%C3%A9veloppement%20de%20pratiques%20agro%C3%A9cologiques>. (accessed 15.02.2024).
6. *France and Hong Kong // France Diplomacy* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/china/france-and-hong-kong/> (accessed 15.02.2024).
7. *Inauguration officielle de l'Institut Confucius d'Alsace* [Electronic resource]. — Access mode : https://strasbourg.china-consulate.gov.cn/fra/kzxy/201009/t20100915_3932319.htm (accessed 15.02.2024).
8. *Jiangsu 江苏* (2020) [Electronic resource]. — Access mode : <https://cefc-paris.fr/wp-content/uploads/2021/04/Fiche-Ville-Jiangsu-2021.pdf> (accessed 15.02.2024).
9. *Loi constitutionnelle n°2003-276 du 28 mars 2003 relative à l'organisation décentralisée de la République* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT00000601882> (accessed 15.02.2024).
10. *Loi n° 2000-1207 du 13 décembre 2000 d'orientation pour l'outre-mer* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000387814/> (accessed 15.02.2024).
11. *Loi n° 2004-809 du 13 août 2004 relative aux libertés et responsabilités locales* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000804607/> (accessed 15.02.2024).
12. *Loi n° 82-213 du 2 mars 1982 relative aux droits et libertés des communes, des départements et des régions* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000880039> (accessed 15.02.2024).
13. *Marseille et Alger signent une convention «d'amitié et de collaboration»* [Electronic resource] // *Le Monde*. 1980, 04 juillet. — Access mode : https://www.lemonde.fr/archives/article/1980/07/04/marseille-et-alger-signent-une-convention-d-amitie-et-de-collaboration_2794093_1819218.html (accessed 15.02.2024).
14. *Pays de la Loire Coopération Internationale*. Panorama des projets [Electronic resource]. — Access mode : [https://www.paysdelaloire-cooperation-internationale.org/projet/?pt=projet&b=\(-6.325774850078651,%2052.50577615059292\),%20\(34.660689172623954,%20120.00577615059292\)\)&z=4&c=\(15.146799754937337,%2086.25577615059292\)&pg=&pol=1&loa=0](https://www.paysdelaloire-cooperation-internationale.org/projet/?pt=projet&b=(-6.325774850078651,%2052.50577615059292),%20(34.660689172623954,%20120.00577615059292))&z=4&c=(15.146799754937337,%2086.25577615059292)&pg=&pol=1&loa=0) (accessed 15.02.2024).

15. «*Quatre moteurs pour l'Europe*» : Auvergne-Rhône-Alpes, Bade-Wurtemberg, Catalogne et Lombardie unies pour la compétitivité de leurs territoires en Europe [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/action-exterieure-des-collectivites-territoriales/exemples-de-projets-de-cooperation-decentralisee/la-cooperation-decentralisee-franco-allemande/article/quatre-moteurs-pour-l-europe-auvergne-rhone-alpes-bade-wurtemberg-catalogne-et> (accessed 15.02.2024).

16. *Territoires solidaires*. Panorama des projets [Electronic resource]. — Access mode : [https://www.territoires-solidaires.com/projet/?pt=projet&b=\(-23.52981184001443,%2094.77344210684467\),%20\(18.764803600621402,%20162.27344210684467\)\)&z=4&c=\(-2.554647155579654,%20128.52344210684467\)&pg=&pol=1&loa=0](https://www.territoires-solidaires.com/projet/?pt=projet&b=(-23.52981184001443,%2094.77344210684467),%20(18.764803600621402,%20162.27344210684467))&z=4&c=(-2.554647155579654,%20128.52344210684467)&pg=&pol=1&loa=0) (accessed 15.02.2024).

17. *Treaty on European Union* [Electronic resource] // Official Journal C 191, 29/07/1992 P. 0001 — 0110. — Access mode : <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11992M/TXT> (accessed 15.02.2024).

18. *Une région connectée au monde* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.bourgognefranchecomte.fr/une-region-connectee-au-monde> (accessed 15.02.2024).

Литература

1. Бирюков С. В. Германия — Франция : спор о «Европе регионов» / С. В. Бирюков // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2008. — № 10. — С. 42—50.

2. Захарова М. В. Современный французский регионализм [Электронный ресурс] / М. В. Захарова // *Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство»*. — 2016. — Т. 4. — № 3. — Режим доступа : <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения 15.02.2024).

3. Лебедева М. Л. Процесс регионализации Франции : история и эволюция / М. Л. Лебедева // *Вопросы политологии*. — 2016. — № 3 (23). — С. 213—224.

4. *Ле Руа Ладюри Э.* История регионов Франции. Периферийные регионы Франции от истоков до наших дней / Э. Ле Руа Ладюри. — Москва : Росспэн, 2005. — 432 с. — ISBN 5-8243-0592-7.

5. Пахоруков К. И. Децентрализация во Франции : эволюция французского унитаризма / К. И. Пахоруков, И. В. Иванников // *Право и политика*. — 2012. — № 1. — С. 31—39.

6. Семеко Г. В. Территориальные реформы во Франции : от децентрализации к централизации государственного управления / Г. В. Семеко // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. — 2017а. — Т. 9. — № 3. — С. 476—494. — DOI: 10.17072/2218-9173-2017-3-476-494.

7. Семеко Г. В. Территориальная реформа 2014—2015 гг. во Франции / Г. В. Семеко // *Федерализм*. — 2017б. — № 3. — С. 19—32.

8. Трофимова И. Н. Децентрализация государственного управления и особенности центр-локальных отношений в европейских странах / И. Н. Трофимова // *Сравнительная политика*. — 2011. — № 4. — С. 35—44.

9. Федоров С. М. Франция в новых геополитических условиях / С. М. Федоров. — Москва : Институт Европы РАН, 2012. — 102 с. — ISBN 978-5-91299-121-9.

10. Briot N. Villes en réseaux. Les coopérations internationales des villes françaises : spatialisation, internationalisation, européanisation / N. Briot. — Lyon : École doctorale Sciences sociales, 2021.

11. Duby G. Histoire de la France : des origines à nos jours / G. Duby. — Paris : Larousse, 1995. — 1214 p. — ISBN 2-03-750006-8.

12. Duhamel M. La Question Bretonne dans son Cadre Européen / M. Duhamel. — Paris : Editions du Parti Autonomiste Breton, 1928. — 237 p.
13. Duran M. French regions as diplomatic actors : The case of Provence-Alpes- Côte d'Azur / M. Duran // French Politics. — 2011. — № 9. — Pp. 339—363. — DOI: 10.1057/fp.2011.16.
14. Fouéré Y. L'Europe aux Cents Drapeaux / Y. Fouéré. — Paris : Presses d'Europe, 1968. — 212 p.
15. Héraud G. L'Europe des Ethnies / G. Héraud. — Paris : Presses d'Europe, 1974. — 223 p.
16. Ksenicz I. Frameworks of Paradiplomacy. Cases of Selected Unitary States : France, the Netherlands and Czechia / I. Ksenich // Eastern European Journal of Transnational Relations. — 2023. — № 7 (2). — Pp. 59—75. — DOI: <https://doi.org/10.15290/eejtr.2023.07.02.07>.
17. Neves M. The paradiplomacy region-to-region dimension in eu-China relations / M. Neves // Relações Internacionais. — 2018. — № 60. — Pp. 113—140. — DOI: 10.23906/ri2018.60a07.
18. Pasquier R. The Europeanisation of French regions / R. Pasquier // French Politics. — 2009. — № 7. — Pp. 123—144. — DOI: 10.1057/fp.2009.9.
19. Pougnaud P. Guide juridique de l'action extérieure des collectivités territoriales / P. Pougnaud. — Paris : La documentation Française, 2019. — 146 p. — ISBN 978-2-11-157023-8.
20. Rouffia A. L'Office franco-norvégien d'échanges et de coopération (OFNEC) et les Boréales : diplomatie territoriale et festival nordique en Normandie / A. Rouffia // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. — 2021. — Vol. 2. — № 53. — Pp. 12—131.
21. De Rougement D. The Idea of Europe / D. De Rougement. — New York : Collier-Macmillan, 1966. — 434 p.
22. Smith A. Regional government in France & Spain / A. Smith, P. Haywood. — London : [b. i.], 2000. — 40 p.
23. Torre A. The French Territorial Reform of the Regions : Objectives, Risks and Challenges for some Forgotten Territories / A. Torre, S. Bourdin // International Journal of Public Administration. — 2023. — № 46. — Pp. 761—772. — DOI: 10.1080/01900692.2021.2018456.
24. Van Haegendoren M. Nationalisme en Federalisme / M. Van Haegendoren. — Antwerp : Nederlandse Boekhandel, 1971. — 288 p.
25. 阎小骏. 香港治与乱: 2047的政治想象. 北京: 人民出版社, 2019. — 220 p. (Yang Xiaojun. Xiānggǎng zhì yǔ luàn: 2047 de zhèngzhì xiǎng xiàng / Yang Xiaojun. Beijing: Renmin chubanshe, 2019. — 220 p. Ян Сяоцзюнь. Правление и хаос в Гонконге: Политическое видение 2047 года / Ян Сяоцзюнь. — Пекин : Жэньминь чубаньшэ, 2019. — 220 с.).

Статья поступила в редакцию 24.02.2024,
одобрена после рецензирования 04.05.2024,
подготовлена к публикации 17.05.2024.

Material resources

Accord de coopération avec l'île autonome de Ngazidja (Grande Comore). Available at: <https://pastel.diplomatie.gouv.fr/cncdext/dyn/public/atlas/telechargerDocument.html?jsessionid=7906B1CCD4E456FCC5D3A461ABEF6C57.jvm01996-3?id=205> (accessed 15.02.2024). (In French).

Atlas français de la coopération décentralisée et des autres actions extérieures. Available at: <https://www.pastel.diplomatie.gouv.fr/cncdext/dyn/public/atlas/detailProjet.html?criteres.prjId=9195> (accessed 15.02.2024). (In French).

- Code général des collectivités territoriales. Version en vigueur au 06 mai 2024.* Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070633/LEGISCTA000006164470/?anchor=LEGIARTI000043904026#LEGIARTI000043904026 (accessed 06.05.2024). (In French).
- Constitution of October 4, 1958.* Available at: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/anglais/constiution_anglais_oct2009.pdf (accessed 15.02.2024). (In French).
- Coopérations européennes et internationales.* Available at: <https://www.laregion.fr/Cooperations-europeennes-et-internationales#:~:text=L'appel%20%C3%A0%20projet%20%C2%AB%20Alimentation,le%20d%C3%A9veloppement%20de%20pratiques%20agro%C3%A9cologiques.> (accessed 15.02.2024). (In French).
- France and Hong Kong. France Diplomacy.* Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/china/france-and-hong-kong/> (accessed 15.02.2024). (In French).
- Inauguration officielle de l'Institut Confucius d'Alsace.* Available at: https://strasbourg.china-consulate.gov.cn/fra/kzxy/201009/t20100915_3932319.htm (accessed 15.02.2024). (In French).
- Jiangsu 江苏 (2020).* Available at: <https://cefc-paris.fr/wp-content/uploads/2021/04/Fiche-Ville-Jiangsu-2021.pdf> (accessed 15.02.2024). (In French).
- Loi constitutionnelle n°2003-276 du 28 mars 2003 relative à l'organisation décentralisée de la République.* Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORF-TEXT00000601882> (accessed 15.02.2024). (In French).
- Loi n° 2000-1207 du 13 décembre 2000 d'orientation pour l'outre-mer.* Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000387814/> (accessed 15.02.2024). (In French).
- Loi n° 2004-809 du 13 août 2004 relative aux libertés et responsabilités locales.* Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000804607/> (accessed 15.02.2024). (In French).
- Loi n° 82-213 du 2 mars 1982 relative aux droits et libertés des communes, des départements et des régions.* Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORF-TEXT000000880039> (accessed 15.02.2024). (In French).
- Marseille et Alger signent une convention «d'amitié et de collaboration». Le Monde. 1980, 04 juillet.* Available at: https://www.lemonde.fr/archives/article/1980/07/04/marseille-et-alger-signent-une-convention-d-amitie-et-de-collaboration_2794093_1819218.html (accessed 15.02.2024). (In French).
- Pays de la Loire Coopération Internationale. Panorama des projets.* Available at: [https://www.paysdelaloire-cooperation-internationale.org/projet/?pt=projet&b=\(\(-6.325774850078651,%2052.50577615059292\),%20\(34.660689172623954,%20120.00577615059292\)\)&z=4&c=\(15.146799754937337,%2086.25577615059292\)&pg=&pol=1&loa=0](https://www.paysdelaloire-cooperation-internationale.org/projet/?pt=projet&b=((-6.325774850078651,%2052.50577615059292),%20(34.660689172623954,%20120.00577615059292))&z=4&c=(15.146799754937337,%2086.25577615059292)&pg=&pol=1&loa=0) (accessed 15.02.2024). (In French).
- «Quatre moteurs pour l'Europe»: Auvergne-Rhône-Alpes, Bade-Wurtemberg, Catalogne et Lombardie unies pour la compétitivité de leurs territoires en Europe.* Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/action-exterieure-des-collectivites-territoriales/exemples-de-projets-de-cooperation-decentralisee/la-cooperation-decentralisee-franco-allemande/article/quatre-moteurs-pour-l-europe-auvergne-rhone-alpes-bade-wurtemberg-catalogne-et> (accessed 15.02.2024). (In French).
- Territoires solidaires. Panorama des projets.* Available at: [https://www.territoires-solidaires.com/projet/?pt=projet&b=\(\(-23.52981184001443,%20](https://www.territoires-solidaires.com/projet/?pt=projet&b=((-23.52981184001443,%20)

94.77344210684467)),%20(18.764803600621402,%20162.27344210684467))&z=4&c=(-2.554647155579654,%20128.52344210684467)&pg=&pol=1&loa=0 (accessed 15.02.2024). (In French).

Treaty on European Union. *Official Journal C 191, 29/07/1992 P. 0001—0110*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11992M/TXT> (accessed 15.02.2024). (In French).

Une région connectée au monde. Available at: <https://www.bourgognefranchecomte.fr/une-region-connectee-au-monde> (accessed 15.02.2024). (In French).

References

- Biryukov, S. V. (2008). Germany — France: the dispute about the “Europe of regions”. *World economy and international relations*, 10: 42—50. (In Russ.).
- Briot, N. (2021). *Villes en réseaux. Les coopérations internationales des villes françaises: spatialisation, internationalisation, européanisation*. Lyon: École doctorale Sciences sociales. (In French).
- De Rougement, D. (1966). *The Idea of Europe*. New York: Collier-Macmillan. 434 p.
- Duby, G. (1995). *Histoire de la France: des origines à nos jours*. Paris: Larousse. 1214 p. ISBN 2-03-750006-8. (In French).
- Duhamel, M. (1928). *La Question Bretonne dans son Cadre Européen*. Paris: Editions du Parti Autonomiste Breton. 237 p. (In French).
- Duran, M. (2011). French regions as diplomatic actors: The case of Provence-Alpes- Côte d’Azur. *French Politics*, 9: 339—363. DOI: 10.1057/fp.2011.16. (In French).
- Fedorov, S. M. (2012). *France in new geopolitical conditions*. Moscow: Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 102 p. ISBN 978-5-91299-121-9. (In Russ.).
- Fouéré, Y. (1968). *L’Europe aux Cents Drapeaux*. Paris: Presses d’Europe. 212 p. (In French).
- Héraud, G. (1974). *L’Europe des Ethnies*. Paris: Presses d’Europe. 223 p. (In French).
- Ksenicz, I. (2023). Frameworks of Paradiplomacy. Cases of Selected Unitary States: France, the Netherlands and Czechia. *Eastern European Journal of Transnational Relations*, 7 (2): 59—75. DOI: <https://doi.org/10.15290/eejtr.2023.07.02.07>.
- Le Roy Ladurie, E. (2005). *The history of the regions of France. Peripheral regions of France from the origins to the present day*. Moscow: RossSpan. 432 p. ISBN 5-8243-0592-7. (In Russ.).
- Lebedeva, M. L. (2016). The process of regionalization of France: history and evolution. *Questions of political science*, 3 (23): 213—224. (In Russ.).
- Neves, M. (2018). The paradiplomacy region-to-region dimension in eu-China relations. *Relações Internacionais*, 60: 113—140. DOI: 10.23906/ri2018.60a07. (In French).
- Pakhorukov, K. I., Ivannikov, I. V. (2012). Decentralization in France: the evolution of French Unitarianism. *Law and Politics*, 1: 31—39. (In Russ.).
- Pasquier, R. (2009). The Europeanisation of French regions. *French Politics*, 7: 123—144. DOI: 10.1057/fp.2009.9.
- Pougnaud, P. (2019). *Guide juridique de l’action extérieure des collectivités territoriales*. Paris: La documentation Française. 146 p. ISBN 978-2-11-157023-8. (In French).
- Rouffia, A. (2021). L’Office franco-norvégien d’échanges et de coopération (OFNEC) et les Boréales : diplomatie territoriale et festival nordique en Normandie. *Bulletin de l’Institut Pierre Renouvin*, 2 (53): 12—131. (In French).
- Semeko, G. V. (2017b). Territorial reform 2014—2015 in France. *Federalism*, 3: 19—32. (In Russ.).

- Semeko, G. V. (2017a). Territorial reforms in France: from decentralization to recentralization of public administration. *Ars Administrandi (Art of Management)*, 9 (3): 476—494. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-3-476-494. (In Russ.).
- Smith, A. (2000). *Regional government in France & Spain*. London: [b. i.]. 40 p.
- Torre, A., Bourdin, S. (2023). The French Territorial Reform of the Regions: Objectives, Risks and Challenges for some Forgotten Territories. *International Journal of Public Administration*, 46: 761—772. DOI: 10.1080/01900692.2021.2018456.
- Trofimova, I. N. (2011). Decentralization of public administration and features of central-local relations in European countries. *Comparative politics*, 4: 35—44. (In Russ.).
- Van Haegendoren, M. (1971). *Nationalisme en Federalisme*. Antwerp: Nederlandse Boekhandel. 288 p. (In French).
- Yang Xiaojun. (2019). *Rule and Chaos in Hong Kong: A Political Vision for 2047*. Beijing: Renmin chubanshe. 220 p. (In Chine.).
- Zakharova, M. V. (2016). Modern French regionalism. Electronic scientific journal “Science. Society. The state”, 4 (3). Available at: <http://esj.pnzgu.ru> (accessed 15.02.2024). (In Russ.).

*The article was submitted 24.02.2024;
approved after reviewing 04.05.2024;
accepted for publication 17.05.2024.*

Информация для цитирования:

Новиков М. Д. Отношение советских граждан к государственным займам 1946—1957 годов после их отмены (на материалах источников личного происхождения) / М. Д. Новиков // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 483—505. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-483-505.

Novikov, M. D. (2024). Attitudes of Soviet Citizens towards State Loans 1946-1957 after their Cancellation (Based on Personal Source Materials). *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 483-505. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-483-505. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Отношение советских граждан к государственным займам 1946—1957 годов после их отмены (на материалах источников личного происхождения)

Новиков Максим Дмитриевич

orcid.org/0000-0002-4831-4063

Scopus Author ID: 58554506600

кандидат исторических наук,
старший преподаватель

Высшей школы общественных наук
maximnovikov3-@mail.ru

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-78-01100

Attitudes of Soviet Citizens towards State Loans 1946-1957 after their Cancellation (Based on Personal Source Materials)

Maxim D. Novikov

orcid.org/0000-0002-4831-4063

Scopus Author ID: 58554506600

PhD in History,
Senior Lecturer,

Higher School of Social Sciences
maximnovikov3-@mail.ru

Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-78-01100

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется проблематика общественно-го отношения советских граждан к мерам государственной финансовой политики. Рассматриваются настроения граждан СССР после прекращения кампаний, связанных с обращением облигаций государственных займов 1946—1957 годов. Основными источниками информации стали письма граждан, адресованные советским государственным органам, а также дневниковые записи. Работа опирается на методологические достижения «истории эмоций». Выявлено, что после отмены обязательных кампаний подписки на государственные внутренние займы ключевым стал вопрос о возмещении государственного долга. Показано, что граждане возлагали большие надежды на пересмотр решений Н. С. Хрущева после его отставки в 1964 году. Их попытки начать диалог с властными структурами и руководящими лицами предпринимались неоднократно до начала официального погашения, однако они не способствовали пересмотру принятых решений ранее чем в 1974 году. В работе показано, что постепенное погашение облигаций в 1970—1980-е годы способствовало установлению социального компромисса, а сама практика массовых займов трансформировалась из меры актуальной финансовой и социальной политики в предмет для исторической рефлексии, дискуссии и ностальгии.

Ключевые слова:

государственные займы; общественное сознание; история СССР; историческая память; социальная политика; финансовая политика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article explores the issue of public attitudes of Soviet citizens towards measures of state financial policy. It examines the sentiments of USSR citizens after the cessation of campaigns related to the issuance of government bonds from 1946 to 1957. The primary sources of information were letters from citizens addressed to Soviet government bodies, as well as diary entries. The study relies on methodological achievements in the “history of emotions.” It was revealed that after the abolition of compulsory subscription campaigns for domestic state loans, the key issue became the repayment of the state debt. It is shown that citizens placed high hopes on the revision of decisions by N. S. Khrushchev after his resignation in 1964. Their attempts to engage in dialogue with authoritative structures and leaders were made repeatedly before the official redemption began, but they did not contribute to a review of earlier decisions until 1974. The study demonstrates that the gradual redemption of bonds in the 1970s-1980s contributed to the establishment of a social compromise, and the practice of mass loans transformed from a measure of current financial and social policy into a subject for historical reflection, discussion, and nostalgia.

Key words:

state loans; public consciousness; history of the USSR; historical memory; social policy; financial policy.

УДК 94(47).084.9+336.273.23:32.019.52(47)“1946/1957”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-483-505

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Отношение советских граждан к государственным займам 1946—1957 годов после их отмены (на материалах источников личного происхождения)

© Новиков М. Д., 2024

1. Введение = Introduction

Политика внутренних государственных займов была значимым компонентом советской мобилизационной экономики. «Добровольно-принудительные» денежные займовые кампании реализовывались ежегодно с 1927 по 1957 годы в форме подписки работающих граждан на определенную сумму и вручения облигаций после её оплаты. По сериям и номерам этих ценных бумаг проводились тиражи выигрышей и погашения, что позволяло государству, некоторым образом, вернуть людям средства, взятые в виде займа.

После окончания Великой Отечественной войны подобные кампании позволили обеспечить бюджет СССР средствами на восстановление экономики. Официальная бюджетная статистика за IV и V пятилетки (1946—1950; 1951—1955) определяла долю от займов в доходной части союзного бюджета в размерах 6,7 % и 6,6 % соответственно [ГБ, 1956, с. 50]. Годовая подписка одного гражданина достигала сумм, равных месячному заработку и превышающих его, что активно поощрялось руководством государства. Средние месячные расходы советских людей на займы в послевоенные годы составляли, по данным министра финансов СССР А. Г. Зверева на март 1957 года, 7—8 % от зарплаты [РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 222, л. 14]. Вместе с тем в результате проведённых мероприятий увеличивался размер внутреннего государственного долга. К 1957 году он составлял 260 млрд руб. (по номиналам 1947 года), а его обслуживание не приносило выгоды государственному бюджету, что побудило советское правительство прекратить проведение новых обязательных займов и выплаты по ним.

Отмена массовых займов в 1957 году стала достаточно существенным событием в жизни советских граждан. С одной стороны, прекратились ежегодные кампании, которые лишали трудящихся, как минимум, месячной зарплаты в течение года. С другой стороны, по условиям отмены вопрос о возмещении государственного долга откладывался на 20 лет. Этот факт способствовал сохранению данного вопроса в общественном созна-

нии, находя воплощение в экономических, политических и повседневных практиках, которым будет посвящена данная статья.

Проблематика массовых займов в отечественных и зарубежных исследованиях достаточно объёмна и охватывает широкий исторический период. Сами займы послевоенного времени внимательно изучены с позиций экономической, социальной, политической истории [Бердникова, 2015; Чуднов, 2018; Лебина, 2019; Сухарев, 2020; Козлов и др., 2021; Бродский, 2023; Ironside, 20146]. Подобные работы используют широкий спектр источникового материала, вводя в научный оборот как официальную документацию, так и сведения, полученные из источников личного происхождения [Новиков, 2019; Клинова, 2021а; Клинова, 2021б; Клинова, 2023]. Материалы по ним также представлены в документальных публикациях, посвящённых как финансовой, так и социальной политике [Ходяков, 2000; Социальная политика ..., 2020].

Отмена займов в современной исторической литературе анализировалась с применением и общесоюзного, и регионального источникового материала [Мамяченков и др., 2020; Новиков, 2020]. Сюжеты, связанные с проведением государственных займов после их отмены, рассматривались специалистами преимущественно в случаях реализации облигаций выигрышных займов, находившихся в свободной продаже [Жмурко, 2018; Жмурко, 2019]. Также исследовательское внимание останавливалось на осмыслении опыта проведения денежно-вещевых лотерей, которые должны были занять место обязательных займов в работе системы сберегательных касс [Ironside, 2014а; Forestier-Peyrat et al., 2020]. Однако вопросы о том, что будет с облигациями массовых займов и как можно было бы получить деньги, отданные в долг государству, не переставали беспокоить советских граждан. Именно эта тема не получила достаточного раскрытия в рамках современных исследований. Представленная работа предлагает восполнить данный пробел и положить начало внедрению этих сюжетов в актуальную историографию.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью статьи стало выявление изменений в отношении советских граждан к кампаниям обязательных займов послевоенного времени после их отмены. Подчеркнём, что в данном исследовании акценты будут расставлены в пользу сюжетов, демонстрирующих субъективное отношение людей к финансовой политике, способов выстраивания диалога между обществом, государственными органами и лицами, принимающими решения, по поводу возмещения средств по облигациям, а также иных переживаний, провоцируемых подобными кампаниями.

Подготовка предлагаемой работы стала возможна после ознакомления с рядом документов, ранее не встречавшихся в исторических исследованиях. В данной статье использованы документы, обнаруженные в фондах Государственного архива Российской Федерации [ГАРФ] и Российского государственного архива новейшей истории [РГАНИ]. Представленные в работе документы ГА РФ были обнаружены в фонде Р-5446 «Совет Министров СССР» и относятся к вопросам, связанным с погашением облигаций в 1974 году. Материалы из РГАНИ — это письма и предложения граждан о возобновлении расчётов по займам, обнаруженные в фонде 5 «Аппарат ЦК КПСС (1949—1991 гг.)» и фонде 100 «Подотдел писем Общего отдела ЦК КПСС (1953—1991 гг.)». Эти документы затрагивают период 1964—1974 годов. Использованный материал можно отнести к категории «писем во власть», изучение которых также является достаточно разработанным направлением в современных исторических работах, а не только в рамках избранной проблематики [Попова, 2020; Орлов, 2022; Петрова, 2022]. Некоторые вопросы, связанные с отношением к облигациям послевоенных массовых займов, находили своё отражение в дневниковых записях граждан, работа с которыми велась через обращение к электронному корпусу дневников «Прожито» [Прожито]. Записи приведены в авторской орфографии и пунктуации.

Обращение к данному комплексу источников обусловлено тем, что в них содержатся одновременно и сведения, затрагивающие политические и экономические вопросы, и обширный набор эмоциональных высказываний, позволяющих оценивать особенности выражаемого отношения к деятельности государственных органов. Приоритет писем и дневниковых записей также обусловлен фактом отсутствия систематического наблюдения за настроениями граждан по вопросам займов, не проводившегося после прекращения ежегодных кампаний. Если в годы их реализаций партийными организациями и органами госбезопасности составлялись специальные сводки, приуроченные к проведению кампаний, то в последующие годы отдельные документы о подобных мероприятиях не подготавливались, а если и составлялись, то не все из них доступны для исследовательского изучения.

Подобная постановка цели и отобранный источниковый материал позволяют применять методологические подходы, в которых субъективные переживания становятся приоритетными. В частности, успешно решить поставленные задачи позволит обращение к методам «истории эмоций» [Плампер, 2018; Чеканцева, 2019], особенно при обращении к работам с источниками личного происхождения (письмами, дневниками, воспоминаниями). С их помощью возможно более точно охарактеризовать эмоциональную тональность высказываний граждан, а также проследить динамику метаморфоз публичного дискурса о займах.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Предложения граждан о возобновлении расчётов по займам в 1960-е годы: сохранение займов в пространстве финансовой и социальной политики

Нельзя говорить о том, что после отмены обязательной подписки на займы одновременно исчезло внимание граждан к этой теме. Облигации в большом количестве имелись на руках, были свежи воспоминания о проведении кампаний, курсировали разные слухи, до 1963 года проводились тиражи погашения последнего массового займа 1957 года, о которых некоторые граждане писали в своих дневниках. Так, сотрудник ленинградского Музея истории религии Н. А. Соколов 10 ноября 1960 года сделал в дневнике запись о выходе в тираж двух облигаций на сумму 200 руб. [Соколов 1960]. Опыт кампаний подписки осмыслялся в художественных произведениях, как, например, в автобиографической повести Б. Ш. Окуджавы «Новенький как с иголочки» (1962). О послевоенных займовых кампаниях также писал Ф. А. Абрамов в романе «Две зимы и три лета» (1968). Автор в своём дневнике в 1967 году высказывал предположение, что глава о займе, возможно, будет исключена из текста романа, но итоговое издание вышло с ней [Абрамов 1967].

Одновременно с этим имела место ирония по отношению к ситуации 1957 года, нашедшая воплощение в формах советского городского фольклора. Подтверждением этому будут шутки и анекдоты, которые возникли по итогам прекращения этих кампаний. «Заморозка» облигаций стала основой для шутки об изготовлении холодильника: «Взять ящик и оклеить его изнутри облигациями старых займов. Они ж заморожены» [Мельниченко, 2014, с. 535]. Эта и подобные шутки выступали, скорее, средствами психологической защиты, поскольку, несмотря на прекращение проведения кампаний подписки, государством не было предложено иных способов возмещения государственного долга по ним, кроме отложенной выплаты. Если среди обеспеченных граждан облигации могли сохраняться и отдаваться детям в качестве реквизита для игры «в магазин», то малообеспеченные слои населения относились к ним более внимательно.

Отставка Н. С. Хрущёва в октябре 1964 года стала поводом для написания писем, в которых граждане предлагали пересмотреть решение, принятое в апреле 1957 года. В фондах РГАНИ сохранилось немалое количество писем, отправленных в течение ноября — декабря 1964 года. Их адресатами становились Президиум ЦК КПСС, а также лично Л. И. Брежнев, А. И. Микоян, А. Н. Косыгин и А. Н. Шелепин. Важно подчеркнуть, что среди сохранившихся писем очень редко встречаются анонимные. В сводке бюро ЦК по РСФСР, составленной на основе полученной корреспонденции,

денции, были отмечены три анонимных сообщения, в которых выражалась «обида» на действия Хрущёва в отношении «замораживания» массовых займов. Граждане предполагали, что существовала возможность пересмотра этого решения новым руководством страны, поскольку, по мнению общества, именно от Первого секретаря исходила инициатива по реализации данной меры, а устранение его от власти закономерно будет считаться основанием для отмены санкционированных им действий.

Акцент на негативных личностных характеристиках бывшего Первого секретаря был достаточно существенным. Нередко именно оценке личности Хрущёва была посвящена большая часть текста письма. Его вклад в осуществление консервации займов и выплат по ним определялся как наиболее значительный. Персональная ответственность Никиты Сергеевича была во всём от принятия решения до получения поддержки граждан, что только способствовало выражению негативных эмоций авторов писем. Хрущёва упрекали в том, что он не поинтересовался мнением народа перед принятием решения [РГАНИ, ф. 5, оп. 38, д. 346, л. 100]. Были и те, кто считал режим Хрущёва схожим с гитлеровским [Там же, л. 112об.]. Его «нахальный авторитет» в совокупности с «подмороженными» мыслящими центрами других лиц, принимавших решение, в результате оказали очень сильный удар по гражданам [Там же, л. 89]. Прекращение выплат по займам и «замораживание» облигаций оценивались как «ахинея», «грубый произвол», «вопиющая несправедливость» [Там же, л. 86; л. 95; л. 125], — и это далеко не все возможные характеристики. Граждане считали, что это было сделано исключительно с целью получения личной выгоды Первым Секретарём. Коммунист из Чечено-Ингушской АССР Д. Р. Хаджиев писал, что Никита Сергеевич «обокрал советских людей» [Там же, л. 100]. В одном из писем даже встречается упрёк Хрущёву в том, что на замороженные деньги он ездил по зарубежным командировкам [Там же, л. 114; л. 127]. Житель Воронежа С. А. Веселов писал, что «разговоры большие идут в народе, т. Хрущёв промотал да раздарил наш трудовой госзаём» [Там же, л. 79]. Однако были и авторы, которые ссылались на характеристики Хрущёва, упомянутые в сообщении, опубликованном в газете «Правда» от 17 октября 1964 года. В вину Хрущёву ставилось то, что он лишь вёл разговоры о марксизме-ленинизме, спекулировал именем Ленина для достижения собственных корыстных целей [Там же, л. 87]. Автор данного письма, житель Майкопа А. С. Баранов, подчеркивал общие сожаления народа о том, что отставка Хрущёва не случилась раньше, и возлагал большие надежды на новый состав Президиума ЦК КПСС, который мог бы исправить неверные решения. Ленинградец Н. А. Виноградов в своём письме также сообщал, что «народу не безынтересно как отнесётся обновлённый

состав Президиума ЦК КПСС и Правительства СССР к вопросу о размораживании займов, порядке и сроках их погашения, с опубликованием этого решения в печати» [Там же, л. 85].

Авторы писем отмечали, что состояние жизни и хозяйства уже восстановлено, необходимо каким-то образом улучшить бытовой комфорт граждан. Возмещение заёмных средств, на их взгляд, должно было этому поспособствовать. Многие из корреспондентов обращали внимание на то, что держателями облигаций предшествующих займов были пожилые граждане, которые рисковали не дожить до начала официального погашения в 1977 году. Именно они считались наиболее пострадавшей от решения Хрущёва категорией людей. Упомянутый ранее А. С. Баранов писал, что «решение о замораживании займов с особой тяжестью отразилось на пожилом возрасте и низкооплачиваемых тружениках, которых у нас ещё большие миллионы, на плечи которых легли неисчислимые тяготы революции, войн и восстановления хозяйства и с голосом которых нельзя не считаться» [Там же, л. 88]. Даже существовал анекдот с сюжетом о человеке, стучащем в могильные плиты с новостью о начале выплат по займу [Мельниченко, 2014, с. 535—536].

В ряде писем встречается апеллирование к историческим событиям Октябрьской Революции, Гражданской и Великой Отечественной войнам, когда люди своими усилиями и с помощью своих доходов преодолевали общие трудности, создавая успех СССР. Подобные высказывания не были удивительными, поскольку и в агитационных материалах к кампаниям подписки делался акцент на общем развитии экономики государства через привлечение средств граждан. При этом авторы преимущественно обращали внимание на невыполнение государством своих обязательств, поскольку вопрос о внутреннем государственном долге так и не был прояснён окончательно. В анонимных письмах из Казани, Москвы и Кисловодска эта проблема была представлена с разными вариантами решений. Автор из Казани предлагал переложить всё бремя выплаты долга лично на Н. С. Хрущёва, поскольку «он брал займы у людей, пусть не даёт выигрыша, но хотя бы половину вернул то, что брал у народа» [РГАНИ, ф. 5, оп. 38, д. 346, л. 80]. Авторы из Москвы предлагали возвращать по 5 % в год с 1965 года [Там же]. Пенсионер из Москвы Т. З. Смирнов считал, что выплаты по займам должны были получить те, кто непосредственно подписывался на них в годы проведения. Возвращение денег детям и внукам займодержателей расценивалось им как «вредная» практика, потому что они получили бы эти деньги как нетрудовой доход. Вместе с возобновлением выплат он выдвинул предложение предоставить держателям облигаций возможность при вступлении в строительный кооператив вносить

40 % первоначального взноса по нарицательной стоимости облигациями госзаймов [Там же, л. 124 об.].

Правительству в письмах также досталось немало народного гнева, потому что, по словам граждан, оно не позаботилось о населении. Консервация займов была «позорным явлением» [Там же, л. 107], не укрепляла «престиж государства» [Там же] и подрывала «веру в руководство страны» [Там же, л. 104 об.].

Среди авторов писем звучали предложения по проведению новых общественно-политических кампаний, а также варианты экономических решений, благодаря которым граждане могли либо вернуть деньги, либо каким-либо образом распорядиться облигациями. Подобные мысли высказывались и непосредственно в ходе проведения кампаний, но далеко не все подобные проекты получали какое-либо продолжение. Новый импульс написания рационализаторских предложений можно также объяснить ожиданием восстановления справедливости со стороны нового руководства. Основные требования граждан в 1964 году можно сформулировать следующим образом:

- ввести постановление о размораживании займов;
- погасить облигации по нарицательной стоимости;
- восстановить возможность получения ссуд по облигациям [Там же, л. 96].

Встречались и другие проекты возобновления массовых займов. Например, житель Московской области, член КПСС П. А. Борисов предлагал выпустить новые беспроигрышные займы, чтобы можно было бы в течение 9—10 лет рассчитаться с населением по предшествующим долгам. С организационной точки зрения, это напоминало замороженные займы, потому что они также должны были оплачиваться в течение 10 месяцев, сумма подписки не должна была превышать двух- или трёхнедельный заработок. В проекте предлагалось ввести обязательный выигрыш, а также правительственную дотацию 3 % годовых, которая должна была распределяться по тиражам как выигрыш. В ходе получения выигрыша по новому займу в сберкассе, держатель облигации нового займа имел право сдать равноценную облигацию любого законсервированного займа и получить за неё деньги. Автор проекта видел возможные следствия принятия подобного решения:

- ликвидация нездоровых настроений населения;
- пополнение оборотных средств, с помощью которых будет осуществляться расчёт по старым займам;
- увеличение уровня благосостояния граждан за счёт денег, полученных по займам;

— досрочный расчёт государства с населением по старым займам [Там же, л. 93].

Некоторые авторы подчёркивали трудность жизненного положения, которое возникло уже в годы после прекращения займов, а также писали о товарном дефиците. У первых лиц государства также просили непосредственно погасить облигации конкретных займов, которые могли бы решить сиюминутные трудности. Так, например, поступил рабочий локомотивного депо из Новосибирской области Е. Р. Шевчук, попросив в письме на имя А. Н. Косыгина и Л. И. Брежнева погасить облигации двух займов, чтобы облегчить трудное положение в семье: жена потеряла зрение, и сын перенёс две операции на бедре [Там же, л. 116]. Аналогичные трудности описывал осмотрщик вагонов В. А. Шалимов из Невинномыска Ставропольского края, отмечая, что его зарплата составляла 70 руб., а его жены 40 руб. Желая поправить материальное положение, он просил у Л. И. Брежнева сдать облигации в сберкассах с последующим обменом. Он писал: «Сейчас облигации лежат мёртвым капиталом. А ведь я их отрывал от своей семьи, отдавая в помощь своей Родине, а теперь Родина должна помочь мне» [Там же, л. 120 об.]. Житель Ростова-на-Дону Н. С. Тарасов в своём письме предлагал разрешить оплачивать облигациями уценённые товары, а также возмещать долг за счёт средств других государств, которые брали кредиты у Советского Союза [Там же, л. 108]. Помимо этого, он считал возможным повысить розничные цены на дефицитные товары широкого потребления вроде булочных изделий из белой муки [Там же, л. 109].

Решений о новом погашении облигаций в 1964 году принято не было. Региональные органы власти таким же образом отвечали авторам писем, на что последние реагировали требованием передать их корреспонденцию лично Л. И. Брежневу [Там же, л. 91]. Государственные финансовые структуры обычно отвечали, что проведение новых займовых кампаний или пересмотр системы финансовых отношений нецелесообразны.

В письмах фиксировались слухи о новых тиражах выигрышей или погашения. Однако в какие-либо новые кампании или решения по данному вопросу они не воплотились. Надежды на то, что новое руководство страны сможет восстановить поправную справедливость, не оправдались.

Тема выигрышей по займам не пропадала из общественного сознания и после 1964 года. Например, сценарист А. Гладков 24 мая 1969 года в своём дневнике зафиксировал следующую ситуацию: «Приходится в элэктричке слышать разговоры о том о сем. Нынешним начальством народ здорово недоволен, потому что плохо с продуктами и все стало дороже. Хрущева тоже вспоминают не добром. Зато Сталина многие хвалят за то, что бывало снижение цен, за выигрыши по займам, за иллюзию величия и

силы. Террор и зверства, страх и произвол ему как бы уже забыли: вернее, тех, кто ездит в электричках и болтает о разном, это касалось мало» [Гладков 1969]. Основное внимание автора, конечно, было посвящено политическим вопросам, поскольку он хотел подчеркнуть, что государственное руководство не стремилось менять финансовую систему. Сам факт упоминания выигрыша по займу как позитивного элемента сталинской эпохи показывает, что данная практика оставила значимый след в памяти граждан.

3.2. Предложения граждан о досрочном погашении облигаций в начале 1970-х годов и финансовая политика Советского государства в 1974 году

В 1970 году в ходе кампании празднования 100-летия со дня рождения В. И. Ленина в ЦК КПСС, а также на имя Л. И. Брежнева, А. Н. Косыгина и Н. В. Подгорного поступали письма от граждан, в которых высказывались предложения о добровольной сдаче облигаций на создание больших инфраструктурных проектов (вроде предложения из Донецкой области о создании завода-гиганта имени Ленина [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 114, л. 31—32об.]), а также пишущие изъявляли желание внести средства в фонды партийных и комсомольских организаций в качестве юбилейных платежей, которые можно было бы направить на общее укрепление обороны и экономики государства. Подобные просьбы не оставались без внимания профильных инстанций, в частности, Главного управления государственных трудовых сберкасс СССР, а также местных партийных организаций. Всем, кто хотел сдать облигации в доход государства, предлагалось обратиться с этим в сберкассах. Необходимо отметить, что были и письма в ЦК, в которых граждане непосредственно присылали свои облигации в качестве подарка к юбилею. Одно из таких писем получило ответ от Главного управления государственных трудовых сберкасс СССР, подтверждающий зачисление отправленных ценных бумаг в доход государства [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 118, л. 24]. Предложения о дополнительных взносах расценивались партийными организациями как нецелесообразные.

По мнению граждан, юбилейная дата могла стать точкой отсчёта в процессе возобновления тиражей погашения и расчётов по облигациям 1947—1956 годов. Автор одного из таких предложений, пенсионер по старости из Львова К. А. Прокопенко, подчёркивал, что в преддверии дня рождения В. И. Ленина «Президиум Верховного Совета СССР готовит целый ряд мероприятий и даже амнистий, а почему бы не включить, как одно из мероприятий и вопрос о займах?» [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 115, л. 91]. Он также отметил, что «было бы очень приятно, если бы снова была продолжена тиражная система погашения займов, поскольку она дала бы (возможность. — М. Н.) пенсионерам на более продолжительный пери-

од времени участвовать в тиражах и иметь надежду-удовольствие на выигрыш, чем простая система погашения займов, да и для государства это было бы не так обременительно» [Там же]. Заметим, что именно рост числа выигрышных выплат был одним из аргументов прекращения займовых кампаний в 1957 году. В итоге, на письмо Прокопенко отвечал помощник секретаря Львовского горкома КП Украины, который объяснил, что досрочный выкуп облигаций не был предусмотрен законодательством.

Некоторые граждане предлагали провести новые денежно-вещевые лотереи, приуроченные к юбилейной дате. Из Харьковской области поступало предложение провести лотерею, направленную на укрепление экономики и вооружённых сил [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 115, л. 82—84], а жители Советской Эстонии предлагали создать фонд народов СССР со взносами по 1 руб. от рабочих и 50 коп. от учеников и солдат [Там же, л. 92—93]. Из Кременчуга поступило предложение полностью отказаться от денежной системы в СССР, а также ликвидировать личную собственность. Вместе с этими инициативами автор требовал ликвидации растратчиков, воров, спекулянтов, финработников и всех причастных к деятельности финансовой системы СССР, чтобы государство могло получить резерв трудовых ресурсов [Там же, д. 116, л. 6—10]. Ни одно из перечисленных предложений не было поддержано государством. Единственным способом распоряжения облигациями, который могли использовать граждане, было только их перечисление в доход государства.

30 августа 1973 года вышло совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о погашении облигаций государственных займов 1947—1956 годов, которое должно было досрочно запустить выполнение решения 1957 года. Подготовка к запуску погашения облигаций шла в течение всего последующего года. Министерство финансов СССР сообщало Совету Министров о необходимости увеличения штата работников, которые могли бы выполнять операционную работу в сберкассах. Закономерно это ставило вопрос о выделении дополнительных финансов для оплаты труда и сверхурочной работы. Совместные расчёты Минфина, Госбанка и Госплана сходились на сумме 6 млн руб. в год, которые должны были расходоваться именно на оплату этих работ. Только за 1974—1975 годы количество подобных операций оценивалось в 80—100 млн, а сумма погашаемых облигаций должна была достигать 1 млрд руб. в год (в ценах 1961 года) [ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 108, д. 56, л. 1—2]. Предложения были одобрены Советом Министров, что подтверждается резолюциями А. Н. Косыгина.

Информационное и организационное сопровождение новой финансовой кампании также разрабатывалось Министерством финансов и Госбанком при согласовании с Советом Министров. Первыми должны были

погашаться облигации конверсионного 2%-го займа 1948 года, в котором были учтены все ценные бумаги, выпущенные с 1936 по 1946 годы. Первый тираж был запланирован на 6—9 декабря 1974 года и должен был проводиться в Москве. Официальное опубликование таблиц погашения, которые использовались гражданами для получения средств в сберкассах, произошло 22 декабря 1974 года. В таблице были даны пояснения об изменении процедурных моментов погашения: номиналы облигаций были переведены в соответствии с положениями реформы 1961 года, погашение должно было осуществляться по группам из 25 серий, а не по одной серии за один раз. Также предусматривалось, что за все облигации, хранившиеся в сберкассах до момента начала погашения, не будут требовать плату за хранение, поскольку никаких тиражей в это время не проводилось. Общее погашение облигаций должно было продлиться до 1 января 1994 года [ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 108, д. 56, л. 30].

В качестве информационного материала по данной кампании в газете «Советская Россия», а также в ряде газет союзных республик и местного уровня было опубликовано интервью заместителя министра финансов РСФСР, в котором были отражены вопросы о порядке проведения погашения, сроках и оплате облигаций [Там же, л. 31].

Реакция граждан на кампанию нового погашения в конце декабря 1974 года не осталась без внимания партийных структур и исполнительных органов власти. Общая сводка показывала, что, в целом, все запланированные мероприятия проходили мирно, не возникло социального коллапса, очередей в сберкассах и прочих проблем, которые могли бы быть оценены как негативные. Наплыв граждан наблюдался в крупных городах, но он воспринимался как контролируемый, поскольку были привлечены вспомогательные работники для осуществления операций в сберкассах, открыты дополнительные кассовые окна, увеличена продолжительность их рабочего времени. Тем не менее составители справки отметили, что общее количество операций за первые два дня погашения выросло на 7 млн. Сумма погашенных облигаций 23—24 декабря по всему СССР оценивалась в 280—300 млн руб., а прогноз на оставшиеся дни декабря составлял 500—600 млн руб. [ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 108, д. 56, л. 33]. По словам составителей справки, полученные деньги направлялись гражданами на приобретение облигаций свободнообращающегося выигрышного 3%-го займа, а также сохранялись на вкладах в сберкассах [Там же].

В справке приводилась общая характеристика реакций граждан, высказывавших полное удовлетворение проводимой политикой, а также благодарности партии и правительству за заботу о повышении народного благосостояния.

Новое и последующие погашения старых займов не были оставлены без внимания граждан, о чём свидетельствуют записи в дневниках. Так, например, одесский композитор и музыкальный педагог В. А. Шве́ц неоднократно отмечал тиражи погашения в своём дневнике. 26 октября 1975 года он записал: «Проверил список погашений 2%-го займа 1948 года и нашел там свои 6 облигаций, за которые могу получить 102 рубля. И то достижение...» [Швец 1975]. Аналогичного плана запись была сделана геологом Б. И. Вронским 25 октября 1975 года: «Сегодня в Вечерней Москве помещен тираж выигрышей 2%-ного займа 1948 года. Наши облигации выиграли свыше 900 рублей» [Вронский 1975].

Продолжением реакции населения на новое погашение облигаций стали письма от граждан в газеты и к органам власти. Примером может выступить письмо ленинградца А. И. Лаврова в газету «Правда», в котором он предлагал перевести в фонд строительства Байкало-Амурской магистрали 50 % от общей суммы погашенных облигаций, призывая к этому и других граждан [РГАНИ, ф. 5, оп. 67, д. 113, л. 3].

В редакцию газеты «Правда» также поступило немалое количество писем с предложениями о безвозмездной передаче облигаций, подлежащих погашению, в доход государства. Граждане считали, что это действие будет способствовать успешному выполнению планов страны, укреплению её обороноспособности, улучшению благосостояния народа. Подчёркивалось различие состояния жизни граждан в годы послевоенного восстановления и момента отправки писем. С. Титов из Крымской области подчёркивал, что «теперь советские люди живут счастливо, богато» [РГАНИ, ф. 5, оп. 67, д. 117, л. 24]. Он считал, что «как-то странно даже слышать теперь слова о том, что государство — “должник” народа» [Там же]. Житель Курска К. Рунов писал о том, что в стране повысился уровень благосостояния граждан всех категорий. Обосновывая возможность сдачи облигаций в фонд государства, он писал: «Суммы, которые мы можем получить от погашения займов, особенной прибавки в личный бюджет всё равно не дадут» [Там же, л. 26].

Ни одно из отправленных писем не дошло до открытой печати. Все предложения или инициативы были урегулированы при помощи местных партийных структур, а также через взаимодействие с системой сберкасс. Во всех присланных письмах подчёркивалось, что в целом граждане живут достойно, ни в чём сильно не нуждаются, а имевшиеся средства можно было бы направить на комплексное развитие всей страны. Люди выражали желание передать средства от облигаций на общее инфраструктурное развитие, мелиорацию страны, экономическое совершенствование, повышение уровня благосостояния граждан, укрепление обороны, строительство

социально-культурных объектов. Впервые в этом перечне вариантов было предложено направить финансы на изучение космического пространства, что расширяло спектр возможного применения средств от займов [Там же, л. 27]. Обращение к этому вопросу можно представить как нечто новое, поскольку фундаментальная наука не проникала настолько обширно в повседневную жизнь.

Поскольку в архивном фонде сохранилась только сводка писем без полных текстов, то возникает подозрение в наличии признаков кампании, однако в периодической печати не было представлено каких-либо иных писем, позволяющих подтвердить, что государству нужно было бы масштабно продвинуть идею сдачи облигаций в доход государства.

3.3. Практические действия с облигациями и историческая память о займах после 1974 года

После начала погашения облигации старых займов вновь становились средством получения легального и нелегального доходов. С легальной точки зрения всё было прозрачно: постоянное наблюдение за публикацией таблиц погашения и получение денег в сберкассе. Люди фиксировали свои планы на получение денег по таблицам погашения в дневниках. В декабре 1978 года В. А. Швец в своём дневнике отметил: «Зарплату не выдали, но спасло положение то, что получил 50 рублей погашения займа» [Швец 1978]. А 24 декабря 1979 года сделал такую запись: «Рассчитывал на погашение займа 1949 года, но ни один из моих номеров в таблице не оказался» [Швец 1979]. Сохранение облигаций было достаточно распространённым явлением, что подтверждается его отражением в произведениях советской культуры брежневского периода (например, в кинофильме Г. Н. Данелии «Афоня» (1975) или романе В. Г. Сорокина «Норма» (1979)), хотя были и те, кто сжигал их в печи [РГАНИ, ф. 5, оп. 38, д. 346, л. 117].

Новые погашения провоцировали граждан на актуализацию этого опыта в памяти. Так, например, ленинградский журналист Л. Г. Кокотов в своём дневнике 6 октября 1981 года отреагировал на очередное погашение следующим образом: «Опубликовали тираж погашения займа. В сберкассy хлынула публика. Большинство получающих выплату уже наследники, а тех, кто отрывал от себя, от своего далеко не богатого достатка, чтобы дать займы государству, уже нет в живых. С какой болью многие отрывали куски, часто своего скудного дохода, зарплаты» [Кокотов 1981]. Автор вспомнил и собственное участие в этих мероприятиях в качестве организатора, и характер сообщений об успехах кампаний, и те проблемы, которые возникали в ходе проведения подписки: «крепкие» слова, слезы и истерику, которые сопровождали этот процесс. Он оценил эти кампании как болезненные, хотя граждане выполняли свой долг. Люди делали то, что

от них требовало государство «по положению», «по сознанию», чтобы был выполнен лимит [Там же].

О нелегальной стороне использования облигаций пишет журналист и публицист Е. В. Вышенков в своей книге «Именем братвы», посвящённой формированию организованной преступности в Ленинграде — Санкт-Петербурге 1970—1990-х годов. Сам автор имел опыт работы в органах внутренних дел, поэтому непосредственно взаимодействовал с криминальными элементами разных уровней. Он приводит сюжеты о подделке советских денег ломщиками — уличными финансовыми махинаторами, работавшими с иностранной валютой. Ломщики в Ленинграде могли вырезать цифры с облигаций и приклеивать их на банкноты меньшего номинала [Вышенков, 2022, с. 45], подкладывали югославские динары и послевоенные ценные бумаги вместо советских рублей. Автор в личной беседе подчёркивал, что такая практика была распространена преимущественно в столичных городах союзных республик, где имел место большой поток иностранных туристов: в Москве, Ленинграде, Киеве, Таллине. Облигации здесь выступали, скорее, эрзацем советских денег благодаря схожим визуальным средствам: наличию герба, надписей на кириллице, демонстрации советских объектов народного хозяйства. Скупка облигаций также имела место, но данная практика трансформировалась в конечной цели: если в послевоенные годы на них можно было получить выигрыш, то затем, в период 1970—1990-х годов, их скупка способствовала пополнению фонда оборотных средств для уличной преступности. При этом те, кто продавал облигации, как в послевоенные годы, так и в брежневское время получали определённую выгоду.

На исходе существования СССР граждане вспоминали о займах и выплатах по ним либо в прагматическом контексте, поскольку с помощью этих средств можно было решить какие-либо насущные проблемы, либо в контексте осмысления опыта недавнего прошлого. Так, например, упоминание займов встречается в дневнике инженера, доктора технических наук В. Г. Бунькова в качестве реакции на статью экономиста О. Лациса «Сказки нашего времени», опубликованную в газете «Известия» 16 апреля 1988 года: «Четыре сказки: 1) Якобы при Сталине в 1948—1953 гг. было систематическое снижение цен. Но вспомните займы!» [Буньков 1988]. Рассуждая об экономической политике нового российского руководства, 9 июня 1992 года в своём дневнике о сталинских займах писала техник-конструктор из Курганской области Н. Б. Саяпова: «Мне могут возразить, что де Сталин тоже принудительными займами изымал деньги у населения, иногда в размере месячного заработка. Да, правда. Но эти деньги шли на развитие страны. Они вернулись к нам бесплатными: образованием, ме-

дищиной, жильем и победой в войне. А куда ушли наши сбережения? На проститутток, казино, яхты, виллы, роскошные завтраки?» [Саяпова 1992]. Впоследствии новое российское правительство тоже прибегнет к займам, но уже совершенно на других экономических основаниях и правовых принципах.

4. Заключение = Conclusions

За период с 1927 по 1957 годы облигации займов превратились в существенный компонент повседневной жизни, поэтому вывести их из памяти явно было непросто. Ожидание выплаты долга после отмены новых подписных кампаний тянулось длительное время, порождая справедливые вопросы о том, осуществится ли она вообще. Своими обращениями, письмами и запросами в органы власти граждане хотели реализовать своё право на возмещение долга. Ситуация смены руководства страны в 1964 году могла способствовать этому, однако никто из новой власти не спешил принимать решений, поэтому вопрос о реализации облигаций постепенно переходил из актуальных повседневных практик в пространство исторической рефлексии. Деньги, получаемые в ходе погашения, не переставали быть полезными для решения повседневных вопросов, а также позволяли повысить уровень личностного благополучия, однако важность того, что они приходили в рамках возмещения государственного долга, постепенно снижалась. Поэтому желание предоставить облигации в доход государства или для реализации новых общественных инфраструктурных проектов могло быть вполне искренним. Эта установка существовала и в годы непосредственного проведения займовых кампаний 1946—1957 годов, поскольку гражданам было важно создание общественных благ, именно через это воплощалась декларируемая государственная забота. О политическом смысле массовых займов начинали вспоминать в ходе размышлений на темы, связанные с недавней историей, или в ходе критического осмысления актуальной политики.

За время, которое прошло с отмены займовых кампаний до возобновления погашения облигаций, советская экономическая жизнь действительно значительно изменилась. Граждане также прошли через немалое количество реформ и общественных трансформаций с того момента, поэтому формировалось понимание, что государственная финансовая политика может в очередной раз измениться и не стоит слишком сильно держаться за декларируемые установки. Вероятность нового «обмана» тоже не была нулевой, поэтому люди создавали себе настолько комфортные условия, при которых любое действие извне не воспринималось бы как болезненный удар. Вместе с тем такое поведение не способствовало выработке новых

политических практик или выражению какого-либо радикального отношения к проводимым финансово-политическим мероприятиям. Декларируемое в 1970-е годы желание сдать облигации в доход государства можно понять и как стратегию избегания, при которой граждане отстранялись от новых конфликтов с государством по финансовым вопросам, потому что в любом предложенном властью варианте были бы условия и факторы, недостаточно удовлетворявшие потребности абсолютного большинства граждан. А поскольку государство и так самостоятельно принимало решения о том, в какие проекты направить необходимые ресурсы и средства, мнение общества, в таком случае, этому бы только мешало.

После начала досрочного погашения займов о них уже не думали как о мерах социальной политики, так как её проведение обеспечивалось другими видами государственных доходов. Постепенно обращение к этой теме становилось видом исторической рефлексии и предметом для дискуссий, что скорее превращало массовые займы в своеобразное «место памяти». Государственная «забота» приобрела исключительно монетарную форму, но именно вокруг неё и формировался необходимый социальный компромисс.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Абрамов 1967 — *Абрамов Ф. А.* Запись от 3 октября 1967 года [Электронный ресурс] / Ф. А. Абрамов // Прожито : архив : корпус дневников. — Режим доступа : <https://corpus.prozhito.org/notes?date=%221967-01-01%22&diaries=%5B1116%5D> (дата обращения 16.03.2024).
2. Буньков 1988 — *Буньков В. Г.* Запись от 16 апреля 1988 года [Электронный ресурс] / В. Г. Буньков // Прожито : архив : корпус дневников. — Режим доступа : <https://corpus.prozhito.org/person/5119> (дата обращения 16.03.2024).
3. Вронский 1975 — *Вронский Б. И.* Запись от 25 октября 1975 года [Электронный ресурс] / Б. И. Вронский // Прожито : архив : корпус дневников. — Режим доступа : <https://corpus.prozhito.org/person/386> (дата обращения 16.03.2024).
4. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации.* Ф. Р-5446 (Совет Министров СССР). Оп. 108. Д. 56.
5. ГБ, 1956 — *Государственный бюджет СССР за четвертую и пятую пятилетки (1946—1950 и 1951—1955 гг.)* / отв. ред. Г. Дундуков, сост. Г. Дарков. Министерство финансов СССР. — Ленинград : Госфиниздат СССР, 1956. — 138 с.
6. Гладков 1969 — *Гладков А. К.* Запись от 24 мая 1969 года [Электронный ресурс] / А. К. Гладков // Прожито : архив : корпус дневников. — Режим доступа : <https://corpus.prozhito.org/person/229> (дата обращения 16.03.2024).
7. Кокотов 1981 — *Кокотов Л. Г.* Запись от 6 октября 1981 года [Электронный ресурс] / Л. Г. Кокотов // Прожито : архив : корпус дневников. — Режим доступа : <https://corpus.prozhito.org/person/2884> (дата обращения 16.03.2024).

8. Мельниченко М. А. Советский анекдот (Указатель сюжетов) / М. А. Мельниченко. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 1104 с. — ISBN 978-5-4448-1985-2.

9. Прожито — Электронный корпус дневников «Прожито» [Электронный ресурс] / Европейский университет в Санкт-Петербурге. — Режим доступа : <https://corpus.prozhito.org> (дата обращения 16.03.2024).

10. РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории Ф. 5 (Аппарат ЦК КПСС. 1949—1991 гг.) Оп. 30. Д. 222 ; Оп. 38. Д. 346 ; Оп. 67. Д. 113, Д. 117 ; Ф. 100 (Подотдел писем Общего отдела ЦК КПСС. 1953—1991 гг.) Оп. 5. Д. 114, Д. 115, Д. 116, Д. 118.

11. Саяпова 1992 — Саяпова Н. Б. Запись от 9 июня 1992 года [Электронный ресурс] / Н. Б. Саяпова // Прожито : архив : корпус дневников. — Режим доступа : <https://corpus.prozhito.org/person/2478> (дата обращения 16.03.2024).

12. Соколов 1960 — Соколов Н. А. Запись от 10 ноября 1960 года [Электронный ресурс] / Н. А. Соколов // Прожито : архив : корпус дневников. — Режим доступа : <https://corpus.prozhito.org/person/671> (дата обращения 16.03.2024).

13. Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947—1953 гг. : документы и материалы / сост. : В. В. Журавлёв, Л. Н. Лазарева. — Москва : Научно-политическая книга, 2020. — 716 с. — ISBN 978-5-906594-35-8.

14. Ходяков М. В. «Государство не даёт нам жить...». Ленинградцы об экономической политике правительства (по спецсообщениям Управления МГБ Ленинградской области за 1947 г.) / М. В. Ходяков // КЛИО. — 2000. — № 3 (12). — С. 207—221.

15. Швец 1975 — Швец В. А. Запись от 26 октября 1975 года [Электронный ресурс] / В. А. Швец // Прожито : архив : корпус дневников. — Режим доступа : <https://corpus.prozhito.org/person/318> (дата обращения 16.03.2024).

16. Швец 1978 — Швец В. А. Запись от 1 декабря 1978 года [Электронный ресурс] / В. А. Швец // Прожито : архив : корпус дневников. — Режим доступа : <https://corpus.prozhito.org/person/318> (дата обращения 16.03.2024).

17. Швец 1979 — Швец В. А. Запись от 24 декабря 1979 года [Электронный ресурс] / В. А. Швец // Прожито : архив : корпус дневников. — Режим доступа : <https://corpus.prozhito.org/person/318> (дата обращения 16.03.2024).

Литература

1. Бердникова Т. Б. Сталинские послевоенные займы : директивы и жизнь / Т. Б. Бердникова // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945—1953 гг. : Материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4—6 декабря 2014 г. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2015. — С. 451—463. — ISBN 978-5-8243-1973-6.

2. Бердникова Т. Б. Транзит культуры ценных бумаг : от Сталина — к приватизации / Т. Б. Бердникова // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории : Материалы VIII международной научной конференции. Екатеринбург, 15—17 октября 2015 г. — Москва : РОССПЭН, 2016. — С. 392—404. — ISBN 978-5-8243-2066-4.

3. Бродский Г. М. Государственные займы населения как источник финансирования оборонно-промышленного комплекса : советский опыт и возможность использования в современных условиях / Г. М. Бродский // Экономическая безопасность. — 2023. — Т. 6. — № 2. — С. 555—568. — DOI: 10.18334/ecsec.6.2.117954.

4. *Вышенков Е. В.* Именем братвы. Происхождение гангстера от спортсмена, или 30 лет со смерти СССР / Е. В. Вышенков. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 336 с. — ISBN 978-5-17-148203-9.

5. *Жмурко И. М.* Правовое регулирование оборота облигаций государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года / И. М. Жмурко // Право и государство : теория и практика. — 2018. — № 6 (162). — С. 55—58.

6. *Жмурко И. М.* Правовые основы регулирования отношений, связанных с государственным займом СССР 1982 года / И. М. Жмурко // Правовая политика и правовая жизнь. — 2019. — № 2. — С. 44—51.

7. *Клинова М. А.* «Сегодня играю с министром финансов Зверевым в 1-й тираж 1-го займа» : проблематика выигрыша по займам в эго-документах 1946—1957 гг. / М. А. Клинова // Вестник Томского государственного университета. — 2023. — № 486. — С. 137—146. — DOI: 10.17223/15617793/486/14.

8. *Клинова М. А.* Советские внутренние займы 1946—1957 гг. В политическом дискурсе и прессе / М. А. Клинова // Экономическая история. — 2021а. — Т. 17. — № 3. — С. 263—275. — DOI: 10.15507/2409-630X.054.017.202103.263-275.

9. *Клинова М. А.* Советские массовые займы 1946—1957 гг. : суждения граждан (по материалам эго-документов) / М. А. Клинова // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. — 2021б. — № 4. — С. 38—48. — DOI: 10.29025/1994-7720-2021-4-38-48.

10. *Козлов В. А.* Принуждение к добровольности : сваговцы и послевоенные займы / В. А. Козлов, М. Е. Козлова // Маленький СССР и его обитатели. — Москва : Новое литературное обозрение, 2021. — С. 113—126. — ISBN 978-5-4448-1560-1.

11. *Лебина Н. Б.* Лотерея / Н. Б. Лебина // Пассажиры колбасного поезда : Этюды к картине жизни российского города : 1917—1991. — Москва : Новое литературное обозрение, 2019. — С. 206—223. — ISBN 978-5-4448-1951-7.

12. *Мамяченков В. Н.* Внутренний заем 1957 года и завершение эпохи «добровольно-обязательных займов» (на материалах Среднего Урала) / В. Н. Мамяченков, Е. А. Иванов, В. В. Шведов // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 435—449. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-435-449.

13. *Новиков М. Д.* Отмена внутренних массовых займов в СССР в 1957 г. : принятие решения, информационная кампания и отношение общества / М. Д. Новиков // Клио. — 2020. — № 2 (158). — С. 94—101.

14. *Новиков М. Д.* Отношение населения Советского Союза к выигрышам по государственным займам 1946—1957 годов / М. Д. Новиков // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2019. — № 2 (63). — С. 41—52.

15. *Орлов И. Б.* Письма во власть в системе властных коммуникаций / И. Б. Орлов // Российская история. — 2022. — № 1. — С. 217—221. — DOI: 10.31857/S0869568722010265.

16. *Петрова Т. М.* Критический анализ дискурса советских дневников и „писем во власть” как инструмент для изучения общественных настроений о Н. С. Хрущеве (1953—1964 годы) / Т. М. Петрова // Исторический курьер. — 2022. — № 6 (26). — С. 135—145. — DOI: 10.31518/2618-9100-2022-6-10.

17. *Плампер Я.* История эмоций / Я. Плампер ; пер. с англ. К. Левинсона. — Москва : Новое литературное обозрение, 2018. — 561 с. — ISBN 978-5-4448-2254-8.

18. *Попова О. Д.* «Письма во власть» как источник по изучению уровня жизни советских граждан в 1950—60-е годы / О. Д. Попова // Развитие территории

в условиях современных вызовов : (Х Рязанские социологические чтения) : Материалы Национальной научно-практической конференции, Рязань, 12—13 ноября 2020 года / Отв. редактор Р. Е. Маркин. — Рязань : Издательство Ипполитова, 2020. — С. 64—69. — ISBN 978-5-93856-306-3.

19. Сухарев А. Н. Послевоенные облигационные займы СССР : финансовая конструкция и особенности применения / А. Н. Сухарев // Финансы. — 2020. — № 7. — С. 57—64.

20. Чеканцева З. А. Эмоции как призма постижения истории / З. А. Чеканцева // Историки в поисках новых перспектив / под ред. З. А. Чеканцевой. — Москва : Аквилон, 2019. — С. 339—352. — ISBN 978-5-906578-47-1.

21. Чуднов И. А. Денежная реформа 1947 года / И. А. Чуднов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Политическая энциклопедия, 2018. — 431 с. — ISBN 978-5-8243-2286-6.

22. Forestier-Peyrat É. The Communist World of Public Debt (1917—1991) : The Failure of a Countermodel? / É. Forestier-Peyrat, K. Ironside // A World of Public Debts. Palgrave Studies in the History of Finance. — 2020. — Pp. 317—345. — DOI: 10.1007/978-3-030-48794-2_13.

23. Ironside K. Khrushchev's Cash-and-Goods Lotteries and the Turn Toward Positive Incentives / K. Ironside // The Soviet and Post-Soviet Review. — 2014a. — № 41. — Pp. 296—323. — DOI: 10.1163/18763324-04103004.

24. Ironside K. The Value of Ruble : A Social History of Money in Postwar Soviet Russia, 1945—1964 / K. Ironside. — Chicago : University of Chicago, 2014b. — 390 p.

Статья поступила в редакцию 01.03.2024,
одобрена после рецензирования 02.05.2024,
подготовлена к публикации 15.05.2024.

Material resources

Abramov 1967 — Abramov, F. A. Entry dated October 3, 1967. In: *Lived: archive: corpus of diaries*. Available at: <https://corpus.prozhito.org/notes?date=%221967-01-01%22&diaries=%5B1116%5D> (accessed 16.03.2024). (In Russ.).

Bunkov 1988 — Bunkov, V. G. Entry dated April 16, 1988. In: *Lived: archive: corpus of diaries*. Available at: <https://corpus.prozhito.org/person/5119> (accessed 03.16.2024). (In Russ.).

GARF — *State Archive of the Russian Federation. F. R-5446 (Council of Ministers of the USSR). Op. 108. d. 56*. (In Russ.).

GB, 1956 — *The State budget of the USSR for the fourth and fifth five-year plans (1946—1950 and 1951—1955)*. (1956). Leningrad: Gosfinizdat of the USSR. 138 p. (In Russ.).

Gladkov 1969 — Gladkov, A. K. Entry dated May 24, 1969. In: *Lived: archive: corpus of diaries*. Available at: <https://corpus.prozhito.org/person/229> (accessed 03.16.2024). (In Russ.).

Khodyakov, M. V. (2000). “The state does not allow us to live ...”. Leningraders on the economic policy of the government (according to special reports of the Leningrad Region MGB Directorate for 1947). *KLIO*, 3 (12): 207—221. (In Russ.).

Kokotov 1981 — Kokotov, L. G. Entry dated October 6, 1981. In: *Lived: archive: corpus of diaries*. Available at: <https://corpus.prozhito.org/person/2884> (accessed 03.16.2024). (In Russ.).

Melnichenko, M. A. (2014). *The Soviet anecdote (Index of plots)*. Moscow: New Literary Review. 1104 p. ISBN 978-5-4448-1985-2. (In Russ.).

- Prozhito — *The electronic corpus of diaries “Lived”*. Available at: <https://corpus.prozhito.org> (accessed 03.16.2024). (In Russ.).
- RGANI — *Russian State Archive of Modern History F. 5 (Apparatus of the Central Committee of the CPSU. 1949—1991)*. (In Russ.).
- Sayapova 1992 — Sayapova, N. B. Entry dated June 9, 1992. In: *Lived: archive: corpus of diaries*. Available at: <https://corpus.prozhito.org/person/2478> (accessed 03.16.2024). (In Russ.).
- Shvets 1975 — Shvets, V. A. Entry dated October 26, 1975. In: *Lived: archive: corpus of diaries*. Available at: <https://corpus.prozhito.org/person/229> (accessed 03.16.2024). (In Russ.).
- Shvets 1978 — Shvets, V. A. Entry dated December 1, 1978. In: *Lived: archive: corpus of diaries*. Available at: <https://corpus.prozhito.org/person/229> (accessed 03.16.2024). (In Russ.).
- Shvets 1979 — Shvets, V. A. Entry dated December 24, 1979. In: *Lived: archive: corpus of diaries*. Available at: <https://corpus.prozhito.org/person/229> (accessed 03.16.2024). (In Russ.).
- Social policy of the USSR in the post-war years. 1947—1953: documents and materials*. (2020). Moscow: Scientific and Political Book. 716 p. ISBN 978-5-906594-35-8. (In Russ.).
- Sokolov 1960 — Sokolov, N. A. Entry dated November 10, 1960. In: *Lived: archive: corpus of diaries*. Available at: <https://corpus.prozhito.org/person/671> (accessed 03.16.2024). (In Russ.).
- Vronsky 1975 — Vronsky, B. I. Entry dated October 25, 1975. In: *Lived: archive: corpus of diaries*. Available at: <https://corpus.prozhito.org/person/386> (accessed 03.16.2024). (In Russ.).

References

- Berdnikova, T. B. (2015). Stalin's post-war loans: directives and life. In: *The Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1945—1953: Proceedings of the VII International Scientific Conference. Tver, December 4—6, 2014*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 451—463. ISBN 978-5-8243-1973-6. (In Russ.).
- Berdnikova, T. B. (2016). Transit of securities culture: from Stalin to privatization. In: *After Stalin. The Reforms of the 1950s in the context of Soviet and post-Soviet History: Proceedings of the VIII International Scientific Conference. Yekaterinburg, October 15—17, 2015*. Moscow: ROSSPEN. 392—404. ISBN 978-5-8243-2066-4. (In Russ.).
- Brodsky, G. M. (2023). State loans of the population as a source of financing for the military-industrial complex: Soviet experience and the possibility of using it in modern conditions. *Economic security*, 6 (2): 555—568. DOI: 10.18334/ecsec.6.2.117954. (In Russ.).
- Chekantseva, Z. A. (2019). Emotions as a prism of comprehension of history. In: *Historians in search of new perspectives*. Moscow: Aquilon. 339—352. ISBN 978-5-906578-47-1. (In Russ.).
- Chudnov, I. A. (2018). *Monetary reform of 1947*. Moscow: Political Encyclopedia. 431 p. ISBN 978-5-8243-2286-6. (In Russ.).
- Forestier-Peyrat, É., Ironside, K. (2020). The Communist World of Public Debt (1917—1991): The Failure of a Countermodel? *A World of Public Debts. Palgrave Studies in the History of Finance*. 317—345. DOI: 10.1007/978-3-030-48794-2_13.
- Ironside, K. (2014a). Khrushchev's Cash-and-Goods Lotteries and the Turn Toward Positive Incentives. *The Soviet and Post-Soviet Review*, 41: 296—323. DOI: 10.1163/18763324-04103004.
- Ironside, K. (2014b). *The Value of Ruble: A Social History of Money in Postwar Soviet Russia, 1945—1964*. Chicago: University of Chicago. 390 p.
- Klinova, M. A. (2021a). Soviet domestic loans 1946—1957. In political discourse and the press. *Economic history*, 17 (3): 263—275. DOI: 10.15507/2409-630X.054.017.202103.263-275. (In Russ.).

- Klinova, M. A. (2021b). Soviet mass loans 1946—1957: judgments of citizens (based on the materials of ego documents). *Bulletin of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University*, 4: 38—48. DOI: 10.29025/1994-7720-2021-4-38-48. (In Russ.).
- Klinova, M. A. (2023). “Today I’m playing with Finance Minister Zverev in the 1st edition of the 1st loan”: the problems of winning loans in ego documents 1946—1957. *Bulletin of Tomsk State University*, 486: 137—146. DOI: 10.17223/15617793/486/14. (In Russ.).
- Kozlov, V. A. (2021). Coercion to voluntariness: svagovtsy and post-war loans. In: *Little USSR and its inhabitants*. Moscow: New Literary Review. 113—126. ISBN 978-5-4448-1560-1. (In Russ.).
- Lebina, N. B. (2019). Lottery. In: *Passengers of the sausage train: Sketches for the picture of the life of a Russian city: 1917—1991*. Moscow: New Literary Review. 206—223. ISBN 978-5-4448-1951-7. (In Russ.).
- Mamyachenkov, V. N., Ivanov, E. A., Shvedov, V. V. (2020). The 1957 Domestic Loan and the Completion of the Era of “Voluntary-Obligatory Loans” (Middle Ural). *Nauchnyi dialog*, 5: 435—449. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-435-449. (In Russ.).
- Novikov, M. D. (2020). Cancellation of internal mass loans in the USSR in 1957: decision-making, information campaign and attitude of society. *Klio*, 2 (158): 94—101. (In Russ.).
- Novikov, M. D. (2019). The attitude of the population of the Soviet Union to the winnings on government loans 1946—1957. *Bulletin of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin*, 2 (63): 41—52. (In Russ.).
- Orlov, I. B. (2022). Letters to power in the system of power communications. *Russian history*, 1: 217—221. DOI: 10.31857/S0869568722010265. (In Russ.).
- Petrova, T. M. (2022). Critical analysis of the discourse of Soviet diaries and “letters to power” as a tool for studying public attitudes about N. S. Khrushchev (1953—1964). *Historical Courier*, 6 (26): 135—145. DOI: 10.31518/2618-9100-2022-6-10. (In Russ.).
- Plumper, Ya. (2018). *The history of emotions*. Moscow: New Literary Review. 561 p. ISBN 978-5-4448-2254-8. (In Russ.).
- Popova, O. D. (2020). “Letters to power” as a source for studying the standard of living of Soviet citizens in the 1950s and 60s. Ryazan: Ippolitov Publishing House. 64—69. ISBN 978-5-93856-306-3. (In Russ.).
- Sukharev, A. N. (2020). Post-war bonded loans of the USSR: financial design and application features. *Finance*, 7: 57-64. (In Russ.).
- Vyshenkov, E. V. (2022). *Named after the bratva. The origin of a gangster from an athlete, or 30 years since the death of the USSR*. Moscow: AST Publishing House. 336 p. ISBN 978-5-17-148203-9. (In Russ.).
- Zhmurko, I. M. (2018). Legal regulation of turnover of bonds of the state domestic winning loan in 1982. *Law and the State: theory and practice*, 6 (162): 55—58. (In Russ.).
- Zhmurko, I. M. (2019). The legal basis for regulating relations related to the USSR state loan of 1982. *Legal policy and legal life*, 2: 44—51. (In Russ.).

*The article was submitted 01.03.2024;
approved after reviewing 02.05.2024;
accepted for publication 15.05.2024.*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Старикова Н. В. Городское население Нижнего Новгорода в первой половине 1920-х годов : досуговые практики / Н. В. Старикова, А. В. Шуршикова, Е. С. Суровегина // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 506—528. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-506-528.

Starikova, N. V., Shurshikova, A. V., Surovegina, E. S. (2024). Urban Population of Nizhny Novgorod in First Half of 1920s: Leisure Practices. *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 506-528. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-506-528. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Городское население Нижнего Новгорода в первой половине 1920-х годов: досуговые практики

Старикова Нина Владимировна

orcid.org/0000-0001-6631-0296

кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой истории

России и вспомогательных

исторических дисциплин,

корреспондирующий автор

ninast78@yandex.ru

Шуршикова Анна Владимировна

orcid.org/0000-0002-8012-4630

кандидат исторических наук, доцент

кафедры истории России

и вспомогательных исторических
дисциплин

annashurshikova@yandex.ru

Суровегина Екатерина Сергеевна

orcid.org/0000-0002-6831-1249

старший преподаватель кафедры
истории России и вспомогательных

исторических дисциплин

ekaterina.surovegina@mail.ru

Нижегородский государственный
педагогический университет
имени Козьмы Минина
(Нижний Новгород, Россия)

Urban Population of Nizhny Novgorod in First Half of 1920s: Leisure Practices

Nina V. Starikova

orcid.org/0000-0001-6631-0296

PhD in History, associate professor,

Head of the Department

of Russian History and

Auxiliary Historical Disciplines,

Corresponding author

ninast78@yandex.ru

Anna V. Shurshikova

orcid.org/0000-0002-8012-4630

PhD in History, associate professor,

Department of Russian History

and Auxiliary Historical Disciplines

annashurshikova@yandex.ru

Ekaterina S. Surovegina

orcid.org/0000-0002-6831-1249

Senior Lecturer, Department

of Russian History and

Auxiliary Historical Disciplines

ekaterina.surovegina@mail.ru

Minin Nizhny Novgorod
State Pedagogical University
(Nizhny Novgorod, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование досуга нижегородцев в годы нэпа. Охарактеризованы разновидности городского досуга и его связи с государственной идеологией. Проанализирована 31 единица материала. В качестве материалов привлекаются законодательные источники, статистика и периодическая печать. Источниками выступили статьи уголовного и административного кодексов, статистические данные, нижегородская пресса. Выполнен обзор нижегородской периодической печати 1921—1924 годов. Представлены результаты сопоставительного анализа законодательных материалов, статистических данных и периодики. Уделяется внимание способам и методам формирования городской культуры, соответствующей государственной идеологии. Поднимается вопрос о девиантном поведении горожан и о причинах данного явления. Подчеркивается, что новые праздники были призваны заместить религиозные торжества. Показано, что ценностные ориентиры городского сообщества формировались под влиянием идеологических установок и распространялись через новые досуговые формы. Доказано, что структура городского праздника способствовала утверждению новых общественных ценностей. Авторы приходят к выводу о значении организованного досуга для создания социокультурной городской среды. Показана роль периодической печати в популяризации форм городского досуга. Актуальность исследования обусловлена изучением связи идеологии с организацией городского досуга.

Ключевые слова:

новая экономическая политика; городской досуг; идеология советского города; культурно-просветительская работа.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the leisure activities of Nizhny Novgorod residents during the NEP era. Various forms of urban leisure and their connections to state ideology are characterized. A total of 31 sources were analyzed, including legislative sources, statistics, and periodicals. Sources included articles from criminal and administrative codes, statistical data, and Nizhny Novgorod press. An overview of Nizhny Novgorod periodicals from 1921-1924 is provided. Results of a comparative analysis of legislative materials, statistical data, and periodicals are presented. Emphasis is placed on the ways and methods of shaping urban culture in line with state ideology. The issue of deviant behavior among city dwellers and its causes is raised. It is highlighted that new holidays aimed to replace religious celebrations. The study shows that the values of the urban community were influenced by ideological beliefs and spread through new leisure forms. It is proven that the structure of urban festivities contributed to the establishment of new societal values. The authors conclude on the significance of organized leisure in creating a socio-cultural urban environment. The role of periodicals in popularizing urban leisure forms is demonstrated. The relevance of the study lies in exploring the connection between ideology and the organization of urban leisure.

Key words:

New Economic Policy; urban leisure; Soviet city ideology; cultural and educational work.

УДК 94:394.26 (470.341)“192”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-506-528

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Городское население Нижнего Новгорода в первой половине 1920-х годов: досуговые практики

© Старикова Н. В., Шуршикова А. В., Суровегина Е. С., 2024

1. Введение = Introduction

Город как социокультурный и социально-экономический феномен, процессы урбанизации в контексте исторических пространственно-временных категорий, практики городской повседневности — эти темы заняли прочное место в новейшей отечественной историографии. Особым вниманием историков пользуется изучение городских повседневных практик как постоянно повторяющихся элементов, составляющих саму ткань истории. По справедливому замечанию одного из основателей данного направления Альфа Людке необходимо отказаться от одномерного восприятия истории и обратить внимание на многовекторность реального исторического процесса [Людке, 2010, с. 22]. Ученый обращал внимание научного исторического сообщества на необходимость исследования повседневных процессов на уровне микроистории, реконструкции повседневности небольших объектов, вплоть до отдельных трудовых коллективов. В центре нашего исследования лежит процесс формирования новых досуговых практик городского населения. Значимость изучения этого явления связана со становлением новой советской культуры индивидуального будничного досуга и массовых городских праздников в контексте утверждения новой государственной идеологии.

Советские города начала и середины 1920-х годов в социальном плане не были однородными. Н. Г. Кулинич отмечает, что для городов указанного периода характерно отсутствие четкой классовой структуры их населения [Кулинич, 2010, с. 68]. Причиной этого явления стало явное противоречие между государственной идеологией и социальными последствиями новой экономической политики. С одной стороны, городское пространство было заполнено лозунгами о классовой борьбе, с другой — в городах процветали крупные и мелкие собственники и их наемные работники. Таким образом, установленная формально диктатура пролетариата, не означала ликвидацию всех остальных социальных классов [Жиромская, 1988, с. 18]. Городские власти, через внедрение досуговых форм, имевших «нужную»

идеологическую нагрузку, пытались устранить социально-экономические противоречия и сформировать единую социокультурную среду, соответствующую идеологии советского общества. Изучение этой проблемы на микроуровне позволит более детально проследить способы устранения противоречий экономической и идеологической основ общества периода нэпа, процессы и проблемы становления советского общества.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Историография советского города довольно обширна. Вопросы формирования особой социальной и культурной среды в период реализации новой экономической политики рассмотрены в исследованиях В. Б. Жиромской, И. Н. Камардина, Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажидновой, Н. Б. Лебиной [Жиромская, 1988; Камардин, 2011, с. 26—32; Кринко и др., 2011; Лебина, 1999]. Авторами отмечены наиболее распространенные формы быта городского населения в указанный хронологический период. Взаимосвязи и взаимовлиянию идеологии и городской культуры, социальным слоям советского города посвящены работы И. Б. Олова [Орлов, 2010]. Указанные исследования стали методологической основой данной работы.

Нижегородская повседневность периода нэпа не часто становилась предметом исторических изысканий, что, несомненно, обуславливает актуальность и новизну данной темы. Однако повседневные практики — очень широкое понятие, включающее большой набор регулярно совершаемых действий. Авторы не претендуют на всесторонний анализ всех повседневных практик и сосредотачивают свое внимание на изучении наиболее распространенных будничных и праздничных форм городского досуга.

Изучение досуговых практик, с одной стороны, позволяет проследить тенденции государственной политики и механизмы реализации идеологических установок, а с другой — реальные интересы горожан, что позволит выявить соответствие данных процессов и установить эффективность государственной политики. Городской досуг нижегородцев стал основным аспектом нашего исследования.

Главным источником исследования стали материалы Нижегородской периодической печати. Особенностью газеты как исторического источника является отражение наиболее злободневных вопросов и проблем, значимых как для простых обывателей, так и для органов власти. Советская периодика 1920-х годов отражает формы идеологического воздействия и механизмы формирования новой повседневной культуры быта. Обращение к ней позволило проанализировать наиболее актуальные проблемы городской повседневности нижегородцев, способы организации досуга, а также выявить влияние идеологических установок и общероссийских практик на

досуговую среду города. К исследованию были привлечены материалы популярных в изучаемый период нижегородских газет «Нижегородская коммуна», «Молодая мать», «Искусство и сцена» за 1921—1924 годы.

Другим важным источником стали статистические материалы — Всероссийская перепись городского населения и статистический сборник «Частный капитал в народном хозяйстве СССР: материалы комиссии ВСНХ СССР», давшие информацию о социальной структуре Нижнего Новгорода, ее соответствии другим городам европейской России, уровне доходов городского населения.

К источникам законодательного характера относятся постановления, распоряжения и узаконения Советской власти, Уголовный кодекс 1922 года. Комплекс данных документов дает представление о законодательной политике государства по отдельным вопросам, имеющим отношение к организации и формам городского досуга.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Социальная структура Нижнего Новгорода и ее соответствие другим городам европейской России

Основой городской повседневности являются горожане, поэтому, прежде чем обратиться непосредственно к изучению бытовых и культурных практик нижегородцев, необходимо проанализировать социальный состав данного города.

Основу городского сообщества 1920-х годов составляли рабочие. По данным Всесоюзной городской переписи населения 1924 года общая численность рабочего класса за 1923 год в Европейской части России достигла практически 1 млн 319 тыс. [Итоги Всесоюзной городской переписи ..., 1924, с. 43.] Пролетариат был чаще всего занят работой на заводах и предприятиях различных отраслей, например в сфере транспорта и строительства. Некоторый процент городского населения трудился во всевозможных государственных учреждениях.

В Нижнем Новгороде в 1923 году представителей рабочего класса обоих полов насчитывалось 17252 человека. Пролетариат был представлен горнорабочими, металлистами, трудящимися в деревообделочной отрасли, писчебумажниками и печатниками, текстильщиками, кожевниками, строителями и др. Непосредственно в Сормово — крупнейшем и старейшем предприятии губернии — трудилось 7764 рабочих [Там же, с. 249—254].

Следующей по численности составляющей городского населения был служащий персонал. Эта категория была весьма многочисленна во многих регионах страны и по численности превышала все остальные слои населения, в том числе и рабочий класс. Общее число служащих в Европейской

части страны составляло около 1 млн 134 тыс. К данной категории согласно материалам статистики относили технический персонал, торговых служащих, медиков и санитаров, работников культурно-просветительной сферы. Примечательно, что к этой же категории относили и работников судов и прокуратуры, милиционеров и пожарных, а также медицинских работников. Служащих в Нижнем Новгороде насчитывалось более 17 тысяч человек [Там же, с. 249—254].

Вопросы культуры и воспитания нового общества занимали важное место в государственной политике. В Нижнем Новгороде на 1923 год деятелей культурно-просветительской сферы насчитывалось около 1500 человек.

Также значимой частью категории служащих была техническая интеллигенция, к которой принадлежали инженеры, архитекторы, чертежники и др. Она не была многочисленной, но, тем не менее, потребность в ее росте в стране была.

В исследуемый период остро стояла проблема кадрового «голода» медицинских работников различных профилей, что открывало дорогу в эту сферу новым специалистам [Жиромская, 1988, с. 34]. Всего на 1923 год в стране работало более 32 тыс. медицинских работников, а в Нижнем Новгороде их на тот же год насчитывалось 1275 [Итоги Всесоюзной городской переписи ..., 1924, с. 254].

В период реализации новой экономической политики, разрешавшей свободную торговлю, в городах оживилась буржуазия. Так называемые нэпманы прекрасно осознавали, что они являются той самой социальной общностью, которая коренным образом отличается от иных социальных групп. Например, в записях правлений Обществ Взаимного Кредита можно встретить неоднократно формулировку «чуждые элементы». И рабочие, и правительство, инициировавшее новую экономическую политику, были настроены против нэпманов, называя их «буржуями» [Орлов, 2002, с. 30].

Общее количество представителей нового класса частных предпринимателей довольно сложно выявить. Однако, согласно материалам Народного комиссариата финансов СССР, численность лиц, плативших налог на доход и относившихся к группе владельцев торгово-промышленных предприятий и арендаторов, примерно за период с 1923—1924 годов составляла 1 млн 315 тыс. [Частный капитал ..., 1927, с. 5]. Отдельно вычленялась некая прослойка общества, получившаяся в переписи название «хозяева» и включавшая хозяев с наемными рабочими, хозяев, работающих только с членами семьи и хозяев-одиночки. Их общее число в Европейской части страны составляло около 617 тыс. В Нижнем Новгороде насчитывалось 299 хозяев с наемными рабочими и около 1539 хозяев, работающих только

с членами семьи. Однако стоит сделать оговорку, что не все хозяева, прибегающие к помощи родственников, считались нэпмановской буржуазией.

Мелкой буржуазией, согласно переписи, также были хозяева-одиночки, к примеру, ремесленники или кустари, также торговцы, которые зарабатывали на жизнь, продавая товары с рук или в лотках, корзинках и так далее [Жиромская, 1988, с. 55—56]. Их количество в Нижнем Новгороде составляло около 6390 человек [Итоги Всесоюзной городской переписи ..., 1924, с. 256].

Отдельной прослойкой населения, относившейся к мелкой буржуазии, были рантье или рантьеры — горожане, которые жили на нетрудовые доходы, то есть занимались спекуляцией или были мелкими домовладельцами. В Нижнем Новгороде они составляли совершенно небольшую долю — около 103 человек. В общей сложности в городе так называемых хозяев насчитывалось около 8228 человек [Там же, с. 255].

Отдельную категорию городского населения составляла прислуга. В общей совокупности ее численность ограничивалась 219 тыс. человек. В Нижнем Новгороде в 1923 году к прислуге относилось 1288 человек.

В структуру городского населения входили так называемые «лица свободных профессий». В основном это была интеллигенция — инженеры, врачи, учителя, писатели, художники. В эту же категорию входили священники и церковнослужители различных культов. Всего в Европейской части страны таких лиц насчитывалось 37 тыс., а в Нижнем Новгороде их число составляло 545 человек.

Всесоюзная городская перепись как отдельную категорию выделяла *деклассированные группы населения*. Считалось, что такие группы — это «дети», то есть наследие капиталистического города [Жиромская, 1988, с. 59]. К ним чаще всего относились нищие и проститутки. Их численность составляла практически 23 тыс. человек. В Нижнем Новгороде количественный состав деклассированных элементов составлял более 300 человек.

Из приведенной статистики следует, что формирование социального состава Нижнего Новгорода (включавшего практически все слои населения) в целом соответствовало общим для городов европейской России тенденциям, что делает данный город типичным в социальном отношении, а изучение нижегородской повседневности актуальной с научной точки зрения. Срез повседневной жизни нижегородцев 1920-х годов даст картину рутинных и праздничных городских практик европейской части России указанного периода. Особую ценность исследования представляет указанный хронологический период, поскольку новая экономическая политика, как указано выше, вносила некоторое несоответствие городской социальной структуры и государственной идеологии.

3.2. Досуговые практики Нижегородцев

Повседневность городского обывателя, безусловно, включала в себя работу, занимавшую значительную часть времени, которое к тому же строго регламентировалось. Значительную часть повседневных практик составляли бытовые дела, которым ежедневно необходимо было уделять время. Однако жители города в начале 1920-х годов нуждались также в отдыхе и развлечениях.

Изменившиеся условия жизни привели к полному перевороту в сфере развлечений и отдыха. Досуг теперь приобрел важную отличительную особенность — коллективность, поскольку именно массовость мероприятий обеспечивала их усвоение и закрепление в общественном сознании. Все большую популярность набирало проведение совместных вечеров, где обсуждались какие-то насущные темы, посещение выставок и лекций, концертов и секций [Орлов, 2010, с. 181].

Исследование Н. Б. Лебиной показало, что у рабочего с вычетом времени на работу и домашние дела оставалось в день по 4,7 часов свободного временипрепровождения. Чаще всего эти часы использовались так: примерно 1,2 часа было положено отдыхать в прямом смысле этого слова, не занимаясь посторонними делами, также 1,6 часа занимало самообразование, под которым подразумевалось чтение литературы, посещение кружков, лекций, выставок. И оставшиеся 1,9 часа были заняты другими видами досуга, такими как танцы, прогулки, походы в гости и многое другое [Лебина, 1999, с. 273].

Стоит также отметить, что молодое поколение начала 1920-х годов уделяло больше времени самообразованию и разнообразию досуга в отличие от старших поколений. Рабочие стали больше читать, в основном политическую литературу. Например, в газетах того периода часто можно было встретить рекомендации к прочтению тех или иных сочинений, чаще всего В. И. Ленина или К. Маркса и Ф. Энгельса. Однако, несмотря на рекомендации, согласно статистическим данным библиотечного отдела Главполитпросвета за 1921—1922 годы, молодежь в библиотеках обращалась к приключенческим романам различных авторов, а девушки зачитывались произведениями Л. А. Чарской, чьи книги были запрещены цензурой [Лебина, 1999, с. 277]. Приведенные данные свидетельствуют о сохранении интереса к художественной литературе.

Можно сказать, что данное явление приводило к своеобразной политической борьбе государства за «молодые умы», поэтому часто в привычной форме художественной литературы выпускались произведения, включавшие идеологический подтекст. И так как практически каждый городской житель для ознакомления с текущими новостями покупал газету, то издатели формировали постоянные колонки, включавшие произведения малых

литературных форм — стихи, рассказы, фельетоны, пропагандировавшие ценности нового общества, соответствовавшие государственной идеологии. Например, в нижегородской газете «Молодая рать» была регулярная рубрика «Литературная страничка», где публиковались произведения — стихи или проза — жителей города или известных на тот период авторов. Все опубликованные сочинения имели прямой идеологический подтекст. Например, стихи рабочего В. «Будем строить революцию мира», рабочего Виктора «В кузнице Революции» [Рабочий Виктор, 1923, с. 3], проза А. Шелгунова «Безбожники» [Шелгунов, 1923, с. 3] и даже «Деревенские частушки и Комсомол» [Д. В., с. 5].

В еженедельном журнале «Искусство и сцена» регулярно можно было встретить статьи о литературе, рекомендации о новинках в данной области и прочесть произведения нижегородцев в прозе или в стихах [Литературная страничка ..., с. 15—18].

Чтение играло важную роль в самообразовании населения, однако результаты опроса, проведенного в 1925 году в крупных городах, свидетельствуют, что 75 % городской молодежи чтению более предпочитало поход в кино [Лебина, 1999, с. 293]. Однако стоит отметить, что поход в кинотеатр не был одинаково доступен всем горожанам. И. Б. Орлов, проводя анализ среднего уровня жизни городских жителей в СССР, выделил три категории семьи: первая — так называемая «рабочая целина», к которой чаще всего относились семьи, сохранившие дореволюционный быт; вторая — «первые борозды», а именно семьи, увлеченные новой революционной культурой; третья — «новь», где быт семей уже целиком и полностью был подвержен веяниям нового времени [Орлов, 2010, с. 105]. Семьи двух первых категорий редко посещали кино и театр. В первом случае глава семьи, возможно, и бывал там однажды, но для жен единственным видом досуга становилось обсуждение последних сплетен с соседками. Представители семей второй категории были нечастыми гостями в театрах и кино, однако уже более активно занимались общественной деятельностью — посещением лекций, собраний, кружков. Во всякого рода общественных мероприятиях участие принимали в основном мужчины. Семьи третьего типа больше всего времени уделяли общественной работе. В этом случае нередко жены не отставали от своих мужей и посещали всевозможные собрания женотделов. Кинотеатры в крупных городах страны только начали появляться. В Нижнем Новгороде в начале 1920-х годов действовал кинотеатр «Палас» (ныне «Орлёнок»), в котором можно было посмотреть «Продавцов душ» и «Прожигателей жизни». Также работал кинотеатр «Художественный», располагающийся на улице Свердлова, где ставили киноленты «Записки преступника» в 2 сериях, «Белая роза» и др. [Либретто кино, 1923, с. 19].

В городе были и другие места, где можно было культурно провести время. Например, музеи и библиотеки. В первой половине 20-х годов в Нижнем Новгороде насчитывалось 39 музеев различных категорий, библиотек же к 1921 году было 787. С увеличением количества библиотек росло и число литературы, которую в 1923—1924 годы читали 52 859 человек, а уже через год количество читателей выросло до 96 тыс. [Шульц, 1927, с. 175]. В 1924 году в здании бывшего Дворянского института была открыта Губернская центральная библиотека имени Ленина.

С начала реализации новой экономической политики учреждения «зрелищного характера» снимаются с государственного финансирования, поэтому многие театры приходят в состояние запущенности. Вскоре Губоно решает создать аппарат художественной работы на началах хозрасчета. С целью привлечения в театры рабочего класса вводилась чековая система. Работникам можно было приобрести билеты в кредит и со скидкой до 30 %. Уже к рубежу 1924—1925 годов благодаря чековой системе театр стало посещать более 11 тысяч зрителей [Шульц, 1927, с. 180].

Информация о театральных постановках распространялась через периодическую печать. Ежедневную газету «Нижегородская Коммуна» регулярно украшала колонка под названием «По театрам». Оттуда можно было узнать, что в Горсовтеатре и театре Целькультовода ставили «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, «Фауста» И. Гёте, «На дне» М. Горького, пьесы на произведения Г. Запольской и мн. др.

Нижегородский театральный техникум, который находился в помещении Педагогического института (ИНО) на Тихоновской улице (ныне улица Ульянова), регулярно проводил показательные вечера для зрителей. В одном из номеров газеты была помещена статья о постановках, которые можно было увидеть в течение нескольких показательных вечеров. В первый вечер, к примеру, любитель театра мог посетить инсценировки рассказа Мопассана «Порт»; этюд Берниковой «Страничка романа»; старинный водевиль Куликова «Которая из двух» и в заключение многоголосную декламацию. Естественно, театральные вечера были не бесплатным развлечением, поэтому прежде, чем посетить их, необходимо было приобрести билеты в фойе Городского театра [По театрам ..., 09.03.1922].

Ведущую роль в театральной жизни Нижнего Новгорода играл 1-й Советский театр, в который регулярно приезжали популярные столичные артисты. Репертуар этого театра не ограничивался классическими постановками, к примеру «Кармен», на сцене также выступал театр импровизации, что было оригинальным явлением для провинциального города. Некоторые постановки для рабочих организаций проводили бесплатно, тем не менее посещение театра для многих горожан оставалось мечтой [Театры Нижнего ..., 1922, с. 5].

В Нижнем Новгороде развивалась и музыкальная сфера. В 1923 году вновь начал свою работу симфонический оркестр. В этом же году музыканты начали готовить программы, включавшие произведения Римского-Корсакова, Чайковского, Бетховена, Моцарта, Дебюсси и другие [Возрождение симфонического оркестра ..., 1923, с. 14—15].

Неотъемлемой частью культурного просвещения нижегородцев первой половины 1920-х годов являлись лекции, выставки, кружки и курсы. Особой популярностью пользовались кружки и курсы, посещение которых подразумевало обучение какому-либо профессиональному навыку, например стенографии [7-я губернская конференция профессиональных союзов, 02.03.1922, с. 2].

Неотъемлемой частью досуга горожан стали партийные или секционные собрания, которые включали не только обсуждение насущных вопросов, но и публичные доклады, творческие воскресники, спектакли-концерты. Например, для членов сельскохозяйственной секции в «Доме Союзов» в комнате № 10 проходили доклады А. А. Писнячевского на тему «Вредители сельско-хозяйственных растений», членам металлургической и металлообрабатывающей секции предлагался доклад инженера Семенова «Влияние термической обработки на мягкие сорта стали». Вход на такие мероприятия был свободным для членов профсоюза и «вообще для всех интересующихся» [На местах ..., 07.03.1922, с. 2].

Регулярно открывались выставки, пропагандирующие здоровый образ жизни, информирующие о профилактических мероприятиях против заболеваний, об охране труда. Художественные выставки не были частым явлением, но все же городской обыватель мог себя побаловать посещением картинных галерей. Например, в Нижегородском «Доме Союзов» в 1922 году состоялась художественная выставка, на которой были представлены работы живописцев, в том числе и местных, которые писали свои картины в различных стилях, начиная «от реализма и заканчивая супрематизмом». Там же можно было посетить лекции художника Ф. Богородского на темы «Смерть натурализму» (театрализация театра) и «Долой картину» (от станка к конструктивности) [Художественные хроники ..., 30.03.1922]. Содержание публичных лекций регламентировалось специальными постановлениями. «Обязательное постановление № 19» определяло, что с текстом выступления сначала должны были ознакомиться работники Политпросвета. Для этого выступающему нужно было предоставить «... в 2-х экземплярах за подписью самого выступающего и ответственного устроителя: А) тезисы или конспекты доклада для выступления по вопросам обществоведения и политологии; Б) программу доклада для выступлений по вопросам естественно-научного или прикладного характера. Также программа поми-

мо Политпросвета должна быть передана Военной Цензуре» [Собственно говоря ..., 31.03.1922, с. 2]. Только после ознакомления и дозволения этих органов выступающему выдавалось разрешение на проведение лекций и докладов на ту или иную тему.

Все вышеперечисленные виды досуга составляли повседневность будних и воскресных дней. От них существенно отличались официально установленные праздничные дни. Новые государственные праздники стали механизмом утверждения идеологии и находились на особом счету и контроле. Их развлекательная программа была расписана по часам и районирована [Кринко и др., 2011, с. 200]. Безусловно, одним из самых торжественных праздников с 1918 года стал день Великой Октябрьской революции. Организация этого мероприятия требовала детальной проработки программы на два дня празднования и включала торжественные заседания, шествия, митинги и собрания. 7 ноября проводились всевозможные спектакли, демонстрации кинофильмов, детские утренники и концерты [По клубам ..., 1923, с. 9]. В 1922 году программа празднований в Нижнем Новгороде включала следующие мероприятия: 6 ноября на всех фабриках, заводах, предприятиях, во всех учреждениях и красноармейских частях рабочий день заканчивался в 12 часов дня. В 11 часов начинались публичные доклады о достижениях Советской власти и задачах на будущий год. Далее в центре города в Городском Совтеатре, в Канавино и в Сормово в рабочих клубах проходили торжественные заседания. Обширная развлекательная программа для горожан приходилась на 7 ноября. К 10 утра по городским районам назначался сбор членов профсоюзов, и в 11 часов начиналось шествие со знаменами к площади Революции, а потом к улице Свердлова (Большой Покровской). Уже вечером все члены профсоюзов и красноармейских частей могли посетить бесплатные спектакли и концерты [На местах ..., 04.11.1922, с. 2].

Другим праздником, предназначенным для замены традиционного и в недавнем прошлом значимого религиозного праздника Рождества Христова, стало так называемое комсомольское рождество. В выпуске газеты «Молодая рать» от 18 января 1923 года подробно описан этот праздник. Вечер открывался лекцией товарища Николаева, который «ошарашил буйную публику» тезисом, что Христа не было. Как пишут авторы заметки, лекция прошла на ура и докладчика засыпали вопросами и аплодисментами. Далее следовала «пьеска Рождество попа Сергия» и раздача подарков. Однако этим вечер не закончился, позже последовало сорокаминутное шествие. «При ярком свете факелов и фейерверков, руководимые “Красной звездой”, прошли комсомольцы и беспартийная молодежь до комсомола и обратно. Толпа пела “Молодую гвардию”, “Интернационал” и “Карманьолу”. С криками “ура” был сожжен бог Саваоф, который был сделан

из соломы и под седого старика — раскрашенный нашими художниками. Праздник удался и еще более сплотил нашу Сормовскую организацию» [Сормович ..., 1923, с. 3].

Помимо комсомольского рождества также праздновалась и комсомольская пасха [Чичеров, 1924, с. 2]. Она посвящалась освобожденному и освобождающемуся труду. Этот воскресный день сопровождался разного рода досуговыми мероприятиями. Для рабочих «Красного Сормова» и жителей города (до 1928 года населенный пункт Сормово имел статус города) было организовано три центра празднований — Гортатеатр, клуб «Металлистов» и помещение Сормовского ЕПО. Вечер открывала просветительская сатирическая лекция о «Христианской пасхе». После лекции слушателей ждали кино и танцы [Майский, 1924, с. 5].

В период массовой антирелигиозной кампании, направленной, согласно декрету ВЦИК от 23 февраля 1922 года на изъятие церковных ценностей и дискредитацию церкви как общественного института, особое значение приобретало приобщение молодежи к культуре нового общества [Советская Россия ..., 2000, с. 40.]. Традиционные ценностные ориентиры необходимо было заменить на новые, коммунистические. Это осуществлялось посредством внедрения новой праздничной культуры взамен старой, а также активной антирелигиозной пропаганды в средствах массовой информации. В газетах печатались разоблачающие статьи о религии и священнослужителях, сатира, высмеивающая Бога и верующих в целом. В газете «Молодая рать» появилась регулярная рубрика «Уголок юного безбожника», где на примерах из местной жизни обесценивалось значение церкви. Так, в колонке публиковались новости о нарушении общественного порядка церковно- и священнослужителями, об их пристрастии к алкоголю, о недопустимости торговли предметами культа в магазине Нижгубкоммунотдела [На местах ..., 17.05.1923].

Внедрялись разнообразные рабочие праздники, не требовавшие отрыва от производства. Наиболее распространенными среди них были праздники урожая, годовщины частей особого назначения (ЧОН), советского быта и чистоты рабочего места [Кринко и др., 2011, с. 205].

3.3. Девиантные формы досуга и способы борьбы с ними

Однако политика идеологического воспитания горожан посредством организации новых досуговых практик не всегда давала желаемый результат. В начале 1920-х годов отмечается рост девиантного поведения. Как отмечает И. Б. Орлов, в первые годы нэпа существовало две стороны досуга одновременно: официальная и теневая [Орлов, 2010, с. 181]. Новая экономическая политика стимулировала возрождение азартных игр. В ноябре 1921 года была официально разрешена продажа игровых карт. Во

многих крупных городах Советской России появились игорные клубы [Лебина, 1999, с. 299].

Другим видом девиантного досуга стало обращение к услугам проституток. Удивительно, но в основном услугами жриц любви пользовались не нэпманы или состоятельные горожане, а рабочие. По проведенному в Петрограде опросу в 1920 году к услугам проституток прибегали 43 % рабочих, спустя всего три года этот показатель возрос до 61 % [Орлов, 2010, с. 106]. Власть не считала эту деятельность трудовой и планировала покончить с феноменом продажной любви сразу после решения более насущных проблем города: голода, обнищания, безработицы. Статьи Уголовного кодекса РСФСР 1922 года предусматривали наказание за содержание притонов, принуждение к занятиям проституцией, а также вовлечение в сексуальную коммерцию несовершеннолетних. Однако уголовное преследование незначительно снизило интерес к продажной любви со стороны пролетариата [Лебина, 2019, с. 174]. В одной из нижегородских газет в 1922 году вышла статья П. Алоева о развитии приютов любви в городе. По данным автора, сразу в нескольких квартирах одного из домов предоставлялись услуги проституток. Жилищная нужда в этих квартирах была особенно заметна, поскольку в «маленькой набитой до последней возможности людьми кроватями и всякой рухлядью комнатке человеческие интимные отношения ничем не прикрывались» [Алоев, 1922, с. 2]. Сама хозяйка и дети ютились в этой же комнате. В этом же доме, но этажом выше жили еще две девицы, предоставлявшие интимные услуги. В их квартире в углу у входа находилась кровать хозяйки, по стенам налево и направо располагались две другие кровати, одна из которых была занята посетителем. Одну из девиц звали Маруськой, она жила в этой квартире со своей сестрой лет двенадцати. Девочка ходила на вокзал и к ресторанам, чтобы позвать гостей в квартиру. За эту работу сестра ее кормила и одевала. Однако девочке совсем негде было спать, поэтому ночи она коротала под кроватью сестры. На первом этаже этого же дома также находилась еще одна особая квартира. Как замечает автор статьи, она была куда лучше обставлена: на окнах висели кисейные занавески, подоконники были украшены цветами. В комнате можно было видеть пару венских стульев и мягкий продавленный диван с круглым перед ним столом, накрытым самодельной скатертью. В этой квартире за перегородкой виднелась кухня, в комнате стояли отдельные кровати. Все эти детали интерьера доказывали, что здесь можно получить любовные услуги «более высокого» уровня, нежели в предыдущих квартирах [От мрака к свету ..., 24.12.1922, с. 2].

Но все же одной из самых распространённых девиантных форм досуга был алкоголизм. Пьянство в повседневности русского общества не было

чем-то новым и диковинным, однако государственная идеология построения нового советского общества не рассматривала торговлю алкогольной продукцией как основу экономического благосостояния советских граждан, относясь к ней как к способу получения «легких денег». Уже в марте 1922 года на XI съезде РКП(б) Ленин поставил вопрос о категорическом недопущении «торговли сивухой» ни в частном, ни в государственном порядке [Лебина, 1999, с. 327]. Иными словами, большевистская власть считала алкоголизм пережитком прошлого, от которого нужно было избавляться. Но дело в том, что в целом пристрастие к спиртным напиткам было частью повседневной культуры. Ни один праздник, ни одно застолье не обходилось без пламенных речей, запитых крепким алкоголем, посему быстро отучить человека от привычного досуга оказалось не так просто [Камардин, 2011, с. 26].

Специальное постановление Совнаркома РСФСР от 1921 года разрешало производство и продажу виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин, ограничивая содержание в них алкоголя двадцатью градусами. При этом торговцы должны были получить особое разрешение местных исполкомов. В 1922 году государственный контроль в сфере производства и торговли алкоголем был усилен. Специальным постановлением СТО РСФСР от 15 февраля устанавливалось, что продажа спирта учреждениям, предприятиям и частным лицам как для технических, так и для медико-санитарных и прочих потребностей может производиться исключительно местными спиртовыми органами (рауспирт) и только по нарядам Госспирта [Собрание узаконений ..., 1922, с. 354]. Постановление СТО от 26 июня 1922 года категорически запрещало отпускать спирт с заводских складов на внутренний рынок без особых нарядов Центра [Орлов, 2010, с. 151].

Усиление государственного контроля за алкогольной продукцией и сферой ее производства способствовало росту самогонварения. Государственная винокуренная промышленность не могла сравниться с дешевой и крепкой самогонкой. Самогонварение было довольно распространенным явлением еще в годы военного коммунизма. Крестьяне старались как можно быстрее перекурить хлеб, чтобы не сдавать его в качестве продрозвёрстки. В первой половине 1920-х годов самогон продолжал пользоваться большой популярностью, но уже не только в деревнях, но и в городе. Промышлять самогоном было довольно прибыльно. Ближе к середине десятилетия в 1924 году бутылку сахарной самогонки в деревне в среднем можно было приобрести за 50 копеек, но в городе цена вырастала в четыре раза и составляла уже около 2 рублей [Орлов, 2010, с. 151].

В «Нижегородской коммуне» за 1922 год дается яркая характеристика распространению пьянства среди сормовских рабочих. «Сегодня получка! с утра несется из уст в уста эта реплика. Под шум ее Сормово как будто

оживает в этот день. Завод. Полдень... Около окна становится “черед” за получкой. ...Агенты самогонного треста тоже не дремлют. Они везде, где только возможно, предлагают «на ушко» свои изделия: изюмную и сахарную, нахваливая их качество. Горе тем, кто к ним попадет на удочку. От полочки останется одно воспоминание и головная боль...» [Рабочая жизнь ..., 26.12.1922, с. 2]. В газетных статьях этого времени дни так называемых «получек» характеризуются как «праздничные», «разухабистые». В Сормово к концу рабочего дня у кооператива, ведущего торговлю винной продукцией, выстраивалась огромная очередь. Ее состав соответствовал заводской социальной структуре. Тут можно было встретить и «забубенных пьянчуг», практически полностью пропивающих свою зарплату, и молодежь, хотевшую всего лишь отдохнуть и расслабиться после рабочей недели. Для многих представителей рабочего класса изучаемого периода было привычной нормой «хорошо погулять» в день зарплаты и потом снова жить впроголодь. В газеты поступали требования горожан, что стоит убрать питейные заведения, кабаки и самогонные лавки от заводов, так как в основном рабочие, не успев насладиться полученными деньгами за собственный труд, пропивают их в тот же день [Паршивую овцу ..., 09.06.1923, с. 2].

Про Гордеевку (городская окраина, расположенная близ железнодорожного вокзала) в Нижнем Новгороде говорили, что это «царство зеленого змея» и безудержного пьянства. По воскресеньям «одержимые духом» «преспокойно почивали» на большой дороге, на скамейках около дороги и тротуаров. Практически каждый вечер по району разгуливали пьяные компании с гармонистом, распевая песни [Вечеринка рабочих ..., 27.12.1922, с. 2]. Нередко шумные компании не устраивали других жителей города. Нижегородский обыватель писал в одну из местных газет, что в Канавино есть спортивный центр, однако используется он как танцевальный дом [Наш манеж ..., 27.12.1922, с. 2]. Даже в 11 пехотной школе комсостава вместо концертов устраивались танцы до глубокой ночи [На местах ..., 21.11.1921, с. 2].

Показательно, что класс, имевший больше денежных средств и прозванный в народе *эпманами*, отдыхал иначе. Питейными заведениями их уровня были рестораны-кабаре. В начале 1920-х годов в журналах и газетах крупных городов можно было встретить рекламу таких заведений. В Нижнем Новгороде также были заведения подобного рода, пользовавшиеся популярностью горожан. Одним из них был ресторан «Олимп», располагавшийся на Осыпной улице (сегодня ул. Пискунова). Там ежедневно проходили кабаре-вечера с участием московских и петроградских артистов. Днем в таком ресторане можно было отобедать, а вечером начиналась развлекательная программа. В «Олимпе» часто выступал «Театр Варьете»,

любимцами посетителей были артисты Аркаша Аркадьев, Василий Скопин, танцовщица В. А. Невельская-Пряникова и Ирина Трей. Часто исполнялись цыганские романсы, выступал оркестр [Ресторан «Олимп» ..., 06.12.1021, с. 2]. На Ново-Базарной площади (ныне площадь Горького) можно было посетить ресторан «Метрополь». Он тоже специализировался на кабаре вечерах и игре в бильярд [Первоклассный ресторан ..., 1923, с. 20].

Таким образом, пьянство было девиантной формой досуга, распространенной в рабочей среде, что отрицательно сказывалось и на бытовой жизни горожан, и на городской среде в целом.

С пьянством пытались бороться. Помимо идеологических и пропагандистских мер применялись и силовые. В статьях 140—141 Уголовного Кодекса 1922 года было детализировано и ужесточено наказание за «изготовление и хранение для сбыта, а равно торговлю самогоном в виде промысла, с целью личного обогащения». Законодательством устанавливалось наказание в виде лишения свободы не менее чем на три года «со строгой изоляцией, конфискацией всего имущества и поражением в правах на срок до пяти лет» [Уголовный кодекс 1922 года ..., с. 17]. Производство самогона для личного употребления, а не для продажи влекло за собой штраф до 500 рублей золотом или полгода принудительных работ. В Сормове проходили разбирательства и суды по подозрению в нарушении закона в сфере производства и продажи самогона [На местах ..., 24.11.1922]. Всего было возбуждено 11 дел в Нарсуде, 4 из которых в ноябре 1922 года были рассмотрены [Суд на самогоном ..., 29.11.1922, с. 2].

Как было указано выше, продажа самогона была весьма прибыльным делом, и горожане любых профессий пытались таким образом получить дополнительную прибыль. Так, например, в производстве самогона была обвинена бывшая заведующая железнодорожной школы Разумовская. Этот случай был освещен в «Нижегородской коммуне», примечательно, что этой теме была отведена передовица газеты. «Злодеяние происходило в самом помещении школы и было обнаружено “среди бела дня” в бывшей школе имени Башкировых, где проживает изобретательная учительница» [На местах ..., 29.11.1922, с. 2]. Был выявлен помощник обвиняемой — преподаватель ремесел Вайчунайтис. Их «преступное сообщество» было названо «ученым синдикатом». Однако это дело приняло необычный поворот, когда обвиняемые заявили, что занимались самогонноварением исключительно в научных целях.

Только за 1923 год по всей стране было конфисковано 115 тыс. самогонных аппаратов, к следующему году их число выросло до 135 тысяч [Орлов, 2010, с. 156].

В декабре 1924 года вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О решении выделки и продажи наливок, настоек, коньяка и ликерных вин крепостью не свыше 30 и об установлении размера акцизного обложения указанных напитков», которое позволило снизить популярность самогонварения в советском обществе. В августе 1925 года было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О введении в действие положения о производстве спирта и спиртных напитков и торговле ими» [Собрание законов и распоряжений ..., с. 526], а в октябре того же года государство стало производить и реализовывать спиртные напитки крепостью до 38 градусов включительно. Указанные меры позволили усилить государственный контроль за самогонварением, вывести его из тени и снизить его популярность в среде городского сообщества.

4. Заключение = Conclusions

Можно заключить, что социальная структура Нижнего Новгорода начала 1920-х годов представляла собой сложный комплекс разнородных категорий населения, что в целом соответствовало тенденциям формирования городского населения городов европейской России. Большую часть нижегородцев составляли рабочие, второй по численности была категория служащих. Среди них наиболее внушительно были представлены работники культурно-просветительской сферы и медицинские работники, а вот церковно- и священнослужители по данным переписи были представлены незначительно. Довольно широкой в Нижнем Новгороде была прослойка так называемых «хозяев» или «буржуев». Их общее количество составляло около половины численности пролетариата. Данное явление можно объяснить тем, что город имел давние торговые традиции, еще не затронутые будущей индустриализацией.

В повседневности нижегородцев периода нэпа были представлены многие формы досуговых практик. Городская культурная среда была хорошо развитой. В Нижнем Новгороде работали библиотеки, музеи, театры и кинотеатры. Их деятельность, литературный фонд и репертуар были подчинены веяниям времени и строго обусловлены классовым идеологическим подходом. Важно отметить, что данные культурные формы впервые стали доступны широкому кругу населения. Возможно, не каждый городской обыватель мог себе позволить посещать кино или театр, однако в городской среде всегда была альтернатива в виде бесплатных культурно-просветительских мероприятий. Большая часть из них была идеологизирована и направлена на формирование новых ценностей и культуры нового коммунистического общества. Информация о культурных событиях постоянно публиковалась в периодической печати, что способствовало их по-

пуляризации среди горожан. Активно внедрялась традиция новых праздников, также получавшая освещение в периодике. Праздничная культура советского города формировалась под влиянием новой идеологии. Внедрялись и популяризировались периодической печатью такие праздники, как комсомольское рождество или комсомольская пасха. Их главной задачей было вытеснение традиционных религиозных ценностей из сознания и досуговых практик горожан и их замещение новыми идеологическими установками. Значительную роль в дискредитации Русской Православной церкви играла нижегородская периодическая печать, в частности, молодежные газеты, включавшие такие рубрики, как «Уголок Без Божника», «На местах», «Безбожник».

Однако в период реализации новой экономической политики у нижегородцев пользовались популярностью девиантные и не поощряемые властью досуговые формы. В рабочей среде было распространено пьянство и обращение к услугам «жриц любви», нэпманы проводили свободное время в ресторанах, бильярдных и кабаре. Распространение девиантных форм досуга свидетельствует о том, что, несмотря на существовавшие в городской среде возможности культурного отдыха, далеко не все горожане ими пользовались. Причины этого явления могли быть разнообразными — от низкого общекультурного уровня и недостатка образования, до отсутствия временных и материальных ресурсов. Их конкретизация требует более глубокого изучения. Однако можно заключить, что девиантные формы досуга актуализировались напряженным рабочим процессом, необустроенным бытом пролетариата и излишками денежных средств, занятых в частном секторе «хозяев».

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. 7-я губернская конференция профессиональных союзов // Нижегородская Коммуна. — 1922. — № 50. — 2 март.
2. Алоев П. Бытовые очерки. Рабочая жизнь / П. Алоев // Нижегородская коммуна. — 1922. — № 294. — 24 декабря.
3. Вечеринка рабочих // Нижегородская Коммуна. — 1922. — № 297. — 27 декабря.
4. Возрождение симфонического оркестра // Искусство и сцена. — 1923. — № 1. — Январь. — С. 14—15.
5. Д. В. Деревенские частушки и Комсомол (Бытовая картинка) / Д. В // Молодая рать. — 1923. — № 6. — 11 марта.

6. *Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г.* / Труды ЦСУ СССР. — Москва : [б. и.], 1924—1925. — 155 с.
7. *Камардин И. Н.* Пьянство среди рабочих Поволжья в период нэпа / И. Н. Камардин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2011. — № 4. — С. 26—32.
8. *Либретто кино.* Продавцы душ // Искусство и сцена. — 1923. — № 5. — Февраль. — С. 19.
9. *Литературная страничка* // Искусство и сцена. — 1923. — № 2. — Январь. — С. 15—18.
10. *Майский К.* Штурмуем. Как прошла Комсомольская Пасха / К. Майский // Молодая рать. — 1924. — № 21—22. — 9 мая.
11. *На местах* // Нижегородская Коммуна. — 1922. — № 54. — 7 марта.
12. *На местах* // Нижегородская Коммуна. — 1922. — № 251. — 4 ноября.
13. *На местах.* Веселая хроника // Нижегородская Коммуна. — 1922. — № 265. — 21 ноября.
14. *На местах* // Нижегородская Коммуна. — 1922. — № 268. — 24 ноября.
15. *Наши манеж* растанцевался // Нижегородская Коммуна. — 1922. — № 297. — 27 декабря.
16. *От мрака к свету — и обратно* // Нижегородская Коммуна. — 1922. — № 294. — 24 декабря.
17. *Паришувую овцу из стада вон* // Нижегородская Коммуна. — 1923. — № 129. — 9 июня.
18. *Первоклассный ресторан «Метрополь»* // Искусство и сцена. — 1923. — № 2. — Январь.
19. *По клубам* // Искусство и сцена. — 1923. — № 7. — Март.
20. *По театрам* // Нижегородская Коммуна. — 1922. — № 56. — 9 марта.
21. *Рабочая жизнь* // Нижегородская Коммуна. — 1922. — № 296. — 26 декабря.
22. *Рабочий Виктор.* В кузнице Революции // Молодая рать. — 1923. — № 18. — 27 июля.
23. *Ресторан «Олимп»* // Нижегородская коммуна. — 1921. — № 277. — 6 декабря.
24. *Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1922.* Отдел первый / Народ. комиссариат юстиции. — Москва : [б. и.]. — 1950. — № 18. — 1934 с.
25. *Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР за 1925 г.* Отдел первый / Народ. комиссариат юстиции. — Москва : [б. и.], [б. г.]. — 568 с.
26. *Собственно говоря...ничего не говоря* // Нижегородская Коммуна. — 1922. — № 74. — 31 марта.
27. *Сормович.* Как мы проводили Комсомольское Рождество // Молодая рать. — 1923. — № 2. — 18 января.
28. *Суд на самогоном* // Нижегородская Коммуна. — 1922. — № 272. — 29 ноября.
29. *Театры Нижнего 1922 год* // Искусство и сцена. — 1923. — № 3—4. — Январь. — С. 5.
30. *Уголовный кодекс 1922 года.* — Москва : Издание Военной коллегии Верховного трибунала ВЦИК, 1922. — 26 с.
31. *Художественные хроники* // Нижегородская Коммуна. — 1922. — № 73. — 30 марта.

32. *Частный капитал в народном хозяйстве СССР / Материалы комиссии ВСНХ СССР / под общ. ред. А. М. Гинзбурга.* — Москва ; Ленинград : АО «Промиздат», 1927. — 566 с.
33. *Частный капитал в народном хозяйстве СССР : Материалы комиссии ВСНХ СССР / под общ. ред. А. М. Гинзбурга.* — Москва ; Ленинград : АО «Промиздат». — 1927. — 566 с.
34. *Чичеров И.* Уголок Без Божника. Комсомольская Пасха / И. Чичеров // Молодая рать. — 1924. — № 17. — 11 апреля.
35. *Шелгунов А.* Безбожники / А. Шелгунов // Молодая рать. — 1923. — № 13 — 14 июня.
36. *Шульц Ф. Ф.* Десять лет советской власти в Нижегородской губернии 1917—1927 / под редакцией О. Л. Рывкина, предисловие А. И. Муралова. — Нижний Новгород : Издание Нижгубисполкома, 1927. — 221 с.

Литература

1. *Жиромская В. Б.* Советский город в 1921—1925 гг. : проблемы социальной структуры / В. Б. Жиромская. — Москва : Наука, 1988. — 166 с.
2. *Камардин И. Н.* Пьянство среди рабочих Поволжья в период нэпа / И. Н. Камардин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2011. — № 4. — С. 26—32.
3. *Кринко Е. Ф.* Повседневный мир советского человека 1920—1940-х гг. : жизнь в условиях социальных трансформаций / Е. Ф. Криненко, И. Г. Тажидинова, Т. П. Хлынина. — Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. — 359 с. — ISBN 978-5-4358-0019-7.
4. *Кулинич Н. Г.* Повседневная культура горожан советского Дальнего Востока в 1920—1930-е годы / Н. Г. Кулинич. — Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2010. — 375 с. — ISBN 978-5-7389-0863-7.
5. *Лебина Н. Б.* Пассажиры колбасного поезда : этюды к картине быта российского города : 1917—1991 / Н. Б. Лебина — Москва : Новое литературное обозрение, 2019. — 574 с. — ISBN 978-5-4448-0948-8.
6. *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города : Нормы и аномалии. 1920—1930-е годы / Н. Б. Лебина. — Санкт-Петербург : Журнал «Нева» : Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1999. — 316 с.
7. *Людтке А.* История повседневности в Германии : Новые подходы к изучению труда, войны и власти / А. Людтке. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 268 с. — ISBN 978-5-8243-1405-2.
8. *Орлов И. Б.* Образ нэпмана в массовом сознании 20-х гг. : мифы и реальность / И. Б. Орлов // Новый исторический вестник. — 2002. — № 6. — С. 29—42.
9. *Орлов И. Б.* Советская повседневность : исторический и социологический аспекты становления : монография / И. Б. Орлов. — Москва : ВШЭ, 2010. — 316 с. — ISBN 978-5-7598-0701-8.
10. *Советская Россия в 20-е гг. : НЭП, власть большевиков и общество / С. И. Голотик, А. Б. Данилин, Е. Н. Евсеева, С. В. Карпенко // Новый исторический вестник.* — 2000. — № 2. — С. 122—181.

*Статья поступила в редакцию 04.04.2024,
одобрена после рецензирования 17.05.2024,
подготовлена к публикации 21.05.2024.*

Material resources

- Aloev, P. (1922). Household essays. Working life. *Nizhny Novgorod commune*, 294. December 24. (In Russ.).
- Artistic chronicles. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 73. March 30. (In Russ.).
- By clubs. (1923). *Art and stage*, 7. March. (In Russ.).
- By theaters. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 56. March 9th. (In Russ.).
- Chicherov, I. (1924). *Corner Without a God. Komsomol Easter. Young army*, 17. April 11. (In Russ.).
- Collection of laws and regulations of the Worker's and Peasant's Government for 1922. Department one / People. The Commissariat of Justice*, 18. (1950). Moscow: [b. i.], 1934 S. (In Russ.).
- Collection of laws and regulations of the Worker's and Peasant's Government of the RSFSR for 1925 Department one / People. The Commissariat of Justice*. Moscow: [b. i.], [b. g.]. 568 p. (In Russ.).
- D. V. (1923). Village chastushki and Komsomol (Household picture). *Young army*, 6. March 11. (In Russ.).
- First-class restaurant "Metropol". (1923). *Art and stage*, 2. January. (In Russ.).
- From darkness to light — and back. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 294. December 24. (In Russ.).
- Kamardin, I. N. (2011). Drunkenness among the workers of the Volga region during the NEP period. *Izvestia of higher educational institutions. The Volga region. Humanities*, 4: 26—32. (In Russ.).
- Libretto of cinema. Sellers of souls. (1923). *Art and the stage*, 5. February. S. 19. (In Russ.).
- Literary page. (1923). *Art and the stage*, 2. January. 15—18. (In Russ.).
- Maisky, K. (1924). Storming. How was the Komsomol Easter. *Young army*, 21—22. May 9. (In Russ.).
- Olymp restaurant. (1921). *Nizhny Novgorod commune*, 277. December 6. (In Russ.).
- On the ground. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 251. November 4. (In Russ.).
- On the ground. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 268. November 24. (In Russ.).
- On the ground. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 54. March 7. (In Russ.).
- On the ground. Funny chronicle. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 265. November 21. (In Russ.).
- Our playpen has danced. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 297. December 27. (In Russ.).
- Private capital in the national economy of the USSR*. (1927). Moscow; Leningrad: Promizdat JSC. 566 p. (In Russ.).
- Private capital in the national economy of the USSR: Materials of the Commission of the Supreme Economic Council of the USSR*. (1927). Moscow; Leningrad: Promizdat JSC. 566 p. (In Russ.).
- Schultz, F. F. (1927). *Ten years of Soviet power in the Nizhny Novgorod province 1917—1927*. Nizhny Novgorod: Edition of the Nizhny Novgorod Executive Committee. 221 p. (In Russ.).
- Shelgunov, A. (1923). Atheists. *Young army*. June 13—14. (In Russ.).
- Sormovich. (1923). How we spent Komsomol Christmas. *Young army*, 2. January 18. (In Russ.).
- Strictly speaking ... without saying anything. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 74. March 31. (In Russ.).
- The 7th provincial conference of trade unions. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 50. March 2. (In Russ.).

The black sheep out of the herd. (1923). *Nizhny Novgorod Commune*, 129. June 9th. (In Russ.).

The Criminal Code of 1922. (1922). Moscow: Publication of the Military Collegium of the Supreme Tribunal of the Central Executive Committee. 26 p. (In Russ.).

The moonshine trial. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 272. November 29. (In Russ.).

The results of the All-Union urban Census of 1923. (1924—1925). Moscow: [b. i.]. 155 p. (In Russ.).

The revival of the symphony orchestra. (1923). *Art and the stage*, 1. January. 14—15. (In Russ.).

Theaters of Nizhny Novgorod in 1922. (1923). *Art and stage*, 3—4. January. P. 5. (In Russ.).

Worker Victor. In the forge of the Revolution. (1923). *The Young Army*, 18. July 27. (In Russ.).

Worker's party. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 297. December 27. (In Russ.).

Working life. (1922). *Nizhny Novgorod Commune*, 296. December 26. (In Russ.).

References

- Golotik, S. I., Danilin, A. B., Evseeva, E. N., Karpenko, S. V. (2000). Soviet Russia in the 20s: NEP, the power of the Bolsheviks and society. *New Historical Bulletin*, 2: 122—181. (In Russ.).
- Kamardin, I. N. (2011). Drunkenness among workers of the Volga region during the NEP period. *Izvestia of higher educational institutions. The Volga region. Humanities*, 4: 26—32. (In Russ.).
- Krinko, E. F., Tazhidinova, I. G. (2011). *The everyday world of the Soviet man of the 1920s—1940s: life in conditions of social transformations*. Rostov-on-Don: Publishing House of the YUNTS RAS. 359 p. ISBN 978-5-4358-0019-7. (In Russ.).
- Kulinich, N. G. (2010). *Everyday culture of the citizens of the Soviet Far East in the 1920s—1930s*. Khabarovsk: Publishing House of TOGU. 375 p. ISBN 978-5-7389-0863-7. (In Russ.).
- Lebina, N. B. (1999). *Daily life of the Soviet city: Norms and anomalies. 1920—1930s*. St. Petersburg: Neva Magazine: Publishing and trading house “Summer Garden”. 316 p. (In Russ.).
- Lebina, N. B. (2019). *Passengers of the sausage train: sketches for a picture of the life of a Russian city: 1917—1991*. Moscow: New Literary Review. 574 p. ISBN 978-5-4448-0948-8. (In Russ.).
- Ludtke, A. (2010). *The history of Everyday life in Germany: New approaches to the study of labor, war and Power*. Moscow: ROSSPEN. 268 p. ISBN 978-5-8243-1405-2. (In Russ.).
- Orlov, I. B. (2010). *Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation: monograph*. Moscow: HSE. 316 p. ISBN 978-5-7598-0701-8. (In Russ.).
- Orlov, I. B. (2002). The image of Nepman in the mass consciousness of the 20s: myths and reality. *New Historical Bulletin*, 6: 29—42. (In Russ.).
- Zhiromskaya, V. B. (1988). *The Soviet city in 1921—1925: problems of social structure*. Moscow: Nauka. 166 p. (In Russ.).

*The article was submitted 04.04.2024;
approved after reviewing 17.05.2024;
accepted for publication 21.05.2024.*

Информация для цитирования:

Файзуллина Г. Ч. Мусульмане Тобольской губернии во второй половине XIX века : динамика брачности / Г. Ч. Файзуллина, Е. Н. Ермакова, Л. Х. Фаизова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 529—549. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-529-549.

Faizullina, G. Ch., Ermakova, E. N., Faizova, L. K. (2024). Muslims of Tobolsk Province in Second Half of 19th Century: Marriage Dynamics. *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 529-549. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-529-549. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Мусульмане Тобольской губернии во второй половине XIX века: динамика брачности

Файзуллина Гузель Чахваровна

orcid.org/0000-0002-2721-4063

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры
педагогического, психологического
и социального образования
utgus@mail.ru

Ермакова Елена Николаевна

orcid.org/0000-0002-6454-6745

доктор филологических наук,
профессор кафедры
филологического образования,
корреспондирующий автор
ermakova25@yandex.ru

Фаизова Лилия Харисовна

orcid.org/0009-0004-8686-878X

кандидат филологических наук,
доцент кафедры
педагогического, психологического
и социального образования
l.k.faizova@utmn.ru

Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке Российского научного фонда
№ 23-28-00838 «Мусульманские
метрические записи Тобольской
губернии XIX — начала XX вв.
в историко-лингвистическом аспекте»

Muslims of Tobolsk Province in Second Half of 19th Century: Marriage Dynamics

Guzel Ch. Faizullina

orcid.org/0000-0002-2721-4063

Doctor of Philology,
Associate Professor,
Professor, Department of Pedagogical,
Psychological and Social Education
utgus@mail.ru

Elena N. Ermakova

orcid.org/0000-0002-6454-6745

Doctor of Philology,
Professor, Department
of Philological Education,
Corresponding author
ermakova25@yandex.ru

Liliya Kh. Faizova

orcid.org/0009-0004-8686-878X

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Pedagogical,
Psychological and Social Education
l.k.faizova@utmn.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00838
“Muslim metric records of Tobolsk
province XIX — early XX century
in the historical-linguistic aspect”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется содержание рукописных памятников — мусульманских метрических книг середины XIX века мечети юрт Комаровских Тобольской губернии. Выполнен анализ второй части, включающей в себя сведения о браках и разводах. Работа продолжает предшествующие исследования авторов — анализ данных о рождаемости по первой части метечных книг. Новизна работы видится в том, что впервые в научный оборот вводятся данные о браках и разводах жителей Западной Сибири, принадлежащих к одной этнической группе: прихожанами мечети были бухарцы — переселенцы из Средней Азии. Проанализировано 116 записей о браках и шесть — о разводах. Статистика позволяет утверждать, что институт брака был стабильным. Представлены результаты анализа возраста брачующихся, выявлены условия бракосочетания и суммы выплачиваемого махра, причины развода. Уделяется внимание многоженству. Доказано, что, несмотря на отсутствие в XIX веке у татарского населения фамилий, фиксация в метечных книгах имен брачующихся, имен их отцов и свидетелей, сословной принадлежности позволяет идентифицировать каждую личность. Брачные контакты с представителями других конфессий в анализируемый период не зафиксированы. Актуальность исследования обусловлена тем, что анализ сведений о браках и разводах вносит новые подробности в картину традиционной брачной обрядности мусульман, позволяет судить о социальных процессах на определённой территории в указанный период.

Ключевые слова:

мусульманские метечные книги; Комаровская мечеть; Тобольская губерния; бухарцы; сарты; брачность; разводы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study presents an analysis of the content of handwritten records from Muslim metric books of the mid-19th century at the Komarovskaya Yurt Mosque in Tobolsk Province. The analysis focuses on the second part, which includes information on marriages and divorces. Building upon previous research analyzing birth data from the first part of mosque records, this work introduces, for the first time, data on marriages and divorces of residents of Western Siberia belonging to a single ethnic group: the mosque's parishioners were Bukharans — migrants from Central Asia. A total of 116 marriage records and six divorce records were analyzed. The statistics suggest that the institution of marriage was stable. The study reveals the ages of those getting married, marriage conditions, dowry amounts paid, reasons for divorce, and polygamy practices. It is proven that despite the lack of surnames among the Tatar population in the 19th century, recording the names of marrying individuals, their fathers, witnesses, and social status in mosque records allows for the identification of each individual. Interfaith marriage contacts were not recorded during the analyzed period. The relevance of this research lies in providing new insights into Muslim marriage customs and social processes in a specific territory during the specified period.

Key words:

Muslim mosque records; Komarovskaya Mosque; Tobolsk Province; Bukharans; Sarts; marriage dynamics; divorces.

УДК 94:[314.5:28](571.12)“185”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-529-549

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Мусульмане Тобольской губернии во второй половине XIX века: динамика брачности

© Файзуллина Г. Ч., Ермакова Е. Н., Фаизова Л. Х., 2024

1. Введение = Introduction

К числу достоверных источников, позволяющих проанализировать эволюцию общества, относятся метрические книги, в которых фиксировались акты гражданского состояния (рождения, браки, смерти). Ведение метрических книг законодательно было предписано решением Московского церковного собора 1666—1667 года, однако обязательное ведение книг началось лишь с 1722 года. Значительно позднее был введен обязательный учет актов гражданского состояния и для населения других конфессий. Для российских мусульман предписания были введены в действие с 21 сентября 1828 года, когда высочайше было утверждено положение Комитета министров «О введении в употребление метрических книг по округу Оренбургского магометанского духовного собрания» (ОМДС), которое возложило на приходских мулл государственные полномочия по регистрации актов гражданского состояния [Денисов, 2012, с. 90]. Действие положения распространялось на все губернии, подведомственные ОМДС и Таврическому муфтию (до образования Таврического магометанского духовного правления) [Салахова, 2018, с. 86]. Тобольская губерния, самая территориально значимая, подчинялась ОМДС. Одно из существенных отличий мусульманских метрических книг от православных в том, что, кроме браков, в мечетных книгах фиксировались и разводы.

Несмотря на то, что заполнение мечетных книг было достаточно лаконичным и стандартизированным, а для записей в основном использовались клише, все же языковой материал этих источников обладает большим научным потенциалом. Метрические книги представляют несомненный интерес как в лингвистическом, так и в историческом плане. Детальный анализ рукописных источников раскрывает большие возможности для реконструкции именника XIX века, его словообразовательных возможностей, истории установления норм брачных отношений, оценки динамики благосостояния населения, демографических процессов, наконец, воссоздания общей атмосферы определенного периода. Отметим,

что в других архивных документах того времени такой информации не содержится.

На этапе присоединения Сибири к России (конец XVI—XVII веков) население Тобольской губернии было этнически неоднородным. Здесь проживали коренные народы (тюрки, финно-угры и самодийцы); стали возникать русские города (Тюмень, Тобольск, Тара и другие). Но московское государство еще не в состоянии было обеспечить свои окраины всеми необходимыми товарами, поэтому в Сибири была велика потребность в среднеазиатских товарах. «Покровительство царя способствовало появлению в Сибири и узбекских послов, целью которых было развитие торговых отношений с Россией. Царское правительство разрешило им не только торговать, но и селиться на территории Сибири» [Зияев, 1983]. Значительную часть переселенцев на территории Тобольского уезда составляли бухарцы, выходцы из Средней Азии. Им были предоставлены довольно большие льготы, что было продиктовано стремлением царского правительства не только удовлетворить потребность местного населения в среднеазиатских товарах, но и привлечь бухарцев на свою сторону [Там же]. В основном бухарцы проживали совместно с ясачными и служилыми татарами, но были и собственно бухарские селения. К такому монопоселению относятся юрты Комаровские (Комау).

Объект нашего исследования — рукописные метрические книги мечети юрт Комаровских; предмет — брачность среди мусульман двух населенных пунктов Бухарской волости Тобольского уезда Тобольской губернии — юрт Комаровских и Араповских.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материал для исследования — мусульманские (мечетные) метрические книги, которые велись при Комаровской мечети имамом Суюджаки, сыном Габдельгазиза, на старотатарском языке арабской графикой¹ в период с 1835 по 1852 годы, с 1854 по 1862 годы. Значение этих рукописных памятников деловой письменности XIX — начала XX веков трудно переоценить. В фондах Тобольского архива к настоящему времени обнаружены не все книги за анализируемый период. Однако недостающие источники были также изучены. Этому способствовало то, что в соответствии с Указом Сената от 21 сентября 1828 года приходские имамы получали по два экземпляра метрических книг, оба из которых заполняли. Копии они оставляли у себя, а оригиналы отправляли не позднее февраля следующего года в ОМДС. Весной 1918 года ведение метрических книг было изъято

1 Перевод со старотатарского языка и транслитерация выполнен Э. Х. Кадировой; перевод на русский язык выполнен Г. Ч. Файзуллиной.

у мусульманского духовенства и передано в местные Советы. В настоящее время оригиналы рукописных памятников — мечетные книги Тобольской губернии XIX — начала XX веков хранятся в «Национальном архиве Республики Башкортостан». Работа в архивах городов Тобольска и Уфы позволила восстановить содержание практически всех Комаровских мечетных книг Тобольской губернии за указанный период. Необнаруженными, возможно, утраченными безвозвратно, оказались все три части (о рождении, браках / разводах, об умерших) за 1853 год.

Безусловно, магометанские книги были объектом внимания ученых. Особая сложность заключается в том, что мечетные книги XIX века заполнялись на старотатарском языке арабской графикой, соответственно, такие тексты недоступны широкому кругу ученых. И все же в отечественной научной традиции — историографической, лингвокультурологической — сложился определённый круг тем. О значимости мечетных книг говорит А. К. Бустанов [Бустанов, 2013]; Д. Н. Денисов описал роль мусульманского духовенства в выполнении отдельных государственных полномочий, действие которых отражено в метрических книгах [Денисов, 2012]. Э. К. Салахова рассматривает структуру мусульманских книг России [Салахова, 2016; Салахова, 2018], более детальный анализ содержания мечетных книг г. Астрахани позволил автору рассмотреть их как источник изучения татарской общины [Салахова, 2016]. В. В. Перинов анализирует метрические книги Верхнеудинской мечети в историческом аспекте [Перинов, 2009]; Ф. Б. Батыргареев на основе метрических книг представил материал о состоянии и развитии татарского общества города Твери в период с 1905 по 1918 годы [Батыргареев, 2019]. Р. А. Гаптрахимов, Р. Р. Файзрахманов, И. Ф. Шафиков анализируют браки в правовом поле шариата и законодательства Российской империи среди мусульман сельской местности Волго-Уралья во второй половине XIX века на материалах метрических книг деревни Красная Кадка, их исследование посвящено одному из свадебных обрядов — переезду невесты из дома отца в дом мужа [Гаптрахимов и др., 2018]. Другие данные этих же источников проанализированы в работе И. Х. Аюповой, она описала условия церемонии браков, возраст и местожительство брачующихся, сумму махра и др. [Аюпова, 2018]. А. В. Бобицкий по материалам метрических книг охарактеризовал брачность мусульман Екатеринбурга в начале XX века [Бобицкий, 2019]. Г. Ч. Файзуллина, З. А. Тычинских, Л. Х. Фаизова анализируют социокультурный облик сибирских бухарцев в XIX — начале XX веков по материалам мечетных книг юрт Комаровских Тобольской губернии [Файзуллина и др., 2023]. В работе Р. Р. Кутушева изложена история формирования в Центральном государственном историческом архиве Республики Башкортостан собрания метрических книг за 1829—1919 годы [Кутушев, 2012].

Выбор в качестве источника метрических книг Комаровской мечети обусловлен несколькими причинами: во-первых, хронологически систематизированы и проанализированы мечетные книги за определенный период; во-вторых, сохранность книг этого периода к настоящему времени позволяет судить о достоверности записей; в-третьих, все записи за анализируемый период сделаны одним человеком — указным имамом Суюджабаки сыном Габдельгазиза, что позволяет переводчику избежать неточностей или вариантивного прочтения; в-четвертых, большинство жителей юрт Комаровских принадлежат к одной этносословной группе, что исключает влияние произношения разных наречий во время фиксации сведений (особенно это касается антропонимов). Кроме того, имам Суюджабаки сын Габдельгазиза по происхождению бухарец. Это также дает основания предположить, что при записи сведений прихожан не было расхождений при восприятии устной речи говорящего и пишущего (или они были минимальны), что, несомненно, проявилось бы в том случае, если бы священнослужитель и его прихожане использовали разные языки, разные наречия и говоры.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Бухарцы в Западной Сибири

Тобольская губерния в XIX веке была одной из самых больших по охвату территории, что обусловило проживание в этом регионе этнически, религиозно и сословно неоднородного населения. Расселение также было неоднородным: в одних населенных пунктах могли селиться жители разных национальностей, в других — жители одной национальности. Наше внимание обращено на этносословную группу жителей Западной Сибири — бухарцев, выходцев из Средней Азии. Бухарцами в Сибири обобщенно называли переселенцев из Самарканда, Ургенча, Бухары, Сайрама и других городов, это были представители разных национальностей — таджиков, узбеков, уйгуров, каракалпаков, казахов и др. [Ермакова и др., ... 2022, с. 22]. В обиходе и делопроизводстве Российской империи купцы из Бухары, Ташкента и других городов Средней Азии именовались «бухарскими», такое наименование мотивировано соотносительностью с родиной переселенцев и страной происхождения привозимых ими товаров, а значит, с топонимом *Бухара*. Так как выражение *бухарские купцы* использовалось местным населением для обозначения представителей среднеазиатских народов, занимающихся торговлей, со временем в русском языке появилось и обобщенное их наименование — *бухарцы*, оказавшееся наиболее приемлемым и для самих выходцев из Средней Азии. Именно оно закрепилось как название для формирующейся этносословной группы. При индивидуальном самонаименовании представители этносословно-

го сообщества использовали словообразовательные варианты: *бухар-ич* / *бухар-дин* / *бухар-тин*. В Сибири бухарцы имели еще одно название — *сарты* (фонетический вариант — *сарды*, обусловленный влиянием языка сибирских татар) [Ермакова и др., 2022, с. 20—22].

В Западную Сибирь бухарцы попадали в основном с торговыми караванами, занимались торгово-экономической деятельностью. Поскольку важность налаживания торговых связей с восточными странами была очевидной, в конце XVI века был издан царский указ: «... в случае их приезда сразу же освобождать их от платежа таможенных пошлин и оказывать им почет и дружбу, ни в коем случае не допуская жалоб и исков с их стороны» [Миллер, 2000, с. 16]. Такое привилегированное положение бухарцев приводило к тому, что многие из них оставались на постоянное жительство, заводили семьи, женились на местных татарках. Оседлый образ жизни обусловил появление у бухарцев и других видов деятельности: земледельчества, скотоводства, различных ремесел и промыслов. Но и традиционные занятия не были оставлены: бухарцы занимались кожевенным делом, изготовлением ковров, ювелирным делом. Переселенцы, имеющие духовное образование, открывали в Сибири мекбеты при мечетях и медресе, при этом выступали не только в роли миссионеров, проповедующих и распространяющих ислам, но и в роли учителей, обучающих грамоте татарское население. Численность бухарцев к середине XIX века была весьма значительной (около одной пятой части всего тюрко-татарского населения Тобольской губернии). Бухарцы внесли большой вклад в развитие экономических и политических связей России не только со Средней Азией, но и с другими восточными странами [Зияев, 1968, с. 72]. В течение XX века бывшие переселенцы из Средней Азии ассимилировались с местными татарами, внося существенный вклад в становление культуры тюркского населения Сибири и став значимым этническим компонентом в структуре этноса сибирских татар [Ермакова и др., ... 2022, с. 20].

3.2. Юрты Комаровские Тобольского уезда

К концу XIX века в составе Тобольского уезда Тобольской губернии насчитывалась 61 волость. В состав каждой волости входило разное количество населенных пунктов (от 7 до 48), причем отнесение населенного пункта к определенной волости было обусловлено не географическим местоположением, а этническим составом жителей. В результате такого обоснования один и тот же населенный пункт мог относиться сразу к нескольким волостям (по нашим наблюдениям, в Тобольском уезде — до четырех). Бухарцы проживали в основном вместе с ясачными и служилыми татарами в 55 населенных пунктах, в этом случае поселение относилось, наряду с какой-либо другой волостью (другими волостями), и к Бухарской

волости. Но были и собственно бухарские поселения, к одному из таких относятся юрты Комаровские (Комарау), это поселение характеризуется принадлежностью только к одной волости — Бухарской.

И все же заметим, что с точностью утверждать, что в юртах Комаровских проживали только бухарцы, на наш взгляд, нельзя. С одной стороны, в мечетных книгах указывалась принадлежность жителей к сословной группе бухарцев / сартов: *Расала дочь сарта Мухаммедрузия, Шатай дочь бухарца Магди, сарт Мухаммедгали сын Асирбабы*. С другой стороны, мулла мог указать занятие жениха *земледелец Нияз сын Габдельджамала, урядник Ният сын Сафарбаки*. В отдельных случаях нет никакого указания ни на сословную принадлежность, ни на род занятий. Но, например, учитывая, что бухарцы стремились к сохранению своей общности, фиксация бракосочетания *Бадретдина сына Ниязбаки с Шатай дочерью бухарца Магди* позволяет предположить, что семья Бадретдина сына Ниязбаки также принадлежала к сословию бухарцев.

Комаровские юрты располагались в 22 верстах от губернского города Тобольска. По данным IX ревизии, к середине XIX века в юртах проживало 262 человека. Значимость села была обусловлена расположением в нем мечети, прихожанами которой являлись жители двух населенных пунктов: Комаровских юрт (Комарау аул) и Араповских юрт (Хан аул).

3.3. Брачность в среде мусульман

Фиксация таинства брака (никаха) осуществлялась во второй части мечетной книги (в то время как первая часть включала сведения о рождении).

Вторая часть состояла из двух разделов. Первый раздел «Сведения о брачующихся» содержит следующие записи в виде таблицы: 1) сведения о сочетающихся браком (никахом): имя и возраст невесты; происхождение / сословие и имя отца невесты; место жительства невесты; имя и возраст жениха; имя, происхождение / сословие отца жениха, место его жительства, 2) дата никаха, 3) сведения о доверенных лицах (свидетелях), 4) сумма выкупа за невесту, подписи доверенных лиц, подтверждающих получение выкупа, 5) подпись имама, прочитавшего никах, указание его места жительства. Второй раздел — «Сведения о разводах». В книгах Комаровской мечети записи о разводах располагались на отдельном листе, вслед за записями о брачующихся. Фиксация развода также оформлена в виде таблицы: 1) сведения о разводящихся; 2) дата и месяц; 3) причина развода; 4) свидетели; 5) кто принял решение.

В метрических книгах юрт Комаровских за анализируемый период (27 лет) зафиксировано 116 браков и 6 разводов. Небезынтересны, на наш взгляд, сведения о периодах фиксации браков. Наиболее часто браками сочтались в январе (в нашем материале — 20 браков, 17,2 % от общего ко-

личества браков), в октябре и декабре (по 15 браков, 13 %). За 27 лет только однажды никах состоялся в феврале, в августе не было зафиксировано ни одного брака. Полученные данные представлены на диаграмме (рис. 1).

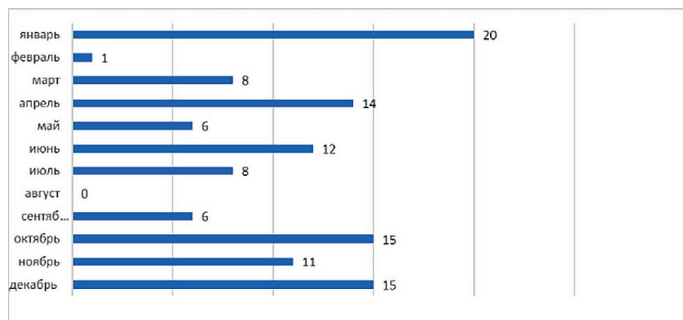

Рис. 1. Количество браков в соответствии с месяцем регистрации

Брачный возраст, установленный Указом Сената и действующий в России с 22 марта 1835 года, распространялся и на мусульман (для вступающих в брак мужчин — 18 лет, женщин — 16 лет) [Свод..., 1912].

Анализ полученных сведений позволяет утверждать, что нарушений брачного возраста в анализируемый период не было. Мало того, в метрических книгах не обнаружено ни одной записи, где было бы упомянуто о невесте 16-ти лет. Ученые предполагают, что, возможно, это объясняется тем, что женщину принимали в семью как будущую мать и работницу, а слишком юный возраст невесты мог вызывать сомнения в её способности выполнять эти функции. Однако количество женщин, вступивших в брак в возрасте от 17 до 20 лет, преобладало (50,9 %), мужчины вступали в брак чаще в возрасте 21—25 лет (28,7 %). Возраст вступления в брак женщин в нашем материале ограничен 55-ю годами, что, вероятно, обусловлено несколькими причинами: во-первых, детородным возрастом, во-вторых, физической возможностью ведения хозяйства. Возраст мужчины, вступающего в брак, в нашем материале — до 68 лет. Среднестатистические данные представлены далее (табл. 1).

Кроме представленных данных, мы проанализировали материал еще по двум критериям: 1) муж старше жены; 2) жена старше мужа. В первом случае мы принимали в расчет только те браки, в которых мужчина старше жены на 10 и более лет. Таких браков, по нашим данным, 26 (22,4 %), разница в возрасте — от 10 до 37 лет. Так, например, невесте *Суюджбике дочери бухарца Якуба* 21 год, жениху *бухарцу Миргали сыну Мухутдина* 58 лет (1839 год). Такие браки, как правило, были обусловлены материаль-

Таблица 1

Количество женщин / мужчин в соответствии с возрастом
при вступлении в брак

Возраст (лет)	Количество женщин (человек)	%	Возраст (лет)	Количество мужчин (человек)	%
17—20	55	50,9 %	17—20	17	15,7 %
21—25	23	21,3 %	21—25	31	28,7 %
26—35	12	11,1 %	26—35	27	25 %
36—45	15	13,9 %	36—45	18	16,7 %
50—55	3	2,8 %	46—55	7	6,5 %
нет сведений	8		56—68	8	7,4 %
			нет сведений	8	

ными интересами сторон. Значительная разница в возрасте прослеживается в основном при условии социальной значимости жениха. Приведем примеры: невеста — *Бинакай дочь казака Курбанбаки, 18 лет*, жених — *казак, отставной урядник Алим сын Курымишика, 43 года*; невеста — *Камнияз дочь казака Габдельвали, 19 лет*, жених — *имам прихода Исмагил сын Руджана, 48 лет*; невеста — *Гульбада дочь сарта Ниязмухаммеда, 18 лет*, жених — *отставной урядник Ибнеамин сын Хамзы, 52 года*.

Во втором случае (женщины старше мужчины) — 9 браков (7,8 %). Учитывалась разница в возрасте от трех до десяти лет. Приведем пример самого «неравного» брака: невесте *Магсуме дочери сарта Накиба 35 лет*, жениху *сарту Муратгали сыну Ибрагима — 25 лет (1862 год)*. Незначительно количество браков в нерепродуктивном возрасте и невесты, и жениха; вероятно, это не первые браки с обеих сторон.

Указание на виды деятельности, сословное деление брачующихся не было обязательным условием для заполнения в метечных книгах. ОМДС рекомендовало указывать социальную принадлежность родителя (отца) только в случаях, если он являлся мещанином, дворянином или почетным гражданином. Однако в Комаровских метечных книгах достаточно часто встречаем указание на род занятий: *земледелец Атимган сын Халиля, казак отставной урядник Алим сын Кармышака, указной имам Суюджбаки сын Габдельгазиза, урядник Ният сын Сафатбаки, отставной казак Калбай сын Саидкуля, служилый казак Аитмаммет сын Учкуртки, податной Мухаммедгали сын Мурзы, ясачный (земледелец) Адрас сын Халиля, Шамал дочь купца третьей гильдии Абуталипа*.

Компактное проживание переселенцев из Средней Азии и их потомков в юртах Комаровских, по-видимому, сыграло решающую роль в случае заключения брака между женихом и невестой, принадлежавшими к одной и той же этнической группе — бухарцам (сартам). Это отражено в метрических книгах: в большинстве случаев мужское имя предваряет этническое наименование *бухарец* / *сарт*, например: *сарт Нигматулла сын Рахматуллы*, *Бибиджамал дочь сарта Абуталипа*, *Шамсениса дочь бухарца Мухаммедбаки*. Брачные контакты с представителями других конфессий в анализируемый период не зафиксированы.

Раздел регистрации брака позволяет раскрыть традиции и особенности свадебных обрядов. Так, до таинства брака допускались только мужчины. Главными доверенными (свидетелями), как правило, являлись отцы / отчиму с обеих сторон, опекуны, близкие родственники мужского пола. Сам жених также имел право быть доверенным (свидетелем) на церемонии своего бракосочетания. В графе 5 «Кто прочитал никах» свою подпись и заверение в этом ставил мулла: *В подтверждение мной никаха поставил подпись имам Суюджбаки сын Габдельгазиза из селения Комаровские Тобольской губернии*.

Говоря о браках в среде мусульман, нельзя не затронуть вопрос о многоженстве. Как правило, вторую (в нашем материале — третью) жену муж брал, если первая болела или была бесплодна, причем при условии согласия первой жены. Еще одной причиной многоженства являлась смерть мужа женщины, в этом случае брат (как правило, младший) брал на себя обязательство содержания семьи умершего и, как следствие, женился на вдове. Двоежёнство отмечено нами в шести записях, во всех случаях невеста младше жениха.

Обратим внимание, что, несмотря на рекомендации ОМДС указывать, каким по счету является брак, в Комаровских метрических книгах такой отметки нами не обнаружено. Статистика повторных браков представляется нам, с одной стороны, не совсем достоверной, так как, во-первых, в XIX веке татары не имели фамилий [Файзуллина и др., 2019, с. 70], что, конечно же, затрудняет исследование в этой области, во-вторых, наши наблюдения основываются на материале, ограниченном сравнительно небольшим для таких выводов хронологическим периодом. С другой стороны, у бухарцев, живших в юртах Комаровских и Араповских, достаточно обширный и разнообразный именной фонд, что практически исключает омонимию в сфере имен. В нашем материале дважды повторяются только семь мужских имен и пятнадцать женских. К слагаемым, идентифицирующим личность вступающих в брак, кроме собственно имен жениха и невесты, относятся имена отца невесты и жениха, указание возраста брачующихся и места их жительства.

В нашем материале повторный брак зарегистрирован среди мужчин семь раз, среди женщин — шесть раз. Трижды за этот период женился *сарт Габдельназир сын Муратбаки* (возраст не указан) из селения Комаровские, причем дважды в 1837 году: 5 января — невеста *Бибустан дочь Мухаммеризы*, возраст не указан; 20 мая — невеста *Махифируза, дочь сарта Рахимкула сына Авнака*, возраст не указан; третий раз — в 1839 году в возрасте 33-х лет — невеста девятнадцатилетняя *Шамсениса дочь бухарца Якуба*.

Повторному браку женщины в трех случаях предшествовала смерть первого мужа. Так, например, в 1843 году зафиксирован брак семнадцатилетней *Зульхамиды дочери Мирсана сына Марака* и сорокатрехлетнего *Карымшака сына Нияза*. В записях 1846 года находим записи о смерти *Карымшака* (причина смерти — астма). В 1849 году *Зульхамида дочь Мирсана сына Марака* второй раз выходит замуж за тридцатилетнего *Салих-мумглу сына Шагбана*.

3.4. Выплата махра как традиционное условие никаха

При вступлении в брак каждый мусульманин должен был заплатить сумму выкупа за невесту. У сибирских татар понятия *калым* и *махр* были тождественны и рассматривались как выкуп за невесту [Валеев, 1993, с. 160]. Калым включал в себя определенную сумму денег, одежду, обувь, головные уборы для невесты, корову, теленка, овец на забой для свадьбы; лошадь для отца невесты; отрез материи для матери невесты; продукты на свадьбу (мясо, муку, масло) [Бакиева, 2014, с. 119]. Калым вручался отцу невесты, однако он не распоряжался им, а передавал все дочери. Махр являлся личным капиталом женщины, которым она могла распорядиться по своему усмотрению. При разводе она могла сохранить свой капитал [О форме ведения..., 1916, с. 22—27]. Махр не относится к юридической стороне бракосочетания и, скорее, является просто обязательной традицией. Размер махра зависел от социального статуса и состоятельности жениха и его семьи. Данные «Статистического обозрения Сибири...» свидетельствуют о брачных обязательствах сибирских татар следующим образом: «За жен они дают калым, то есть плату, состоящую в скоте, деньгах и одежде от 20 руб. до 500 руб.» [Статистическое..., 1810, с. 116]. И. Н. Юшков, описывая быт тобольских татар, указывал, что калым (махр) устанавливался «... смотря по достоинствам невесты и состоянию ее отца, бывает ценой от 30 до 500 рублей серебром и более и выплачивается деньгами, скотом или товарами» [Юшков, 1861, № 45].

Близость проживания, контакты, единство государственности и религии обусловили тот факт, что традиции выплаты махра в сфере брачных отношений бухарцев были те же, что и у других мусульман, например ко-

ренных тюрок (по терминологии Патканова). Часть махра по соглашению сторон могла быть выплачена после прочтения никаха, *в то время, когда попросит ... (имя невесты)*, — в нашем материале это 44 случая (38 %). В мечетных книгах велась строгая учетность выплат: фиксировалась уплаченная и «ожидаемая» суммы.

Сведения о махре в Комаровских мечетных книгах приводятся в четвертом столбце «Основные условия никаха». Как показывают наши наблюдения, сумма махра, выплаченная женихами за период с 1835 по 1862 годы, была неравнозначной: от 25 рублей (в одном случае) — до 500 рублей (в четырех случаях). Мы попытались приблизительно представить суммы выкупа за невест в среднем (Табл. 2).

Таблица 2

Сведения о суммах махра

Сумма махра	Количество выплат махра	%
25—99 руб.	22	19,0
100—199 руб.	33	28,4
200—299 руб.	26	22,4
300—399 руб.	20	17,2
400—500 руб.	15	30,0

Нельзя не заметить, что среднестатистический анализ браков, скрепленных никахом, и сумм махра позволяет провести оценку благосостояния общины бухарцев в тот или иной период. При этом не удалось определить материальные возможности брачующихся по их принадлежности к отдельным социальным группам либо к группам людей, имеющих один и тот же род занятий. Это связано, во-первых, с тем, что не всегда в книге указывалось социальное положение (только в отдельных записях встречаем: купец *Калмухаммед сын Джунбая*, мелла *Мухаммедрузи сын Гумера*, урядник *Ният сын Сафарбаки*, казак *Абусадык сын Курбанбаки*, указной имам *Сууджбаки сын Габдельгазиза*, имам прихода *Исмагил сын Раджана*, земледелец *Атимган сын Халиля*); во-вторых, брачующиеся, занимающие одно и то же социальное положение, могли выплачивать разные суммы. Так, например, суммы махра земледельцев в среднем составляли 100—150 рублей, однако земледелец *Ибрагим сын Сафаргалия* в 1860 году заплатил всего 25 рублей (причем из них только 15 в качестве первого платежа), в то время как земледелец *Габдельманнаф сын Мухаммедьяра* в этом же году заплатил 500 рублей единовременно.

По данным Ф. Т. Валеева, размеры калыма (махра) не были очень обременительными: «Среди них (татар) в этот период редко встречались случаи

нахождения холостого мужчины в женихах в течение нескольких лет из-за того, что не мог своевременно выплатить калым» [Валеев, 1993, с. 161].

Анализ выплаченных сумм позволяет сделать вывод о том, что более значимой была сумма махра за молодую невесту. Так, махры от 400 до 500 рублей были выплачены отцам невест в возрасте от 17-ти до 22-х лет, махры от 25 до 50 рублей — отцам невест в возрасте от 28-ми до 54-х лет. При втором браке сумма махра, как правило, меньше.

Интересной представляется сама процедура передачи махра. Во-первых, выплата являлась обязательной и осуществлялась до прочтения никаха. Во-вторых, передача денег происходила в присутствии доверенных (от двух до четырех). Доверенными (свидетелями) могли быть сам жених, отец / отчим или брат невесты, другие родственники. В случае если доверенные были неграмотными (в книге указывалось — *по причине незнания письма*), подпись за них в их присутствии ставил пятый доверенный (свидетель), как правило, тоже родственник невесты. Как показывает анализ, при внесении денег возможны три варианта: 1) сумма, оговоренная сторонами заранее, могла быть передана полностью, в нашем материале это только 15,5 %; 2) часть оговоренной суммы (в основном это 50 %) вносится до прочтения никаха, вторая часть («ожидаемая») — «в то время, когда попросит ... имя невесты, дочери ... имя отца»; 3) вся сумма — «в то время, когда попросит ... имя невесты, дочери ... имя отца». Представим наши наблюдения далее (табл. 3).

Интересными, на наш взгляд, являются сведения о суммах махра, выплаченных или полученных указным имамом Комаровской мечети Суюд-жабаки сыном Габдельгазиза. В мечетных книгах 1836 года и 1840 года зафиксированы его браки: 1) с *Бибиджамал* (сведений о возрасте нет), дочерью купца *Абуталина* (1836 год, сумма махра 150 рублей), 2) с *Махифрузой*, двадцати одного года, дочерью бухарца *Гидбаки* (1840 год, сумма махра 200 рублей).

В дальнейшем мулла сочетал браком своих детей, соответственно, он как отец получил следующие суммы махра: выдал замуж в 1848 году дочь *Бабитайфу* (18 лет), сумма махра 500 руб.; в 1861 году — дочь *Бибигалиму* (18 лет), сумма махра 400 руб.; в 1862 году — дочь *Бибизайнап* (17 лет), сумма махра 400 руб. В 1862 году мулла сочетал браком своего сына — сарта *Абубакира* (24 года), сын выплатил сумму махра своей невесте — 350 руб.

Размер махра, указанный при регистрации никаха, позволяет представить материальное состояние не только отдельной семьи, но и общества в целом. Сопоставительный анализ исторических данных (свидетельства о неурожайных годах; о стихийных бедствиях, например, крупных пожа-

Таблица 3

Соотношение возраста брачующихся, суммы махра
и последовательность его выплаты *

Год	Возраст женщины	Возраст мужчины	Сумма махра			
			всего	выплачена сумма полностью	выплачена первая часть	будет выплачена вторая часть
1836	нет сведений	нет сведений	150	150	—	—
	нет сведений	нет сведений	300	—	200	100
1937	нет сведений	нет сведений	100	—	50	50
	нет сведений	нет сведений	300	—	200	100
1838	25	20	45	45	—	—
	20	25	150	150	—	—
1839	38	47	50	50	—	—
	21	58	300	—	150	150
1840	43	45	50	50	—	—
	21	39	200	200	—	—
1841	28	31	40	—	20	20
	19	19	500	500	—	—
1842	17	44	45	45	—	—
	17	26	500	—	150	350
1843	17	22	150	—	75	75
	18	52	500	500	—	—
1844	42	58	100	100	—	—
	19	24	200	—	100	100
1845	37	29	45	—	—	45
	20	46	200	—	150	50
1846	38	44	45	—	—	45
	37	49	200	200	—	—
1847	18	22	150	—	75	75
	17	23	350	350	—	—
1848	35	42	120	—	90	30
	18	24	500	—	400	100
1849	29	23	100	—	—	100
	17	19	200	200	—	—
1850	18	23	200	—	110	90
	22	24	400	—	300	100
1851	17	32	150	—	120	30

Окончание табл. 3

Год	Возраст женщины	Возраст мужчины	Сумма махра			
			всего	выплачена сумма полностью	выплачена первая часть	будет выплачена вторая часть
1852	54	60	50	50	—	—
	23	38	200	—	160	40
1853	нет сведений					
1854	17	нет сведений	300	—	150	150
	20	20	400	—	300	100
1855	29	22	35	—	—	35
	19	нет сведений	350	—	60	290
1856	23	38	100	100	—	—
	17	24	300	—	175	125
1857	18	23	200	200	—	—
	17	29	300	—	210	90
1858	33	39	140	—	35	105
	18	27	200	200	—	—
1859	50	60	50	—	20	30
	22	40	400	—	200	200
1860	19	19	25	—	15	10
	18	19	500	500	—	—
1861	25	23	80	—	60	25
	18	19	400	—	160	240
1862	35	25	90	—	—	90
	22	19	400	—	300	100

* Данные за каждый год представлены следующим образом: 1) min сумма, 2) max сумма.

рах, наводнениях и др.) с количеством свадеб и суммой махра позволяет выявить экономические проблемы региона.

3.5. Разводы (талак) в среде бухарцев

В нашем материале разводы (талак) среди бухарского населения — редкое явление. В анализируемых книгах на 116 браков приходится шесть разводов, что составляет 5,2 % по отношению к бракам. Причины развода в четырех случаях одинаковы, инициатором развода, как следует из формулировки, является муж: *«По причине того, что ..., жена ... сына ..., против приказа мужа посещает дома инородцев и особенно по причине отсутствия любви»*. В 1848 году причина развода указана следующая:

«Между супругами из-за презрения состоялся развод, от настоящей вышеупомянутой жены Зарифы дочери Ибрагима взял и остался довольным и признал между ними права ...». Дословный перевод не позволяет с точностью определить, кто из семьи является инициатором развода. Запись в графе «Свидетели»: «Ниязмухаммед сын Этбакмаса развелся со своей женой Зарифой за сто десять рублей и остался довольным... Вышеупомянутая Зарифа воспринимая, что муж развелся за сто десять рублей осталась довольной...» — также не проясняет причину развода.

При регистрации развода в метрической книге указываются свидетели, которыми выступают, как правило, родственники мужского пола (отец, брат), в нашем материале — от трех до пяти свидетелей. Если свидетели неграмотны, за них ставит подпись кто-либо из грамотных мужчин, это также подтверждается документально: «... Зарифа сказала, что не умеет писать, отец поставил свою подпись» (1848 год).

4. Заключение = Conclusions

Мусульманские книги, представляющие собой реестры гражданского состояния (рождение, браки, разводы, смерти), являются уникальными источниками о социальной и бытовой жизни населения Тобольской губернии. Несмотря на отсутствие в книгах Комаровской мечети фамилий, фиксация не только имени рожденного, брачующегося или умершего лица, но и имени его отца (в отдельных случаях и имени деда) позволяет идентифицировать каждую личность отдельно. Исследование второй части метрических книг о браках и разводах вносит новые подробности в картину традиционной брачной обрядности мусульман. Анализ возраста брачующихся показал, что 51 % женщин вышли замуж в возрасте 17—20 лет, 53 % мужчин женились позже (от 21 года до 35 лет). Статистика документов середины XIX века отдельного селения Бухарской волости Тобольского уезда Тобольской губернии, связанных с оформлением и прекращением браков, позволяет утверждать, что институт брака был стабильным, случаи развода немногочисленны. По традиции при вступлении в брак каждый мусульманин должен был заплатить махр — выкуп за невесту. Размер махра зависел от социального статуса и состоятельности жениха и его семьи.

В то же время выявлены и случаи нарушения брачных отношений. Причины развода, по фиксации указного муллы Комаровской мечети, не отличаются разнообразием и, как правило, обусловлены общением жен с инородцами и «утратой любви» между супругами. Вполне вероятно, в записях использовалась традиционная словесная формула, не всегда отражающая истинную причину расторжения брака: подробности внутренней

жизни семьи публично преимущественно не оглашались, вероятно, считались личным делом супругов.

Количество свадеб, размер махра косвенно указывают не только на уровень благосостояния отдельных семей, имеющих разный социальный статус, но и на общий уровень развития экономики региона.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Комаровские* мечетные книги Тобольской губернии XIX — начала XX веков / Г. Ч. Файзуллина, Э. Х. Кадилова, Л. Х. Фаизова. — Казань : Отечество, 2022. — 335 с.
2. *Патканов С. К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1879 г.): Тобольская, Томская и Енисейская губ. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1911—1912. — Т. 2. — 431 с.
3. *Свод законов гражданских* [Электронный ресурс] // Свод законов Российской империи. Книга 3. — Санкт-Петербург : Деятель. 1912. — Т. 10. — Ч. 1. — Режим доступа : https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/svod_zakonov_rossijskoj_imperii_tom_x (дата обращения 30.01.2024).
4. *Статистическое* обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников. — Санкт-Петербург : Типография Шнора, 1810. — XIX, 361 с.

Литература

1. *Аюпова И. Х.* Браки в сельской местности среди мусульман на материалах метрических книг деревни Красная Кадка во второй половине XIX в. (из фондов Государственного архива Республики Татарстан и Национального архива Республики Башкортостан) / И. Х. Аюпова // Научный Татарстан. — 2018. — № 3. — С. 23—34.
2. *Бакиева Г. Т.* Особенности традиционной свадебной обрядности сибирских татар юга Тюменской области / Г. Т. Бакиева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2014. — № 3 (26) — С. 119—126.
3. *Бакиева Г. Т.* Положение женщины в семье сибирских татар в XIX — начале XX в. / Г. Т. Бакиева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2009. — № 10. — С. 122—129.
4. *Батыргарей Ф. Б.* Метрические книги мусульман г. Твери 1905—1918 гг. / Ф. Б. Батыргарей. — Тверь : Заповедник времени, 2019. — 151 с. — ISBN 978-5-91576-027-0.
5. *Бобицкий А. В.* Брачность мусульман Екатеринбурга в начале XX века по материалам метрических книг / А. В. Бобицкий // Документ. Архив. История. Современность : Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Тверь : [б. и.], 2019. — С. 77—83.
6. *Бустанов А. К.* Книжная культура сибирских мусульман / А. К. Бустанов. — Москва : Изд. дом Марджани, 2013. — 264 с.

7. *Валеев Ф. Т.* Сибирские татары. Культура и быт / Ф. Т. Валеев. — Казань : Татар. кн. изд-во, 1993. — 208 с.
8. *Гаптрахимов Р. А.* Браки сельских татар-мусульман во второй половине XIX в. (на материалах метрических книг деревни Красная Кадка из фондов Государственного архива Республики Татарстан и Национального архива Республики Башкортостан) / Р. А. Гаптрахимов, Р. Р. Файзрахманов, И. Ф. Шафиков // Историческая этнология. — 2018. — Т. 3. — № 2. — С. 345—360. — DOI: 10.22378/he.2018-3-2.345-360.
9. *Зияев Х. З.* Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI—XIX вв. [Электронный ресурс] / Х. З. Зияев. — Ташкент : Фан, 1983. — Режим доступа : <https://statehistory.ru/books/17/Ziyaev-KH-Z- Ekonomicheskie-svyazi-Sredney-Azii-s-Sibiryu-v-XVI---XIX-vv-/> (дата обращения 30.03.2024)
10. *Зияев Х.* Узбеки в Сибири (XVII—XIX вв.) / Х. Зияев. — Ташкент : Издательство «ФАН», 1968. — 74 с.
11. *Денисов Д. Н.* Выполнение мусульманским духовенством округа ОМДС государственных полномочий в XIX — начале XX века / Д. Н. Денисов // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 11 (265). История. — Выпуск 50. — С. 90—94.
12. *Ермакова Е. Н.* Этнонимы бухарцы и сарты в этнонимиконе Тобольской губернии XIX — начала XX века / Е. Н. Ермакова, М. В. Прокопова, Г. Ч. Файзуллина // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2022. — Вып. 1 (35). — С. 19—32. — DOI: 10.23951/2307-6119-2022-1-19-32.
13. *Кутушев Р. Р.* Мусульманские метрические книги в Центральном государственном архиве Республики Башкортостан / Р. Р. Кутушев // Отечественные архивы. — 2012. — № 4. — С. 54—59.
14. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Изд. 2-е, дополненное / Г. Ф. Миллер. — Москва : Восточная литература РАН, 2000. — Т. 2. — 796 с.
15. *Перинов В. В.* Метрические книги Верхнеудинской мечети как исторический источник / В. В. Перинов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — № 117. — С. 77—83.
16. *Салахова Э. К.* Метрические книги как источник изучения татарской общины г. Астрахани (вторая половина XIX — начало XX в.) / Э. К. Салахова // Историческая этнология. — 2016. — Т. 1. — № 1. — С. 86—95.
17. *Салахова Э. К.* Мусульманские метрические книги России / Э. К. Салахова // Эхо веков. — 2018. — № 1. — С. 81—96. — DOI: 10.22378/he.2019-4-2.375-380.
18. *Файзуллина Г. Ч.* Словообразовательный потенциал имени собственного и его реализация в русском и татарском языках / Г. Ч. Файзуллина, Е. Н. Ермакова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2019. — № 4 (26). — С. 67—77. — DOI: 10.23951/2307-6119-2019-4-67-77.
19. *Файзуллина Г. Ч.* Тобольские бухарцы юрт Комаровских Тобольской губернии по данным метрических книг XIX — начала XX века / Г. Ч. Файзуллина, З. А. Тычинских, Л. Х. Фаизова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2023. — Выпуск 1 (39). — С. 141—55. — DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-141-155.
20. *Юшков И. Н.* Сибирские татары / И. Н. Юшков // Тоб. губерн. ведомости. — 1861. — № 44. — С. 206—210.

Статья поступила в редакцию 03.02.2024,
одобрена после рецензирования 12.05.2024,
подготовлена к публикации 17.05.2024.

Material resources

- Code of civil laws. (1912). In: *Code of Laws of the Russian Empire. Book 3, 10 (1)*: St. Petersburg: The Activist. Available at: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/svod_zakonov_rossijskoj_imperii_tom_x (accessed 30.01.2024). (In Russ.).
- Komarov *mosque books of the Tobolsk province of the XIX — early XX centuries*. (2022). Kazan: Fatherland. 335 p. (In Russ.).
- Patkanov, S. K. (1911—1912). *Statistical data showing the tribal composition of the population of Siberia, the language and genera of foreigners (based on data from a special development of the 1879 census material): Tobolsk, Tomsk and Yenisei provinces, 2*. St. Petersburg: [b. i.]. 431 p. (In Russ.).
- Statistical Review of Siberia, compiled on the basis of information gleaned from government acts and other reliable sources*. (1810). St. Petersburg: Schnor's Printing House. XIX, 361 p. (In Russ.).

References

- Ayupova, I. H. (2018). Marriages in rural areas among Muslims based on the materials of the metric books of the village of Krasnaya Kadka in the second half of the XIX century. (from the funds of the State Archive of the Republic of Tatarstan and the National Archive of the Republic of Bashkortostan). *Scientific Tatarstan*, 3: 23—34. (In Russ.).
- Bakieva, G. T. (2014). Features of the traditional wedding ceremony of the Siberian Tatars of the south of the Tyumen region. *Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*, 3 (26): 119—126. (In Russ.).
- Bakieva, G. T. (2009). The position of women in the family of Siberian Tatars in the XIX — early XX century. *Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*, 10: 122—129. (In Russ.).
- Batyrgarei, F. B. (2019). *Metric books of Muslims of Tver 1905—1918*. Tver: Time Reserve. 151 p. ISBN 978-5-91576-027-0. (In Russ.).
- Bobitsky, A. V. (2019). Marriage of Muslims of Yekaterinburg at the beginning of the XX century based on the materials of metric books. In: *Document. Archive. History. Modernity: Materials of the VII All-Russian Scientific and Practical conference with international participation*. Tver: [b. i.]. 77—83. (In Russ.).
- Bustanov, A. K. (2013). *Book culture of Siberian Muslims*. Moscow: Publishing house of Marjani. 264 p. (In Russ.).
- Denisov, D. N. (2012). The fulfillment of state powers by the Muslim clergy of the OMDs district in the XIX — early XX century. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 11 (265). *History* / 50: 90—94. (In Russ.).
- Ermakova, E. N. (2022). Ethnonyms of Bukharans and Sarts in the ethnonymicon of the Tobolsk province of the XIX — early XX century. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research*, 1 (35): 19—32. DOI: 10.23951/2307-6119-2022-1-19-32. (In Russ.).
- Fayzullina, G. Ch. (2023). Tobolsk Bukharians of the Komarovskiy yurts of the Tobolsk province according to the metric books of the XIX — early XX century. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research*, 1 (39): 141—55. DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-141-155. (In Russ.).
- Fayzullina, G. H., Ermakova, E. N. (2019). The word-formation potential of a proper name and its implementation in Russian and Tatar languages. *Tomsk Journal of Linguistic*

- and *Anthropological Research*, 4 (26): 67—77. DOI: 10.23951/2307-6119-2019-4-67-77. (In Russ.).
- Gaptrakhimov, R. A., Fayzrakhmanov, R. R., Shafikov, I. F. (2018). Marriages of rural Muslim Tatars in the second half of the XIX century. (based on the materials of the metric books of the village of Krasnaya Kadka from the funds of the State Archive of the Republic of Tatarstan and the National Archive of the Republic of Bashkortostan). *Historical Ethnology*, 3 (2): 345—360. DOI: 10.22378/he.2018-3-2.345-360. (In Russ.).
- Kutushev, R. R. (2012). Muslim metric books in the Central State Archive of the Republic of Bashkortostan. *Domestic archives*, 4: 54—59. (In Russ.).
- Miller, G. F. (2000). *The History of Siberia*, 2. 2nd edition, supplemented. Moscow: Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences. 796 p. (In Russ.).
- Perinov, V. V. (2009). Metrical books of the Verkhneudinskaya Mosque as a historical source. *Izvestia of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*, 117: 77—83. (In Russ.).
- Salakhova, E. K. (2016). Metrical books as a source of study of the Tatar community of Astrakhan (the second half of the XIX — early XX century). *Historical ethnology*, 1 (1): 86—95. (In Russ.).
- Salakhova, E. K. (2018). Muslim metric books of Russia. *Echo of the Centuries*, 1: 81—96. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.375-380. (In Russ.).
- Valeev, F. T. (1993). *Siberian Tatars. Culture and life*. Kazan: Tatar Publishing House. 208 p. (In Russ.).
- Yushkov, I. N. (1861). Siberian Tatars. *Tob. gubern. Vedomosti*, 44: 206—210. (In Russ.).
- Ziyaev, H. (1968). *Uzbeks in Siberia (XVII—XIX centuries)*. Tashkent: FAN Publishing House. 74 p. (In Russ.).
- Ziyaev, H. Z. (1983). *Economic relations of Central Asia with Siberia in the XVI—XIX centuries*. Tashkent: Fan. 1983. Available at: <https://statehistory.ru/books/17/Ziyaev-KH-Z- Ekonomicheskie-svyazi-Sredney-Azii-s-Sibiryu-v-XVI---XIX-vv-> / (accessed 30.03.2024). (In Russ.).

*The article was submitted 03.02.2024;
approved after reviewing 12.05.2024;
accepted for publication 17.05.2024.*

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
Издается с 2012 года. Языки публикации — русский, английский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в Scopus
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в Российскую государственную библиотеку, Минцифры России.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Перечень ВАК РФ	
Область наук: Социальные и гуманитарные науки	
Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакommunikation и журналистика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

- 1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;
- 2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;
- 3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;
- 4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.
Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегель — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество

orcid.org/0000-0000-0000-0000

ученая степень, ученое звание

кафедра

mmm@mail.ru

Организация

(Город, Страна)

Благодарности:

Исследование выполнено

при финансовой поддержке Фонда,

проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // *Правда* : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // *Колымская правда* : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный корпус* русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;

если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;

автор может сослаться не более чем на две своих работы;

следует опираться на научную литературу, а не на учебники;

должны присутствовать публикации последних десятилетий;

рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:

<https://www.sciencedirect.com/>

<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>

<https://doaj.org/>

<https://mjl.clarivate.com/home>

сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // *Вопросы психолингвистики*. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // *Научный диалог*. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // *Journal of Philosophical Logic*. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.
СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001b]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Buskunbaeva, L. A., Rakhmatullina, Z. Ya.</i> Code-Switching in Bashkir Takhmaks-Chastushkas (Pragmatic Aspects)	9
<i>Vasilyeva, K. V., Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I.</i> Urban Environment Design in Youth Slang Interpretation: Linguo-Axiological and Lexicographical Aspects	32
<i>Kozhemyakina, V. A.</i> Sociolinguistic Characterization of Métis People in Canada	51
<i>Rabenko, T. G., Denisova, E. S.</i> Genre of “Promise” as a Reflection of Intentional and Linguistic Organization in Virtual Pedagogical Discourse	71
<i>Tsopanova, R. G., Tsarikaeva, F. A., Kachmazova, E. S.</i> Metaphor in Ossetian Literary-Critical Text	93

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

<i>Kim, L. G., Ustinova, M. V.</i> Intentional Author as a Subject of Virtual Communication (Content of Corporate Websites News).....	112
<i>Morina, L. A.</i> Rhetorical Risk Zones in Mediatexts of Turbulent Times	132

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

<i>Abdikalyk, K., Baltabayeva, N., Kozhekeyeva, B.</i> Tragic Elements in M. Dulatov’s Poem “Qaida ediñ”? (Where Were You?).....	153
<i>Anokhina, Yu. Yu.</i> Female Characters in Fyodor Dostoevsky’s Novels in Interpretation of Vyacheslav Ivanov	172
<i>Bogdanova, O. V., Baranova, T. N.</i> Religious Motifs in Soviet Prose by M. Sholokhov (Story “Family Man”).....	189
<i>Zakharova, V. T., Kudryavtseva, I. S.</i> Symbolism of Natural Imagery in Prose of Russian Émigré Writers (E. Yu. Skobtsova, N. D. Gorodetskaya, V. A. Nikiforov-Volgin).	207
<i>Lobin, A. M.</i> Mythologization of Image of Marat Kirov in Novel “Sleep and Believe. Blockade Novel” by A. Turgenev	230
<i>Potashova, K. A.</i> Image of Celestial Firmament in Poetic Cosmology of “Evenings on a Farm near Dikanka”	249
<i>Tarverdiyeva, S. E.</i> Themes of Love and Solitude in Contemporary Azerbaijani Women’s Prose.....	269
<i>Timakova, A. A.</i> Shakespearean Theatre in Criticism and Journalism of Petr Boborykin.....	285

HISTORY

<i>Antoshkin, A. V.</i> Food Supply in Bashkortostan during Great Patriotic War: Failures and Violations	307
<i>Badmaeva, E. N.</i> Soviet State and Nomadic Peoples of Southern Russia: Social-Political Processes and Natural-Climatic Factors (1920s-1930s).....	324
<i>Belousov, S. S.</i> Migration Policy in Astrakhan Region in 1944-1945	346
<i>Bodrova, E. V., Kalinov, V. V., Krasivskaya, V. N.</i> Evolution of State Scientific and Technical Policy in USSR in Late 1960s	363
<i>Bugrov, K. D.</i> Palaces of Culture in Urals in Context of Architectural Policy of USSR (1920s-1980s).	383
<i>Krasilnikova, E. I.</i> Historical Past and Historical-Cultural Heritage of Buryats as Reflected in Journal 'Sibirskie Ogn'i' (1920s-1980s): Memory Politics Aspect	408
<i>Lovtsov, V. A., Lyamin, S. K.</i> Provincial Administrative Elite and State Duma: Career and Kinship Connections (1907-1912).	430
<i>Mamyachenkov, V. N., Motrevich, V. P.</i> Workers and Employees of Bashkiria and Udmurtia in 1940-1955: Employment Figures and Wages.....	446
<i>Muslimova, E. O., Nesterov, A. G.</i> Territorial Communities of France in International Cooperation with Eastern Countries and Regions (20th-21st Centuries).....	464
<i>Novikov, M. D.</i> Attitudes of Soviet Citizens towards State Loans 1946-1957 after their Cancellation (Based on Personal Source Materials).....	483
<i>Starikova, N. V., Shurshikova, A. V., Surovegina, E. S.</i> Urban Population of Nizhny Novgorod in First Half of 1920s: Leisure Practices	506
<i>Faizullina, G. C., Ermakova, E. N., Faizova, L. K.</i> Muslims of Tobolsk Province in Second Half of 19th Century: Marriage Dynamics	529
TO AUTHORS	550

ПОДПИСКА

на журнал

«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»
Подписано в печать 22.05.2024. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 32,54. Тираж 500 экз. Заказ 22/05-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2024
Свободная цена

